

Н. и З. Те

Николаев

ОПЫТЪ РУКОВОДСТВА ПО ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИИ.

Выпускъ второй цѣна 4 р. с.

ГРЕКОВОСТОЧНАЯ

ЦЕРКОВЬ

ВЪ

ПЕРИОДЪ

ВСЕЛЕНСКИХЪ СОВОРОВЪ.

Чтенія по церковной исторіи Византіи отъ императора Константина
великаго до императрицы Теодоры (312—842.)

Ф. А. Терновскаго.

КІЕВЪ.

Въ университетской типографіи (І. Завадзкаго).

1883.

Подготавливается къ печати 9-й выпускъ руководства по церковной исторіи, заключающій въ себѣ синхронистическое изложеніе византійской и славяно-русской церковной исторіи отъ 842 по 1479 г.

18

ГРЕКОВОСТОЧНАЯ
ЦЕРКОВЬ

ВЪ

ПЕРІОДЪ

СЪЛѢНСКИХЪ СОВОРОВЪ.

Чтенія по церковной исторіи Византіи отъ императора Константина
великаго до императрицы Теодоры (312—842.)

съ приложеніемъ **РУССКОЙ И ИНОСТРАННОЙ БИБЛИОГРАФИИ**

по предмету чтеній.

ТРУДЪ

Ф. А. Терновскаго,

преподавателя церковной исторіи въ кіевскомъ университетѣ

и

С. А. Терновскаго,

преподавателя церк. исторіи въ казанской духовной академіи.

КІЕВЪ.

Въ университетской типографіи (І. Завадзкаго).

1883.

C 3018.83 (1)
✓

Печатано по опредѣленію Совѣта Университета Св. Владимира.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	стр.
Предисловіе	1
Чтеніе первое (стр. 5—34).	
И. КОНСТАНТИНЪ ВЕЛИКІЙ.	
Константинъ до воцаренія (274—306). Религіозное воспитаніе. Жизнь при дворѣ Діоклетіана	5
Константинъ отъ воцаренія до единодержавія. (306—323) Тор- жество надъ Максенціемъ	8
Единовластительство Константина. (323—337) Аріанскіе споры. Основаніе новой столицы	14
Смерть и. Константина. Отзывы и легенды о немъ	29
Чтеніе второе (стр. 35—61).	
ИМПЕРАТОРЫ КОНСТАНЦІЙ (337—361), И ЮЛІАНЪ (361—363).	
Характеристика имп. Констанція и его участія въ дѣлахъ цер- ковныхъ	35
И. Юліанъ (+ 363 г. 27 іюня). Воспитаніе Юліана и его жизнь до воцаренія	42
Царствованіе Юліана. Юліанъ въ Константинополѣ и Антіохіи. Смерть Юліана. Легенды и сужденія о немъ	47
	54
Чтеніе третье (стр. 62—105).	
ВНУТРЕННЯЯ ИСТОРИЯ ЦЕРКВИ ВЪ ЦАРСТВОВАНИЕ ДИ- НАСТІИ КОНСТАНТИНОВОЙ (312-+363).	
Начало христіанскаго монашества. Святые подвижники въ Египтѣ. Общая характеристика иноческаго міросозерцанія и житія.	62
Святые епископы. Общая характеристика тогдашняго положенія епископовъ. Св. епископы Константинополя, Александріи, Антіохіи и Іерусалима. Враги церкви.	83
Религіозное состояніе народа. Вліяніе христіанства на народную жизнь. Двоевѣріе. Язычество. Новыя приобрѣтенія христіан- ства внѣ предѣловъ римской имперіи	94

Чтеніе четвертое (стр. 106—135).

ИМПЕРАТОРЫ ІОВІАНЪ, ВАЛЕНТИНІАНЪ, ВАЛЕНТЬ И
 ТЕОДОСІЙ ВЕЛИКІЙ (363—395).

- Положеніе церкви въ короткое царствованіе Іовіана (отъ 27 іюня
 463 г. по 16 февраля 364 г.) 106
- Императоръ Валентиніанъ. 364—375) Братъ и соправитель его
 Валентъ—императоръ востока. (464—378) Арианство Ва-
 лента и его погибель отъ готевъ 109
- Воцареніе Теодосія великаго. Св. Григорій Богословъ въ Кон-
 стантинополѣ. II-й вселенскій соборъ. Религіозный харак-
 теръ и. Теодосія. (489—495 г.) 119

Чтеніе пятое (стр. 136—182).

ИМПЕРАТОРЫ АРКАДІЙ, ТЕОДОСІЙ МЛАДШІЙ, ПУЛХЕ-
 РІЯ И МАРКІАНЪ (395—457).

- Имп. Аркадій (395—408). Характеристика Аркадія и его жены
 Евдоксіи. Отношенія Евдоксіи къ св. Порфирію газскому и св.
 Іоанну Златоусту 136
- Теодосій младшій (408—450). Его сестра Пулхерія и жена Ев-
 доксіа. Ересь Несторія. III вс. соборъ. Состояніе имперіи
 при и. Теодосіѣ. Ересь Евтихіа 151
- Императоръ Марціанъ—супругъ Пулхеріи (450—457). IV все-
 ленскій соборъ въ Халкидонѣ 170

Чтеніе шестое (стр. 183—235).

ВНУТРЕННЕЕ СОСТОЯНІЕ ЦЕРКВИ ВЪ ЦАРСТВОВАНІИ
 ВАЛЕНТА И ДИНАСТІИ ТЕОДОСІЯ ВЕЛИКАГО (363—457).

- Золотой вѣкъ церковной литературы 183
- Монашество. Иноческая литература. Распространеніе иночества.
 Новые виды иноческихъ подвиговъ. 207
- Епископы и міряне разсматриваемаго періода. Подавленіе язы-
 чества на востокѣ 228

Чтеніе седьмое (стр. 236—260).

СОСТОЯНІЕ ЦЕРКВИ ПРИ ИМП. ЛЕВѢ ОРАКІЯНИНѢ И ЕГО
 ПРЕЕМНИКАХЪ ДО АНАСТАСІЯ I. (457—518).

- Левъ Оракииниъ (477—475). Его благочестіе и православіе 236
- Левъ малый и Зенонъ. (474—491). Эвотиконъ Зенона и что
 изъ того вышло 243
- Анастасій Диррахитъ или Дикоръ. (491—518) Его религіозная
 политика. Волненія въ Константинополѣ и въ Іерусалимѣ 250

Чтеніе восьмое (стр. 261—310).

ЮСТИНЪ I И ЕГО ПРЕЕМНИКИ ДО МАВРИКІЯ. (518—503)

- Юстинъ I (518—527). Его происхожденіе и религіозная по-
 литика 261

Юстиніанъ I. (527—565) Характеристика его и его супруги Теодоры. Удачи и бѣдствія его царствованія	264
Имп. Юстиніанъ, какъ церковно-историческій дѣятель. Построеніе Св. Софіи. Церковное законодательство. V всел. соборъ.	282
Преемники Юстиніана: Юстинъ II. (565—578) Тиверій. (578—582) Маврикій (582—602). Гибель Маврикія и его семьи.	302

Чтеніе девятое (стр. 311—349).

Внутренняя исторія церкви во время династій
Льва I и Юстина I (457—602).

Сравнительный упадокъ монашества въ VI вѣкѣ. Подвигъ юродства. Св. игумены	311
Упадокъ церковной литературы. Оужденіе умершихъ писателей. Преобладаніе легендарно-апокрифическихъ сказаній. Иночеческая литература.	323
Церковныя узаконенія въ вѣкѣ Юстиніана. Восточные христіане внѣ предѣловъ имперіи	342

Чтеніе десятое (стр. 350—379).

Императоры Фока и Ираклій. (602—641).

Фока и его гибель. (610) Ираклій и его попытка покинуть столицу (618)	350
Походы Ираклія на персовъ. Осада Константинополя аварами и персами и акаонствъ Богоматери (624). Возвращеніе Ираклія изъ походовъ и воздвиженіе креста Господня (629).	535
Магометъ и его ученіе. Завоеваніе Сиріи и Египта магометанами. Религіозная политика и смерть Ираклія. (641, март. 11).	362

Чтеніе одиннадцатое (стр. 380—400).

Преемники Ираклія до пресѣченія его династии.
(641—711).

Смутное полугодіе по смерти Ираклія. Имп. Конста, внукъ Ираклія, и послѣдняя моноелитская борьба. Смерть Консты (+ 668)	380
Императоръ Константинъ Погопаты. 668—685) Неудачная осада столицы арабами. (669—676). VI вселенскій соборъ. (680).	387
Юстиніанъ Рипотметъ (685—694 и 705—711). Его характеръ. Соборъ въ Трулѣ. (692) Низверженіе Юстиніана (694). Императоры Леонтій (694—697) и Тиверій (697—705). Вторичное царствованіе Юстиніана 705—711) и его гибель.	390

Чтеніе двѣнадцатое (стр. 401—426).

Внутренняя исторія церкви въ вѣкѣ ираклидовъ.
Вліяніе успѣховъ магометанства на положеніе восточной церкви.
Православіе на востокѣ становится почти исключительно

	стр.
греческимъ исповѣданіемъ. Развитие у грековъ обрядовой набожности въ связи съ умственнымъ и нравственнымъ упадкомъ	401
Богослужебная литература въ VII вѣкѣ. Почитаніе священныхъ реликвій.	408
Постановленія трулльскаго собора противъ двоевѣрія и суевѣрія.	421

Чтеніе тринадцатое (стр. 427—472).

ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА ИКОНОБОРНАГО ПЕРІОДА ПРИ ТАВЪ
НАЗЫВАЕМОЙ ИСАВРІЙСКОЙ ДИНАСТІИ.

Греческая исторіографія относительно періода иконоборства	427
Три краткосрочные императора послѣ ираклидовъ. Левъ III какъ воинъ и правитель. Попытка церковной реформы. Ея сторонники и противники. Общее сужденіе историковъ о Левѣ III.	435
Константинъ V, (741—775) въ его отношеніяхъ къ государству и церкви. Иконоборческій соборъ. (754 г.) Антимонаше- ская борьба. Общее сужденіе историковъ о Константинѣ V.	451
Левъ IV Хазаръ (775—780). Имп. Ирина вмѣстѣ съ сыномъ Константиномъ (780—760). VII вселенскій соборъ (787). Константинъ VI (790—797). Борьба матери съ сыномъ. Единодержавіе Ирины (797 — 802). Отзывы историковъ о ней	459

Чтеніе четырнадцатое (стр. 473—500).

ВТОРАЯ ПОЛОВИНА ИКОНОБОРНАГО ПЕРІОДА.

Аналогія между обѣими половинами иконоборнаго періода. И. Никифоръ Геникъ. (802—811) Его борьба съ внутренними и внѣшними противниками. Отзывы о немъ. Паденіе дина- стіи Геника (811—813)	473
Левъ V армянинъ (813—820). Его борьба съ иноками и иконо- борческій соборъ (815). Смерть Льва V (25 дек. 820)	480
Амморейская династія. Михаилъ II Травль (920—829) и его ре- лигиозный характеръ. Теофиль — послѣдній иконоборецъ. (829—842). Императрица Теодора и торжество православія. (19 февр. 842). Конецъ амморейской династіи	485

Чтеніе пятнадцатое (стр. 501—526).

ВНУТРЕННЯЯ ИСТОРИЯ ЦЕРКВИ ВЪ ПЕРІОДЪ ИКОНО-
БОРСТВА.

I) Новаторы иконоборцы. Уцѣлѣвшіе остатки иконоборческой литературы. Догматика и церковная политика иконоборцевъ. Отношеніе иконоборцевъ къ наукѣ и къ искусству.	501
II) Православные защитники иконопочитанія и монашества. Ихъ церковный авторитетъ. Крайнее направленіе ихъ церковно- политическихъ убѣжденій. Общее сужденіе о нихъ	509

- III) Духовные христiане или павлигiане. Аналогiя павликiанъ съ русскими антицерковными сектами. Ихъ ученiе. Ихъ внѣшняя исторiя. Заключение 516

ДОПОЛНЕНИЕ

къ первому выпуску *Опыта руководства по церковной исторiи*, вышедшему въ свѣтъ подъ заглавiемъ: *Первые три вѣка христiанства* (Кiевъ 1878).

Череводъ приведенныхъ въ подлинникъ латинскихъ и греческихъ выдержекъ изъ первоисточниковъ (стр. 527—551).

ЧТЕНИЕ ПЕРВОЕ.

Цицеронъ—о государственномъ значенiи религiи.—Сенека о богатъ.—Цицеронъ о скептицизмѣ образованныхъ римлянъ.—Страбонъ—о необходимости религiи для народа.—Совѣтъ Мецената Августу такогoже содержанiя.—Ювеналь—о современномъ невѣрiи.—Плиниа старшаго отзывъ такогoже содержанiя.—Отзывъ Сенеки подобнагоже характера.—Сенека—о современномъ нравственномъ упадкѣ.—Плиний—о современномъ суевѣрiи.—Изъ Тацита. 527—529

ЧТЕНИЕ ВТОРОЕ.

Отзывы язычниковъ объ iудеяхъ.—Изъ Тацита отзывъ объ iудеяхъ.—Иосифъ Флавiй о самарянахъ.—Указъ имп. Клавдiя объ iудеяхъ.—Ювеналь объ iудеяхъ въ Римѣ.—Тацитъ о прозелитахъ iудейства 529—

ЧТЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

Иосифъ Флавiй—объ Иоаннѣ Крестителѣ 530—

ЧТЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тацитъ—объ Иисусѣ Христѣ.—Иосифъ Флавiй объ Иисусѣ Христѣ.—Изъ Евсевiя. Письмо Авгаря къ Спасителю.—Отвѣтъ Спасителя Авгарю 530—531

ЧТЕНИЕ СЕДЬМОЕ.

Переписка Плиниа съ Траяномъ о христiанахъ.—Отзывъ Тертуллиана о письмѣ Траяна.—Изъ актовъ муческихъ. Разговоръ имп. Траяна со св. муч. Игнатiемъ.—Изъ письма св. Игнатiя.—Указъ имп. Адриана малоазiйскому проконсулу Минуцию Фундану. 531—533

ЧТЕНИЕ ВОСЬМОЕ.

Иринеи объ ученiи гностика Василида.—Иринеи о богословiи валентинiанъ 533—536

ЧТЕНИЕ ДЕВЯТОЕ.

- Указъ императора Марка Аврелія малоазійскимъ муниципіямъ.—
Посланіе общины смирской о мученіи св. Поливарпа.—
Тертуліанъ о чудѣ грома носнаго легіона.—Изъ посланія
ліонской и вьенской церкви о ліонскихъ мученикахъ. 536—540

ЧТЕНИЕ ДЕСЯТОЕ.

- Изъ первой апологіи Іустина мученика 540—542

ЧТЕНИЕ ОДИНАДЦАТОЕ.

- Изъ воспоминаній св. Иринея ліонскаго.—Изъ книги св. Иринея
протівъ ересей.—Изъ письма Иринея е. ліонскаго къ
Виктору е. римскому 543—544

ЧТЕНИЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

- Изъ сказанія о мученіи Перпетуи, записаннаго отчасти со словъ
ея. — Изъ Элія Лампрідія о Геліогабалѣ и объ Алексан-
дрѣ Северѣ 544—545

ЧТЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ.

- Гимнъ Христу Спасителю св. Климента александрійскаго. 546—

ЧТЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ.

- Изъ Тертуліана 546—547

ЧТЕНИЕ ПЯТНАДЦАТОЕ.

- Мученіе св. Кипріана карфагенскаго.—Св. Кипріана ученіе о
церкви. 547—549

ЧТЕНИЕ СЕМНАДЦАТОЕ.

- Изъ Тертуліана 549—

ЧТЕНИЕ ВОСЕМНАДЦАТОЕ.

- Составъ римскаго вліра въ 252 году.—Изъ посланія къ Діог-
нету о правахъ древнихъ христіанъ.—Акты (быть можетъ
апокрифическіе) о мученичествѣ актера Генезія.—Изъ Тер-
туліана: обращеніе къ христ. женщинамъ; о заклина-
теляхъ 549—551

Въ приложеніи: Русская и иностранная библіографія
къ исторіи грековосточной церкви въ періодъ вселенскихъ
соборовъ. (Алфавитный списокъ авторовъ и краткій обзоръ
ихъ трудовъ) отъ 552 стр.—до конца книги.

Грековосточная церковь въ періодъ вселенскихъ соборовъ.

Чтенія по церковной исторіи Византіи отъ императора Константина великаго до императрицы Теодеры 312—842.

Послѣ *трехъ первыхъ вѣковъ христіанства* гонимаго, мы переходимъ ко временамъ, когда христіанство сдѣлалось господствующею, государственною религіею: изъ періода мучениковъ и исповѣдниковъ вступаемъ въ періодъ благочестивыхъ царей, православныхъ патріарховъ и иноковъ. Наше вниманіе въ настоящемъ трудѣ почти исключительно остановится на судьбахъ грековосточной церкви, и притомъ въ предѣлахъ византійской имперіи. Чтобы объяснить причины этого предпочтенія Византіи, мы, кажется, не можемъ сдѣлать ничего лучшаго, какъ повторить слова Т. Н. Грановскаго объ особенномъ значеніи для русскаго византійской, въ частности церковно-византійской исторіи.

„Исторія византійской имперіи“, — говоритъ Грановскій (II, — 211) не пользуется большимъ почетомъ на западѣ. Говоря о ней мимоходомъ, тамошніе писатели рѣдко берутъ изъ нея содержаніе для спеціальныхъ сочиненій. Очевидное равнодушіе западныхъ писателей къ государству Константина великаго объясняется отчасти отношеніями этого государства къ латино-германскимъ племенамъ. Между ними не было органической связи. Французу или англичанину Византія представляетъ такой же любопытный пред-

меть, какъ на примѣръ арабійскій калифатъ, но она не имѣетъ въ его глазахъ другаго, высшаго значенія. Ея вліяніе на судьбу его предковъ не даетъ ей особенныхъ правъ на его сочувствіе... Нужно ли съ другой стороны говорить о важности византійской исторіи для насъ русскихъ? Мы приняли отъ Царьграда лучшую часть народнаго достоянія нашего, т. е. релігіозныя вѣрованія и начатки образованія. Восточная имперія ввела молодую Русь въ среду христіанскихъ народовъ. Но кромѣ этихъ отношеній насъ связываетъ съ судьбою Византіи уже то, что мы славяне... Поверхностное знакомство съ византійскими писателями достаточно для того, чтобы убѣдиться, что *въ европейскихъ темахъ громадное большинство населенія состояло изъ славянъ*, и что въ азіатскихъ областяхъ преобладали чуждыя еллінизму примѣси... Исавры, *славяне* и армяне сидятъ на престолѣ Константина и Θεодосія... *Какая же сила собрала во едино и сдерживала разнородныя, отчасти враждебныя стихіи, замѣняя такимъ образомъ народность или кровную связь населенія другою чисто-духовною связью? Эта сила заключалась въ релігій, утвержденной отцами восточной церкви, и въ образованности, наслѣдованной отъ языческаго міра вмѣстѣ съ языкомъ*“. „Можно прибавить,—заключаетъ Грановскій,— что на насъ (т. е. русскихъ), лежитъ нѣкотораго рода обязанность оцѣнить явленіе, которому мы такъ много обязаны“.

Особенности въ изложеніи нашего труда обозначились уже въ первомъ выпускѣ чтеній по церковной исторіи.

Въ настоящемъ выпускѣ выдержки изъ первоисточниковъ будутъ допущены въ возможно меньшихъ размѣрахъ, во исполненіе желанія тѣхъ, которые говорятъ: *græca sunt, non leguntur*. Библиографическія примѣчанія отнесутся къ концу книги и будутъ содержать въ себѣ сильное обозначеніе не только русскихъ, но по возможности и иностранныхъ сочиненій, соответственныхъ предмету чтеній. Въ концѣ книги будетъ приложенъ *очеркъ церковной географіи христіанскаго востока IV—IX вѣковъ*.

Что касается текста чтеній, то при составленіи втораго выпуска, мы не имѣли уже такихъ опредѣленныхъ руководителей, какими были для перваго выпуска Гизелеръ и Гагенбахъ. Правда мы съ признательностію пользовались трудами по ви-

зантійской исторіи Гиббона ¹⁾, Тиллемона ²⁾, Ле-Во ³⁾ Шлос-
сера ⁴⁾, Гефеле ⁵⁾, Муральта ⁶⁾, Финлея ⁷⁾, Папарригопуло ⁸⁾,
изъ русскихъ: св. Димитрія Ростовскаго ⁹⁾, а. Сергія ¹⁰⁾, а. Ар-
сенія ¹¹⁾, А. П. Лебедева ¹²⁾,—но заимствуя изъ помянутыхъ ав-
торовъ отдѣльныя свѣдѣнія и соображенія, въ общемъ мы дол-
жны были идти *дорогами неготовыми*.

¹⁾ Ed. Gibbon. The history of the decline and fall of the Roman empire.

²⁾ Tillemont. Histoire des empereurs... Bruxelles, 1709.

³⁾ Le Beau. Histoire du Bas-Empire.

⁴⁾ Schlosser. Geschichte der Bildersturmender Kaizer der östromischen Reichs.

⁵⁾ Hefele. Conciliengeschichte. Freiburg. 1875—7.

⁶⁾ E. de Muralt. Essai de chronographie byzantine, 1855.

⁷⁾ Г. Финлея. Греція подъ римскимъ владычествомъ до 717 г. М.—1877.

⁸⁾ Histoire dela civilisation hellenique par M. C. Paparrigopoulo Paris 1878.

⁹⁾ Минеи четин 12 мѣсяцовъ.

¹⁰⁾ А. Сергія. Полный Мѣсяцословъ Востока 1876.

¹¹⁾ А. Арсенія. Лѣтопись церковныхъ событій и гражданскихъ, поясня
ющихъ церковныя.

¹²⁾ А. П. Лебедева. Вселенскіе соборы IV и V вѣвовъ 1879.

ЧТЕНИЕ ПЕРВОЕ.

И. Константинъ великій.

КОНСТАНТИНЪ ДОВОЦАРЕНІЯ (274—306). РЕЛИГИОЗНОЕ ВОСПИТАНІЕ, ЖИЗНЬ ПРИ ДВОРѢ ДІОКЛЕТИАНА.

Признаніе христіанства государственною религіею совершено Константиномъ великимъ. Душевную исторію виновника этой великой перемѣны воспроизвести сколько любопытно, столько же и трудно; для этого придется собирать и угадывать цѣлое по отдѣльнымъ чертамъ.

Отецъ Константина, правитель Галліи и Британіи, *Констанцій Хлоръ*, былъ расположенъ къ христіанамъ; вѣроятно онъ, подобно императорамъ Александру Северу и Филиппу Аравитянину, держался того религіознаго эклектизма, по которому Христосъ былъ почитаемъ наряду съ языческими богами и великими людьми, благодѣтелями человѣчества. Мать Константина, *Елена*, первая жена Констанція Хлора ¹⁾, подъ старость, какъ извѣстно, была ревностною христіанкою; но весьма вѣроятно, что и съ молодости она была предрасположена къ христіанству ²⁾,

¹⁾ У. Констанція Хлора была и другая жена по имени Феодора, дочь кесаря Максиміана Геркулія. Отъ нея сыновья: Констанцій, Далматій и Аннибалъ и дочь Констанція.

²⁾ Евсевій, панегиристъ Константина, приписалъ своему герою честь обращенія матери къ христіанству (*Vita III, 47*), но конечно не говорилъ, да и не могъ сказать, чтобы въ душѣ Елены не было расположенія къ христіанству.

которое, какъ видимъ изъ исторіи, всегда почти скорѣе находило доступъ къ женскому сердцу. Религіозное расположеніе родителей не осталось безъ вліянія и на сына. Многочисленные христіане, пользовавшіе при дворѣ Констанція Хлора самою широкою терпимостью и даже покровительствомъ, быть можетъ также старались внушать юному Константину убѣжденіе въ истинѣ христіанской религіи, и особенно въ томъ, что христіанскій Богъ жестоко караетъ гонителей христіанства. Слѣды этихъ уроковъ остались въ Константинѣ на всю жизнь. Уже въ старости, въ одной изъ своихъ рѣчей, сохраненной для насъ Евсеіемъ, Константинъ бросаетъ такой взглядъ на римскихъ императоровъ III вѣка, гонителей христіанства. „Спрашиваю тебя, Декій, издѣвавшійся нѣкогда надъ страданіями праведниковъ, несправедливый церковъ, подвергавшій казнію живущихъ свято, — спрашиваю: что ты теперь дѣлаешь послѣ своей жизни? Въ какихъ и сколь бѣдственныхъ находившихся обстоятельствахъ? Судьбу твою указывало уже и время, протекшее между жизнью и смертію, когда, со всѣмъ своимъ войскомъ пораженный на поляхъ сивскихъ, ты подвергъ посмѣянію готовъ главное могущество римлянъ. Спрашиваю и тебя, Валеріанъ, который, обнаруживъ гнусную страсть къ убійству служителей Божіихъ, сдѣлавшись предметомъ праведнаго суда, то есть, вятый въ плѣнъ и скованный, выведенъ былъ на позоръ въ норфирѣ и прочихъ царскихъ уграженіяхъ, а потомъ представилъ вѣчный памятникъ злополучія, когда персидскій царь Сапуръ велѣлъ содрать съ тебя кожу и положить твое тѣло въ соль. Спрашиваю и тебя, Авреліанъ, горнило всѣхъ несправедливостей! Какъ явственно пораженъ ты былъ среди пути, когда жестоко сбѣгалъ по Фракіи, и нечестивою кровію наполнилъ канавы дороги!“ Также историческое наблюденіе Константинъ высказываетъ въ посланіи къ персидскому царю Сапору. „Многіе изъ здѣшнихъ государей, увлекшись буйными и превратными помыслами, рѣшались отвергать единаго Бога, но всѣхъ ихъ постигъ злосчастный конецъ... Однимъ изъ нихъ по моему мнѣнію, былъ тотъ, котораго Божій гнѣвъ, подобно молніи, изгналъ отсюда и предалъ въ ваши руки“ (т. е. Валеріанъ).

Скоро юному Константину пришлось поближе присмотрѣться къ жизни современныхъ ему императоровъ враговъ христіанства. Съ 292 года т. е. съ 18-лѣтняго возраста Константинъ долженъ былъ жить въ качествѣ представителя своего отца при дворѣ старшаго импера-

тора Діоклетіана въ Никомидіи. Пребываніе Константина при дворѣ языческаго императора церковный историкъ Евсевій сравниваетъ съ воспитаніемъ Моисея при дворѣ Фараона, царя египетскаго. Константинъ былъ окруженъ внѣшнимъ почетомъ и не лишенъ нѣкоторой свободы, — сопровождалъ Діоклетіана во время его путешествія въ Египеть, принималъ участіе въ воинскихъ экспедиціяхъ, женился на нѣкоей Минервинѣ, отъ которой имѣлъ сына Криспа, — но тѣмъ не менѣе чувствовалъ себя какъ бы подъ арестомъ, и не могъ питать симпатію къ виновникамъ этого ареста. На глазахъ Константина свирѣпствовало гоненіе Діоклетіана и жестокость гонителей христіанства, — которые были вмѣстѣ съ тѣмъ и его личными притѣснителями, — дѣйствовала на него отталкивающимъ образомъ. Онъ сравнивалъ религіозную терпимость своего отца съ фанатизмомъ восточныхъ правителей, и не могъ сомнѣваться, какому образу дѣйствій отдать предпочтеніе по отношенію къ государственному благосостоянію. „Я чуждался“, писалъ онъ впоследствии, „бывшихъ предъ этимъ самодержцевъ, потому что видѣлъ дивость ихъ нравовъ. Только мой отецъ, во всѣхъ дѣлахъ съ удивительнымъ благоговѣніемъ призывавшій Бога Отца, держался правилъ кротости; а всѣ прочіе, не имѣя здраваго смысла, заботились болѣе о мѣрахъ жестокыхъ, нежели о милосердіи, и, отвергая истинное ученіе, эту жестокость питали въ свое время весьма щедро“. — Константинъ видѣлъ христіанскихъ мучениковъ, непреоборимая вѣра которыхъ произвела на него сильнѣйшее впечатлѣніе. Онъ понялъ, что въ христіанствѣ есть сила, которой не могутъ побѣдить ни огонь ни мечъ. „Тогда можно было видѣть“, вспоминалъ Константинъ впоследствии, — „съ какимъ произволомъ это величіе благочестія ежедневно подвергалось необыкновеннымъ оскорбленіямъ неутомимой жестокости... Какому огню, какимъ пыткамъ, какому колесованію не подвергали всякаго тѣла безъ различія возраста! Въ то время и земля поистинѣ плакала, и всеобъемлющее небо, оскверняемое кровію, испускало стоны, и самый даже день отъ ужаса облачился въ одежду скорби“.

Около четырнадцати лѣтъ (292—306) Константинъ прожилъ при дворѣ восточныхъ императоровъ, былъ свидѣтелемъ отреченія Діоклетіанова, и только послѣднимъ отъѣздомъ спасся отъ гибели, которую готовилъ ему Галерій, извѣстный гонитель христіанъ, вмѣстѣ съ тѣмъ лично враждебный Константину. На западъ Константинъ возвратился не за долго до смерти своего отца, которая послѣдовала 25 іюля

306 года въ Великобританіи. Согласно завѣщанію отца и единодушному желанію войска Константинъ былъ провозглашенъ кесаремъ и единолично вступилъ въ управление удѣломъ своего отца т. е. Галлію, Испанію и Британію, помимо своихъ братьевъ, много уступавшимъ ему дарованіями.

Константинъ отъ воцаренія до единой державы. (306—323). Торжество надъ Максенціемъ и Ликиніемъ.

Константину было 33 года, когда онъ сдѣлался кесаремъ. Новый кесарь былъ человѣкъ высокаго роста, съ большими глазами, съ орлинымъ носомъ, съ короткою бородою, не очень крѣпкаго сложенія, но привыкшій беречь здоровье умѣренностію въ удовольствіяхъ,—дѣятельный, воинственный, доступный, щедрый, либеральный. „Дѣло фортуны“,—говорилъ онъ,—„выбирать императоровъ; дѣло императоровъ—оправдывать ея выборъ“. Нельзя отрицать того, что, обладая качествами хорошаго правителя, Константинъ вмѣстѣ съ тѣмъ обладалъ большимъ честолюбіемъ, побуждавшимъ его стремиться къ расширенію предѣловъ власти. Но это было честолюбіе спокойное, выжидающее, стоящее въ связи съ религіозными воззрѣніями. Рядъ послѣдовательныхъ успѣховъ и побѣдъ надъ соперниками убѣждалъ Константина, что онъ стоитъ на правомъ пути и служить единому истинному Богу; благодаря этимъ успѣхамъ, Константинъ мало по малу переходилъ отъ религіознаго эклектизма и отвлеченнаго деизма къ вѣрѣ въ единаго живаго Бога и Его воплотившагося Сына, Спасителя міру,—отъ довольно неопредѣленнаго сочувствія христіанамъ—къ рѣшимости самому сдѣлаться христіаниномъ. Подобно русскому князю Владиміру, который сказалъ: *если возьми Херсонесъ, то крещусь*,—и Константинъ ожидалъ отъ Бога христіанскаго всякаго пособія и покровительства; и когда ожиданія сбывались, соперники исчезали, препятствія сглаживались, Константинъ все тверже и тверже убѣждался, что Богъ избралъ его своимъ орудіемъ для блага человѣчества. Это убѣжденіе Константинъ торжественно высказалъ, достигнувъ единой державы. „Во время великаго и тяжкаго, овладѣвшаго человѣчествомъ, несчастія, когда все государство подвергалось опасности совершеннаго уничтоженія...,—какое облегченіе, какое средство къ избавленію отъ золь придумалъ Богъ? А подѣ

имеемъ Бога надобно разумѣть бытіе единое, истинно сущее и могущественное во всякое время. Не будетъ конечно никакой гордости хвалиться тому, кто сознаеть, что благодѣянія онъ получилъ отъ Существа высочайшаго. *Мое служеніе Богъ нашель и судилъ юднымъ для исполненія Его воли.* Начавъ отъ того британскаго моря и отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ, по нѣкоей необходимости, опредѣлено заходить солнцу, я, при помощи какой-то высочайшей силы, гналъ предъ собою и разсѣваль всѣ встрѣчавшіеся ужасы, чтобы воспитываемый подъ моимъ вліяніемъ родъ человѣческой призвать на служеніе священнѣйшему закону, и подъ руководствомъ высочайшаго Существа, возрастить блаженнѣйшую вѣру“.

До полученія единодержавія Константину пришлось жить 13 лѣтъ и пережить семь совѣтниковъ: стараго императора Діоклетіана, Галерія, тестя Максимиана Геркулія, шурина Максентія, Севера, Александра и зятя Ликинія. Нѣкоторые изъ нихъ погибли сами собою, другихъ столкнулъ Константинъ, потому что они стояли ему на дорогѣ.

По отношенію къ развитію христіанскихъ убѣжденій Константина имѣеть особенное значеніе—а) торжество надъ шуриномъ Максенціемъ, въ 312 г. и б)—надъ зятемъ Ликиніемъ въ 323 г.

Максенцій, сынъ престарѣлаго императора Максимиана и шурина Константина, былъ кесаремъ въ Итали и Африкѣ лѣтъ пять. Отношенія между нимъ и Константиномъ не были дружественны и различіе ихъ свойствъ и образа жизни бросалось въ глаза подданнымъ. Максенцій никогда не командоваль войскомъ и всю жизнь провелъ въ праздномъ покоѣ. Его ненавидѣли за тиранию и развратъ всѣ, исключая войска, которому онъ позволяль грабить гражданъ. Константинъ напротивъ велъ жизнь трудовую и всегда поддерживаль порядокъ и законность. Поэтому неудивительно, что граждане Рима, хотя и не избалованные хорошими императорами, желали избавиться отъ Максенція и тайно приглашали къ себѣ Константина. Максенцій, имѣвшій преувеличенное понятіе о своихъ силахъ, съ своей стороны вызываль Константина на войну. Исходъ борьбы между двумя императорами былъ несомнѣненъ. Константинъ проникъ въ Италию, разбилъ на голову войска Максенція, беззаботно пировавшаго въ Римѣ, и наконецъ приблизился къ самой столицѣ. Здѣсь Максенцій—по мнѣнію Шлоссера—впалъ въ большую ошибку, далъ врагу своему битву въ открытомъ полѣ, тогда какъ осада Рима могла бы быть соединена съ значительными затруд-

неіями для осаждающихъ. Предъ рѣшительною битвою (27 окт. 312 г.) Константинъ возбудилъ энтузіазмъ христіанъ, служившихъ въ его войскѣ и въ войскѣ противника, помѣстивъ изображение креста и монограмму имени Спасителя на императорскомъ знамени, которое съ того времени получило названіе *labarum*. Разбивъ Максенція, который погибъ въ бѣгствѣ, Константинъ съ торжествомъ вступилъ въ Римъ и въ память побѣды поставилъ собственное изображение въ видѣ статуи съ высокимъ копьемъ на подобіе креста и подписью: *этимъ спасительнымъ знаменіемъ, свидѣтельствомъ истиннаго мужества, я освободилъ вашъ городъ, спасенный отъ иа тиранна*.

Таковъ внѣшній обликъ событій. Современники Константина, какъ язычники, такъ и христіане, приписывали его побѣду божественной помощи. Язычники въ этомъ случаѣ разумѣли конечно своихъ боговъ. Сенатъ римскій, воздвигая побѣдителя торжественную арку, написалъ на ней, что побѣда одержана *instinctu divinitatis*. Назарій въ панагиріи увѣряетъ, будто въ Галліи были видимы какія-то чудныя войска, спѣшившія на помощь Константину и восклицавшія: *Constantinum petimus, Constantino imus auxilio*. За тѣмъ ораторъ съ грубою лестію прибавляетъ: *illi, divinitus missi, gloriabantur, quod tibi militabant*. Что касается до христіанъ, то побѣду Константина они приписывали силѣ крестнаго знаменія, которое было сооружено императоромъ вслѣдствіе особаго даннаго во снѣ божественнаго повелѣнія. *Commonitus est in quiete Constantinus*, говоритъ Лактанцій, (*de mort. pers.* с. 44), *ut coeleste signum Dei notaret in scutis atque ita proelium committeret*. По разсказу Руфина (*hist. eccles.* IX, 9), Константинъ видѣлъ во снѣ пылающій на востокѣ крестъ и проснувшись въ испугѣ, увидалъ возлѣ себя ангела, который сказалъ ему: *симъ побѣждай!*—Самъ же Константинъ чрезъ много лѣтъ послѣ событія нѣсколько иначе разсказывалъ о немъ христіанскому епископу и историку Евсевію. Приведемъ разсказъ Евсевія. „Усердно вознося свои молитвы и прошенія, царь получилъ удивительнѣйшее, посланное отъ Бога, знаменіе; такъ что и повѣрить было бы не легко, еслибы говорилъ кто другой. Но насъ съ клятвою увѣрялъ въ этомъ самъ побѣдоносный царь, когда спустя долго послѣ того мы писали настоящее сочиненіе и удостоивались его знакомства и бесѣды; посему кто станетъ сомнѣваться въ истинѣ сего сказанія, тѣмъ болѣе, что и послѣдующее время было свидѣтелемъ его истины? Однажды въ полуденные часы дня, когда солнце начинало

уже склоняться къ западу, — говорилъ царь, — я собственными очами видѣлъ составившееся изъ свѣта и лежавшее на солнцѣ знаменіе креста съ надписью: *симъ побѣждай!*“ Это зрѣлище объяло ужасомъ, какъ его самага, такъ и все войско, которое, само не зная куда, слѣдовало за нимъ и продолжало созерцать явившееся чудо. Константинъ находился однако въ недоумѣніи и говорилъ самъ себѣ: что бы значило такое явленіе? Но между тѣмъ какъ онъ думалъ и долго размышлялъ о немъ, — наступила ночь. Тогда во снѣ явился ему Христосъ Божій съ видѣннымъ на небѣ знаменіемъ и повелѣлъ, сдѣлавъ знамя, подобно этому видѣнному на небѣ, употреблять его для защиты отъ нападенія враговъ“.

По мнѣнію Неандера, невозможно рѣшить: что въ этомъ разсказѣ принадлежитъ дѣйствительному событію 312 года, и какія черты произвольно привнесены Константиномъ впослѣдствіи подъ вліяніемъ измѣнившагося его міросозерцанія?— сколько на разсказъ Константина имѣло вліянія желаніе приспособиться къ своему собесѣднику— епископу, и на сколько самъ Евсевій измѣнилъ царскій разсказъ своимъ литературнымъ изложеніемъ? Несомнѣнно одно, что въ рѣшительную минуту борьбы съ Максенціемъ Константинъ ожидалъ помощи отъ христіанскаго Бога и рѣшился воспользоваться символомъ христіанскаго спасенія, какъ добрымъ знаменіемъ на счастье.

Борьба Константина съ Максенціемъ была не изъ-за вѣры, а исключительно изъ-за политическаго преобладанія. Болѣе религіознымъ характеромъ проникнута борьба Константина съ зятемъ Ликиніемъ. Въ 314 г. Константинъ и Ликиній остались единственными государями римской имперіи, при чемъ удѣломъ Ликинія былъ востокъ, а Константина — западъ. Мирныя отношенія обоихъ государей еще ранѣе были скрѣплены бракомъ Ликинія съ сестрою Константина Констанціею, заключеннымъ въ Миланѣ въ 313 году. Свое тогдашнее религіозное единомысліе оба государя засвидѣтельствовали миланскимъ *едиктомъ терпимости*. Этотъ едиктъ не дошелъ до насъ, но содержаніе заключеннаго между обоими государями соглашенія извѣстно для насъ изъ сохранныаго у Лактанція позднѣйшаго указа Ликиніева. *Cum feliciter tam ego Constantinus Augustus, quam etiam ego Licinius apud Mediolanum convenissemus atque universa, quae ad commoda et securitatem publicam pertinerent, in tractatu haberemus, haec inter caetera, vel imprimis ordinanda esse credidimus, ut daremus et christianis, et onibus*

liberam potestatem sequendi religionem, quam quisque voluisset. (Lact. de mort. persec. с. 48). Согласіе между двумя обладателями римской имперіи было кратковременно. Не прошло одного года, какъ они разошлись, и началась война, въ которой Константинъ, не смотря на двукратную побѣду (при Кибалахъ въ Панноніи и при Марди во Фракіи) испыталъ такія потери, что счелъ за лучшее согласиться на мирныя предложенія Ликинія. При новомъ раздѣлѣ государства Константинъ расширилъ предѣлы своихъ владѣній на счетъ Ликинія, присоединивъ къ себѣ Паннонію, Иллирію, западную Мизію и Грецію. Въ продолженіе послѣдовавшаго за тѣмъ девятилѣтняго перемирія оба императора дѣйствовали по совершенно различнымъ принципамъ, хотя, что мнѣнію одного русскаго ученаго, (П. А. Лапкарева) „миланскій эдиктъ представлялъ собою нѣкотораго рода границу, за которую не долженъ былъ переступить ни Ликиній въ своихъ антипатіяхъ къ христіанству, ни Константинъ въ своихъ симпатіяхъ къ нему“.

Константинъ покровительствовалъ христіанамъ и издавалъ законы, въ которыхъ съ умѣренностію мудраго политика, но вмѣстѣ съ тѣмъ съ совершенною ясностію и опредѣленностію высказывалъ новый складъ своихъ религиозныхъ убѣжденій. Онъ не преслѣдовалъ язычества. Въ двухъ законахъ 319 г. читаемъ слѣдующее: *superstitioni suae servire cupientes poterunt publice ritum proprium exercere*. И еще: *qui vero id vobis existimatis conducere, adite aras publicas atque delubra et consuetudinis vestrae celebrate solemnia. Nec enim prohibemus praeteritae usurpationis officia libera luce tractari*. Въ этихъ законахъ Константинъ обнаружилъ благородную терпимость, знаніе предѣловъ, до какихъ можетъ простираться государственная власть, и вмѣстѣ съ тѣмъ знаніе человѣческой природы, которая всегда болѣе стремится къ запрещенному. Но уже самыя названія, прилагаемая императоромъ къ языческому культу *superstitio, praeterita usurpatio*, доказываютъ его пренебрежительное отношеніе къ язычеству. Трагую язычество, какъ *суетное* и *старое злоупотребленіе*, Константинъ не хотѣлъ все-таки выпустить изъ своихъ рукъ завѣдываніе дѣлами религіи, еще сильной надъ умами большинства. Онъ продолжалъ носить усвоенный римскимъ императорамъ титулъ *pontifex maximus*, закономъ 321 г. опредѣлилъ, въ какихъ случаяхъ могутъ быть допускаемы совѣщанія авгуровъ и т. д.—однимъ словомъ дѣйствовалъ въ томъ же родѣ, какъ нѣкоторые государи—философы XVIII вѣка, считавшіе религію средствомъ къ тому,

чтобы владычествовать надъ массами. Положеніе Константина было тѣмъ болѣе свободно и ничѣмъ не связано, что онъ до послѣднихъ дней жизни не принималъ крещенія. Но своего сочувствія къ христіанамъ и христіанству Константинъ нисколько не скрывалъ. „Христіане“, разсуждаетъ Шлоссеръ, „успѣвше распространиться въ большомъ числѣ во всѣхъ частяхъ государства, находились между собою въ тѣсной связи, имѣли свою іерархію и соборы, тогда какъ древнія государственныя учрежденія Рима уже потеряли свою силу, и къ довершенію всего приверженцы древней религіи раздѣлились на множество толковъ и сектъ, не имѣвшихъ между собою ни внутренней, ни внѣшней іерархической связи. Поэтому правитель, имѣвшій на своей сторонѣ христіанъ, рано или поздно долженъ былъ восторжествовать надъ соперниками“. Неизвѣстно, въ какой мѣрѣ вліяли на Константина подобнаго рода политическія соображенія, но, какъ бы то ни было, христіане не могли не видѣть въ императорѣ своего друга и покровителя.

Воспитаніе своего сына Криспа Константинъ поручилъ христіанскому ритору Лактанцію, въ 313 г. освободилъ христіанскихъ духовныхъ лицъ отъ тяжелой должности декуріонъ,— въ 315 г. уничтожилъ казнь распятіемъ и подъ страхомъ сожженія на крестѣ запретилъ іудеямъ преслѣдовать тѣхъ, кто оставятъ ихъ— звѣрскую секту „и обратится къ почитанію Бога: въ 316 г. дозволилъ совершать при христіанскихъ храмахъ освобожденіе рабовъ, совершавшееся прежде въ магистратурахъ; въ 321 г. узаконилъ всеобщее празднованіе воскреснаго дня, отмѣнилъ древній римскій законъ противъ бабачныхъ и бездѣльныхъ, (*lex Julia et Papia Poppaea*), и дозволялъ христіанскимъ церквамъ наследовать имущества по завѣщанію.

Совсѣмъ иначе дѣйствовалъ Ликиній. Со времени неудачной войны съ Константиномъ, онъ озюбился на христіанъ, какъ на приверженцевъ своего соперника, и началъ притѣснять ихъ мелкими мѣропріятіями, которыя впрочемъ болѣе могли раздражать христіанъ, чѣмъ приносить вредъ. Такъ Ликиній запретилъ христ. епископамъ выходить изъ предѣловъ своихъ епархій и собираться на соборы; приказалъ въ христ. храмахъ мужчинамъ становиться отдѣльно отъ женщинъ; въ своей столицѣ Никомидіи запретилъ христіанамъ собираться въ домахъ внутри города, предоставивъ имъ для этого открытое поле, подъ тѣмъ предлогомъ, что для многочислаго собранія нуженъ чистый воздухъ. Ликиній удалялъ христіанъ отъ государственной службы, конечно по-

дозрѣвая въ нихъ расположенность къ Константину,—и частію затворилъ, частію разрушилъ нѣсколько церквей въ Понтѣ подѣ тѣмъ предлогомъ, что тамъ молятся не за него, а за Константина. Впрочемъ открытаго и кроваваго гоненія противъ христіанъ Ликиній не предпринималъ; такъ заключаемъ изъ того, что 13 правило перваго вс. собора гласитъ: „касательно отступившихъ отъ вѣры не по принужденію, не причинѣ лишенія имущества, безъ всякой опасности и тому подобныхъ поводовъ, какъ случилось во время Ликиніева гоненія, соборъ опредѣлилъ: хотя они и недостойны челоуѣколюбія, однако оказывать имъ снисхожденіе“. Находились, какъ видно, люди, по всей вѣроятности состоявшіе на военной или придворной службѣ, для которыхъ личные вкусы Ликинія, помимо всякаго принужденія, служили достаточнымъ поводомъ къ отступленію отъ христіанства. Вслѣдствіе вражды Ликинія къ христіанству оживился старый языческій фанатизмъ, создававшій по мѣстамъ новыхъ мучениковъ (таковы напр. 40 воиновъ, пострадавшихъ въ севастійскомъ озерѣ въ Арменіи, память которыхъ совершается церковію 8 марта).

Наконецъ, послѣ 9-лѣтняго мира между Константиномъ и Ликиніемъ, вспыхнула новая война, имѣвшая релігіозный характеръ, такъ какъ Ликиній выступалъ во имя древнихъ боговъ, а Константинъ подѣ знаменемъ креста. Ликиній, окруженный жрецами и гадателями, въ священной роцѣ совершивъ жертвоприношеніе, убѣждалъ всѣхъ къ мужеству, говоря, что предстоящая война должна рѣшить споръ между древними отеческими богами и новымъ чужестраннымъ богомъ, котораго чтитъ Константинъ. Константинъ же уповалъ на силу крестнаго знаменія, (labarum), которое было песено предѣ войскомъ. Упованіе не посрамило: Константинъ два раза разбилъ Ликинія, взялъ его въ плѣнъ и вскорѣ умертвилъ, вѣроятно отъ опасенія его дѣйствительныхъ или ожидаемыхъ козней. Черезъ два года былъ убитъ и малолѣтній сынъ Ликинія.

Единовластительство Константина. (323—337). Аріанскіе споры. Основаніе новой столицы.

По низверженіи Ликинія, Константинъ сдѣлался единовластителемъ римской имперіи. „Всѣ части римской имперіи“—говоритъ церковный историкъ Евсеій,—„соединились въ одно, всѣ народы востока

слились съ другою половиною государства, и цѣлое украсилось единствомъ власти, какъ бы единою главою; все начало жить подъ владичествомъ единой державы. А славный во всякомъ родѣ благочестія царь побѣдитель..., первый проповѣдывавшій монархію Бога, и самъ царствовалъ надъ римлянами и управлялъ всѣмъ міромъ — монархически“. Для христіанъ единовластительство Константина было событіемъ, разумѣется, самымъ желательнымъ и счастливымъ. Теперь Константинъ имѣлъ возможность безпрепятственно высказать свое расположеніе къ христіанству.

Первымъ дѣломъ Константина было изгладить слѣды гоненія Ликиніева. Указомъ своимъ императоръ повелѣвалъ возвратить права, честь и достоиніе христіанамъ, пострадавшимъ за преданность вѣрѣ, лишеннымъ должностей и имущества, исключеннымъ изъ военной службы, сосланнымъ въ рудопони и гинекеи и т. д. „Опредѣленія закона“, говоритъ Евсевій, „скоро приведены были въ исполненіе: все дѣлалось вопреки недавнимъ дерзостямъ тирапской жестокости; дары царя изливались на всѣхъ, на кого простирался законъ его“.

Вслѣдъ за тѣмъ императоръ озаботился умноженіемъ и расширеніемъ христіанскихъ храмовъ съ пособіемъ отъ казны въ той надеждѣ, что скоро наступитъ время, когда всѣ подданные его обратятся къ христіанству. Евсевій, епископъ Кесаріи Палестинской, сохранилъ посланіе къ нему императора по этому предмету. „Я думаю, что для всѣхъ сдѣлалась ясною божественная сила“, писалъ Константинъ... „потому и самъ ты, какъ предстоятель многихъ церквей, знай, и другимъ извѣстнымъ тебѣ мѣстнымъ предстоятелямъ — епископамъ, пресвитерамъ и діаконамъ, напомни, чтобы они усердно занимались созиданіемъ церквей, либо исправляя, какія сохранились, либо распространяя ихъ, либо, по требованію нужды, созидая новыя. Въ чемъ же встрѣтится надобность, — того для себя, а чрезъ себя и для прочихъ, испрашивай отъ правителей и областнаго начальства; ибо имъ предписано со всѣмъ усердіемъ исполнять то, что будетъ сказано твоимъ преподобіемъ“. — Особеннымъ предметомъ царской заботливости было устройство храмовъ на мѣстахъ великихъ событій евангельской исторіи. Въ этомъ дѣлѣ сотрудиниками императора и исполнителями его воли были: мать его Елена, іерусалимскій епископъ Макарій и правитель Палестины Дракиліанъ. Мать императора, — по словамъ Евсевія, — „старица необыкновеннаго ума съ быстрою юноши поспѣшила на востокъ и съ царскою заботливостію обозрѣвала див-

ную землю, восточныя провинціи, города и селенія—съ тою цѣлію, дабы совершить должное поклоненіе стопамъ Спасителя по слову пророка: *поклонимся на мѣсто, идѣже стоятъ нозѣ ево* (Ис. 131,7)—и плодъ собственнаго благочестія оставила грядущему потомству. Въ то же время воздвигла она поклоняемому Богу два храма: одинъ при пещерѣ рожденія, другой на горѣ вознесенія“. Но наиболѣе изящный и великолѣпный храмъ былъ устроенъ императоромъ надъ пещерою гроба Господня,—тамъ, гдѣ Елена нашла крестъ Христовъ. „Твоя прозорливость“, писалъ императоръ іерусалимскому епископу Макарію, „должна такъ распорядиться и обо всемъ необходимомъ имѣть такое попеченіе, *чтобы не только самый храмъ былъ великолѣпнѣе остальныхъ храмовъ, идѣ существующихъ*, но и другія при немъ зданія были бы превосходнѣе самыхъ прекрасныхъ по городамъ строеній. Что касается до возведенія и изящной отдѣлки стѣнъ, то знай, что заботу объ этомъ мы возложили на главно-управляющаго тѣми областями друга нашего Дракиліана и на правителя вашей провинціи“. Храмъ строился болѣе десяти лѣтъ, но за то, по описанію Евсевія, представлялъ собою высшую степень изящества, до какой могло дойти тогдашнее искусство, и освященъ въ присутствіи императора уже въ 335 году.

Отношенія Константина къ язычеству были обратно противоположны его отношеніямъ къ христіанству. Правда Константинъ не преслѣдовалъ язычниковъ. У него было слишкомъ много опытности и знанія природы человѣческой, чтобы понять всю бесполезность преслѣдованій. Онъ ограничивался открытымъ заявленіемъ своего неодобренія язычеству. Въ своемъ манифестѣ противъ заблужденія многобожниковъ императоръ высказывается такъ: „Пусть никто не беспокоитъ другаго; пусть каждый дѣлаетъ то, чего хочетъ душа. Люди здравомыслищіе должны знать, что только тѣ будутъ жить свято и чисто, кого Ты, (Боже!), призвешь почитать подъ святыми твоими законами; а отвращающіеся пусть, если угодно, владѣютъ жребіемъ своего лжеученія... Кто препятствуетъ врачевать себя, тотъ пусть не винитъ въ этомъ другаго, ибо врачевница болѣзней—предъ глазами“. Но и одно неодобреніе язычеству со стороны самодержавнаго государя имѣло уже большое значеніе, особенно для тѣхъ, которые привыкли становиться на ту сторону, на которой сила.

Не употребляя противъ язычества прямыхъ мѣръ, Константинъ употреблялъ противъ него мѣры косвенныя, которыя иногда бываютъ

дѣйствительнѣе прямыхъ,—не касаясь внутренней религіозной жизни язычниковъ, объедалъ ея вѣшнія проявленія, большею частію бывшія уже пустыми формами, изъ коихъ выдохлось содержаніе. „Угощая нѣкогда епископовъ,“—разсказываетъ Евсеій (de vita С. IV, 25)— „Константинъ справедливо сказалъ, что и самъ онъ епископъ (приводимъ его собственныя слова:) „только вы—епископы внутреннихъ дѣлъ церкви, а меня можно назвать поставленнымъ отъ Бога *епископомъ дѣлъ внѣшнихъ*“. Дальнѣйшее повѣствованіе Евсеія показываетъ, въ какомъ смыслѣ нужно понимать это *епископство*, усвояемое себѣ Константиномъ. „Распоряжаясь согласно съ этими словами“,—продолжаетъ Евсеій,—„царь надзиралъ за всѣми подвластными себѣ и побуждалъ ихъ, сколько было силы, вести жизнь благочестивую. Поэтому своими законами и указами онъ непрестанно запрещалъ приносить жертвы идоламъ, вопрошать гадателей, воздвигать статуи, совершать таинственныя освященія (мистеріи) и осквернять города убійствами единоборцевъ (гладиаторскими играми). Такъ какъ живущіе въ Египтѣ и самой Александріи имѣли обычай для служенія своей рѣкѣ назначать мужеложцовъ; то туда было послано также повелѣніе — истребить весь родъ подобныхъ людей, какъ северну, чтобы страдающихъ такимъ недугомъ разврата и глаза не видѣли“.

Созидая одною рукою храмы христіанъ, Константинъ другою рукою разрушалъ храмы языческіе. Такъ были разрушены капища въ Афаѣ финикійской, въ Егинѣ сицилійской, храмъ Венеры въ Илиуполисѣ, да и вообще, если вѣрить Евсеію, „притворы городскихъ капищъ чрезъ снятіе дверей, какъ и слѣдуетъ, были обнажены, потолочные своды, по сломкѣ кровли надъ ними, портились“ и т. д. Конечно все это имѣло мѣсто тамъ, гдѣ язычники составляли незначительное меньшинство. Впрочемъ, по свидѣтельству того-же Евсеія, для приведенія въ запустѣніе языческихъ капищъ императоръ не употреблялъ вооруженной силы, а предоставилъ все дѣло частной инициативѣ ревнителей христіанства. „Константинъ разсудилъ, что для осуществленія его мысли не нужно ни латниковъ, ни многочисленнаго войска; ему довольно было одного или двухъ преданныхъ ему лицъ, которые, повинувшись единому его мановенію, отправились во всѣ провинціи. Воодушевленные благочестіемъ царя и своимъ собственнымъ благоговѣніемъ въ святому дѣлу, они являлись среди многочисленныхъ народныхъ общинъ и по всѣмъ городамъ и областямъ истребляли за-

старѣлое заблужденіе“. Старые боги были выносимы изъ капищъ; металлы,—изъ которыхъ были сдѣланы идолы,—отбирались въ казну; остальное возвращалось ревнителямъ древняго заблужденія.—Отобранныя сокровища храмовъ идольскихъ давали царю возможность обнаруживать щедрость, которая многихъ язычниковъ привлекала къ христіанству. „Заботясь о наибольшемъ обращеніи людей къ слову“, говоритъ Евсевій,—„царь дѣлалъ много пожертвованій для вспоможенія бѣднымъ и тѣмъ поощряя ихъ спѣшить къ спасительному ученію, едва не то же говорилъ самъ, что сказалъ апостолъ: *еще виною, еще истиною* Христосъ да проповѣдуется (Фил. I, 18)“. Ту же систему привлеканія язычниковъ, приспособленія къ нимъ, царь рекомендовалъ христ. епископамъ, собравшимся на 1 вс. соборъ. „Одни“, говоритъ императоръ, „слушаютъ для испрошенія милостины, другие бѣгутъ на проповѣдь для снисканія покровительства, иные приѣзжаютъ къ проповѣдникамъ, какъ люди ласково принимающихъ, а нѣкоторые любятъ ихъ за то, что они даютъ подарки. Дѣйствительныхъ же любителей слова немного; рѣдки также любители истины. Посему, надобно принаравливать къ всѣмъ и подобно врачу подавать каждому потребное для его спасенія, чтобы спасительное ученіе славилось у всѣхъ и по всему“.

Благодаря такой системѣ привлеченія число христіанъ быстро увеличивалось, но въ таковой мѣрѣ быстро падалъ уровень нравственной жизни въ христіанскомъ обществѣ, и Константинъ имѣлъ огорченіе видѣть въ церкви то, чего онъ болѣе всего боялся, то есть распри, раздоры и несогласія, въ которыхъ онъ волею-неволею долженъ былъ самъ принимать участіе. Еще до низложенія Ликинія, когда Константинъ властвовалъ только на западѣ, въ Африкѣ возникъ расколъ донатистовъ, обратившій на себя вниманіе императора и надѣлавшій ему много безпокойствъ. (Слѣдя исключительно исторію востока, мы оставимъ въ сторонѣ расколъ донатистовъ). Когда же Константинъ сдѣлался единодержавнымъ и переселился на востокъ, онъ засталъ въ полномъ разгарѣ аріанскіе споры. Ересь Арія, александрійскаго пресвитера, отрицавшаго божество Основателя христіанской вѣры, известна. Она выросла на почвѣ софистической діалектики, которая была любимую гимнастикою греческаго ума. Не отрицая супранатурализма въ происхожденіи христіанства, не пытаясь ввести его въ кругъ общеисторическихъ явленій, еретическая мысль обращалась къ церков-

нимъ вѣрованіямъ съ назойливыми и придиричвыми запросами швольной діалектики. Противъ церковнаго вѣрованія въ вѣчность Сына Божія, аріанская мысль предъявляла такое возраженіе: „если Сынъ вѣченъ и пребываетъ со Отцемъ, то этимъ утверждается, что онъ уже не сынъ, а братъ Отцу“. Противъ церковнаго вѣрованія въ предвѣчное рожденіе Сына Божія аріанство предъявляло такой запросъ: „Богъ родитъ Сына, который уже существовалъ (вѣчнаго) или который не существовалъ? Если несуществовавшего, то правильно утверждать, что онъ родился со времени. Если же скажемъ: *родилъ Сына, который уже существовалъ*, то сказать это не только нелѣпость и хула, но и совершенная глупость, ибо существующему не нужно рожденіе“. Конечно съ точки зрѣнія настоящаго времени представляется *совершенною глупостію* эта претензія измѣрять божественныя и вѣчныя отношенія маленькою мѣркою дешевой логомахіи; но эта логомахія приходилась на вкусъ еллинскаго духа, сохранявшаго гибкость мысли, даже въ эпоху своего паденія. Въ положительномъ же своемъ ученіи аріанство было продолженіемъ гностицизма, который предполагалъ между высочайшимъ Богомъ и конечнымъ міромъ цѣлый рядъ посредствующихъ божествъ (эоновъ), постепенно оскудѣвающихъ въ силѣ и величіи по мѣрѣ отдаленія отъ высшаго Бога и приближенія къ конечному міру. Аріанство только сократило гностическую лѣстницу божествъ, замѣнивъ ее однимъ звѣномъ—Сыномъ Божиимъ, созданнымъ отъ Отца во времени и въ свою очередь создавшимъ міръ.

Наша спеціальная задача состоитъ въ томъ, чтобы указать отношеніе императора къ аріанству,—къ чему мы теперь и обращаемся. Императоръ очень огорчился, узнавъ объ аріанскихъ распрахъ. Считая всю распрю слѣдствіемъ личнаго раздора между епископомъ Александромъ и пресвитеромъ Аріемъ, императоръ отправилъ въ Александрію Осію епископа вѣрдовскаго съ посланіемъ, увѣщавшимъ спорящихъ къ единомыслію. „Возвратите мнѣ мирные дни и спокойныя ночи“, писалъ Константинъ къ Александру и Арію, „въ противномъ случаѣ мнѣ ничего не останется, кромѣ необходимости стелать, всему обливаться слезами и проводить свой вѣкъ безъ всякаго спокойствія; потому что доколѣ Божіи люди,—говорю о моихъ сослужителяхъ—взаимно раздѣляются столь несправедливою и гибельною распрєю, могу ли я быть спокоенъ въ душѣ своей!“ Все посланіе проникнуто горячимъ стремленіемъ императора такъ или иначе возстановить миръ

въ той средѣ, которую онъ считалъ образцовою частію человѣчества. „О благое и божественное провидѣніе!“ писалъ императоръ, — „какъ жестоко поразила мой слухъ, или лучше, самое сердце—вѣсть, что, вы, чрезъ которыхъ я надѣялся доставить исцѣленіе другимъ, сами имѣете нужду въ гораздо большемъ врачеваніи!“. Но кромѣ горячаго желанія мира, письмо императора не имѣетъ другихъ достоинствъ. Оно все наполнено противорѣчіями. Предметъ спора представляется императору то маловажнымъ и безразличнымъ, то важнымъ до такой степени, что превышаетъ силы человѣческаго разумѣнія. Практическія мѣры, рекомендуемыя императоромъ для прекращенія спора, страдаютъ такою-же двойственностію. Онъ то приглашаетъ къ совершенному молчанію относительно спорныхъ вопросовъ, — несогласныя мнѣнія должны оставаться въ вашемъ умѣ и храниться въ тайникѣ души; — „то дозволяетъ спорить, но спорить спокойно и объективно, безъ гнѣва и раздраженія, подобно тому какъ разсуждаютъ языческіе философы объ отвлеченныхъ предметахъ своего вѣдѣнія. „Знайте, что и самые философы... если нерѣдко въ разсужденіи какаго-нибудь частнаго мнѣнія и разногласятъ между собою, то, раздѣляясь степенью знанія, тѣмъ не менѣе по однородности своей науки не прерываютъ общенія другъ съ другомъ. А когда такъ, то не гораздо ли справедливѣе вамъ, поставленнымъ на служеніе великому Богу, проходить это поприще со взаимнымъ единодушіемъ?“ Императоръ, какъ видно, не выразумѣлъ еще различія между началомъ *свободы*, которое свойственно философіи, и началомъ *авторитета*, на которомъ держится религія. Само собою разумѣется, что примирительныя усилія императора, поставленныя такъ шатко, не могли имѣть никакого успѣха. „Дѣло зашло такъ далеко“, говоритъ церковный историкъ Евсевій, „что его нельзя уже было остановитъ однимъ посланіемъ: ссора враждующихъ чрезвычайно усилилась, и потокъ зла разлился по всѣмъ областямъ востока. Таково было дѣйствіе зависти и демона, завидовавшаго благосостоянію церкви“!

Какъ бы то ни было, но императоръ долженъ былъ принять болѣе дѣйствительныя мѣры для сохраненія чести и спокойствія христіанскаго общества, къ которому самъ примкнулъ и которое хотѣлъ высоко поставить въ глазахъ всего міра. Пятдесятъ лѣтъ тому назадъ, когда христіане обратились къ языческому императору Аврелиану за судомъ и расправою по дѣлу о еретикѣ Павлѣ Самосатскомъ, то императоръ предоставилъ рѣшеніе дѣла римскому епископу. Самъ Кон-

стантинъ лѣтъ 10 тому назадъ поступилъ подобнымъ образомъ, созвавъ въ 313 г. по дѣлу донатистовъ соборъ въ Латеранѣ подъ предсѣдательствомъ папы Мильтіада. Но теперь центръ политической жизни передвинулся на востокъ и императоръ, рѣшившись воспользоваться уже бывшею въ употребленіи формою епископскихъ съѣздовъ, назначилъ въ Никеѣ соборъ епископовъ для сужденія относительно арианства и нѣкоторыхъ другихъ церковныхъ вопросовъ, напр. о времени празднованія Пасхи. Обстоятельнаго извѣстія о никейскомъ соборѣ можно было бы ожидать отъ церковнаго историка Евсевія, который самъ былъ на соборѣ, открылъ соборное совѣщаніе благодарственною рѣчью императору и по окончаніи собора произнесъ похвальное слово императору по случаю празднованія 20-тилѣтія его царствованія. Но Евсевій былъ арианинъ въ душѣ. Никейскій символъ не совпадалъ съ его догматическими взглядами. Поэтому подробно описавъ внѣшнюю исторію собора, Евсевій совершенно умалчиваетъ о его догматической дѣятельности. Впрочемъ и изъ повѣствованія Евсевія мы можемъ составить ясное понятіе о примирительной дѣятельности императора. Общее приглашеніе императоръ во вступительной рѣчи сразу же поставилъ непремѣнною цѣлію собора. „Не медлите, — о други, служители Божіи и рабы общаго нашего владыки Спасителя! — не медлите разсмотрѣть причины вашего раздора въ самомъ ихъ началѣ и разрѣшить всѣ спорные вопросы мирными постановленіями. Черезъ это вы совершите угодное Богу и доставите величайшую радость мнѣ, вашему сослужителю“. Къ этой цѣли царь стремился всѣми способами. „Кротко бесѣдуя съ каждымъ на еллинскомъ языкѣ, царь былъ какъ-то усладителенъ и пріятенъ. Однихъ убѣждая, другихъ усовѣщивая, иныхъ, говорящихъ хорошо, хваля, и каждаго склоняя къ единомыслію, царь наконецъ согласилъ понятія и мнѣнія всѣхъ касательно спорныхъ предметов“.

Евсевій знакомитъ насъ только съ формою, но ничего не говоритъ о содержаніи примирительной дѣятельности императора. Но оно становится для насъ понятнымъ, если обратимъ вниманіе на составъ членовъ собора. На соборѣ самую сильную группу составляли исповѣдники, страдавшіе за Христа въ предшествовавшія гоненія и носившіе на тѣлѣ слѣды своихъ страданій. Это были люди съ простою, крѣпкою, безхитростною вѣрою, всѣмъ сердцемъ признававшіе Бога—Спасителя и отвергавшіе Арія съ его діалектикою. Царь чтилъ ихъ, цѣловалъ ихъ раны;—но главное—онъ скоро замѣтилъ, что исповѣдники вмѣстѣ

съ ихъ послѣдователями составляютъ громадное большинство, оперевшись на которое можно привести соборъ къ единомыслію. Такъ онъ и сдѣлалъ. Простая и крѣпкая вѣра Александра александрійскаго, Осія кордовскаго, Евстафія антиохійскаго, Макарія іерусалимскаго, Іакова ниввійскаго, Спиридона тримнеунтскаго, Пафнутія еивайдскаго легла въ основу никейскаго символа,—причемъ самъ императоръ, конечно по вѣрушенію вышеупомянутыхъ отцевъ, предложилъ внести въ символъ столь характерное для православія и столь неудобопріемлемое для арианства выраженіе *omnino*.—Императоръ не могъ не замѣтить, что на сторонѣ исповѣдниковъ не только большинство, но вмѣстѣ съ тѣмъ и несокрушимая твердость убѣжденія, устоявшая въ свое время даже среди мученій отъ язычниковъ, тогда какъ болѣе подвижные въ мысляхъ и болѣе гибкіе въ діалектикѣ ариане и полуариане легче могутъ податься на различныя уступки и компромиссы. Этимъ также опредѣлилась программа дѣйствій Константина на соборѣ. Утвердившись на исповѣданіи вѣры православныхъ отцевъ, императоръ разными способами склонялъ арианствующихъ къ уступкамъ и наконецъ довелъ ихъ до того, что согласились подписать никейскій символъ, даже такіе приверженцы арианства какъ Евсевій никомидійскій, Евсевій кесарійскій, Θεогній никейскій,—однимъ словомъ всѣ кромѣ самаго Арія и двухъ ливійскихъ епископовъ Секунда и Θεоны, которые и были сосланы въ заточеніе. Церковный миръ былъ возстановленъ, но соглашеніе оказалось не прочнымъ. Скоро императоръ нашелъ себя вынужденнымъ сослать въ ссылку еще двухъ епископовъ—приверженцевъ Арія: Евсевія никомидійскаго и Θεогнія никейскаго, а арианскіе споры снова поднялись во всѣхъ концахъ имперіи.

Чтобы не прерывать начатой исторіи, слѣдуетъ докончить рассказъ объ отношеніяхъ Константина къ арианамъ. Императоръ Константинъ не остался до конца жизни вѣрнъ строгому приговору, изреченному противъ арианъ на никейскомъ соборѣ. Арианскіе епископы съ теченіемъ времени были снова возвращены изъ ссылки и заняли свои прежнія каѳедры, а Евсевій никомидійскій даже получилъ каѳедру въ столицѣ и пользовался особенною близостію къ императору. Возвращенъ и самъ Арій и принятъ въ церковное общеніе, хотя и погибъ вскорѣ внезапною смертію. Ревнители же православія Евстафій антиохійскій и Анастасій александрійскій были лишены каѳедры и сосланы въ заточеніе.

Чѣмъ объяснить такую переѣну въ императорѣ? Конечно не измѣною православію, потому что догматическія вѣрованія Константина остались безъ переѣны. Обыкновенно въ церковныхъ исторіяхъ принято объяснять снисхожденіе Константина къ аріанамъ тѣмъ обстоятельствомъ, будто бы сестра Константина, вдова Лицинія, Констанція на смертномъ одрѣ поручила царской благосклонности своего духовника, аріанскаго пресвитера, и будто-бы этотъ неизвѣстный по имени хитрецъ склонилъ государя въ пользу аріанъ. Въ этомъ объясненіи слышится для насъ близорукой отзывъ современника, объяснявшаго мелкими и случайными причинами крупныя послѣдствія. Вдова Лицинія, Констанція, не могла испросить у брата пощады своему мужу и сыну, очевидно не пользовалась вліяніемъ на императора. Характеръ императора, жившаго на свѣтѣ больше 50 лѣтъ и царствовавшаго болѣе 20 лѣтъ, уже на столько сложился, что на него едва ли могли подействовать внушенія хитраго пресвитера, имени котораго не знаетъ исторія. — Намъ кажется, что Константинъ оставался неизмѣненъ и вѣренъ себѣ какъ во время никейскаго собора, такъ и послѣ него. Склонять всѣми мѣрами весь христіанскій міръ къ единому словію, — было постоянною задачею императора. Во время собора императоръ употреблялъ самыя настойчивыя усилія чтобы склонить аріанствующихъ епископовъ принять никейскій символъ, — и достигъ этой цѣли. Аріанствующие приняли символъ, хотя принужденно и не-свободно, съ подразумѣваніями и перетолкованіями. Тогда императоръ разсудилъ, что аріанствующие сдѣлали довольно уступокъ, и потребовалъ, чтобы православныя съ своей стороны показали кротость и снисходительность и, удовольствовавшись формальнымъ признаніемъ символа, приняли аріанствующихъ въ общеніе, не заглядывая въ глубину ихъ убѣжденій. Но тутъ-то и обозначился пунктъ разногласія между императоромъ и ревнителями православія. Девизомъ императора было: *кто не противъ насъ, тотъ съ нами*; девизомъ ревнителей православія: *кто не за насъ, тотъ противъ насъ*. Уже на самомъ соборѣ императоръ высказалъ (правда по другому поводу) нѣкоторое раздраженіе противъ нетерпимости одного епископа, отказывавшагося принять въ общеніе падшихъ: *возьми, Аксій, плетницу*, — сказалъ императоръ, — *и возьми одинъ на небо!* Послѣ собора аріане продолжали дѣлать уступки; самыя горячіе приверженцы аріанства и даже самъ Аріій соглашались принять никейскій символъ или близкій къ никейскому. Естествен-

нымъ слѣдствіемъ этого должно было послѣдовать принятіе Арія и его друзей въ церковное общеніе. Но ревнители православія воспротивлялись. Аванасій александрійскій отвѣчалъ, что не можетъ принять въ общеніе еретиковъ, осужденныхъ вселенскимъ соборомъ. Въ томъ же родѣ отвѣчали и другіе ревнители православія. И послѣ этого—на взглядъ императора,—уже они, а не ариане являлись врагами излюбленнаго имъ единенія. Затѣмъ естественно слѣдовали репрессивныя противъ ревнителей никейскаго православія мѣры, имѣвшія цѣлю *научить, что опредѣленія самодержца, направленныя къ защитѣ истины, противиться не должно*. Правъ ли былъ императоръ, всѣми способами стараясь достигнуть общаго единомыслія, и достижима ли была его цѣль,—это уже другой вопросъ.

О послѣднихъ годахъ жизни Константина остается сказать сравнительно немного. И на первомъ планѣ въ ряду этого немногаго стоитъ трагическая семейная исторія Константина. У Константина былъ старшій сынъ отъ первой жены Минервины по имени Криспъ, „человѣколюбивѣйшій, боголюбознѣйшій и во всемъ на отца похожій“,—какъ аттестуетъ его Евсевій въ концѣ своей исторіи, доведенной до 324 г. Судя по этому отзыву, Криспъ былъ христіанинъ: инымъ впрочемъ и не могъ быть ученикъ христіанскаго Цицерона—Лактанція. Криспъ былъ уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ и помогалъ отцу своему въ воинскихъ и гражданскихъ дѣлахъ, напр. въ борьбѣ съ Ликиніемъ. Причиною несчастія Криспа была мачиха, которая конечно завидовала, что Криспъ стоитъ выше ея сыновей и по возрасту и по своимъ достоинствамъ. Есть извѣстіе, что мачиха оклеветала Криспа въ преступной любви къ себѣ, и раздраженный отецъ безъ разслѣдованія, которое притомъ едвали и было возможно въ такомъ щекотливомъ дѣлѣ, предалъ сына смерти, по одному извѣстію, ядомъ, по другому — главоотсѣченіемъ, что впрочемъ не составляетъ большой разницы. Мать императора Елена была очень огорчена смертію внука и не переставала упрекать сына въ его поспѣшномъ и несправедливомъ приговорѣ. Императоръ скоро раскаялся въ казни сына, и, если вѣригъ позднѣйшему свидѣтельству Коди-на (origin. Cr.), поставилъ въ послѣдствіи серебряную вызолоченную статую Криспа съ подписью *ἡδονήμενος*. Вмѣстѣ съ тѣмъ Константинъ поспѣшилъ загладить старую ошибку новою. Разгнѣвавшись на виновницу несчастій Криспа, жену свою Фаусту, императоръ приказалъ уморить ее въ жарко натопленной банѣ. Но все-таки дѣти отъ Фаусты—Кон-

стантинъ, Констансъ и Констанцій,—оставались прямыми наслѣдниками имперіи, и быть можетъ недобрая память императора объ ихъ матери была причиною того, что въ своемъ завѣщаніи онъ призывалъ къ наслѣдованію частей имперіи не только сыновей, но и племянниковъ. (Завѣщаніе это впрочемъ не было исполнено и не повело ни къ чему, кромѣ рѣзни въ императорскомъ семействѣ, по смерти Константина). Мы не будемъ разсуждать о моральномъ качествѣ вышеуказанныхъ поступковъ Константина, о которыхъ панегиристы его Евсевій хранить глубокое молчаніе, краснорѣчиво показывающее, что ихъ нельзя было изобразить въ благоприятномъ для императора свѣтѣ. Мы ограничимся размышленіемъ св. Іоанна Златоустаго, который,—не рѣшая вопроса, виноватъ ли былъ Константинъ или нѣтъ,—показываетъ только, какъ много горестнаго волненія долженъ былъ пережить императоръ, чтобы дойти до подобныхъ крайностей. Этимъ примѣромъ св. отецъ научаетъ, что такъ называемые счастливыцы міра сего нерѣдко бываютъ подвержены величайшимъ бѣдствіямъ, и что мы не должны стремиться къ богатствамъ, почестямъ и власти, и завидовать людямъ, ихъ имѣющимъ, но должны искать своего счастья въ добродѣтели и исполненіи воли Божіей. (Бес. 15 на посл. къ Филип.)

Печальныя семейныя исторіи Константина происходили въ 326 г., когда императоръ находился въ Римѣ. Съ тѣхъ поръ опротивѣла ему древняя столица и онъ выѣхалъ изъ нея съ тѣмъ, чтобы никогда въ нее не возвращаться¹⁾. Новая столица имѣла основаться на востокѣ. Сначала императоръ вознамѣрился основать столицу на азіатскомъ берегу близъ древней Трои. Стѣны и ворота предполагаемой столицы, построенныя Константиномъ и уцѣлѣвшія въ теченіе двухъ вѣковъ, служили памятникомъ этого намѣренія. Но скоро Константинъ передумалъ и, по откровенію Божію, какъ свидѣтельствуемъ самъ, избралъ мѣстомъ для столицы Византію, старинный греческій городъ на европейскомъ берегу Мраморнаго

1) По свидѣтельству языческаго историка Зосимы съ тѣхъ поръ будто бы опротивѣла Константину и древняя религія, устами своихъ представителей неоплатоника Сопатра и жрецовъ языческихъ объявившая, что у ней нѣтъ средствъ для искупленія столь ужасныхъ преступленій; послѣ чего будто бы императоръ и обратился къ новой всепрощающей религіи. Но мы знаемъ, что Константинъ давно уже былъ приверженцемъ христіанства.

моря близъ превосходнѣйшей въ мірѣ гавани, извѣстной подъ названіемъ Золотого Рога. Мѣстность была знакома императору, такъ какъ онъ самъ осаждалъ Византію во время борьбы съ Ликиніемъ въ 323 г. Константинъ быстро началъ украшать новую столицу великолѣпными зданіями, чтобы имѣть удовольствіе при жизни видѣть ихъ оконченными. Эти сооруженія соотвѣтствовали характеру императора—христіанина. Построено было нѣсколько великолѣпныхъ храмовъ; таковы напр. храмы во имя Ирины, (*εἰρημης*) Софіи (*σοφιας*) (т. е. Божіяго мира и Божіей премудрости) и 12 апостоловъ. Послѣдній храмъ, великолѣпно украшенный, царь назначилъ мѣстомъ своего погребенія. „Сотрудивъ тамъ 12 ковчеговъ“,—говоритъ Евсеій (*de vita C. IV. 60.*), „какъ бы 12 священныхъ памятниковъ въ честь и славу лика апостоловъ, посреди ихъ царь поставилъ гробъ для самаго себя, такъ что съ обѣихъ сторонъ этого гроба стояло по 6 апостольскихъ. Царь предъусмотрѣлъ мудрымъ умомъ, что для успокоенія его тѣла здѣсь самое приличное мѣсто“. Послѣднность въ построеніи храма была вѣроятно причиною того, что онъ распался спустя 20 лѣтъ послѣ построенія¹⁾. Другія сооруженія также напоминали о христіанскомъ строителѣ. Въ главной залѣ дворца посреди свода было изображеніе креста по-

1) Кроме того изъ К-польскихъ церквей ко временамъ Константина могутъ быть отнесены храмы во имя мученика Акакія, мученика Мокія и подгородный храмъ во имя арх. Михаила въ Аванлѣ. Вообще число столичныхъ церквей при жизни Константина не превышало 50, какъ это можемъ заключить изъ письма императора къ Евсеію съ просьбою приготовить 50 экз. церковныхъ книгъ. Приводимъ и самое письмо, такъ какъ оно кратко и можетъ служить образчикомъ литературныхъ приемовъ императора (*De vita C. III, 36.*)

„Въ соименномъ намъ городѣ, по промысленію Спасителя Бога, святѣйшая церковь приобрѣла вновь очень много людей. Съ быстрымъ же умноженіемъ вѣрующихъ оказывается весьма нужнымъ и умноженіе церквей. Итакъ прими со всею готовностію наше рѣшеніе. Мы заблагодарасудили объявить твоему благоразумію, чтобы ты приказалъ своимъ опытнымъ, отлично знающимъ свое искусство писцамъ написать на выдѣланномъ пергаментѣ пятдесятъ томовъ, удобныхъ для чтенія и легко переносимыхъ для употребленія. Въ этихъ томахъ должно содержаться божественное писаніе, какое, по твоему разумѣнію, особенно нужно имѣть и употреб-

злащенное и украшенное дорогими камнями. На главной площади стояли статуи Константина и Елены и посреди крестъ съ подписью: *единъ святъ, единъ Господь Иисусъ Христосъ во славу Бога Отца*. Городскіе фонтаны были украшены бронзовыми изображениями добраго пастыря и Данила среди львовъ. Не было недостатка и въ произведеніяхъ языческаго искусства;—Константинъ тщательно обобралъ другіе города имперіи, чтобы украсить свою новую столицу;—но изображенія старыхъ боговъ были разставлены по улицамъ и площадямъ города, не какъ предметъ для поклоненія, — но какъ памятники прошлаго, которыя должны украсить собою триумфъ новой религіи. „По всѣмъ площадямъ столицы“, повѣствуетъ Висевій (III, 54), „зрители встрѣчали, какъ позорное зрѣлище: въ одномъ мѣстѣ Ниоія, въ другомъ—Сминтія, въ самомъ циркѣ—Дельфійскій тревожникъ, а въ дворцѣ—Геликонскихъ музъ. Вообще весь соименный царю городъ былъ наполненъ искуснѣйшими мѣдвыми изваяніями, которыя почитались священными у всѣхъ народовъ. Одержимые недугомъ заблужденія люди поздно уразумѣли, что въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ они тщетно приносили всеожженія и многочисленныя жертвы своимъ идоламъ, — уразумѣли уже тогда, когда эти самыя изображенія царь обратилъ для забавы зрителей“.

Въ среду 26 ноября 329 г. заложены были стѣны, ограждавшія новую столицу со стороны материка, и чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, лишь только стѣны были готовы, — именно въ понедѣльникъ 11 мая 330 г. на 25 году арствованія Константинова совершенно было освященіе новаго города. Позднѣйшіе греческіе писатели сообщаютъ, что городъ былъ врученъ покровительству Богоматери, что торжество продолжалось 40 дней и что императоръ, чтобы усугубить народную радость, роздалъ множество свѣтныхъ припасовъ и разрѣшилъ игры

лять въ церкви. Для сего отъ нашей кротости послана грамота къ правителю округа, чтобы онъ озаботился доставкою тебѣ всего нужнаго для ихъ приготовления. Наискорѣйшая же переписка ихъ будетъ зависѣть отъ твоихъ хлопотъ. Для перевозки написанныхъ томовъ это письмо наше дастъ тебѣ право взять двѣ общественныя подводы, на которыхъ—особенно хорошо написанные свитки легко будетъ тебѣ доставить ко мнѣ. Такое дѣло исполнить одинъ изъ діаконовъ твоей церкви и, по прибытіи къ намъ, испытаетъ наше челоуколюбіе. Богъ да сохранитъ тебя, возлюбленный братъ“!

на ипподромѣ. Праздникъ 11 мая—*τὰ γενέθλια ἤτοι τὰ ἐγκαίνια τῆς Κωνσταντινου πόλεως*—продолжался много вѣковъ въ столицѣ восточной имперіи, отмѣченный особымъ чиномъ церковнаго богослуженія, превращеніемъ судебныхъ занятій и играми на ипподромѣ.

Константинополь былъ всецѣло созданіе императорской воли и императорской милости. Это всего болѣе обнаружилось при наборѣ населенія въ новую столицу, при чемъ нельзя не замѣтить, что мѣры Константина нѣсколько сходны съ мѣрами Петра великаго при основаніи Петербурга. Константинъ постановилъ, что землевладѣльцы въ провинціяхъ Асіи и Понтѣ только въ такомъ случаѣ могутъ распоряжаться своими имуществами и передавать ихъ по наслѣдству, если имѣютъ домъ въ Константинополѣ. Многочисленные придворные и военные чины, окружавшіе особу императора, также были столичными домовладѣльцами, и по позднѣйшему указу императора Θεодосіа I лишались чиновъ, если не имѣли дома въ столицѣ. Бѣдное населеніе столицы было обеспечено даровою раздачею хлѣба, мяса, масла и другихъ припасовъ, которая началась при Константинѣ и продолжалась нѣсколько вѣковъ послѣ него. Ежедневно раздавалось до 80000 мѣрокъ пшеницы, привозимой изъ Александріи: (впослѣдствіи при Θεодосіѣ II раздача зерноваго хлѣба замѣнена раздачею хлѣба печенаго). Раздача хлѣба была приурочена къ домамъ, при чемъ вѣроятно имѣлись въ виду только постоянные, а не случайные обитатели Константинополя. Для снабженія столицы хлѣбомъ императоръ узаконилъ, чтобы вся египетская пшеница чрезъ Александрію была доставляема не въ Римъ, какъ было прежде, а исключительно въ Константинополь. Но сѣверные вѣтры часто задерживали подвозъ пшеницы, и въ городѣ чувствовался недостатокъ въ хлѣбѣ. Въ 333 г. голодный народъ, собравшись на ипподромѣ, требовалъ казни философа Сопатра за то, что онъ будто бы своимъ волшебствомъ задерживалъ южный вѣтеръ, необходимый для судовъ, плывущихъ изъ Александріи въ столицу. Философъ былъ казненъ. Въ 335 г. враги св. Аванасія успѣли раздражить противъ него императора, увѣряя, будтобы александрійскій епископъ задерживаетъ подвозъ хлѣба въ столицу. Эта клевета была главною причиною ссылки св. Аванасія.—„Въ даровой раздачѣ хлѣба,—разсуждаетъ Финлей,—(I, 107—8), „выступаетъ наружу связь, соединявшая новую столицу съ интересами императоровъ, и намъ становится ясною терпимость, какую выказывали государи въ отношеніи раз-

ныхъ партій цирка и безпорядковъ, производимыхъ чернью. Императоръ и жители столицы чувствовали, что одинъ и тотъ же общій интересъ побуждаетъ ихъ поддерживать деспотическую власть, которая высасывала изъ провинцій деньги, необходимыя для пышной обстановки двора и для доставленія продовольствія и забавы народу. Вслѣдствіе этого никогда безпорядочное поведеніе черни не внушало императорамъ желанія ослабить вліяніе столицы; а тираннія императоровъ въ свою очередь никогда не побуждала гражданъ столицы требовать систематическаго ограниченія императорскаго произвола. — Это замѣчаніе Финлея имѣетъ силу для послѣдующей византійской исторіи; во времена же своего основателя Константинополь еще не былъ особенно многолюднымъ и вліятельнымъ городомъ. Желаніе Константина поднять *новый Римъ* выше *старого* по богатству и населенію не исполнилось при жизни императора, и Юліанъ поставляетъ въ особую похвалу Константину, что онъ въ теченіе 10 лѣтъ настолько же возвысилъ Константинополь надъ другими городами имперіи, насколько старій Римъ въ свою очередь возвышается надъ Константинополемъ. Впрочемъ спустя не болѣе ста лѣтъ послѣ своего основанія *новый Римъ* уже стоялъ значительно выше *старого* во всѣхъ отношеніяхъ. Въствѣ съ названіемъ *новаго Рима* въ Константинополь были перенесены римскіе чины и учрежденія и латинскій языкъ употреблялся, какъ оффиціальныи. Но сила вещей взяла свое и Константинополь, основанныи среди греческаго населенія и постоянно пополняемый пришельцами изъ Греціи и еллинизованнаго востока, съ теченіемъ времени сталъ городомъ совершенно греческимъ, хотя византійцы продолжали считать себя за честь именоваться *римлянами* (Ῥωμαῖοι).

СМЕРТЬ И. КОНСТАНТИНА. ОТЗВЫ И ЛЕГЕНДЫ О НЕМЪ.

Намъ остается сказать о Константинѣ то, что обыкновенно въ заключеніе о смертныхъ говорится, т. е. рассказать о его кончинѣ. Въ 337 г. Константинъ, собираясь въ походъ противъ персовъ, въ послѣдній разъ отпраздновалъ пасху въ своей новой столицѣ. „Проводимую въ бодрствованіи священную ночь“, рассказываетъ Евсевій объ обычномъ у Константина празднованіи пасхи, „превращалъ царь въ дневный свѣтъ, ибо назначенные къ тому люди по всему городу зажигали высокіе восковые столбы, какъ бы огненные лампы, озарившія

всякое мѣсто, такъ что эта таинственная ночь становилась свѣтлѣ самаго свѣтлаго дня; когда же наступало утро, то, по подражанію благодѣяніямъ Спасителя, простиралъ царь ко всемъ гражданамъ и черни благодарственную десницу и раздавалъ имъ всякаго рода богатые подарки“. Пасха въ 337 г. приходилась 3 апрѣля. Императору было около 63 лѣтъ отъ роду, но онъ сохранилъ еще крѣпость силъ духовныхъ и тѣлесныхъ. Но послѣ Пасхи,—повѣствуетъ Евсевій,—„сначала произошло разстройство въ его тѣлѣ, потомъ открылась въ немъ болѣзнь. Поэтому, оставилъ свой городъ, онъ отправился на теплыя воды, а оттуда переѣхалъ въ городъ, соименный своей матери (Еленополь)“. Лечение не помогло и императоръ почувствовалъ приближеніе смерти. Переѣхавъ въ предмѣстіе Никомидіи, царь говорилъ окружающимъ его епископамъ: „пришло то желанное время, котораго я давно жажду и о которомъ давно молюся, какъ о времени спасенія въ Богѣ. Пора и намъ принять печать безсмертія, приобщиться спасительной благодати. Я думалъ сдѣлать это въ водахъ рѣки Иордана, гдѣ, во образъ намъ, какъ повѣствуется, принялъ крещеніе самъ Спаситель; но Богъ, вѣдающій полезное, удостоиваетъ меня этого здѣсь. Итакъ не будемъ болѣе колебаться; ибо если Господу жизни и смерти угодно будетъ и продлить мое существованіе, то чрезъ это я подчиню себя правиламъ жизни, сообразнымъ съ волею Божіею“. Принявъ за тѣмъ крещеніе отъ руки Евсевія никомидійскаго, Константинъ облекся въ бѣлую одежду, а багряницы не хотѣлъ уже касаться. Кончина императора послѣдовала въ день пятидесятницы около полудня 22 мая.—21 мая грековосточная церковь совершаетъ память государя, именуемаго не только святымъ, но и *равноапостольнымъ*. Въ столицѣ византійской имперіи конечно съ особеннымъ чувствомъ воспѣвался въ этотъ день слѣдующій тропарь: τοῦ σταυροῦ σου τὸν τύπον ἐν οὐρανοῖς θεασάμενος καὶ ὁ Παῦλος τὴν κλήσιν οὐκ ἐξ ἀνθρώπων δεξάμενος, ὁ ἐν Βασιλευσιν Ἀπόστολός σου, Κύριε, βασιλευουσαν πόλιν τῇ χειρὶ σου παρέδωτο. ἦν περίσσεια διαπαντός ἐν εἰρήνῃ, πρεσβείαις τῆς θεοτόκου, μὲνε φιλήθρωπε.

Отзывы о личности и характерѣ Константина сохранились и у языческихъ писателей: Зосимы, Ливанія, Аммиана Марцелина, имп. Юліана; и у христіанскихъ: Евсевія Памфила, Лактанція, св. Афанасія и др. Отзывы разумѣется совершенно противоположны. Мы думаемъ помирить ихъ, указавъ тѣ добрыя черты Константина, въ которыхъ не могли отказать ему и язычники, и отмѣтивъ тѣ недостатки,

которых не могли отрицать и христіане. Язычники признавали, что Константинъ былъ человѣкъ дѣятельный и искусный въ военномъ дѣлѣ. Такъ Ливаній свидѣтельствуемъ, что императоръ былъ всегда занятъ умственною или ручною работою, что онъ постоянно придумывалъ какіе-нибудь планы въ интересахъ общественной пользы и не зналъ покоя ни днемъ ни ночью. Юліанъ называетъ Константина не лишеннымъ опытности въ войнѣ—*ὄχι ἀπολέμων*. Языческіе панегиристы восхваляли цѣломудріе Константина и непорочность его жизни. Съ другой стороны и христіанскіе писатели находятъ въ Константинѣ нѣчто, достойное упрека. Они порицаютъ Константина за его излишнюю щедрость и довѣрчивость къ людямъ, недостойнымъ довѣрія. „Многіе“ говоритъ Евсевій, — „порицали человѣколюбіе царя, называя это безпечностію въ отношеніи къ злодѣямъ, причиною своего зловранія почитавшимъ невзыскательность царя. И дѣйствительно въ описываемое время самъ я замѣчалъ владычество двухъ тяжкихъ пороковъ: 1) разрушительную силу ненасытныхъ и лукавыхъ людей, разхищавшихъ чужое имущество и 2) невыразимое притворство обманщиковъ, лицемѣрно присоединившихся къ церкви и ложно носившихъ имя христіанъ. Человѣколюбіе и добролюбіе, искренность вѣры и прямодушіе располагали царя довѣрять людямъ, бывшимъ по видимому христіанами и подъ маскою притворства старавшимся снискать истинное его расположеніе. Довѣряя же имъ, иногда совершалъ онъ и не должное. Это-то пятно завѣсть кладеть на прекрасныя его дѣянія“¹⁾. (*Devita C. IV, 54*). Сопоставленіе этихъ двоякихъ отзывовъ даетъ намъ идею о Константинѣ, какъ о человѣкѣ, который обладалъ высокимъ строемъ души, и, по себѣ судя о другихъ, нерѣдко ошибался. Но конечно лучшее свидѣтельство

¹⁾ Замѣчательно, что Юліанъ чрезмѣрную щедрость также ставитъ характерною чертою Константина. Въ своемъ сочиненіи *Caesares* Юліанъ выводитъ его вмѣстѣ съ другими властителями древняго міра на посмертный судъ предъ олимпійскихъ боговъ. Каждый герой исповѣдуетъ задачу и цѣль своей жизни. Цѣль Александра македонскаго: „всѣхъ побѣдить“. Цѣль Цезаря: „быть первымъ между согражданами“. Цѣль Августа: „хорошо управлять государствомъ“. Цѣль Марка Аврелія: „подражать богамъ“. — А ты что считалъ за лучшее въ своей жизни?—спрашиваетъ Гермесъ Константина. „Много приобрѣтать и много раздавать“, отвѣчаетъ К., „чтобы удовлетворить собственному желанію и требованіямъ друзей“.

о себѣ даетъ намъ самъ Константинъ въ своихъ литературныхъ трудахъ и изреченіяхъ. Источникъ этотъ не бѣденъ. Константинъ принадлежалъ къ числу императоровъ—писателей въ родѣ Марка Аврелія. Такъ какъ наиболѣе употребительною формою литературной дѣятельности въ христ. церкви была проповѣдь, то и Константинъ сдѣлался проповѣдникомъ. Онъ составлялъ рѣчи на праздники и произносилъ ихъ предъ своими придворными, при чемъ конечно не имѣлъ недостатка въ слушателяхъ. Онъ бесѣдовалъ о единомъ Богѣ, о промыслѣ, о воплощеніи Сына Божія, о послѣднемъ судѣ. Проповѣди императора—сказать правду—полны многословнаго резонерства, но важно то уже, что умъ императора не былъ подавленъ обыденными заботами и представленіями, но постоянно былъ обращенъ къ высшему, духовному міру и занятъ мировыми вопросами. Таже возвышенность мыслей открывается и въ отдѣльныхъ изрѣченіяхъ. Корыстолюбиваго царедворца царь увѣщевалъ въ такихъ выраженіяхъ: „до какихъ предѣловъ мы будемъ простирать свою алчность“? и потомъ вопьемъ, которое случайно держалъ въ своей рукѣ, очертавъ на землѣ пространство въ ростъ человѣческаго тѣла, примолвилъ: „если ты пріобрѣтешь всѣ богатства міра и овладѣешь всѣми стихіями земли,—и тогда не унесешь съ собою ничего болѣе этого описаннаго участка, да и то когда получишь его!“ Конечно корыстолюбивый царедворецъ выслушалъ царское нравоученіе, по греческому выраженію, *какъ миру*, и императору не мѣшало бы словъ не тратить по пустому, гдѣ нужно власть употребить. Тѣмъ не менѣе царское нравоученіе хорошо изображаетъ отрѣшенность самаго Константина отъ интересовъ минуты. Таже возвышенность мыслей Константина видна въ великодушномъ терпѣніи обидѣ. *Я не чувствую боли*, сказалъ онъ, поднося руки къ лицу, когда ему доносили, что чернь разбила его статуи.

Какъ и всякій человѣкъ, Константинъ съ теченіемъ времени измѣнялся. Языческіе писатели утверждаютъ, что это измѣненіе было къ худшему. Викторъ младшій говоритъ что изъ 30 лѣтъ царствованія Константинова онъ 10 лѣтъ царствовалъ, какъ отличный государь, 10 лѣтъ, какъ грабитель, и 10 лѣтъ, какъ распущенный глупецъ (*purillus*). Зосима утверждаетъ, что добившись единодержавія, Константинъ обнаружилъ свои природныя дурныя наклонности. Мы можемъ не вѣрить языческимъ писателямъ. Если послѣдніе годы жизни Константина и были омрачены казнію Криспа, то послѣдніе дни его,—по отзыву

Евсевія,—были проникнуты увѣренностію, что все, въ чемъ онъ согрѣшилъ, какъ смертный, будетъ снято съ души его силою таинственныхъ молитвъ и спасительнымъ словомъ крещенія.

Личность Константина, какъ и всякаго крупнаго историческаго дѣя- теля, обставлена множествомъ легендъ. Большая часть легендъ спиты— такъ сказать—бѣлыми нитками, такъ что не трудно угадать, въ чьихъ ин- тересахъ каждая составлена.

Есть легенда, составленная въ похвалу монашества. Это—ле- генда о томъ, какъ царь Константинъ, спедъ съ неба, бесѣдо- вать съ пустынникомъ Паисіемъ. „Приходилъ ко мнѣ — расска- зывалъ Паисій, — „великій Константинъ, первый изъ царей, свя- той и христіанинъ,—приходилъ съ печалью, рыданіемъ и плачемъ, го- воря: „я не зналъ и не воображалъ, что такая слава и честь ожи- даетъ въ царствѣ небесномъ монаховъ, которые такъ много терпятъ въ семь мірѣ. Если бы я зналъ это, то оставилъ бы корону и пор- фиру и скипетръ и маловременное суетное царство и послѣдовалъ бы житію монашескому“.—Я же,—продолжаетъ Паисій,—возразилъ ему: —развѣ небесный Владыка не даровалъ тебѣ на небѣ славу и честь за твое вѣрное и боголюбное царствованіе?—„Даль мнѣ Богъ славу— отвѣчалъ царь“, но не такую, какую монахамъ; имъ даются отъ Бога огненные крылья, на которыхъ, по разлученіи отъ тѣла, они беспре- пятственно возлетаютъ въ горній Іерусалимъ“.—Такъ и слѣдуетъ,— сказалъ отшельникъ.—Ты всю жизнь прожилъ пышно и весело съ же- ною, дѣтьми и боярами, а монахи, которыхъ недостойнъ весь міръ, оставили похоть тѣлесную и все имѣніе и терпятъ холодъ, жажду и наготу“.

Есть легенда, составленная въ интересахъ папства. Таково извѣ- стное сказаніе о *опнѣ Константиновомъ*. Легенда рассказываетъ, что Константинъ въ Римѣ заболѣлъ проказою и хотѣлъ, по совѣту идоль- скихъ жрецовъ, омыться для исцѣленія въ теплой крови младенцевъ, но, сжалившись надъ плачущими матерями, отложилъ свое намѣреніе. Въ награду за это апостолы Петръ и Павелъ, явившись во снѣ, по- велѣли царю принять крещеніе отъ руки римскаго епископа Сильве- стра. По крещеніи царь получилъ исцѣленіе, даровалъ Сильвестру множество всевозможныхъ правъ и привилегій, и перенесъ столицу

изъ Рима въ Византію, разсуждая, что неприлично-де царю земному обитать тамъ, гдѣ пребываетъ намѣстникъ царя небснаго. Легенда изложена въ формѣ граматы отъ имени Константина.

Есть легенды, измышленныя въ интересахъ византійскихъ государей. Таковы упоминаемые Константиномъ порфиророднымъ (de imp. c. 13) завѣты Константина о царскихъ облаченіяхъ, о греческомъ огнѣ (πῦρὶ ὑγροῦ πυρός), и запрещеніе греческимъ императоромъ родниться съ иноплемениками.

Наконецъ есть легенды, бывшія плодомъ досужаго воображенія византійцевъ. Таково сказаніе о письменахъ на гробѣ царя Константина, предвѣщавшихъ будущую судьбу Царьграда.

Въ Константинополѣ долго сохранялись разныя вещественныя памятники, напоминавшіе объ основателѣ столицы. Русскій паломникъ XII в. видѣлъ во св. Софіи Константиновъ вѣнецъ, Константиновъ щитъ и телѣгу Константина и Елены. Уже во времена турецкаго владычества путешественникамъ показывали порфиновый гробъ царя Константина, но пустой и открытый.

ЧТЕНИЕ ВТОРОЕ.

Императоры Констанцій (337—361), и Юлианъ (361—363).

ХАРАКТЕРИСТИКА ИМП. КОНСТАНЦІЯ И ЕГО УЧАСТІЯ ВЪ ДѢЛАХЪ ЦЕРКОВНЫХЪ.

Послѣ имп. Константина была совершена кровавая тризна. „Войско, узнавъ о смерти государя,“ повѣствуетъ Евсевій, „какъ бы по вдохновенію свыше... единогласно рѣшило никого не признавать римскими самодержцами кромѣ дѣтей его“. (De vita С. IV, 68). Но историкъ скромно умалчиваетъ о томъ; что войны произвели избіеніе императорской фамиліи, умертвили брата Константинова, двухъ племянниковъ: Далмата кесаря и Анвибаліана, царя понтійскаго, и еще пятерыхъ племянниковъ Константина, неизвѣстныхъ по имени. Изъ всей многовѣтвистой фамиліи Константина, кромѣ трехъ сыновей его, уцѣлѣли только два мальчика: 12-лѣтній Галль и 6-лѣтній Юлианъ, о которомъ у насъ рѣчь впереди. Внутреннія пружины этой трагедіи сокрыты отъ историческаго наблюденія. Но такъ какъ естественно предполагать виновниками или подбустителями злодѣйства тѣхъ, для кого оно выгодно, то приходится остановить вниманіе на сыновьяхъ Константина, которые этою рѣзнею избавлялись отъ совмѣстниковъ. Никто не обвинялъ никогда ни Констанса, ни Константина младшаго въ соучастіи въ убійствахъ, уже потому, что они находились далеко на западѣ. Но Констанцій остается предъ судомъ исторіи въ сильномъ подозрѣніи. Зосима утверждаетъ, что онъ самъ возбуждалъ воиновъ къ избіенію родичей. Св. Аѳанасій также прямо упрекаетъ Констанція въ томъ,

что онъ избилъ своихъ дядей и двоюродныхъ братьевъ. Юліанъ двоятся въ своихъ показаніяхъ: въ своемъ панегирикѣ Констанцію восхваляя императора, Юліанъ слегка упоминаетъ о томъ, что бывали случаи, когда Констанцій вынужденъ былъ допускать проступки другихъ; въ укорительномъ же письмѣ къ Констанцію предъ его смертію, Юліанъ прямо обвиняетъ его въ своемъ сиротствѣ. Болѣе снисходительные къ Констанцію писатели слагаютъ всю вину на своевольное войско. Но вообще народная молва винила Констанція: говорили даже, будто бы самъ императоръ въ послѣдствіи раскаялся въ своемъ проступкѣ и считалъ свое безчадіе и неудачи въ войнѣ съ персами наказаніемъ Божиимъ за свой грѣхъ. Если Констанцій дѣйствительно виновенъ въ избіеніи своихъ родичей, то это былъ почти единственный, хотя незаконный, но рѣшительный и смѣлый поступокъ въ его жизни.

Три сына Константина великаго, принявъ титулъ августовъ, раздѣлили имперію: Константинъ II-й получилъ удѣлъ своего дѣда К. Хлора,—именно Британію, Галлію и Испанію,—Констансъ—Италію и Африку,—Констанцій Малую Азію, Сирію и Константинополь съ Фракіею. Скоро Константинъ и Констансъ поссорились между собою за границы своихъ владѣній и между ними вспыхнула война; но Константинъ въ самомъ началѣ ея попалъ въ засаду и былъ убитъ при Аввилѣ (340 г.) Констансъ остался обладателемъ всего запада, точно также какъ Констанцій властвовалъ на всемъ востокѣ. Такъ прошло 10 лѣтъ. Въ 350 г. Констансъ былъ умерщвленъ возмущившимся полководцемъ Магненціемъ, котораго войско провозгласило императоромъ. Констанцій выступилъ мстителемъ за смерть своего брата и, одолевъ Магненція въ 352 г., сдѣлался единовластителемъ римской имперіи до самой своей смерти въ 361 году.

Слѣдя исторію востока, мы остановимъ вниманіе исключительно на императорѣ Констанціѣ. Констанцію было 21 годъ, когда онъ по смерти отца своего воцарился на востокѣ. Это былъ государь малаго роста и весьма большаго высокомѣрія. Онъ никого не допускалъ съ собою *in consessum vehiculi*, т. е. сидѣть рядомъ въ экипажѣ: онъ титуловалъ себя *отчнымъ* и *владыкою асей земли*, тогда какъ, по замѣчанію современника, болѣе скромный государь не позволялъ бы, чтобы его такъ называли другіе. Несообщительный и недоступный для подданныхъ, Констанцій любилъ играть роль триумфатора, являясь народу во всемъ царскомъ великолѣпнн, неподвижный какъ статуя; три-

умфоваль же и тогда, когда самъ находился въ нѣсколькихъ дняхъ пути отъ мѣста сраженія и даже когда его войска бывали разбиты; а равно и послѣ гражданскихъ войнъ, въ которыхъ съ обѣихъ сторонъ сражались и гибли воины римской имперіи. Умственные и нравственные силы императора далеко не соответствовали такому высокому брѣю. Правда онъ былъ довольно хорошо образованъ и любилъ говорить рѣчи, но его умъ былъ лишенъ силы и проницательности. Въ нравственномъ же отношеніи Констанцій былъ еще болѣе ничтоженъ. Трусливый, мнительный, подозрительный, и въ тоже время безсердечный и жестокий, Констанцій былъ игрушкой своихъ женъ ¹⁾ и окружавшихъ его евнуховъ. Между этими евнухами,—людьми, которые какъ будто самою природою обречены для холодныхъ страстей и упорныхъ интригъ,—первенствовалъ нѣкто Евсевій, у котораго императоръ пользовался большимъ кредитомъ,—*multum potuit*, какъ иронически замѣчаетъ языческій историкъ Амміанъ Марцелинъ. Царскіе шпионы (*curiosi*, *πειρητες* ²⁾), рыскали по областямъ имперіи и готовы были обвинить кого-угодно въ чемъ-угодно ради вымогательства денегъ. Евнухи составляли высшую инстанцію въ управленіи; они докладывали государю, что хотѣли, и направляли его мысли по своему усмотрѣнію. Личное участіе Констанція въ управленіи всего лучше характеризуется отзывомъ в. Аѳанасія. „Сличая между собою письма Констанція“, говоритъ александрійскій святитель, „я вижу, что государь не по существу дѣла судить, но движется только мыслями окружающихъ, а своего сужденія вовсе не имѣетъ. Оттого онъ пишетъ,—и потомъ раскаивается въ томъ, что на-

¹⁾ Констанцій преемственно имѣлъ нѣсколько женъ. Для исторіи извѣстны слѣдующія: а) двоюродная сестра Констанція, родная по отцу сестра имп. Юліана, неизвѣстная по имени; бракъ съ нею былъ заключенъ въ 336 г.+до 350 г. б) Евсевія, ревностная арианка, заступница Юліана, разумная и ученая, но неплодная женщина: бракъ съ нею заключенъ въ концѣ 352 или началѣ 353 г.+въ концѣ 359 или началѣ 360 г. в) *Maxima Faustina*, бракъ съ которою заключенъ въ концѣ 360 г. Такъ какъ первая жена Констанція была ему родственница, а Евсевія была неплодна, то быть можетъ поэтому Юліанъ характеризуетъ брачную жизнь Констанція словами: *γαμος αγαμος*.

²⁾ *Curiosi* впрочемъ имѣли легальное существованіе. Это были чиновники, обязанные уведомлять императора о томъ, что дѣлается въ провинціяхъ, учрежденные гораздо ранѣе Констанція и уничтоженные при Юліанѣ

писаль; раскаяваясь раздражается, и снова скорбитъ, и не знаетъ, что дѣлать. Все это показываетъ отсутствіе въ немъ разсудительности. Такой человекъ по справедливости достоинъ всякаго сожалѣнія; свободный по званію и по имени, онъ становится рабомъ нечестивцевъ, влекущихъ его по своему желанію“. Впрочемъ Констанцій обладалъ нѣкоторыми качествами, которыя могли бы составить украшеніе частнаго человека. Онъ былъ трезвъ, цѣломудренъ, умѣренъ въ пищѣ и питъѣ, и иногда терпѣливо сносилъ обиды. Такъ онъ посмѣялся только надъ дерзостію жителей Едессы или Емессы, которые избили бичами его статую, приговаривая, что человекъ, потерпѣвшій позорное наказаніе, недостойнъ болѣе царствовать. Но вышеупомянутыя добрыя качества не вознаграждали въ Констанціѣ отсутствія свойствъ, необходимыхъ для правителя обширной имперіи.

Наше дѣло—указать собственно отношеніе Констанція къ религіи. Воспитанный съ малыхъ лѣтъ въ христіанствѣ, хотя, по примѣру отца, не принимавшій крещенія до самой смерти, Констанцій былъ ревностнымъ врагомъ идолопоклонства. При императорскомъ дворѣ стали раздаваться голоса фанатиковъ нетерпимости, въ родѣ христ. ритора Юлія Фирмика Матерна, который въ своемъ сочиненіи *de errore profanarum religionum* убѣждалъ Констанція и его брата западнаго императора Констанса преслѣдовать язычество. „На васъ“—говорилъ Юлій,—„лежитъ обязанность совершенно искоренить зло и потому законъ Всевышняго повелѣваетъ вамъ преслѣдовать порокъ идолослуженія всѣми средствами. Языческіе храмы должны быть уничтожены, чтобы такимъ образомъ ни одно заблужденіе не пятнало болѣе римскій міръ. Для того Всевышній и даровалъ вамъ власть, чтобы окончательно уврачевать этотъ недугъ... Бросьте храмовыя украшенія и изваянія идоловъ въ огонь и обратите все это въ монету, употребите приношенія, доставляемыя богамъ, въ свою пользу и даръ Господу! Какъ скоро совершенно разрушены будутъ храмы боговъ, и когда не останется болѣе никакихъ слѣдовъ нечестія, сила Божія возвыситъ васъ, всѣ враги ваши будутъ побѣждены и ваше царство далеко распространится“. Памятникомъ нетерпимости Констанція по отношенію къ язычеству остались его указы: отъ 341 г., начинающійся такъ: *Cesset superstitio, sacrificiorum aboleatur insania*, и отъ 353 г., въ которомъ читаемъ слѣдующія строки: *Placuit omnibus locis atque urbibus universis claudi protinus templa... Volumus etiam cunctos sacrificiis abstinere. Quod si quis aliquid forte huiusmodi*

perpetraverit, gladio ultore sternatur. Послѣднимъ указомъ, какъ видимъ, совершенно воспрещается идолослуженіе подъ угрозою смертной казни. Конечно въ дѣйствительности эти указы далеко не были выполнены. Храмы языческіе продолжали существовать въ Римѣ и Александріи и самъ Констанцій принужденъ бывалъ уступать силѣ вещей... Будучи въ Римѣ въ 357 г., Констанцій, по свидѣтельству языческаго апологета Сихаха, оставилъ неприкосновенными языческіе памятники и обычаи. Nilil decerpit sacrarum virginum privilegiis, decrevit nobilibus sacerdotia, Romanis caeremoniis non negavit impensas, et per omnes vias aeternae urbis laetum secutus senatum, vidit placido ore delubra, legit incripta fastigiis deum nomina, percontatus est templorum origines, miratus est conditores. Но гдѣ можно было, — въ частности на востокѣ, — Констанцій дѣйствовалъ противъ язычества смѣлѣе. Церковный историкъ Феодоритъ повѣствуетъ, что въ 350 г., отправляясь въ походъ противъ персовъ, императоръ собралъ все войско и убѣждалъ воиновъ принять крещеніе и облечься въ ризу спасенія въ виду опасностей, неразлучныхъ съ войскою: въ противномъ случаѣ, — говорилъ императоръ, — ему остается распустить войско, потому что онъ не можетъ рѣшиться идти на войну съ некрещеными солдатами. Это увѣщаніе представлялось нѣсколько страшнымъ, потому что Констанцій въ то время еще и самъ былъ не крещенъ, хотя нельзя отрицать, что жизнь государя на войнѣ менѣе подвержена опасностямъ, чѣмъ жизнь солдата. Если сводить къ итогамъ слѣдствія религиозной политики Констанція, то нужно сказать, что она съ одной стороны произвела глубокое озлобленіе языческаго міра противъ христіанскаго общецва, выразившееся въ послѣдующемъ царствованіи Юліана, — а съ другой стороны не возвысила духа и въ самомъ христіанскомъ обществѣ. „Если“, говоритъ Неандеръ, „уже царствованіе Константина великаго доказало отчасти, что иногда повривительство государственной власти бываетъ вреднѣе и опаснѣе для христіанства, чѣмъ прямое гоненіе, — то царствованіе Констанція утвердило эту истину еще болѣе“.

Духъ нетерпимости, обнаруженный Констанціемъ по отношенію къ язычеству, напелъ себѣ мѣсто и въ приложеніи къ христіанскому обществу. Констанцій былъ аріанинъ. Это и не удивительно. Мы знаемъ уже, что аріанское вліяніе взяло перевѣсъ при дворѣ Константина великаго въ послѣдніе годы его жизни. Есть извѣстіе, что какой-то аріанскій пресвитеръ оказалъ значительныя услуги Констанцію непо-

средственно по смерти его отца. Наибольше же безграничное вліяніе аріанъ надъ душою Констанція относится ко времени сего единодержавія. 350-й годъ былъ безъ сомнѣнія самый тяжелый въ жизни Констанція. Съ запада выступалъ противъ него убійца его брата Констанса, Магненцій, шедшій съ войскомъ, но несшій вмѣстѣ съ тѣмъ и мирныя предложенія. Выступили кромѣ того еще два претендента на императорскую корону Ветраніонъ въ Панноніи и Непотіанъ (сынъ сестры Константина великаго Евтропіи) въ Италіи. Въ такихъ трудныхъ обстоятельствахъ Констанцій обнаружилъ твердость, какой,—по мнѣнію Шлоссера,—„трудно было ожидать отъ него. Онъ отказался отъ всякихъ переговоровъ съ убійцею своего брата“. Твердость эта основывалась на высокоуміи Констанція, еще болѣе на его суевѣрїи. Констанцій видѣлъ во снѣ отца своего, который, показывая убитаго брата Констанса, заклиналъ отмстить за смерть его и увѣрялъ въ побѣдѣ. —Рѣшительный день битвы наступилъ 28 сентября 352 г. при г. Мурсъ въ Славоніи близъ рѣкъ Дуная и Савы. Эта битва была для имперіи гибельнѣе, чѣмъ самая страшная войны съ внѣшними врагами. Здѣсь сразились между собою лучшія войска востока и запада имперіи; обѣ стороны дрались съ необыкновеннымъ мужествомъ и потери ихъ были чрезвычайно велики. Во время битвы Констанцій находился въ близлежащемъ храмѣ мучениковъ. Аріанствующій епископъ Валентъ, находившійся во храмѣ вмѣстѣ съ императоромъ, успѣлъ воспользоваться его неразсудительностію въ эти тревожныя минуты страха и неизвѣстности. Получивъ прежде другихъ извѣстіе о благополучномъ исходѣ сраженія, епископъ поздравилъ императора съ побѣдою. На вопросъ Констанція: какимъ путемъ пришла эта добрая вѣсть? епископъ отвѣтилъ, что она ему принесена ангеломъ. Съ тѣхъ поръ Констанцій получилъ очень высокое понятіе о святости Валента и часто повторялъ въ послѣдствіи, что онъ обязанъ побѣдою не столько мужеству войска, сколько молитвамъ Валента. Извѣстенъ еще одинъ аріанствующій епископъ, Леонтій изъ Триполи въ Лидіи, твердостію своего права имѣвшій вліяніе на императора. Однажды, когда императоръ среди епископовъ разсуждалъ о церковныхъ дѣлахъ, всѣ его хвалили и одобряли. Одинъ Леонтій молчалъ и наконецъ рѣзко заявилъ слѣдующее: *я удивляюсь, что ты, поставленный распоряжаться военными и гражданскими дѣлами, осмѣливаешься управлять епископами въ дѣлахъ, которыя только до нихъ касаются.* Государь съ бо-

лѣе твердымъ характеромъ такія слова только раздражили бы, но Констанцій увидѣлъ въ нихъ силу, которой призналъ необходимымъ подчиниться. Извѣстенъ еще Евзой, ученикъ Арія, арианствующій епископъ Антиохіи, отъ руки котораго Констанцій принялъ предсмертное крещеніе.

Но кто бы ни были арианствующіе лица, окружавшіе Констанція, несомнѣнно то, что императоръ въ церковныхъ дѣлахъ находился подъ ихъ вліяніемъ. Страстные къ спорамъ арианствующіе епископы, пользуясь покровительствомъ императора, постоянно развѣжали по имперіи, составляя свои соборы ¹⁾, такъ что, по отзыву языческаго историка, причинили великій ущербъ содержанію почти въ имперіи. Разрушеніе почти было наименьшимъ изъ золь, причиненныхъ арианскою суетливостію; важнѣе былъ духъ догматической неустойчивости и нравственнаго раздора, привнесенный господствомъ арианъ. Вину всего этого языческій писатель Амміанъ Марцеллинъ слагаетъ на императора. Приведемъ его замѣчательный отзывъ о Констанціѣ. *Christianam religionem absolutam et simplicem anili superstitione confundens: in qua scrutanda perplexius, quam componenda gravius excitavit discidia plurima, quae progressa fasius aluit concertatione verborum: ut catervis antistitum jumentis publicis ultro citroque discurrentibus per synodos, quos appellant, dum ritum omnem ad suum trahere conatur arbitrium, rei vehiculariae succideret nervos.* Духъ нетерпимости, водворившійся между разными частями христіанскаго общества, былъ главнымъ плодомъ религіозной политики Констанція. О нетерпимости арианъ нѣтъ нужды много распространяться. Припомнимъ нѣсколько выдающихся фактовъ. *Я самъ обвинитель Аванасія*, говорилъ Констанцій на миланскомъ соборѣ 355 г., добиваясь вопреки правиламъ церковнымъ осужденія отсутствующаго александрійскаго епископа. *Моя воля для васъ правило. Или повинуйтесь моему требованію, или я пошлю васъ въ ссылку.* Возведеніе на кафедру арианствующихъ епископовъ сопровождалось сценами насилія и даже убійства.

¹⁾ Изъ соборовъ бывшихъ при и. Констанціѣ особенно извѣстны: антиохійскій 341 г., сардикскій 337 г. и арианскій контръ-соборъ въ Филипполѣ того-же года, кареагенскій 346 г., два миланскихъ 347 и 355 г. два сирійскихъ и анкирскій 349 и 351, ариминскій 359, г., селевкійскій 351 и константинопольскій 360 г. и многіе другіе епископскіе съезды, менѣе значительные.

Таково напрімѣрь возведеніе на александрійскую кафедру Григорія въ 341 г. и Георгія въ 357 г. Событія насильственнаго водворенія въ Александрію аріанскихъ соперниковъ св. Аѳанасія на столько извѣстны въ церковной исторіи, что намъ нѣтъ нужды ихъ пересказывать. Положимъ, что мы имѣемъ разсказъ объ этихъ событіяхъ отъ потерпѣвшаго лица, т. е. отъ самаго св. Аѳанасія, но многолѣтнее изгнаніе святителя и самое бѣгство его съ кафедры служить подтвержденіемъ истины его словъ, ибо,—какъ выражается св. Аѳанасій,— *отъ добрыхъ и благочестивыхъ людей никто не бѣгаетъ*.—Но отбиваясь отъ непримиримыхъ враговъ православія, и православные естественно проникались чувствами гнѣва и раздраженія.

Таково было печальное положеніе церкви, когда 13 ноября 361 г. умеръ Констанцій на 45 году жизни и на 25 году царствованія. Конечно ни язычники, ни православные христіане не оплакивали этого императора. Язычники считали смерть Констанція особенною милостію боговъ, потому что она открыла безпрепятственный доступъ къ престолу Юліану—послѣднему представителю политеизма. Чувства же православныхъ по поводу смерти Констанція отражаются въ позднѣйшемъ, нѣсколько риторическомъ, возгласѣ блаж. Иеронима: „Господь пробуждается. Онъ повелѣваетъ бурѣ. Звѣрь умеръ, и спокойствіе восстанавлиется“.

И. Юліанъ. (+363 г. 27 іюня). Воспитаніе Юліана и его жизнь до воцаренія.

Царствованіе Юліана,—какъ это и часто бываетъ въ исторіи,—представляло собою реакцію по отношенію къ царствованію предшественника. „Можно сказать“, говоритъ франц. историкъ Ле-Бо, „что Юліанъ обязанъ Констанцію почти всѣми своими добродѣтелями, точно также какъ и всѣми своими несчастіями. Антипатія Юліана къ убійцѣ его семьи отдаляла его отъ всѣхъ пороковъ Констанція: конечно этого еще недостаточно для того, чтобы сдѣлаться великимъ государемъ“. Къ сожалѣнію Юліанъ свою антипатію къ Констанцію перенесъ и на религію, исповѣдуемую Констанціемъ: это было роковое заблужденіе, благодаря которому Юліанъ остался въ исторіи съ мрачнымъ именемъ *отступника*.

Юліанъ родился въ Константинополѣ во второй половинѣ 331

года. Отецъ его Юлій Констанцій былъ по отцу родной братъ Константина великаго: мать Василина, вторая жена Ю. Констанція, происходила также изъ знатнаго рода и была христіанка. Юліанъ былъ единственнымъ плодомъ этого брака, такъ какъ мать его умерла чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ его рожденія. Природа надѣлила Юліана очень живыми дарованіями и любознательностію, а судьба послала ему двухъ лучшихъ товарищей для самообразованія—несчастіе и уединеніе. Юліану было шесть лѣтъ, когда его отецъ и старшій братъ погибли во время извѣстнаго избіенія императорской фамиліи по смерти Константина в. Братъ Юліана по отцу Галлъ былъ пощажень, потому что былъ тяжело болѣнъ; а самъ Юліанъ спасся благодаря своему малолѣтству или потому что нашель убѣжище въ христ. храмѣ. До 345 г. т. е. до 15-лѣтняго возраста Юліанъ предоставленъ былъ самому себѣ. Главнымъ воспитателемъ его былъ наслѣдованный отъ матери евнухъ, родомъ скиѣцъ, по имени Мардонъ, человѣкъ строгихъ и суровыхъ нравовъ. Кажется его Вліянію Юліанъ обязанъ своими простыми привычками и воздержаніемъ отъ роскоши и чувственныхъ удовольствій. Страсть Юліана къ чтенію книгъ находила для себя теперь полный просторъ. Онъ перечиталъ всѣ произведенія классической литературы; но его греческая начитанность была сильнѣе латинской, потому что онъ жилъ среди греческаго населенія.

Отжившій античный міръ виднѣлся Юліану изъ старыхъ, вѣчно юныхъ произведеній Гомера и Платона и казался ему только цвѣтеніемъ того, что уже лежало въ его сознаніи. „Съ дѣтства“,—разсказываетъ Юліанъ,—„свойственно мнѣ было страстное желаніе познать все величіе бога Геліуса. Блескъ небснаго свѣта такъ поражалъ меня въ юные годы, что я не только днемъ пристально созерцалъ его, но и въ ясныя безоблачныя ночи выходилъ изъ дому и, ничѣмъ не тревожимый, съ благоговѣніемъ смотрѣлъ на звѣздное небо. Я забывалъ самъ себя, не слышалъ, что мнѣ говорили, такъ что меня считали лунатикомъ. Итакъ я смотрѣлъ на небо, когда былъ еще безъ бороды, когда у меня въ рукахъ не бывало еще ни одной книги о небожителяхъ, когда я ни отъ кого не слышалъ о томъ, что дѣлается на небѣ. Не знаю, повѣрять ли мнѣ, если я скажу, что я и тогда думалъ о богахъ, смотря на небо“. Идеальный міръ боговъ и героев казался такъ прекрасенъ по сравненію съ суровою и мрачною дѣйствительностію, которая не замедлила о себѣ напомнить.

Потрадивъ жизнь двухъ малолѣтнихъ отраслей императорской фамилии, подозрительный Констанцій естественно долженъ былъ озаботиться тѣмъ, чтобы изъ нихъ не вышли будущіе для него мстители. Принялся за воспитаніе ихъ Констанцій впрочемъ уже довольно поздно, когда Галлу было 20 лѣтъ, а Юліану около 15. Въ 345 г. Констанцій водворилъ обоихъ братьевъ въ Каппадокию въ замѣтъ Мавеллѣ, и справедливо разсуждая, что христіанская религія всего лучше можетъ примирить человѣка съ его участью, окружилъ ихъ христіанскими учителями и людьми, которые могли бы утвердить ихъ въ правилахъ церковной жизни. Оттого ли, что эти приставники были неудовлетворительны, или оттого что Юліанъ успѣлъ уже проникнуться сильною любовью въ классическому міру, — христіанское воспитаніе не принесло въ немъ желаемыхъ плодовъ. Юліана и Галла приучали въ исполненію церковныхъ обрядовъ. „Мальчиновъ“ — говоритъ Неандеръ, — „легко было приучить ко всему и привычка возымѣла бы свою силу, если бы не воспослѣдовало внутреннее духовное противодѣйствіе. Такъ было съ Галломъ, но не такъ случилось съ Юліаномъ“.

Тѣмъ не менѣе окруженный приставниками Констанція, Юліанъ не только принялъ крещеніе, но и причисленъ былъ въ клиру, получивъ должность *чтеца* (*ἀναγνώστης*). Эта должность обязывала Юліана читать св. писаніе. И мы видимъ, что онъ хорошо зналъ библію, но относяся къ ней съ предубѣжденіемъ. Быть можетъ еще въ ранней юности въ его умѣ возникъ рядъ возраженій противъ св. писанія, которыя онъ изложилъ впоследствии въ своемъ сочиненіи: *противъ христіанъ*. Приведемъ хотя два изъ этихъ возраженій. Вотъ возраженіе — по ветхозавѣтному писанію. „Христіане говорятъ, что Богъ послѣ перваго закона положилъ второй, — что первый будто бы данъ былъ на опредѣленное время, а въ заключеніе явился второй завѣтъ, предсказанный и предъизображенный во времена Моисея. Я ясно докажу, что это говорится ложно, и приведу не десять, а несчетное множество свидѣтельствъ изъ Моисея, гдѣ завѣтъ называется вѣчнымъ. Послушайте напр. изъ Исхода: *и будетъ вамъ день сей въ память... законно вѣчно празднуйте его*“. (Исх. 12, 14—15). Вотъ возраженіе по новозавѣтному писанію, напоминающее нѣсколько отрицательные выводы тюбингенской школы. „Ни Павелъ не дерзнулъ назвать Иисуса Богомъ, ни Матеей, ни Лука, ни Маркъ, а только добрый Іоаннъ, и то уже узнавъ, что множество людей во многихъ городахъ Греціи и Италіи охвачены симъ

недугомъ". (т. е. христіанствомъ). Возраженіе это не вѣрно по существу своему, но весьма легко могло возникнуть при тогдашнихъ аріанскихъ спорахъ.—Еще болѣе возраженій возбуждалось въ душѣ Юліана относительно церковно-богослужебной практики. „Крещеніе — писалъ Юліанъ въ послѣдствіи, — не исцѣляетъ ни проказы, ни лишаевъ, ни подагры, ни диссентеріи, ни водяной, ни восторжы и никакой тѣлесной немощи. Оно очищаетъ только отъ прелюбодѣяній, хищеній и вообще всякихъ душевныхъ прегрѣшеній". Послѣднія слова звучатъ прочтениемъ отрицаніемъ, доказывающимъ впрочемъ только то, что на своей душѣ Юліанъ не испыталъ благодатной силы крещенія. Внутренне предубѣжденный противъ христіанства, наружно добрый христіанинъ, Юліанъ въ теченіе своего пятилѣтняго пребыванія въ Каппадокии долженъ былъ хорошо изучить только искусство притворяться.

Въ началѣ 351 г. старшій братъ Юліана Галлъ былъ возведенъ въ достоинство кесаря и поселился въ Антиохіи, а 20-лѣтній Юліанъ возвратился въ Константинополь, и тамъ продолжалъ свое образованіе, учась у Эквиолія, довольно плохаго софиста и еще болѣе плохаго христіанина. Переселенный вскорѣ послѣ того въ Никомидію, Юліанъ завязалъ болѣе живыя и сердечныя сношенія съ тогдашними учеными представителями язычества: Ливаніемъ, Максимомъ и Θεμισіемъ, при чемъ посвященъ былъ въ языческія мистеріи. „Азія“, говоритъ св. Григорій Богословъ, „стала для Юліана училищемъ нечестія, всѣхъ бредней о звѣздочетствѣ, о дняхъ рожденія, о разныхъ способахъ гаданія, а также и соединенной съ ними неразрывно магіи“. Тайственность всегда привлекательна, и мы не будемъ удивляться, что Юліанъ вѣрилъ въ сны и предсказанія, если припомнимъ, что многіе весьма образованные люди прошлаго столѣтія находили интересъ въ бредняхъ и странныхъ ритуалахъ масонства. Около 4-хъ лѣтъ Юліанъ прожилъ на свободѣ, но въ концѣ 354 г., когда императоръ вызвалъ въ Италію и умертвилъ брата Юліанова Галла, вызванъ былъ ко двору императора и Юліанъ и повидимому долженъ былъ ожидать тойже участи. Его спасло заступничество жены Констанція, императрицы Евсеіи, вторая выпросила ему позволеніе отправиться въ Аѳины для дальнѣйшаго образованія. Въ Аѳинахъ видѣлъ и узналъ Юліана св. Григорій Назіанзинъ, который въ послѣдствіи, уже по смерти Юліана, такъ изображалъ своего школьнаго товарища. „Еще и тогда я не худо разгадалъ этого человѣка, хотя и не принадлежу къ числу людей искусныхъ

въ этомъ дѣлѣ. Миѣ не предвѣщало въ немъ ничего добраго: шея не твердая, плечи движущіяся и выравнивающіяся, глаза бѣглые, наглые и свирѣпые, ноги, не стоящія твердо, но стгибающіяся, носъ, выражающій дерзость и презрительность, черты лица смѣшныя и тоже выражающія, смѣхъ громкій и неумѣренный, наклоненіе и откидываваніе назадъ головы безъ всякой причины, рѣчь медленная и прерывистая, вопросы беспорядочные и несвязные, отвѣты, ничѣмъ не лучшіе, смѣшиваемые одни съ другими, нетвердые и неподчиненные правиламъ. Но для чего описывать подробно?... Такимъ же видаль я его и прежде дѣлѣ, какимъ узналъ по дѣламъ. Если бы здѣсь находились нѣкоторые изъ бывшихъ со мною тогда и слышавшихъ мои слова, они безъ труда засвидѣтельствовали бы это. Ибо и тогда уже какъ увидѣлъ его, сказалъ я имъ: *какое зло воспитываетъ себя римская имперія!* и, предрекиши, желалъ быть ложнымъ пророкомъ“...—Этотъ отзывъ, хотя не отличается безпристрастіемъ, тѣмъ не менѣе даетъ ясное представленіе объ Юліанѣ, какъ о человѣкѣ живомъ, энергичномъ, впечатлительномъ и подвижномъ,—хотя эта подвижность и производила на различныхъ людей различное впечатлѣніе.

Только полгода Юліану пришлось жить въ Аѳинахъ. Бездѣтный Констанцій, по настоянію жены своей Евсевіи, вызвалъ Юліана во дворъ, какъ послѣдняго принца угасающей династіи Константиновой, провозгласилъ его кесаремъ, обручилъ съ своею сестрою Еленою и назначилъ правителемъ запада. Это было въ концѣ 355 года.

Прибывъ въ Галлію, Юліанъ изъ уединеннаго любителя древности и науъ вдругъ сдѣлался отличнымъ полководцемъ и администраторомъ. Онъ вообще велъ себя сдержанно, хотя втайнѣ и поклонялся языческимъ богамъ вмѣсто единого христіанскаго Бога. Онъ дѣлилъ свое время между военными занятіями, правительственными заботами и наукою. Въ войнѣ съ варварами ему нужна была не столько тактическая опытность и искусство, сколько терпѣніе и умѣнье переносить лишения. Счастіе ему благоприятствовало. Дружескимъ обращеніемъ, мужествомъ и участіемъ во всѣхъ трудностяхъ походовъ онъ расположилъ въ себѣ солдатъ, а благоразумною администраціею и политикою приобрѣлъ уваженіе варваровъ. Такъ прошло пять лѣтъ (355—360).

Придворные Констанція, давно уже пытавшіеся вооружить его противъ Юліана, убѣдили императора потребовать на востокъ лучшую часть легионовъ. Войска должны были проститься съ Юліа-

номъ въ Парижѣ, но здѣсь они возмутились и провозгласили его императоромъ. Юліанъ послалъ Констанцію собственноручное донесеніе о всемъ случившемся, выражая желаніе вступить въ переговоры. Но Констанцій потребовалъ безусловной покорности. Юліанъ не могъ согласиться на это, не опасаясь погубить себя и своихъ сторонниковъ, и потому выступилъ противъ Констанція, чтобы рѣшить споръ оружіемъ. Во время этого похода Юліанъ открыто заявилъ себя чтителемъ древнихъ боговъ. и даже употребилъ странный обрядъ (тавроболіумъ), для того, чтобы смыть съ себя св. крещеніе. „Мы получили многочисленныя и ощутительныя знаки покровительства боговъ и обожаемъ ихъ безъ страха, открыто“ ... писалъ Юліанъ въ своему учителю Максиму. — „Армія раздѣляетъ наше благочестіе, и мы публично приносимъ жертвы. Мы принесли богамъ множество геватомбъ за ихъ благодѣянія, и они общають намъ большіе успѣхи“. Ожиданіе успѣховъ не было тщетнымъ. Констанцій скоро умеръ и Юліанъ безъ боя сдѣлался единодержавнымъ римскимъ императоромъ.

ЦАРСТВОВАНИЕ ЮЛІАНА. ЮЛІАНЪ ВЪ КОНСТАНТИНОПОЛѢ И АНТІОХІИ.

Царствованіе Юліана было очень кратковременно: оно продолжалось всего 1 годъ, 7 мѣсяцевъ и 14 дней со дня смерти Констанція до дня смерти самаго Юліана. Но это короткое время наполнено событиями и перемѣнами, а еще болѣе планами, мѣропріятіями и всякими ожиданіями событий и перемѣнъ. Не смотря на краткость царствованія Юліанова, мы можемъ различать въ жизни императора два періода: періодъ увлеченія и періодъ разочарованія. Первый соотвѣтствуетъ пребыванію Юліана въ Константинополѣ (съ 11 дек. 361 г. по май 362 г.); второй—пребыванію его въ Антіохіи (съ іюля 362 г. по 5 марта 363 г.).

Воцареніе Юліана было встрѣчено общею радостію. Онъ имѣлъ неопдѣненное преимущество возсѣсть на престолъ послѣ предшественника, неспособнаго къ управленію имперією и всѣмъ прискучившаго. Похоронивъ Констанція со всѣми царскими почестями, Юліанъ вѣжется поставилъ своею задачею жить и управлять совершенно иначе, чѣмъ его предшественникъ:—явленіе, которое нерѣдко повторяется въ исторіи и служить причиною славы иныхъ государей, ибо отрицательныя задачи выполняются легче положительныхъ.

Констанцій былъ окруженъ многочисленнымъ и дорого стоющимъ дво-

ромъ. Юліанъ уволилъ всѣхъ евнуховъ, говоря, что они совершенно ненужны для человѣка, имѣющаго одну жену, и также поступилъ съ прочими многочисленными придворными служителями. Реформируя придворную жизнь, Юліанъ, — по мнѣнію Шлоссера — дошелъ уже до неблагоразумныхъ крайностей. „Востокъ любитъ, чтобы правителя окружалъ блескъ, и кто хочетъ властвовать надъ чернью, долженъ подчиняться ея предразсудкамъ... 1) Уничтоживъ блестящую свиту Констанція и разогнавъ цѣлыя толпы поваровъ, церемонимейстеровъ и прочихъ прислужниковъ императора, Юліанъ, конечно, поступилъ очень хорошо. Но ему не нужно было впадать въ крайности, повергая въ нищету цѣлыя семейства, и доводя до смѣшного своєю простоту въ одеждѣ, пицѣ и образѣ жизни“.

Констанцій былъ недоступенъ и невидимъ для подданныхъ: Юліанъ напротивъ того жилъ просто и доступно; не было ничего легче, какъ увидѣть императора на улицахъ столицы и обратиться къ нему съ какимъ угодно заявленіемъ. Юліанъ часто принималъ личное участіе въ судебныхъ разбирательствахъ, отличаясь быстрымъ и яснымъ пониманіемъ дѣла, хотя, какъ увидимъ, по отношенію къ христіанамъ и не былъ судьей безпристрастнымъ.

Констанцій былъ аріанинъ и жестокой гонитель какъ язычества, такъ и никейскаго православія: напротивъ того Юліанъ объявилъ себя абсолютно вѣротерпимымъ. „Клянусь всѣми Зогамъ“, писалъ Юліанъ, — „я не хочу, чтобы христіанъ убивали безъ суда и справедливости и чтобы имъ дѣлали даже малѣйшее утѣсненіе“. Само собою разумѣется, что Юліанъ обнаруживалъ совершенную терпимость по отношенію къ различнымъ христіанскимъ партіямъ. Онъ возвратилъ изъ ссылки всѣхъ изгнанныхъ Констанціемъ за вѣроисповѣдныя убѣжденія, начиная съ св. Аванасія, сосланнаго за твердость въ православіи, до Авція, отливавшагося крайнимъ отрицаніемъ и злымъ аріанствомъ.

Отрицательная сторона дѣятельности Юліана, въ которой выражалась его противоположность съ покойнымъ императоромъ, была лучшею стороною его дѣятельности. Но когда Юліанъ сталъ проводить свои положитель-

1) Вопреки мнѣнію Шлоссера мы думаемъ, что жители византійской имперіи, почувствовавъ облегченіе налоговъ, не только примирились бы съ простотою жизни Юліана, но и благословили бы его за это. Простота жизни Магомета и Омара не препятствовала имъ пользоваться громаднымъ авторитетомъ на востокѣ.

ныя стремленія и убѣжденія, то въ концѣ концовъ разошелся съ своими не только христіанскими, но и языческими подданными. Возстановленіе древняго язычества и вмѣстѣ съ тѣмъ уничтоженіе христіанства Юліанъ поставилъ задачею своего царствованія. Задача была трудная и безнадежная. „Юліанъ“, говоритъ Шлоссеръ, „думалъ вдохнуть новую жизнь въ умиравшую греко-римскую религію, понимаемую имъ въ духѣ неоплатониковъ. Но только книжный ученый, незнакомый съ дѣйствительною жизнію, въ состояніи воображать, что призраки поэзіи, философіи и суевѣрія могутъ замѣнить религію“.

Для возстановленія язычества Юліанъ дѣйствовалъ а) и личнымъ примѣромъ б) и подъемомъ уцѣлѣвшихъ въ язычествѣ общественныхъ силъ и в) учреждениями.

а) Столица Константинова, дотолѣ не видѣвшая въ себѣ идольскихъ храмовъ и жертвъ, скоро увидѣла много идольскихъ алтарей на своихъ улицахъ и площадяхъ, и самаго императора въ качествѣ жертвоприносителя. Не напрасно Ливаній называлъ его *лучшимъ изъ жрецовъ*. Юліанъ не носилъ только титулъ pontifex maximus, но на дѣлѣ исполнялъ всѣ жреческія обязанности языческаго ритуала, — самъ носилъ дрова, зажигалъ и тушилъ огонь, убивалъ священнымъ ножомъ жертвенныхъ животныхъ, вынималъ ихъ внутренности и старался узнать по нимъ волю боговъ. На монетахъ и медаляхъ Юліана онъ изображается всегда съ быкомъ и жертвеннымъ олтаремъ возлѣ него. Усердіе Юліана въ идолослуженію тѣмъ не менѣе было искусственное. Онъ не могъ, подобно простому язычнику, считать кумировъ богами. Идолы — разсуждалъ Юліанъ, — не боги, но только образы боговъ. Кумиролуженіе не нужно для боговъ, но нужно для насъ самихъ, какъ существъ тѣлесныхъ. Но философъ можетъ обойтись и безъ внѣшняго культа. Діогенъ не посѣщалъ храмовъ, не поклонялся алтарямъ и изваяніямъ боговъ и не приносилъ ни одной жертвы, потому что не имѣлъ средствъ купить ее. Для него казалось совершенно достаточнымъ почитать боговъ въ своей душѣ, которую онъ и превратилъ въ ихъ святилище. Если такъ, то какой же смыслъ имѣло кумиролуженіе самаго Юліана? Не было ли это только благочестивое притворство для назиданія темной и невѣжественной толпы? Такое же точно было отношеніе Юліана и въ языческомъ міоамъ. Міама, — помнѣнію Юліана, — были только образы, подъ которыми скрывается таинственный аллегорическій смыслъ. При помощи аллегорическаго толкованія изъ ми-

овъ легко можно было устранить все грубое и соблазнительное, но за то въ мивахъ и не оставалось ничего, кромѣ аллегоріи, допускающей произвольное толкованіе и потому лишенной опредѣленнаго содержанія. Свою собственную жизнь Юліанъ изложилъ подь формою мива, чтобы наглядно показать процессъ мивическаго творчества, и даль этимъ очень худое доказательство божественнаго происхожденія мивовъ.

β) *Одинъ въ полѣ не воинъ*. Юліанъ чувствовалъ свое личное безсиліе для поднятія политеизма и поэтому счелъ необходимымъ сосредоточить около себя лучшихъ представителей язычества. Со всѣхъ концовъ имперіи онъ приглашалъ къ себѣ риторовъ, софистовъ и философовъ. Приглашаемые большею частію являлись, явились многіе и безъ приглашенія; но это были люди, желавшіе прежде всего весело пожить, жаждавшіе денегъ и почестей. Дворъ императора скоро наполнился множествомъ мистиковъ, обманщиковъ, остряковъ и болтуновъ. Юліанъ не нашелъ въ этихъ людяхъ того, чего искалъ, т. е. усердія къ возстановленію древней религіи. Съ своей стороны и они не нашли въ Юліанѣ того, чего ожидали; онъ показался имъ слишкомъ скучнымъ и до неприличія простымъ въ своихъ привычкахъ.

γ) Если было мало надежды поднять язычество *людьми*, то отчего не попытаться поднять его *учрежденіями*? Кромѣ разныхъ льготъ и привилегій въ пользу язычества, Юліанъ старался придать ему и внутреннее обновленіе. Но при этомъ обнаружилось, что у Юліана не было другаго образца для идеальныхъ порядковъ идеальнаго язычества, кромѣ ненавимаго имъ христіанства. Онъ рекомендуетъ языческимъ жрецамъ завести страннопріимницы, питать нищихъ, заботиться о погребеніи умершихъ, говорить проповѣди, ввести въ употребленіе исповѣданіе грѣховъ и наложеніе епитимій и такъ называемыя общительныя и удостоверительныя грамоты. „Такими грамотами“, — по словамъ Созомена, — „христіанскіе епископы обыкновенно поручали другъ другу странниковъ, — такъ что откуда бы кто ни пришелъ и къ кому бы ни присталъ, по этому свидѣтельству былъ принимаемъ, какъ вѣрный и возлюбленный“. Мало того: Юліанъ думалъ даже ввести въ языческомъ мірѣ нѣчто въ родѣ христіанскаго монашества, учредивъ монастыри мужскіе и женскіе, гдѣ люди, посвятившіе себя на безбрачную жизнь и служеніе богамъ, могли предаваться созерцательной жизни и проводить время въ благочестивомъ уединеніи. Этотъ рядъ заимствованій пока-

зываетъ только то, что въ описываемое время организація христіанскаго общества сложилась прочно и стройно, а язычество было совершенно безнадежно къ самостоятельному развитію.

Нельзя было воскрешать язычества, не убивая въ тоже время христіанства. Юліанъ къ этому и стремился, но дѣйствовалъ медленно и осторожно. Сначала онъ отнялъ у христіанскаго общества тѣ льготы и привилегіи, которыя были дарованы ему христіанскими императорами. Но такъ какъ эти льготы большею частію только портили христіанское общество, привлекая въ него плохихъ христіанъ, то и отнятіе льготъ было скорѣе полезно, чѣмъ вредно. Правда нѣсколько людей, мѣнявшихъ вѣру, какъ одежду, перешли въ язычество, но христіанство отъ этого ничего не потеряло, точно также, какъ и язычество ничего не приобрѣло.—Болѣе повидимому опасно для христіанъ могло быть устраненіе ихъ отъ классической литературы. Воспрещая христіанамъ быть преподавателями древней словесности, Юліанъ писалъ: „такимъ людямъ я предлагаю на выборъ одно изъ двухъ: или не преподавать то, чего они не уважаютъ, или же соглашаться и не обличать предъ слушателями Гомера, Гезіода и другихъ въ нечестіи и заблужденіи. Кто думаетъ, что тѣ мужи заблуждались въ важнѣйшихъ предметахъ, тотъ можетъ идти въ храмы галилеянъ и объяснять тамъ Матвеея и Луку. Вотъ законъ, установленный мною относительно наставниковъ и воспитателей“. Вредныя послѣдствія этого закона для христіанскаго просвѣщенія не могли обозначиться въ короткое царствованіе Юліана. Но къ сожалѣнію нужно сказать, что впослѣдствіи православные византійцы сами стали въ классической литературѣ въ то отношеніе, которое иронически рекомендовалъ имъ языческій императоръ.—Далѣе: Юліанъ надѣялся на появленіе раздоровъ въ христіанскомъ обществѣ. По словамъ Амміана Марцеллина, онъ „думалъ, что свобода вѣроисповѣданій еще болѣе увеличитъ разногласіе между христіанами, и что онъ болѣе не будетъ страшиться единодушнаго населенія, извѣдавъ по опыту, что самые звѣри менѣе ненавидятъ людей, чѣмъ христіане одни другихъ“. Но надежда оказалась тщетною. Христіане разныхъ исповѣданій сплотились въ виду общаго сильнаго врага. Доказательство этого видимъ въ томъ, что христіане пострадавшіе при Юліанѣ, напр. Маркъ, е. Ареусійскій, Артемій, правитель Египта, — признаны во святыхъ всею христіанскою церковію, не смотря на свои прежнія аріанскія убѣжденія. Юліанъ не замедлилъ употребить противъ христі-

анъ и нѣкоторое косвенное давленіе. Такъ производя судъ, онъ освѣдомлялся о вѣроисповѣданіи лицъ, стоящихъ на судѣ, и иногда склонялъ вѣсы правосудія не въ пользу христіанъ, — пользуясь при этомъ противъ нихъ орудіемъ насмѣшки. „Христіане“, говорилъ императоръ, „не имѣютъ права жаловаться на обиды, потому что ихъ законъ повелѣваетъ: „ударившему по одной щекѣ подставить и другую“. Когда дѣло шло объ имущественныхъ правахъ христіанъ, то императоръ говорилъ: „христіане признаютъ, что богатому трудно спастись, поэтому мы сдѣлаемъ для нихъ большое одолженіе, облегчивъ имъ путь къ царству небесному“.

Наконецъ Юліанъ хитростію заставилъ христіанъ, служавшихъ въ войскахъ, участвовать въ языческихъ обрядахъ. Однажды войска, собранная предъ дворцомъ для полученія денежной награды, увидали, что рядомъ съ императорскимъ сѣдалищемъ былъ поставленъ жертвенникъ, на которомъ пылалъ огонь, а рядомъ съ жертвенникомъ стоялъ съ ладаномъ. Было дано повелѣніе, чтобы каждый воинъ предъ полученіемъ награды бросилъ нѣсколько зеренъ ладану на пылавшій жертвенникъ. Нѣкоторые христіане отказались получать деньги въ такой обстановкѣ; другіе, получивъ и раскаявшись, бросили золото въ ноги императора. Неудачу такой хитрости еще ранѣе обличилъ самъ Юліанъ, когда писалъ: „Что пользы въ томъ, что рука будетъ приносить жертву, между тѣмъ какъ душа будетъ осуждать руку? Душа только обвинитъ тѣло въ слабости, и по прежнему будетъ благоговѣть предъ тѣмъ тайно, что прежде почитала явно“.

Проживъ въ столицѣ около полугода, Юліанъ въ началѣ іюня 362 г. отправился въ Антиохію. Онъ рассчитывалъ перезимовать тамъ, чтобы въ это время докончить приготовленіе къ войнѣ съ Персіею и двинуться въ походъ раннею весною 363 г. Въ Антиохіи Юліана ожидало окончательное разочарованіе относительно его религіозныхъ плановъ.

Вблизи Антиохіи, въ предмѣстьѣ Дафна, съ древнихъ временъ существовала кипарисовая роща Аполлона. Но служеніе этому богу было оставлено, и когда Юліанъ во время своего пребыванія въ Антиохіи пришелъ въ святилище Аполлона, то нашелъ храмъ пустынь: никто изъ антиохійскихъ язычниковъ не пришелъ, никто не принесъ ничего въ жертву и только одинокій жрецъ принесъ на закланіе собственнаго

гуса. Раздраженный Юліанъ сдѣлалъ по этому случаю Антиохіи сильный выговоръ. Постыдно, — говорилъ онъ, — что вадъ столь многолюдный и богатый городъ меньше заботится о своихъ богахъ, нежели какая нибудь незначительная деревня въ отдаленныхъ странахъ Понта. Владѣя гораздо богатѣйшими общественными имуществами, вы не приносите въ жертву отечественному богу ни одной птицы на праздникъ, совершаемомъ ежегодно, послѣ того уже когда боги разсѣяли тьму безбожія (такъ называлъ Юліанъ христіанство). Каждый изъ васъ не щадитъ никакихъ издержекъ на свои праздники и проводитъ ихъ въ необыкновенной радости и веселіи, между тѣмъ какъ не приносить ни одной жертвы за благоденствіе себя и цѣлаго города. Только одинъ жрецъ дѣлаетъ это, который, по моему мнѣнію, долженъ получать часть отъ вашихъ жертвъ и относить ее въ домъ свой. Каждый изъ васъ дозволяетъ женѣ своей все тащить къ галидеянамъ, которые на ваши средства питаютъ множество бѣдныхъ и доставляютъ чрезъ это доказательство въ пользу своего безбожія". — Вблизи языческаго храма покѣились теперь останки христіанскаго мученика Вавилы. Христіанскій цезарь Галль, братъ Юліана, въ честь этого мученика построилъ тамъ часовню. Не была ли близость этого мученика причиной того, что замолевъ языческій оракулъ?... Какъ бы то ни было, Юліанъ приказалъ удалить останки святаго Вавилы. Христіане, сильно оскорбленные этимъ приказомъ, совершили перенесеніе мощей св. Вавилы съ величайшею торжественностію при цѣвнн цсадма: *да поспрамятса кланяющіеся истуканнымъ, хвалящіеся о идолыахъ своихъ*. Императоръ, раздраженный этимъ, велѣлъ арестовать многихъ христіанъ и заключить въ тюрьму. Одинъ мальчикъ — цѣвецъ Теодоръ былъ подвергнутъ пыткамъ. Онъ вытерпѣлъ ее, не церемѣившись въ лицѣ, какъ будто бы страдалъ не онъ, а другой. Подобное же мужество показали и христіанскія діакоиссы, которыя сами старались напрашиваться на мученія, — оскорбляя императора. Префектъ Саллюстій, чрезвычайно удивившись такому поведенію христіанъ, совѣтовалъ императору воздержаться отъ дальнѣйшихъ преслѣдованій. Вскорѣ послѣ того, храмъ Аполлона сгорѣлъ; подозрѣніе пало на христіанъ, но Юліанъ ограничился только тѣмъ, что приказалъ запереть главную церковь Антиохіи, и въ возмездіе за сожженіе Аполломова храма, велѣлъ разрушить христіанскую церковь въ Милетѣ, которая также находилась вблизи храма Аполлонова. Около тогоже времени попытка императора возстановить при

помощи іудеевъ ветхозавѣтный храмъ, чтобы фактически опровергнуть предрѣченіе Спасителя о запусѣвнн Іерусалима, — окончилась полною неудачею. Кто знаетъ, какъ далеко по пути жестокости завела бы императора ревность о возстановленн древней религн, — потому что дѣатели реавцн, подобно дѣателямъ революцн, въ своихъ стремленнмъ не знаютъ никакихъ границъ, — если бы воля Провидѣнн, часто неожиданно полагающая предѣлъ человѣческимъ начинаннмъ, не вызвала совершенно иной ходъ событн?

СМЕРТЬ ЮЛІАНА. Легенды и сужденн о немъ.

Юліанъ отправился въ походъ противъ персовъ. Сперва казалось счастье благоприятствовало его оружн. Онъ овладѣлъ многими городами и достигъ до Ктезифона, но недостатокъ съѣстныхъ припасовъ и приближенн непрнательскаго войска подъ предводительствомъ Сапора принудили его возвращаться назадъ по берегу рѣки Тигра. Въ это время, въ одной незначительной стычкѣ при деревнѣ Фригн, Юліанъ былъ смертельно раненъ стрѣлой. Сначала онъ велѣлъ перевязать себѣ рану и, не смотря на ужасную боль, старался снова принять участн въ сраженн; но силы измѣнили ему. Онъ велѣлъ отнести себя въ палатку и въ трогательной рѣчи, напоминавшей предсмертную бесѣду Соврата, старался утѣшить окружающихъ его друзей, которые объ немъ плакали. Бесѣдуя затѣмъ съ философами Максимомъ и Прискомъ о возвышенной природѣ души, Юліанъ, по разсказу язычниковъ, умеръ какъ философъ, безъ страха и упрека, 27 іюня 363 года, на 32 году отъ рожденн. Съ такимъ разсказомъ о смерти Юліана совершенно несогласенъ разсказъ хрнстіанскихъ писателей, которые утверждаютъ, что императоръ, получивъ смертельную рану, воскликнулъ: *амилемннн! ты побѣднл меня!* Вообще въ хрнстіанской литературѣ нѣтъ недостатка въ различнаго рода сказаннхъ, имѣющихъ цѣлю изобразнть смерть императора, какъ судъ Божней. Такъ Феодоритъ сообщаетъ, будто другъ и учитель императора риторъ Ливанн, взшедши въ Антіохн въ хрнстіанскую школу, съ насмѣлкой спроснлъ учителя: что подѣлываетъ теперь сынъ плотника? Учитель отвѣтилъ ему: „Тотъ, Кого ты насмѣшливо называешн сыномъ плотника, на самомъ дѣлѣ есть Господъ и Творецъ неба и земли. Онъ строитъ теперь погребальныя дроги. „Черезъ нѣсколько дней послѣ того дѣйствительно пришло извѣстн о смерти императора. Въ

средѣ язычниковъ носился слухъ, будто императоръ погибъ не отъ персидскаго оружія, а измѣнически былъ убитъ рукою христіанина. Христіане видоизмѣняли этотъ слухъ, повѣствуя, что Юліанъ пораженъ посланнымъ отъ Бога ангеломъ или мученикомъ Меркуриемъ.

Пристрастное отношеніе къ памяти Юліана проходитъ чрезъ всю исторію литературы. Мы не должны удивляться тому, что такой просвѣщенный учитель церкви, какимъ былъ Григорій Назіанзинъ, называетъ императора, отступившаго отъ Бога живаго, Ахаавомъ и Іероваамомъ, Фараономъ и Навуходоносоромъ, и съ торжествомъ говорилъ о его смерти, какъ о гибели великаго дракона. Это ничто иное какъ контрастъ похвальной рѣчи, написанной въ честь Юліана языческимъ риторомъ Ливаніемъ, который называетъ незабвеннаго императора любимцемъ и питомцемъ боговъ и изображаетъ его, какъ существо неземное. Мы не должны удивляться этимъ пристрастнымъ сужденіямъ, рѣзко высказаннымъ той и другой стороною въ то время, когда впечатлѣніе отъ правленія Юліана было еще очень живо и страсти еще не улеглись. Но сужденіе о Юліанѣ, высказанное отцами церкви, легло въ основу всѣхъ послѣдующихъ отзывовъ о немъ у церковныхъ писателей. Сужденіе объ Юліанѣ въ сущности не перемѣнилось даже во время реформаціи, хотя древніе протестантскіе историки, какъ напр. магдебургскіе центуриаторы, говорили о Юліанѣ весьма снисходительно и, насколько для нихъ было возможно, исторически объективно. Совершенно противоположное унаслѣдованному церковію сужденію о Юліанѣ высказалъ впервые въ XVII вѣкѣ мистикъ Готфридъ Арнольдъ въ своемъ извѣстномъ сочиненіи: *исторія церкви и ересей*. Главная тенденція этого сочиненія состояла въ томъ, чтобы хвалить или по крайней мѣрѣ извинять тѣхъ—людей, которые подверглись осужденію со стороны господствующей церкви. Готфридъ не хотѣлъ защищать, еще менѣе восхвалять императора отступника; но онъ съ полнымъ правомъ обращаетъ вниманіе читателей на то, что тогдашнее поведеніе христіанъ и въ особенности споры ихъ между собою никоимъ образомъ не могли возбудить въ душѣ императора расположенности къ ихъ религіи: онъ указываетъ на то, что христіане въ то время преслѣдовали другъ друга съ большимъ ожесточеніемъ, чѣмъ прежде преслѣдовали ихъ язычники,—и если припомнить занос-

живые поступки по отношению къ Юліану нѣкоторыхъ епископовъ и діаконовъ, то будто бы можно даже поставить вопросъ: Юліанъ ли преслѣдовалъ христіанъ, или христіане преслѣдовали Юліана?

XVIII вѣкъ былъ новою эпохою для сужденія о Юліанѣ. Чѣмъ болѣе падало уваженіе къ Константину, тѣмъ болѣе возвышалось сочувствіе къ Юліану. Замѣчательно впрочемъ, что Гиббонъ, вовсе не бывшій приверженцемъ христіанства, тѣмъ не менѣе не былъ поклонникомъ Юліана. Гиббонъ не ставитъ Юліану въ вину его отступничество отъ христіанства, но фанатическую любовь къ падавшему язычеству хладнокровно разсуждающій историкъ считаетъ глупымъ суевѣріемъ. Юліанъ представляется Гиббону такимъ-же фанатикомъ, какъ христіане, только въ другомъ направленіи. Еще неблагоклоннѣе разсуждаетъ о Юліанѣ Шлоссеръ, всѣ поступки Юліана объясняя его безграничною суетностію и не признавая въ немъ силы искренняго убѣжденія. Напротивъ большая часть историковъ рационалистовъ питаетъ великое сочувствіе къ Юліану. По мнѣнію Роттека на примѣрѣ, Юліанъ былъ гордостью римской имперіи, образцомъ знаменитаго и добродѣтельнаго правителя, благороднѣйшимъ и великимъ императоромъ. Называя переходъ его къ язычеству шагомъ въ политическомъ отношеніи неблагоприятнымъ, Роттекъ тѣмъ не менѣе не перестаетъ возвышать Юліана на счетъ Константина, и восхваляя благородный образъ мыслей Юліана, ставитъ ему въ контрастъ порочность христіанина императора. Первый, обсудившій жизнь и образъ мыслей Юліана спокойно и совершенно съ христіанской точки зрѣнія, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ и безъ фанатической односторонности, былъ Неандеръ, издавшій въ 1812 году сочиненіе подъ заглавіемъ „императоръ Юліанъ и его эпоха“. Подобно Арнольду, но съ болѣею историческою проникательностію Неандеръ обсуждалъ переходъ Юліана къ язычеству, принимая во вниманіе обстоятельства времени, и объяснялъ его наиболѣе недостатками тогдашней христіанской церкви, а также характеромъ образованія, полученнаго Юліаномъ, тѣми притѣсненіями отъ христіанъ, какія онъ терпѣлъ въ юности, и особенными свойствами его ума и характера. Неандеръ не былъ на столько ослѣпленъ, чтобы не видѣть ошибки Юліана, но по своему сочувствію ко всему благородному и великому, онъ сумѣлъ оцѣнить достоинства этого человека, который при другихъ обстоятельствахъ въ средѣ христіанъ не былъ бы худшимъ. Неандеръ ставитъ въ вину Юліану главнымъ образомъ то, что у него не доставало

смирения и той простоты духа, которая не соблазняется внѣшнимъ видомъ христіанства, но умѣетъ постигать его внутреннее величіе. Эта точка зрѣнія со времени Неандера съ незначительными видовзмѣненіями осталась основною въ новѣйшей протестанской историографіи, — у Ульмана и другихъ. Штраусъ, извѣстный критикъ евангельской исторіи, въ своей брошюрѣ, изданной въ 1847 году, подъ заглавіемъ: „*Романтизмъ на тронѣ кесарей или Юліанъ отступникъ*“ пытался дать новое направленіе историческому сужденію объ Юліанѣ. Въ сущности Штраусъ примыкаетъ къ Гиббону, который въ начинаніяхъ Юліана видитъ глупое сумасбродство. Штраусъ называетъ Юліана романтикомъ и этимъ названіемъ надѣется всего лучше охарактеризовать отличительныя свойства этого человѣка. Романтикъ, по представленію Штрауса, — тоже, что и фантазеръ, — человѣкъ который беретъ на себя противную историческому ходу задачу — сдѣлать заманчивымъ то, что отжило вѣкъ, который безразсудно, безъ всякаго практическаго соображенія, гоняется за пустыми тѣнями и образами и безсильно старается вызвать ихъ изъ прошедшаго. „Изъ недавняго прошлаго“, говоритъ Штраусъ, „мы хорошо знаемъ этихъ людей, которые преимущественно въ области религіи, а иногда и въ другихъ областяхъ, стараются возстановить старое или по крайней мѣрѣ сохранить его и перемѣшиваютъ старое съ новымъ. Такихъ людей мы привыкли называть *романтиками*. Такъ на примѣръ романтиками называемъ тѣхъ поэтовъ, которые стремятся въ поэтическихъ образахъ возстановить поблекшія саги о древнихъ воинскихъ подвигахъ. Называемъ романтиками тѣхъ философовъ, которые пытаются пополнить содержаніе философіи, опустѣвшее благодаря критическому анализу, прибавкою религіозныхъ доктринъ. Романтики въ области богословія пытаются подлить философскаго и эстетическаго елѣя, чтобы поддержать меркнувшій свѣтъ богословія; романтики въ области политики утверждаютъ, что для улучшенія современнаго государственнаго устройства необходимо возстановить средневѣковую феодальную и городскую систему; наконецъ государемъ романтикомъ былъ бы тотъ, который, — подобно Юліану, — попытался бы въ теченіе своего управленія осуществить романтическія стремленія посредствомъ своихъ указовъ“. Устанавливая такой взглядъ на Юліана, Штраусъ совершенно подрываетъ значеніе его, трактуя его религіозное воодушевленіе, какъ такую черту характера, благодаря которой онъ дѣлался смѣшнымъ въ глазахъ мыслящихъ людей. Нужно прибавить, что, характеризуя Юліана, какъ ро-

мантика, Штраусъ имѣлъ въ виду не столько выяснитъ личность давняго дѣятеля, сколько выразитъ протестъ протѣвъ современнаго положенія дѣлъ въ Германіи, и въ частности въ Пруссіи.

Въ русской литературѣ есть два сочиненія о Юліанѣ: 1) свящ. Д. Флоринскаго: *И. Юліанъ или послѣдняя борьба язычества съ христіанствомъ въ римской имперіи* (Духъ христіанина 1861—2) и 6) магистерская диссертація Я. И. Алфіонова. *Имп. Юліанъ*. Казань 1877. Болѣе характерное и самостоятельное сужденіе о Юліанѣ, встрѣчающее въ русской литературѣ, принадлежитъ А. С. Хомякову (Записки о всемірной исторіи ч. II, М. 1873 стр. 44), которое здѣсь и приводимъ, какъ попытку русскаго мыслителя сказать свое слово по общесторическому вопросу.

„Возстановитель язычества, Юліанъ, остроумный софистъ, риторъ не безъ краснорѣчія, достойный ученикъ философскихъ школъ умирающей Еллады, отличался умомъ быстрымъ и предприимчивымъ, блистательными воинскими дарованіями и неутомимымъ славолюбіемъ. Идолопоклонство, имъ возобновляемое, не было тѣмъ случайнымъ, нестройнымъ и бессмысленнымъ синкретизмомъ, который составлялъ религію еллино-римскаго міра, но—символизаціе новыхъ философскихъ ученій, въ которыхъ произвольный мистицизмъ являлся съ притязаніями на логическую послѣдовательность. Имена древнихъ боговъ сохранялись; смыслъ имъ приписывался новый, далекій отъ народнаго повѣрья и неясный для самихъ нововводителей. Въ Юліанѣ выражалась вражда въ христіанству, общая всѣмъ философскимъ школамъ того времени, и желаніе основать вѣру новую—давнишняя надежда неоплатониковъ,—а не безусловная любовь къ языческой древности и не притязаніе государства быть единственною религіею всѣхъ гражданъ. Въ средствахъ, употребленныхъ для возстановленія язычества и для угнетенія христіанъ, грубое насиліе прежнихъ императоровъ, уже едвали возможное, замѣнялось по большей части ядовитою насмѣшкою, полу-ученою критикою христіанскаго ученія и еврейскаго преданія, лестью гордости народной, великолѣпіемъ обрядовъ идолослуженія, хитрымъ устраненіемъ христіанъ отъ источниковъ просвѣщенія, наконецъ соблазнами и обманами, недостойными ни государя, ни человѣка. За всѣмъ тѣмъ успѣхъ былъ ничтоженъ и это ничтожество зависѣло отчасти отъ характера императора, отчасти отъ его ученія. Явное безвѣріе философа, созидающаго себѣ произвольные, слѣдовательно услов-

ные предметы поклоненія и безпрестанно просящаго помощи отъ аналитической науки, рѣзко разногласило съ старушымъ суевѣріемъ, трепещущимъ предъ велѣпными заклинаніями кушитскаго міра. Въ личномъ характерѣ Юліана мужество болѣе блестящее, чѣмъ благоразумное, умъ болѣе острый, чѣмъ послѣдовательный, доброта неоспоримая, но не всегда соединенная съ правосудіемъ, простота нравовъ, напоминающая не древній Римъ, а Діогенову школу,—и цѣломудріе, зависящее можетъ быть отъ физическаго организма, но странное въ язычницѣ, были недостаточными вознагражденіями за отсутствіе разумной цѣли, величавой откровенности, политической мудрости и той цѣлости душевной, безъ которой люди могутъ быть знаменитыми, но никогда не бываютъ великими.—Часто сравниваютъ Юліана съ его предшественникомъ Константиномъ великимъ. Такое сравненіе показываетъ или великое пристрастіе или крайнее тупоуміе. Константинъ понялъ вѣкъ и его потребности. Юліанъ былъ къ нимъ совершенно слѣпъ. Сверхъ того ясно, что основатель Византіи и христіанской имперіи былъ созданъ въ размѣрахъ, далеко превосходящихъ мелкіе размѣры софиста, взявшагося за возстановленіе язычества“.

Смертію Юліана закончился царствующій домъ Константиновъ. Для справокъ мы считаемъ излишнимъ представить родословіе династіи Константиновой въ слѣдующей таблицѣ.

К о н с т а н ц и я Х л о р ь + 25 і ю л я 306.

1-я жена его Елена + 328. 2-я жена его Геодора.

Потомство К. Хлора отъ Елены.

К о н с т а н ц и н ь в е л и к і й + 337.

1-я жена его Минервина 2-я жена его Фауста уо. 326

Отъ Минервины. Криспа уо. 326.	Констан- тинъ уо. 340.	Кон- станцій + 361.	Отъ Фаусты Кон- станция уо. 350.	Константина, жена Аннибадіана, царя понтійскаго, потомъ жена Галла + 353.	Елена, жена Юліана отступни- ка + 360
-----------------------------------	------------------------------	---------------------------	---	--	---

Потомство К. Хлора отъ Геодора.

Констанцій уо. 337.

1-я жена его Галла. 2-я жена его Василина.

Далматъ +
до 355. аннубаді-

Констанція
жена Лили-
на + 330. Евтропія уо.
350.

Отъ Галлы: Дочъ, невзвъ- стная по име- ни, — жена имп. Констан- ція + до 350 г.	Отъ Василины: Юліанъ отступникъ уо. 363.	Дѣти Далмата: Далматіке- саръ уо. 337. аннубаді- анъ царь понтійскій уо. 337.	сынъ Констан- ція Валерій Ли- кинъ уо. 326.	сынъ Евтропіи Неполіанъ Августъ уо. 350.
--	--	---	---	---

Изъ 26 лицъ, отмѣченныхъ на прилагаемой таблицѣ, 13 погибли насильственною смертію, не считая пте-
рыхъ племянниковъ имп. Константина, невзвѣстныхъ по имени, похощенъ во время изобіиія императорской фа-
мили по смерти Константина въ 337 г.

ЧТЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

Внутренняя исторія церкви въ царствованіе династіи Константиновой (313—368).

Прежде, чѣмъ мы перейдемъ къ исторіи церковныхъ дѣлъ въ царствованіе преемниковъ Юліановыхъ, мы должны изобразить внутреннее состояніе церкви въ теченіе 50 лѣтъ, протекшихъ съ того дня, когда Константинъ въ первый разъ поднялъ знаменіе креста предъ своими легионами, идущими къ Риму,—до того дня, когда послѣдній членъ царственнаго дома Константинова умираетъ среди раскаленныхъ пустынь Персіи, какъ закоренѣлый и нераскаянный язычникъ. Изобразить *внутреннее состояніе церкви*—дѣло не легкое. Обыкновенно въ главу подъ заглавіемъ: *внутреннее состояніе* складывается все то, что почему-либо не вошло въ составъ предъидущаго повѣствованія,— всѣ отрывочныя и случайныя извѣстія о мелочахъ, изъ которыхъ складывается жизнь, но которыя по своей мелочности недостаточны для того, чтобы охарактеризовать протекшую жизнь для читателя. Группируя массу мелкихъ извѣстій о мелкихъ фактахъ, историкъ обыкновенно руководствуется общепринятыми, ходячими рубриками: *литература, право, искусство, бытъ* и т. д. Бываютъ рубрики и худшаго достоинства. Но даже въ лучшемъ случаѣ историкъ во 1-хъ дѣлаетъ чужое дѣло, собирая матеріалы для специальныхъ наукъ: исторіи литературы, исторіи права, археологіи и т. д.; во 2-хъ—не дѣлаетъ своего дѣла, потому что въ результатѣ работы получаютъ разсѣченные группы фактовъ, относящихся къ разнымъ областямъ вѣдѣнія, а не дается общаго представленія о протекшей жизни извѣстнаго времени.—Общій выводъ изъ всего сказаннаго тотъ, что слѣдуетъ, предоставивъ историку цер-

ковной литературы, канонисту и археологу подборъ и анализъ фактовъ, относящихся къ специальности каждаго, — остановиться только на тѣхъ явленіяхъ, въ которыхъ сильнѣе чувствуется біеніе пульса общецерковной жизни. Таковыми явленіями служатъ — по нашему крайнему разумѣнію — съ одной стороны святые, канонизованные и прославленные, съ другой стороны — враги церкви, отлученные и проклятыя. Въ оцѣнкѣ тѣхъ и другихъ лицъ церковное сознаніе эпохи выразило свои положительныя и отрицательныя идеалы, а вмѣстѣ съ тѣмъ высказалось и само съ своими отличительными особенностями. Если мы представимъ за тѣмъ нѣсколько данныхъ для характеристики массы вѣрующихъ, стоящихъ на срединѣ между высокою святостію и крайнимъ недостойнствомъ, и въ заключеніе укажемъ на новыя пріобрѣтенія христіанства среди языческихъ народовъ востока, — то мы будемъ считать задачу настоящей главы исполненною.

Начало христіанскаго монашества. Святые подвижники въ Египтѣ. Общая характеристика иноческаго міросозерцанія и житія.

Въ первые три вѣка христіанства путь спасенія для христіанъ былъ очень простъ и ясенъ. Говенія на христіанъ были часты и продолжительны. Стоило только жаждущему спасенія выдти на площадь и объявить себя христіаниномъ, чтобы попасть въ руки язычниковъ и подвергнуться разнообразѣйшимъ мученіямъ. Разумѣется въ этомъ не было ничего пріятнаго съ обыкновенной человѣческой точки зрѣнія, но за то подвигъ спасенія былъ очевиденъ и вѣнецъ царства небеснаго достигался скоро. Нѣсколько дней, иногда даже нѣсколько часовъ ужасныхъ физическихъ мученій, которыя нужно было вытерпѣть съ молитвою на устахъ, — и затѣмъ расчетъ съ жизнію кончался, являлись новый мученикъ или новая мученица, новые наследники царства небеснаго. — Когда христіанство сдѣлалось господствующею религіею, христіане торжествовали. Но скоро обнаружилось, что въ новую эпоху путь ко спасенію сдѣлался много труднѣе и сбивчивѣе, чѣмъ въ прежнюю. Язычество признало побѣду христіанства, но не умерло; напротивъ того оно вошло въ христіанское общество со всѣми своими страстями и пороками. При наплывѣ въ христіанское общество людей, которые принимали новую вѣру только потому что это было выгодно, нрав-

ственные идеалы христіанства помутились. Не было мучителей, не было костровъ и лютыхъ звѣрей, къ которымъ можно было бы броситься, чтобы стяжать вѣнецъ мученической,—но за то не было и вѣнца. Задача спасенія стала труднѣе. Нельзя было сразу кончить жизнь святымъ подвигомъ самопожертвованія: нужно было доживать ее до конца среди страстей, соблазновъ и искушеній.

Въ такихъ обстоятельствахъ люди, заботившіеся о своемъ вѣчномъ спасеніи, захотѣли по крайней мѣрѣ упростить свою задачу. Такъ какъ общественная жи. нѣ распадавшейся римской имперіи представляла собою очень грустную картину въ нравственномъ отношеніи, то люди, проникнутые христіанскими убѣжденіями, не надѣясь пересоздать все общество, рѣшались по крайней мѣрѣ ради собственнаго спасенія удалиться изъ грѣшнаго міра въ пустыню. Вотъ почему образъ жизни Антонія великаго и другихъ египетскихъ пустынножителей скоро нашелъ себѣ много подражателей и даже подражательницъ.

Но для развитія монашества была еще иная подготовка. Народы востока съ древнихъ временъ выдѣляли изъ себя любителей пустыннаго безмолвія и подвижничества. Таковы были индійскіе брамины, еврейскіе ессеи и терапевты. Индійскій подвижникъ, оставляя міръ, удалялся въ уединеніе, ничего не имѣя съ собою, кромѣ посоха, покрывала на голову и пояса,—жилъ подавнїями и употреблялъ пищу лишь настолько, насколько это нужно было для продолженія жизни. Забывая о холодѣ и жарѣ, о чести и безчестіи, забывая о людяхъ, которыхъ ни хвалилъ, ни порицалъ, ни любилъ, ни ненавидѣлъ, онъ былъ ни я, ни ты. Неподвижно сидѣлъ онъ на одномъ мѣстѣ, повторяя священное „аумъ“, задерживалъ свое дыханіе, для сосредоточенія своей мысли смотрѣлъ на одинъ предметъ до тѣхъ поръ, пока не исчезало желаніе изъ его сердца, т. е. пока не погружался въ состояніе полной атараксіи и апатіи. Внѣшняя сторона жизни индійскихъ браминовъ въ нѣкоторой степени была извѣстна и классическимъ писателямъ греко-римскаго міра. Страбонъ повѣствуетъ, что брамины обнаженные ходили на солнцѣ и подъ дождемъ, держали цѣлый день въ рукахъ дерево, стояли на одной ногѣ. Плиній говоритъ объ индѣйскихъ гимнософистахъ, смотрѣвшихъ неподвижно на солнце.—О сектѣ ессеевъ мы упоминали прежде (Вып. I, стр. 29). Жизнь еврейскихъ терапевтовъ такъ описываетъ Филонъ въ своемъ сочиненіи:

ἡσῆρος βίου θεωρητικῶν. Основнымъ стремленіемъ терапевтовъ было господство надъ страстями и тѣломъ, а средствами для этого признавались уединеніе и жизнь созерцательная. Терапевты удалялись отъ шумныхъ городовъ и жили въ мѣстахъ уединенныхъ; предъ поступленіемъ въ общину оставляли они имѣніе своимъ родственникамъ и друзьямъ, покидали женъ и прерывали всѣ родственныя связи. Терапевты распространены были во многихъ странахъ тогдашняго свѣта, но по преимуществу въ самомъ Египтѣ, особенно около Александріи. Составляя общину, терапевты тѣмъ не менѣе жили самозаключенно. У каждаго было свое отдѣльное помѣщеніе и своя священная уединенная келья; тамъ хранились писанія пророковъ и другіе священные предметы, но туда ничто не вносилось служащее для нуждъ тѣлесныхъ. Молились терапевты при восходѣ и заходѣ солнца: въ продолженіе времени отъ утра до вечера занимались изученіемъ писаній и философскимъ созерцаніемъ или составленіемъ священныхъ гимновъ. Всѣ они вели жизнь воздержную, постническую. Никто не употреблялъ пищи прежде заката солнца, а нѣкоторые постились еще болѣе—совсѣмъ не употребляли пищи въ продолженіе нѣсколькихъ дней (до 6 дней). Пища ихъ состояла только изъ хлѣба и соли, приправляемыхъ несопомъ; а питьемъ была простая вода. Одежда ихъ была также простая, и назначалась только для того, чтобы защищать тѣло отъ холода и зноя. Уединеніе терапевтовъ прерывалось обонимъ собраніемъ для богослуженія въ каждый 7 день, и особенно по истеченіи седми седмицъ, въ 50 день. Въ этотъ день терапевты, всѣ въ бѣлыхъ одеждахъ съ торжественно-радостнымъ выраженіемъ въ лицѣ, молились Богу и за тѣмъ возлегали за трапезу,—мужчины на правой сторонѣ, женщины—на лѣвой. И въ этотъ торжественный день, какъ и въ дни седмичные, не подавалось ни вино, ни мясо. Терапевты сидѣли за трапезою въ глубокомъ молчаніи, а послѣ вечери совершали *священную панмиксиду*. Составлялись два хора изъ мужчинъ и женщинъ и пѣли священные гимны, то вмѣстѣ оба хора, то порознь. Пѣніе сопровождалось своеобразною пляскою. Проведя цѣлую ночь въ этомъ,—по выраженію Филона, — *прекрасномъ опьяненіи*, терапевты съ восходомъ солнца, обратившись къ востоку, молились о дарованіи имъ добраго дня и просвѣтленіи очей ихъ разума и за тѣмъ расходились.

Любовь къ уединенной подвижнической жизни коренилась въ религіозныхъ воззрѣніяхъ индусовъ и египтянъ. Мысль, что человѣче-

ская жизнь есть страданіе и зло, проникаетъ всю религію браминовъ, еще болѣе религію Будды. „Что за удовольствіе“—говорится въ одномъ изъ гимновъ Веды,—„можно находить въ этомъ брэнномъ тѣлѣ, полномъ нечистотъ, сложенномъ изъ костей, кожи, жилъ, мускуловъ, крови?... Что за удовольствіе въ жизни, гдѣ голодъ и жажда, болѣзнь и страданіе, возрастаніе и умаленіе, и смерть? Что такое великіе люди, бывшіе на землѣ,—цари, вожди?—гдѣ они? Не исчезли ли съ своимъ безграничнымъ счастьемъ? Я,—какъ жаба на иссохшемъ потокѣ. Ты одинъ, Исвара, (Господи)! мое прибѣжище!“ Еще съ болѣею рѣзкостію таже идея о ничтожествѣ земнаго бытія развивается въ ученіи Будды или Шакья—Муни. „Бытіе міра“, говоритъ Будда, „это одинъ видъ, призракъ, лакъ,—нигдѣ и ни въ чемъ нѣтъ самостоятельности“. Жизнь во вселенной,—по ученію Будды—есть постоянная мѣна формъ жизни, постоянное скитальчество живыхъ существъ, надъ которыми царитъ законъ перерожденій. „Длинна ночь для того, кто не спитъ, длиненъ путь для утомленнаго странника, длиненъ рядъ перерожденій, ожидающихъ неразумнаго. Что за радость постоянно влачиться по перерожденіямъ?“ Последняя цѣль жизни и освобожденіе отъ утомительнаго странствованія по перерожденіямъ—это *нирвана* т. е. бытіе угасшее. Достигнувъ нирваны, человѣкъ переходитъ на другой берегъ бытія, гдѣ находитъ наконецъ покой и блаженство. Блаженство въ нирванѣ—есть блаженство небытія, въ противоположность бытію съ его неизбѣжными скорбями. Тамъ нѣтъ ни пространства, ни времени, ни настоящаго, ни прошедшаго, ни будущаго,—тамъ нѣтъ ни желаній, ни дѣятельности, ни старости, ни процвѣтанія. Понятно безъ объясненій, въ какой связи стоитъ уединенное подвижничество индусовъ съ ученіемъ о мучительномъ бытіи и о блаженной нирванѣ.—Нѣсколько иныя оспорапія для такоготоже образа жизни представляетъ религія египтянъ. Ни у одного изъ народовъ, исторически извѣстныхъ, вопросъ о смерти и загробной жизни не имѣетъ такого значенія, какъ у египтянъ. Съ удивленіемъ замѣчалъ о египтянахъ Діодоръ сицилійскій, что они ни мало не цѣнятъ настоящую жизнь, называя дома живыхъ гостинницами, гдѣ человѣкъ останавливается на время, какъ путникъ, и признавая истинными и вѣчными жилищами гробы мертвыхъ. Тщательно набальзамированныя муміи и громадныя пирамиды—дома мертвыхъ—служатъ нагляднымъ свидѣтельствомъ вѣрованія египтянъ, что только по смерти начинается для человѣка настоящая жизнь.

Такимъ образомъ въ до-христіанскомъ мірѣ заложены были нѣкоторыя теоретическія основанія и практическіе образцы для удивительнаго подвижничества, вызываемыя конечно общечеловѣческими свойствами и потребностями. Христіанство придало ему истинный смысл, новую силу и жизненность.

Хотя Божественный Основатель христіанства и его апостолы вели образъ жизни, далекій отъ жизни ессеевъ и терапевтовъ, и постоянно вращались среди человѣческаго общества, тѣмъ не менѣе возвышенный спиритуализмъ христіанства не могъ не уносить всякаго искренняго послѣдователя Христова далеко за предѣлы земныхъ стремленій и привязанностей,—далеко изъ той области близорукихъ заботъ и мелкихъ страстей, въ какой привыкъ жить родъ людской, лукавый и прілюбодѣйный. *Царство мое—не отъ міра сего*, (Іо. 18, 36) говоритъ Христосъ Спаситель. *Наше жительство на небесахъ*, говорили апостолы,—*откуда и Спасителя ждемъ*. (Филип. 3, 20). На землѣ христіанинъ путникъ, а для путника всего важнѣе—цѣль путешествія; остальное—дѣло второстепенное. *Я вамъ сказываю братіе*: говорилъ апостоль, *время уже коротко; такъ что имѣющіе женъ должны быть, какъ не имѣющіе; и плачущіе, какъ не плачущіе; и радующіеся какъ не радующіеся, и покупающіе, какъ не приобретающіе, и пользующіеся міромъ какъ не пользующіеся, ибо проходитъ образъ міра сего. А я хочу, чтобы вы были безъ заботъ*. (I Кор. 8, 29—31). Чѣмъ меньше на пути хлопотъ и задержекъ, чѣмъ легче багажъ,—тѣмъ лучше для путника. Для cadaго извѣстны евангельскіе совѣты объ отреченіи отъ семьи, отъ собственности,—завѣгы Спасителя отъ отверженія собственной эгоистической воли, о перенесеніи обидъ, о терпѣливомъ несеніи креста страданій и бѣдствій. Для cadaго извѣстно также постоянно-проводимое въ евангеліи и писаніяхъ апостольскихъ противоположеніе между обществомъ послѣдователей Христовыхъ и міромъ,—обществомъ людей, живущихъ чувственною и полною страстей жизнію. (Іо. 15, 18—20). *Не любите міра, ни того, что въ мірѣ*, говоритъ апостоль (I Іо: 2, 15—17) *кто любитъ міръ, въ томъ нѣтъ любви Отчей. Ибо все, что въ мірѣ,—похоть плоти, похоть очей и гордость житейская не есть отъ Отца, но отъ міра сего. И міръ проходитъ и похоть его; а исполняющій волю Божию пребываетъ во вѣки*.

Взаимодѣйствіе евангельскихъ идеаловъ съ духомъ времени и міросозерцаніемъ народовъ востока и было причиною возникновенія и

развитія христіанскаго монашества. Релігійознѣйшія народы древняго міра—египтяне—дали изъ себя первыхъ иноковъ и отцевъ монашества. Такими были: св. Антоній великій + 357 г., св. Павелъ Фивейскій + 341 г., св. Пахомій великій, основатель монашескихъ общежитій + ок. 348 г. и Феодоръ освященный, ученикъ егоо + к. 366 г.; Макарій египетскій, иннокъ съ 330 г. + 391 г. и Макарій александрійскій, современникъ его.

Не входя въ частности, мы постараемся изобразить общій кругъ идей, изъ которыхъ слагалось иноческое міросозерцаніе, и общій типъ иноческой жизни съ ея аскетическими подвигами.

Идеализація пустыннаго безмолвія, чудеса и видѣнія, постоянное размышленіе о смерти и загробной жизни, общеніе съ ангелами и борьба съ злыми духами,—вотъ тѣ представленія, которыя образовали собою атмосферу духовной жизни инока. Для уясненія иноческаго міросозерцанія, мы должны остановиться нѣсколько на каждомъ изъ этихъ представленій.

Для людей настоящаго времени, привывшихъ жить среди многлюднаго общества, удивленное пребываніе въ пустынѣ кажется несноснымъ и невозможнымъ. Не такимъ представлялось оно въ точки зрѣнія иноковъ. Св. Антоній говоритъ: „кто живетъ въ пустынѣ и въ безмолвіи, тотъ свободенъ отъ трехъ искушеній; отъ искушенія слуха, языка и взора; одно только у него искушеніе—въ сердцѣ“. — Были,—читаемъ въ Патерикѣ—три достолюбезные монаха. Одинъ избралъ для себя дѣло примирятъ ссорящихся людей. Другой—посѣщать больныхъ. Третій удалился безмолвствовать въ пустыню. Первые двое скоро ослабѣли въ своемъ подвигѣ и пошли къ пустыннику спросить, что добраго сдѣлалъ онъ въ пустынѣ. Немного помолчавъ, пустынникъ вливаетъ воду въ чашу и говоритъ имъ: „смотрите на воду“. А она была мутная, такъ что ничего не видно было въ ней. Спустя немного онъ опять говоритъ: „Смотрите—теперь утѣялась вода“. Какъ скоро они посмотрѣли въ воду, то увидѣли свои лица, какъ въ зеркалѣ. Тогда онъ сказалъ имъ: „такъ бываетъ и съ человѣкомъ, живущимъ среди людей,—отъ возмущенія онъ не видитъ грѣховъ своихъ; а когда онъ безмолвствуетъ и особенно въ пустынѣ, тогда видитъ свои недостатки“. Для отшельника пустыня была открытою книгою, въ которой онъ читалъ неизмѣримое величіе Божіе; она была вмѣстѣ съ тѣмъ и училищемъ самопознанія, потому что человѣкъ, оста-

ваясь одинъ самъ съ собою, могъ внимательно и безъ развлеченія слѣдить за помыслами, возникавшими изъ глубины его души; пустыня была для отшельника и средствомъ къ самоусовершенствованію, потому что даже страстные помыслы, не находя себѣ удовлетворенія, въ концѣ концовъ утихали и успокоивались. „Братъ, — читаемъ въ патерикѣ, — просилъ совѣта у старца: мысли мои блуждаютъ и я сокрушаюсь объ этомъ. „Сиди въ кельѣ своей“, сказалъ старецъ, — и онѣ опять соберутся. Когда ослица бываетъ привязана, то осленокъ ее скачетъ туда и сюда, и куда бы ни уходилъ, опять приходитъ къ матери. Такъ и мысли монаха, постоянно пребывающаго въ кельѣ ради Бога, хотя на нѣсколько времени разсѣваются, но потомъ возвращаются къ нему“.

Идеализація пустыни очень ярко рисуется въ сказаніи о Павлѣ Оивейскомъ, которое поэтому и приводимъ въ краткомъ видѣ. Св. Антонію пришелъ однажды помысль, что иѣтъ человѣка, который бы ранѣе его поселился въ пустынѣ. И вотъ былъ ему голосъ: „Антоній! есть рабъ Божій, пустынножителствующій дольше, чѣмъ ты; найдешь его во внутренней пустынѣ“. Антоній отправился въ путь. Зной палилъ его; дорога была неизвѣстна, но Антоній надѣялся на водительство Божіе. На пути встрѣтилъ онъ инокентавра (человѣка, подобнаго коню) и сатира (человѣка съ козьими ногами и рогами на головѣ). Инокентавръ молча указалъ св. Антонію путь въ ту сторону, гдѣ живетъ рабъ Божій, а сатиръ принесъ святому финиковъ и отъ имени всѣхъ сатиоровъ просилъ помолиться за нихъ общему Владыкѣ, о принествіи котораго въ міръ они слышали, ибо во всю землю изде вѣщаніе Его. — Двое сутокъ шель святой по безлюдной пустынѣ, видя только слѣды звѣрей, и на разсвѣтѣ третьяго дня пришелъ къ пещерѣ, гдѣ жилъ невѣдомый рабъ Божій, оказавшійся Павломъ Оивейскимъ. Онъ жилъ въ пустынѣ болѣе 90 лѣтъ, — со времени гоненія Декіева, — не видя лица человѣческаго. Сначала онъ не хотѣлъ принимать гостя, но потомъ принялъ св. Антонія (имя котораго узналъ по откровенію) и сталъ его спрашивать: „скажи мнѣ, какъ живетъ нынѣ родъ человѣческій? какъ идутъ дѣла въ мірѣ? есть ли еще идолопоклонники? продолжаютъ ли гоненія на вѣрныхъ?“ Антоній отвѣчалъ: „молитвами твоими стоитъ міръ. гоненія прекратились и церковь во пѣваетъ истиннаго Бога“. И затѣмъ просилъ Павла разказать свою жизнь. Пока они бесѣдовали, прилетѣлъ воронъ и положилъ предъ старцемъ хлѣбъ.

„Вотъ“, сказалъ св. Павелъ, „Господь послалъ обѣдъ рабамъ своимъ. 60 лѣтъ я получаю ежедневно полхлѣба, а сегодня углубилъ Господь выдачу Своимъ воинамъ“. 113-лѣтнему Павлу оставалось жить только нѣсколько дней. По его просьбѣ св. Антоній отправился въ свою келью за мантиею, что бы обвить тѣло Павла при его погребеніи, но возвратившись уже не засталъ Павла въ живыхъ. Оплакавъ и отпѣвъ св. отшельника, св. Антоній недоумѣвалъ, какъ похоронить Павла, ибо нечѣмъ было ископать ему могилу. И вотъ изъ внутренней пустыни прибѣжали два льва, съ жалостнымъ рыканіемъ пришли къ тѣлу усопшаго, своими когтями вырыли могилу довольноую, опять припали къ тѣлу святаго, какъ бы давая ему послѣднее цѣлованіе, и удалились. Похоронивъ св. Павла, св. Антоній еще ночь молился надъ его могилою и возвратился во свояси, неся съ собою одежду святаго, сплетенную изъ финиковыхъ листьевъ ¹⁾.

Уже изъ этого, идеализирующаго пустынную жизнь, разсказа о св. Павлѣ Оивейскомъ, видно, до какой степени міросозерцаніе пустынника было проникнуто вѣрою въ чудеса и знаменія. *Богу все возможно. Богъ все видитъ и знаетъ. Богъ все готовъ сдѣлать для вѣрныхъ рабовъ Своихъ.* Таково было ежеминутное представленіе человѣка, удалившагося въ пустыню, чтобы работать Господу. Съ другой стороны нигдѣ такъ сильно не охватывало человѣка сознаніе своей без-

¹⁾ Идеализація пустыни имѣла мѣсто и въ русской народной литературѣ. Припомнимъ напр. слѣдующіе духовные стихи:

А кто бы мнѣ построилъ
Прекрасную пустыню.
Во темныхъ лѣсахъ
Во горахъ бы, во вертепахъ,
Во пропастяхъ земныхъ?
Уже бы мнѣ не видати
Житія бы суетнаго,
Уже бы не слыхати
Человѣческаго гласу...
О прекрасная пустыня!
Нашъ Господь пустыню пох-
валнеть.
Отцы въ пустынѣ скитають,
Ангелы отцемъ помогаютъ,

Апостолы отцевъ ублажаютъ...
А всѣ святіи отцевъ вос-
хваляютъ...
Охъ ты гой еси, батюшка
Христось царь небесный,
Ты поставь-ка мнѣ въ пустынѣ
келью,
Гдѣ бы люди не ходили,
Однѣ бы птички пролетали,
Меня бы старца, потѣшали,
Отъ сна бы пробуждали.
Отъ сна бъ я пробудился
На правило становился.

помощности, какъ въ пустынѣ. Ни отъ себя, ни отъ людей пустынныхъ ничего не могъ ожидать; все его существованіе зависѣло исключительно отъ Бога. Плоды финика, ручей съ чистою водою—принимались, какъ непосредственные дары благодати Божіей. Львы и геенны были мирными сосѣдями пустытника, потому что его хранила десница Божія. Подобнаго рода представленія дѣлали пустытника и счастливѣе и нравственно лучше; они же были основою многихъ исторій о чудесахъ, повѣствуемыхъ во славу Божию. Изъ этихъ разсказовъ далеко не всѣ имѣютъ одинаковую достовѣрность, но всѣ они были въ духѣ того времени, когда вѣра въ чудеса была одинаково распространена и между христіанами и между язычниками. Приведемъ для примѣра одно сказаніе о чудѣ, гдѣ вмѣстѣ съ тѣмъ выясняется въ нѣкоторой степени и законъ чудотворенія. „Разсказываетъ нѣкто изъ отцевъ объ аввѣ Павлѣ, жившемъ въ нижнихъ странахъ Египта въ Оивайдѣ, что онъ держалъ въ рукахъ змѣй и скорпіоновъ и разрывалъ ихъ пополамъ, какъ бы нѣкую ткань пауза. Сотворили ему братія поклонъ, говоря: „скажи намъ какое дѣланіе совершалъ ты, что получилъ такую благодать?“ Онъ же сказалъ: простите мнѣ, отцы. Если пріобрѣтеть кто чистоту, все покорится ему, какъ Адаму, когда онъ былъ въ раю, прежде чѣмъ преступилъ заповѣдь“¹⁾.

Постоянною думою инока была дума о загробной жизни. Еще ап. Павелъ, имѣя въ виду многоскорбность христіанской жизни, сказалъ: *если мы съ сей только жизни надѣемся на Христа: то мы несчастныя всѣхъ человековъ.* (1 Кор. 15, 19). Тоже самое съ особеннымъ правомъ могли сказать иноки, потоку что ихъ жизнь была постояннымъ подвигомъ отреченія отъ всѣхъ земныхъ удовольствій и привя-

¹⁾ Постоянное ожиданіе чуда придавало иногда характеръ чудесности явленіямъ естественнымъ. Ученикъ св. Макарія александрійскаго Пафнуцій разсказывалъ о святомъ, что однажды, когда онъ сидѣлъ на дворѣ, гіена принесла и бросила къ ногамъ его своего слѣпаго дѣтеныша. Святой помолился и дѣтенышъ гіены тотчасъ прозрѣлъ. Черезъ нѣсколько дней гіена принесла святому овчюю кожу, какъ бы въ благодарность за прозрѣніе дѣтеныша. Эта кожа въ послѣдствіи была подарена св. Макаріемъ Меланіи Римлянинѣ и называлась: даръ гіены. Дѣло возможное, что прозрѣніе дѣтеныша гіены совершилось помимо чуда. Но скептикъ нашего времени только очень немногимъ изъ подвижниковъ чудесъ можетъ придать естественное объясненіе. Изъ видѣній нѣкоторыя объяснимы миражами пустыни.

занностей. Но оцѣнка трудностей иноческой жизни сразу же изменялась при сопоставленіи ея съ блаженною вѣчностію. „Въ настоящей жизни“, говорилъ св. Антоній, „всякой вещи бываетъ соразмѣрная цѣна; продавецъ получаетъ отъ покупателя только то, чего стоитъ продаваемая вещь. А вѣчная жизнь продается за несообразно-малую цѣну, за нашу короткую жизнь, о которой написано: *дніе мѣтъ нашихъ семьдесятъ мѣтъ, аще же въ силахъ осмдесятъ мѣтъ*. Если мы проживемъ здѣсь, трудясь ради Бога 80 или 100 лѣтъ, то будемъ блаженствовать въ грядущей жизни не 80 или 100 лѣтъ, но цѣлую вѣчность. Все, отъ чего мы отрекаемся въ этомъ мірѣ, есть какъ бы одна мѣдная монета, которую мы бросаемъ для того, чтобы получить сто золотыхъ“. Понятно, что дума о загробной жизни должна была сдѣлаться началомъ и концемъ всѣхъ размышленій инока, утѣшеніемъ его среди подвиговъ и лишеній, укрѣпленіемъ среди соблазновъ и уныніа. У иныхъ дума—эта была радостнаго, у другихъ—и это бывало чаще—мрачнаго характера, быть можетъ потому что печальная дѣйствительность давала больше красокъ для изображенія адскаго мученія, тѣмъ для изображенія райскаго блаженства. Въ древнемъ патерикѣ приведена бесѣда 12 иноковъ о постоянномъ предметѣ ихъ размышленій. Размышленія ихъ большею частію вращаются около загробной жизни. Послѣдній изъ собесѣдниковъ говоритъ слѣдующее: „вижу грѣхи мои предо мною, куда ни пойду и куда ни обращусь, вижу, что они встрѣчаютъ меня, вижу ихъ по правую и по лѣвую сторону. Осуждая себя на превсподнюю, говорю я: *будь съ тѣми, которыхъ ты достоинъ, ибо немного спустя съ ними причтень будешь*. Созерцаю тамъ вопли и непрестанныя слезы, о которыхъ никто и пересказать не можетъ. Созерцаю, что иные скрежещутъ зубами и дрожатъ всѣмъ тѣломъ, и трясутся отъ головы до ногъ. И повергшись на землю и посыпавшись пепломъ, умоляю Бога, чтобы не испытать сихъ бѣдствій. Вижу и море огненное, безмѣрно волнующееся и воздымающееся, такъ что можно подумать, что до небесъ достигнуть волны огненныя. И въ страшное оное море страшными и суровыми ангелами свергается великое множество людей, и всѣ они вопіютъ въ одинъ голосъ и стенаютъ вмѣстѣ... и милосердіе Божіе отвратилось отъ нихъ по причинѣ беззаконій ихъ. И тогда оплакиваю родъ чело- вѣческій, какъ осмѣливается онъ и слово сказать и обращать вниманіе на что-либо, когда столько золь предначначено міру“.

Старецъ (читаемъ въ патерикѣ) сказалъ: „еслибы возможно было въ пришествіе Божіе, но воскресеніи отъ страха умереть душамъ человѣческимъ, то весь міръ умеръ бы отъ ужаса и изумленія. Какъ можно видѣть небеса раздирающіяся, Бога, являющагося съ гнѣвомъ и яростію, несчетное воинство ангеловъ, и все вмѣстѣ человѣчество? Посему, такъ мы должны жить, какъ имѣющіе каждый часъ отдать Богу отчетъ въ своей жизни“. Увидѣвъ одного смѣющагося, старецъ сказалъ ему: „предъ небомъ и землею мы должны отдать отчетъ во всей своей жизни, — и ты смѣешься!“

Иногда представленіи о загробной жизни принимали нѣсколько фантастическій характеръ. „Разсказывали объ аввѣ Макаріѣ великомъ: однажды проходя пустынею, увидѣлъ онъ черепъ, валявшійся на землѣ. Старецъ, ударивъ черепъ пальмовою палкою, сказалъ ему: *кто ты такой? отъчай мнѣ*. Черепъ отвѣчалъ: я былъ главнымъ жрецомъ язычниковъ, жившихъ на этомъ мѣстѣ; и когда ты, авва—Макаріѣ духовносецъ, милосердуя къ страждущимъ въ мученіи, помолишься о нихъ, тогда они чувствуютъ нѣкоторую отраду“. Авва Макаріѣ спросилъ его: *какая это отрада и какое мученіе?* Черепъ говоритъ ему: сколько небо отстоитъ отъ земли, столь великъ огонь внизу подъ ногами нашими и до самой головы; когда мы стоимъ среди этого огня, не можемъ видѣть лице другъ друга, потому что у насъ спина связана со спиною. Когда же ты помолишься о насъ, то одинъ частію видитъ лице другаго“. Старецъ заплакалъ и сказалъ: *несчастный день, въ который родился человекъ тотъ! Уже ли только это и есть утѣшеніе у него отъ наказанія?* Старецъ спросилъ еще: *нѣтъ ли другаго болѣе тяжкаго мученія?* Черепъ отвѣчалъ: подъ нами мученіе еще ужаснѣе. Старецъ спросилъ: *а кто тамъ находится?* Черепъ отвѣчалъ: „мы, не знавшіе Бога, еще нѣсколько помиллованы; но познавшіе Бога и отвергнушіе его и не творившіе воли его, тѣ находятся подъ нами“. Послѣ сего старецъ взялъ черепъ, зарылъ его въ землю и пошелъ своимъ путемъ.

Размышленія о загробной жизни, хотя и опредѣляли собою всю дѣятельность подвижниковъ, но не могли наполнить собою всего ихъ времени. Мысль, —эта, по выраженію подвижниковъ— *быстро прящая и безстыдная птица*, —носилаь туда и сюда, наполняя душу подвижниковъ то воспоминаніями о покинутомъ мірѣ, то помыслами хульными, страстными, гнѣвливыми и гордыми. Нѣкоторые изъ этихъ

помысловъ, особенно хульные, бывали иногда такъ чудовищны, что подвижники не могли представить себѣ естественнаго ихъ возникновенія въ собственной душѣ и прямо приписывали ихъ врагу нашего спасенія—дѣволу. Но подвижники не могли думать вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы Богъ оставилъ ихъ на жертву врагу безъ защиты и обороны и вопреки кознямъ дѣвольскимъ предполагали храненіе ангельское. Душа человѣка представлялась такимъ образомъ какъ бы ареною, на которой боролись темныя и свѣтлыя силы, и побѣда зависѣла отъ того, на какую сторону склонялся самъ человѣкъ. Уединенная жизнь подвижниковъ, отсутствіе внѣшнихъ впечатлѣній, напряженное вниманіе ко внутренней борьбѣ были причиною того, что эта борьба выступала съ конкретною живостію и изъ подвижниковъ *прозорливцы* видѣли ангеловъ и демоновъ въ тѣлесномъ образѣ и имѣли тѣхъ и другихъ своими собесѣдниками.

Павель простой, ученикъ аввы Антонія,—читаемъ въ *патерикѣ*,—однажды, смотря на входящихъ въ церковь, наблюдалъ, съ какою душею входятъ: ибо имѣлъ такую благодать, данную ему отъ Бога, что видѣлъ каждаго такимъ, какимъ онъ въ душѣ,—какъ мы видимъ лице другъ у друга. Когда всѣ входили съ свѣтлымъ взоромъ и блистающимъ лицомъ, и съ каждымъ ангелъ, радующійся о немъ, увидѣлъ Павель одного чернаго и мрачнаго всѣмъ тѣломъ и демоны съ обѣихъ сторонъ держали его и влекли къ себѣ и накладывали на ноздри его узду, а святой ангелъ его слѣдовалъ издали, плача и печалась... Немного времени спустя въ церкви окончилось все, и стали выходить. Опять смотрѣлъ на всѣхъ Павель, и зная, каковы вошли, хотѣтъ узнать, каковыми выдутъ. И видитъ, что оный мужъ, прежде черныи и мрачныи всѣмъ тѣломъ, выходитъ изъ церкви свѣтелъ лицомъ и бѣлъ тѣломъ, а демоны слѣдуютъ за нимъ далеко позади, а святой ангелъ пребываетъ близъ него веселый и радостный, торжествуя и радуясь о немъ. Павель вскочивъ съ радостію восклицалъ, благословляя Бога... Всѣ же сошлись со тѣнѣмъ, желая слышать, что онъ говоритъ. И когда сошлись всѣ, Павель рассказалъ имъ видѣнное имъ при входѣ въ церковь, и послѣ. Человѣкъ же оный, изблеченный Павломъ, при всѣхъ не утаивая рассказалъ о себѣ, говоря: „я человѣкъ грѣшный и много времени жилъ въ блудѣ даже доннынѣ. Вошедши же нынѣ въ святую Божию церковь, я услышалъ слова Исаи пророка, лучше же самаго Бога...; *измыйтеся и чисти будете* и пр.

(Ис. I, 16—19). Я блудникъ, будучи весьма тронуть сими словами, возсталъ въ помыслѣ моемъ и сказалъ Богу:..., „Господи, отъ сего часа пріими меня кающагося и припадающаго къ Тебѣ и отрекающаго отъ всякаго грѣха!“ Съ сими обѣтами вышелъ я изъ церкви, разсудивъ въ душѣ моей не дѣлать впродъ ничего худаго предъ очами Господа“.

Таже мысль о постоянномъ участіи ангеловъ и демоновъ въ словахъ и поступкахъ человѣческихъ выражается и въ слѣдующемъ разсказѣ патерика. „Говорилъ нѣкто изъ отцевъ: сидѣли нѣкогда старцы и говорили о полезномъ. Былъ между ними одинъ прозорливый, и видѣлъ онъ ангеловъ, которые обмахивали ихъ вѣями и восхваляли ихъ. Когда же зашла иная бесѣда, ангелы отошли, и стала кружиться между ними свинья зловонная и марала ихъ: когда же опять стали говорить о полезномъ, опять пришли ангелы и прославляли ихъ“.

По убѣжденію инокъ демоны, которые вообще стараются дѣлать всякое зло роду человѣческому, всего болѣе нападаютъ на монаховъ и соблазнъ монаха въ демонскомъ мірѣ цѣнится гораздо выше, чѣмъ величайшее зло, произведенное въ обществѣ мірскихъ людей. Объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ слѣдующая легенда. „Сказывалъ одинъ изъ Оивейскихъ старцевъ: я былъ сынъ идольскаго жреца и когда былъ еще малъ, сидѣлъ въ капищѣ и неоднократно видалъ отца моего входящимъ въ капище и приносящимъ жертвы идолу. Однажды я тайно дошелъ сзади его и увидѣлъ сатану сидящаго и все воинство, предстоящее ему. И вотъ одинъ князь демонскій подошелъ къ нему. Сатана говоритъ ему: откуда пришелъ ты? „Я былъ“, — отвѣчалъ онъ, — „въ такомъ-то селѣ, возбудилъ тамъ драки и большой мятежъ, и произведши кровопролитіе, пришелъ возвѣстить тебѣ“. Сатана спросилъ его: во сколько времени ты сдѣлалъ это? „Въ 30 дней“, — отвѣчалъ онъ. Сатана велѣлъ наказать его, сказавъ: „въ столько времени ты сдѣлалъ только это!“ .. — Затѣмъ приходили еще два демона, сравнительно въ короткое время ватворившіе также довольно много бѣдъ въ мірѣ, но сатана былъ недоволенъ ихъ медлительностію. — „Подождалъ еще одинъ демонъ и поклонился сатанѣ. Сатана спрашиваетъ: откуда ты пришелъ? „Я былъ“, — отвѣчалъ онъ — „въ пустынѣ; вотъ уже 40 лѣтъ имѣлъ я войну противъ одного монаха, и въ сію ночь низложилъ его въ лубодѣваніе“. Выслушавъ это, сатана всталъ и облобызалъ его, взявъ вѣнецъ, который носилъ самъ, возложилъ на голову его, посадилъ его на тронъ вмѣстѣ съ собою и сказалъ ему: *великое дѣло совершилъ ты!*“

Искушенія демонскія велики и многообразны, начиная отъ устрашенія и грубаго насилія до возбужденія самообольщенія и духовной гордости. Съ разныхъ сторонъ ведутъ демоны борьбу противъ подвижника, надѣясь уловить его, если не на одномъ, то на другомъ. „Сатана не знаетъ“, — разсуждали подвижники, — „какою страстію побѣдится душа. Онъ свѣтъ, но не знаетъ, пожнетъ ли; свѣтъ онъ помыслы блуда, злословія, также и другія страсти, — и смотря по тому, къ какой страсти поважетъ себя душа склонною, ту и влагаетъ“. Въ житіи св. Антонія читаемъ, что бѣсы устрашали святаго, являясь ему во образѣ разныхъ звѣрей и чудовищъ, и налагали на него тяжелыя раны. Самый обычный способъ дѣвольскаго искушенія состоялъ въ возбужденіи борьбы помысловъ, въ воспламененіи старыхъ мірскихъ привязанностей, при чемъ конечно подвижникъ и самъ ясно не различалъ, что принадлежитъ естественной концепціи его мыслей, и что внушенію дѣвольскому, — и только по тяжести внутренней борьбы проразумѣвалъ въ ней присутствіе силы демоновъ. Общій постулатъ всѣхъ разнообразныхъ страстныхъ помысловъ былъ тотъ, что нужно оставить пустыню и келью и возвратиться въ міръ. Одно спасеніе для инока въ такой борьбѣ — сидѣть безысходно въ своемъ уединеніи, пока не пройдетъ душевная буря. „Однаго брата“, читаемъ въ *патерикѣ*, „возмущали помыслы, чтобы вышелъ онъ изъ монастыря... Братъ открылъ это аввѣ. Тотъ говоритъ ему: „поди, седи въ кельѣ своей, отдай въ залогъ тѣло твое стѣнамъ кельи и не выходи оттуда; оставь свой помыслъ, — пусть разсуждаетъ, что хочетъ, — только тѣла своего не выпускай изъ кельи“. Въ житіи св. Макарія александрійскаго читаемъ, что этотъ отшельникъ, будучи возбуждаемъ тщеславными помыслами оставить пустыню и идти въ Римъ, легъ на порогѣ своей кельи, положивъ ноги наружу и сказалъ: „тяните и тащите, бѣсы, если можете, а самъ своими ногами не пойду“. Какъ все проходитъ на свѣтѣ, такъ разумѣется должно было пройти и бѣсовское искушеніе, и въ сердцѣ подвижника водворялась вождельная тишина. — Но особенно опасны были искушенія гордости духовной, потому что этими сѣтями бѣсы обыкновенно уловляли подвижниковъ, уже долго и много трудившихся для своего спасенія. Бѣсы внушали имъ высокое имѣніе о своихъ добродѣтеляхъ, являлись имъ въ образѣ Христа и ангеловъ, надѣляли дарами пророчества и чудотворенія. Но конецъ такого самообольщенія былъ весьма печаленъ: *премщенный* инокъ или совершалъ тяжкій грѣхъ,

или впадалъ въ помѣшательство и даже кончалъ самоубійствомъ, если не приходила къ нему братская помощь. Цѣлыя группы такихъ прельщенныхъ иноковъ извѣстны въ исторіи подъ именами *евхитовъ*, *мессалианъ*, *хоревтовъ*, *энтузіастовъ*. „Отцы наши“, — читаемъ въ *патерикѣ*, — „имѣли обыкновеніе ходить по келіямъ новоначальныхъ братьевъ и посѣщали ихъ, чтобы кто изъ нихъ, искушаемый демонами, не повредился умомъ. И если кого находили поврежденнымъ, приносили въ церковь и приносима была лохань съ водою, и была молитва за страждущаго, и умывалась вся братія, и поливали водою тою на него, и тотчасъ исцѣлялся братъ“. Но конечно лучшимъ оплотомъ иноку противъ искушенія высокоумія было смиреніе. Въ этомъ признался св. Макарію египетскому самъ діаволь. „Велика въ тебѣ сила, Макарій!“ сказалъ діаволь. „Что ты дѣлаешь, то дѣлаю и я. Ты постишься, а я совсѣмъ не ѣмъ. Ты бодрствуешь, а я совсѣмъ не сплю. Однимъ ты меня побѣждаешь — *смиреніемъ*“. Проникнутый смиреніемъ, инокъ безъ труда отражалъ отъ себя искушеніе высокоумія. „Нѣкоему изъ братьевъ“, — читаемъ въ *патерикѣ*; — „явился діаволь, преобразившись въ ангела свѣта, и говоритъ ему: *я архангелъ Гавріилъ и посланъ къ тебѣ*. Братъ же сказалъ ему: „смотри, не въ другому ли ты посланъ; ибо я недостойнъ видѣть ангела“. И діаволь тотчасъ сталъ невидимъ.

Мы очертили слегка кругъ идей, опредѣлявшихъ собою міросозерцаніе древнихъ иноковъ: намъ слѣдуетъ указать практику монашеской жизни. Она состояла главнымъ образомъ въ исполненіи трехъ иноческихъ обѣтовъ: дѣвства, нищеты и отреченія отъ своей воли, выражавшагося главнымъ образомъ въ безпрекословномъ послушаніи избранному аввѣ—руководителю.

Самымъ труднымъ для выполненія былъ разумѣется обѣтъ дѣвства. По мнѣнію мудрецовъ вѣка сего, напр. Вольтера, онъ даже вовсе невыполнимъ, и потому необязателенъ. „Если бы я“, говоритъ Вольтеръ, „далъ обѣтъ, что у меня не будутъ расти волосы и кровь не будетъ обращаться въ жилахъ, могъ ли бы я выполнить такой обѣтъ“?. Отцы пустынники рассуждали иначе. Трудное для чувственности оказывалось у нихъ выполнимымъ при помощи свыше. Самая обстановка иноческой жизни благопріятствовала соблюденію обѣта дѣвства. Иноки жили въ пустынѣ, гдѣ не было женщинъ. Но

отъ страстныхъ помысловъ нельзя было уйти даже въ пустынь, и они — къ удивленію — прорывались даже тамъ, гдѣ для нихъ повидимому преграждены были всѣ пути. Въ этомъ отношеніи любопытенъ слѣдующій разсказъ Патерика. „Нѣкій инокъ пришелъ въ скитъ съ маленькимъ сыномъ, который еще питался молокомъ и не зналъ, что такое женщина. Когда сынъ сей пришелъ въ мужескій возрастъ, то демоны представляли ему ночью женскіе образы. Онъ открылъ это отцу своему. Старецъ подивился. Случилось однажды сыну быть съ отцомъ своимъ въ Египтѣ; увидѣвъ тамъ женщину, онъ говорилъ отцу своему: „вотъ тѣ самыя, которые ночью приходили ко мнѣ въ скитъ“. Старецъ отвѣчалъ ему: „это иноки населенныхъ мѣстъ (μοναχοὶ τῶν χωρίων), сынъ мой; иной видъ имѣютъ они, и иной — пустынники“. При этомъ удивился старецъ: какимъ образомъ демоны въ скиту могли показать ему женскіе образы?“ — Но конечно большая часть иноковъ приходили въ пустыню уже въ зрѣломъ возрастѣ: нѣкоторые изъ нихъ были прежде женаты, у другихъ были въ мѣрѣ свои сердечныя привязанности, — у тѣхъ и другихъ оставались свои воспоминанія, которыя могли дать пищу для страстныхъ помысловъ. И вотъ для отшельника въ пустынь начиналась тяжкая душевная борьба, *какъ огонь, горящій днемъ и ночью въ сердцѣ*, — борьба о которой не имѣютъ понятія люди, живущіе въ мѣрѣ, ибо — по выраженію подвижниковъ, — *кто не имѣетъ помысловъ, имѣетъ дѣло*, и наоборотъ. Въ борьбѣ съ страстными помыслами подвижники употребляли героическія средства; изнуряли тѣло свое постомъ и безсонницею, — постоянно воспоминали о смерти и адскихъ мученіяхъ, а иногда пользовались и другими способами, чтобы сдѣлать предметъ любви предметомъ отвращенія. „Быть, — читаемъ въ *патерикѣ*, — одинъ подвижникъ въ скиту. Врагъ приводилъ ему на память одну женщину, весьма красивую собой, и сильно возмущалъ его. По смотрѣнію же Божію пришелъ въ скитъ другой братъ изъ Египта: онъ между разговоромъ сказалъ, что умерла жена такого-то. А это была та самая женщина, которою возмущался братъ. Услышавъ объ этомъ, братъ взялъ ночью свой хитонъ и пошелъ въ Египетъ; открылъ гробъ умершей, отеръ хитономъ гниющій трупъ ея и возвратился съ нимъ въ свою келью; положилъ этотъ смрадъ возлѣ себя, и, сражаясь съ помысломъ, говорилъ: *вотъ предметъ, къ которому ты имѣешь похоть, — онъ предъ тобою, насыщайся!* Такимъ образомъ онъ мучилъ себя симъ смрадомъ, доколѣ не кончилась его борьба.“ — На бѣду от-

шельниковъ, — и конечно не безъ содѣйствія діавола — приходилось имъ встрѣчаться съ женщинами, не только въ помыслахъ, но и въ дѣйствительности. Эти встрѣчи дорого обходились подвижникамъ, даже въ случаѣ побѣды надъ искушеніемъ. Былъ одинъ отшельникъ въ нижнихъ странахъ Египта, и былъ именитъ, ибо пребывалъ въ уединенной кельѣ, въ пустынномъ мѣстѣ. И вотъ, по дѣйствию сатаны, одна божественная женщина, услывавъ объ немъ, говорила юношамъ: „что дадите мнѣ? я изложу вашего подвижника“. Они назначили ей извѣстное вознагражденіе, и она, вечеромъ, подошла къ кельѣ его, какъ будто заблудившись. Когда постучалась въ дверь, старецъ вышелъ и, увидя ее, смутился и сказалъ: *какимъ образомъ ты явилась здѣсь?* „Я заблудившись пришла сюда“, — сказала она со слезами. Сжалившись надъ нею, старецъ ввелъ ее въ дворникъ свой, и, вошедши самъ въ келью свою, заверъ ее. И вотъ окаянная закричала, говоря: „авва, меня здѣсь поѣдаютъ звѣри!“ Онъ же, опять возмутившись, но вмѣстѣ и убоившись суда Божія, сказалъ: *откуда пришелъ на меня этотъ сонъ?* И отворивъ дверь, выпустилъ ее внутрь. Тогда діаволь началъ пускать въ него стрѣлы, разжигающія похоть къ ней. Но онъ, видя паденіе врага, сказалъ самъ себѣ: *нози врага суть мразь, а Сынъ Божій есть свѣтъ*. И вставши онъ зажегъ свѣчу. Но опять разжигаемый похотью, сказалъ: *тановая творцици идуть въ муку. И такъ топчитай себя здѣсь: можешь ли перенести этотъ огонь?* И положивъ палецъ свой на свѣчу, жегъ его, — и не чувствовалъ боли по причинѣ сильнаго разженія плоти. Продолжая это дѣлать до утра, онъ сожегъ воѣ пальцы свои. Блудница, видя что онъ дѣлалъ, окаменѣла отъ страха. Утромъ юноши, пришедши въ подвижнику, спрашивали: пришла сюда вчера женщина?... Тогда онъ, открывъ свои руки, повсказалъ имъ, говоря: *вотъ что содѣлала со мною эта дочь діавола! Она погубила пальцы мои*.

Сравнительно легче было исполненіе обѣта нестяжательности, подъ которою впрочемъ разумѣлось отреченіе не только отъ денегъ, но и отъ всякихъ предметовъ житейскаго удобства и даже необходимости. Авва Памва говорилъ, что монахъ долженъ носить такую одежду, которую никто не вzialъ бы, если выбросятъ ее изъ кельи. Даже такая повидимому полезная собственность, какъ книга, считалась не совѣтъ согласною съ обѣтомъ нестяжательности. Авва Теодоръ Фармаейскій приобрѣлъ себѣ три хорошія книги. Пришелъ онъ

къ аввѣ Макарію и говорить ему: „у меня есть три хорошія книги, —я получаю и самъ отъ нихъ пользу, и братія употребляютъ ихъ и получаютъ назиданіе;—скажи мнѣ, что я долженъ съ ними сдѣлать?“ Старецъ сказалъ въ отвѣтъ: *хороши такія дѣла, но нестяжательность лучше.*—Услышавъ это слово, Феодоръ пошелъ и продалъ книги, а вырученныя деньги роздалъ нищимъ.—Въ своемъ отреченіи отъ собственности иноки доходили до крайней степени. „Пришли,—читаемъ въ патерикѣ,—нѣкогда разбойники въ монастырь нѣкоего старца и сказали ему: „мы пришли взять все, что есть въ келѣ твоей“. Онъ же сказалъ: *что вамъ угодно, чада, то и берите.* Итакъ они взяли все, что нашли въ келліи и отошли. Но забыли только денежный кошелькъ. Взявъ его, старецъ погнался за ними, крича: *чада, возьмите, нѣтъ вы забыли въ келліи.*—„Но соблюденіе нестяжательности также не обходилось безъ искушеній. Скупость—страсть, свойственная старости,—и воздержаться отъ любостязанія было нелегко, особенно, когда деньги давались безъ труда христолюбивыми благотворителями. „Быль,—читаемъ въ патерикѣ,—великій старецъ, удостоившійся дарованій отъ Бога и сдѣлавшійся славнымъ по своей добродѣтели. Имя его достигло даже до царя. Чтобы удостоиться молитвъ его, царь позвалъ его къ себѣ. Видѣвшись съ нимъ и много получивъ пользы, царь далъ ему злата. Старецъ принялъ и, возвратившись къ себѣ, возлюбилъ поле и иное стяжаніе. Пришелъ къ нему по обычаю одинъ изъ демоновъ, и старецъ говоритъ демону: отойди отъ творенія Божія. Демонъ отвѣчаетъ: не слушаю тебя. Старецъ говоритъ: почему? Демонъ отвѣчалъ: потому что ты сталъ, какъ одинъ изъ насъ;—оставивъ заботу о Богѣ, сталъ заботиться заботою земною“.—На первыхъ порахъ любостязаніе строго преслѣдовалось общественнымъ мнѣніемъ иноковъ. По смерти одного монаха, нашли у него нѣсколько монетъ. Иноки недоумѣвали, что съ ними дѣлать. Одни совѣтовали отослать ихъ роднымъ покойнаго, другіе—раздать нищимъ. Но авва Памва на страхъ другимъ предложилъ закопать монеты съ покойникомъ въ землю, сказавъ: *сребро его да будетъ съ нимъ въ погребѣ.*”

Последній и самый высшій, иноческій обѣтъ, совѣщавшій въ себѣ всѣ иноческія добродѣтели, это отреченіе отъ своего я, выразившееся въ формѣ *послушанія* отцу духовному. Послушаніе это бывало удивительно, но и плоды его бывали чудесны: „Говорили объ аввѣ Іоаннѣ, ученикѣ аввы Павла, что онъ имѣлъ великое послушаніе. Въ

одномъ мѣстѣ была гробница и тамъ жила злая гіена. Старець увидѣлъ около этого мѣста навозъ и говоритъ Іоанну: „поди и убери его“. Іоаннъ говоритъ ему: *что же я сдѣлаю, авва, съ гіеною?* Старець съ улыбкою говоритъ ему: „если она нападетъ на тебя, свяжи ее и приведи сюда“. Братъ пошелъ туда вечеромъ, и вотъ напала на него гіена. По повелѣнію старца, онъ бросился схватить ее, но гіена побѣжала отъ него. Іоаннъ погнался за нею, говоря: *авва мой сказалъ, чтобы связать тебя*,—и, поймавъ ее, связалъ. Авва же безпокоился о немъ и сидѣлъ, дожидаясь его. И вотъ онъ пришелъ, имѣя гіену связанною. Старець, увидѣвъ это, удивился; но желая смирить Іоанна, ударилъ его, говоря: „глупый! какую ты притащилъ ко мнѣ глупую собаку?“ Послѣ этого старецъ развязалъ гіену и отпустилъ ее на волю.

Мы обозначили доступныя для историческаго наблюденія черты иноческаго житія, но конечно не могли обозначить внутреннихъ опытовъ духовной жизни, состоявшей въ постоянномъ молитвенномъ настроеніи, въ постоянномъ возношеніи души къ Богу.

Достойно замѣчанія, что на первыхъ порахъ монашество не противоположало себя мірянамъ, какъ высшее сословіе людей, особо облагодатствованныхъ. Напротивъ у лучшихъ представителей иночества было убѣжденіе, что Господь имѣетъ и среди міра много современныхъ рабовъ своихъ, добродѣтель которыхъ тѣмъ выше, чѣмъ сокровеннѣе. Въ житіи св. Макарія египетскаго читаемъ такой разсказъ. Однажды во время молитвы святаго былъ ему голосъ: *Макарій! ты еще не достигъ въ тѣру двухъ женщинъ, живущихъ въ сосѣднемъ городѣ*. Святой тотчасъ же взялъ жезлъ и отправился искать женщинъ, указанныхъ въ откровеніи. Отыскавъ ихъ, старецъ говорилъ: „ради васъ я подъялъ великій трудъ, пришелъ изъ дальней пустыни: скажите откровенно, какія ваши добрыя дѣла?“—Святой отче!—отвѣчали ему женщины,—мы и въ прошлую ночь не были свободны отъ ложа мужей своихъ; какихъ дѣлъ ты ищешь у насъ?—Но когда старецъ настойчиво просилъ женщинъ разсказать ему чинъ житія ихъ, онѣ объяснили слѣдующее:—„мы въ замужествѣ за двумя братьями, 15 лѣтъ живемъ въ одномъ домѣ: за все это время ни разу не ссорились и не говорили одна другой худаго слова. Мы хотѣли бы войти въ либъ

святыхъ дѣвъ, Богу работающихъ, но не можемъ склонить на это мужевъ своихъ. Вотъ и все".—Тогда св. Макарій сказалъ: „поистинѣ Богъ не полагаетъ различія между дѣвою и замужнею, между инокомъ и міряниномъ. Онъ ищетъ только произволенія, и по мѣрѣ произволенія подаетъ св. Духа желающимъ спастись“.

На первыхъ порахъ монахи не принадлежали къ клиру или духовному сословію; они были въ полномъ смыслѣ слова *добровольцы* христіански-совершеннаго житія, ничѣмъ не связанные, кромѣ опредѣлений собственной совѣсти. — Основнымъ прототипомъ монашества было уединенное подвижничество. Монахами въ истинномъ смыслѣ слова были пустынные *анакореты*, ибо и самое слово *монахъ* означаетъ человѣка *уединеннаго*. Но не напрасно древній мудрецъ израильскій говорилъ: *горе единому!* (Еккл. 4, 10). Человѣкъ въ такой степени созданъ для общества, такъ часто имѣетъ нужду въ братскомъ участіи и помощи, такъ страдаетъ въ одиночествѣ,—что уединенное подвижничество, для того чтобы имѣть многихъ прозелитовъ, по необходимости должно было явиться въ нѣсколько смягченномъ видѣ. Это и сдѣлалось само собою. Сначала около опытнаго подвижника (напр. около св. Антонія) собирались группы учениковъ, желавшихъ пользоваться его примѣромъ и наставленіями; а вскорѣ потомъ св. Пахоміемъ былъ выработанъ и примѣненъ къ дѣлу уставъ монашескихъ кинвій или общежитій. Особенный авторитетъ уставу придавало то обстоятельство, что онъ былъ данъ св. Пахомію въ откровеніи отъ ангела. Кинвіаты по міросозерцанію и образу жизни были въ сущности тѣже анахореты,—только жившіе въ отдѣльныхъ кельяхъ недалеко другъ отъ друга и собиравшіеся вмѣстѣ для богослуженія и трапезы. Уединенное отшельничество продолжало считаться высшимъ, хотя и болѣе опаснымъ, путемъ монашества, но это былъ путь для немногихъ; большинство жило въ общежитіяхъ. Трудно впрочемъ рѣшить, гдѣ было болѣе подвиговъ и искушеній, въ общежитіи или въ совершенной пустынѣ,—трудно рѣшить потому, что обязанность непрекословнаго послушанія строгому аввѣ и досады отъ братіи дѣлали и кинвіатскую жизнь въ достаточной степени несносною. Въ патерикѣ читаемъ слѣдующій поучительный разговоръ: „одинъ братъ былъ безмолвникомъ въ кинвіи, но постоянно приходилъ въ гнѣвъ. Посему говорить самъ въ себѣ:“ уйду отсюда въ уединенное мѣсто, и такъ какъ тамъ ни къ кому я не буду имѣть отношеній и

буду безмолвствовать, то оставитъ меня страсть гнѣва“. Итакъ вышедши изъ виновія онъ поселился одинъ въ пещерѣ. Въ одинъ день, почерпнувъ сосудъ воды, поставилъ его на землѣ, — и сосудъ тотчасъ повернулся внизъ. Взявъ его, почерпнулъ воды въ другой разъ: сосудъ опять опрокинулся. Потомъ наполненный водой и въ третій разъ повернулся внизъ. Братъ разсердившись схватилъ сосудъ и разбилъ. Пришедъ же въ себя, онъ понялъ, что надъ нимъ издѣвается діаволь, и сказалъ: „вотъ я удалился и въ уединеніе,—и побѣжденъ имъ! Пойду опять въ виновію; ибо вездѣ необходимы подвигъ и терпѣніе и Божія помощь!“

Современно съ иночествомъ мужскимъ стало понемногу развиваться и женское иночество, но развивалось какъ-то робко и не самостоятелно, держась болѣе населенныхъ мѣстностей. Это и понятно: не только женское отшельничество, но даже женское общежитіе въ пустынѣ сопряжено съ особыми неудобствами и опасностями¹⁾.

Разсматриваемый нами періодъ (312—363 г.) можетъ быть названъ *золотымъ вѣкомъ* монашества. Уже и въ то время иноки привлекали къ себѣ почтительное вниманіе сильныхъ міра сего. Императоръ Константинъ великій и дѣти его переписывались къ св. Антоніемъ и тщетно приглашали его къ себѣ для личной бесѣды. „Не удивляйтесь“, говорилъ Антоній своимъ ученикамъ, „что намъ пишетъ царь; онъ такой же человекъ. Удивительнѣе то, что Богъ далъ писанія людямъ и говорилъ съ ними черезъ своего Сына“. Впослѣдствіи иноки пріобрѣли еще болѣе вліянія и значенія. Сильные міра сего слушались ихъ совѣтовъ, просили ихъ молитвъ, ущедряли ихъ богатыми приношеніями. Число иноковъ чрезвычайно возросло; изъ Египта иночество распространилось по всѣмъ краямъ христіанскаго міра. Иноки вошли въ составъ клира и заняли первенствующее положеніе въ церковной іерар-

1) Бывали отдѣльные случаи женскаго отшельничества, но они слишкомъ исключительны. Два нѣкоторые великіе старца—разсказываетъ *патерикъ*: «ходили въ пустынѣ скита и услышавъ, что кто-то шепчетъ изъ-подъ земли, сыскали входъ въ пещеру и нашли старицу, дѣву святую, лежащую и говорятъ ей: «откуда ты пришла сюда, старица, и кто служитъ тебѣ?». Ибо никого не нашли они въ пещерѣ, кромѣ ея одной, и она лежала и была больна. Она же сказала имъ: «38-й годъ я въ этой пещерѣ, питаюсь растеніями и работаю Христу, и не видала человека до сего дня. Ибо послалъ васъ Богъ, чтобы погребли вы останки мои». И сказавъ сіе, почилла.

хія со всѣми правами и преимуществами, соединенными съ этимъ положеніемъ. Но никогда въ послѣдствіи монашество не достигало до той духовной высоты, на какой стояли простые и самоотверженные египетскіе отцы монашества. Напротивъ взятое вообще монашество пошло назадъ въ духовно-нравственномъ отношеніи. Такъ и должно было быть по естественному ходу вещей,—и это предвидѣли древніе подвижники. „Святые отцы свята,—читаемъ въ патерикѣ,—пророчествовали о послѣднемъ поколѣніи, говоря: что сдѣлали мы? И отвѣчая одинъ изъ нихъ великій по жизни, по имени Исхиріонъ, сказалъ: *мы сотворили заповѣди Божіи*. Еще спросили: „слѣдующіе за нами сдѣлаютъ ли что нибудь“? Сказалъ же: *они достигнутъ половины нашего дѣла*. „А послѣ нихъ что? И сказалъ: *не будутъ имѣть дѣлъ совѣсть люди рода онаго; придетъ же на нихъ искушеніе и оказавшіеся достойными въ ономъ искушеніи окажутся выше насъ и отцевъ нашихъ*“.

СВЯТЫЕ ЕПИСКОПЫ. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ТОГДАШНЯГО ПОЛОЖЕНІЯ ЕПИСКОПОВЪ. СВ. ЕПИСКОПЫ КОНСТАНТИНОПОЛЯ, АЛЕКСАНДРІИ, АНТІОХІИ И ІЕРУСАЛИМА. ВРАГИ ЦЕРКВИ.

Послѣ святыхъ иноковъ наибольшее право на вниманіе исторіи въ разсматриваемомъ нами періодѣ имѣютъ святые епископы. Таковы: св. Сильвестръ папа римскій (314—335), св. Митрофанъ византійскій, Николай чудотворецъ, епископъ мврликійскій, Спиридоній, е. тримитунскій (+ок. 350 г.) и другіе; о которыхъ рѣчь впереди.

Не было—быть можетъ—въ исторіи болѣе рѣзкаго примѣра перемѣны въ положеніи цѣлаго сословія, чѣмъ та, которая произошла въ положеніи христіанскаго клира и въ особенности епископства съ признаніемъ христіанства государственною релігіею. Послѣдніе гонители, систематически преслѣдовавшіе христіанство, направляли свои удары главнымъ образомъ на епископовъ, основательно разсуждая, что нужно прежде всего поразить пастырей, чтобы разсѣять стадо. Неудивительно поэтому, что въ то время не особенно много было желателей епископства; это была честь, за которую нужно было платить собственною безопасностію, иногда даже собственною жизнью. Но за то

принимавшіе на себя санъ епископскій были люди мужественные и твердые,—можно сказать самоотверженно исключившіе себя изъ числа живыхъ при самомъ принятіи епископства. Конечно епископъ былъ весьма вліятельнымъ лицомъ среди своей христіанской общины, но это вліяніе основывалось исключительно на его моральныхъ достоинствахъ и не имѣло никакого принудительнаго или даже юридически-обезпеченнаго характера. Со времени воцаренія Константина великаго, особенно же со времени его единодержавія, положеніе епископовъ рѣзко измѣнилось. Епископы сдѣлались людьми наиболѣе привилегированными въ имперіи. Императоръ любилъ бесѣдовать съ ними, приглашалъ ихъ къ своему столу, называлъ ихъ своими друзьями, братьями и сослужителями. Епископамъ предоставлены были большія имущественныя права; они получали щедрое царское жалованье, наслѣдовали богатства упраздняемыхъ языческихъ капищъ, имѣли по закону право получать и дѣйствительно получали по предсмертному завѣщанію имущества богатыхъ людей, трепетавшихъ за свою загробную судьбу и думавшихъ облегчить ее пожертвованіемъ для церкви имущества, которое для нихъ самихъ было болѣе не нужно. Епископы получили и обширныя административно-судныя права: они наблюдали за правильностію торговыхъ вѣсовъ и мѣръ, наблюдали также и за вѣсами Фемиды, заботясь, чтобы судья не склонялъ ихъ вопреки справедливости: *право убѣжища*, усвоенное храму и епископскому дому, давало епископамъ возможность быть друзьями всѣхъ гонимыхъ и обиженныхъ: право *церковнаго отлученія* было въ рукахъ ихъ страшнымъ оружіемъ противъ притѣснителей народа и церкви. Но такое безопасное, почетное и выгодное положеніе епископовъ не содѣйствовало нравственному возвышенію епископства. Прежде кандидатами на епископство были лучшіе люди христіанскаго міра; теперь полученіе епископскаго сана сдѣлалось любимой мечтою всевозможныхъ честолюбцевъ, корыстолюбцевъ и интригановъ. Выборы на епископство бывали иногда также шумны и сопровождались такою же борьбою партій, какъ выборы польскаго короля въ XVI—XVIII вѣкахъ. Обвиненіе въ ереси было любимымъ оружіемъ, которое направляли конкурренты на епископство другъ противъ друга,—и мы едвали ошибемся, если скажемъ, что арианскіе споры обязаны своимъ развитіемъ и популярностію главнымъ образомъ той агитаціи, которая велась изъ-за захвата епископскихъ кафедръ. Но и помимо ереси, не было такого грязнаго обвиненія, ко-

торымъ не готовы были бы воспользоваться искатели епископской каедры противъ опаснаго соперника. Довольно припомнить, что св. Аѳанасій александрійскій былъ обвиняемъ ни болѣе, ни менѣе какъ 1) въ прелюбодѣяннѣ 2) убійствѣ 3) волхвованнѣ и 4) поправнѣ св. даровъ; св. Кирилъ іерусалимскій былъ обвиняемъ въ расточеннѣ церковнаго имущества. — Справедливость впрочемъ требуетъ прибавить, что борьба шла только около важнѣйшихъ епископскихъ каедръ. По исчисленнѣ Гиббона въ восточной римской импернѣ было до 1000 епископскихъ каедръ, большая часть которыхъ ограничивалась предѣлами одного города, нерѣдко даже одного села. Въ этихъ бѣдныхъ и непривлекательныхъ для честолюбнѣ епархнѣхъ имѣли мѣсто еще епископы стараго закала, — люди простые, бѣдные и независимые, вѣра которыхъ была крѣпче ихъ разума. Таковъ былъ св. Спиридонъ тримлеунтскій, самъ продававшій своихъ возъ и явившійся къ императору Констанцію въ одеждѣ бѣднаго пелигрима съ глинянымъ сосудомъ на груди. Таковъ былъ св. Николай мурливскій. Самая незначительность ихъ каедръ спасала ихъ отъ завистливыхъ совмѣстниковъ.

Труднѣе, но за то и славнѣе былъ подвигъ епископскій на главнѣйшихъ каедрахъ востока — въ Константинополѣ, Антиохнѣ, Александрнѣ, Іерусалимѣ. Архіереямъ этихъ городовъ нужно было совмѣщать крѣпкую вѣру съ широкою образованностнѣю и житейскою опытностнѣю, — мудрость змѣи съ невинностнѣю голубя. *Подобаетъ и ересемъ быти, да искуснѣйшіе явленнѣи будутъ*, говорилъ нѣкогда ап. Павелъ. (1 Кор. 11, 19). *Искуснѣйшіе* (δοκίμοι) явились, — и церковь съ признательностнѣю чтитъ во святыхъ за разсматриваемый періодъ: Александра и Павла константинопольскихъ, Александра и Аѳанасія александрійскихъ, Филогоннѣю и Евстафія антиохійскихъ, Макарію, Максима и Кирилла іерусалимскихъ. Короткій очеркъ ихъ житнѣя и бѣдствнѣй не будетъ излишнимъ. Св. Александръ былъ архіепископомъ константинопольскимъ 15 лѣтъ (325—340). Его молитвамъ православные приписывали внезапную и поносную смерть Арія. Предъ своею кончиною на вопросъ о преемникѣ 98-лѣтннѣй Александръ, указавъ на Павла пресвитера и Македоннѣя діакона, сказалъ окружающимъ: „если желаете пастыря учительнаго и добродѣтельнаго, изберите Павла; если же предпочитаете благообразнаго по внѣшности и искуснаго въ житейскихъ дѣлахъ, то изберите Македоннѣя“. Рекомендація престарѣлаго святителя была уважена вполне; православные обитатели столицы избрали Павла, аріане — Ма-

кедонія. Св. Павелъ архіепископствовалъ въ столицѣ (344—350) въ то время, когда православные читатели никейскаго символа находились въ угнетеніи, а аріане имѣли на своей сторонѣ императора Констанція. Поэтому вся архіерейская жизнь св. Павла была цѣпью разныхъ оскорбленій. По волѣ императора Павелъ долженъ былъ уступить свою кathedру сначала въ пользу Евсевія, бывшаго никомидійскаго (въ 340 г.), а потомъ въ пользу Македонія (въ 341 г.). При этомъ низведеніи Павла произошли кровавыя сцены. Православные вступились за своего пастыря, убили воеводу Гермогена, который при помощи солдатъ хотѣлъ изгнать изъ церкви св. Павла, и сожгли домъ Гермогена. Раздраженный этимъ мятежемъ, императоръ наложилъ оналу на всю столицу и отнялъ половину хлѣбнаго жалованья, ассигнованнаго его отцемъ для жителей столицы, т. е. опредѣлить выдавать ежедневно вмѣсто 8000 только 4000 модіевъ пшеницы. Спасаясь отъ царскаго гнѣва, св. Павелъ удалился на западъ, и тамъ нашелъ себѣ покровителя въ лицѣ западнаго императора Констанса. При поддержкѣ западнаго императора св. Павелъ не разъ снова восходилъ на престолъ константинопольскій. Будучи снова изгоняемъ, св. Павелъ окончательно лишенъ кathedры по смерти своего покровителя Констанса (350 г.). Последніе дни жизни св. Павла были истиннѣ мученическіе. Влчимиы своими немилосердными врагами аріанами по разнымъ мѣстамъ ссылки, св. Павелъ былъ моренъ голодомъ и наконецъ задушенъ въ армянскомъ городѣ Кукузахъ, позднѣйшемъ мѣстѣ ссылки І. Златоустаго. Позднѣйшіе греческіе писатели сообщаютъ, что аріане удушили св. Павла его собственнымъ омофоромъ во время служенія литургіи,—обстоятельство, которое плохо согласуется съ обстановкою жизни изгнанника. Мощи св. Павла были перенесены въ Константинополь при и. Θεодосіѣ великомъ во время 2-го всел. собора въ 381 году.

Изъ двухъ канонизованныхъ александрійскихъ святителей старшій Александръ свѣтитъ свѣтомъ, заимствованнымъ отъ своего младшаго спутника Аѳанасія. Открывая борьбу противъ Арія и имѣя утѣшеніе видѣть побѣду православія на никейскомъ соборѣ, престарѣлый Александръ былъ поддерживаемъ юною смертію Аѳанасія. „Хотя“, говоритъ св. Кириллъ, позднѣйшій святитель александрійскій,— „хотя не занималъ Аѳанасій епископскаго престола и оставался въ клирѣ, однако по остротѣ ума своего, по своей кротости и весьма тон-

кому и безпримѣрному благоразумію, былъ принять блаженной памяти епископомъ Александромъ, какъ свой, и жилъ со старцемъ, какъ сынъ съ отцемъ, руководя его ко всему полезному и во всякомъ дѣлѣ уязвляя ему лучшій путь“. Обстоятельное изображеніе дѣятельности св. Аѳанасія во время его 46-лѣтняго епископства (326—373) потребовало бы у насъ болѣе мѣста и времени, чѣмъ сколько опредѣляется задачею нашего труда. Мы ограничимся приведеніемъ характеристики св. Аѳанасія, сдѣланной Гиббономъ, который сверхъ обыкновенія относится въ православному святителю довольно благосклонно и справедливо. „Рѣдко,“—говоритъ Гиббонъ,—„намъ случается наблюдать, какія дѣйствія можетъ производить и какія препятствія можетъ преодолевать сила единичнаго духа, если она направлена въ достиженію единой и единственной цѣли. Безсмертное имя Аѳанасія неотдѣлимо отъ православнаго ученія о Троицѣ, защитѣ котораго онъ посвятилъ всѣ дни и силы своей жизни. Находясь въ клирѣ св. Александра, юный Аѳанасій сильно противоборствовалъ первымъ движеніямъ аріанской ереси, исполняя обязанности секретаря у престарѣлаго святителя, и отцы никейскаго собора съ удивленіемъ и почтеніемъ смотрѣли на развитіе доблестей молодаго діакона. Въ тяжелое время борьбы нужные люди обыкновенно выдвигаются впередъ, помимо обычныхъ привилегій сана и возраста; чрезъ 5 мѣсяцевъ послѣ возвращенія изъ Никей діаконъ Аѳанасій является уже на архіепископской кафедрѣ Египта. Онъ пробылъ въ этомъ высочомъ положеніи 46 лѣтъ, и его долгое архіепископство все было занято постоянною борьбою противъ аріанства. Пять разъ Аѳанасій былъ низводимъ съ своей кафедры; 20 лѣтъ провелъ, какъ бѣглець и изгнанникъ, и почти каждая провинція римской имперіи была свидѣтельницею его подвиговъ и страданій за догматъ единосущія, котораго онъ считалъ долгомъ и славою своей жизни. Среди бурь преслѣдованія Аѳанасій оставался неизмѣнно вѣренъ своему призванію, берегъ свое доброе имя и не заботился о своей безопасности; и хотя душа его не совсѣмъ была свободна отъ примѣси фанатизма, но по высотѣ ума и силѣ характера Аѳанасій оказывался гораздо способнѣе въ управленію великою монархіею, чѣмъ выродившіеся дѣти в. Константина. Ученость Аѳанасія не была такъ глубока и объемиста, какъ ученость Евсевія кесарійскаго: его дѣловое краснорѣчіе не можетъ выдержать сравненія съ изящнымъ ораторскимъ искусствомъ Василія или Григорія; но когда египетскому

святителю нужно было оправдать свои воззрѣнія или свое поведеніе, то его стиль, даже експромптный, былъ ясенъ, силенъ и убѣдителенъ. Въ православной школѣ Аѳанасій всегда считался однимъ изъ самыхъ точныхъ учителей христіанскаго богословія: этого мало;—ему приписывали еще талантъ юриста и даръ прозорливца. Удачныя догадки на счетъ будущаго, которыя могли быть слѣдствіемъ опытности и проницательности св. Аѳанасія, выдавались его друзьями, какъ вдохновеніе свыше, а его врагами, какъ плодъ занятій магіею.—Но такъ какъ Аѳанасій постоянно боролся съ предрасудками и страстями людей всякаго состоянія отъ монаха до императора, то знаніе человѣческой природы было его первою и важнѣйшею наукою. Архіепископъ александрійскій былъ въ состояніи точно опредѣлить, когда можно было смѣло требовать и когда нужно было просить съ покорностію,—когда можно было бороться противъ силы и когда нужно было избѣгать опасности; поражая ударами церковнаго отлученія еретиковъ и церковныхъ мятежниковъ, Аѳанасій среди преданной ему паствы умѣлъ поддерживать кроткій и снисходительный характеръ мудраго руководителя. Избраніе Аѳанасія не избѣгло упрековъ въ неканоничности и постыжности; но его превосходныя качества скоро приобрѣли ему любовь и духовенства и народа. Жители Александріи горѣли отъ нетерпѣнія защищать оружіемъ своего краснорѣчиваго и снисходительнаго пастыря. Во время бѣдствій Аѳанасія вѣрная привязанность его влира доставляла ему помощь или по крайней мѣрѣ утѣшеніе, и сто египетскихъ епископовъ съ неповолебимымъ усердіемъ поддерживали дѣло Аѳанасія. Со скромною свитою Аѳанасій часто предпринималъ епископскіе объѣзды своей епархіи отъ устьевъ Нила до предѣловъ Египта, сердечно бесѣдовалъ съ простымъ народомъ и смиренно привѣтствовалъ благочестивыхъ пустынниковъ. Но не только въ собраніяхъ духовенства,—среди людей, сходныхъ съ нимъ по нравамъ и образу мыслей,—Аѳанасій обнаруживалъ превосходныя качества своего духа. Онъ являлся съ безстрашною и несокрушимою твердостью при царскомъ дворѣ и среди разнообразныхъ перемѣнъ своего счастья и несчастья никогда не терялъ довѣренности своихъ друзей и уваженія своихъ враговъ“.

Канонизованные святители Антиохіи не въ такой степени замѣчательны. Приведемъ извѣстія о нихъ изъ *списка антиохійскихъ па-*

патріарховъ, переведеннаго и изданнаго преосв. Порфиріемъ Успенскимъ въ *Трудахъ к. д. ак. 1874.*

» Св. Филогоній до архіерейства былъ судьбою и судилъ народъ справедливо,—по другому извѣстію—былъ адвокатомъ и защищалъ бѣдныхъ; посему избрали его патріархомъ въ началѣ 319 г. Онъ управлялъ сирійскою церковію лѣтъ пять; искоренилъ худые обычаи, укоренившіеся между христіанами во время гоненія ихъ; ненавидѣлъ ересь Арія и препятствовалъ появленію ея въ Антиохіи. Смерть постигла его въ 324 году. Св. Евстафій до епископства былъ исповѣдникомъ въ царствованіе Діоклитіана и Ликинія; во дни же патріаршества противился аріанамъ. Евстафій предсѣдательствовалъ на никейскомъ соборѣ и разглагольствовалъ съ самодержавнымъ Константиномъ, хваля его и утверждая въ вѣрѣ и опровергая богохульство Арія. Онъ препирался съ этимъ еретикомъ и его послѣдователями. Его отиѣнно уважалъ царь. По окончаніи никейскаго собора Евстафій отпразднелъ въ Антиохію къ своему престолу и былъ тамъ принятъ съ великою честью... Сюда же прибылъ проклятый аріанинъ, никомидійскій епископъ Евсевій съ проклятыми сообщниками своими, ненавидѣвшій Евстафія за то, что онъ отлучилъ Арія и послѣдователей его... Эти еретики рѣшились низложить Евстафія, и для того подкупили одну непотребную женщину и уговорили ее объявить имъ, что она сожительствовала съ Евстафіемъ. Клятвою ея они удовольствовались и соборно опредѣлили низложить сего патріарха. Но православные епископы воспротивились имъ, говоря, что погребно свидѣтельство по крайней мѣрѣ двухъ лицъ. Тогда антиохійцы раздѣлились на двѣ партіи: аріанскую и православную. Аріане клеветали императору Константину великому, что Евстафій поносилъ мать его Елену и былъ причиною смуты. Императоръ отправилъ гонца въ Антиохію съ письмомъ о любви и мирѣ, и позвалъ къ себѣ Евстафія. Въ Константинополѣ аріане опять оклеветали сего патріарха такъ, что Константинъ повѣрилъ имъ и сослалъ его въ Иллирію.. Евстафій терпѣлъ и благодушевствовалъ тамъ, а жена клятвенно-преступница, заболѣвъ тяжело и долго, обнаружила злобу аріанъ, сказавъ, что дѣйствительно она прижила дитя не отъ патр. Евстафія, а отъ нѣкоего кузнеца“ (по имени также Евстафія).—Дальнѣйшія извѣстія о судьбѣ св. Евстафія сбивчивы и разнорѣчивы. Мощи его принесены въ Антиохію въ 482 г.

Изъ трехъ канонизованныхъ іерусалимскихъ святителей болѣе зна-

менить св. Кирилль (350—387). Въ началѣ его святительства 7 мая 351 года около 3-го часа дня явился надъ Голговою большой сіяющій крестъ, простиравшійся до горы Елеонской. Весь народъ былъ свидѣтелемъ этого знаменія и св. Кирилль описалъ оное въ посланіи къ императору Констанцію. Въ церковной литературѣ св. Кирилль извѣстенъ своими 25-ю огласительными поученіями, которыя представляютъ собою древнѣйшее методическое изложеніе христіанскаго вѣроученія. Въ жизни св. Кирилль извѣстенъ бѣдствіями, которыя онъ терпѣлъ отъ Акакія, аріанствующаго митрополита Кесаріи палестинской. Акакій гнѣвался на св. Кирилла по двумъ причинамъ: а) потому что былъ обличаемъ имъ въ ереси, б) потому что св. Кирилль не желалъ признавать іерархической зависимости іерусалимской кафедрѣ отъ кафедрѣ Кесаріи палестинской. Исходъ своему негодovanію на св. Кирилла Акакій нашель въ слѣдующемъ обстоятельстве: во время бывшаго въ Іерусалимѣ голода св. Кирилль щедрою рукою раздавалъ пособія голодающимъ и для этой цѣли продавалъ церковныя вещи и облаченія. Прошелъ слухъ, будто бы видѣли на городской площади безчестную женщину, пляшущую въ вульельномъ ея священномъ облаченіи. Акакій такъ искусно успѣлъ воспользоваться этимъ слухомъ, что св. Кирилль былъ не только лишенъ епархіи, но и посланъ императоромъ Констанціемъ въ заточеніе, а возвращенъ уже при Юліанѣ. Дальнѣйшая жизнь св. Кирилла выходитъ изъ предѣловъ разбираемаго нами періода.

Тогда какъ православные и канонизованные архіереи изображаются предъ нами какъ люди, не только правовѣрующіе, но и доблестно терпящіе гоненіе за правду, враги церкви рисуются не только какъ отступивши отъ истины, но и какъ жестокіе и лукавыя гонители правды. Въ этомъ изображеніи конечно нѣтъ полного безпристрастія, какъ не было безпристрастія и въ самой жизни. Борьба естественно вызывала раздраженіе. Главными врагами церкви были Аріій и Юліанъ. Оставляя въ сторонѣ ихъ характеристику, уже извѣстную намъ, замѣтимъ только, что православные писатели старались представить смерть ихъ, какъ дѣйствіе непосредственнаго суда Божія, подражая бытъ можетъ Лактанцію, который въ своемъ сочиненіи *de mortibus persecutorum* изобразилъ съ этой точки зрѣнія конецъ языческихъ гонителей христі-

анства. О смерти Арія церковные писатели сообщаютъ слѣдующее: „спустя нѣсколько лѣтъ послѣ никейскаго собора, Арій, будучи призванъ въ Царьградъ, коварно обманулъ благочестиваго царя Константина, объявляя свое согласіе съ никейскимъ исповѣданіемъ. Царь приказалъ принять Арія въ церковное общеніе. Въ воскресное утро предъ началомъ литургіи Арій шелъ изъ царскихъ палатъ къ церкви со мноюю гордостію, окруженный вельможами, придерживавшимися его ереси, и множествомъ оруженосцевъ. Когда же онъ дошелъ до торжища Константинова, гдѣ стоитъ мраморный столпъ съ царскою статуею,—то напалъ на него страхъ и угрызеніе совѣсти, и тѣлесная нужда заставила его искать сокровеннаго мѣста. Есть же тамъ вблизи народное отхожее мѣсто. Туда взошелъ Арій и былъ пораженъ внезапною внутреннею болѣзнію, и разсѣлся посреди какъ Гуда, и всѣ внутренности его извергнуты были. И такъ окаянный горестно извергъ душу свою. Провожавшіе Арія, видя, что онъ долго не выходитъ, вопли внутрь, и нашли его мертвымъ, лежащемъ въ крови и гноѣ. И тотчасъ по всему городу разнеслась вѣсть о внезапной лютой смерти еретика Арія, и еретики весьма были посрамлены, а православные возрадовались, говоря, что Христосъ, истинный Богъ, отмстилъ своему врагу и хулителю“. — По мнѣнію Гиббона, если буквально принимать повѣствованіе о смерти Арія, то остается выбрать между ядомъ и чудомъ. Какъ рационалистъ, Гиббонъ разумѣется склоняется къ первому объясненію. „Необычныя и ужасныя обстоятельства смерти Арія“, — говоритъ Гиббонъ, — „могутъ возбуждать подозрѣнія, что каѳолики употребили болѣе сильное орудіе, чѣмъ свои молитвы, чтобы избавить церковь отъ ея страшнаго врага“. Но нужно припомнить, что и сами аріане — современники и свидѣтели смерти Арія — не возбуждали противъ православныхъ подозрѣнія, высказываемаго Гиббономъ, хотя, при тогдашней расположенности къ нимъ прятельства, ничто не препятствовало провозвести по этому дѣлу самое строгое слѣдствіе.

Второстепенные гонители церкви — аріанствующіе епископы представляются у церковныхъ писателей, какъ люди жестокіе, лукавые и склонные къ интригѣ. Приведемъ въ подтвержденіе этого нѣсколько отдѣльных извѣстій. О Македоніѣ, аріанствующемъ епископѣ Константинополя, сообщается, что онъ мучилъ разными муками православныхъ, не желавшихъ имѣть съ нимъ общенія: — повелѣвалъ отрѣзать пожижками носы у благовѣрныхъ женъ; повелѣвалъ насильно влгать людямъ аріанское причастіе въ

уста, открытыя при помощи желѣзныхъ орудій; повелѣвалъ у иныхъ отрѣзывать носы и уши, иныхъ печатлѣть огнемъ и т. д.—О Леонтиѣ, арианскомъ епископѣ Антиохіи, сообщается, что онъ былъ пронырливъ и подобенъ подводнымъ камнямъ. Онъ ласкалъ православныхъ и звалъ ихъ къ себѣ въ церковь. Они послушались и пошли къ нему въ церковь, поя псалмы: и *слава Отцу и Сыну и св. Духу*; а ариане пѣли по своему: *слава Отцу чрезъ Сына во св. Духъ*. Патриархъ же, не склоняясь ни на ту, ни на другую сторону, подпѣвалъ только: *во вѣки вѣковъ*, а по выходѣ изъ церкви сказалъ своимъ арианамъ, указывая на сѣдую голову свою: *когда растаетъ этотъ снѣгъ, тогда вы увидите, какая грязь будетъ* т. е. когда онъ умретъ, тогда каѳолики восторжествуютъ надъ арианами.—О Стефанѣ, арианскомъ епископѣ Антиохіи, сообщается, что онъ былъ весьма склоненъ къ интригѣ. Въ 348 г. прибыли въ Антиохію два западныхъ епископа—Вивентій капуанскій и Евфратъ агриппинскій—для разслѣдованія беззаконій Стефана. Желая опорочить своихъ судей, Стефанъ поручилъ своему служителю Онагру ввести къ епископамъ блудницу и приготовить 15 свидѣтелей. Онагръ въ точности исполнилъ порученіе. Когда епископы уснули, онъ ввелъ къ нимъ блудницу, которая и подошла къ Евфрату, весьма старому. Епископъ этотъ, слышавъ шаги ея, крикнулъ: *кто тутъ?* и слыша голосъ женщины, подумалъ, что стоитъ діаволь, и взмолился: *Иисусе спаси меня!* Тогда оныя 15 негодяевъ (т. е. подставныхъ свидѣтелей) начали кричать, что епископы развратные люди. Однако и блудница, видя старца и узнавъ, что онъ епископъ, начала вопіять, что ее обманули. Пробудился и другой епископъ, пробудились и слуги дома и побѣжали хватать бездѣльниковъ, но схватили только 7 человекъ—съ блудницею. Сбѣжались сосѣди. Соблазнъ сталъ общій, ибо случился въ дни Пасхи. Епископы пошли къ императору Констанцію, бывшему тогда въ Антиохіи, и просили его судить виновниковъ соблазна. Императоръ приказалъ допросить блудницу. Она призналась, что ее привелъ къ епископамъ Онагръ. Отыскали Онагра, и онъ объявилъ, что сдѣлалъ это по приказанію патр. Стефана. Разгнѣвался императоръ и велѣлъ епископамъ судить Стефана, который и былъ пизложенъ“.

Въ заключеніе мы должны сказать нѣсколько словъ о епископѣ, который былъ знаменитъ своею ученостію и литературною дѣятельностію, но

далеко не безукоризненъ по своимъ догматическимъ и нравственнымъ убѣжденіямъ. Мы разумѣемъ Евсевія Памфила, епископа Кесаріи палестинской. Изъ его многочисленныхъ сочиненій особенно важны: а) 10 книгъ церковной исторіи б) 4 книги о жизни Константина великаго и в) 15 книгъ *евангельскаго приотворенія*. Не напрасно послѣдующіе церковные историки называли Евсевія историкомъ многоучѣнѣйшимъ и достовѣрнѣйшимъ. Благородная страсть къ знанію превѣшивала въ немъ всѣ житейскіе расчеты, которымъ историкъ былъ также не совсѣмъ чуждъ. „Однажды когда имп. Константинъ прибылъ въ Кесарію и сказалъ Евсевію, чтобы просилъ у него какихъ-либо благодѣяній для кесарійской церкви,—Евсевій, говорятъ, отвѣтилъ: „церковь моя богата своими доходами и не имѣетъ нужды испрашивать пособій, но самъ я имѣю непреодолимое желаніе, чтобы все, что только дѣлалось въ римскомъ государствѣ относительно святыхъ Божіихъ разными судьями, тщательно было разыскано въ общественныхъ архивахъ, по царскому приказу, и препровождено ко мнѣ, съ означеніемъ, какой мученикъ предъ какимъ судьей, въ какой области или городѣ, въ какой день и съ какимъ мужествомъ восхитилъ пальму своего страданія“. (Hieronim. Catalog. scriptor. eccles.) Кроме того Евсевій самъ говоритъ, что для него открыты были всѣ находившіеся тогда на востокѣ христіанскія бібліотеки. При такихъ благопріятныхъ условіяхъ для литературнаго труда, Евсевій наполнилъ свою исторію множествомъ документальныхъ свидѣтельствъ и выдержекъ изъ писателей, нынѣ утраченныхъ. Эпоха, въ которую писалъ Евсевій, благопріятствовала внѣшней стройности и законченности его историческаго труда. Исторія Евсевія есть по преимуществу исторія христіанскаго мученичества. Но она писана уже тогда, когда христіанство въ лицѣ Константина возшло на тронъ римскихъ цезарей и видѣло поверженнымъ у своихъ ногъ весь языческій міръ. Въ такую эпоху легко было обнять однимъ цѣльнымъ взглядомъ все протекшее трехъ-вѣковое время борьбы и страданій за вѣру и видѣть въ немъ послѣдовательное подготовленіе побѣды христіанства надъ міромъ, увѣнчавшееся полнымъ успѣхомъ въ глазахъ автора. „Послѣ прежнихъ мрачныхъ зрѣлищъ и страшныхъ повѣствованій“, говоритъ Евсевій въ 10-й и послѣдней книгѣ своей исторіи, „мы удостоились теперь созерцать и славословить тѣ, что желали видѣть на землѣ и не видѣли, хотѣли слышать и не слышали многие, жившіе до насъ, истинные праведники и мученики Бо-

жив".—За правдивость Евсевія ругается документальный характеръ его исторіи; при описаніи современныхъ событій правда онъ нерѣдко стѣсняется говорить историческую истину, но и тогда ограничивается умолчаніемъ, не позволяя себѣ искажать факта.—Обширная ученость Евсевія не была соединена съ твердымъ и мужественнымъ характеромъ. Въ отношеніяхъ къ императору Евсевій представляетъ собою панегириста; догматическія убѣжденія его были также шатки и склонялись болѣе къ аріанству. Мягкость и уклончивость нрава Евсевія не позволяла ему нажить сильныхъ враговъ, но и не позволяла ему стать за гонимую правду. Впрочемъ потомство, которое ничего не терпитъ отъ нравственныхъ недостатковъ Евсевія и пользуется его незамѣнными трудами, должно быть къ нему благосклоннѣе, чѣмъ современники.

РЕЛИГИОЗНОЕ СОСТОЯНІЕ НАРОДА. Вліяніе христіанства на народную жизнь. Двоевѣріе. Язычество. Новая пріобрѣтенія христіанства внѣ предѣловъ римской имперіи.

Общее религіозное состояніе народа менѣе выходитъ на свѣтъ исторіи, чѣмъ жизнь отдѣльныхъ лицъ, знаменитыхъ своимъ благочестіемъ или нечестіемъ. Въ тихомъ и неуловимомъ для сознанія вліяніи христіанства на народную жизнь буквально сбываются слова евангельской притчи: *царствіе Божіе подобно тому, какъ если человекъ броситъ сѣмя въ землю; и спитъ, и встаетъ ночью и днемъ; и какъ сѣмя всходитъ и растетъ, не знаетъ онъ. Ибо земля сама собою производитъ сперва зелень, потомъ колосья, потомъ полное зерно въ колосья.* (Марк. 4, 26 — 28). Но если сравнить а) политическую и личную, б) общественную и семейную жизнь обитателей римской имперіи до временъ Константина великаго и во времена Константина, и его ближайшихъ преемниковъ,—то мы замѣтимъ громадную разницу и едва ли ошибемся, если скажемъ, что христіанство весьма много значило при этихъ коренныхъ перемѣнахъ въ міросозерцаніи и жизни человѣчества.

а) Такъ какъ *политическое* устройство римской имперіи по сравненію съ предшествующими временами признавалось чѣмъ то ненормальнымъ и переходнымъ, то мы должны обратиться въ глубину сѣдой древности, чтобы найти идеальную форму государственнаго устрой-

ства древняго міра. Такою формою была республика. Какъ свободные республиканцы, греки и римляне повиновались законамъ, которые сами себѣ дали, слушались начальниковъ, которыхъ сами себѣ выбрали, вели войны, которые сами предприняли, давали свое имущество, жертвовали жизнью въ пользу дѣла, которое было ихъ дѣломъ. Идея своего отечества, своего государства, была высшимъ краемъ желаній древняго грека и римлянина,—высшимъ предметомъ, для котораго онъ трудился. Этою идеею поглощалась его личность; для нея только онъ и жилъ. „Греку или римлянину“—говоритъ Гегель— „не приходило въ голову желать продолженія своей личности по смерти; только въ тяжелыя минуты разочарованія онъ могъ почувствовать это желаніе. Катонъ только тогда принялся за чтеніе Платонова *Федона*,—когда былъ разрушенъ его высшій дотолѣ порядокъ вещей, его міръ, его республика; только тогда онъ почувствовалъ нужду въ иномъ міросозерцаніи“. Боги Греціи и Рима соотвѣтствовали характеру свободныхъ республиканцевъ. Олимпійскіе небожители представляли собою также нѣчто въ родѣ республики подъ предсѣдательствомъ Зевеса, воля котораго вовсе не пользовалась безусловнымъ авторитетомъ. Отношенія смертныхъ къ безсмертнымъ также были вполнѣ свободныя. Язычники съ благодарностію принималъ—или воображалъ, что принимаетъ,—отъ боговъ даръ мудрости, краснорѣчія и благія внушенія, но въ случаѣ какой-либо коллизіи съ богами, онъ считалъ себя вправе противопоставлять этимъ владыкамъ природы и ея силъ—себя самаго, свою свободу. Воля язычника была свободна. Онъ не зналъ Божіихъ заповѣдей и, если употреблялъ это слово, то разумѣлъ подъ этимъ правящій міромъ законъ, а не какую-либо богооткровенную обязательную для себя мораль.

Рядъ множества сложныхъ причинъ произвелъ то, что во времени воцаренія Константина великаго отъ республиканскаго устройства древняго міра уцѣлѣли только тигулы консуловъ и сенаторовъ и нѣсколько устарѣлыхъ формъ жизни, потерявшихъ прежнее значеніе. Великая римская имперія превратилась въ абсолютную монархію. Самъ Константинъ великій еще болѣе упрочилъ монархическіе порядки. Онъ перенесъ столицу на востокъ въ среду населенія, болѣе привычнаго къ правительственному абсолютизму. Онъ старался поражать взоры народа внѣшнею пышностію, чтобы подданные, видя государя стоящаго на недосыгаемой высотѣ, не считали себя

вправѣ судить о его дѣйствіяхъ, которыя предписывались царю условіями его положенія. Константинъ раздѣлилъ наконецъ всѣхъ своихъ подданныхъ на двѣ половины, изъ которыхъ одна была привязана къ государю личными интересами, а вторая была лишена возможности выразить свое неудовольствіе. Если позволительно употребить термины, взятые изъ русской исторіи, то можно сказать, что Константинъ великій создалъ въ своемъ государствѣ *опричнину* и *земщину*. Первую составляли придворные чины, населеніе столицы, духовенство, особенно высшее, войско и чиновники; послѣднюю—все остальное населеніе римской имперіи. „Константинъ“,—говоритъ Финлей,—„организовалъ правительство римской имперіи, какъ будто бы оно составляло домашнее хозяйство императора и сдѣлалъ изъ императорскихъ чиновниковъ касту, совершенно отдѣльную отъ народа,—вслѣдствіе чего поставилъ ихъ въ силу самой человѣческой природы въ прямую оппозицію съ массой своихъ подданныхъ“. Идея о государствѣ, какъ о продуктѣ совокупной дѣятельности всѣхъ гражданъ, исчезла теперь изъ сознанія обитателей римской имперіи. Забота о цѣломъ государствѣ лежала на душѣ одного императора. Сравнительно немногіе подданные были допущены къ управленію государственнымъ механизмомъ, да и тѣ служили, какъ отдѣльные колеса, имѣющіе значеніе только въ соединеніи съ другими; ввѣренная каждому отдѣльная часть государственнаго механизма была такъ незначительна и безотносительна къ цѣлому, что каждый могъ дѣйствовать въ своей сферѣ, не справляясь съ ходомъ дѣла въ цѣломъ государствѣ. Не было болѣе дѣятельности въ пользу цѣлаго, въ пользу идеи: каждый трудился для себя, а для другихъ только по принужденію. Нельзя было теперь свободно подчиняться собственнымъ законамъ, слѣдовать выборнымъ вождямъ, приводить въ исполненіе собственные планы. Всякая политическая свобода пала. Право гражданина давало только обезпеченіе собственности,—и не болѣе. „При такихъ обстоятельствахъ,—говоритъ Гегель,—явленіе обрывавшее всю ткань человѣческихъ цѣлей,—*смерть*,—стало казаться человѣку страшнымъ, потому что человѣкъ умирая ничего уже не оставлялъ послѣ себя въ семь мірѣ. Республиканца переживала по крайней мѣрѣ его республика. Онъ вѣрилъ, что эта республика, въ которую онъ положилъ часть своей души, есть нѣчто вѣчное“: римскій же гражданинъ послѣднихъ временъ имперіи не имѣлъ уже этого утѣшенія.

Мы не будем утверждать, что эта переменна въ политическомъ положеніи древняго міра создана христіанствомъ, но мы должны сказать, что христіанство дало гражданину послѣднихъ временъ римской имперіи кругъ идей, которыя вознаградили его за потерю политической свободы и наполнили пустоту, образовавшуюся въ его дѣлѣ вслѣдствіе прекращенія политической дѣятельности. Христіанство перенесло мысль вѣрующаго къ обителямъ Отца небеснаго, гдѣ не женятся, ни выходятъ замужъ, ни умираютъ, но живутъ, какъ ангелы,—гдѣ нѣтъ ни разрушительнаго дѣйствія стихій, ни обиды отъ злыхъ людей, ни болѣзни, ни печали, ни воздыханія, но жизнь безвѣчная. Въмѣсто всякихъ политическихъ идеаловъ христіанство указывало своимъ послѣдователямъ на великую всемірную катастрофу, когда *небеса съ шумомъ пройдутъ, стихіи же, разорвутся, разрушатся, земля и все что на ней, сгорятъ.* (2 Петр. 3, 10). Важно ли было для христіанина прекращеніе политической дѣятельности, когда онъ ежеминутно ожидалъ, что эта бѣдная земля со всѣмъ; что есть на ней, распадется и уничтожится! *Еще немного, очень немного,* читали христіане у ап. Павла (Евр. 10, 31) *и Грядущій придетъ и не удержитъ.* Важно ли было для христіанина, что его притѣснялъ корыстолюбивый правитель,—когда онъ, по заповѣди Спасителя, готовъ былъ ударившему по ланитѣ подставить и другую; не боялся убивающихъ тѣло и потому не могущихъ сдѣлать ничего болѣе, и ожидалъ, по обѣщанію Господа, новаго неба и новой земли, на которыхъ правда живетъ? Важно ли было для христіанина разсматриваемой эпохи лишеніе права носить оружіе и принимать участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, когда самая война въ христіанской точки зрѣнія представлялась явленіемъ ненормальнымъ? Вообще христіанинъ разсматриваемаго нами времени не только охотно, но даже радостно мирился съ утратою политической дѣятельности. Центръ помысловъ и заботъ былъ всецѣло перенесенъ изъ сферы политической въ сферу личную. Высшимъ идеаломъ и образцемъ для тогдашняго христіанина былъ отшельникъ, который исключительно трудится для своего вѣчнаго душевнаго спасенія. Въ христіанской литературѣ довольно употребительно сравненіе царя,—единственнаго человѣка, которому открыта была тогда широкая политическая дѣятельность,—съ монахомъ,—при чемъ преимущество отдается въ пользу послѣдняго. Мы уже довольно долго оставались на изображеніи идеальнаго инока, и можемъ считать этотъ образъ для себя

знакомымъ. Другаго идеала тогда не было,—и всякій христіански-настроенный мірянинъ пытался тогда по мѣрѣ возможности усвоить себѣ иночскія добродѣтели и въ особенности равнодушіе къ этому суетному и сверенходящему міру. Выигрывало ли отъ этого государство,—это другой вопросъ, на который кажется придется отвѣчать отрицательно. Мірскія дѣла все-таки должны были идти своимъ чередомъ; и если лучшіе люди того времени выдѣлялись изъ міра и уходили въ монастырь, или, живя въ мірѣ, старались держаться отъ мірскихъ дѣлъ по возможности подальше, то естественно выдвигались на первый планъ люди, у которыхъ не было ни республиканскихъ, ни монашескихъ добродѣтелей, люди,—которыхъ ничто не привязывало къ предмету ихъ занятій, кромѣ ненасытнаго своекорыстія. При такихъ дѣтеляхъ государство разумѣется должно было идти къ упадку, и язичники не безъ основанія говорили, что христіанство содѣйствуетъ варварамъ, которые шли съ сѣвера, чтобы разрушить древнюю цивилизацію. „Съ провиденціальной точки зрѣнія“, говоритъ Лоранъ, „такъ и должно было быть. Призваніе христіанства состояло не въ томъ, чтобы возродить древній міръ, но—чтобы воспитать варваровъ“. Мы не придемъ на себя, подобно Лорану, указывать пути Провидѣнія, но повторимъ еще разъ, что христіанствомъ отрывался для гражданина римской имперіи единственный возможный тогда *modus vivendi*, состоявший въ томъ, чтобы, отложивъ заботу о политическихъ дѣлахъ, искать во глубинѣ собственнаго духа той свободы, которой не можетъ отнять никакое насиліе.

β) Если въ политической жизни христіанство давало возможность человѣку мириться съ сложившимся строемъ государственныхъ отношеній, увлекая его въ міръ иныхъ, далекихъ отъ мірской суеты, представлений, то общественная и семейная жизнь обязана христіанству положительно благотворнымъ влияніемъ. Общественная жизнь въ античномъ мірѣ отличалась крайнимъ неравенствомъ правъ. Сильный господствовалъ надъ слабымъ и угнеталъ его; мужчина надъ женщиною, господинъ надъ рабомъ, отецъ надъ сыномъ, богачъ надъ бѣднякомъ, славянинъ надъ варваромъ. Сознанія общаго человѣческаго достоинства, общаго равенства человѣческой природы вовсе не было,—и законъ не только не ослаблялъ, но закрѣплялъ своими постановленіями право сильного. Нищій, увѣчный, больной, сирота, плѣнникъ—считался существомъ, отверженнымъ богами и людьми: ему не было мѣста

на жизненномъ пиру,—и стереть его съ лица земли можно было безъ угрызенія совѣсти. Христіанство принесло идею о томъ, что всѣ люди братья, ибо всѣ дѣти одного Отца небеснаго. Въ царствѣ Христовомъ — говоритъ апостоль, (Галат. 3, 28)—*нѣтъ еллинъ, ни іудей, варваръ и скивъ, рабъ и свободъ, мужескій полъ и женскій, но есаяская и во есаяхъ Христовъ*... Мало того: подъ вліяніемъ христіанскихъ идей совершенно измѣнилась оцѣнка составныхъ частей общества. Что было вверху, стало внизу,—и наоборотъ. Евангеліе говоритъ, что во время земной жизни Своей Спаситель нашелъ себѣ признаніе среди мытарей, самаритянъ, бѣдныхъ рыбаковъ, грѣшныхъ женщинъ,—а архіерея, книжника и старѣйшины народныя отвергли и предали Его на распятіе. Евангеліе говоритъ, что Христовъ, возвѣщая юре богатымъ и пресыщеннымъ, призывалъ къ Себѣ труждающихся и обремененныхъ, называлъ ихъ Своими братьями и общалъ, что все, сдѣланное для нихъ, Онъ вмѣнитъ Себѣ на Своемъ второмъ пришествіи.—Сообразно своему началу христіанство и въ послѣдствіи стало распространяться снизу (*немощная міра избра Богъ, да поосрамимъ крѣпкая* I Кор. 1, 27). И распространялось до тѣхъ поръ, пока вовлекло въ свой кругъ людей богатыхъ, могучихъ, знатныхъ и наконецъ царей.—Что же потомъ? Нельзя же было всѣмъ богатымъ и владѣющимъ превратиться въ нищихъ и рабовъ, а еще невозможнѣе было всѣмъ нищимъ и рабамъ сдѣлаться владѣющими и богатыми,—да наконецъ, еслибы и возможенъ былъ такой переворотъ, то бѣдствующіе, переставъ бѣдствовать, потеряли бы вмѣстѣ съ тѣмъ и то качество, ради котораго они высоко цѣнились въ христіанствѣ. Конечно должны были послѣдовать компромиссы, которыми жизнь обыкновенно сглаживаетъ крайности идеѣ. Нѣкоторые самоотверженные богачи приняли добровольную нищету; такихъ конечно было немного. Другіе стали пользоваться умѣреннѣе своими случайными преимуществами богатства и власти, и искупать—такъ сказать—право пользованія этими преимуществами щедростію и снисходительностію къ бѣднымъ. Что касается до людей, обиженныхъ судьбою, то они чрезвычайно поднялись въ общественномъ мнѣніи христіанскаго міра. Несчаствіе стало считаться уже не гнѣвомъ, а милостивымъ посѣщеніемъ Божиимъ,—залогомъ блаженства въ будущей жизни. Люди бѣдствующіе,—больные, нищіе, странники, вдовы, сироты—были поставлены подъ особое храненіе и попеченіе церкви; для нихъ устрояемы были епископами *ξσδοχεία, πτωχοτροφεία, γρηγορεία*, воссоко-

мѣта, брахотрофеѣа,—и императоръ Юліанъ не безъ основанія указывалъ на благотворительныя учрежденія церкви, какъ на примѣръ, достойный подражанія язычниковъ. Гражданская власть также оказывала возможное пособіе страдающимъ. Имп. Константинъ „нищихъ и отверженныхъ, собирающихъ милостыню на площадяхъ, приказалъ снабжать не только деньгами и необходимою пищею, но и приличною одеждою, а тѣмъ, которые, прежде живъ хорошо, испытали неблагоприятную перемѣну обстоятельствъ, помогалъ еще съ болѣею щедростію“ и т. д. (De vita Const. II, 43). Но — что всего важнѣе — люди бѣдствующіе и униженные поднялись въ собственномъ своемъ сознаніи; они знали, что, какъ христіане, они равны всякому другому, а на страшномъ судѣ станутъ — можетъ быть — и выше. Такимъ образомъ христіанствомъ значительно смягчено было социальное неравенство общества.

Еще болѣе смягчающаго вліянія оказало христіанство на семейный бытъ. Въ Римѣ и Греціи власть отца надъ дѣтьми была сурова и безгранична. „Въ домъ своего отца,—говоритъ Гиббонъ,—римлянинъ былъ не болѣе, какъ *овца*, принадлежавшая къ тому же разряду движимостей, какъ скотъ и рабы,—*овца*, которую господинъ могъ изувѣчить или уничтожить, не подвергаясь за это предъ земнымъ судомъ никакой отвѣтственности“. Во всей образованной Греціи—кромѣ Фивъ—выбрасываніе новорожденныхъ дѣтей было дѣломъ обыкновеннымъ; а въ Спартѣ умерщвленіе болѣзненныхъ дѣтей было даже закономъ. Конечно внушаемая самою природою нѣжность родителей къ дѣтямъ часто умѣряла крайности родительскаго деспотизма, но она не находила себѣ поддержки ни у законодателей, ни даже у философовъ. „Иногда слѣдуетъ“, говоритъ Аристотель въ своей *политикѣ*, „вытравлять плодъ, убивать слабыхъ и уродливыхъ дѣтей, чтобы число гражданъ не сдѣлалось слишкомъ велико“. Евангеліе дало идею объ отношеніи къ дѣтямъ, которая освящала и регулировала чувства природной родительской нѣжности. „Оставьте дѣтей приходить ко Мнѣ“, говорилъ Спаситель, „и не возбраняйте имъ, ибо таковыхъ есть царствіе Божіе“. Дѣти—существа слабыя и беспомощныя, но они чада великаго Отца и ближе къ Его небеснымъ обителямъ, чѣмъ многіе взрослые. „Человѣкъ“, говоритъ св. Григорій Богословъ, „бываетъ отцемъ не цѣлаго человѣка, но только плоти и крови,—того, что есть въ человѣкѣ гнущаго; душа же—дыханіе Вседержителя Бога“. Конечно подъ вліяніемъ подобныхъ соображеній первый христіанскій им-

ператоръ, хотя и былъ виновникомъ смерти собственнаго сына, однако положить въ законъ за убійство сына такое же наказаніе, какъ и за отцеубійство. — Не менѣе содѣйствовало христіанство возвышенію положенія женщины. Благоговѣнное почитаніе Пречистой Матери и Дѣвы, которая представлялась идеаломъ всѣхъ женскихъ добродѣтелей, не могло не отразиться въ томъ, что и въ каждой женщинѣ христіанинъ сталъ цѣнить не чувственную прелесть, но духовную красоту женской природы. Высшій идеалъ благотворно дѣйствовалъ на христіанскихъ женщинъ. Нонна, мать Григорія Богослова, Макрина, сестра Василя великаго, Анеуса, мать Іоанна Златоустаго, представляются такими женщинами, которыя возбуждали невольныя чувства восторга и удивленія даже въ язычникахъ. „Какихъ женщинъ имѣють у себя христіане!“ говорили язычники. Для устройства христіанской семьи чрезвычайно важно то, что христіанствомъ рѣшительно воспрещалось многоженство, стѣснялся разводъ, не одобрялся второй, — порицался третій бракъ. Это регулированіе христіанской семьи было подтверждено и гражданскими законами. Но семейная жизнь, даже очищенная отъ недостатковъ и неправильностей, казалась для христіанъ того времени все-таки жизнью несовершенною. Жизнь дѣйственная представлялась наиболѣе угодною Богу, и по ней воздыхали нѣкоторые благочестивые супруги.

Несмотря на вліяніе христіанскихъ идей, кореннымъ образомъ измѣнявшихъ міросозерцаніе и бытъ человѣчества, большинство христіанъ разсматриваемаго нами періода страдало — такъ сказать — двоевѣріемъ: христіане въ теоріи — оставались язычниками въ житейской практикѣ. Роскошь, суетность, алчность и жестокость отмѣчали ихъ обычную дѣятельность. Св. Григорій Богословъ, описывая свою юность, отрицательнымъ образомъ даетъ намъ понять, каково было то общество, отъ котораго онъ считалъ нужнымъ сторониться. „Меня не связало сунружество“ .., говоритъ онъ. „Меня не плѣнили прекрасныя волны шелковыхъ одеждъ; не любилъ я продолжительныхъ трапезъ, не любилъ пресыщать прожорливое чрево; — не любилъ я жить въ роскошныхъ и великолѣпныхъ домахъ; не расслаблялъ я сердца музыкальными звуками, вѣжно потрясающими слухъ: меня не упоевало нѣгою роскошное испареніе благовонныхъ мазей. Для меня не имѣли пріятности роскошныя кудри, ни прелесть срамныхъ рѣчей, ни смѣхъ не-

воздержный. Другимъ уступилъ я стремнины и горы, и ржущихъ коней или своры гончихъ псовъ. И серебро, и золото предоставилъ я другимъ, которые, сидя надъ несмѣтнымъ богатствомъ, любятъ предаваться заботамъ... Мое лучшее богатство—Христосъ, а не поля, засѣянная пшеницею, не прекрасныя рощи, не стада воловъ или тучныхъ овецъ, не дорогіе рабы,—одинъ со мною родъ, но отдѣленный отъ меня древнимъ мучительствомъ, которое на рожденныхъ одною землею (землею или Богомъ) наложилю двойное именованіе—*благородство* и *рабства*,—что подтвердилъ и недобрый законъ. Навсегда не оболочаю меня желаніе судейскаго мѣста, на которомъ, засѣдая величаво, могъ бы я высоко поднять вверхъ брови; не важно для меня имѣть могущество въ городахъ или между гражданами,—увеселяться самыми лживыми и ничтожными грезами, которыя, какъ приходятъ одна за другою, такъ и улетаютъ... Одна слава была для меня пріятна—стичаться познаніями, какія собрали востокъ и западъ и краса Еллады—Аѳины; надъ симъ трудился я много и долго. Но всѣ сіи познанія, повергнувъ долу, положилъ я къ стопамъ Христовымъ.“— Знакома намъ исторія фамиліи Константина великаго показываетъ, что языческіе вероги и страсти еще жили и дѣйствовали даже въ лицахъ, стоявшихъ во главѣ христіанскаго міра.

Къ сожалѣнію христіанскій міръ заботился не столько объ очищеніи себя отъ моральной языческой порчи, сколько о расширеніи своихъ предѣловъ на счетъ языческаго міра и объ окончательномъ,—хотя бы даже насильственнымъ,—подавленіи сего послѣдняго. Но это было не легко. „Политеизмъ“,—по словамъ одного ученаго,—„былъ въ то время какъ бы необозримымъ деревомъ, которое еще покрывало міръ своею величественною тѣнью. Союзъ не производилъ уже вѣтвей на стволѣ; дерево, уже давно пораженное въ сердце, мертво и сухо; но оно все еще стоитъ, глубоко вкоренившись въ почву, и противостоитъ неподвижностію своей массы ударамъ времени и нападеніямъ скендизма“. Христіане, во время гоненій устами апологетовъ провозгласившіе религіозную свободу совѣсти, не могли тотчасъ же послѣ своего торжества сойти съ этой точки зрѣнія. Во времена Константина великаго Лактанцій, вслѣдъ за Іустиномъ и Тертуліаномъ, выражался такъ: *religio cogi non potest. Nihil est tam voluntarium, quam religio. Res enim est praeter caeteras voluntaria, nec imponi cuiquam necessitas potest, ut colat, quod non vult. Potest aliquis forsitan simu-*

late, non potest velle. Но съ теченіемъ времени этотъ образъ мысли изменился. Увѣренность христіанъ въ обладаніи единомъ богооткровенною истинною, благочестивая забота о спасеніи души ближняго, политическія соображенія, корыстные расчеты—все соединилось для того, чтобы помудрѣе язычниковъ *снискати* въ царство Христово. Представлялось кромѣ того непослѣдовательнымъ карать еретиковъ, которые все-таки были христіане, и оставлять въ покоѣ язычниковъ. И вотъ—какъ мы уже видѣли—противъ язычниковъ вооружились и указы правительства и частная инициатива ревнителей христіанства. Впослѣдствіи при имп. Юліанѣ язычники отменили все-кому изъ этихъ ревнителей, напр. Кириллу, діакону иліопольскому ¹⁾ и Марку, епископу ареусійскому. Быть можетъ насильственные дѣйствія противъ язычниковъ могли бы придать новыя силы язычеству, если бы оно способно было къ обновленію. Но язычество уже отжило свой вѣкъ и христіанство, какъ дѣло Божіе, должно было торжествовать въ мірѣ, не смотря на частныя ошибки своихъ послѣдователей.

Въ рассматриваемый нами періодъ христіанство распространялось и внѣ предѣловъ римской имперіи.

Въ *Персіи*, начало христіанства восходитъ быть можетъ ко временамъ апостольскимъ. Когда христіанство сдѣлалось господствующею религіею въ римской имперіи многочисленные христіане въ Персіи, стали покровительны мѣстному правительству. Ходатайство за персидскихъ христіанъ имп. Константина не могло понравиться персидскому царю Сапору. Во время возникшихъ войнъ между Персіею и римскою имперіею, Сапуръ, считая Симеона епископа селевкійскаго римскимъ сторонникомъ, воздвигъ противъ христіанъ продолжительное и кровавое гоненіе, во время котораго пострадало множество христіанъ, какъ оставшихся неизвѣстными по имени, такъ и включенныхъ въ календарь. Между послѣдними наиболѣе замѣчательны: Симеонъ и Садоузъ епископы и Іаковъ

¹⁾ О первомъ въ *церковной исторіи Теодорита* (III, 7) сообщается слѣдующее: „Въ Иліополісѣ, близъ Ливана, жилъ одинъ діаконъ, Кириллъ. Пламенѣя божественною ревностію, онъ въ царствованіе Константина разрушилъ множество идоловъ, которымъ тамъ поклонялись. Вспомнивъ его дѣянія, ненавистники не только умертвили его, но еще, разрѣзавъ ему чрево, съѣли его печень“.

персаяннѣ, замученный самымъ звѣрскимъ образомъ. Впрочемъ и вообще мученія персидскихъ христіанъ были самыми тяжкими и ужасными.

Въ *Армяніи* христіанство началось еще во II вѣка. Въ началѣ IV в. Григорій, просвѣтитель Армяніи, обратился ко Христу самого царя Тиридата и въ 302 г. былъ посвященъ отъ Деостія епископа Кесаріи Каппадокійской въ первые митрополиты армянскіе. Послѣдовавшая за тѣмъ долгая борьба христіанъ съ приверженцами старой религіи имѣла въ значительной степени политическій характеръ, потому что армяне язычники находили себѣ поддержку въ персахъ, а армяне христіане въ римскихъ императорахъ. Послѣ того какъ большая часть Армяніи подпала персидскому владычеству (428 г.), персидскіе цари старались вытѣснить христіанство, но встрѣтили такое сопротивление, что послѣ продолжительной борьбы должны были уступить христіанамъ свободу исповѣданія.

Въ *Грузіи* или *Иверіи* христіанство распространилось при Константинѣ благодаря просвѣтительной дѣятельности св. Нины, обратившей ко Христу грузинскаго царя Миріана.—Во время 1-го вс. собора имп. Константинъ получилъ извѣстіе объ обращеніи ко Христу епископомъ Капитономъ жителей *Херсонеса Таврическаго*. Жители восточной части таврическаго полуострова должно быть обратились ко Христу еще ранѣе, потому что на 1 вс. соборѣ присутствовалъ Домнъ, епископъ *Воспора Киммерійскаго* (нынѣ Керчи).—Около того же времени (т. е. 325 г.) христіанство было насаждено въ *Эфиопіи* или *Абиссиніи* св. Фрументіемъ сначала при царскомъ дворѣ, а потомъ скоро распространилось по всей странѣ.

Въ *южной Аравіи* имп. Констанцій пытался насадить христіанство около 350 г. чрезъ посредство миссіонера Теофіла. Но кажется эта миссія не имѣла большихъ успѣховъ,—и такъ какъ она имѣла аріанскій характеръ, то и извѣстіе о ней сохранено только у аріанскаго историка Филосторгія.

На сѣверныхъ границахъ восточной имперіи между *готами* христіанство было распространено римскими плѣнниками еще съ половины III вѣка, и на никейскомъ соборѣ 325 г. присутствовалъ уже *Θεόφιλος τῶν Γότθων ἐπίσκοπος*. Скоро готы склонились къ аріанству: благодаря вліянію своего, посвященнаго въ Константинополь въ 341 г., епископа Улфилы, который утверждалъ, что весь споръ между аріанами и православными возникъ изъ честолюбія.—въ догматахъ же

нѣтъ никакого различія. Когда готы—христиане стали терпѣть притѣсненія отъ готевъ—язычниковъ, то Улфила перевелъ свою цаству на южный берегъ Дуная въ округъ никопольскій въ Мизіи, предоставленный ему имп. Констанціемъ въ 355 г.,—получилъ за это проименованіе готскаго Моисея, изобрѣлъ готскій алфавитъ и перевелъ библію на готскій языкъ. Намъ придется болѣе говорить о готахъ въ слѣдующій періодъ, когда они чуть-было не раззорили византійскую имперію своими войнами и тяжелы были для нея, даже вошедши въ составъ ея въ качествѣ мирныхъ подданныхъ.

ЧТЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Императоры Юлианъ, Валентинианъ, Валентъ и Феодосій великій (363—395).

Положеніе церкви въ короткое царствованіе Юліана
(отъ 27 іюня 363 г. по 16 февраля 364 г.)

Умирающій Юліанъ отказался указать себѣ преемника. „Я не буду предрѣшать вашъ выборъ“, сказалъ онъ окружающимъ, до конца стараясь выдержать характеръ философа. „Можетъ быть я не сумѣю выбрать самаго достойнаго. Можетъ быть я навлеку только гибель на своего избранника, если вы предпочтете другато. Полный любви къ отчизнѣ, я надѣюсь, что вы выберете себѣ государя, который, подобно мнѣ, будетъ постоянно помнить, что онъ сынъ своего отечества“. Критическія обстоятельства голодающаго и окруженнаго врагами войска не позволяли медлить избраніемъ императора. Въ самый день смерти Юліана избранъ былъ новый императоръ. Это былъ Юліанъ, начальникъ *доместиновъ*, (т. е. царскихъ тѣлохранителей), уроженецъ верхней Мизіи, сынъ комита Варроніана, человѣкъ еще молодой (32 лѣтъ), красивый по наружности, ласковый и общительный, и добрый христіанинъ. Когда войско привѣтствовало новоизбраннаго императора громкими криками, то Юліанъ, рукою давъ знакъ къ молчанію, сказалъ: „подождите; я христіанинъ! я не рѣшусь принять начальство надъ идолослужителями, которые, не надѣясь на Бога, обречены на жертву врагамъ“. Въ отвѣтъ на это воины единодушно воскликнули: „государь, не бойся! ты будешь начальствовать надъ христіанами. Старшіе

изъ насъ служили при Константинѣ; младшіе—при Констанціѣ. Царствованіе Юліана не успѣло изгладить наши прежніе уроки“.

Первою заботою новаго императора было вывести войско изъ того отчаяннаго положенія, въ какое оно было вовлечено неблагоприятною отвагою Юліана. Персидскій царь Сапуръ предложилъ миръ подъ условіемъ уступки пяти областей на восточномъ берегу Тигра,—и кромѣ того месопотамскаго города Низибіи, прославленнаго мужественною обороною противъ персовъ въ 338 г., и т. д. Условія были тяжелы. Юліанъ проигралъ бы десять сраженій, погибъ бы въ Персіи со всею арміею, прежде чѣмъ согласился бы на одно изъ этихъ условій. Юліану было не такъ больно и стыдно расплачиваться за чужія погрѣшности. Онъ принялъ условія Сапура, и римское войско, голодное, измученное, задерживаемое на пути дипломатическими переговорами персовъ, добралось кое-какъ до предѣловъ римской имперіи. Здѣсь ожидали Юліана тяжелыя сцены сдачи Низибіи. Низибія долго была крѣпкимъ оплотомъ имперіи противъ персовъ, и Юліану приходилось теперь своими руками отдать персамъ крѣпость, которую они пытались, но не могли взять силою. Уполномоченный царя Сапура, съ дозволенія императора, вошелъ въ Низибію, водрузилъ на крѣпости персидское знамя, и объявилъ жителямъ, что они могутъ удалиться изъ города. Эта печальная новость поразила низибійцевъ отчаяніемъ. Они бросились къ Юліану, расположившемуся станомъ внѣ города, и умоляли императора не отдавать ихъ христіанскаго города варварамъ. „Государь!“—говорилъ Юліану одинъ изъ почетнѣйшихъ низибійцевъ,—„выслушай послѣднія слова Низибіи... Три раза Низибія была осаждена и почти взята Сапуромъ, и три раза она спасалась. Неужели непобѣдимый Юліанъ ознаменуетъ первые дни своего царствованія тѣмъ, что отдастъ персамъ твердѣйшій оплотъ своей имперіи? Неужели народъ, привыкшій жить подъ римскими законами также, какъ и обитатели столицы, долженъ будетъ принимать нравы и обычаи варваровъ? Печальный день, каковаго Римъ никогда не видалъ во все время своего существованія! Правда иные императоры сокращали границы своихъ владѣній,—но добровольно и по соображеніямъ политическимъ, и никогда по принужденію враговъ. Если ты боишься, что защита Низибіи будетъ стоить тебѣ много крови и денегъ, то предоставь насъ нашимъ собственнымъ силамъ; одни, при помощи Божіей, мы сумѣемъ отстоять себя, какъ это бывало уже не одинъ разъ!“

Императоръ отвѣчалъ, что онъ далъ клятву въ вѣрномъ соблюденіи условій мира, и не можетъ ее нарушить.—Жители городовъ римской имперіи имѣли обыкновеніе подносить корону новому императору. Низибійцы не захотѣли отступить отъ этого обыкновенія, не смотря на свои печальныя обстоятельства. Когда Іовіанъ, хотя съ нѣкоторымъ смущеніемъ, принялъ корону, подносимую ему *отъ сената и народа низибійскаго*, то адвокатъ, по имени Сильванъ, воскликнулъ: *Государь! дай Богъ, чтобы и другіе города твоей имперіи подносили тебѣ столь же почетныя вѣнцы!* Іовіанъ объявилъ низибійцамъ, что онъ даетъ имъ три дня сроку на сборы, если они пожелаютъ выселиться въ предѣлы имперіи. Большая часть низибійцевъ переселились въ городъ Амиду. Они уносили съ собою немного имущества, но взяли мощи св. Іакова Низибійскаго, который считался хранителемъ ихъ города. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ и Юліанъ приказалъ вынести мощи св. Іакова изъ города, и этому обстоятельству низибійцы приписывали свое несчастіе. Провинціи, уступленныя персамъ, никогда болѣе не возвращались въ составъ римской имперіи. Оторвался первый камень отъ большаго зданія и предвозвѣстилъ его паденіе, хотя оно было еще далеко.

Первою заботою Іовіана по возвращеніи въ предѣлы имперіи было — успокоить религиозную вражду, возбужденную при его предшественникѣ между подданными римской имперіи. Іовіанъ не скрывалъ своихъ христіанскихъ убѣжденій. На пути изъ Низибіи въ Антиохію, императоръ снова поднялъ предъ войсками знаменіе креста—Константиново *labarum*. Въ циркулярномъ посланіи къ правителямъ всѣхъ провинцій императоръ признавалъ божественность христіанства и обезпечивалъ всѣ его права, —возвращая церкви, по выраженію одного историка, — *прежнее благоутіе* — *τὸν ἀρχαίου κόσμον*. При тогдашнемъ разномысліи и раздѣленіи христіанъ, весьма важно было то, какаго исповѣданія будетъ держаться новый императоръ. Воспитанный въ православіи, Іовіанъ сталъ на сторону никейскаго исповѣданія, и обрадованный Аѳанасій александрійскій общалъ императору долгое и счастливое царствованіе. „Сердце твое по истинѣ въ рукѣ Божіей,“ писалъ св. Аѳанасій, „и царствовать будешь ты мирно въ продолженіе многихъ лѣтъ“. Предсказаніе это къ несчастію слишкомъ скоро было опровергнуто событіемъ. 16 февраля 364 г., на пути къ столицѣ, въ маленькомъ галатійскомъ городкѣ Дадастанѣ, Іовіанъ былъ найденъ

мертвымъ въ своей постели. Отъ роду ему было 33 года, а царствовать онъ 7 мѣсяцовъ и 20 дней. Отъ угару, отравленія, апоплексіи или иной болѣзни послѣдовала скоропостижная смерть императора,—это осталось для всѣхъ тайною. „Я думаю“, размышляетъ церковный историкъ Феодоритъ по поводу этой внезапной смерти,—„что общій Распорядитель всего, для обличенія нашего злонавія, хотя и показываетъ намъ блага, но потомъ снова отнимаетъ ихъ, поучая насъ чрезъ то, какъ легко для Него подавать намъ все, что Ему угодно; и такимъ образомъ обличаетъ насъ, что мы недостойны благъ и располагаетъ къ лучшей жизни“.

Императоръ Валентиніанъ. (364—375) Братъ и соправитель его Валентъ — императоръ востока. (364—378) Ариганство Валента и его погибель отъ готевъ.

По смерти Ювіана римскій міръ 10 дней оставался безъ самодержца. Наконецъ послѣ нѣкоторыхъ колебаній сановниками былъ избранъ и войскомъ провозглашенъ въ императоры полководецъ Валентиніанъ. Онъ былъ родомъ изъ Панноніи, 42 лѣтъ отъ роду, высокаго роста, величественной наружности, человекъ мужественный, энергичный, внушавшій уваженіе друзьямъ и страхъ врагамъ. Онъ не имѣлъ школьнаго образованія, но не лишенъ былъ природнаго дара краснорѣчія; говорилъ мало, но рѣзко и сильно. Въ правленіе Юліана Валентиніанъ смѣлымъ исповѣданіемъ христіанства и отрицаніемъ язычества заслужилъ гнѣвъ Юліана и былъ сосланъ въ заточеніе. По мнѣнію церк. историка Феодорита, Валентиніанъ и царское достоинство получилъ отъ Бога „въ награду за свое исповѣдничество, ибо праведный Судія иногда благіе труды награждаетъ не въ будущей только жизни, а тотъ-часъ же“. Но послѣдующая жизнь Валентиніана — по замѣчанію Гиббона—свидѣтельствуетъ, что его смѣлое препирательство съ Юліаномъ происходило болѣе отъ независимости его характера, чѣмъ отъ ревности къ христіанской вѣрѣ. Тотчасъ же послѣ воцаренія Валентиніанъ обнаружилъ твердость своего характера. Когда войско подняло новаго императора на щитъ, и—конечно наученное опытами частой смѣны императоровъ и не желая въ будущемъ подвергать судьбу имперіи случайностямъ новаго избранія, стало просить, чтобы онъ взялъ себѣ сотоварища въ царствованіи,—то Вален-

тиніанъ далъ рукою знакъ къ молчанію и потомъ безтрепетно, съ царской твердостію, сказалъ: „отъ вашего выбора и опредѣленія зависѣло сдѣлать меня изъ простаго человѣка царемъ. Но послѣ этого судъ объ управленіи и распоряженіи дѣлами зависить уже не отъ подданныхъ, а отъ царя“. Впрочемъ прибывъ въ Константинополь, Валентиніанъ 28 марта 364 г. дѣйствительно избралъ въ соучастники правленія брата своего Валента. Уступивъ Валенту правленіе востовомъ, Валентиніанъ удалился на западъ и царствовалъ надъ западною римскою имперіею болѣе 10 лѣтъ со славю суроваго и раздражительнаго, но энергичнаго правителя. Умеръ Валентиніанъ 17 ноября 375 г. Смерть его весьма характеристична и соотвѣтствовала его жизни. Принимая пословъ отъ варварскаго народа квадовъ, императоръ осыпалъ ихъ страшными ругательствами и такъ разсердился, что у него лопнулъ въ груди одинъ изъ кровеносныхъ сосудовъ. Черезъ нѣсколько минутъ Валентиніана уже не было въ живыхъ.

Намъ слѣдуетъ болѣе сказать о восточномъ императорѣ Валентѣ. Валентъ былъ лѣтъ на 6 моложе Валентиніана; во время воцаренія ему было 36 лѣтъ. Онъ не имѣлъ ни энергіи, ни опытности своего брата, и никакихъ правительственныхъ дарованій. У него было только одно качество, особенно цѣнное въ глазахъ Валентиніана,—это послушливая преданность своему царственному брату и благодѣтелю, превосходство котораго надъ собою онъ искренно сознавалъ. Въ самомъ началѣ своего правленія Валентъ былъ напуганъ возмущеніемъ нѣкоего Прокоція, родственника покойнаго имп. Юліана, которое было такъ успѣшно, что узурпаторъ владѣлъ Константинополемъ и носилъ титулъ *Августа* около 8 мѣсяцовъ, а Валентъ, находясь въ Малой Азій, подумывалъ—было уже о добровольномъ отреченіи отъ престола. Возмущеніе было подавлено, Прокоцій потерялъ голову (+ 27 мая 367); но эта исторія сдѣлала глубокое впечатлѣніе на Валента, который былъ столько же трусливъ и мнителенъ, сколько его старшій братъ былъ рѣшителенъ и отваженъ. „Приближенные Валента, — говоритъ Гиббонъ,—грабежемъ народа добывавшіе себѣ богатство, въ которомъ отказывала имъ скупость ихъ властелина, старались внушить своему мнительному самодержцу слѣдующее: а) что во всѣхъ дѣлахъ, касающихся измѣны царю, подозрѣніе равносильно уликѣ; б) что возможность сдѣлать зло граничить со злымъ умысломъ; γ) что умыселъ также преступленъ, какъ и дѣло; и δ) что подданный имѣетъ право существовать

только до тѣхъ норъ, пока его жизнь не нарушаетъ безопасности и спокойствія самодержца“. Подъ вліяніемъ такихъ внушеній Валентъ наказывалъ большею частію фиктивные преступленія. „Нѣкоторые языческіе философы“, рассказываетъ церковный историкъ Созоменъ“, вздумали предугадывать, кто послѣ Валента будетъ царствовать надъ римлянами, и обращались къ разнымъ оракуламъ, и наконецъ, сбѣлавъ изъ лавроваго дѣрева треножникъ, приносили заклинанія..., такъ чтобы изъ сложенія буквъ... выходило имя будущаго царя“. (Должно быть это было что-нибудь въ родѣ современнаго столוגаданія). Начальныя буквы имени будущаго царя обозначились такъ: ΘΕΟΔ, — и это дошло до свѣденія царя“. Царь, принявъ намѣреніе умертвить своего преемника, не пощадилъ ни прорицателей, ни того, о комъ они прорѣсали¹⁾, не пощадилъ даже лицъ, соименныхъ ему. Въ числѣ же людей, носившихъ названіе, тождезвучное съ ΘΕΟΔ, были люди знаменитые“. Думаемъ, что дѣйствительно въ Византіи и въ частности при царскомъ дворѣ было немало Θεοδоровъ, Θεοδοсіевъ, Θεοδοριтовъ и Θεοδουловъ. — Чувство самосохраненія заставляло Валента сильно преслѣдовать магію и волшебныя книги; должно быть онъ боялся *порчи* не менѣе Ивана Грознаго или Бориса Годунова: Философъ Максимъ, другъ имп. Юліана, былъ по подозрѣнію въ волшебствѣ казненъ отсѣченіемъ головы. Волшебныя книги были тщательно разыскиваемы и сожигаемы. Мы знаемъ, что всѣ окрестности Антіохіи были наполнены солдатами для этихъ розысковъ. Іоаннъ Златоустый, который былъ тогда очень молодъ, — рассказываетъ, что, вышедши изъ Антіохіи, чтобы идти въ загородную церковь, онъ увидаль у берега рѣки книгу, выброшенную водою. Товарищъ его поднялъ книгу. Развернувъ ее, они со страхомъ увидали, что книга эта была причислявшаяся къ разряду волшебныхъ. Къ довершенію ихъ ужаса подошелъ солдатъ, и они не смѣли ни разорвать книгу, ни выбросить ее, — изъ опасенія быть арестованными. Имъ оставалось скрыть книгу подъ одеждою, и уже спустя нѣсколько времени они успѣли выбросить ее и избавиться отъ большой опасности.

Въ церковной исторіи Валентъ оставилъ по себѣ печальную память своимъ аріанствомъ и преслѣдованіемъ православія. Въ этомъ

¹⁾ Разумѣется нѣкій вельможа Θεοδοрь.

отношеніи онъ былъ непохожъ на своего брата Валентиніана, который самъ строго держался нибейскаго православія, но соблюдалъ терпимость по отношенію къ другимъ исповѣданіямъ и имѣлъ право выражаться такъ: *testes sunt leges, a me in exordio imperii mei datae; quibus unicuique quod animo imbibisset colendi libera facultas tributa est.* Причиною увлеченія Валента арианствомъ считается вліяніе жены его Альбы Доминивы и арианскаго епископа Евдовсіа, отъ руки котораго Валентъ принялъ крещеніе въ 367 г.¹⁾ Нетерпимость Валента выразилась прежде всего въ томъ, что онъ изгонялъ православныхъ епископовъ и замѣщалъ ихъ арианами. „Изъ Антиохіи“,—говоритъ Созоменъ,—„онъ изгналъ великаго Мелетія, изъ Самосата—божественнаго Евсевія, Лаодикию лишилъ ея дивнаго пастыря Целагіа“. Само собою разумѣется, что православные обитатели помянутыхъ епархій, лишаясь своихъ законныхъ пастырей, выражали свой протестъ противъ императорскаго деспотизма тѣмъ, что не хотѣли вступать въ общеніе съ присланными имъ епископами—аріанами. Въ этомъ отношеніи любопытны выдержки изъ житія св. Евсевія самосатскаго, которыми характеризуется бытъ и нравы тѣхъ временъ.—Послѣ изгнанія св. Евсевія присланъ былъ на его мѣсто арианскій епископъ Евномій. Когда онъ пришелъ въ городъ, то никто не воздалъ ему подобающей епископу чести, никто не вышелъ ему на встрѣчу, никто не хотѣлъ ни видѣть его, ни принять отъ него благословенія. Евномій взопелъ во епископію и принялъ соборную церковь по царскому повелѣнію, а горожане перестали ходить въ церковь; и никто не являлся къ епископу ни въ церковь, ни въ домъ архіерейскій. И сидѣлъ Евномій на епископшіи одинъ только съ тѣми арианами, которые съ нимъ пришли. Рассказываютъ однако о немъ, что хотя онъ былъ злочестивъ вѣрою, но нравомъ добръ, кротокъ, тихъ и смиренъ и во всѣмъ любезенъ. Вотъ что рассказывается объ его добронравіи: однажды по обычаю страны онъ пришелъ въ общую баню мыться и слуги затворили двери, чтобы посторонніе не входили, пока моется епископъ. А Евномій узнавъ, что за дверьми многіе дожидаются, приказалъ слугамъ отво-

¹⁾ Такое объясненіе представляется впрочемъ стереотипнымъ въ церковныхъ исторіяхъ. Имъ объясняется также и арианство Констанція и *mutatis mutandis*—православіе и. Θεодосія великаго.

рять двери и пригласить всѣхъ желающихъ войти невозбранно и мыться съ нимъ вмѣстѣ. Взошли многіе горожане и видя епископа, сидящаго въ теплой ваннѣ, стояли предъ нимъ, какъ бы ради почести, и не склонялись на его приглашеніе сойти въ ту же ванну. Тогда Евномій опечалился, и, чтобы не стѣснять другихъ, поскорѣе ушелъ изъ бани. А оставшіяся въ банѣ успѣшили выпустить воду, оскверненную еретическимъ омовеніемъ, тщательно вымыли ванну и согрѣли себѣ новой воды. Наконецъ Евномій, видя, что никакъ не можетъ привлечь къ себѣ гражданъ самосатскихъ, оставилъ епископію.—На мѣсто Евномія прибылъ Лукій, *яennyй вождь и врагъ овецъ Христовыхъ*. Горожане приняли его также худо, какъ и Евномія. До какой степени гнушались имъ даже дѣти, видно изъ слѣдующаго случая: однажды пришлось епископу ѣхать по улицѣ, гдѣ дѣти играли въ мячъ. Мячикъ упалъ подъ колесницу епископскую, и дѣти громко закричали: *мячикъ еретичествомъ осквернился!* Лукій оставилъ своего слугу посмотреть, что дѣти будутъ дѣлать далѣе, и слуга увидалъ, что дѣти, разложивъ огонь, бросали мячикъ взадъ и впередъ, чтобы очистить его отъ еретичества.

Такое неблагопріятное отношеніе православныхъ къ аріанамъ, а слѣдовательно и къ самому императору, конечно, хотя въ общихъ чертахъ, было извѣстно Валенту, и въ этомъ находить себѣ не оправданіе, но по крайней мѣрѣ нѣкоторое объясненіе варварскій поступокъ Валента съ константинопольскими клириками. Въ 370 г. православные обитатели Константинополя, будучи притѣсняемы аріанами и надѣясь найти болѣе безпристрастія въ императорѣ, отправили къ Валенту до 80 клириковъ съ жалобою на аріанъ и съ просьбою о защитѣ. Императоръ разгнѣвался, но скрылъ свой гнѣвъ, и поручилъ префекту Модесту казнить жалобщиковъ. Клириковъ посадили на корабль, какъ бы для того, чтобы везти ихъ въ заточеніе. Среди моря корабельники, согласно распоряженію префекта, высадившись въ лодку, подожгли корабль, который загорѣлся, какъ свѣча, и плылъ по морю, гонимый сильнымъ вѣтромъ. Клирики, надъ которыми исполнилось слово Псалмопѣвца: *приидохоужь сквозь онь и воду и извелъ еси насъ въ покой*, частію сгорѣли, частію потонули,—и впоследствии причтены ко святымъ. Память ихъ совершается церковію 5 сентября.

Болѣе терпимости и снисходительности обнаружилъ Валентъ по отношенію къ св. Василию Великому, архіепископу Кессаріи-каппадо-

кійской, котораго безуспѣшно склонялъ къ общенію съ аріанами. Объ этомъ такъ повѣствуетъ св. Григорій Богословъ въ похвальномъ словѣ св. Василию. „Одну часть церкви аріане уже имѣли въ своей власти, на другую дѣлали свои набѣги, а третью надѣялись пріобрѣсть полномочіемъ и рукою царя... Но когда царь устремился на церковь вѣсарійскую, тогда въ первый разъ почувствовалъ безуспѣшность своего замысла... Такого встрѣтилъ онъ предстоятеля церкви! Кто не знаетъ тогдашняго начальника области (Модеста)? Къ сему-то правителю, который скрежеталъ зубами на церковь, вводится, или, лучше сказать, самъ входитъ и доблестный Василій. *Для чего тебѣ, сказалъ Модестъ, (назвавъ Василія по имени; ибо не удостоилъ наименовать епископомъ) хочется съ дерзостію противиться такому могуществу, и одному изъ вѣсть оставаться упорнымъ?* Доблестный мужъ возразилъ: „въ чемъ и какое мое высокоуміе? не могу понять сего.“ *Въ томъ,—говоритъ Модестъ, что не держишься одной вѣры съ царемъ, когда вѣсть другіе склонились и уступили... Или ничего не значимъ мы, повелѣвающие это? Почему не важно для тебя присоединиться къ намъ и быть съ нами въ общеніи?* „Вы правители,“—отвѣчалъ Василій,— „и не отрицаю, что правители знаменитые, однакоже не выше Бога. И для меня важно быть въ общеніи съ вами (почему и не такъ? и въ Божія тварь), впрочемъ не важнѣе, чѣмъ быть въ общеніи со всякимъ другимъ изъ подчиненныхъ вамъ; потому что христіанство опредѣляется не достоинствомъ лицъ, а вѣрою“.¹⁾ Тогда правитель воскипѣлъ гнѣвомъ и началъ говорить съ Василіемъ суровѣе прежняго. *Чтоже? развѣ ты не боишься власти?* „Нѣтъ, — что ни будетъ и что бы я ни потерпѣлъ“. *Даже хотя бы потерпѣлъ ты и одно изъ многаго, что состоитъ въ моей волѣ.—* „Чтоже такое? Объясни мнѣ это.—*Отнятіе имущества, изгнаніе, истязаніе, смерть.*—Если можешь угрожай инымъ; а это ни мало насъ не трогаетъ“. — *Какъ же это и почему?*—спросилъ правитель.— „Потому, —отвѣчаетъ Василій,—что не подлежитъ описанію имущества, кто ничего у себя не имѣетъ, развѣ потребуешь отъ меня и

¹⁾ По разсказу Феодорита (IV, 19) св. Василій сказалъ такъ; „что касается до дружбы царя, то я высоко цѣню ее въ соединеніи съ благочестіемъ, а безъ благочестія считаю гибелью“. Вообще должно замѣтить, что у историковъ удержанъ только общій смыслъ бесѣды св. Василия, а не буквальные его выраженія.

этого волосянаго рубища и немногихъ книгъ, въ которыхъ состоятъ всѣ мои пожитки. Изгнанія не знаю; потому что не связанъ никакимъ мѣстомъ; и то, на которомъ живу теперь, не мое, и всякое, куда меня —ни кинуть, будетъ мое. Лучше же связать, вездѣ Божіе мѣсто, гдѣ ни буду я пресельникомъ и пришлецомъ. А истязанія чтó возмутъ, когда нѣтъ у меня и тѣла, развѣ разумѣешь первый ударъ, въ которомъ одномъ ты и властень? Смерть же для меня благодѣтельна: она скорѣе пошлетъ меня къ Богу, для Котораго живу и тружусь, и въ Которому давно поспѣшаю". Правитель, изумленный сими словами, сказалъ: *такъ и съ такою свободою никто доселѣ не говаривалъ предо мною.* „Можетъ быть“, отвѣчалъ Василій, „ты не встрѣчался съ епископомъ ¹⁾; иначе безъ сомнѣнія, имѣя дѣло о подобномъ предметѣ, услышалъ бы ты такія же слова. Ибо во всемъ иномъ, о правитель, мы скромны и смиренѣе всякаго—это повелѣваетъ намъ заповѣдь;—и не только предъ такимъ могуществомъ, но и предъ кѣмъ бы то ни было не поднимаемъ брови: а когда дѣло о Богѣ, и противъ Него дерзаютъ возставать, тогда, презирая все, мы имѣемъ въ виду одного Бога... Пусть слышитъ о семъ царь, что ты не покоришь себѣ насъ и не заставишь приложиться въ нечестію, какими ужасами ни будешь угрожать“. Правитель, выслушавъ, узнавъ, до какой степени неодолима твердость Василія и, представъ царю, говорить: *побѣждены мы, царь, настоятелемъ сей церкви. Это мужъ, который выше угрозъ, тверже доводовъ, сильнѣе убѣждений.*—Послѣ того самъ императоръ въ день Богоявленія (6 генв. 371 г.) пришелъ во храмъ, гдѣ священнодѣйствовалъ Василій и былъ пораженъ многочисленностію молящагося народа и благоговѣйнымъ служеніемъ самого св. Василія. Это не помѣшало впрочемъ Валенту вскорѣ послѣ сего подписать приговоръ, осуждавшій св. Василія на изгнаніе. Но приговоръ не былъ приведенъ въ исполненіе, потому что императоръ былъ испуганъ внезапною болѣзнію, а потомъ скорою смертію своего единственнаго сына. Весь ущербъ св. Василія состоялъ въ томъ, что Каппадокія была раздѣлена и въ гражданскомъ и въ церковномъ отношеніи на двѣ половины, и одна половина обширной митрополіи св. Василія (которому подчинено было болѣе 50 хорепископовъ) была

1) Конечно св. Василій разумѣетъ въ этомъ случаѣ строго православныхъ епископовъ.

отдана въ управление митрополиту тѣанскому ¹⁾).—Гиббонъ, анализируя отношеніе имп. Валента къ Василию великому, удивляется кротости аріанскаго тирана, который или почувствовалъ уваженіе къ твердому характеру святителя или боялся возбудить возмущеніе въ Каппадокіи, если употребить насиліе. Какъ бы то ни было, но архіепископъ, который съ непоколебимою суровостію отстаивалъ истину сво-

¹⁾ Раздѣленіе каппадокійской митрополіи на двѣ части было причиною установленія новой епархіи въ Сасимахъ, епископомъ которой св. Василій сдѣлалъ своего друга Григорія, а это обстоятельство послужило въ свою очередь причиною нѣкотораго охлажденія дружбы между обоими святыми мужами. Но послушаемъ лучше объ этомъ рассказъ самаго св. Григорія Богослова—въ его автобіографической пѣсни. „По большой дорогѣ, пролегающей чрезъ Каппадокію, есть мѣсто обычной остановки проѣзжихъ, съ котораго одна дорога дѣлится на три, мѣсто безводное, не провзращающее и былинки, лишенное всѣхъ удобствъ, селеніе ужасно скучное и тѣсное. Тамъ всегда пыль, стукъ отъ повозокъ, слезы, рыданія, собиратели налоговъ, орудія пытки, цѣпи; а жители—чужеземцы и бродяги. Такова была церковь въ мойхъ Сасимахъ! Вотъ какому городу (подлинно это великодушіе!) отдалъ меня тотъ, кому мало было 50 хорепископовъ. И чтобы удержать за собою, когда другой отнималъ насильно, установилъ новую епархію... Городокъ Сасими служилъ предметомъ спора для двоихъ, состоящихъ епископовъ; между ними открылась страшная брань, а причиною тому служило раздѣленіе нашего отечества, по которому два города дѣлились начальственными надъ другими меньшими. Въ предлогъ представлялось попеченіе о душахъ, а истиннымъ побужденіемъ было любоначаліе... Что справедливо было бы сдѣлать мнѣ? Скажите предъ Богомъ. Идти не взирая ни на что?. Идти туда, гдѣ я нищій пріялъ бы въ управленіе народъ также нищенствующій, не вида никакого средства оказать ему услугу?. Требуи отъ меня великодушія въ другомъ чемъ, если хочешь, а это предложи тѣмъ, которые меня премудрѣ! Вотъ что принесли мнѣ Аѳины, общія упражненія въ наукахъ, жизнь подъ одною кровлею, питаніе съ одного стола, одинъ умъ, а не два въ обихъ, удивленіе Эллады и взаимныя обѣщанія жить общею жизнію для Бога! Все распалось! Все брошено на земли... Да погибнетъ въ мірѣ законъ дружбы, которая такъ мало уважаетъ друзей!“ Впрочемъ св. Григорій, „хотя не подклонился духомъ, подклонилъ однакоже вѣю,“ т. е. пріялъ посвященіе во епископы, продолжая и послѣ того жить частнымъ человѣкомъ.

тъ мѣнѣи и достоинство своего сана, былъ оставленъ въ спокойномъ обладаніи своею кафедрою. вмѣсто указа объ изгнаніи св. Василія, императоръ подписалъ указъ о щедромъ надѣлѣ земельными имуществами Юльвицы, незадолго предъ тѣмъ основанной св. Василиемъ близъ Бессаріи.

Гоненіе противъ православныхъ при имп. Валентѣ съ особенною силою свирѣпствовало въ Египтѣ, гдѣ по смерти св. Афанасія (373 г.) боролись изъ-за александрійской кафедры православный епископъ Петръ и арианскій Луцій. При этомъ мы въ первый разъ видимъ, что преслѣдованіе коснулось и монаховъ, спокойно обитавшихъ въ нитрійской пустынѣ. Лукій направилъ противъ нихъ 3000-тый отрядъ войска. Войны были руководимы арианскими пресвитерами, и, —принуждая иноковъ подчиниться арианскому архипастырю,—вмѣстѣ съ тѣмъ забирали молодыхъ и здоровыхъ монаховъ въ военную службу.

„Возбудивъ готскій народъ къ войнѣ“, —говорить церковный историкъ Феодоритъ, — „Богъ отвлекъ къ востоку того, кто умѣлъ сражаться только съ благочестивыми“. Готскія племена, обитавшія на обширномъ пространствѣ между Дунаемъ и Дономъ, дѣлились на двѣ главныя группы, ост-готевъ и вест-готевъ. Наружность готевъ была благообразна. Это были люди великорослые, бѣлокурые, съ пріятнымъ лицомъ и громкимъ голосомъ...¹⁾ Нравы ихъ были простыя и цѣломудренныя. При императорахъ Константинѣ и Констанціѣ готы были спокойными сосѣдями римской имперіи. Валентъ три года (367—370) вѣлъ противъ вест-готевъ удачную, но бесполезную для имперіи войну. Съ 375 года готевъ началъ тѣснить новый, до сихъ поръ неизвѣстный, азіатскій народъ, произведшій въ Европѣ такъ называемое *переселеніе народовъ*. Этотъ народъ носилъ имя гунновъ и принадлежалъ къ монгольскому племени. Гунны вели кочевую жизнь, жили въ палаткахъ, двигались отдѣльными ордами, и распространяли повсюду ужасъ своимъ вѣшнимъ видомъ, дикостію, быстротою движеній и своими ужасными опустошеніями. Гунны разрушали все изъ одной

¹⁾ *Несмысленно!* обличалъ преп. Досифея строгій авва, *велегласно бесподушимъ также и готамъ, ибо они, егда умрутся, вопіютъ велегласно*. Четін Минея подъ 19 февр.

страсти къ разрушенію и, обращая плѣнниковъ въ рабство, заставляли ихъ терпѣть голодъ и другія мученія. Безстыдные, какъ обезьяны, на которыхъ походили и своимъ видомъ, Гунны въ особенности дурно обращались съ женщинами. Движенія гунновъ не имѣли опредѣленной цѣли; они то прекращались на время, то снова начинались, вѣроятно смотря по силѣ сопротивленія, какое оказывали имъ встрѣчавшіеся на пути народы. При Валентѣ гунны покорили алановъ и другіе кавказскіе народы и двинулись на готевъ. Готамъ пришли въ смятеніе и ужасъ и стали переселяться. Часть вест-готовъ подѣ начальствомъ Алавифа и Фритигерна обратилась къ Валенту съ просьбою о позволеніи перейти Дунай, — эту пограничную рѣку римской имперіи, — и поселиться въ необитаемой полосѣ Болгаріи. Валентъ согласился на ихъ просьбу, потому что, какъ аріанинъ, покровительствовалъ вест-готамъ, имѣвшимъ аріанскаго епископа Улфилу, и вромѣ того надѣялся усилить храбрымъ народомъ свое ослабѣвшее войско. Къ несчастію Валентъ далъ свое согласіе подѣ слишкомъ тяжелыми условіями. Готамъ должны были выдать все свое оружіе, выдать большую часть своихъ дѣтей для пребыванія въ малоазійскихъ городахъ въ качествѣ заложниковъ и покупать у римлянъ за дорогую цѣну съѣстные припасы. Въ особенности пагубно было послѣднее условіе, потому что римскіе чиновники воспользовались имъ для своего обогащенія. Число перешедшихъ римскія границы готевъ простиралось до милліона, между которыми считалось 200,000 способныхъ къ войнѣ. Многие изъ нихъ сохранили при себѣ оружіе, подкупивъ корыстолюбивыхъ римскихъ чиновниковъ. Едва готамъ успѣли поселиться въ римской провинціи, какъ чиновники своими притѣсненіями довели ихъ до отчаянія. Готамъ, обязанные покупать дурные съѣстные припасы за дорогую цѣну, были вынуждены продавать своихъ рабовъ и даже дѣтей, чтобы не умереть съ голоду. Не въ силахъ будучи переносить притѣсненій римскаго правительства, вест-готамъ возмутились. Число ихъ умножилось толпами ост-готовевъ, перешедшихъ Дунай уже безъ всякаго императорскаго позволенія. Они наводнили всю Фракію и Македонію, разрушая селенія, грабя и плѣняя жителей. Уцѣлѣли только укрѣпленные города, потому что варвары были незнакомы съ осаднымъ искусствомъ. Болѣе года готамъ хозяйничали такимъ образомъ во Фракіи и Македоніи, пока наконецъ императоръ Валентъ лично выступилъ противъ нихъ съ войскомъ изъ Константинополя. Когда царь выступалъ въ походъ,

къ нему подошелъ монахъ Исаакій, имѣвшій велью вблизи столицы. *Куда идешь, царь, стоящій противъ Бога и не пользующійся Его помощію?* восклицалъ Исаакій. *Вѣдь Онъ-то и воздвигъ противъ тебя варваровъ... Перестань воевать противъ Него и Онъ остановитъ эту войну. Возврати церквамъ превосходныхъ пастырей—и ты легко получишь победу. Если же предпринимаешь войну не съглазъ этого, то... и самъ не возвратишься, и потеряешь войско.* Но раздраженный царь отвѣчалъ: „возвращусь и убью тебя: будешь отвѣчать за ложныя предсказанія“.

Предсказаніе св. Исаакія исполнилось¹⁾. 9 августа 378 г. при Адрианополѣ произошла рѣшительная битва, въ которой погибъ самъ Валентъ и двѣ трети его арміи. О смерти императора разсказываютъ различно. Больше распространенная молва была та, что Валентъ, спасаясь отъ преслѣдованія, скрылся съ своею свитою въ сельской хижинѣ и готамъ сожгли ее, не зная, что въ ней находится императоръ.

Воцареніе Θεодосія великаго. Св. Григорій Богословъ въ Константинополѣ. II-й вселенскій соборъ. Религиозный характеръ и. Θεодосія. (379—395 г.)

Политическое положеніе восточной имперіи въ моментъ смерти имп. Валента было поистинѣ ужасное. Историки не напрасно сравниваютъ исходъ адрианопольской битвы съ пораженіемъ римлянъ при Каннахъ. Не только европейская, но даже почти вся азіатская половина восточной имперіи была затоплена варварами и только какъ отдѣльныя острова среди моря виднѣлись кое-гдѣ не захваченныя готами укрѣпленныя мѣстности. Церковное положеніе дѣлъ было немного лучше политическаго. Св. Василій великій, скончавшійся почти чрезъ 5 мѣсяцовъ послѣ Валента (11 генв. 379), сравниваетъ тогдашнее состояніе церкви съ морскимъ сраженіемъ среди ночной бури, въ которое вступили люди, желающіе мстить другъ другу за давнія обиды. „Вообрази, что все море оглашено какими-то смѣшанными и неразличимыми звуками, отъ свистящихъ вѣтровъ, отъ взаимнаго уда-

¹⁾ Память св. Исаакія празднуется 30 мая. Въ честь св. Исаакія воздвигнутъ въ Петербургѣ великолѣпный соборъ, потому что въ день, посвященный памяти св. Исаакія, родился Петръ великій. (1672 г.)

ренія кораблей, отъ шума кипящихъ волнъ, отъ крика сражающихся, которые выражаютъ свои страсти всякими голосами,—отчего не слышно голоса ни капитана, ни кормчаго, а видны какой-то ужасный безпорядокъ и смятеніе,—и чрезмѣрность бѣдствія при отчаяніи въ жизни производить то, что грѣша въ совершеннымъ безстрашіемъ. Прибавь какое-то неискѣльное бѣснованіе честолюбія въ тѣхъ, которыя на корабляхъ, такъ что они продолжаютъ спорить о первенствѣ, когда корабль уже погружается въ глубину“. Смыслъ этой аллегоріи понятенъ безъ объясненій.

Западный императоръ Граціанъ, сынъ Валентиніана, шелъ на помощь къ Валенту, когда услышалъ, что его дядя разбитъ и убитъ. Восточная имперія, захваченная готами, была въ то время *res publica*, и Граціану, озабоченному защитой западной имперіи, не нужно было имѣть большаго великодушія, чтобы отдать восточную имперію одному изъ своихъ полководцевъ, который долженъ былъ сначала освободить ее отъ варваровъ, а потомъ уже царствовать въ ней. Избранникомъ Граціана былъ испанецъ Θεодосій, сынъ знаменитаго полководца, по имени также Θεодосія, за два года предъ тѣмъ казненнаго въ Каррагенѣ по навѣтамъ враговъ. Новый императоръ былъ человѣкъ 33 лѣтъ, величавою наружностію походившій на Траяна и приобрѣтшій уже себѣ военную славу удачными походами на варваровъ. Граціанъ провозгласилъ Θεодосія августомъ и повелителемъ восточной имперіи въ Сирміумѣ 19 января 379 года. Войско и народъ съ сочувствіемъ встрѣтили этотъ выборъ, но самъ Θεодосій отрекался,—быть можетъ искренно, въ виду трудностей своего новаго положенія.

Послѣдствія показали, что Θεодосій сумѣлъ справиться съ трудностями своего положенія. Правда онъ не одержалъ надъ готами ни одной блистательной побѣды, которая могла бы загладить стыдъ адрианопольскаго пораженія, но дѣйствуя, подобно древнему Фабію, медленно и осторожно, Θεодосій то оружіемъ, то мирными переговорами успѣлъ во время своего 2-хъ-лѣтняго пребыванія въ Солунѣ (379—380) подчинить готамъ римскому владычеству. Конечно въ этомъ случаѣ обуславливало успѣхъ Θεодосія превосходство надъ варварами греко-римской цивилизаціи и ея нажитый вѣками политическій смыслъ. Люди слѣдующаго поколѣнія упрекали Θεодосія за то, что онъ совсѣмъ не выгналъ готамъ изъ предѣловъ имперіи. „Имп. Θεодосій“, гово-

рий Синазій въ слѣдующее царствованіе, „ополчался противъ варваровъ; наказанные, они тотчасъ поверглись къ его стопамъ вмѣстѣ съ своими женами, прося о помилованіи. Онъ же, побѣдитель въ сраженіяхъ, былъ побѣжденъ состраданіемъ; онъ принялъ ихъ покорившихся, повелѣлъ включить въ общество военное и гражданское, сдѣлалъ ихъ участниками въ магистратъ и назначилъ римскія поля этимъ смертельнымъ врагамъ государства, онъ, человѣкъ, одаренный мужествомъ и великодушіемъ и обладавшій тихою кротостію. Но варвары не имѣютъ никакого понятія о добродѣтели: съ того времени и до сихъ поръ они не перестаютъ смѣяться надъ нами, вспоминая о наказаніи, которое они заслужили, и о благодарности, которую они получили отъ насъ“. Конечно мнѣніе Синазія неосновательно. Θεодосій не отличался излишнимъ мягкосердечіемъ: не изъ великодушія, а по необходимости онъ вступалъ въ переговоры съ готами и отвелъ имъ мѣста для поселенія во Фракіи и Малой Азіи. Пока онъ былъ живъ, онъ умѣлъ держать въ рукахъ эту дикую силу, и не его вина, если его слабые преемники допустили готамъ хозяйничать въ имперіи.

Намъ слѣдуетъ теперь обозначить религіозный характеръ имп. Θεодосія. Θεодосій былъ православный поборникъ никейскаго сѣмвола. Объясняютъ это его воспитаніемъ въ православномъ семействѣ, влияніемъ его жены благочестивой Флациллы и солунскаго епископа Асколія, отъ руки котораго Θεодосій въ 380 г. принялъ крещеніе. Мы находимъ возможнымъ допустить и другое объясненіе. Въ то время болѣе, чѣмъ когда-нибудь, распространено было убѣжденіе, что судьба царства зависитъ отъ религіозныхъ убѣжденій царя. Предшественникъ Θεодосія Валентъ былъ аріанинъ. Послѣдняя судьба этого императора, пропавшаго безъ вѣсти послѣ несчастной битвы и не удостоившагося чести погребенія, была такъ печальна, что для всѣхъ представлялась тогда наказаніемъ Божиимъ,—а извѣстное всѣмъ пророчество св. Исаакія объясняло, что эта казнь постигла Валента за арианство. Призванный исправлять ошибки своего предшественника, Θεодосій не могъ повторить его религіознаго заблужденія. Черезъ годъ по воцареніи (въ февраль 380 г.) Θεодосій обнародовалъ свое исповѣданіе вѣры, какъ обязательное для всѣхъ его подданныхъ въ указѣ, имѣвшемъ тонъ военнаго деспотизма. „Мы желаемъ—читалось въ указѣ,—чтобы всѣ подвластные намъ народы содержали вѣру, преподанную римлянамъ св. апостоломъ Петромъ, какъ она содержится и въ настоящее время, кото-

рой слѣдуетъ первосвященникъ. Дамасъ и епископъ александрійскій Петръ, челоуѣкъ апостольской святости. На основаніи ея, мы, по ученію апостоловъ и евангелія, признаемъ одно Божество Отца и Сына и св. Духа, равное ихъ величіе и одну св. Троицу. Мы желаемъ, чтобы слѣдующіе сему закону именовались *христианами каволическими*, а иномыслящіе носили безславное имя *еретиковъ*, и чтобы соборща послѣднихъ не назывались церквами. Предоставляемъ нарушителей сего во первыхъ мщенію Божію, а потомъ небеснымъ внушеніямъ, какія будутъ въ насъ самихъ.“ Для того, чтобы къ авторитету царской власти присоединить авторитетъ власти іерархической, имп. Θεодосій въ слѣдующемъ 381 году созвалъ въ Константинополь II вселенскій соборъ *для утвержденія никейскаго ученія.*

Но прежде чѣмъ мы будемъ излагать исторію II всел. собора, мы должны перенестись въ Константинополь и посмотрѣть, что дѣялось тамъ въ теченіе слишкомъ двухъ лѣтъ послѣ смерти Валента. Такъ какъ главнымъ дѣятелемъ въ столицѣ за это время былъ св. Григорій Богословъ, то и рассказъ объ этомъ времени мы поведемъ болѣею частію словами самаго св. Григорія. Послѣ гибели имп. Валента, малочисленное общество православныхъ, жившихъ въ столицѣ, приниженное до послѣдней степени, не имѣвшее ни храма, ни епископа, стало оживать надеждами на лучшую будущность. Паства, не имѣвшая пастыря, пригласила къ себѣ епископа, не имѣвшаго паствы. Это былъ св. Григорій, номинальный епископъ незначительной епархіи сасимской, безъ нужды—по мнѣнію самаго Григорія—открытой св. Василиемъ. Первые впечатлѣнія св. Григорія по прибытіи въ столицу были неблагоприятны. За неимѣніемъ православнаго храма онъ сталъ проповѣдывать и совершать богослуженіе въ домѣ своихъ родственниковъ. Наружный видъ св. Григорія, челоуѣка стараго, лысаго, согбеннаго, плохо одѣтаго, любившаго уединеніе, не понравился обитателямъ столицы. Но сила благочестія, краснорѣчія и таланта скоро воздѣйствовала неотразимымъ образомъ. Едва св. Григорій произнесъ нѣсколько проповѣдей, какъ домъ, превращенный въ церковь и названный *Амвстацією*,—быть можетъ потому что въ немъ воскресло православіе,—уже не вмѣщалъ всѣхъ, желавшихъ слышать вдохновеннаго оратора. Обстановку своего проповѣдничества св. Григорій такъ изображаетъ въ разсказѣ о своемъ сновидѣніи, которое конечно основывалось на впечатлѣніяхъ дѣйствительности.“ Мнѣ представлялось, что сижу на вы-

сокой каедрѣ, однакоже не съ поднятыми высоко бровями; нѣтъ и во снѣ не служилъ я никогда гордости. По обѣ стороны меня сидѣли пресвитеры, вожди стада, отличающіеся возрастомъ. Въ пресвѣтлыхъ одеждахъ предстояли діаконы, какъ образы ангельской свѣтозарности. Изъ народа же, одни, какъ пчелы, толпились къ рѣшетѣ и каждый усиливался подойти ближе; другіе тѣснились въ священныхъ преддверіяхъ, равно послѣшая и слухомъ, и ногами; а иныхъ еще препровождали къ слышанію словъ моихъ пестрыя торжища и звучація подъ ногами улицы. Непорочныя дѣвы вмѣстѣ съ благонравными женами съ высокихъ хоръ приклоняли благоговѣйный слухъ. И то еще присоединилось къ обаяніямъ ночи. Народъ, желающій слышать слово мое, стоялъ, раздѣлившись на части. Одни требовали слова низкаго и доступнаго разумѣнію; потому что не хотѣли и не привыкли простирать мысль горѣ. Другіе желали рѣчи возвышенной и витіеватой; и таковы были старавшіеся изслѣдовать и ту, и другую мудрость,—и нашу и чуждую намъ. Съ обѣихъ сторонъ слышны были восклицанія, которыми выражались противоположныя желанія слушателей. Но изъ устъ моихъ изливалась единочтимая Троица, сіяющая тремя явленными намъ красотоми. Я низлагалъ противниковъ звучнымъ голосомъ, потоками пламенѣющаго духа, порывами рѣчи. Одни приходили въ восторгъ и хвалили; другіе стояли въ безмолвномъ изумленіи; иные издавали еще какіе-то голоса, а нѣкоторые возражали только мысленно, потому что прекословіе, прежде чѣмъ разрѣшалось словомъ, замирало въ самыхъ болѣзняхъ рожденія; а иные, какъ волны, воздвигаемыя вѣтрами, вступали въ открытую борьбу. Но доброрѣчіе услаждало всѣхъ, и краснорѣчивыхъ, и свѣдущихъ въ священномъ словѣ благочестія, и нашихъ, и пришлыхъ, и даже тѣхъ, которые весьма далеки отъ нашего двора, будучи жалкими читателями бессильныхъ идоловъ“. Главною темою повѣдей св. Григорія была разнообразная полемика противъ софистической діалектики, которая прилагалась къ предметамъ христіанской вѣры и плодила безконечныя словопренія и ереси. „Не было бы, братіе“, говорить св. Григорій, „ничего несправедливѣе нашей вѣры, если бы она была удѣломъ однихъ мудрыхъ и избыточествующихъ въ словѣ и умственныхъ доводахъ, а простому народу надлежало бы также оставаться безъ приобрѣтенія вѣры, какъ безъ золота, безъ серебра и безъ всего инаго, что дорого цѣнится на землѣ и чего многіе сильно домогаются.. Не презирай обыкновеннаго, не гоняйся за новымъ... Скуд-

ний въ словѣ и знаніи, опирающійся на простыхъ реченіяхъ и спасающійся на нихъ, какъ на малой лодкѣ, выше борзаго на языкѣ глупца, который съ невѣжествомъ довѣряетъ доводу ума, а вкрестъ Христовъ, который выше всякаго слова, упраздняетъ силою въ словѣ“. Проповѣдь св. Григорія была тѣмъ внушительнѣе, что проповѣдникъ, ублажавшій простоту вѣры, лично самъ стоялъ на возможно-высокомъ для человѣка уровнѣ богословскаго знанія. Пока такимъ образомъ св. Григорій одерживалъ словесныя побѣды надъ столичными еретиками, имп. Θεодосій управлялся съ готами и наконецъ вступилъ въ столицу 24 ноября 380 года, заранѣе заявивъ о себѣ, какъ о поборникѣ никейскаго православія. Аріанскій епископъ Константинополя Демофилъ, отказавшійся принять никейскій символъ, принужденъ былъ сдать храмы православнымъ. Впрочемъ ревность Θεодосія къ никейскому исповѣданію все-таки казалась еще не вполне достаточною для православныхъ, которые хотѣли воспользоваться своимъ торжествомъ въ полной мѣрѣ. „Внезапно“, говоритъ св. Григорій, „прибываетъ изъ Македоніи самодержецъ, послѣ того какъ онъ остановилъ тучу варваровъ. Государь, что касалось до вѣры въ Бога, не былъ зломъсленъ, могъ удерживать въ должныхъ предѣлахъ души болѣе простыя, самъ усердно чтилъ Троицу; но у него не было такой горячности духа, чтобы настоящее уравнять съ прошедшимъ...¹⁾ Или можетъ быть имѣлъ онъ и горячность духа, но ей не равнялась (какъ это назвать? научите сами) отважность или дерзость. А можетъ быть лучше назвать царя благоразумнымъ; потому что и самъ я признаю законнымъ не принуждать, а убѣждать; и нахожу это болѣе полезнымъ, какъ для насъ самихъ, такъ и для тѣхъ, кого приводимъ къ Богу. Невольное, сдерживаемое силою, какъ стрѣла, остановленная тетивою и могучей рукою,... при первомъ удобномъ случаѣ презираетъ сдерживающую силу. А добровольное всегда твердо, потому что связано неразрѣшимыми узами любви. Съ такою мыслию и царь, какъ полагаю, не давалъ поема мѣста страху, всѣхъ привлекалъ кротостію, желая лучше, чтобы дѣйствовали свободно, а не изъ повиновенія только писанному закону“.

¹⁾ Что значить это выраженіе? кажется яснѣе оно можетъ быть передано такъ: *чтобы въ настоящее время воздать аріанамъ равную мѣрою за ихъ прежнія притѣсненія.*

Благородный образъ мыслей св. Григорія далеко не всѣми православными былъ раздѣляемъ. Его упрекали за то, что онъ не побуждаетъ самодержца къ репрессивнымъ мѣрамъ противъ арианъ въ возмездіе за ихъ прежнія насилія. „Разсмотрите мои вины“, говоритъ св. Григорій въ прощальномъ словѣ. „Говорятъ: сколько времени управляешь ты церковію, обстоятельства тебѣ благоприятствуютъ, и самодержецъ ревностенъ (что весьма важно); въ чемъ же для насъ видна потребность? Сколько предъ нами нашихъ оскорбителей? какіхъ бѣдствій не претерпѣли мы?... Чѣмъ же мы воздадимъ причинившимъ намъ оныя?.. Возпользовались ли мы чѣмъ-нибудь для себя самихъ, чтобы внушить страхъ и на будущее время?.

Отношенія имп. Θεодосія къ св. Григорію Богослову представляются странными и загадочными. Св. Григорій троекратно былъ возведенъ на архіепископскую кафедру столицы: народомъ, императоромъ и вселенскимъ соборомъ. Еще до прибытія Θεодосія въ столицу православные обитатели Константинополя признали св. Григорія своимъ духовнымъ вождемъ и владыкою. По прибытіи въ столицу императоръ самъ ввелъ св. Григорія въ главную церковь столицы (въ концѣ ноября 380 г.) и предоставилъ ему пользоваться домомъ и имуществами, принадлежавшими столичной архіерейской кафедрѣ. Наконецъ въ слѣдующемъ 381 году отцы созваннаго императоромъ Θεодосіемъ II всел. собора окончательно утвердили св. Григорія на столичной кафедрѣ. Кажется,—какое избраніе могло быть прочнѣе и нерушимѣе? Православная паства Григорія была создана его трудами; достоинства его ума и характера были очевидны для всякаго. Самъ св. Григорій проникся свѣтлыми надеждами. „Въ мечтаніяхъ суетнаго сердца“, говоритъ св. Григорій, „предполагалъ я, что, какъ скоро приобрѣту могущество столичнаго престола,—поелику видимость придаетъ много вѣса,—тотчасъ приведу въ согласіе несчастно отдалившихся другъ отъ друга, подобно уставщику пѣвчихъ, который, ставъ среди двухъ лицевъ, и одному законополагая одною, другому—другою рукою, составляетъ изъ нихъ одинъ хоръ“. Ожиданіямъ св. Григорія не суждено было исполниться. „Моя добѣда“, говоритъ онъ, „дѣлается для меня началомъ бѣдствій.“ Главною причиною бѣдствій св. Григорій полагаетъ зависть и недружелюбіе собратій—епископовъ, которые ни въ чемъ не хотѣли согласиться съ нимъ и даже—быть можетъ—намѣренно держались особыхъ мнѣній. Таково было разногласіе по вопросу о замѣщеніи анти-

охійской катедры и по другимъ вопросамъ. А нѣкоторые изъ членовъ собора стали даже сомнѣваться относительно правильности занятія св. Григоріемъ константинопольской катедры, когда онъ имѣлъ уже катедру въ Сасимахъ. Проникнутый сознаниемъ своихъ заслугъ и своей правоты, св. Григорій на эти завистливые намеки отвѣчалъ отречениемъ отъ катедры въ своей знаменитой рѣчи, въ которой сравнивалъ себя съ пророкомъ Іоною. „Я не радовался, когда восходилъ на престолъ“, говорилъ между прочимъ св. Григорій, „и теперь схожу съ него добровольно“. Но эту рѣчь св. Григорія со стороны епископовъ не послѣдовало возраженій, какія могло бы подсказать имъ простое чувство приличія. „Такъ было у меня съ ними“,—повѣствуетъ далѣе св. Григорій,— „а что съ государемъ? кланялся ли я, изгибался ли, припадалъ ли къ его десницѣ? вымогилъ ли предъ нимъ какое просительное слово? засылалъ ли ходатаемъ кого другаго изъ друзей, наиболѣе сильныхъ при дворѣ и особенно во мнѣ расположенныхъ? сыпалъ ли золото, прибѣгалъ ли къ помощи этого сильнаго властелина, домогаясь того, чтобы не пасть съ престола? Такія мѣры предоставляю другимъ людямъ, слишкомъ гибкимъ. А я, какъ только могъ, пришелъ къ порфирноспу, и въ присутствіи многихъ, наблюдавшихъ, что буду говорить, сказалъ: „И я, щедродаровитый царь, прошу у твоего всемогущаго нѣкоторой милости; прошу у тебя не золота, не разноцвѣтныхъ мраморовъ, не покрововъ для таинственной трапезы; прошу не о томъ, чтобы родные мои получили высокіе чины или удостоились служить при твоей особѣ; просить объ этомъ свойственно тѣмъ, которые домогаются немногаго; а я почитаю себя стоящимъ и болѣе важнаго. Даруй мнѣ одно: дозволи уступить нѣсколько зависти... Тебѣ извѣстно, что ты возвелъ меня на престолъ противъ моей воли“. Самодержецъ рукоплескалъ, когда я говорилъ...; рукоплескали и другіе. И я получаю просимое, правда, какъ говорятъ, съ трудомъ, однакоже получаю“. Однимъ словомъ—имп. Θεодосій не оказалъ поддержки св. Григорію,—и св. Григорій долженъ былъ удалиться изъ столицы,—нельзя сказать, чтобы безъ признанія того, что съ нимъ поступили несправедливо. „Цари, украшающіеся благочестіемъ!“ говорятъ онъ въ прощальномъ стихотвореніи. „Знаменитый градъ великаго Константина, младшій Римъ, столько преимуществующій предъ другими городами, сколько звѣздное небо предъ землею! Вываю къ вашему благочестію. Каково поступила со мною зависть? За что разлу-

чила съ священными чадами меня, который подвизался долгое время? Какое въ этомъ правосудіе? Мой былъ трудъ; я подвергался опасности, въ первый разъ напечатлѣвая въ городѣ благочестіе; а теперь другой веселитъ сердце свое моими трудами, неожиданно вступивъ на чужой престолъ, на который я былъ возведенъ Богомъ и Его добрыми служителями“.

Чѣмъ объяснить такое равнодушіе Θεодосія къ св. Григорію, — такую плохую оцѣнку, какую далъ православный императоръ православноѣйшему святителю? „Безъ сомнѣнія“, говоритъ Тиллемонъ, „Θеодосій не уволилъ бы св. Григорія, если бы имѣлъ довольно времени узнать такого рѣдкаго человѣка“. Намъ кажется, — не было недостатка во времени, ибо Θεодосій съ перваго же свиданія высоко оцѣнилъ Григорія, — не было недостатка и въ желаніи императора подчиниться вліянію православнаго епископа. Причина въ томъ, что св. Григорій самъ былъ слишкомъ серьезенъ, слишкомъ неподвиженъ, слишкомъ аскетиченъ, слишкомъ — можно сказать — непрактиченъ для того, чтобы быть столичнымъ епископомъ. „Нѣтъ у меня“, говорилъ св. Григорій, „ни богатаго стола, ни соотвѣтственной сану одежды, ни торжественныхъ выходовъ, ни величавости въ обхожденіи. Не зналъ я, что мнѣ нужно соперничать съ консулами, правителями областей, знатнѣйшими начальниками, что и мнѣ, роскошествуя изъ достоянія бѣдныхъ, надобно обременять свое чрево, необходимое употреблять на излишества“. Въ другомъ мѣстѣ, иронически возбуждая враждебныхъ епископовъ не скупиться удары, св. Григорій представляетъ и свою характеристику. „Если ты силенъ, гони другаго, не смотря на то, что онъ совершенъ, много трудился на престолѣ, престарѣлъ, изможденъ плотію, небожественъ, презритель міра, живетъ въ Богѣ, мертвецъ между живыми и добрый священникъ Царя“. Конечно все это очень хорошо въ нравственномъ отношеніи, и св. Григорій могъ быть наилучшимъ епископомъ православныхъ, пока они были въ нищетѣ и униженіи, но когда во главѣ православія сталъ самъ императоръ, то оказалось, что нравы и привычки св. Григорія нисколько не согласовались съ придворною обстановкою. Этого не могъ не видѣть имп. Θεодосій, и даже самъ св. Григорій, — въ этомъ находилъ себѣ утѣшеніе. „Григорій уже не сотрапезникъ земнаго царя, какъ прежде, не станетъ дѣлать и малыхъ угожденій своему мѣшку (тѣлу), не будетъ потупленный и безмолвный возлежать среди пирующихъ, съ трудомъ перевода дыха-

ніе и пресыщаясь, какъ рабъ. Судья не посадитъ меня или съ собою, чтобы почтить, или ниже себя, чтобы положить мѣру моему духу. Не буду цѣловать окровавленныхъ рукъ или ласкать подбородокъ, чтобы добиться небольшой милости. Не побѣгу съ многолюдной свитой на священный, или имянинный, или похоронный или свадебный обѣдъ... Не буду засѣдать въ собраніяхъ гусей или журавлей, которые дерутся между собою безъ всякой причины“.

Премникомъ Григорія былъ константинопольскій преторъ Нектарій, человекъ престарѣлый, но еще некрещеный. Будучи избранъ императоромъ, Нектарій принялъ крещеніе и быстро прошелъ всѣ іерархическіе степени до епископства. „Кому не надлежало бы приближаться къ спасительнымъ дверямъ,“—говоритъ св. Григорій,—„тотъ предпочтенъ моимъ тайнодѣйствіямъ. Кто изъ мудрыхъ похвалитъ сіе?“ Дѣйствительно Нектарій не обладалъ ни мудростію, ни краснорѣчіемъ, ни высокимъ моральнымъ строемъ св. Григорія,—но за то отличался общительностію. Онъ прижился на столичной каведрѣ и епископствовалъ до самой кончины своей (397 г.).

Послѣ отреченія св. Григорія константинопольскій соборъ продолжалъ свою дѣятельность. На немъ законченъ нивейскій символъ вѣры составленіемъ послѣднихъ пяти (8—12) членовъ, и кромѣ того составлено нѣсколько церковныхъ правилъ, изъ которыхъ для послѣдующей церковной исторіи болѣе важно третье, открывающее собою развитіе вопроса о совмѣстничествѣ константинопольскаго и римскаго патріарховъ. Вотъ оно: *константинопольскій епископъ да имѣетъ преимущество чести послѣ римскаго епископа, такъ какъ Константинополь есть новый Римъ*. Впослѣдствіи соборъ 381 года призналъ быть въ достоянствѣ вселенскаго; на востокѣ на IV вселенскомъ соборѣ 451 г., а на западѣ—еще позднѣе.

Какъ дополнение къ собору 381 года, могутъ быть разсматриваемы два собора, бывшіе также въ Константинополѣ въ 382 и 383 годахъ. На первый изъ этихъ соборовъ имп. Θεодосій чрезъ вельможу Проконія приглашалъ и св. Григорія Богослова. Но св. Григорій, конечно подъ вліяніемъ воспоминаній объ огорченіяхъ, претерпѣнныхъ имъ на соборѣ 381 г., отвѣчалъ Проконію такъ: „Если должно писать правду; то моя мысль—уклониться отъ всякаго собранія епископовъ; потому что не видалъ я еще ни одного собранія, которое имѣло бы во всѣхъ отношеніяхъ полезный конецъ... Посему да извинитъ меня

твой высокой умъ, а чрезъ тебя да убѣдится и благочестивѣйшій царь не осуждать моей лѣности, но извинить немощь, по которой и дозволить онъ мнѣ удалиться, чего я просилъ себѣ, какъ *благодѣянiя*“. Памятникомъ дѣятельности этого собора осталась синодальное посланiе, адресованное къ собору западныхъ епископовъ, происходившему въ Римѣ въ томъ же году.

Продолжающiяся усилiя арианъ и духоборцевъ распространять свое ученiе вопреки соборному и царскому опредѣленiю побудили Θεодосiя созвать соборъ въ Константинополь и въ слѣдующемъ 383 году. На этомъ соборѣ императоръ сдѣлалъ усилiе разъ навсегда положить конецъ религиознымъ спорамъ,—одно изъ тѣхъ рѣшительныхъ, но въ сущности бесполезныхъ усилiй, къ какимъ иногда прибѣгаютъ самодержцы, не ясно сознающiе предѣлы своей власти. Собравъ представителей православiя и разныхъ ересей, императоръ сначала хотѣлъ покончить споры, перенесши вопросъ изъ области свободнаго обсужденiя на почву уваженiя къ авторитету преданiя. Императоръ спросилъ представителей разныхъ вѣроученiй:—уважаютъ ли они церковныхъ учителей, жившихъ прежде Арiя? Всѣ отвѣчали утвердительно. Но на второй вопросъ: согласны ли они подчиниться авторитету уважаемыхъ ими учителей?—общаго согласiя уже не послѣдовало. Тогда императоръ рѣшился разрубить гордiевъ узелъ другимъ способомъ. Онъ пригласилъ во дворецъ епископовъ Нектарiя и Агелiя, какъ представителей православiя, Демофила, какъ представителя арианъ, Елевсiя, какъ представителя македонiанъ, и Евномiя, какъ представителя аномеевъ, принявъ у нихъ заранѣе приготовленные ими символы вѣроученiя, затѣмъ удалился для уединенной молитвы, и вышедши опять, —въ присутствii самихъ ересеначальниковъ,—изорвалъ подданныя ими картiи и сказалъ, что онъ не будетъ терпѣть въ своей имперii другой религii, кромѣ той, которая исповѣдуетъ Сына единосущнаго и равночестнаго Отцу. *Я на враговъ Иисуса Христа смотрю, какъ на своихъ собственныхъ*,—таково было послѣднее слово императора. Еретики конечно не прекратили своего существованiя послѣ царскаго слова, и логика жизни скоро побудила императора нѣсколько умѣрить свою настойчивость. „Къ законамъ противъ еретиковъ“—говоритъ церковный историкъ Созоменъ,—„Θεодосiй присовокупилъ и тяжкiя наказанiя, не приводя ихъ однакожь въ исполненiе, потому что хотѣлъ не

наказывать подданныхъ, а только постращать ихъ, чтобы они одинаково съ нимъ мыслили о Богѣ“.

Политическія обстоятельства скоро отвлекли вниманіе Θεодосія на западъ. Западный императоръ Граціанъ въ 380 г. былъ свергнутъ съ престола и убитъ полководцемъ Максимомъ. Послѣ долгихъ переговоровъ Θεодосій согласился признать Максима императоромъ, съ тѣмъ чтобы онъ властвовалъ только по ту сторону Альповъ, (т. е. въ Галліи, Испаніи и Британіи), и уступилъ Италію, Африку и Иллѣрію малолѣтнему Валентиніану II, брату покойнаго имп. Граціана, находившемуся подъ опекою матери Юстины и имѣвшему пребываніе въ Миланѣ. Такъ было до 387 г., когда Максимъ, не довольствуясь своимъ удѣломъ, совершенно неожиданно перешелъ чрезъ Альпы, и вторгся въ Италію. Валентиніанъ II и мать его Юстина искали себѣ спасенія въ бѣгствѣ къ Θεодосію, который находился тогда въ Солунѣ. Θεодосій конечно не могъ оставить безъ поддержки царственныхъ изгнанниковъ. Все располагало его къ этому: и наглое узурпаторство Максима, и благодарная память о покойномъ императорѣ Граціанѣ, — и наконецъ родство, — потому что послѣ смерти первой жены своей благочестивой Флациллы (14 сент. 385 г.) Θεодосій женился въ 386 году на дочери императрицы Юстины Галлѣ, не смотря на то, что и мать и дочь были аріанки. Впрочемъ Θεодосій воспользовался униженнымъ положеніемъ западнаго императора, чтобы сдѣлать ему внушеніе въ пользу православія. „Побѣда всегда слѣдовала за Валентиніаномъ, отцемъ твоимъ“, говорилъ Θεодосій Валентиніану II-му, „потому что онъ исповѣдывалъ истинную вѣру, и Богъ ему покровительствовалъ. Напротивъ, поелику дядя твой Валентъ держался ереси, изгонялъ епископовъ, умерщвлялъ православныхъ, то и былъ побѣжденъ, не столько непріятелями, сколько собственнымъ нечестіемъ.“ Въ 388 году Θεодосій выступилъ противъ Максима, разбилъ и казнилъ его лѣтомъ того же года. Остальные шесть съ половиною лѣтъ своей жизни Θεодосій провелъ большею частію на западѣ, то управляя имперіею вмѣсто своего несовершеннолѣтняго шурина Валентиніана, то, послѣ его преждевременной смерти (15 мая 392 г.) снова исхищая западную имперію изъ рукъ узурпаторовъ франка Арбогаста и ритора Евгенія.

Во время своего продолжительнаго пребыванія на западѣ, Θεодосій узналъ епископа, котораго оцѣнилъ гораздо выше, чѣмъ св. Григорія Богослова, и нравственному авторитету котораго почти безу-

словно подчинился. Это былъ св. Амвросій Медиоланскій. „Св. Амвросій“, говоритъ Шлоссеръ, — „принадлежалъ къ числу немногихъ западныхъ епископовъ, которые не искали для себя никакихъ матеріальныхъ выгодъ, а напротивъ — жертвовали многимъ, чтобы только имѣть возможность бороться за свои убѣжденія. Получивъ классическое образованіе, Амвросій отличался свѣтлымъ умомъ, краснорѣчіемъ, практическою опытностію и неутомимою дѣятельностію. Впрочемъ онъ былъ клерикаломъ въ полномъ значеніи этого слова, и искренно вѣрилъ въ истину того, что проповѣдывалъ... Какъ могущественный духовный владыка, онъ иногда составлялъ оппозицію противъ свѣтскаго главы государства и умѣлъ пользоваться массами для достиженія своихъ церковно-политическихъ цѣлей. Предъ Θεодосіемъ великимъ, императрицею Юстиною и узурпаторомъ Евгеніемъ онъ былъ тѣмъ-же, чѣмъ были нѣкогда пророки предъ царями іудейскими“. Вообще у св. Амвросія было слишкомъ много того, чего недоставало у св. Григорія Богослова, т. е. интереса къ текущимъ дѣламъ и стремленія проводить въ жизнь свое вліяніе; этимъ и объясняется, почему имп. Θεодосій, человекъ жаждавшій религіознаго вліянія, но вмѣстѣ съ тѣмъ человекъ дѣятельный, а не созерцательный, охотно подчинился настойчивымъ практическимъ указаніямъ св. Амвросію. Въ послѣдніе годы жизни имп. Θεодосій обнаружилъ весьма суровое отношеніе къ язычеству: 1) въ этомъ конечно нельзя не видѣть вліянія св. Амвросія. Но наиболѣе очевиднымъ образомъ вліяніе императора св. Амвросія выразилось а) по поводу разрушенія іудейской синагоги и б) по поводу солунскаго избиенія.

а) Въ концѣ 388 года, находясь въ Италіи, Θεодосій получилъ съ востока донесеніе о томъ, что христіане города Каллиника въ Месопотаміи разрушили іудейскую синагогу. Взглянувъ на это самоуправство съ государственной точки зрѣнія, Θεодосій предписалъ

1) Въ 389 г. Θεодосій усердно сокрушалъ язычество въ Римѣ; въ томъ же или слѣдующемъ году съ разрѣшенія Θεодосія разрушенъ знаменитый храмъ Сераписа въ Александріи и другія языческія капища. Наконецъ къ этому же времени относится разрушеніе нѣсколькихъ языческихъ храмовъ въ Сиріи Маркелломъ, епископомъ апамейскимъ, который и самъ былъ убитъ язычниками на мѣстѣ своихъ подвиговъ.

возобновить синагогу на счет мѣстнаго епископа и подвергнуть разрушителей наказанію. Амвросій, который считалъ себя отвѣтственнымъ за все, что дѣлаетъ Θεодосій, находясь въ предѣлахъ его епархіи, рѣшился убѣдить императора отмѣнить свое распоряженіе. Когда переписка по этому дѣлу не имѣла желаннаго успѣха, Амвросій лично обратился къ императору, говоря ему въ проповѣди отъ лица Божія: „Я возложилъ на тебя царскую діадиму; Я поставилъ тебя императоромъ, когда ты находился въ незавидной и незавтвой долѣ; Я сдѣлалъ тебя отцемъ сыновей, которые будутъ царствовать послѣ тебя. Я далъ тебѣ силы безъ труда торжествовать надъ непріятелями. А ты чрезъ повелѣніе, сдѣланное тобою, даешь торжествовать надо Мною Моимъ врагамъ!“ Когда Амвросій сходилъ съ кафедры, императоръ сказалъ ему: *все это, отецъ, ты говорилъ противъ меня!* и затѣмъ, послѣ нѣкотораго колебанія, отмѣнилъ свое распоряженіе.

б) Еще болѣе послушанія оказалъ императоръ св. Амвросію, приведши публичное покаянiе послѣ солунскаго взбiенiя. Въ началѣ 390 года солуняне по поводу арестованiя одного наѣздника, нужнаго для игръ на ипподромѣ, возмущались и убили воицскаго начальника Боверия и нѣсколькихъ офицеровъ. Θεодосій прежде подолгу жывалъ въ Солунѣ и хорошо зналъ солунянъ. Весьма вѣроятно, что какія нибудь личныя воспоминанiя увеличили его гнѣвъ, когда онъ получилъ довесенiе о солунскомъ матежѣ; какъ бы то ни было, но императоръ рѣшился примѣрно наказать солунянъ. Не желая производить обстоятельнаго судебного разслѣдованiя, императоръ остановился на рѣшенiи, какое внушилъ ему военный деспотизмъ¹⁾. Онъ далъ тайное приказанiе, во время игръ на ипподромѣ, оцѣнить циркъ солдатами и затѣмъ перебить опредѣленное количество посѣтителей цирка. Можетъ быть царь

1) Въ царствованіе Θεодосiя былъ еще случай, когда царь наложилъ опалу на цѣлый городъ. Въ 387 г. антиохійцы, раздраженные новыми налогами, испровергли статуи императора, его отца, жены и дѣтей. Θεодосiй въ своемъ гнѣвѣ хотѣлъ—было строго покарать антиохійцевъ и сравнить Антиохію съ деревнями, но,—благодаря пастойчивымъ мольбамъ Флавіана, епископа антиохійскаго,—далъ антиохійцамъ амнистію. Теперь, изрекая поплѣшныи и тайный приговоръ противъ солунянъ, Θεодосiй,—по мнѣнію Тилемона—хотѣлъ избѣгнуть епископскаго печалованiя, котораго ожидалъ особенно со стороны св. Амвросiя.

предполагалъ, что мечь солдата найдетъ виноватаго, или рассчитывалъ, что погибнуть постоянные посѣтители цирка, но его мнѣнію болѣе виновные. Приказаніе императора было исполнено; число убитыхъ солдатовъ считалось тысячами (отъ 7000 до 15000). Узнавъ объ этомъ печальномъ происшествіи, св. Амвросій отлучилъ императора отъ церкви и воспретилъ ему входъ во храмъ. „Ты подражалъ Давиду въ преступленіи,“ сказалъ св. Амвросій царю, „подражай ему и въ раскаяніи“. Около 8 мѣсяцовъ продолжалось отлученіе Θεодосія. Въ праздникъ Рождества Христова императоръ пришелъ ко храму, то непреклонный епископъ не пустилъ его во храмъ и заставилъ совершить еще публичное покаяніе въ одеждѣ кающагося; послѣ чего наконецъ св. Амвросій допустилъ императора во св. приобщенію, но не по константинопольскому обычаю, т. е. не въ олтарѣ, а какъ простаго мирянина. *Великою доблестію, говоритъ церковный историкъ Θεодоритъ, сіями и архіерей и царь! Я удивляюсь обѣимъ;— и дерзновенію одного, и благопокорности другаго, удивляюсь и теплотѣ ревности въ первомъ, и чистотѣ вѣры въ послѣднемъ.* „На нашъ взглядъ“, говоритъ Шлесеръ, „и епископъ, и императоръ играли здѣсь заранѣе придуманныя роли: Амвросій роль Наавана, а Θεодосій роль Давида. Впрочемъ, древніе историки смотрѣли на это совершенно иначе, на что они конечно имѣли полное право“.

Благоговѣнное уваженіе къ Амвросію не оставило императора до самой его смерти, которая послѣдовала въ Миланѣ 17 января 395 года, послѣ 16-лѣтняго царствованія. Поручая Амвросію двухъ сыновей своихъ Аркадія и Гонорія, умирающій императоръ просилъ епископа быть имъ вмѣсто отца. Св. Амвросій почтилъ императора надгробною рѣчью, въ которой выражалъ свою увѣренность, что почившій государь за свои добрыя дѣла наслѣдуетъ царство небесное. Самъ св. Амвросій пережилъ Θεодосія двумя годами (+ апр. 397 г.)

И. Θεодосій принадлежитъ безспорно къ самымъ крупнымъ историческимъ дѣятелямъ. Но отзывы о характерѣ его дѣятельности различны до противоположности. И въ этомъ отношеніи съ нимъ случилось тоже что съ Константиномъ великимъ. Православные христіане хвалили его, язычники—порицали. По отзыву блаж. Θεодорита, Θεодосій—царь *всехвальный, оставившій по себѣ приспомятущую славу, который*

и во время мира и во время войны непрерывно искал помощи у Бога, и всегда получал ее. Уважение церкви къ и. Θεодосію выразилось въ томъ, что онъ включенъ въ мѣсяцесловъ святыхъ подъ 17 генваря. — Но языческій историкъ Евнапій отзывается объ имп. Θεодосіѣ довольно худо. „Царь Θεодосіѣ, получивъ такую власть и такую пространную державу, доказалъ справедливость мнѣнія древнихъ, что власть великое зло и что человѣкъ во всемъ можетъ быть твердъ и постояненъ, но не можетъ вынести своего счастья. Едва онъ достигъ верховной власти, какъ поступилъ подобно молодому человѣку, который, — получивъ въ наслѣдство отъ отца большое богатство, накопленное бережливостію и порядочною жизнію, — всѣми средствами нестово губить то, что ему досталось... Царь Θεодосіѣ былъ нерадивъ и совершенно безнеченъ.“ Несправедливость отзыва Евнапія очевидна. Мы уже знаемъ, въ какой мѣрѣ восточная имперія въ моментъ воцаренія Θεодосіа была похожа на большое наслѣдованное богатство. Отзывъ Евнапія кромѣ того накрывается совершенно противоположнымъ отзывомъ Виктора младшаго, также язычника, — который говоритъ, что, вопреки обыкновенному порядку вещей, Θεодосіѣ, доблестный въ качествѣ частнаго человѣка, сталъ еще доблестнѣе, сдѣлавшись государемъ, — что послѣ побѣдъ онъ становился лучше, чѣмъ до побѣдъ.

Въ религіозномъ характерѣ имп. Θεодосіа есть много чертъ, сходныхъ съ извѣстнымъ уже намъ образомъ имп. Константина великаго. Подобно Константину, Θεодосіѣ также ставилъ въ связь съ исповѣданіемъ правой вѣри свои побѣды и успѣхи своего царствованія; также въ рѣшительныхъ случаяхъ ожидалъ особыхъ предвѣстій и знаменій воли Божіей¹⁾; также наконецъ стремился къ общему религіозному объединенію своихъ подданныхъ. Но при сходствѣ есть и различіе. На-

¹⁾ Предъ воцареніемъ Θεодосіѣ видѣлъ сонъ, будто его коронуется Мелетій, епископъ антиохійскій, — котораго царь вслѣдствіе этого сна и почитилъ болѣе другихъ на 2-мъ всел. соборѣ. Предъ борьбою съ узурпаторомъ Максимомъ въ 388 г. царь посылалъ къ египетскому отшельнику Іоанну, прося молитвъ и предвѣщанія объ исходѣ борьбы; предъ сраженіемъ съ узурпаторомъ Евгениемъ въ 394 г. видѣлъ во снѣ апостоловъ Филиппа и Іоанна Богослова, посланныхъ къ нему на помощь, — и во время самой битвы признавалъ особую помощь Божію въ поднявшемся противъ непріятелей сильномъ вихрѣ.

тура Θεодосіа была болѣе прямая, суровая и горячая, чѣмъ натура Константина великаго: гдѣ Константинъ прибѣгалъ къ переговорамъ и компромиссамъ, тамъ Θεодосій прямо дѣйствовалъ военнымъ деспотизмомъ. Но за то Константинъ неспособенъ былъ такъ искренно и рѣшительно подчиниться чужому руководству, какъ и Θεодосій;—и между іерархами временъ Константина мы не находимъ ни одного, который стоялъ бы къ императору въ такихъ же отношеніяхъ, въ какихъ былъ къ Θεодосію св. Амвросій. Если епископское вліяніе употреблялось иногда въ видахъ религіозной нетерпимости и исключительности и не всегда согласовалось съ требованіями здоровой политики,—то вина этого конечно лежитъ не на Θεодосіѣ.

ЧТЕНИЕ ПЯТОЕ.

Императоры Аркадій, Θεодосій младшій, Шульхерія и Марціанъ (395—457).

Имн. Аркадій (395—408). Характеристика Аркадія и его жены Евдоксіи. Отношенія Евдоксіи къ св. Порфирію Газскому и св. Іоанну Златоусту.

По смерти Θεодосія великаго римская имперія окончательно раздѣлилась на двѣ половины: восточную и западную. Первая досталась старшему сыну Θεодосія Аркадію (18 лѣтъ),—вторая младшему Гонорію (10 лѣтъ). Въ свое время языческій философъ и префектъ Константинополя Θεμισцій искалъ чести быть воспитателемъ царскихъ дѣтей; но Θεодосій, какъ человекъ набожный, предпочелъ римскаго діакона Арсенія, впоследствии бывшаго отшельникомъ въ пустынь египетской и причтеннаго къ лику святыхъ. Греческіе хронографы наполнены похвалами Θεодосію за выборъ наставника, болѣе украшавшагося добродѣтелію, чѣмъ ученостію, и за ту суровую власть, какою царь облежъ воспитателя—вмѣстѣ и крестнаго отца—по отношенію къ царственнымъ воспитанникамъ.¹⁾ Плоссеръ разсуждаетъ нѣсколько

¹⁾ Позднѣйшіе писатели (напр. Метафрастъ,) сообщаютъ, что св. Арсеній однажды тѣлеснымъ наказаніемъ до такой степени возмутилъ противъ себя Аркадія, что сей послѣдній рѣшился такъ или иначе уморить учителя, и что это обстоятельство побудило будто бы Арсенія бѣжать отъ царскаго двора и скрыться въ нитрійской пустынь. Но такая энергическая жажда мщенія кажется намъ несообразною съ вѣлымъ характеромъ Арка-

иначе. „Оба сына Θεодосія„ говоритъ онъ, „имѣли самыя ограниченныя природныя способности. Ктому же самъ Θεодосій испортилъ ихъ тогдашнею строго-аскетическою системою воспитанія, сдѣлавшею ихъ благочестивыми и набожными, но не давшею имъ ни осмотрительности, ни силы и энергіи“. Едвали, впрочемъ, какая бы то ни была система воспитанія могла бы дать Аркадію и Гонорію тѣ качества, въ какихъ отказала имъ природа.

Мы поведемъ рѣчь только объ Аркадіѣ. „Аркадій“, говоритъ Филосторгій, „ростъ имѣлъ малый, тѣло сухощавое, силы слабыя, лице смуглое. Вялость его души обличалась рѣчью и свойствомъ глазъ, которые у него сонливо и болѣзненно закрывались“. Только искусство каллиграфіи было плодомъ полученнаго имъ образованія. Такой человекъ естественно могъ быть царемъ только по имени. Первые 10 мѣсяцовъ именованъ императоромъ управлялъ префектъ востока Руфинъ, любимецъ покойнаго императора Θεодосія, человекъ высокій и мужественный, взглядъ котораго и находчивость въ словѣ высказывали умъ. Обманувшись въ надеждѣ сдѣлаться царскимъ тестемъ, Руфинъ возмечталъ сдѣлаться царемъ. Слабодушный Аркадій не могъ конечно оказать Руфину серьезнаго сопротивленія, но за Аркадія дѣйствовалъ духъ завистливаго соперничества, вооружившій противъ Руфина западнаго префекта Стиликона и константинопольскаго придворнаго евнуха Евтропія. 27 ноября 395 г., когда Аркадій вмѣстѣ съ Руфиномъ дѣлалъ смотръ войскамъ, присланнымъ съ запада подъ начальствомъ готѣ Гайны, воины, внезапно окруживъ Руфина, умертвили его въ присутствіи самаго императора. „Огрубивъ Руфину голову,“—повѣствуетъ Филосторгій, „воины вложили ей въ ротъ камень и вездѣ съ ней бѣгали. Подобнымъ образомъ отрубивъ у него руку носили ее по всѣмъ мастерскимъ въ городѣ, говоря: *дайте ненасытному!* 1) И такую просьбою собрали они много денегъ, потому что видѣвшіе охотно платили

дія. Мы знаемъ напротивъ того, что Аркадій, сдѣлавшись царемъ, подарилъ своему бывшему учителю доходы одной египетской области, но что отшельникъ не принялъ царскаго подарка.

1) Руфинъ былъ очень жаденъ и очень богатъ. Громадный дворецъ его съ великолѣпною церковію находился по ту сторону Босфора, въ имѣніи, называемомъ *Дубъ* (Δρῦς), гдѣ чрезъ семь лѣтъ (403 г.) соборъ епископовъ заочно осудилъ Іоанна Златоустаго.

деньги, какъ бы за пріятное зрѣлище. Такъ-то кончилась любовь Руфина къ царской власти.“

Послѣ Руфина временщикомъ сдѣлался Евтропій, родомъ армянинъ, евнухъ изъ рабовъ. „Такъ какъ скопечество лишило его багряницы,“ говоритъ Филосторгій, „то онъ убѣдилъ царя наименовать себя патрищемъ и консуломъ. И вотъ наконецъ царскій евнухъ — *отецъ*, между тѣмъ какъ онъ не могъ родить и обыкновеннаго сына.“ Евтропій, еще прежде паденія Руфина, обнаружившій свое вліаніе на Аркадія тѣмъ, что склонилъ его жениться на Евдоксіи, палъ, какъ скоро вмѣсто сторонника императрицы сдѣлался ея врагомъ. Слабодушный императоръ, — когда ему предстояло пожертвовать или евнухомъ или императрицею, — разумѣется не могъ колебаться въ выборѣ, и паденіе Евтропія, увѣковѣченное знаменитою проповѣдію Златоустаго, (399 г.) было также быстро и неожиданно, какъ велика прежде была его власть и дерзость.

Послѣ Евтропія главнымъ рѣшителемъ судебъ восточной имперіи былъ готъ Гайна (возмутился и былъ разбитъ и убитъ въ 400 г.); — послѣ Гайны готъ Фравита (убитъ въ томъ же году); послѣ Фравиты комитъ Іоаннъ и т. д. Но постоянною силою, сосредоточивавшею въ себѣ власть надъ восточною имперіею почти во все время царствованія Аркадія, была жена его императрица Евдоксія, въ характеристикѣ которой мы теперь и переходимъ.

Евдоксія была не греческаго и не римскаго происхожденія. Она была дочь франка Бото, известнаго полководца, бывшаго консуломъ въ 385 году, и умершаго до воцаренія Аркадія. Она отличалась красотою и — должно думать — образованіемъ, ибо наставникомъ ея былъ философъ Пансофій. Своимъ царственнымъ женихомъ она была обязана евнуху Евтропію, который въ этомъ случаѣ заботился прежде всего о томъ, чтобы царь не женился на дочери Руфина. Бракъ Аркадія и Евдоксіи совершился въ Константинополѣ 27 апрѣля 395 г., т. е. чрезъ три мѣсяца и 10 дней послѣ смерти Θεодосія. Послѣ брака обнаружались нѣкоторыя непривлекательныя черты въ характерѣ Евдоксіи. Въ ея крови, — по выраженію современника, — жила варварская безпощадность; рядомъ съ пороками самовластия въ ея душѣ господствовало недовольство своимъ супругомъ, а также и ненасытное корыстолюбіе. Но религіозное настроеніе вѣка было такъ велико, что даже эта гордая и страстная императрица не могла не быть набожною, хотя набож-

ность ея и носила нѣсколько суевѣрный и фанатическій характеръ. Чтобы охарактеризовать религіозность имп. Евдоксіи, мы представимъ отношенія ея къ двумъ современнымъ епископамъ,—св. Порфирію газскому и св. Іоанну Златоустому,—точно также какъ мы старались изобразить религіозный характеръ и. Θεодосіа по его отношеніямъ къ св. Григорію Богослову и св. Амвросію медіоланскому.

Св. Порфирій былъ съ 395 г. епископомъ въ Газѣ палестинской, городъ, наполненный идолопоклонниками и идольскими капищами, между которыми особенно славилось капище въ честь идола Марнаса. Св. Порфирій былъ ревнителемъ христіанства въ родѣ Маркелла апамейскаго, т. е. поставилъ задачею своей жизни истребленіе языческихъ капищъ. Много онъ дѣйствовалъ для этой цѣли своими чудесами и молитвами,—но болѣе надежнымъ средствомъ признавалъ все-таки содѣйствіе гражданской власти. Пославъ одного изъ своихъ клириковъ въ Константинополь, св. Порфирій успѣлъ исходатайствовать указъ императора о заключеніи капищъ въ Газѣ, которыя и были затворены всѣ, кромѣ храма Марнаса. Желая добиться болѣе рѣшительныхъ результатовъ, св. Порфирій разсудилъ лично отправиться въ столицу. Дорогой онъ заѣхалъ на островъ Родосъ къ нѣкому отшельнику Прокопію, который, хотя былъ отшельникомъ, но, какъ видно, очень хорошо зналъ придворныя отношенія. Прокопій совѣтывалъ св. Порфирію прежде всего исполнить долгъ приличія, обратившись къ столичному архіепископу Іоанну Златоустому, но не слишкомъ полагаться на его содѣйствіе, такъ какъ онъ не ходитъ въ царскія палаты, ибо гнѣвается на него царица;—главнымъ же образомъ отшельникъ совѣтывалъ св. Порфирію заручиться благосклонностію царицы Евдоксіи, испросить чрезъ посредство ея внука Аманція личную у ней аудіенцію, и предсказать ей скорое рожденіе сына, такъ какъ царица въ то время была беременна. Совѣтъ оказался очень мудрымъ и полезнымъ. Св. Порфирій три раза имѣлъ аудіенцію у императрицы, и между прочимъ говорилъ ей слѣдующее: „Потрудишься объ нашемъ дѣлѣ, владычица, ради Христа, а Онъ за трудъ твой дастъ тебѣ сына, который и воцарится предъ твоими очами,¹⁾ и проживетъ много лѣтъ во всякомъ благополучіи царскомъ“. Императрица съ своей стороны объясняла св. Порфи-

¹⁾ Эта часть пророчества не исполнилась, такъ какъ Евдоксіа не дождала до воцаренія Θεодосіа младшаго.

рїю, что она докладывала императору о его просьбѣ, но что императоръ не находить удобнымъ раздражать гавскихъ идолопоклонниковъ; „впрочемъ, при помощи Божіей,“ прибавляла императрица, „я не перестану доучать царю, пока онъ не исполнитъ вашей просьбы.“ Зная безхарактерность Арвадія и сильное вліяніе Евдоксіи, можно думать, что императрица нарочно медлила удовлетвореніемъ просьбы св. Порфирія, ожидая исполненія его пророчества. Наконецъ ожидаемое событіе совершилось. — 10 апрѣля 401 г. родился у Евдоксіи сынъ и наследникъ византійскаго престола, нареченный въ честь великаго дѣда Θεодосіемъ. На седьмой день послѣ рожденія сына, императрица пригласила къ себѣ св. Порфирія и предложила ему изложить свои желанія въ формѣ прошенія на имя новорожденнаго *августа*, и подать это прошеніе, когда младенца будутъ нести изъ храма во дворецъ послѣ крещенія. Св. Порфирій разумѣется съ радостію воспользовался такимъ удобнымъ случаемъ получить все, что желаетъ, и просилъ въ своей хартіи не только о сокрушеніи идоловъ, но и объ облегченіи городскихъ податей и о царскомъ жалованьи въ пользу гавской церкви, которая была весьма убога и т. д. Въ назначенный день совершено было крещеніе царственнаго младенца съ такимъ пышнымъ церемоніаломъ, что св. Порфирій не могъ не сказать: „если такова слава царя земнаго, временнаго, — то какова же слава Царя небеснаго, вѣчнаго!“ Когда новокрещеннаго Θεодосія несли вонъ изъ храма, то св. Порфирій, стоявшій у церковныхъ дверей, подалъ свое прошеніе, — и вельможа, несшій младенца, по предварительному распоряженію императрицы, принялъ прошеніе и сказалъ, что новый государь начинаетъ свою царственную жизнь дѣломъ милости и потому первая просьба, поданная ему, должна быть удовлетворена. Когда младенецъ былъ принесенъ во дворецъ, то императрица, поздравляя Арвадія съ новокрещеннымъ сыномъ, просила императора не оставить безъ исполненія первой просьбы, поданной маленькому августу, и не презрѣть моленія святыхъ мужей, предрекшихъ ей рожденіе сына. Арвадій разумѣется согласился на ходатайство жены; такъ искусно обставленное, и св. Порфирій возвратился во свояси, неся съ собою много золота, даннаго царицею на построеніе храма въ Газѣ и на другія церковныя потребности, и сопутствуемый царедворцемъ Кинегіемъ, которому поручено было разрушить всѣ капища и истребить всѣхъ идоловъ въ Газѣ, — что и было имъ исполнено съ достаточною суровостію. На мѣстѣ Марнасова капища былъ

построенъ храмъ на деньги, данныя царицею Евдоксіею, и по при-
сланному отъ нея плану.

Совсѣмъ иныя были отношенія имп. Евдоксіи ко св. Іоанну Зла-
тоустому, моральныя требованія котораго были несравненно выше, а
слѣдовательно и труднѣе, чѣмъ простое ходатайство св. Порфирія о
деньгахъ и репрессивныхъ мѣрахъ. Въ 397 году, 27 сентября, сконча-
лся Нектарій, патріархъ к—польскій, преемникъ св. Григорія Бо-
гослова. Мягкость нрава, общительность, уживчивость были отличитель-
ными качествами св. Нектарія и дали ему возможность не только бла-
гополучно досидѣть до конца жизни на столичной кафедрѣ, но даже
сподобиться включенія въ календарь. Но—быть можетъ—въ его прав-
леніе слишкомъ ощутительно было бездѣйствіе власти,—потому что въ
преемники ему постарались выбрать человѣка съ болѣе выдающимся
умомъ и характеромъ. Всесильный въ то время при царскомъ дворѣ
евнухъ Евтропій обратилъ вниманіе императора на антиохійскаго пре-
свитера Іоанна, славившагося краснорѣчіемъ и прозваннаго *Злато-
устымъ* (*Χρυσόστομος*.) Іоанну было тогда около 50 лѣтъ. Въ юныхъ
лѣтахъ онъ учился краснорѣчію у извѣстнаго языческаго оратора Ли-
ванія; 22 лѣтъ принялъ крещеніе, затѣмъ нѣсколько лѣтъ провелъ въ
пустынномъ уединеніи, наконецъ вступилъ въ составъ антиохійскаго
клира и уже около 10 лѣтъ священствовалъ, проповѣдуя очень часто
и очень успѣшно. Таково было *enactum vitae* св. Іоанна. Можно
думать, что Евтропій зналъ только внѣшнюю сторону жизни св. Іоан-
на, но не былъ знакомъ съ его твердыми и неподкупными убѣждені-
ями, съ его презрѣніемъ къ мірскимъ благамъ, съ его предубѣждені-
емъ противъ сильныхъ міра сего и горячею любовью къ меньшей бра-
тніи. Евтропій хотѣлъ только въ лицѣ столичнаго архіепископа, — обяза-
ннаго ему своимъ возвышеніемъ, — найти себѣ благодарнаго и
усерднаго сторонника и въ этомъ случаѣ еще разъ доказалъ ста-
рую истину о тщетѣ надеждъ и расчетовъ человѣческихъ. Что ка-
сается до императрицы Евдоксіи, то она кажется совершенно не
причастна была дѣлу о возведеніи Іоанна Златоустаго на к—скую
кафедру. Только впоследствии, когда краснорѣчіе и энергія Златоустаго
сдѣлали его главною духовною силою столицы, — должны были устано-
виться какія-нибудь опредѣленныя отношенія между нимъ и импера-
трицею, въ рукахъ которой была власть политическая. Кажется бы-
вали обстоятельства, когда Евдоксія сочувствовала дѣятельности Зла-

тоустаго напр. при паденіи евнуха Евтропія, одинаково неприятнаго и святителю и императрицѣ, при печалованіи Златоустаго предъ готомъ Гайною за комита Іоанна, при протестѣ І. Златоустаго противъ требованій Гайны имѣть аріанскій храмъ внутри столицы и т. д. Бывали случаи, когда проповѣди Златоустаго, даже суровыя и обличительныя не раздражали самолюбія императрицы; таковы напр. всѣ обличенія Златоустаго противъ распущенности нравовъ низшаго в—польскаго клира. Бывали случаи, когда самъ І. Златоустый въ своихъ проповѣдяхъ относился въ императрицѣ въ панегирическомъ духѣ. Такъ онъ восхвалялъ благочестіе императрицы, которая пѣшкомъ сопровождала церковную процессію при перенесеніи мощей мучениковъ во храмъ св. Θомы. „Хотя природа“, говорилъ ораторъ, „произвела, тебя женщиною, но ты можешь сравняться съ ангелами“. Но все это было до поры до времени. Двѣ силы, столь противоположныя между собою, не могли не столкнуться неприяненно! Ясно было также, что вѣшняя тогда останется за императрицею, — но что пораженіе Златоустаго предъ судомъ истины и потомства будетъ цѣннѣе всякой побѣды. Мы знаемъ уже характеръ Евдоксіи; скажемъ нѣсколько словъ для характеристики І. Златоустаго, воспользовавшись для этого сравненіемъ его съ извѣстнымъ уже намъ его предшественникомъ на в—ской кафедрѣ св. Григоріемъ Богословомъ. Между двумя великими святителями было много общаго: тоже краснорѣчіе, тоже нравственная высота, тоже презрѣніе къ земнымъ благамъ и тоже готовность всѣмъ жертвовать за истину. Но было и существенное различіе. Св. Григорій Богословъ былъ теоретикъ, созерцатель и человекъ, отрѣшенный отъ жизни; онъ имѣлъ множество почитателей своего таланта, но всегда былъ одинокъ среди столичнаго многолюдства и всегда стремился духомъ въ свою любезную пустыню, гдѣ онъ могъ по цѣлымъ недѣлямъ налагать на себя обѣтъ молчанія или писать свои элегическія стихотворенія. Св. Іоаннъ Златоустый не имѣлъ той силы и глубины ума, какими обладалъ св. Григорій Богословъ, — но за то онъ былъ ораторъ въ лучшемъ и истинномъ значеніи этого слова, — человекъ, глубоко убѣжденный въ истинѣ того, въ чемъ хотѣлъ убѣдить другихъ, — человекъ, рѣчь котораго всегда стояла на порогѣ между размышленіемъ и практическою дѣятельностію, — человекъ, для полноты существованія котораго необходимы были и кафедра и слушатели. Вотъ почему для св. Іоанна также невозможно было по доброй волѣ оставить кафедру, какъ

для св. Григорія легко и естественно было самому отказаться от нея! Обладая необыкновенными ораторскими дарованиями, Іоаннъ Златоустый скоро сдѣлался любимцемъ столичнаго населенія, которое толпами стекалось слушать его вдохновенныя поученія. Необыкновенный успѣхъ всегда возбуждаетъ зависть, и св. Іоаннъ не избѣжалъ этой участи. Ему завидовали не только его собратія—епископы, но и сама императрица, стоявшая во главѣ свѣтскаго правительства, считала его вліяніе на народъ чрезмѣрнымъ и опаснымъ. Содержаніе проповѣдей І. Златоустаго также не могло нравиться Евдоксіи. Любимою темою бесѣдъ І. Златоустаго было обличеніе алчныхъ и жестокосердыхъ богачей,—а также женской суетности и страсти въ нарядахъ. Очень вѣроятно, что при своихъ обличеніяхъ св. Іоаннъ не имѣлъ въ виду непосредственно императрицы, но Евдоксія сознавала себя не безгрѣшною въ обличаемыхъ порокахъ, а при дворѣ не было недостатка въ людяхъ, которые готовы были поддерживать раздраженіе императрицы, передавая ей проповѣди архіепископа въ исказженномъ и преувеличенномъ видѣ. Послѣдствіемъ была рѣшимость Евдоксіи удалить св. Іоанна со столичной каедрой. Но побѣда не легко досталась императрицѣ. Два раза она отступала, и только въ третій разъ одержала окончательную побѣду, которая была несчастіемъ всякаго пораженія.

Первое столкновеніе императрицы съ архіепископомъ имѣло мѣсто въ 401 г., въ годъ рожденія Θεодосія младшаго. Желая противопоставить Златоустому епископа, сколько нибудь равнаго ему въ краснорѣчій, императрица вызвала ко двору Северіана, е. габальскаго, считавшагося искуснымъ ораторомъ. Соперникъ для Златоустаго онъ былъ плохой, но за отсутствіемъ лучшаго нельзя было и имъ пренебрегать. Когда родился наследникъ престола, Златоустый по церковнымъ дѣламъ находился въ Малой Азіи. Не смотря на то, что въ тотъ вѣкъ крещеніе часто отлагалось до преклоннаго возраста и даже до смертнаго часа, императрица посѣщила совершить крещеніе сына до возвращенія Златоустаго въ столицу, и таинство крещенія совершилъ Северіанъ, е. габальскій. При дворѣ уже стали говорить о Северіанѣ, какъ о будущемъ архіепископѣ столицы,—и, вѣроятно, въ этомъ случаѣ угады вали тайную мысль Евдоксіи. Возвратившись въ столицу, Златоустый остался очень недоволенъ тѣмъ, что дѣлалось безъ него. Восхваливъ гражданъ столицы, за то, что они остались вѣрны ему подобно цѣломудренной супругѣ, закрывающей, въ отсутствіе супруга, свой слухъ

отъ любодѣйныхъ внушеній, Златоустый вслѣдъ за тѣмъ строго угро-
рилъ Северіана и прекратилъ общеніе съ нимъ. Северіанъ цоспѣшнѣе
немедленно исчезнуть изъ столицы. Пораженіе Северіана было пора-
женіемъ не столько для него, сколько для императрицы и она, послѣ
нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ, рѣшилась изгладить его съ помо-
щію такого приѣма, къ какому способны только женщины. Въ праз-
дничный день до начала литургіи, она явилась въ церковь съ малень-
кимъ Θεодосіемъ, быстрыми шагами подошла къ архіерейской кафедрѣ,
положила царственного младенца на колѣна Златоусту и умоляла его
ради этого младенца, отрасли великаго Θεодосія, простить Северіана.
Изумленный Златоустъ былъ въ нерѣшимости, но по чувству простой
вѣжливости рѣшился исполнить волю императрицы. Северіанъ возвра-
тился въ столицу, и оба архіерея скрѣпили и засвидѣтельствовали свое
примиреніе всенародными проповѣдями.

Второе столкновеніе императрицы съ Златоустымъ относится къ
403 году. Противъ ненавистнаго архіепископа былъ поднятъ походъ
сначала подъ предводительствомъ св. Епифанія кипрскаго, а потомъ,
когда этотъ ветхій старецъ отправился умирать во свояси, — подъ пред-
водительствомъ Θεοφιλα, патріарха александрійскаго. Собранный Θεο-
филомъ изъ враговъ Златоуста соборъ — въ виду столицы въ Дрисѣ близъ
Халкидона, осудилъ св. Іоанна на низложеніе съ кафедры между про-
чимъ и за оскорбленіе величества въ лицѣ имп. Евдоксіи. Въ то вре-
мя, когда враги Златоуста творили надъ нимъ заонный судъ, св. Іо-
аннъ не стѣсняясь высказывалъ свои мысли и чувства среди вѣрнаго и
преданнаго ему столичнаго населенія. „Вы знаете, возлюбленные мои,
говорилъ Іоаннъ, „какой истинный предметъ, за который хотѣтъ по-
бить меня? Это то, что я не заставлялъ разстилать предъ собою бо-
гатыя и драгоценныя ковры, что я не хотѣлъ одѣваться въ одежды, шитыя
золотомъ и шелкомъ, что я не очень любилъ удовлетворять чув-
ственности этихъ людей. Меня преслѣдуютъ не изъ за богатства и не
потому, что я совершилъ какое нибудь преступленіе. Если бы было
такъ, то я долженъ бы приходилъ отъ этого въ смущеніе. Меня пре-
слѣдуютъ потому, что я люблю васъ. Еще живо вѣстожество Іезавели.
Еще Иродіада бѣснуется. Она пляшетъ, она требуетъ головы Іоанна.
Все стремится къ нечестію“. Πάντα ἐς ἀδοξίαν ἐκτρέχει. 1) „Эта плотская

1) Въ этомъ выраженіи видѣтъ ясный намекъ на имя Евдоксіи.

женщина нападаетъ на духъ. Она предается наслажденіямъ бань и благовоній; она обнимается съ своимъ мужемъ, она ведетъ войну съ церковью чистою и непорочною. Но вскорѣ она остается одинокою, вдовою, безъ мужа ¹⁾: потому что ты, жемчужина, хочешь церковь сдѣлать вдовою. Вчера ты называла меня тринадцатымъ апостоломъ; нынѣ величаешь Іудою. Вчера не боялась сидѣть со мною; а нынѣ, какъ дикій звѣрь, бросаешься на меня... Но чего хочетъ эта жена несправедливая, ненавистная, эта новая Іезавель? Она отправляетъ за мною консуловъ, трибуновъ; она угрожаетъ: паукъ плететь паутину.“

Сознавая свою правоту, св. Іоаннъ не думалъ однако противиться силѣ, хотя и могъ бы опереться на народную къ нему привязанность. „Церковь Іисуса Христа,“ говорилъ онъ епископамъ и клирикамъ, которые остались ему вѣрными, „не мною началась, не мною и кончится. Не умеръ ли Моисей и не занялъ ли тотчасъ его мѣста Іисусъ Навинъ? Когда отсѣкли голову св. Павлу, не оставилъ ли онъ по себѣ Тита, Тимофея, Аполлоса и множество другихъ учениковъ“? Повинуясь царскому указу, осуждавшему его на изгнаніе, св. Іоаннъ удалился изъ столицы. Но онъ пробылъ въ изгнаніи всего одни сутки. Сильное землетрясеніе, поколебавшее дворецъ въ ночь послѣ изгнанія св. Іоанна, напугало императрицу, какъ знаменіе гнѣва Божія за изгнаніе праведника. Златоустый немедленно былъ возвращенъ на свою кафедру, и императрица въ почтительномъ письмѣ утѣрала св. Іоанна, что она не принимала никакого участія въ козняхъ противъ него. Златоустый желалъ торжественнаго оправданія на соборѣ епископовъ, который былъ бы многочисленнѣе, чѣмъ соборъ, осуждавшій его,—но нетерпѣніе народа и самой императрицы побудили его не настаивать на этой формальности. Да и могъ ли Златоустый искренно уважать епископскій судъ, когда въ большинствѣ современныхъ епископовъ видѣлъ честолюбивыхъ и коварныхъ интригановъ? *Ничего я такъ не боюсь, какъ епископствъ,* писалъ Златоустый впоследствии. Его возвращала также императорская власть, которая из-

¹⁾ Эти слова имѣли бы характеръ пророчества, если бы были подтверждены событіемъ. Но Евдоксія, какъ извѣстно, умерла прежде своего мужа.

гнала его;—этого казалось довольно. Златоустый снова вступил на свою кафедру, благословил вѣрный ему народъ и не забылъ похвалить и императрицу, какъ питательницу пустынниковъ, опору нищихъ и т. д. Онъ прочелъ ея пригласительное письмо и передалъ народу слова, которыми императрица привѣтствовала возвратившагося святителя, заявляя, что она, возвративъ пастыря овцамъ, главу тѣлу, кормчаго кораблю, болѣе красуется этимъ дѣломъ, чѣмъ своею діадемою. Такъ кончилось второе покушеніе противъ І. Златоустаго и миръ между святителемъ и императрицею былъ повидиму упроченъ на твердыхъ основаніяхъ.

Но чувства человѣческія измѣнчивы. Подъ вліяніемъ религіознаго ужаса Евдоксія возвратила святителя, но съ теченіемъ времени этотъ страхъ прошелъ. Землетрясенія въ то время часто бывали въ восточной имперіи, и конечно враги Златоустаго постарались увѣрить императрицу, что между изгнаніемъ Златоустаго и землетрясеніемъ не было никакой причинной связи, а было только случайное совпаденіе во времени. Съ своей стороны и св. Іоаннъ Златоустый не сдѣлался сдержаннѣе послѣ своего возвращенія: напротивъ сознаніе торжествующей правоты сдѣлало его еще смѣлѣе и рѣшительнѣе. Черезъ два мѣсяца послѣ своего возвращенія св. Іоаннъ уже выступаетъ съ обвиненіями императрицы по поводу шумныхъ праздниковъ при открытіи поставленной въ честь Евдоксіи серебрянной статуи. Бесѣда эта не сохранилась до настоящаго времени, но есть извѣстіе, что она начиналась словами: *опять Иродіада бѣснуется, опять пляшетъ, опять проситъ главы Іоанновой*,—и что никогда рѣчь Златоустаго не была такъ горька и наполнена примѣрами изъ исторіи злыхъ женъ ветхаго и новаго завѣта, какъ въ этотъ разъ. Императрица, раздраженная такимъ публичнымъ посрамленіемъ, требовала мщенія; самъ императоръ, вышедши изъ своей обычной апатіи, сказалъ, что пора уже покончить съ этимъ обличителемъ. По закону ¹⁾ епископъ долженъ быть судимъ себѣ равными; съ этой стороны конечно не представлялось затрудненія къ осужденію Златоустаго, такъ какъ между тогдашними епископами было много придворныхъ угодниковъ и личныхъ враговъ Златоустаго. Вопросъ

²⁾ *Lex Constantii 355* 4. *Mansuetudinis nostrae lege prohibemus, in iudiciis episcopos accusari. Si quid est igitur querelarum, quod quispiam defert, a iudicibus alios potissimum episcopos convenit explorari.*

былъ только въ томъ, какъ оформить осужденіе. Личное вліяніе Златоустаго и сила его краснорѣчія казались такъ опасны, что и на этотъ разъ враждебные Златоустому епископы, собравшіеся въ императорскомъ дворцѣ, предпочли осудить его заочно. Уклоняясь отъ всякаго разсужденія о виновности Златоустаго, они порѣшили осудить его на основаніи 5 правила антиохійскаго собора 341 г., которое читается такъ: *если епископъ или священникъ, бывъ справедливо или несправедливо низведенъ, самъ возвратится къ церкви прежде возстановленія его соборомъ, то онъ лишается всякаго права быть допущенъ когда либо къ какому-то-ни было оправданію*. Враждебные Златоустому епископы разсуждали такъ: „Іоаннъ низложенъ на соборѣ, собиравшемся въ Дрисѣ, — справедливо или несправедливо, — это до насъ не касается. Но дѣло въ томъ, что онъ самъ разъ навсегда заградилъ себѣ путь къ оправданію, возвратившись на свою кафедру, прежде чѣмъ былъ оправданъ и возстановленъ новымъ соборомъ епископовъ, который бы отмѣнилъ рѣшеніе собора предшествующаго“. Такимъ образомъ судьи—епископы отказывались разбирать дѣло о св. Іоаннѣ *по существу*, а просто не хотѣли принимать его къ разсмотрѣнію въ силу *чисто-формальныхъ каноническихъ основаній*;—судили не по совѣсти, а по буквѣ закона. Но и самый законъ, предъявляемый противъ Златоустаго, въ свою очередь подлежалъ критикѣ. Друзья Златоустаго основательно утверждали, что антиохійскій соборъ 341 г. былъ составленъ изъ аріанъ, что 5-й канонъ этого собора былъ сочиненъ нарочито противъ защитника православія, св. Афанасія александрійскаго, что этимъ канономъ освящается насиліе и что онъ вовсе не употреблялся въ послѣдующей церковной практикѣ и былъ преданъ забвенію. Самъ Златоустый отказался повиноваться рѣшенію епископскаго суда, хотя оно и было объявлено ему отъ царскаго имени. Онъ продолжалъ священнодѣйствовать, проповѣдывать и исполнять другія обязанности епископскаго служенія, окруженный вѣрнымъ и преданнымъ ему столичнымъ населеніемъ. Между тѣмъ императоръ и императрица прервали сношенія съ святителемъ и не являлись въ главный храмъ столицы даже въ такіе великіе праздники какъ въ Рождество и Пасху,—но не рѣшались еще дѣйствовать противъ Златоустаго открытою силою, быть можетъ опасаясь народнаго восстанія, или боясь особыхъ проявленій гнѣва небснаго, въ родѣ недавняго землетрясенія. Такое натянутое положеніе продолжалось около полугода (отъ декабря 403 г. до іюня 404 г.),

но оно не могло продолжаться вечно. Вооруженные схватки между царскими войсками и *иоаннитами* (такъ назывались приверженцы св. Иоанна) около Пасхи 414 г. показывали, что вопросъ долженъ быть рѣшенъ такъ или иначе. Въ такихъ обстоятельствахъ четыре епископа, наиболѣе враждебные Иоанну Златоустому (Абакій веррійскій, Антиохъ иттолемаидскій, Квиринъ халкидонскій и Северіанъ габальскій), рѣшились успокоить слабую душу Аркадія, принявъ на себя нравственную отвѣтственность за изгнаніе Златоустаго и повторили такимъ образомъ евангельскую исторію объ іудеяхъ, вопіявшихъ Пилату: *кровь Ею на насъ и чадъ нашихъ!* „Государь!“ говорили епископы Аркадію; „ты поставленъ царемъ отъ Бога, чтобы всѣ тебя слушались и ты творилъ то, что тебѣ благоугодно. Не будь милостивѣе пресвитеровъ и святѣе епископовъ! Мы говоримъ тебѣ предъ цѣлымъ свѣтомъ: мы беремъ на свои головы низложеніе Иоанноваго. Размысли объ этомъ, августѣйшій царь, и не губи всѣхъ, чтобы пощадить одного“. Этого было довольно. Аркадій рѣшился низложить св. Иоанна, и 20 іюня 404 г. Златоустый былъ отправленъ въ ссылку. Тотчасъ же послѣ удаленія св. Иоанна изъ столицы, вспыхнулъ пожаръ, испепелившій главную церковь столицы и громадное зданіе сената. Такъ какъ правительство причину пожара приписывало *иоаннитамъ*, то противъ нихъ было возбуждено жестокое преслѣдованіе, при чемъ самъ пресвитера и даже епископа не спасалъ отъ тѣлесныхъ истязаній. Положеніе самого св. Иоанна было также очень тяжело. Онъ былъ отправленъ на заточеніе въ армянскій городъ Кукузъ, гдѣ много страдалъ отъ суроваго климата и отъ горнаго народа исавровъ, которые своими набѣгами держали жителей Кукуза въ постоянномъ страхѣ. За то іоанниты, съ особеннымъ вниманіемъ и удовольствіемъ, отмѣчали тѣ событія, въ которыхъ видѣли руку Божію, карающую враговъ святаго. Враждебные Златоустому епископы умирали скорою и тяжелою смертію. Сама императрица Евдоксія, цвѣтущая молодостію и здоровьемъ, прожила только 3½ мѣсяца послѣ изгнанія Златоустаго. Она умерла 6 октября 404 г. въ тяжкихъ мученіяхъ, родивъ мертваго ребенка. Позднѣйшая суевѣрная легенда прибавляетъ, что императрица „живая червями ядома была, по смерти же ея 30 лѣтъ гробница ея тряслася“. Но предъ судомъ исторіи ранняя смерть Евдоксии служитъ для нея нѣкоторымъ оправданіемъ, потому что положеніе Златоустаго послѣ ея смерти не только не

улучшилось, но даже ухудшилось: слѣдовательно не она была единственною виновницею бѣдствій святителя.

Преемникомъ Златоустаго на столичной кафедрѣ былъ 80-лѣтній Арсакій, братъ прежняго архіепископа Нектарія, человекъ *красноречивый какъ рыба*. Правительство очевидно съ намѣреніемъ избрало слабого духомъ архіепископа, потому что сильный духомъ пришелся уже очень тяжелъ. Крайняя древность и незначительность Арсакія не мѣшала ему сурово преслѣдовать іоаннитовъ. Впрочемъ онъ прожилъ въ санѣ архіепископа только полгода. Преемникомъ Арсакія былъ Атиксъ человекъ болѣе способный, но не болѣе расположенный къ Златоустому. Напротивъ при Атиксѣ гоненія противъ іоаннитовъ усилились, и самому св. Іоанну присуждено было отправиться въ болѣе дальнюю ссылку, гдѣ бы его авторитетъ не могъ тревожить враждебныхъ ему іерарховъ, сидѣвшихъ на главныхъ кафедрахъ востока. Новымъ мѣстомъ заточенія Златоустаго былъ назначенъ городокъ Питіунтъ (нынѣшній Пидундъ) на сѣверовосточномъ берегу Чернаго моря. Суровые войны повели Златоустаго изъ Кукуза въ Пидундъ пѣшкомъ, подвергая его всѣмъ трудностямъ гористаго пути и переменливой погоды, обходя по возможности города и многочисленныя селенія. Но Златоустый не дошелъ до мѣста своего новаго заточенія. На пути онъ скончался въ г. Команахъ 14 сентября 407 г. Послѣднія слова Златоустаго были: *слава Богу за все!*

Къ чести христіанскаго міра нужно сказать, что знаменитый изгнанникъ не остался безъ друзей и покровителей. Кромѣ вѣрныхъ ему до конца діакониссъ, — каковы были Олимпіада, Пентадія, Емпруктія, Никарета, — кромѣ страдавшихъ за него до крови епископа Серапіона, пресвитера Тигрія и другихъ *іоаннитовъ*, — кромѣ многихъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, любезно относившихся къ изгнаннику, за него заступались предъ императоромъ и люди, болѣе независимые и вліятельные. Бывшій при Θεодосіѣ великомъ префектъ Константинополя, а потомъ подвижникъ синайскій Ниль писалъ къ имп. Арвадію слѣдующее: „несправедливо послалъ ты въ изгнаніе предстоятеля Византіи Іоанна, это великое свѣтило вселенной, по крайнему легкомыслію внявъ убѣжденіямъ не здраво мудрствующихъ епископовъ. Поэтому, лишивъ вселенскую церковь сего неповрежденнаго и чистаго ученія, не проживешь безъ скорбей“. Болѣе горячо заступался за св. Іоанна римскій папа Иннокентій, который вмѣстѣ съ западнымъ им-

ператоромъ Гоноріємъ предлагалъ созвать новый соборъ епископовъ для пересмотра дѣла о Златоустомъ. Аркадій оставилъ это предложеніе безъ отвѣта, а вскорѣ потомъ смерть Златоустаго положила конецъ всякимъ заботамъ о его возстановленіи. Аркадій и самъ не долго пережилъ Златоустаго; онъ умеръ 1 мая 408 года на 32 году отъ роду.

Мы можемъ закончить нашъ разсказъ объ Аркадіѣ двумя, въ сущности сходными, отзывами о немъ—новѣйшаго историка Финлея и современнаго Аркадію оратора Синезія, —впослѣдствіи епископа пентапольскаго. „Всѣ римскіе императоры“, говоритъ Финлей, — „до временъ Аркадія были военачальниками. Вождь, командующій арміею, долженъ въ нѣкоторой степени быть товарищемъ своихъ солдатъ, часто раздѣлять ихъ чувства и соображать ихъ взгляды и интересы съ своими собственными... Но со временъ Аркадія личная связь императора съ войскомъ прекратилась, и онъ сталъ одинаково относиться къ своимъ наемнымъ солдатамъ и къ облагаемымъ имъ податями подданнымъ. Глава имперіи утратилъ отнынѣ всякое понятіе объ общественномъ мнѣніи, за исключеніемъ проявленія его въ церкви, въ придворныхъ партіяхъ или въ амфитеатрѣ.“—Туже изолированность императора изображаетъ—хотя конечно по своему—и философъ Синезій въ рѣчи, произнесенной предъ имп. Аркадіемъ въ 399 г.,—вѣроятно съ значительными пропусками. Мы думаемъ даже, что при произношеніи пропущены были наиболѣе характерныя мѣста, которыя мы и приведемъ. „Ваше достоинство“, — говорилъ или по крайней мѣрѣ думалъ сказать Синезій Аркадію, „за которое вы опасаетесь, если бы вы давали возможность чаще себя видѣть, не менѣе бы было дорого для вашихъ подданныхъ. Держа себя въ заперти въ вашемъ дворцѣ, вы дѣлаетесь своими собственными плѣнниками; лишая себя возможности видѣть и слышать, вы теряете мудрые уроки опыта... Ваше существованіе подобно существованію полипа. Вы отвергаете обыкновенное человѣческое состояніе, не достигая однако совершенства, свойственнаго члвчвѣрку. Ибо тѣ, съ которыми вы имѣете общеніе въ ежедневной жизни и въ другихъ дѣлахъ ¹⁾ суть люди съ малою головою и малымъ умомъ, пастоящіе недоноски, несовершенныя произведенія природы, подобныя

¹⁾ Разумѣются конечно придворные евнухи.

лѣшнѣйшей монетѣ. Не зная радости и печали, они въ одно и тоже время радуются и плачутъ: ихъ жесты, крики, всякаго рода шутки помогаютъ вамъ тратить время... Глупыя рѣчи и смѣшныя слова лучше достигаютъ до вашихъ ушей, чѣмъ мысли мудрыя, исходящія изъ краснорѣчивыхъ устъ философа“. Не менѣе рѣзки заявленія Синезія и противъ царской пышности. „Во имя божества, которое управляетъ царями, выслушай меня терпѣливо, (ибо язвительна рѣчь моя!) Въ какое время, думаешь ты, римскія дѣла находились въ лучшемъ видѣ? Послѣ того ли какъ вы стали носить золотыя и пурпурныя одежды и проч.?.. Разнообразіемъ и пестротой цвѣтовъ вы сдѣлались, подобно павлину, предметомъ любопытнымъ для созерцанія.. Вы гордитесь своею ношею: вы походите на пльвиница, которыя, будучи закованы въ мѣдныя цѣпи, не сознаетъ своего несчастія; прельщенный блескомъ своихъ цѣпей, онъ не замѣчаетъ, какъ плачевна его пльвиническая жизнь... Мостовая и голая земля слишкомъ грубы для вашихъ нѣжныхъ ногъ; вы можете ходить только по золотому песку. Караваны и корабли съ большими издержками привозятъ вамъ изъ отдаленныхъ странъ этотъ драгоценный песокъ: многочисленное войско занимается его разбрасываніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, нужно, чтобы императоръ находилъ удовольствіе вездѣ, даже подъ своими ногами“. Приведенныхъ выдержекъ достаточно, чтобы представить себѣ образъ жизни императора, къ которому они прилагались.

Θеодосій младшій (408—450). Его сестра Пулхерія и жена Евдоксія. Ересь Несторія. III вс. соборъ. Состояніе имперіи при и. Θеодосіѣ. Ересь Евтихія.

По смерти Аркадія сдѣлался императоромъ семилѣтній сынъ его Θеодосій. Первое время онъ разумѣется могъ царствовать только по имени. Дѣлами государства завѣдывалъ добрый и разумный вельможа Анеміій (408—413), а самъ Θеодосій получалъ весьма тщательное воспитаніе подъ руководствомъ сестры своей Пулхеріи, которая впрочемъ только двумя годами была старше его. Но и пришедши въ возрастъ Θеодосій не много обнаружилъ самостоятельности. Онъ обладалъ многими качествами хорошаго епископа, но былъ лишень качества великаго государя. Онъ зналъ наизусть многія мѣста св. писанія, прилежно читалъ библейскихъ толкователей и любилъ богослов-

ствовать. Онъ строго соблюдалъ посты, особенно по средамъ и пятницамъ, — рано вставалъ и слушалъ богослуженіе съ своими сестрами, — такъ что дворецъ его походилъ на монастырь. Разъ, когда императоръ присутствовалъ на ипподромѣ, — поднялась сильная буря, одна изъ тѣхъ бурь, какія уже бывали въ этомъ году и угрожали произвести неурожай. Императоръ приказалъ удалить колесницы и пригласилъ подданныхъ къ молитвѣ; онъ первый началъ псалмопѣніе, бывшіе на ипподромѣ послѣдовали его примѣру, и ристалище угодилось храму. Современники рассказывали, что эта буря была послѣдняя въ то лѣто, что за тѣмъ погода улучшилась и вѣсто ожидаемаго неурожая было обиліе плодовъ земныхъ. Во время войны Θεодосій горячо молилъ Бога о побѣдѣ подобно Давиду, но не имѣлъ храбрости этого святого царя. Уваженіе императора къ духовному чину было такъ велико, что можетъ быть названо почти слабодушіемъ. Какой-то дерзкій монахъ, получивъ отъ Θεодосія отказъ въ своей просьбѣ, отлучилъ императора отъ церкви. Императоръ былъ такъ огорченъ этимъ, что отказался отъ принятія пищи, доколѣ отлученіе не будетъ снято. Тщетно увѣрялъ епископъ императора, что монахъ не имѣлъ никакого права налагать отлученія; императоръ оставался безъ пищи, до тѣхъ поръ, пока не получилъ прощенія отъ монаха, который самъ заслуживалъ наказанія. ¹⁾

Θеодосій имѣлъ довольно свѣдѣній въ литературѣ и наукахъ, — особенно въ астрономіи, — покровительствовалъ ученымъ, и самъ любилъ заниматься перепискою рукописей и рисованіемъ миниатюръ, такъ что подданные полу-насмѣшливо, полу-сниходительно прозвали его *каллиграфомъ*. Тихій, воздержный, неутомимый Θεодосій былъ образцомъ кротости и терпѣнія, но онъ умѣлъ лучше властвовать надъ своими страстями, чѣмъ надъ своими подданными. Мщеніе было ему незнакомо. „Не трудно,“ говорилъ онъ, „отнять жизнь у человѣка, но какъ скоро она отнята, уже поздно раскаиваться“. Ни одинъ смертный приговоръ не былъ приводимъ въ исполненіе въ резиденціи императора: помилованіе всегда предваряло казнь. — Трудолюбіе императора было такъ велико, что онъ не только работалъ днемъ, но посвящалъ труду и часть ночи! Но при столькихъ добродѣтеляхъ частнаго человѣка Θεодосія

¹⁾ Θεодорита церк. вст. V, 37.

былъ слабый государь. Онъ боялся войны и покупалъ миръ у варваровъ, нападавшихъ на имперію. Онъ не любилъ заниматься государственными дѣлами и часто подписывалъ указы не читая, вѣроятно не по лѣности, а просто по сознанію своей некомпетентности. Онъ не умѣлъ выбирать людей для государственныхъ должностей и придворные евнухи позволяли себѣ всевозможныя злоупотребленія въ его царствованіе. Греческій хроникеръ XVI в. Дороей монемвасійскій, бывшій въ Москвѣ въ 1591 г., сравниваетъ съ Θεодосіемъ младшимъ тогдашняго московскаго царя Θεодора Ивановича. *Царь Θεодоръ былъ человѣкъ смирный, но всему подобный Θεодосію младшему, простой, тихій.* Нѣтъ сомнѣнія, что Θεодосій младшій былъ даровитѣе московскаго царя Θεодора, но онъ не имѣлъ при себѣ такого искуснаго правителя, каковымъ былъ Борисъ Годуновъ.

Нѣкоторое время впрочемъ подобное руководщее значеніе имѣла при дворѣ Θεодосія сестра его Пулхерія. Изъ всѣхъ дѣтей и Аркадія одна Пулхерія наследовала сильныя дарованія своего великаго дѣда. Достигши 15-лѣтняго возраста, Пулхерія не побоялась принять на себя то государственное бремя, котораго не могъ нести ни ея отецъ, ни впоследствии ея братъ. 4 іюля 414 г. она приняла на себя титулъ *Августы*, тогда какъ другія двѣ сестры Аркадія и Марина довольствовались титуломъ *nobilissimae*. Пулхерія была тогда молода, красива, и хорошо образована: она свободно говорила и писала по-латыни и по-гречески. Чтобы застраховать себя отъ искупеній молодости, Пулхерія, вмѣстѣ съ обѣими сестрами, торжественно въ столичномъ храмѣ дала обѣтъ дѣвства, и увѣковѣчила его монументальною записью внутри храма. Отказавшись отъ всѣхъ утѣхъ молодости, Пулхерія дѣлила свое время между богомольемъ, благотворительностію и дѣлами государственными. Въ положенные часы она молилась вмѣстѣ съ своими сестрами, обѣдала съ ними и давала аудіенціи въ ихъ присутствіи. Она построила много церквей, монастырей, больницъ и страннопріимницъ и была весьма почитательна къ епископамъ. Собственно объ управленіи Пулхеріи языческой историкъ Евнапій отзывается довольно худо. Впрочемъ отъ него, какъ отъ язычника, другаго отзыва и ожидать нельзя. „При царицѣ Пулхеріи“, говоритъ Евнапій, „выставлялись на публичную продажу народы, (т. е. отдѣльныя провинціи), для желающихъ купить управленіе ими. Кто хотѣлъ грабить Геллеспонть, покупалъ Геллеспонть и т. д. Получившій въ управленіе народъ (т. е. ту или другую провин-

цію) чрезъ безгласныхъ глашатаевъ говорилъ каждому (т. е. обывателю провинціи)—на ухо, что онъ купилъ подчиненныхъ за столько-то; что было необходимо заплатить эту сумму или терпѣть неприятности, что имѣніе могло быть описано, жизнь отнята. Люди зажиточные и подлежащіе повинностямъ со вздохомъ вносили деньги; недостаточныхъ публично били бичами... Одержавшій такую кадміскую побѣду (т. е. самъ правитель области) былъ гораздо несчастнѣе. Онъ купилъ должность всѣмъ своимъ достаткомъ, а для защищенія себя отъ козвей и доносовъ приплачивалъ еще доходы, получаемые по должности. Всѣ дома пустѣли отъ такой уловки. Легко можно видѣть, какъ достатокъ начальниковъ описывался въ казну. *Деньги человека, получившаго начальство, принадлежатъ казнѣ.*“ Нужно замѣтить впрочемъ, что такой способъ взиманія доходовъ въ казну довольно обыченъ на востоцѣ.

Въ теченіе первыхъ 12 лѣтъ царствованія Θεодосія, вліяніе Пулхеріи на брата было безгранично. Она завѣдывала воспитаніемъ молодого императора. „Люди свѣдущіе“, говоритъ церк. историкъ Созоменъ, „учили его сидѣть на конѣ, владѣть оружіемъ и сообщали ему познанія въ наукахъ. Сама же сестра давала наставленія, какъ держать себя прилично и по—царски на выходахъ, показывала, какое слѣдуетъ надѣвать платье, какъ надобно сидѣть и ходить, воздерживаться отъ смѣха, быть то кроткимъ, то строгимъ, смотря по обстоятельствамъ, и прилично распрашивать просителей. Пулхерія не менѣе руководила его и къ благочестію, приучая постоянно молиться, посѣщать церкви, почитать іереевъ“ и т. д. Пулхерія выбрала брату супругу. Въ числѣ придворныхъ дѣвицъ, состоявшихъ при Пулхеріи въ томъ полуслужебномъ положеніи, какое нынѣ зовутъ должностию фрейлины, была дочь аѳинскаго философа Леонтія, Аѳинаида, отличавшаяся красотою и образованіемъ, и вскорѣ принявшая крещеніе съ именемъ Евдовіи. Она была лѣтъ на 5 старше Пулхеріи и состояла при ней около семи лѣтъ, доколѣ наконецъ Θεодосій достигъ совершеннолѣтія и Пулхерія убѣдила своего послушнаго брата жениться на Евдовіи. Бракъ былъ совершенъ 7 іюня 421 года; Θεодосію было тогда 20 лѣтъ, а Евдовіи около 27. Но и послѣ этого брака Пулхерія не хотѣла выпустить изъ своихъ рукъ власти надъ братомъ и невѣсткою, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ слѣдующій анекдотъ, сообщаемый почти всѣми греческими хронографами.— „Царь Θεодосій имѣлъ обычай не читая подписывать подаваемые ему хартіи. Узнавъ объ этомъ, мудрѣйшая се-

стра премудро схитрила надъ нимъ, подложивъ ему для подписи дарственную грамоту, по которой закрѣпошалась въ рабство Пулхеріи жена Θεодосіева Евдокія. Царь подписалъ, не читая, и впоследствии терпѣлъ горькую обиду отъ своей сестры Пулхеріи.“ Эта исторія приурочивается къ году свадьбы Θεодосія (въ сентябрю 421 г.) и сама въ себѣ служитъ доказательствомъ упадающаго вліянія Пулхеріи и ея не совсѣмъ одобрительныхъ усилій удержать за собою это вліяніе. Вліяніе Пулхеріи съ теченіемъ времени слабѣло все болѣе и болѣе и въ послѣдніе 10 лѣтъ царствованія Θεодосія дошло до нуля; но она должна была уступить не императрицѣ Евдокіи, которой опасалась, а презрѣнному внуку Хрисаею, который въ послѣдніе 10 лѣтъ жизни императора пользовался неограниченнымъ его довѣріемъ. Что же касается до Евдокіи, то она, послѣ 17-лѣтняго супружества выдавъ (29 окт. 437 г.) единственную дочь свою за римскаго императора Валентиніана, отправилась по обѣту на богомолье въ Іерусалимъ, и затѣмъ большую часть своей жизни (съ 440 г. до самой кончины въ 460 г.) проводила въ благочестивыхъ подвигахъ на святыхъ мѣстахъ Палестины. Политическое же вліяніе Евдокіи никогда не могло равняться съ вліяніемъ Пулхеріи. ¹⁾

Царствованіе Θεодосія младшаго не обошлось безъ новыхъ ересей. И на этотъ разъ предметомъ ересей было не ученіе о божествѣ Сына Божія и о св. Троицѣ, а вопросъ хринологическій: относительно соединенія во Христѣ двухъ естествъ, божескаго и человѣческаго. Современный изслѣдователь исторіи вселенскихъ соборовъ—А. П. Лебедевъ говоритъ: „Мы думаемъ, что не будь Несторія на свѣтѣ, споровъ хринологическихъ не было бы. Въ самомъ дѣлѣ по этому вопросу много уже было написано прекраснаго отцами церкви IV вѣка, но вопросъ отъ этого не приблизился къ уразумѣнію. Онъ превышалъ мысль человѣческую... Можно было довольствоваться тѣмъ, что уже сдѣлано по вопросу о лицѣ Богочеловѣка“. Вѣрность этого взгляда подтверждается свидѣтельствами современниковъ и участниковъ хринологическаго спора.

¹⁾ Позднѣйшая исторія, болѣе похожая на сказку, объясняя удаленіе императрицы отъ двора, повѣствуетъ о переходившемъ изъ рукъ въ руки яблокъ, благодаря которому и Θεодосій приревновалъ Евдокію къ нѣкому вельможѣ Паулину; но весь этотъ рассказъ, по справедливому замѣчанію Гиббона, годится только для *тысячи одной ночи*, гдѣ дѣйствительно можно найти нѣчто подобное.

Такъ римскій папа Целестинъ писалъ къ Несторію въ такихъ выраженіяхъ: „откуда пришло тебѣ желаніе направить свои рѣчи на такіе предметы, рѣшеніе которыхъ по началамъ разума есть нечестіе? зачѣмъ епископу проповѣдывать народу такое, чѣмъ ослабляется въ немъ благоговѣніе къ рожденію Дѣвы? Нечестивыми словами о Богѣ не должно возмущать чистоту древней вѣры. . Ибо вѣра, полно и ясно преданная намъ апостолами, не допускаетъ ни прибавленія, ни уменьшенія.“ — Точно также и Авакій, епископъ верійскій, въ письмѣ къ Кириллу александрійскому выражается о ереси Несторія такъ: „въ твоёмъ писаніи содержатся сіи слова: *еще въ самомъ началѣ не было надобности предлагать это ученіе.* Въ самомъ дѣлѣ, какую принесъ пользу Аполлинарій лаодикійскій, который думалъ быть великимъ борцомъ среди другихъ въ защиту правой вѣры?.. Надѣясь на свою мудрость и желая проложить какіе-то пути къ чистой и простой вѣрѣ Христовой по мѣстамъ непроходимымъ, не заставилъ ли онъ каеолческую церковь поставить его въ числѣ отступниковъ? Не видна ли крѣпкая разсудительность... въ словахъ, которыя сказаны однимъ изъ прежнихъ епископовъ (Василіемъ великимъ), желавшимъ остановить людей умныхъ отъ изслѣдованія того, что выше силъ человѣка? Его слова таковы: *тайну, какъ Отецъ родилъ Единороднаго, надобно чтить благоговѣйнымъ молчаніемъ о ней.* И продолжая свою бесѣду, онъ присоединилъ слова: *изслѣдованіе этого недоступно вѣстамъ небеснымъ, а не только человѣкамъ и уму человеческому.* Не сюда ли прямо относятся предостереженіе св. писанія, которое учитъ: *высшихъ себе не ищи*“ и проч. Бесплодность христологическихъ споровъ съ непрерываемою очевидностію доказывается еще и тѣмъ, что послѣ 30-лѣтнихъ преній халкидонскій соборъ рѣшилъ споръ формулою, что два естества въ Христѣ соединены *неразлучно, несмѣянно, нераздѣльно и неизмѣнно*, — формулою, которая говоритъ только вѣрѣ и памяти, но не разумѣнію человеческому. Судя по этому, всю эпоху христологическихъ споровъ можно бы признать напрасною тратою труда и времени, историческимъ эпизодомъ, не заслуживающимъ исторіи. Но что достойно было существованія, то достойно и изученія, — и вычеркнуть изъ исторіи V вѣка то, что относится къ догматическимъ спорамъ, — значило-бы — по выраженію Амедея Тьерри — отнять у нея жизнь и душу.

Видовникъ христологическихъ споровъ Несторій былъ родомъ сиріанинъ. Внѣшній ходъ его жизни напоминаетъ жизнь Златоустаго.

Также Несторій учился въ ораторской школѣ, основанной Ливаніемъ, также провелъ нѣсколько лѣтъ въ подвигахъ монашества, также сдѣлался потомъ пресвитеромъ въ Антиохіи и славился, какъ краснорѣчивый проповѣдникъ; и также совершенно нечаянно взятъ былъ съ антиохійскаго пресвитерства на столичную кафедру. Но этимъ и ограничивается сходство Несторія съ Златоустымъ; во всемъ остальномъ они различны до противоположности. Краснорѣчіе Несторія отличалось совершенно внѣшнимъ характеромъ. Несторій обладалъ величавой осанкой, полнымъ и звучнымъ голосомъ; отъ природы блѣдное и сухое лицо его, свѣтлый и глубокій взглядъ придавали всей его фигурѣ нѣчто такое, что во всѣ времена считалось принадлежностію оратора. Но у него не было дара сердечнаго убѣжденія и любви къ слушателямъ, чѣмъ былъ такъ богатъ св. Іоаннъ Златоустый; напротивъ Несторій былъ сухой и холодный фанатикъ, и, чуждаясь моральныхъ предметовъ проповѣди, любилъ останавливаться на вопросахъ догматическихъ, о которыхъ разсуждалъ притомъ безъ достаточной подготовки и осмотрительности, болѣе на основаніи собственнаго соображенія. „При изъясненіи св. писанія,“ говаривалъ Несторій, „я не справляюсь ни съ живыми, ни съ мертвыми.“

Ирраціональныя свойства Несторія обнаружались въ послѣдствіи. Въ 428 г., когда имп. Феодосій младшій и сестра его Пулхерія назначали Несторія на столичную кафедру, они думали видѣть въ немъ втораго Златоустаго. Несторій не замедлилъ показать себя. Въ день своего рукоположенія (10 апр. 428 г.) новопоставленный архіепископъ въ рѣчи къ императору съ свойственнымъ ему театральнымъ пафосомъ воскликнулъ: *императоръ! дай мнѣ землю, очищенную отъ еретиковъ, и я дамъ тебѣ за это небо. Помоги мнѣ истребить еретиковъ, и я помогу тебѣ истребить персовъ.* Этотъ тонъ фанатика и самозваннаго распорядителя судьбами Промысла разумѣется не позволялъ ожидать ничего добраго. Первые дѣйствія Несторія были также безразсудны, какъ и его слова. Дней чрезъ пять послѣ своего прибытія Несторій приказалъ раззорить аріанскую молельню. Это насиліе такъ раздражило аріанъ, что они сами подожгли ее и распространившійся пожаръ истребилъ и собѣднія строенія. Это обстоятельство доставило Несторію въ столичномъ населеніи прозвище *поджигателя* (*πυρκαϊός*.) Вліянію Несторія нужно приписать и послѣдовавшій чрезъ полтора мѣсяца (отъ 30 мая) указъ императора противъ еретиковъ. Еретики раздѣлены были въ указѣ на

разныя категоріи:—инымъ не дозволено только строить новыхъ храмовъ, инымъ позволено было имѣть храмы только въ селахъ, но не въ городахъ; наконецъ существованіе нѣкоторыхъ ересей (напр. манихейства) было совершенно воспрещено. Но не было такой безвредной ереси, которая была бы оставлена въ покое; подверглись преслѣдованію даже *четыредесятники*, вся вина которыхъ состояла въ томъ, что они, подобно іудеямъ, праздновали пасху въ 14 день писана. „Несторій“,—иронически говоритъ одинъ изъ тогдашнихъ писателей,—„заблаговременно принявъ мѣры, чтобы не существовало на свѣтѣ другихъ ересей, кромѣ его собственной“. Скоро этотъ бичъ еретиковъ и самъ сдѣлался еретикомъ, и какъ бы ни сурово казалось намъ преслѣдованіе, какому подвергся Несторій, нельзя не видѣть въ немъ праведнаго возмездія за его прежній фанатизмъ.

Хотя содержаніе хринологической ереси Несторія относилось въ вопросу, далекому отъ человѣческаго сознанія, тѣмъ не менѣе есть въ этомъ вопросѣ одна сторона, съ которой ересь Несторія была не только до очевидности понятна каждому простому византійцу, но и возбуждала противъ еретика народныя страсти. Мы разумѣемъ почитаніе Богоматери. Религіозно-эстетическое чувство христіанскаго міра всего болѣе находило себѣ удовлетвореніе въ поклоненіи Пречистой Дѣвы и Матери, и это поклоненіе Богоматери вслѣдствіе какихъ-то психологическихъ законовъ усиливалось все болѣе и болѣе по мѣрѣ развитія иночества. Въ частности Константинополь считалъ себя подъ особымъ покровительствомъ Богоматери. Неудивительно поэтому, что жители столицы вообще, и монахи въ особенности, чутко прислушивались ко всему, что касалось до почитанія Богоматери, и считали за непосредственную обиду себѣ всякое умаленіе чести своей небесной заступницы. Предъ такимъ-то обществомъ Несторій не стѣснялся проповѣдывать, что святую Дѣву не слѣдуетъ называть Богородицею, а только *Христородицею*, что нельзя признавать Богомъ 2-мѣсячнаго младенца, питающагося сосцами и т. под. А одинъ изъ приближенныхъ Несторія е. Дороеей дошелъ даже до такой смѣлости, что воскликнулъ въ храмѣ: „кто скажетъ, что Марія мать Бога,—анаема!“ Понятно какое раздраженіе противъ Несторія должно было возникнуть въ столицѣ послѣ такихъ заявленій. Лица духовныя еще сдерживались фанатическою суровостію патріарха, который не стѣснялся подвергать бичеванію или извергать изъ клира людей, подсудныхъ ему, но не со-

гласныхъ съ нимъ. Какъ на безнаказанный, хотя и военный протестъ противъ догматствованія Несторіева можно указать на панегирическую проповѣдь епископа Прокла на одинъ изъ Богородичныхъ праздниковъ (вѣроятно на 25 марта 429 г.), наполненную похвалами Богоматери. — Міряне, почитатели св. Приснодѣвы, были смѣлѣе. Особенно отважно выступалъ противъ Несторія одинъ адвокатъ, по имени Евсевій (впослѣдствіи епископъ дорилейскій), который даже опубликовалъ тезисы, въ коихъ сравнивалъ ученіе Несторія съ осужденнымъ церковію ученіемъ еретика III вѣка Павла самосатскаго. Впрочемъ подобные противники не были страшны Несторію, доколѣ на его сторонѣ стоялъ императоръ, императрица и важнѣйшіе сановники двора. Противъ Несторія была только сестра императора Пулхерія, впрочемъ почти потерявшая къ тому времени вліяніе и на своего брата и на дѣла имперіи. Позднѣйшее извѣстіе сообщаетъ, что Несторій вооружилъ противъ себя Пулхерію, укоровъ дѣвственную царевну за ея платоническія чувства къ одному вельможѣ.

Не изъ Константинополя, а изъ Александріи поразилъ Несторія первый ударъ. На александрійской патриаршей кафедрѣ сидѣлъ тогда св. Кириллъ, племянникъ предшествоващаго патриарха Теофила, — человекъ, умѣвшій очень мягко говорить и очень круто дѣйствовать. Кириллъ уже заявилъ твердость и рѣзкость своего характера изгнаніемъ іудеевъ изъ Александріи и борьбою съ префектомъ Александріи Орестомъ. Значительное число подчиненныхъ епископовъ, множество послушныхъ Кириллу монаховъ и находившихся въ его распоряженіи *нараболянъ* (санитаровъ), а равно и богатства александрійской кафедры, наслѣдованныя послѣ разрушенныхъ языческихъ капищъ, дѣлали св. Кирилла лицомъ весьма сильнымъ и вліятельнымъ не только въ церковномъ, но и въ политическомъ отношеніи. Предубѣжденіе противъ столичной кафедры, внушаемое отчасти духомъ соперничества, было наслѣдовано Кирилломъ отъ дяди и предшественника. Если съ трудомъ согласился св. Кириллъ на посмертное оправданіе св. Іоанна Златоустаго, то само собою разумѣется, что александрійскій первосвященникъ не могъ покрывать снисхожденіемъ дѣйствительныя вины патриарха столичнаго. Получивъ извѣстіе о еретическихъ обнаруженіяхъ Несторія, св. Кириллъ не сталъ безмолвствовать. Онъ немедленно отправилъ по этому вопросу письма къ императору Θεодосію съ супругою, къ самому Несторію, къ сестрѣ императора августѣ Пулхеріи, къ рим-

своему папѣ Целестину, къ антиохійскому патріарху Іоанну, и къ старѣйшему изъ тогдашнихъ восточныхъ іерарховъ Акакію берійскому. Самая обширность этой переписки говоритъ о томъ, какъ горячо св. Кирилль отнесся къ еретичеству Несторія. Но не всѣ письма были приняты одинаково. Несторій во внушительныхъ письмахъ св. Кирилла увидѣлъ ничто иное, какъ выраженіе личной вражды къ себѣ и имѣлъ нѣкоторое основаніе думать такъ, потому что спорныя мнѣнія, отъ которыхъ св. Кирилль предлагалъ отречься Несторію, были изложены первымъ въ формѣ 12 анаематизмовъ. Императоръ также отнесся къ перепискѣ св. Кирилла съ предубѣжденіемъ, обративъ особенное вниманіе на то, что Кирилль писалъ особо ему съ императрицею и—особо его сестрѣ, августѣ Пулхеріи. „Ты знай,“ писалъ императоръ, „что ты все смутилъ, какъ не слѣдовало бы. И нисколько не дивно, что преступившій мѣру не остановился въ нападеніи на церкви и священниковъ, но и относительно насъ повѣрилъ кое-чему, недостойному нашего благочестія. Ибо, какая была причина—иное писать къ намъ и къ супругѣ моей благочестивѣйшей августѣ Евдокии, и—иное къ сестрѣ моей, благочестивѣйшей августѣ Пулхеріи, если ты не думалъ, что мы находимся въ разногласіи или надѣялся произвести разномысліе между нами—письмами своими? Если бы такое разномысліе и было на самомъ дѣлѣ, то изъ любопытства узнавать о немъ человѣку, столько отъ насъ отдаленному, совершенно предосудительно. А если не было разногласія, то желать проиъзвестъ его свойственнѣе всякому другому, чѣмъ лицу священному“.

Напротивъ того, другой соперникъ константинопольской кафедры, римскій папа Целестинъ сочувственно отнесся къ борьбѣ св. Кирилла противъ Несторія, и уполномочилъ александрійскаго патріарха быть въ этой борьбѣ своимъ представителемъ. Антиохійскій патріархъ Іоаннъ держался направленія примирительнаго и склонялъ Несторія уступить, особенно въ употребленіи слова *Θεοτοκος*. Таково было настроеніе вліятельнѣйшихъ лицъ христіанскаго міра, когда появилась императорская грамота, созывавшая епископовъ на соборъ въ Ефесѣ ко дню пятидесятницы (7 іюня) 431 года. Особенно усердно былъ приглашаемъ на соборъ блаж. Августинъ, е. иппонійскій, но пригласительная царская грамота уже не застала въ живыхъ великаго западнаго учителя (+28 августа 430 г.), голосъ котораго на соборѣ—быть можетъ—имѣлъ бы очень важное значеніе.

Два главныхъ противника св. Кирилль и Несторій еще до собора

размѣнялись анаеematизмами и анти-анаеematизмами, въ которыхъ высказали открыто и рѣшительно свое разногласіе. Оба они надѣялись одержать побѣду и потому явились на соборъ заблаговременно. Несторій надѣялся на поддержку императора и придворныхъ вельможъ, Кирилль — на общее сочувствіе христіанскаго народа и большинства іерархіи. Несторія сопровождало 16 епископовъ и другъ его вельможа Иринеи; Кирилль прибылъ въ сопровожденіи 50 епископовъ и множества египетскихъ монаховъ, параболанъ и александрійцевъ. Такъ какъ Ефесъ считался мѣстопребываніемъ Богоматери въ послѣдніе годы ея жизни и городомъ, состоящимъ подъ ея особеннымъ покровительствомъ, то мѣстный епископъ Мемнонь рѣшительно сталъ на сторону св. Кирилла, какъ защитника Пресвятой Дѣвы. Антиохійскій патріархъ Іоаннь не слѣзнулъ на соборъ. Прибылъ уже императорскій комиссаръ комитъ Кандидіанъ, который, не вмѣшиваясь въ споры, долженъ быть представлять собою на соборѣ особу императора; прошелъ назначенный для открытія собора день пятидесятницы (7 іюня), прошло еще около двухъ недѣль, а Іоаннь съ своими епископами, хотя и приближался къ Ефесу малыми переходами, хотя и прислалъ на соборъ нѣсколькихъ передовыхъ епископовъ, (въ томъ числѣ Теодорита кирскаго), но самъ еще не явился. Выступъ съ Гефеле можемъ думать, что замедленіе Іоанна было намѣренное. „Вѣроятно“, разсуждаетъ Гефеле, „патріарху Іоанну не хотѣлось лично присутствовать при осужденіи своего прежняго клирика и друга Несторія“. Но послѣдующая исторія показала, что Іоаннь вовсе не былъ такъ безучастенъ къ Несторію и не считалъ его дѣла въ такой степени безнадежнымъ; поэтому мы считаемъ нужнымъ предположить другую причину замедленія патріарха антиохійскаго. Іоаннь вѣроятно разсчитывалъ, что на первыхъ соборныхъ засѣданіяхъ Кирилль и Несторій вступятъ между собою въ борьбу съ равными силами и убѣдятся только въ невозможности одолѣть другъ друга; и желалъ явиться на соборѣ съ своими епископами въ то время, когда противныя стороны, утомленныя бесполезными преніями, охотнѣе поддадутся его примирительнымъ усиліямъ, согласнымъ конечно и съ волею императора, созвавшаго соборъ. Но если Іоаннь разсчитывалъ такимъ образомъ, то онъ вдвойнѣ ошибался. Во 1-хъ разногласіе между Кирилломъ и Несторіемъ было не таково, чтобы подлежало примиренію. Споръ шелъ не о словахъ только. Дѣло шло о цѣлой системѣ христіанскаго вѣроученія, которая не мирилась съ

словомъ *Θεῶτοκος*. Это слово,—по выраженію одного западнаго ученаго,—было какъ бы *шибболетъ* (Суд. 12, 6), отличительная примѣта праваго вѣроученія,—и имѣло въ догматическихъ спорахъ V вѣка ту же силу, какую въ аріанскихъ спорахъ имѣло слово *ὁμοούσιος*. Какъ св. Аѳанасій твердою защитою слова *ὁμοούσιος* отстаивалъ христіанское ученіе о божествѣ Слова, такъ св. Кириллъ твердою защитою слова *Θεῶτοκος* отстаивалъ православное ученіе о вочеловѣченіи Слова. Современники понимали это, когда называли св. Кирилла *вторымъ Аѳанасіемъ*. Если бы даже Несторій согласился на уступки, то Кириллъ также заподозрилъ бы его искренность, какъ въ свое время св. Аѳанасій не вѣрилъ искренности аріанъ, формальнымъ образомъ принимавшихъ никейскій символъ съ своими подразумѣваніями. Во 2-хъ Іоаннѣ не принялъ во вниманіе рѣшительнаго характера св. Кирилла, и никакъ не ожидалъ, что св. Кириллъ, воспользовавшись удобнымъ случаемъ, сразу кончитъ борьбу съ Несторіемъ однимъ сильнымъ ударомъ. Но случилось именно то, чего не ожидалъ патріархъ антиохійскій, если дѣйствительно предлагалъ Кириллу начать соборныя засѣданія до его прибытія.

Въ понедѣльникъ 22 іюня 431 г. утромъ св. Кириллъ, Мемнонъ епископъ ефесскій и другіе православные епископы, числомъ не менѣе 160, собрались въ ефесскомъ соборномъ храмѣ Богородицы съ цѣлію открыть соборныя засѣданія. Тщетно 68 епископовъ иного образа мыслей протестовали противъ открытія собора до прибытія Іоанна антиохійскаго съ восточными епископами. Тщетно императорскій комитъ Кандидіанъ являлся въ храмъ Богородицы, именемъ императора убѣждая собравшихся епископовъ разойтись. Появленіе Кандидіана послужило только къ тому, что епископы просили его прочесть *священную грамоту*, т. е. царскій указъ, излагавшій права и обязанности коммиссара на соборѣ, и за тѣмъ предложили свѣтлѣйшему комиту удалиться, заявивъ, что будутъ имѣть разсужденіе о вѣрѣ. Прочтеніе царской грамоты было признано какъ достаточная формальность, обозначившая собою легальное начало собора. Такъ какъ соборъ состоялъ изъ лицъ, совершенно единомысленныхъ, то на немъ не могло быть ни борьбы, ни недоумѣній, ни задержекъ. Когда Несторій послѣ троекратнаго приглашенія отказался придти на соборъ, гдѣ онъ съ своими сторонниками составлялъ бы только ничтожное меньшинство, то рѣшено было судить еретика заочно. Прочтенъ былъ никейскій сим-

вомъ, переписка св. Кирилла съ Несторіемъ и по дѣлу Несторія, выслушаны словесныя заявленія нѣкоторыхъ епископовъ относительно еретичества Несторія, и въ концѣ концовъ епископы провознесли противъ Несторія „хотя не безъ горькихъ слезъ слѣдующее горестное опредѣленіе“: *Господь нашъ Іисусъ Христосъ, на котораго онъ изрыгалъ хулы, устами сего святѣйшаго собора опредѣляетъ лишить его епископскаго сана и отлучить отъ общенія церковнаго.*

Все это было дѣломъ одного соборнаго засѣданія, продолжавша цѣлый день до глубокой ночи. Толпы народа восторженно привѣтствовали расходившихся съ собора защитниковъ пресвятой Дѣвы и озарили путь ихъ свѣтильниками. На другой день (23 іюня) опубликованъ былъ соборный приговоръ *Несторію новому Іудѣ*, низлагавшій его и лишавшій всякой церковной степени.

Вышеизложенное первое засѣданіе и представляетъ собою то, что извѣстно въ исторіи подъ именемъ *третьяго вселенскаго собора*. Подъ предсѣдательствомъ св. Кирилла было еще шесть засѣданій въ присутствіи прибывшихъ вскорѣ легатовъ римскихъ, но эти засѣданія не имѣютъ такого значенія, какъ первое, и главнымъ образомъ посвящены оправданію и защитѣ того, что сдѣлано на первомъ засѣданіи. Скоро оказалось, что отстоять *дѣланіе* соборнаго засѣданія 22 іюня—было гораздо труднѣе, чѣмъ составить оное. Несторій тотчасъ же послалъ императору жалобу на Кирилла и Мемнона, какъ открывшихъ соборъ самовольно, вопреки настояніямъ императорскаго комиссара Кандидіана. Іоаннъ антиохійскій, прибывъ въ Ефесъ уже послѣ приговора надъ Несторіемъ и обманувшись въ своихъ ожиданіяхъ выступить въ качествѣ посредника и примирителя, естественно былъ крайне огорченъ. Ему оставалось или присоединиться къ рѣшенію собора, состоявшемуся безъ его участія,—или попытаться передѣлать все съизнова совмѣстно съ своими восточными епископами. Сомнѣнія въ выборѣ быть не могло. Чувства старой пріязни къ Несторію и досады на Кирилла, совѣты раздраженныхъ противниковъ Кирилла, надежда на поддержку со стороны свѣтской власти побудили Іоанна рѣшиться составить отдѣльный соборъ, который естественно долженъ былъ стать въ оппозицію къ собору, состоявшему подъ предсѣдательствомъ св. Кирилла. Такимъ образомъ одновременно въ одномъ городѣ образовалось два собора епископовъ, враждебные другъ къ другу,—изъ которыхъ каждый считалъ себя святымъ, православнымъ, вселенскимъ и собравшимся

на основаніи одной и той-же пригласительной царской грамоты. Численность обоих соборовъ была не одинакова. Подъ предсѣдательствомъ св. Кирилла было болѣе 200 епископовъ; соборъ подъ предсѣдательствомъ Іоанна едва насчитывалъ 43 членовъ. Желая ослабить это неблагопріятное для себя обстоятельство, Іоаннъ и его сторонники въ посланіи къ императору такъ отзываются о членахъ собора Кириллова: „Пришло 50 изъ Египта, 40 подъ предводительствомъ Мемнона-тирана (т. е. епископа ефесскаго) изъ Азіи, 12 еретиковъ изъ Памфили, называемыхъ мессаліанами, и т. д.; всѣ они составляютъ толпу, не знающую божественныхъ догматовъ и способную только производить шумъ и возмущеніе“. И еще: „вышеупомянутые (т. е. Кириллъ и Мемнонъ) пришли со множествомъ, уповая на него только, а не на истину и правоту догматовъ, и множествомъ хотять достигнуть исполненія своихъ намѣреній, выиграть дѣло множествомъ подписей. Но мы, повинувась вашему велѣнію и убѣжденные, что и немногихъ людей достаточно для изслѣдованія догматовъ, пришли сюда только трое отъ каждой провинціи“.—Мѣсто для засѣданій того и другого собора тоже было не одинаково. Соборъ подъ предсѣдательствомъ Кирилла засѣдалъ въ великолѣпномъ храмѣ Богоматери: для Іоанна же и восточныхъ епископовъ негостепріимнымъ хозяиномъ Мемнономъ епископомъ ефесскимъ были закрыты всѣ храмы и священныя зданія. Наконецъ и содержаніе опредѣленій того и другого собора служить прежде всего выраженіемъ личной неприязни членовъ. Іоаннъ съ восточными епископами низложилъ Кирилла и Мемнона, съ лишеніемъ епископства и отлученіемъ отъ всякаго церковнаго священнаго дѣяствія, какъ *зачинщиковъ и вождей всякаго безпорядка и беззаконія*, и отлучалъ прочихъ участниковъ собора, пока не раскаются. Соборъ Кирилла съ своей стороны отлучилъ Іоанна и восточныхъ епископовъ.

Императоръ Феодосій, получивъ вмѣсто одного собора два, и притомъ взаимно противоположныя, естественно оказался въ крайнемъ затрудненіи. Борьба, которую вели Кириллъ и Іоаннъ и ихъ сторонники въ Ефесѣ, была перенесена ко двору и депутаты отъ обоихъ соборовъ были вызваны въ Халкидонъ для личныхъ объясненій предъ императоромъ. На сторонѣ Кирилла стояли сестра императора Пулхерія и множество столичныхъ иноковъ и клириковъ; на сторонѣ Іоанна—многіе впатѣйшіе сановники двора. Слабодушный императоръ склонялся то на ту, то на другую сторону. Сначала онъ былъ предубѣжденъ противъ Кирилла

и, предполагая возможнымъ изъ двухъ соборовъ составить одинъ, приказалъ взять подъ стражу вождей противоположныхъ сторонъ, съ одной стороны Кирилла и Мемнона, а съ другой—Несторія. Но потомъ мало по малу мысли императора склонились въ пользу опредѣленія, состоявшагося на первомъ засѣданіи ефесскаго собора. Подъ какими вліяніями совершилась эта перемѣна,--опредѣлить трудно. Несомнѣнно, что много помогли въ этомъ случаѣ константинопольскіе иноки, которые, имѣя во главѣ престарѣлаго архимандрита Далмата, до этого случая 48 лѣтъ не выходившаго изъ монастыря, отправлялись при пѣніи антифоновъ и въ сопровожденіи толпы народа къ царскому дворцу, чтобы склонить самодержца на защиту Приснодѣвы. Но употреблялись и инныя средства. „Приверженцы Кирилла,“ писали восточные епископы, отправившіеся депутатами къ императору отъ собора Іоаннова, „всѣхъ увлекли насиліемъ, обманомъ, ласкательствомъ, дарами.“ Оставившаяся на послѣднемъ пунктѣ обвиненія, который подтверждается достовѣрными свидѣтельствами, мы можемъ повторить слѣдующее замѣчаніе Гефеле: „о дарахъ Кирилла нужно судить не по нашимъ, а по восточнымъ нравамъ и понятіямъ. Тамъ никто безъ подарка не смѣетъ обратиться къ высокопоставленному лицу, какъ бы ни была справедлива просьба. Подарки на востокѣ неизбѣжны, но не всѣ подарки суть подкупы: пужно дарить и для того, чтобы провести правое дѣло.“ Какъ бы то ни было, но въ концѣ концовъ императоръ распустилъ ефесскій соборъ. То, что было сдѣлано подъ предсѣдательствомъ св. Кирилла, осталось ненарушимымъ. Освобожденный изъ-подъ стражи, св. Кириллъ прибылъ въ Александрію 30 октября 431 г. и городъ принялъ его съ величайшимъ восторгомъ и честію.

Не такова была судьба Несторія. Императоръ, который такъ горячо защищалъ его прежде, совершенно охладѣлъ къ нему, когда увидалъ, что эта защита бесполезна и возбуждаетъ противодѣйствіе въ народѣ и большинствѣ іерархіи. Участь Несторія становилась все хуже и хуже. Сначала онъ былъ отправленъ на жительство въ монастырь св. Евпрепія близъ Антиохіи, откуда вышелъ на патріаршество,—потомъ по указу императора присужденъ ко всегдашнему изгнанію въ Пѣтру (въ Аравіи); сочиненія его обречены на сожженіе, а послѣдователи наименованы *симоніанами* въ память Симона волхва, съ которымъ впрочемъ Несторій не имѣлъ ничего общаго. Злоключенія Несторія этимъ не кончились. Скоро онъ былъ переведенъ въ такъ на-

называемый *большой оазис*, находившийся на краю пустыни, въ патриархатѣ его недруга св. Кирилла, былъ захваченъ въ плѣнъ пустынными кочевниками *влемміями*, отпущенъ ими на произволъ судьбы, какъ человекъ старый и ни къ чему негодный, самъ прибѣлъ на границы имперіи и сдался пограничному чиновнику, который, не имѣя никакихъ инструкцій о Несторіѣ, переводилъ его съ мѣста на мѣсто, доколѣ наконецъ Несторіѣ не умеръ отъ старости и изнуренія, испытавъ на себѣ всю тягость релігіозныхъ преслѣдованій, къ которымъ онъ во время своего благополучія такъ настойчиво приглашалъ свѣтское правительство.

Распуская ефесскій соборъ, и. Θεодосій не могъ не сознать, что успокоеніе церкви рѣшительно не достигнуто. Сторонники и противники св. Кирилла оставили Ефесъ во взаимномъ другъ противъ друга раздраженіи. Восточные епископы на возвратномъ пути составили между собою въ Тарсѣ одинъ, а достигши Антиохіи—другой соборъ, гдѣ постановили снова низложить Кирилла и протестовали противъ низложенія Несторія. Въ такомъ положеніи дѣло оставаться не могло и императоръ долженъ былъ употребить всѣ мѣры для того, чтобы воспрепятствовать образованію великаго раскола. Разъ ставши на сторону Кирилла, императоръ естественно долженъ былъ оказать давленіе на восточныхъ епископовъ, чтобы побудить ихъ къ миру и единенію съ Кирилломъ. Посланный отъ императора трибунъ Аристолай объявилъ и Кириллу, и Іоанну непрѣмѣнную волю самодержца, *чтобы всякая распря была прекращена и вездѣ водворился миръ церквей Гожіихъ*. Такъ какъ обѣ стороны основнымъ базисомъ для своего догматствованія полагали никейскій символъ, то соглашеніе между ними на почвѣ догматической было возможно и дѣйствительно состоялось,—при чемъ восточные епископы пожертвовали своимъ сочувствіемъ къ Несторію и—скрѣпя сердце—вступили въ общеніе съ св. Кирилломъ. Соединеніе въ догматствованіи было засвидѣтельствовано перепискою между Іоанномъ и св. Кирилломъ,—но чувство личнаго раздраженія осталось и впоследствии чрезъ 12 лѣтъ, когда скончался св. Кириллъ (+ 444 г.), одинъ изъ знаменитѣйшихъ восточныхъ епископовъ блаженный Θεодоритъ кирскій нацутствовалъ александрійскаго святителя слѣдующимъ некрологомъ. „Наконецъ поздно и насилу умеръ злой человекъ. Ибо добрые и благодѣтельные переселяются туда прежде времени, а злые живутъ долго. А его несчастнаго Правитель душъ нашихъ не оставилъ

Подобно другимъ долѣе наслаждаться тѣмъ, что нравится,—но, зная злобу сего мужа, ежедневно возрастающую и вредившую тѣлу церкви, отрѣзалъ какъ бы какую-нибудь язву и отгялъ поношеніе отъ сыновъ Израиля. Отшествіе его обрадовало живыхъ, но опечалило—быть можетъ—умершихъ, и можно опасаться, какъ бы они, слишкомъ отягченные его сообществомъ, опять не отослали его къ намъ, или какъ бы онъ не убѣждалъ отъ провожатыхъ, подобно тирану циника Лувіана. Итакъ нужно позаботиться и какъ можно поскорѣе приказать общинѣ могильщиковъ—положить какой-нибудь величайшій и тяжелѣйшій камень на могилу Кирилла, чтобы онъ опять сюда не пришелъ и снова не сталъ доказывать нетвердыя мнѣнія. Пусть возвѣщаетъ новые догматы находящимся въ аду и пусть тамъ разглагольствуетъ днемъ и ночью, какъ хочетъ. Я радуюсь и улаждаюсь, видя общество церковное освобожденнымъ отъ такой заразы; но печалюсь и рыдаю, помышляя, что онъ, жалкій, не успокоился отъ золь, но умеръ, покушаясь на большія и худшія. Но Богъ видитъ и не презрѣлъ: Онъ положилъ узду на его уста и удила на его губы, и возвратилъ въ землю, изъ которой онъ взятъ⁴. Спустя слишкомъ сто лѣтъ, когда канонизація св. Кирилла и значеніе ефесскаго собора, какъ III-го вселенскаго, достаточно утвердились въ церковномъ сознаніи, императоръ Юстиніанъ подвергъ церковному суду Теодорита и другихъ давно умершихъ уже противниковъ св. Кирилла, позволявшихъ себѣ противъ него рѣзкія литературныя выходки,—которыя и осуждены были на V вселенскомъ соборѣ.

Гражданскія дѣла восточной имперіи и благосостояніе ея жителей въ 42-лѣтнее царствованіе Теодосіа были довольно удовлетвори- тельны. Правда бывалъ и голодъ, (422, 423, 431 г.) и моръ, (446 г.) и землетрясенія, (422, 423, 437, 447, и 450 г.) и пожары (433, 446 г.); была и война съ персами, начатая въ защиту персидскихъ христіанъ и окончившаяся довольно удачно (422 г.). Появился на сѣверныхъ предѣлахъ имперіи *бичъ Божій*, предводитель гунновъ Атила.—Гунны находились тогда въ такомъ же отношеніи къ восточной римской имперіи, въ какомъ нынѣ русскіе—къ Турціи; то есть могли вторгнуться въ имперію и съ европейской и съ азиатской стороны. При отцѣ Теодосіа Аркадіи гунны дѣйствительно произвели опустошительный набѣгъ на азиатскія области восточной имперіи, а при Теодосіѣ напали

на нее съ европейской стороны (443 и слѣд. г.) и нанесли войскамъ Θεодосія сильное поражение при Херсонесѣ еракійскомъ (447 г.) Отбиться отъ гунновъ можно было только при помощи своихъ домашнихъ варваровъ готевъ, — что представляло также своего рода неудобства. Θεодосій предпочиталъ откупаться отъ Аттилы золотомъ, и однажды пытался даже избавиться отъ гуннскаго вожда съ помощью наемнаго убійцы, — (448 г.) по неудачно. Но всѣ бѣдствія и опасности восточной имперіи были ничтожны въ сравненіи съ тѣмъ отчаяннымъ положеніемъ, въ какомъ находилась тогда западная римская имперія.

Неспособный дядя Θεодосія младшаго, западный императоръ Гонорій, умертвивъ (408) своего опекуна Стилихона, единственнаго человека, могшаго спасти имперію, принужденъ былъ изъ укрѣпленной Равенны сложить руки смотрѣть, какъ готы подѣ начальствомъ Алариха въ 410 г. взяли и разграбили Римъ. Преемникъ Алариха Атаульфъ заставилъ Гонорія выдать за него сестру свою Плацидію. По смерти Атаульфа (410) Плацидія вышла замужъ за военачальника Констанція, который принялъ титулъ *августа* (421 г.) Овдовѣвъ во второй разъ, Плацидія разсорилась съ своимъ братомъ Гоноріемъ и принуждена была удалиться съ своими дѣтьми въ Константинополь. Θεодосій младшій принялъ тетку любезно, помогъ ей послѣ скорой смерти Гонорія (423 г.) возвратиться въ Италію и воцариться въ западной римской имперіи вмѣстѣ съ 6-лѣтнимъ сыномъ Валентиніаномъ III-мъ, который былъ обрученъ съ единственною дочерью Θεодосія. Царствование Плацидіи наполнено кровавою исторіей борьбы двухъ полководцевъ Аэція и Бонифація. Оба они были люди съ достоинствами, но взаимная вражда заставляла ихъ совершенно забывать объ интересахъ государства, которому оба они должны были служить. Бонифацій, приводимый Аэціемъ въ немилость у императрицы, пригласилъ вандаловъ въ Африку, и они опустошили Карфагенъ и другіе африканскіе города съ такою звѣрскою жестокостію, что совѣтъ почти исключили изъ предѣловъ христіанства и цивилизаціи эти нѣкогда цвѣтущія мѣста, гдѣ жили и учили Тертуліанъ, Кипріанъ и Августинъ. Примирившись за тѣмъ съ императрицею, Бонифацій не могъ уже изгнать вандаловъ изъ Африки, но вмѣсто того имѣлъ битву съ Аэціемъ, въ которой былъ смертельно раненъ (432). Потерявъ Бонифація, Плацидія должна была снова довѣряться Аэцію, помощь котораго была существенно необходима, потому что имперіи грозилъ страшный Аттила. Здѣсь исторія усложняется

однимъ обстоятельствомъ романческаго свойства. Дочь Платидіи Гонорія отличалась страстною натурою, и потому мать поступала съ нею необыкновенно строго. Наконецъ Гонорія получила титулъ *ауусты*, но подъ условіемъ оставаться безбрачною всю жизнь. Чтобы избавиться отъ тяжкаго надзора, Гонорія предложила царю гунновъ свою руку, послала ему кольцо. Атила потребовалъ отъ западнаго императора Валентиніана не только согласія на бракъ, но и часть имперіи въ приданное за Гонорією и, получивъ отказъ, двинулся на западъ. Въ Галліи на поляхъ Каталаунскихъ въ 451 г. произошла кровопролитная битва, кончившаяся тѣмъ, что гунны и ихъ союзники были отбиты. Въ слѣдующемъ 452 году Атила двинулся въ Италію, но недостатокъ съѣстныхъ припасовъ и болѣзни, постигшія гунновъ въ нездоровыхъ мѣстностяхъ на берегахъ рѣки По, были причиною того, что Атила послушался увѣщаній посланнаго къ нему для переговоровъ римскаго папы Льва и рѣшился возвратиться въ Паннонію. Преданіе объясняетъ это чудомъ и говоритъ, что, по молитвамъ папы Льва, Атилѣ явились апостолы Петръ и Павелъ, и угрожали ему судьбою Алариха, умершаго вскорѣ послѣ разграбленія Рима, если онъ пойдетъ къ Риму. Къ счастью для имперіи Атила умеръ на слѣдующій (453) годъ.

Въ 454 г. имп. Валентиніанъ собственноручно убилъ знаменитаго полководца Авдія, а въ слѣдующемъ году и самъ погибъ отъ руки одного изъ придворныхъ Максима, который провозгласилъ себя императоромъ и насильно взялъ за себя Евдоксію, вдову Валентиніана и дочь Θεодосія. Евдоксія обратилась съ просьбою о помощи къ ворулю вандаловъ Гейзериху, который не замедлилъ явиться въ устьяхъ Тибра, рассчитывая на богатую добычу: Посольство папы Льва, нѣкогда убѣдившаго Атилу возвратиться во-своихи, не могло остановить царя вандаловъ. 14 дней вандалы грабили Римъ, захватили съ собою множество сокровищъ и произведеній искусства, (большая часть которыхъ погибла во время морскаго пути въ Африку) и множество плѣнныхъ, въ числѣ которыхъ была и императрица Евдоксія съ своими дочерьми. Имп. Θεодосій II не дожидъ до несчастія видѣть свою единственную дочь плѣнницею вандаловъ, но дожидла до этого ея мать Аэтинанда—Евдокія.

Изъ внутреннихъ дѣлъ правленія Θεодосія наиболѣе замѣчательны: устройство высшаго училища въ Константинополѣ и изданіе кодекса законовъ. Намъ нужно бы рассказать здѣсь еще о ереси Евти-

хія, обнаружившейся въ концѣ царствованія Θεодосія, но, чтобы не нарушать цѣльности разсказа, мы относимъ повѣствованіе о монофизитскихъ ошаркахъ къ слѣдующему царствованію, когда они получили завереніе на соборѣ халкидонскомъ.

**Императоръ Маркіанъ—супругъ Пулхеріи (450—457). IV
Вселенскій соборъ въ Халкидонѣ.**

Въ 450 г. Θεодосію младшему минулъ 51 годъ. Благодаря утѣрпной жизни Θεодосій былъ бодръ и крѣпокъ и могъ надѣяться на долготѣіе; но печальное приключеніе было причиною его смерти. Возвращаясь 20 іюня съ богомолья, императоръ упалъ съ лошади, переломилъ себѣ спинной хребетъ и умеръ на слѣдующую же ночь. Не смотря на ярость императора, нельзя думать, чтобы подданные много жалѣли о его смерти. Люди, слабые умомъ и характеромъ, никогда не бываютъ такъ жалки и вмѣстѣ вредны, какъ въ то время, когда мечтаютъ дѣйствовать самостоятельно. Это случилось и съ Θεодосіемъ въ послѣдніе годы его жизни. Онъ удалилъ отъ себя двухъ талантливыхъ женщинъ, составлявшихъ силу и украшеніе его царственного дома, жену Евдокію и сестру Пулхерію, и довѣрился внухамъ, изъ коихъ особенно извѣстны Антиохъ и Хрисафій, отличавшіеся духомъ грабительства. Во вѣншей политикѣ Θεодосія обнаружилась робость и низость (въ этому времени относится попытка убить Аттилу чрезъ подкупнаго убійцу); въ церковныхъ дѣлахъ—склоненіе къ ереси. Даже въ сферѣ столицныхъ развлеченій, доставляемыхъ ипподромомъ, Θεодосій обнаружилъ одностороннее пристрастіе въ зеленымъ и несправедливое притѣсненіе голубымъ.

Θеодосій не оставилъ послѣ себя наследника. Изъ двухъ царственныхъ женщинъ, имѣвшихъ права на престолъ, Евдокія давно уже жила въ почетной ссылке, предаваясь подвигамъ благочестія на святыхъ мѣстахъ Палестины; Пулхерія также находилась въ сторонѣ отъ дѣлъ, будучи заключена Хрисафіемъ въ монастырь, но она по крайней мѣрѣ жила въ столицѣ и имѣла въ свою пользу народную память о ея прежнемъ благополучномъ управленіи. Какъ бы то ни было, но Пулхерія воцарилась и однимъ изъ первыхъ дѣлъ ея была казнь внуха Хрисафія. Другимъ дѣломъ немедленно по воцареніи было избраніе народу царя и себѣ супруга. Обѣтъ дѣвства и преклоненія

кѣта Пулхеріи (52 года) не позволяли ей избрать супруга дѣйстви-
тельнаго. Мужень былъ супругъ номинальный. Удобнымъ для этой
цѣли оказался вдовый, благочестивый и очень не молодой военачаль-
никъ Маркіанъ, которому Пулхерія отдала корону и свою руку съ
условіемъ быть ея мужемъ только по имени. Необыкновенное и пе-
сидальное возвышеніе Маркіана дало поводъ къ составленію разныхъ,
исполняющихъ греческіе хронографы, легендъ о чудесныхъ приключе-
ніяхъ, якобы предназначавшихъ его будущее величіе. Но послѣдую-
щая исторія показала, что тайна возвышенія Маркіанова заключалась
не въ чудесныхъ предназначеніяхъ, а въ его благородномъ и муже-
ственномъ характерѣ, который былъ вѣрно оцѣненъ Пулхеріею.

Для характеристики Маркіана достаточно приведемъ два его изре-
ченія, опредѣляющія его внѣшнюю политику. *Государь*, говорилъ Мар-
кіанъ, *долженъ воевать только тогда, когда нѣтъ возможности со-
хранить миръ*. Но тотъ же Маркіанъ на высокочинное требованіе Ат-
тлы относительно уплаты дани отвѣчалъ, что у него *есть золото для
другой, и мечъ для враговъ*, и гордый варваръ не рѣшился нанести на
квантійскую имперію.

Въ церковной исторіи Маркіанъ съ Пулхеріею особенно знаме-
нитъ созваніемъ IV вселенскаго собора, для осужденія ереси моно-
физской. Чтобы выяснить исторію этой ереси, нужно начать раз-
сказъ съ послѣднихъ годовъ царствованія Феодосія II. Основатель мо-
нофизтской ереси Евтихій представляетъ собою любопытный обра-
зокъ еретика по неволѣ. Евтихій былъ старый монахъ, носившій зва-
ніе архимандрита, заключившійся въ стѣнахъ одного столичнаго мона-
стыря, оказавшій ревность по православію во время ереси Несторіе-
вой и вѣроятно и во снѣ не мечтавшій самъ сдѣлаться когда-либо ере-
сенаральникомъ. Но обстоятельства, которыя бываютъ сильнее кале-
вѣка, выдвинули Евтихія противъ его воли на историческую сцену и
оставили ему громкую и печальную извѣстность. Въ исторіи Несторіи-
намъ памятенъ адвокатъ Евсевій, бывшій по своей охотѣ горячимъ
оппонентомъ Несторія. Впослѣдствіи этотъ Евсевій сдѣлался епископомъ
дорицкимъ, но не утратилъ своихъ адвокатскихъ наклонностей, т. е.
охоты къ возбужденію судебныхъ преслѣдованій. Этотъ-то Евсевій и
подавалъ дѣло о ереси Евтихія. Въ 448 г. въ Константинополѣ подъ
предсѣдательствомъ столичнаго патріарха Флавіана имѣлъ свои засѣ-
данія небольшая соборъ, состоявшій изъ 32 епископовъ и изъ дѣископиковъ

архимандритовъ. Соборъ этотъ принадлежалъ къ числу обычныхъ епископскихъ собраній для совѣщанія о текущихъ церковныхъ дѣлахъ. На этомъ соборѣ Евсевій епископъ дорилейскій выступилъ съ прошеніемъ слѣдующаго содержанія: „приважьте Евтихію архимандриту явиться на соборъ и защищаться въ томъ, въ чемъ я его обвиняю. Я готовъ обличить его, что онъ притворно носитъ имя православнаго.“ Евсевій объяснялъ при этомъ, что онъ былъ другомъ Евтихіа и какъ другъ хорошо знаетъ образъ его мыслей; что по дружбѣ увѣщевалъ его не разъ и не два отстать отъ заблужденія, но безъ успѣха. На предложеніе членовъ собора еще разъ попытаться вразумить Евтихіа частнымъ образомъ, Евсевій отвѣчалъ, что еще разъ отправиться къ Евтихію это значить еще разъ вставить себя услышать хульные рѣчи этого еретика (какъ будто, вызывая Евтихіа на соборный судъ, Евсевій не долженъ былъ ожидать тогоже самаго).

Въ наше время не обратили бы вниманія на доносъ Евсея, какъ на голословный и бездоказательный: много-много, если опредѣлили бы принять его на всякій случай къ свѣденію. Но въ тотъ вѣкъ обвиненіе въ ереси было слишкомъ важно, — да и самъ Евсевій, какъ старшій адвокатъ, былъ не такой человекъ, чтобы позволить не дать хода своему заявленію. „Мнѣ известна ревность обличителя“, говорилъ предѣдатель собора патриархъ Флавіанъ; „самый огонь кажется ему холоднымъ по причинѣ ревности о благочестіи“. Какъ бы то ни было, но Евтихіи былъ вызванъ на судъ собора. Сначала онъ отрекался идти, отыкаясь, что онъ и старъ, и хилъ, и далъ обѣтъ жить въ монастырѣ, какъ въ гробѣ, и уполномочивая дружественнаго себѣ архимандрита Авраамія согласиться съ опредѣленіями нивейскаго и ефесскаго соборовъ и съ изложеніемъ вѣры св. Кирилла; — наконецъ и самъ явился на соборъ. Во все время судопроизводства надъ Евтихіемъ, Евсевій находился въ крайнемъ волненіи, опасаясь, какъ бы не оказаться ложнымъ доносчикомъ. „Я обвинялъ его не за будущее, а за прошедшее“, говорилъ Евсевій. „Теперь, еслибы кто-нибудь понесъ ему правильное изложеніе вѣры и сказалъ бы: *подпишись и согласишься по необходимости*, то неужели поэтому долженъ я считаться побѣжденнымъ? Скажи заключеннымъ въ темницѣ — *отнынѣ не разбойничайте*, — и всѣ они общаются.“ „Если я окажусь клеветникомъ, то потеряю санъ“, говорилъ Евсевій въ другой разъ. „Я боюсь гоненія отъ Евтихіа: я бѣденъ, ничего не имѣю, а онъ богатъ, онъ гро-

зять мнѣ ссылкой; онъ уже назначилъ мнѣ и мѣсто ссылки (оазисъ въ Египтѣ)". Къ счастью для Евсевія и къ несчастію для церкви, Евтихій не выразилъ на соборѣ ни полного отрицанія приписываемой ему ереси, ни полного раскаянія въ ней; правда онъ соглашался съ догматствованіемъ отцовъ собора, но соглашался какъ то вяло и принужденно, выражаясь напримѣръ такъ: „до сего дня я не признавалъ этого; въ началѣ я не училъ такъ; а теперь говорю это, потому что ваша святость такъ говоритъ.“ Но соборъ не удовлетворился такимъ вынужденнымъ признаніемъ православія, и расудивъ, что *по принужденію нѣтъ отрывъ*, отлучилъ Евтихія отъ церкви, лишивъ его архимандритства и пресвитерства.

На доносы по дѣламъ церковнымъ, точно также какъ на доносы политическіе, можно смотрѣть съ разныхъ точекъ зрѣнія. Неудивительно, что нашлись люди, сожалѣвшіе о Евтихіѣ и считавшіе его жертвою неумѣстной ревности Евтихія. Да и самъ Евтихій, послѣ своего осужденія, быть можетъ расудивъ, что ему уже терять болѣе нечего, рѣшился протестовать и искалъ себѣ опоры, гдѣ только могъ, у папы, у александрійскаго патріарха, у имп. Θεодосія. Надежда не обманула Евтихія. Императоръ Θεодосій созвалъ въ 449 г. для пересмотра дѣла Евтихіева большой соборъ въ Ефесѣ подъ предсѣдательствомъ Діоскора, патріарха александрійскаго ¹⁾. Судьи Евтихія, Флавіанъ и Евсевій, явились на этомъ соборѣ какъ подсудимые и были лишены епископства и священства, а Евтихію возвращено пресвитерство и архимандритство. Соборъ по причинѣ господствовавшего на немъ пристрастія и насилія, носитъ въ церковной исторіи прозваніе *разбойничьяго*. Патріархъ константинопольскій Флавіанъ умеръ чрезъ нѣсколько дней послѣ своего осужденія,—какъ гласитъ преданіе, вслѣдствіе побоевъ, нанесенныхъ ему буйными монахами, бывшими на соборѣ. Если такъ, то удивительно, почему уцѣлѣлъ главный обвинитель Евтихія, Евсевій дорилейскій, противъ котораго на ефесскомъ соборѣ было сильное раздраженіе, выразившееся въ возгласахъ: *возми*,

¹⁾ Во избѣжаніе жалобъ на неправильное и случайное составленіе большинства епископовъ, императоръ вызывалъ по 10 митрополитовъ и по 10 епископовъ изъ 6 провинцій имперіи: такимъ образомъ всѣхъ отцовъ собора имѣло быть 120. На дѣлѣ ихъ было 135.

*сознати Евсеіа! оішоу да соіжеіетсѣ, да разсѣіетъ будетъ по по-
ламъ и т. д.*

Разбойничій соборъ не былъ признанъ римскою каедрю. Летагы римскіе не подписались подъ соборными опредѣленіями и скрылись съ собора бѣгствомъ. Римскій папа Левъ протестовалъ противъ собора разбойничьяго и требовалъ пересмотра его опредѣленій. Онъ самъ писалъ объ этомъ имп. Θεодосію младшему и убѣдилъ ходатайствовать о томъ же западнаго императора Валентиніана III, его мать Платидію и жену его Евдоксію. Всѣ ходатайства были тщетны. Императоръ Θεодосій отвѣчалъ, что рѣшеніе собора Діоскорова правильно и неизмѣнно. Скорая и неожиданная смерть Θεодосіа дала церковнымъ дѣламъ новый оборотъ.

Здѣсь мы считаемъ необходимымъ обратить вниманіе на догматическую сторону церковныхъ споровъ, изложить которую съ надлежащею опредѣленностію довольно трудно, потому что догматическіе борцы, двѣгая обвиненія въ ереси, не имѣли мужества прямо высказывать всѣ логически вытекающіе изъ ихъ положеній выводы, и старались скрыть свои мысли въ туманѣ недомолвокъ и подраумѣваній. Основное положеніе, служившее исходнымъ пунктомъ для христологическихъ споровъ, должно быть обозначено такъ: „Христосъ Спаситель міра, Посредникъ между Богомъ и людьми, естъ вмѣстѣ и Богъ и человекъ; ибо, только будучи Богомъ, онъ могъ понести на себѣ всю тяжесть грѣховъ человечества и, только будучи человекомъ, могъ увести людямъ искупительные плоды своихъ страданій.“ Таково было общее вѣрованіе и убѣжденіе всего христіанскаго міра. Но разногласіе возникло при обсужденіи болѣе частныхъ вопросовъ объ отношеніи во Христѣ двухъ естествъ—божескаго и человеческого. Образъ соединенія ихъ во Христѣ всѣ признавали непостижимымъ. Но относительно міра и времени этого соединенія возможны были и давались въ дѣйствительности три отвѣта,—два крайнихъ и одинъ средний. Одни утверждали, что Христосъ былъ болѣе человекомъ, чѣмъ Богъ и прежде сталъ человекомъ, чѣмъ сдѣлался Богомъ. Таковъ былъ Несторій, утверждавшій, что онъ не можетъ признать Богомъ 2-хъ мѣсячнаго младенца, питающагося сосцами. О времени, когда божество присоединилось въ Христѣ къ человечеству, Несторій умалчиваетъ, хотя съ своей точки зрѣнія онъ совершенно логически могъ утверждать вмѣстѣ съ древними воостниками, что божество соединилось во Христѣ съ человечествомъ, напр.

въ моментъ вѣщенія. Другіе—такъ называемые *монофизиты*, исходя изъ идеи о несоизмѣрности челоуѣчества съ божествомъ, утверждали, что челоуѣчество по необходимости должно исчезнуть въ божествѣ, какъ исчезаетъ капля въ бездѣрномъ океанѣ, такъ что послѣ соединенія двухъ естествъ во Христѣ осталось только одно естество божеское. Когда совершилось это,—монофизиты умалчиваютъ, но противники ихъ, во имя идеи о вѣчности и творческой силѣ божества, не безъ основанія навязываютъ имъ мысль, якобы *Богъ Слово принесъ съ собою плоть съ неба*. — Между этими двумя крайностями среднюю занимало православное большинство, которое крѣпко держалось термина *Вѣстокозъ*, какъ своего знамени, и благоговѣннымъ почитаніемъ Богоматери опредѣляло свое положеніе и свое догматизированіе во все время христологическихъ споровъ. Съ почитаніемъ Богоматери одинаково не мирилось какъ несторіанство, такъ и монофизитство. Достоинство пресвятой Дѣвы одинаково умалчалось, а) если признавалось, что отъ нея родился Христосъ-челоуѣкъ, и б)—если признавалось, что Богъ-Слово, принесши плоть съ неба, имѣлъ ее—такъ сказать—фигтурною матерію. Благоговѣнное почитаніе Богоматери требовало признавать, что Христосъ былъ вмѣстѣ и Богъ и челоуѣкъ, и что оба естества совмѣщались въ немъ съ самаго момента непорочнаго зачатія. Если будемъ опредѣлять мѣстности, гдѣ господствовала несторіанская, монофизитская и православная догматика, то должны будемъ сказать, что въ антиохійскомъ патріархатѣ была наклонность къ несторіанству, въ александрійскомъ—къ монофизитству, а Римъ и Константинополь твердо держались православія и почитанія Богоматери. Если взглянемъ на отношеніе лицъ царствующаго дома къ христологическимъ спорамъ, то найдемъ, что Феодосій младшій и его жена Евдоксія разновременно ударялись изъ одной крайности въ другую, изъ несторіанства—въ монофизитство, Пулхерія же постоянно, твердо и стойко держалась православія и почитанія Богоматери. Понятно, какой оборотъ должно было принять дѣло монофизитовъ послѣ воцаренія Пулхеріи.

Римскій папа Левъ всегда былъ проповѣдникомъ средняго царскаго пути между несторіанствомъ и монофизитствомъ. Еще до собора Діоскорова въ іюнѣ 449 года папа Левъ такъ писалъ къ августу Пулхеріи: „сколько Несторій отпалъ отъ истины, когда утверждалъ, что Христосъ родился отъ Дѣвы Маріи только челоуѣкомъ, столько же и

Евтихій удалился отъ каеолическаго пути, когда не вѣрить, чтобы отъ той же Дѣвы Маріи произошло наше существо, желая такимъ образомъ понимать, что оно было существо одного божескаго естества, такъ что... имѣло лишь нѣкоторое подобіе съ нашею природою, а самой дѣйствительности ея вовсе не содержало*. Пулхерія и сама была совершенно однихъ мыслей съ папою Львомъ, но во время написанія вышеприведеннаго письма не имѣла никакой силы. Иное дѣло, когда она воцарилась вмѣстѣ съ Маркіаномъ. Образъ мыслей новыхъ властителей выразился прежде всего въ канонизации бывшаго патріарха к-скаго Флавіана, пострадавшаго на соборѣ Діоскоромъ. Тѣло Флавіана было перенесено въ столицу и положено во храмѣ св. апостоловъ. Вслѣдъ за тѣмъ императоръ въ маѣ 451 г. назначилъ собраніе епископовъ—къ 1 сентября того же года, но не въ Италиі, какъ желалъ этого папа Левъ, а въ Никее. Изъ Никей впрочемъ собраніе епископовъ было скоро переведено въ Халкидонъ поближе къ столицѣ, такъ какъ императоръ желалъ имѣть постоянныя и точныя свѣдѣнія о ходѣ соборныхъ засѣданій. Неурядицы, бывшія на предшествующихъ соборахъ, особенно на Діоскоромъ, оправдывали правительство въ его желаніи имѣть ближайшій надзоръ за ходомъ дѣлъ на соборѣ, и этотъ правительственный контроль сталъ обычнымъ на всѣхъ послѣдующихъ соборахъ. Засѣданія собора начались 8 окт. 453 г. и продолжались по 1 ноября. Число епископовъ на халкидонскомъ соборѣ было весьма велико; и достигало вмѣстѣ съ епископскими уполномоченными до 630.—Но какъ замѣчательное нововведеніе можетъ быть отмѣчено то, что наряду съ епископами засѣдали съ правомъ голоса 17 императорскихъ вельможъ, имѣвшихъ весьма существенное вліяніе на ходъ соборныхъ засѣданій. Задача собора была тройная: судебная, догматическая и каноническая,—и во всѣхъ трехъ отношеніяхъ соборъ халкидонскій сдѣлалъ много важнаго.

а) Къ величайшему удивленію мы не видимъ на соборѣ Евтихія; онъ не вызванъ въ числѣ подсудимыхъ и даже имя его почти не

1) По другимъ извѣстіямъ отцевъ халкидонскаго собора было 520; но соборнымъ дѣланіямъ можно насчитать только 360. Всѣ отцы собора были изъ восточной имперіи, кромѣ 4 папскихъ легатовъ и 2 случайныхъ пришельцевъ изъ Африки.

упоминается,—новое доказательство того, что Евтихий не был горячим ересiarхомъ и пропагандистомъ ереси, а только еретикомъ по неволѣ, лицомъ второстепеннымъ, случайно попавшимъ въ исторію. Но неугомонный Евсевій, епископъ дорилейскій, первый поднявшій дѣло о Евтихій, и теперь выступаетъ какъ обличитель противъ Діоскора, заявляя, что Діоскоръ оскорбилъ и *убилъ* его, равно какъ убилъ Флавіана, патр. в—скаго. Императорскіе сановники, наблюдавшіе за правильнымъ ходомъ дѣлопроизводства на соборѣ, предложили прочесть *дѣянія* собора константинопольскаго (448 г.), бывшаго подъ предсѣдательствомъ Флавіана, и собора ефесскаго (449 г.), бывшаго подъ предсѣдательствомъ Діоскора. При чтеніи этихъ *дѣяній* многіе епископы, бывшіе сами участниками ефесскаго собора, выяснили неправильный и насильственный образъ дѣйствій Діоскора, какъ предсѣдателя. „Сдѣлано было насиліе“,—свидѣтельствовали епископы—„насиліе съ побоями и мы подписали пустую бумагу, на которой послѣ и написано осужденіе Флавіана и Евсевія. Намъ угрожало осужденіе, намъ угрожала ссылка; воины стояли съ палками и мечами, и мы были приведены въ страхъ ими. Гдѣ палки и мечи, каковой тутъ соборъ!“ „Всѣ мы согрѣшили, всѣ мы просимъ прощенія!“ восклицали отцы бывшаго ефесскаго собора. Конечно, выясняя такимъ образомъ исторію ефесскаго собора, вышеупомянутые отцы и сами не обнаруживали въ себѣ присутствія высокихъ доблестей, и Діоскоръ съ приверженцами имѣлъ основаніе возразить имъ: „христіанинъ никого не боится!“ и еще: „такъ какъ они говорятъ, что, не слышавъ никакихъ разсужденій и постановленій, просто подписались на предложенной имъ пустой бумагѣ, то имъ не слѣдовало и подписываться“. Но для Діоскора отпаденіе его прежнихъ сообщниковъ имѣло роковое значеніе. Цѣлыми толпами оставляли его единомысленные прежде съ нимъ епископы и переходили съ правой стороны собора на лѣвую: съ Діоскоромъ осталось только нѣсколько египетскихъ епископовъ. Тщетно Діоскоръ сталъ бы искать для себя гдѣ-либо защиту и поддержку. Правительство было противъ него, такъ какъ имѣло свѣдѣнія, что Діоскоръ въ своемъ патриархатѣ старался противодѣйствовать воцаренію Маркіана; римская каеэдра, дотолѣ всегда поддерживавшая александрійскую, была также противъ Діоскора, ибо онъ на ефесскомъ соборѣ пренебрежительно отвесся въ папскимъ легатамъ, не допустилъ чтенія догматическаго посланія папы Льва и даже предалъ папу отлученію. Этого грѣха не могъ простить

и забыть папа Левъ. Къ довершенію несчастія Діоскорова, люди недобольные имъ въ его патриархатѣ нашли совершенно благовременнымъ и удобнымъ подать собору свои обвиненія и жалобы на Діоскора. Его обвиняли въ корыстолюбіи, жестокости и въ несообразной съ саномъ епископскимъ жизни. 1) И Діоскоръ палъ подъ бременемъ общаго нерасположенія, конечно заслуженнаго. Онъ былъ осужденъ на лишеніе сана и сосланъ въ пафлагонскій городъ Гангры.

б) Установленіе правильнаго догматическаго опредѣленія по христологическому вопросу было второю задачею халкидонскаго собора. Догматическое посланіе папы Льва, которое было вовсе не читано на соборѣ Діоскоровомъ, теперь не только было прочитано, но легло въ основу соборнаго опредѣленія. Когда между членами собора возникли догматическія недоразумѣнія, въ настоящее время неизвѣстныя, а можетъ быть и въ свое время не выясненныя,—то императорскіе савонники предложили отцамъ собора категорическій вопросъ: „кому сѣдуетъ святѣйшему Льву или Діоскору?“ Отвѣтъ на этотъ вопросъ объединилъ членовъ собора. *Какъ Левъ, такъ и мы спруемъ, воскликнули отцы собора; противоречащiе естихианисты, Левъ изложилъ православно.* Согласно съ догматическимъ посланіемъ папы Льва было составлено соборное вѣроопредѣленіе, существенную часть котораго приводимъ въ подлинникѣ. Ἐπόμενοι τοίνυν τοῖς ἀγίοις πατέραςιν ἕνα καὶ τὸν αὐτὸν ὁμολογεῖν υἱὸν τὸν κυρίον ἡμῶν Ἰησοῦν Χριστὸν συμφώνως ἅπαντες ἐκδιδάσκωμεν, τέλειον τὸν αὐτὸν ἐν θεότητι καὶ τελειὸν τὸν αὐτὸν ἐν ἀνθρωπότητι, θεὸν ἀληθῶς καὶ ἀνθρώπον ἀληθῶς, τὸν αὐτὸν ἐκ ψυχῆς λογικῆς καὶ σώματος, ὁμοούσιον τῷ πατρὶ κατὰ τὴν θεότητα καὶ ὁμοούσιον τὸν αὐτὸν ἡμῖν κατὰ τὴν ἀνθρωπότητα, κατὰ πάντα ὁμοίον ἡμῖν, χωρὶς ἁμαρτίας, πρὸ αἰώνων μὲν ἐκ τοῦ πατρὸς γεννηθέντα κατὰ τὴν θεότητα, ἐπ' ἐσχάτων δὲ τῶν ἡμερῶν τὸν αὐτὸν δι' ἡμᾶς καὶ διὰ τὴν ἡμετέραν σωτηρίαν ἐκ Μαρίας τῆς παρθένου τῆς θεοτόκου κατὰ τὴν ἀνθρωπότητα, ἕνα καὶ τὸν αὐτὸν Χριστὸν, υἱὸν, μονογενῆ, ἐκ δύο φύσεων ἀσυγχύτως, ἀτρέπτως, ἀδιαίρετως, ἀχωρίστως γνωριζόμενον.

2) Въ доносѣ діакона Исхаріона упоминается, будто бы образъ жизни епископа въ Александріи вошелъ въ притчу. Μαλιστα ἡ περιβόητος Πανσόφια ἢ καλουμένη Ὀρεῖνη (быть можетъ Εἰρήνη), περὶ ἧς καὶ πολυάνθρωπος τῆς Αλεξανδρείου δημοσ ἀφῆκε φώνην, αὐτῆς τε καὶ τοῦ εραστοῦ μεμνήμενος. Что же это за притча (φωνὴ δήμου)? Гиббонъ догадывается, не къ Діоскору ли относится слѣдующій каламбуръ:

Εἰρήνη πάντεσσιν ἐπίσκοπος εἶπεν ἐπελθὼν,
Πῶς δόναται κάσιν, ἦν μόνος ἔνδον ἔχει;

Въ засѣданіи 25 октября послѣдовало торжественное утверждение вѣроопредѣленія. Явился императоръ Маркіанъ съ императрицею Пулхеріею и съ многочисленною свитою, провзнесъ собору рѣчь на официальномъ латинскомъ языкѣ, тотчасъ же пересказанную по-гречески, и по прочтеніи вѣроопредѣленія спросилъ: „пустъ скажетъ св. соборъ, по согласію ли всѣхъ епископовъ провозглашено прочитанное теперь опредѣленіе? „Отцы собора единогласно воссылакнули: *естъ такъ вѣруемъ, естъ такъ мудрствуемъ. Маркіану новому Константину, новому Павлу, новому Давиду многая мѣта; вы—миръ вселенной; вы—свѣтила православія. Господи, сохрани свѣтими вселенной! Пулхерія—новая Елена, ты явила ревность Елены! Несторію, Евтихію и Diosкору—анагематъ Троица извергла троихъ!*

в) Но составленіемъ догматическаго вѣроопредѣленія дѣятельность собора еще не кончилась. Въ заключеніе составлено нѣсколько каноническихкихъ правилъ, между которыми наиболѣе знаменито послѣднее 28-е, косвеннымъ образомъ направленное противъ римскаго папы. Постараемся объяснить, почему такъ вышло. Положеніе римскаго папы Льва на IV вселенскомъ соборѣ было руководящее и господствующее. По его настояніямъ былъ созванъ соборъ. Его догматическое посланіе служило какъ бы краеугольнымъ камнемъ для соборныхъ обсужденій и рѣшеній. Самъ папа не былъ на соборѣ, но его легаты занимали первое мѣсто. Для многочисленныхъ отцевъ восточной церкви, составлявшихъ IV всел. соборъ, а всего болѣе для столичнаго патріарха константинопольскаго, таковой подавляющій авторитетъ папы не могъ казаться пріятнымъ, удобнымъ и желательнымъ. Послѣ того какъ на догматическомъ полѣ пришлось безусловно согласиться съ папою,—естественно у восточныхъ іерарховъ явилось желаніе ограничить папу по крайней мѣрѣ *канонически*, чтобы предупредить дальнѣйшее расширеніе его власти на будущее время. Этимъ и объясняется составленіе на халкидонскомъ соборѣ знаменитаго 28 правила, по которому каедрa Константинополя, новаго Рима, уравнивалась съ каедрою стараго Рима, такъ что во вселенской іерархіи константинопольскій патріархъ слѣдовалъ непосредственно за папою римскимъ. Правда константинопольскому патріарху усвоилось второе мѣсто, но только потому что не могло быть—два первыхъ. ¹⁾

¹⁾ Это же 28 правило халкидонскаго собора имѣетъ нѣкоторое отношеніе и къ русской исторіи. Юрисдикціи в-скаго патріарха подчинялись по-

Римскіе легаты протестовали противъ этого правила. Папа выражалъ сильное неудовольствіе на это правило и объявлялъ, что уничтожаетъ его властію св. Петра; громко жаловался на патріарха Анагноія, котораго обвинялъ въ неблагодарности и гордости, и грозилъ ему отлученіемъ. Твердость имп. Маркіана, не обращаваго вниманія на неудовольствіе и угрозы папы, заставила наконецъ папу Льва понизить тонъ и успокоиться.

Халкидонскимъ соборомъ не былъ положенъ конецъ христологическимъ спорамъ. Разложеніе византійской имперіи уже начиналось, и сепаративныя стремленія, наиболѣе сильныя на окраинахъ имперіи и имѣвшія себѣ основу въ національностяхъ, тѣмъ не менѣе сообразно духу времени силились найти себѣ выраженіе и оправданіе въ догматическомъ разногласіи.

Въ Палестинѣ явился бывший на халкидонскомъ соборѣ александрійскій монахъ Θεодосій и сталъ утверждать, что соборъ искажилъ вѣру и зналъ въ несторіанство. Θεодосій нашелъ себѣ поддержку у проживавшей на святыхъ мѣстахъ вдовствующей императрицы Евдокии, на догматическія убѣжденія которой—быть можетъ—вляло скрытое нерасположеніе къ царствующей императрицѣ Пулхеріи. Привлекши на свою сторону до 10000 палестинскихъ монаховъ, Θεодосій при помощи ихъ овладѣлъ Іерусалимомъ, возсѣлъ на іерусалимскую кафедру, и властвовалъ

28 правилу діоцезы понтійскій, асійскій и еракійскій, гдѣ патріарху предоставлялось поставять митрополитовъ, а равно и епископовъ варварскихъ областей въ указанныхъ выше діоцезахъ (разумеются епископы автокефальные, т. е. независимые отъ ближайшаго митрополита.) Позднѣйшіе греческіе канонисты такъ толкуютъ это правило, будто бы соборъ халкидонскій предопредѣлилъ во власть патріарха к-скаго всѣ настоящія и будущія пріобрѣтенія христіанства въ странахъ варварскихъ (слѣд. и насъ русскихъ). Но, по справедливому замѣчанію Е. Е. Голубинскаго, это толкованіе произвольно. Соборъ, опредѣленія котораго были утверждаемы и приводимы въ исполненіе восточнымъ императоромъ, разумѣется могъ законополагать только въ тѣхъ предѣлахъ, до конхъ простиралась власть императора, т. е. относительно христіанъ — инородцевъ, жившихъ въ предѣлахъ имперіи, — и не далѣе.

около 2 лѣтъ бурно и насильственно, пока имп. Маркіанъ не успѣлъ изгнать его вооруженною рукою. Императрица Евдокія, пораженная печальною судьбою своей дочери, плѣненной вандалами, не стала болѣе поддерживать Θεодосіа и обратилась къ православію, благодаря увѣщаніямъ Симеона столпника и св. Евфимія.

Еще большее противоудѣйствіе рѣшеніямъ халкидонскаго собора послѣдовало въ Александріи. Презвнннѣ Діоскора, Протерій встрѣтилъ противъ себя открытое возмущеніе, которое на первый разъ было подавлено оружіемъ, но ждало удобнаго времени, чтобы вспыхнуть съ новою силою. Дальнѣйшее развитіе монофизитскихъ волненій выходитъ изъ предѣловъ царствованія Маркіана, который умеръ 6 февр. 457 г., переживъ четырьмя годами свою царственную подругу Пулхерію (+ 458 г.), послѣднюю отрасль династіи великаго Θεодосіа.

Считаемъ не излишнимъ для справокъ представить генеалогію династіи Валентиніана и Θεодосіа великаго.

Династія Валентиніана и его брата Валента.

<p>Валентиніанъ императоръ запада + 17 ноября 375 г.</p> <p>Сынъ Валентиніана <i>Граціанъ</i>, женатый на аріанкѣ Юстинѣ. + 383.</p> <p>Д ѣ т и Г р а ц і а н а:</p> <p>Валентиніанъ II <i>Галла</i>, 2-я жена имп. + 393. Θεодосіа великаго.</p>	<p>Валентъ имп. востока, женатый на Альбѣ Доминикѣ—убитъ готами подъ Адрианополемъ + 9 августа 378 г.</p> <p>Сынъ Валента <i>Валентиніанъ Галатъ</i>, въ Кесаріи капп. 371 г., въ малолѣтствѣ.</p>
--	--

Династія Θεодосія великаго.

Θεодосій великій + 17 генв. 395 г.

Первая жена его *Флацилла* + 385.

Дѣти Θεодосія отъ Флациллы:

Аркадій имп. востока, женатый на Евдовсіи (умершей 6 окт. 404.)
+ 1 мая 408 г.

Гонорій имп. запада + 423 авг. 15.

Дѣти Аркадія:

Цузерія, род. 19 генв. 399 г. въ фиктивномъ бракѣ съ имп. Маркіаномъ (ум. 6 февр. 457 г.) + 453

Аркадія, + 444.

Марина, + 449.

Θεодосій младшій имп. востока род. 10 апр. 401 г. женатъ на Аѳинаидѣ-Евдовіи (ум. 455 г.) + 20 іюн. 450.

Дочь Θεодосія

Евдокія въ первомъ бракѣ за имп. Валентиніаномъ.

III (уб. 455 г.) во второмъ бракѣ за узурпаторомъ Максимомъ (уб. 455 г.), отведена въ плѣнъ вандалами.

Вторая жена его *Галла*.

Дочь Θεодосія отъ Галлы:

Плацидія въ первомъ бракѣ за готомъ Атаульфомъ (уб. 415 г.); во второмъ бракѣ за полководцемъ Констанціемъ (ум. 421).

+ 450 въ ноябрѣ.

Дѣти Плацидіи отъ Констанція:

Гонорія не- Валентиніанъ
вѣста Атили III императоръ запада
+ женатъ на дочери Θεодосія младшаго Евдовіи.
+ 16 марта 455.

Дочери его: *Евдокія* и *Плацидія*, были въ плѣну у вандаловъ, въ 457 г. привезены въ Константинополь.

ЧТЕНИЕ ШЕСТОЕ.

Внутреннее состояніе церкви въ царствованіе Валента и дванадцати Феодосія великаго (363—457).

ЗОЛОТОЙ ВѢКЪ ЦЕРКОВНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Намъ слѣдуетъ изобразить внутреннее состояніе церкви въ періодъ почти столѣтній отъ смерти и. Юліана отступника до смерти благочестиваго и канонизованнаго имп. Маркіана. Этотъ періодъ обыкновенно считается *золотымъ вѣкомъ церковной литературы*,—и совершенно справедливо. Никогда, ни прежде, ни послѣ не являлось на полѣ церковной литературы такъ много трудолюбивыхъ, талантливыхъ и вліятельныхъ дѣятелей. Ефремъ Сиринъ (+ 372 г.), Васкій великій (+ 379 г.), Григорій Богословъ (+ 389 г.), Григорій Нисскій (+ послѣ 394 г.), Епифаній Кипрскій, (+ 402 г.), Іоаннъ Златоустый (+ 407 г.), Исидоръ Пелусіотъ (+ ок. 436 г.), Кирилль александрійскій (+ 447 г.), Нилъ Синайскій (+ ок. 450 г.), Θεодоритъ Кирскій (+ 457); изъ западныхъ Амвросій меіодланскій (+ 397 г.) бл. Іеронимъ (+ 419) и бл. Августинъ (+ 430 г.),—это писатели, изъ которыхъ каждый въ послѣдующее время славою своего имени могъ бы наполнить цѣлое столѣтіе. Не говоримъ уже о писателяхъ, большая часть дѣятельности которыхъ принадлежитъ предыдущему періоду, каковы Аванасій александрійскій (+ 373 г.), Кирилль іерусалимскій (+ 386) и Макарій египетскій (+ 390 г.), ни о писателяхъ еретикахъ, каковы Евномій и Несторій,—ни о писателяхъ, сравнительно менѣе замѣчательныхъ, которые впрочемъ въ другое время были бы знаменитостями первой величины, каковъ напр. Астерій амасійскій (+ ок. 404 г.)

Чѣмъ объяснить такое обиліе великихъ церковныхъ учителей въ разсматриваемый нами періодъ? Конечно причины этого нельзя видѣть ни въ случайности, ни даже въ дарованіяхъ отдѣльныхъ лицъ: причины должны быть болѣе глубокія и общія. Разсматриваемый нами періодъ стоитъ на рубежѣ двухъ міровъ и двухъ міросозерцаній—языческаго и христіанскаго. Всѣ почти исчисленные выше церковные учителя прошли хорошую классическую школу и были обладателями богатаго умственного наслѣдія, завѣщаннаго классическою древностію; всѣ почти они приняты крещеніе уже въ совершенномъ возрастѣ, пользуясь до того времени тою широкою умственною и нравственною свободою, которая, хотя и приводила иногда къ заблужденіямъ, но за то обогащала сердцеученіемъ и мудрымъ познаніемъ жизни; наконецъ всѣ они проповѣдывали христіанство съ горячимъ энтузіазмомъ прозелитовъ и вмѣстѣ съ тою относительною свободою, которая еще возможна была при неустановившемся вполнѣ кодексѣ христіанскаго вѣроученія и правоученія. Задача, предлежавшая церковнымъ писателямъ разсматриваемаго періода, была двоякая: они должны были а) пересмотрѣть и оцѣнить съ христіанской точки зрѣнія все, оставшееся отъ древняго міра, наслѣдіе античной образованности, б) истолковать источники христіанскаго ученія (т. е. библейскія книги) при помощи научныхъ приемовъ и средствъ, даваемыхъ тою образованностію, на уровнѣ которой они стояли. Отцы и учителя церкви нашего періода приняли на себя и выполнили по возможности эти задачи, не смотря на ихъ громадность и трудность, и тѣмъ приобрѣли себѣ право на удивленіе современниковъ и потомства, но вмѣстѣ съ тѣмъ—они, подавляя въ себѣ духъ свободнаго изслѣдованія и отрицательно относясь къ до-христіанской жизни человѣчества, были—быть можетъ непроизвольными—виновниками послѣдующаго безплодія христіанской литературы.

Философія, исторія и естествознаніе—вотъ три отрасли античной науки, еще не раздробившейся, какъ въ настоящее время, на множество отдѣльныхъ специальностей. Отцы церкви завладѣли этими отраслями древняго знанія и оцѣнили и переработали ихъ сообразно началамъ христіанской вѣры.

Отцы церкви знали древнюю философію, но высокой цѣны ей не придавали. Взятая въ общемъ, она, по ихъ мнѣнію, могла служить только предметомъ опроверженія и матеріаломъ для исторіи человѣческихъ заблужденій. Убѣждая своихъ константинопольскихъ слу-

шателей отстать отъ страсти къ богословскимъ спорамъ, св. Григорій Богословъ говорить: „ты не можешь остановить болѣзней рожденія и не разродиться словомъ? Но много есть у тебя другихъ обильныхъ предметовъ. На нихъ обрати съ пользою недутъ сей. Рази Пиеагорово молчаніе, Орфеевы бобы и эту надутую поговорку: *самъ сказалъ!* Рази Платоновы идеи, преселенія и круговращенія нашихъ душъ, припаятованіе и вовсе не прекрасную любовь къ душѣ ради прекраснаго тѣла; рази Епикурово безбожіе, его атомы и чуждое любомудрія удовольствіе; рази Аристотелевъ немногообъемлющій промыслъ, въ одной искусственности состоящую самостоятельность вещей, смертныя сужденія о душѣ, человѣческій взглядъ на высшія ученія; рази надменность стоиковъ, прозорство и шутовство циниковъ“. Нельзя сказать, чтобы отцы церкви сами лишены были философскихъ стремленій; напротивъ нѣкоторые изъ нихъ, напр. св. Григорій Богословъ и бл. Августинъ, были по природѣ философы и голова ихъ была постоянно занята міровыми вопросами. Возьмемъ на примѣръ стихотвореніе св. Григорія Богослова *къ душѣ своей*. „Есть тебѣ дѣло, душа моя, и, если угодно, дѣло немаловажное. Исслѣдуй сама себя, что ты такое, куда тебѣ стремиться, откуда ты произошла и гдѣ должна остановиться; дѣйствительно ли то жизнь, вакою теперь живешь, или есть и другая кромѣ ея? Есть тебѣ дѣло, душа моя! очищай жизнь слѣдующимъ способомъ: размышляй о Богѣ и о Божіихъ тайнахъ; размышляй, что было прежде вселенной, и что для тебя значить эта вселенная; откуда она произошла и до чего дойдетъ?... Есть тебѣ дѣло, душа моя! обращай взоръ къ единому Богу. Какую славу имѣлъ я прежде и въ какомъ поруганіи теперь? Что это за сопряженіе во мнѣ и какой конецъ моей жизни?“ Никто не будетъ отрицать, что это вопросы міровые, искони составлявшіе достояніе философіи. Но при разработкѣ этихъ вопросовъ отцы церкви стояли на другомъ штатд-пумтѣ, чѣмъ настоящіе философы. Убѣжденіе въ слабости и поврежденности ума человѣческаго и подчиненіе авторитету богооткровенной религіи, — такова была предзанятая идея, не допускаемая философами и твердо принимаемая отцами церкви. Чтобы выяснить это различіе, послушаемъ, что св. Василій великій говоритъ о непостижимости существа Божія. „Не ищи того, кто не можетъ быть найденъ; ибо ты не найдешь его. И откуда бы ты могъ почерпнуть познаніе о немъ? Отъ земли? но она не существовала. Отъ моря? но и воды не было. Отъ

солнца и луны? но и они не были созданы. Отъ вѣбовъ? но прежде вѣбовъ существовалъ Единородный. Вмѣсто вѣчнаго не думай о томъ, что не вѣчно. Если же ты не слушаешься меня, но хочешь спорить, то я смѣюсь надъ твоимъ невѣжествомъ или, лучше, оплакиваю твою дерзость. Вѣрь написанному и не выскивай ненаписаннаго. Мы должны знать, о чемъ нужно говорить и о чемъ нужно молчать. Что Богъ самъ въ себѣ, какова Его сущность? и т. д. вопрошать о семъ опасно, а вопрошающему отвѣчать трудно. Молчаніе въ семъ дѣлѣ есть самое лучшее средство. Легче малымъ сосудомъ исчерпать все море, нежели человѣческимъ умомъ постигнуть неизреченное величіе Божіе. —Этою точкою зрѣнія опредѣлялся и взглядъ отцевъ церкви на древнихъ философовъ, и понятно, что съ этой точки зрѣнія они только и могли дѣлать, что *разить идеи Платона* и т. д.

Въ воззрѣніяхъ замѣсныхъ философовъ отцы церкви различали двѣ стороны: теоретическую и практическую. Первой—не придавали рѣшительно никакого достоинства и смотрѣли на нее съ тѣмъ же чувствомъ, съ каемъ зрячій человѣкъ смотритъ на беспорядочное блужданіе слѣпыхъ. „И у еллиновъ есть мудрецы“—говоритъ св. Григорій Богословъ, ¹⁾—„впрочемъ не мудре. Ибо можно ли назвать мудрыми тѣхъ, которые не познали высочайшаго естества—Бога, первой причины всѣхъ благъ?...—которые или вовсе изгнали изъ мысли божество, или отринули промыслъ, или положили ему мѣру, чтобы Богъ не утрудился, творя благодѣянія“?.. Но относясь отрицательно къ умозрѣніямъ философовъ, отцы церкви относятся благосклоннѣе къ ихъ морали, насколько она совпадала съ христіанскимъ нравоученіемъ. „Впрочемъ“, продолжаетъ св. Григорій о философахъ, „если угодно, они были и мудры. Найдешь, что они были несогласны и далеки одинъ отъ другаго въ нныхъ ученіяхъ, а именно: въ понятіяхъ объ умосозерцаемомъ и видимомъ, о Божіемъ промыслѣ, объ идеяхъ, о судьбѣ, о безконечномъ веществѣ, объ устройствѣ тѣлъ, о душѣ, объ умѣ, объ обманчивости чувствъ. Отъ сего-то произошли стоики, эти надутыя лица,—академіи, хитросплетенія пирронистовъ, недоумѣнія и остановки надъ словами пустыми и произвольно составленными. Но несогласные въ этомъ, всѣ они равно и единодушно хвалятъ доброе и ничего не ста-

¹⁾ Стихотвореніе къ нѣкоему юношѣ о смиренномудрїи, цѣломудрїи и воздержанїи. (Твор. Гр. Богослова въ русск. пер. V 121—154).

вать выше добродѣтели, хотя приобрѣтается она множествомъ усилій, безчисленными трудами и продолжительнымъ временемъ... Кто не слышалъ о синопскѣмъ псѣ (т. е. Диогенѣ)! Онъ велъ такую дешую и умѣренную жизнь, (и въ этомъ самъ себя былъ законодателемъ, а не Божій хранитель законъ, и не какими-нибудь водился надеждами), что имѣлъ у себя одну собственность—палку, и домомъ служила ему подъ открытымъ небомъ катающаяся бочка, укрывавшая его отъ нападенія вѣтровъ; и ее предпочиталъ онъ златоверхимъ чертогамъ. Пищу же составляло для него то, что безъ труда можно было взять и не готовить... Это почти сходно и съ моими законами, которые окрыляютъ меня подражать жизни и природѣ птицъ“ и пр. „Каковъ и этотъ обычай почтенныхъ стоиковъ, какъ бы къ кому-то постороннему обращаться въ своему тѣлу съ такими рѣчами: *чего требуешь отъ меня ты, жалкій мышокъ? Дать ли тебѣ постъ много съ тебя, если дама и глба въ скудость. Дать ли пить? дадимъ тебѣ воды и уксусу. Не ты не этого у меня просишь, а сладкихъ и сытныхъ стидей, дорогихъ напиткиковъ изъ кристалльныхъ сосудовъ. А не хочешь ли аеревки и петли?* Есть, дѣйствительно есть и у еллиновъ любители цѣломудрія; они бывали въ древности, а найдутся и нынѣ; не отвязываюсь вѣрить тому, что разглашаютъ о нихъ: у меня нѣтъ зависти, что и чуждые намъ цѣломудренны. Епикуръ, хотя усиливался доказывать, что удовольствіе есть награда за подвиги добродѣтели и что наслажденіе есть венецъ всѣхъ благъ для человѣка,—однакоже, чтобы не подать мысли, будто для какого-то удовольствія хвалить удовольствіе, велъ себя благопріостойно и цѣломудренно, чтобы подерѣшить ученіе свое добрыми нравами... Хотя это не близко еще къ моимъ образцамъ; однакоже хвалю. А почему? потому что весьма пріятно видѣть бѣлое лице между эоипами, или сладкую струю среди моря а равно весьма удивительно при худыхъ и вловредныхъ правилахъ найти нѣчто цѣломудренное.“ Туже самую мысль о достоинствѣ нѣкоторыхъ проявленій философской морали и о близости ея къ евангельской раскрываетъ и св. Василій въ своей извѣстной *бесѣдѣ къ юнакамъ о томъ, какъ пользоваться языческими сочиненіями*. Тамъ между прочимъ читаемъ: „нѣкто, нещадно нападаая на Софронискова сына Сократа, билъ его въ самое лицо, а онъ не противился, но дозволилъ этому пзному человеку насытить свой гнѣвъ, такъ что лицо у Сократа отъ ударовъ уже опухло и покрылось ранами. Когда же тотъ пересталъ бить, Сократъ,

связываютъ, ничего другаго не сдѣлалъ, а только, какъ на статуѣ пишутъ имя художника, написалъ на своемъ лбу: *работа такого-то*,— и тѣмъ отмстилъ. Поелику это почти совпадаетъ съ нашими правилами, то утверждаю, что хорошо подражать такимъ мужамъ. Ибо поступокъ Сократа сходенъ съ тою заповѣдью, по которой ударяющему по ланитѣ долженъ ты подставить другую; въ такой мѣрѣ надобно мстить за себя!... О поступкѣ же Клинія, одного изъ близкихъ Пиагору, трудно повѣрить, чтобы сходство его съ нашими правилами было дѣломъ случая... Что же сдѣлалъ Клиній? Давъ клятву, могъ онъ избѣжать потери трехъ талантовъ; но лучше заплатилъ ихъ, чѣмъ сталъ клясться, хотя клятва его была бы въ дѣлѣ справедливомъ. Онъ какъ будто, представляю я, слышалъ ту заповѣдь, которая запрещаетъ намъ клясться. Такимъ образомъ, по суду отцевъ церкви, отрицалось въ философіи самое важное и существенное,—именно свобода и самостоятельность теоретическаго міросозерцанія: а одобрялись только отдѣльные нравственные выводы, взятые внѣ связи съ цѣлою системою и представлявшіе въ себѣ сходство, часто случайное, съ евангельскимъ правоученіемъ. Этого было достаточно не только для того, чтобы пресѣчь свободное развитіе философскаго мышленія въ христіанскомъ мірѣ, но и для того, чтобы чрезъ малое время утратилась охота и способность къ пониманію древнихъ философовъ. Осталось только во всеобщемъ употребленіи, составлявшее гордость еллинской націи, имя *философъ*, которымъ обозначались люди, изъ ряду вонъ выходящіе, и которымъ любили украшать себя иноки.—Но творенія отцевъ церкви нашего періода, которые—по прекрасному выраженію греческаго историка—*перенесли все море эллинской мудрости прежде, чѣмъ вступили въ спасительную пристань Христову*,—творенія эти древняя философія озаарила послѣднимъ прощальнымъ блескомъ. Блескъ этотъ отразился въ тѣхъ довольно тѣсныхъ границахъ, гдѣ философская мысль отцевъ не была стѣсняема опредѣленіями христіанской догматики. Таковы напр. размысленія св. Григорія Богослова о *природѣ человеческой* и о *суть жизни*, напоминающія собою философовъ пессимистовъ, Гераклита, Руссо и Шопенгауера. „Кто я былъ? кто я теперь? и чѣмъ буду по прошествіи недолгаго времени? Куда приведешь и гдѣ поставишь, Безсмертный, великую тварь, ежели есть великое между тварями? А по моему мнѣнію мы ничего незначащія однодневныя твари и напрасно поднимаемъ высоко брови, ежели въ насъ то одно и

есть, что видят люди и ничего не имѣемъ мы, кромѣ гибнущей жизни. Телець, едва оставилъ нѣдра рождающей, уже и скачетъ и крѣпко сжимаетъ сладкіе сосцы... Пестровидный олень, едва изъ матерней утробы, и тотчасъ твердо становится на ноги подлѣ своей матери, бѣжитъ отъ кровожадныхъ цсовъ и скрывается въ чащахъ густаго лѣса. Птенець едва оперился и высоко надъ гнѣздомъ кружится по просторному воздуху... У всѣхъ у нихъ готовая пища, всѣмъ пиръ даетъ земля. Жизнь ихъ не обременена трудами. Подъ камнемъ или вѣтвями всегда готовый у нихъ домъ. Они здоровы, сильны, красивы. Когда же смирить болѣзнь, беспечально испускаютъ послѣднее дыханіе, не сопровождая другъ друга плачевными гнѣснями, и друзья не рвутъ на себѣ волосъ. Скажу еще болѣе: они безтрепетно теряютъ жизнь; и звѣрь, умирая, не боится никакого зла.—Посмотри же на жалкій человѣчскій родъ; тогда и самъ скажешь съ поэтомъ: *нѣтъ ничего нѣмоощнее человека* (Одиссея XVIII, 130)... Если вѣрно уставишь вѣсы и взвѣсишь, что въ жизни есть пріятнаго и что прискорбнаго; то одна чаша, до верха нагруженная зломъ, пойдетъ къ землѣ, а другая напротивъ, съ благами жизни, побѣжитъ вверхъ... Не плачешь ли, слыша, сколько было скорбей у жившихъ до насъ? Впрочемъ не знаю, будешь ли ты при этомъ плакать или смѣяться. Мудрецы древности находили для себя приличнымъ и то и другое; и у одного изъ нихъ извлекало слезы, а въ другомъ возбуждало смѣхъ, то что трояне и ахеи, другъ на друга бросались, бились и взаимно себя истребляли за прелюбодѣйную жену: что брань была у куретовъ и браннолюбивыхъ этолянъ за свивую голову и за щетину молодого вабана и т. д. Не избѣжали злой участи и Кыры и Крезы, а равно и наши, какъ будто вчерашніе только, цари... Какое преимущество между согнившими? Тотъ же прахъ, тѣже кости,—и герой Атридъ, и нищій Иръ, царь Константинъ, и мой служитель: и кто страдалъ, и кто благоденствовалъ, у всѣхъ нѣтъ ничего, кромѣ гроба.—Такова здѣшняя участь; по что же въ другой жизни? Кто скажетъ, что приносить неправеднымъ послѣдній день?...“

„Кто я былъ? кто я теперь? и чѣмъ буду? Ни я не знаю сего, ни тотъ, кто обильнѣе меня мудростію... *Я существую*. Скажи: что это значитъ? Иная часть меня самага уже прошла, иное я теперь, а инымъ буду, если только буду. Я не что-либо непремѣнное, но токъ мутной рѣки, который непрестанно протекаетъ и на минуту не стоитъ на мѣстѣ? Что наиболѣе, по твоему, составляетъ мое я? Объ-

ясни мнѣ это; и смотри, чтобы теперь тотъ самый я, который стою предъ тобою, не ушелъ отъ тебя. Никогда не перейдешь въ другой разъ по тому же току рѣки, по которому переходилъ ты прежде. Никогда не увидишь человѣка такимъ же, какимъ видѣлъ ты его прежде. —Сперва заключался я въ тѣлѣ отца, потомъ приняла меня мать, но какъ нѣчто общее обомъ; а потомъ сталъ я какая-то сомнительная плоть, что-то не похожее, на человѣка, срамное, не имѣющее вида не обладающее ни словомъ, ни разумомъ; и матерьяя утроба служила мнѣ гробомъ. И вотъ мы отъ гроба до гроба живемъ для тлѣнія... Душа моя! кто ты, откуда и что такое? Кто сдѣлалъ тебя трупоносцею, кто твердыми узами привязалъ къ жизни, кто заставилъ непрестанно тяготѣть къ землѣ? Какъ ты—духъ смѣсилась съ дебелистію, ты—умъ сопряглась съ плотію, ты—легкая сложились съ тяготою? Ибо все это противоположно и противоборствуетъ одно другому. Если ты вступила въ жизнь, будучи посѣяна вмѣстѣ съ плотію, то сколь пагубно для меня такое сопряженіе! Я образъ Божій и родился сыномъ срама, со стыдомъ долженъ матерью моего достоинства наименовать похотѣніе; потому что началомъ моего прозябанія было истекшее сѣмя, и оно сотлѣло, потомъ стало человѣкомъ, и вскорѣ не будетъ человѣкомъ, но прахомъ,—таковы мои послѣднія надежды! А если ты, душа моя, что-нибудь небесное; то желательно знать, откуда ведешь начало? И если ты божіе дыханіе, божій жребій,—какъ сама думаешь,—то отложи неправду, и тогда повѣрю тебѣ... Какъ же ты возмущаешься отъ прираженій губительнаго велиара, хотя и сопряжена съ небеснымъ духомъ?... А если ты во мнѣ не отъ Бога, то какова твоя природа?"

Но св. Григорій не доводитъ до конца своихъ философскихъ размышленій, и спѣшитъ обратиться къ чаяніямъ религіи... „Къ чему приведешь меня, зломудренный языкъ!... Остановись. Все ниже Бога. Покорствуй Слову. Не напрасно сотворилъ меня Богъ... Теперь мракъ, а потомъ дастся разумъ и все уразумѣешь, когда будешь или созерцать Бога или горѣть въ огнѣ.“ Таково послѣднее слово отеческой философіи.

Исторія древняго міра въ христіанской литературѣ подверглась такой же переработкѣ, какъ и философія; большая часть историческаго матеріала была выброшена за бортъ: уцѣлѣвшее представлено совер-

шенно въ иной системѣ и съ иныхъ точекъ зрѣнія. Древняя классическая историографія, имѣвшая своими представителями Геродота, Фукидида, Тита Ливія, Тацита и другихъ великихъ историковъ, имѣла свои достоинства и свои недостатки. Достоинства—это изящество изложенія и сознаніе историкомъ нравственнаго долга писать честно и добросовѣстно, *sine ira et studio*; недостатки—это отсутствіе философіи исторіи, отрывочность и эпизодичность повѣствованій. „Лучшія произведенія древнихъ историковъ“, говоритъ Грановскій, „суть монографіи, объемяющія одно какое-нибудь великое событіе или рядъ связанныхъ между собою внутреннимъ единствомъ явленій. Понятіе о всеобщей исторіи, соединяющей въ одно цѣлое разрозненные семьи человѣческаго рода, было чуждо языческому міру и могло возникнуть не иначе, какъ подъ вліяніемъ христіанства... За то простота и опредѣленность содержанія ставила древняго писателя въ весьма свободное отношеніе къ предмету.. Рѣзко обозначенную цѣль труда не заслоняли сложныя, не прямо относящіяся къ ней, явленія... Не возвышаясь до созерцанія общихъ судебъ человѣчества, древніе свели исторію на степень эпизодическаго изложенія и оставили въ этой сферѣ великолѣпные памятники.“ Въ томъ же духѣ высказывается и Лоранъ. „Древніе“, — говоритъ онъ, — „не знали философіи исторіи. Философское пониманіе судебъ человѣчества основывается на предположеніи, что различные народы образуютъ цѣльный организмъ, развивающійся по извѣстнымъ законамъ. Но древность не имѣла идеи о единствѣ человѣчества: народы жили совмѣстно, не зная другъ друга. Даже въ эпоху всемірнаго владычества римской имперіи, міръ греко-римскій, востокъ и варвары оставались глубоко чужды другъ другу, и люди мысли не видѣли ничего общаго въ судьбахъ племенъ варварскихъ и враждебныхъ. Было еще препятствіе къ философскому пониманію исторіи. Въ мірѣ дѣйствительномъ царила сила.. но одна сила не даетъ объясненія возвышенія и упадка царствъ; она ведетъ къ фатализму, а фатализмъ отрицаетъ законосообразное развитіе человѣчества.—Только христіанство открыло возможность для философіи исторіи. Идея о единствѣ человѣчества выдвинута впередъ догматомъ о твореніи человѣка. Если родъ человѣческой происходитъ отъ одного человѣка, то различные народы — не чужіе другъ другу; они составляютъ какъ-бы одно семейство. Съ другой стороны, если Богъ христіанскій, создавъ человѣка, не покинулъ его на произволъ случая, но постоянно промышляетъ о каждомъ

отдѣльномъ лицѣ,—то могъ ли Онъ оставить безъ своего промышленія цѣлые народы! Такимъ образомъ въ пониманіи исторіи человѣчества явилась руководящая идея о путяхъ промысла Божія, ведущаго родъ человѣческій“.

Послѣ этого понятно, что въ христіанской литературѣ не только могло, но по необходимости должно было образоваться цѣльное представленіе о всеобщей исторіи человѣчества. Мысль о *домостроительствѣ нашего спасенія*, насколько она раскрывается въ св. писаніи, была руководящею идеею этой исторіи; священныя книги ветхаго завета опредѣляли собою и начало, и хронологическую послѣдовательность, и почти все содержаніе этой исторіи; извѣстія изъ языческихъ историковъ допускались въ незначительной степени, на сколько они комментировали или дополняли рассказъ Библии,—при чемъ рассказы книги Бытія о *разсыпаніи языковъ* и Даниилово толкованіе *видѣній о четырехъ монархіяхъ* служили главными пунктами, связующими исторію библейскую съ исторіею языческою. Съ теченіемъ времени выработалась излюбленная византійцами стереотипная форма писанія исторіи, заключающаяся въ хронографахъ. Всякій почти византійскій историкъ VI—XII вѣковъ считалъ долгомъ начинать отъ Адама, и путемъ бѣгло пересказа библейской исторіи и исторіи четырехъ монархій добираться до ближайшаго времени. Но это было уже впослѣдствіи. Въ разсматриваемый нами періодъ мы находимъ у восточныхъ отцевъ церкви отдѣльные элементы указаннаго нами историческаго міросозерцанія; болѣе же обстоятельное раскрытіе его въ приложеніи къ фактамъ находимъ у западнаго учителя блаж. Августина въ его сочиненіи о *градѣ Божіемъ*.

Августинъ сравниваетъ жизнь человѣчества отъ Адама до кончинн міра съ жизнію отдѣльнаго человѣка и различаетъ въ исторіи человѣчества три возраста: молодость, совершеннолѣтіе и старость, подраздѣляя пополамъ первыя два возраста. Молодость человѣчества характеризуется тѣмъ, что оно еще свободно отъ закона и погружено въ область матеріи. Первая младенческая половина этого возраста объемлетъ время отъ Адама до Ноя; люди были подавлены заботою о своей физической жизни и существованіе ихъ прошло почти безслѣдно. Въ теченіе второй половины этого возраста отъ Ноя до Авраама, вырабатывается языкъ, возникаетъ память о прошломъ, но человѣчество все еще погружено въ міръ матеріи. Возрастъ мужества объемлетъ собою время

Iзаконное отъ Авраама до Христа. Разумъ развивается, получаетъ **II** понятіе о грѣхѣ; человѣкъ борется съ матеріею, но падаетъ, потому что благодать еще не избавила его отъ рабства похоти. Во второй половинѣ этого возраста пророки предвозвѣщаютъ царство Божіе, пришествіе Мессіи; современно этимъ пророчествамъ возникаетъ римская монархія, пролагавшая путь христіанству. Третій возрастъ открывается съ пришествіемъ Христовымъ; это возрастъ благодати; при помощи Божіей люди могутъ бороться съ похотію и наслѣдовать жизньъ вѣчную. Нельзя опредѣлить продолжительности этого возраста; онъ закончится двумя послѣднего суда.

Если благодаря идеѣ о *домостроительствѣ нашего спасенія* исторія человѣчества приобрѣла въ христіанской литературѣ цѣльный видъ и систематическое построеніе,—за то христіанская историографія утратила много прекрасныхъ качествъ, какими обладала историографія языческая. Утраченъ былъ здравый прагматизмъ древнихъ историковъ; вмѣсто изслѣдованія о причинахъ событій христіанскіе историки довольствовались указаніемъ на волю Божию или на коварство діавола. ¹⁾ Утрачено было благородное стремленіе изслѣдовать историческую истину безпристрастно, *sine ira et studio*: подъ вліяніемъ предзанятыхъ взглядовъ и нравоучительныхъ соображеній исторія превращалась или въ панегирикъ или въ памфлетъ: язычники, еретики и вообще люди другихъ убѣжденій, чѣмъ историкъ, являлись орудіями и слугами демона: христіане православные и единомышленныя съ историкомъ представлялись образцами благочестія и добродѣтели. И не удивительно. Убѣжденіе въ исключительномъ обладаніи истиною и антипатія христіанскихъ писателей къ еретикамъ и язычникамъ были такъ велики, что не допускали историческаго безпристрастія. За исключеніемъ панегирика и памфлета оставалось только молчаніе, болѣе честное, но для исторіи совсѣмъ уже бесполезное. Такъ

¹⁾ Но въ заслугу христіанской литературѣ нужно поставить то, что въ ней отвергнуты—по крайней мѣрѣ въ теоріи—древнія анти-историческія представленія о вліяніи планетъ на жизньъ человѣка и о неотразимой силѣ рока. Противъ убѣжденія о *вліяніи планетъ* удачно полемизируетъ св. Василій въ 6-й бесѣдѣ *Шестоднева*; а противъ неотразимой силы рока кратко, но сильно говоритъ Исидоръ Пилусіотъ: „если есть судьба, то нѣтъ закона; а ежели есть законъ, то нѣтъ судьбы. Если есть судьба, то нѣтъ мѣста увѣщанію; а если есть мѣсто увѣщанію, то нѣтъ судьбы“ и т. д.

бл. Феодоритъ кирскій (V, 37), приступая къ исторіи изгнанія св. Іоанна Златоустаго, выражается такъ: „Дошедши до этой части повѣствованія, я и самъ не знаю, что чувствую; ибо, намѣреваясь рассказывать о причиненной Іоанну обидѣ, стыжусь съ другой стороны доблести обидчиковъ, и потому попытаюсь скрыть имена ихъ... Притомъ событія печальныя, по моему мнѣнію, надобно описывать короче, и прикрывать погрѣшности единовѣрныхъ дѣятелей“. Въ этомъ словъ мягкомъ и гуманномъ правилѣ заключался тѣмъ не менѣе смертный приговоръ безпристрастной исторіи.

Если исторія человѣчества въ христіанской литературѣ была приурочена къ библейскому повѣствованію и освѣщена съ точки зрѣнія библейской идеи о *домостроительствѣ нашего спасенія*, — то свѣденія древняго міра по части естествознанія были приурочены къ библейскимъ днямъ мірозданія и нашли систематизацію въ формѣ *шестодневья*. Многіе св. отцы пробовали свои силы надъ составленіемъ *шестодневья* (св. Василій великій, св. Григорій нисскій, св. Амвросій медиоланскій) но наиболѣе удачный и богатый свѣденіями опытъ принадлежитъ безспорно св. Василю великому. Для IV вѣка *шестодневье* св. Василя былъ такимъ же сводомъ свѣдѣній по естествознанію, какъ для нашего времени *Космосъ* Гумбольдта. Нѣкоторыя космологическія объясненія встрѣчающіяся въ *шестодневьи*, если не основательны, то по крайней мѣрѣ остроумны. Таково напр. размышленіе о томъ, почему земля не падаетъ. „Нѣкоторые естествоиспытатели остроумно доказываютъ, что земля пребываетъ неподвижною вотъ почему: поелику она занимаетъ среднее мѣсто въ мірѣ и во всѣ стороны одинаково отстоитъ отъ краевъ; то, при недостаткѣ причины уклониться куда-нибудь преимущественно, необходимо остается въ своемъ положеніи... Среднее же мѣсто досталось землѣ не по жребію и не по случаю, но естественно и необходимо. Ибо, если всѣ легкіе небесные элементы помѣщаются въ верхнихъ окраинахъ, то всѣ тяжести должны отсюда устремиться къ срединѣ. А куда стремятся части, туда очевидно соберется и цѣлое. Итакъ не дивись, что земля ни куда ни падаетъ, занимая естественное для нея мѣсто — средину“. Нѣкоторыя космологическія разсужденія св. отца и въ научномъ отношеніи совершенно вѣрны, хотя и не имѣютъ научной точности и основываются только на указаніяхъ здраваго

смысла. Таково напр. размышленіе о громадности солнца. „Ты не обманывайся видимостію, и изъ того, что солнце для смотрящихъ представляется величиною въ локоть, не заключай, что такова дѣйствительная его величина. Ибо на большихъ разстояніяхъ величина видимыхъ предметовъ обыкновенно сокращается... Если ты смотрѣлъ когда-нибудь съ вершины высокой горы на обширную и низкую равнину; какии представлялись тебѣ пары запряженныхъ воловъ? каковы были сами земледѣльцы? не казались ли они тебѣ въ видѣ муравьевъ? И если съ башни, обращенной къ великому морю, простиралъ ты взоры вдоль морской поверхности, велики ли казались тебѣ самые большіе острова? и грузный корабль, на бѣлыхъ парусахъ плывущій по лазоревому морю, не казался ли тебѣ менѣе всякаго голубя?.. Слѣдовательно небесное свѣтило *велико* и до безконечности большее, нежели какии представляется. Но яснымъ признакомъ величины солнца можетъ служить слѣдующее. Хотя звѣздъ на небѣ безчисленное множество, однако совокупнаго ихъ свѣта недостаточно, чтобы разсвѣтъ мракъ ночи. Но одно солнце, явившееся на горизонтѣ или даже только еще ожидаемое, не успѣетъ стать совершенно надъ землею, какъ уже и тьма исчезла, и звѣзды нѣ помрачены и воздухъ, дотолѣ сгущенный около земли, разжижается и дѣлается текучимъ... Но, при такой величинѣ земли, какъ могло бы солнце въ одно мгновеніе освѣтить ее всю, если бы не изъ великаго круга послало лучи свои?... Въ разсужденіи солнца никто ни ближе, ни дальше... и инды, и британцы видятъ его равнымъ,—ясное доказательство чрезмѣрной величины, предъ которою широта земли ничего не значитъ.“

Идея о цѣлесообразности природы и о премудрости Творца проникаетъ въ размышленія *шестоднева*. Такую цѣлесообразность и разумность усматриваетъ св. Василій и въ мірѣ неодушевленномъ. „Море прекрасно предъ Богомъ, (говоритъ св. отецъ, толкуя слова писанія *и видѣ Богъ яко добро*), потому что морская вода служитъ источникомъ всякой земной влаги, расходясь по подземнымъ глубинамъ; прекрасно и потому, что принимаетъ въ себя отвсюда рѣки и потоки; —прекрасно и потому, что служитъ началомъ и хранилищемъ воздушныхъ водъ, ибо, нагрѣваясь лучами солнечными, отлагаетъ отъ себя посредствомъ испаренія тонкія частицы воды, которыя, поднявшись вверхъ и потомъ охлаждаясь, дѣлаются дождемъ и орошаютъ землю. Но море прекрасно предъ Богомъ и въ другомъ отношеніи,—потому,

что ограничивает собою острова, и служить для них и краскою, и оплотомъ; еще и потому, что облегчаетъ сношенія между отдаленнѣйшими странами материка, открываетъ путь для мореплавателей, удовлетворяетъ нашей любознательности, обогащаетъ купцовъ, даетъ возможность сбывать излишнее и приобретать необходимое“. Встрѣчая возраженія противъ цѣлесообразности природы, св. Василій принимаетъ тонъ апологета. „Вмѣстѣ съ питательнымъ произошло и вредное: вмѣстѣ съ пшеницею и болиголовъ, и вмѣстѣ съ другими питательными растеніями—чемерица, борецъ, мандрагора и маковый соръ. Итакъ чтоже? Ужели откажемся благодарить за полезное, и станемъ обвинять Творца за разрушительное для нашей жизни? А не разсудимъ того, что не все создано для нашего чрева?.. Но и изъ ядовитыхъ растеній ничто не сотворено напрасно и безъ пользы. Ибо иное служить на пищу какому-нибудь животному, а иное съ помощію врачебной науки оказывается годнымъ и для насъ, служа къ облегченію какихъ-либо недуговъ. Скворцы питаются болиголовомъ и по устройству своего тѣла не терпятъ вреда отъ яда... Чемерица служитъ пищею перепеламъ, и они остаются невредимыми. Но этиже растенія и намъ иногда бываютъ полезны. Мандрагорою врачи наводятъ сонъ и опіумомъ успокаиваютъ жестокия боли въ тѣлѣ“.

Но еще болѣе не только цѣлесообразности, но даже нѣкоторой индивидуальной разумности находить св. отецъ въ природѣ одушевленной. Правда онъ никакъ не согласенъ признать однородность животныхъ съ человекомъ и смѣется надъ философами, учившими о переселеніи душъ. „Убѣгай бредней угрюмыхъ философовъ (читаемъ въ 8-й бесѣдѣ), которые не стыдятся свою душу и душу пса почитать однородными между собою и говорятъ о себѣ, что были нѣкогда и жеманами, и деревьями, и морскими рыбами. А я хотя не скажу, бывали ли они когда рыбами, но всячески готовъ утверждать, что, разсуждая такъ, они были бессмысленнѣе рыбъ“. Но за проявленіями инстинкта въ животныхъ св. отецъ слѣдитъ съ особеннымъ удовольствіемъ, видя въ этомъ доказательство творческой премудрости. Приведемъ нѣкоторыя выдержки изъ зоологій св. Василія. „Есть переходяія рыбы, (читаемъ въ 7-й бесѣдѣ). Онѣ, какъ бы по общему совѣщанію собравшись на переселеніе, всѣ отправляются подъ однимъ знаменемъ. Ибо какъ скоро наступитъ определенное для нихъ время чадородія, поднявшись изъ разныхъ заливовъ, поспѣшаютъ въ сѣверное

море. Въ это время ты увидишь рыбъ, текущихъ какъ бы однимъ потокомъ изъ Пропонтиды въ Евксинскій Понтъ. Кто же ихъ движеть? Какое царское повелѣніе? какіе указы, прибитые на площади, возвѣщаютъ о наступившемъ срогѣ? Кто у нихъ проводники? Видимо, какъ Божіе распоряженіе все замѣняетъ собою и доходитъ до самыхъ малыхъ тварей... Выслушай, что едва не говорятъ тебѣ рыбы своими дѣйствіями: *мы для продолженія рода собираемся въ это дальнее странствованіе. У нихъ нѣтъ своего разума, но есть естественный законъ,*

кто въ нихъ основанный и показывающій, что имъ дѣлать. Поимъ,—говорятъ онѣ,—*въ стѣрное море. Въ немъ вода слаще, нежели въ прочіихъ моряхъ, потому что солнце стоитъ надъ нимъ не домо и не извлекаетъ изъ него лучами всего годнаго къ питью. А вкусную воду любятъ и обитатели морей, почему часто уплываютъ въ рѣки и стремятся вдаль отъ моря. Поэтому Понтъ предпочитается ими прочимъ заливамъ, какъ благопріятный къ рожденію и воспитанію дѣтей. Но какъ скоро выполнено желаніе, опять всею толпою возвращаются во своасы. И какая тому причина? выслушаемъ у безмолвныхъ. Стѣрное море,*—говорятъ они,—*будучи открыто для сильныхъ вѣтровъ, мало имѣетъ береговыхъ убѣжищъ: вѣтры легко взволновываютъ его до самаго дна и песокъ мѣтаютъ съ волнами. Ктому же оно зимою холодно. Поэтому рыбы, насладившись имъ во время лѣта, къ зимѣ опять поспѣшаютъ въ моря южныя и тихія. Видѣлъ я это и дивился во всемъ Божіей премудрости.—Слышалъ я отъ одного приморскаго жителя, что морской ежъ, животное, конечно, малое и презрѣнное, часто даетъ знать пловцамъ о тишинѣ и бурѣ. Когда предчувствуетъ онъ волненіе отъ вѣтровъ, то взобравшись на какую-нибудь большую скалу, на ней, какъ на якорѣ, съ твердостію выносить бурю, потому что тяжесть скалы препятствуетъ волнамъ увлечь его. И какъ скоро мореходцы видятъ ежа на скалѣ, знаютъ, что нужно ожидать сильныхъ вѣтровъ. Никакой звѣздочетъ, никакой халдей, предсказывающій по звѣздамъ воздушныя перемѣны, не училъ ежа, но Господь моря и вѣтровъ и въ маломъ животномъ положилъ ясныя слѣды великой своей премудрости.^а*

Переходимъ къ птицамъ и здѣсь изъ многихъ разказовъ св. Василія отмѣтимъ разказъ о галціонѣ или зимородеѣ. „Есть морская птица зимородокъ. Она имѣетъ обычай вить гнѣздо у самыхъ береговъ, кладетъ яйца на пескѣ и сидитъ въ гнѣздѣ среди зимы, когда отъ

частыхъ и сильныхъ вѣтровъ море выплескивается на сушу. Но вдругъ умолкаютъ вѣтры и морская волна не движется, пока въ теченіе семи дней зимородокъ сидитъ на яйцахъ и выводитъ своихъ птенцовъ. Послеку же имъ нужно и кормленіе, то великодаровитый Богъ далъ сему малѣйшему животному и другіе семь дней на возвращеніе птенцовъ. Это знаютъ всѣ мореплаватели, почему и называютъ дни сіи *зимородковыми*.. Какія чудеса не совершатся для тебя, созданнаго по образу Божию; когда Богъ для такой малой птицы удерживаетъ великое и страшное море, повелѣвая ему быть тихимъ среди самой зимы?" Цѣлесообразность въ организмѣ птицъ св. отецъ находитъ, сравнивая птицъ плавающихъ съ хищными. „Разсматривая птицъ, любящихъ воду, найдешь у нихъ ступни не раздѣленные, какъ у вороны, и не искривленные, какъ у плотоядныхъ птицъ, но широкія и перепончатыя, чтобы удобно было плавать по водѣ и перепонками на ступняхъ, какъ веслами раздвигать влагу. Когда замѣтишь, какъ лебедь, опуская шею въ глубину, достаетъ себѣ со дна пищу: и здѣсь откроешь премудрость Создателя, который лебедю далъ шею длиннѣе ногъ, чтобы онъ, запуская ее, какъ уду, добывалъ себѣ пищу, сокрытую въ глубинѣ.“

Истинственную разумность птицъ св. Василій видитъ особенно въ коршунахъ. „Кто предвѣщаетъ коршунамъ смерть людей, оцочающихся другъ противъ друга? Ибо увидишь, что безчисленныя стаи коршуновъ слѣдуютъ за войсками и по приготовленію оружія заключаютъ о слѣдствіяхъ. А сіе не далеко уже отъ человѣческихъ умозаключеній“.

Въ мірѣ животныхъ четвероногихъ св. отецъ находитъ также цѣлесообразность и разумность. „Къ чему хоботь у слона? Великому этому животному и даже величайшему изъ всѣхъ живущихъ на сушѣ надлежало имѣть громадное тѣло. Если бы дана ему была большая и соразмѣрная съ ногами шея, грудно было бы носить ее, потому что она отъ чрезмѣрной тяжести клонилась бы всегда въ землѣ. А теперь голова соединена у слона съ хребтомъ немногими шейными позвонками, но есть у него хоботь, вознаграждающій недостатокъ шеи; имъ слонъ достаетъ пищу и черпаетъ питье. Да и ноги у слона безъ составовъ и какъ цѣльные столбы подпираютъ тяжесть тѣла. А если бы замѣнить ихъ нѣжными и слабыми,.. то не долго бы держалось это животное. Теперь же, какъ нѣкоторые повѣствуютъ, слонъ живетъ 300 и болѣе лѣтъ... Однако и сіе столь огромное по величинѣ животное Богъ со-

творилъ покорнымъ человѣку; когда учимъ его, оно понимаетъ и когда бьемъ, терпитъ. А симъ Богъ ясно научаетъ насъ, что онъ все подчинилъ намъ, ибо мы сотворены по образу Создателя“.

Инстинктивную разумность животныхъ св. Василій видитъ преимущественно въ собакѣ. „Песъ не одаренъ разумомъ, но имѣетъ чувство, почти равносильное разуму. Что едва изобрѣли мірскіе мудрецы, пресидѣвъ надъ симъ бѣльшую часть жизни—разумѣю хитросплетеніе силлогизмовъ,—тому песъ оказывается наученнымъ отъ природы. Ибо, отыскивая звѣриный слѣдъ, когда найдетъ, что онъ раздѣлился на многія вѣтви, обѣгаетъ уклоненія, ведущія туда и сюда, и тѣмъ, что дѣлаетъ, почти выговариваетъ слѣдующее умозаключеніе: *или сюда повернись зѣбрь, или сюда, или въ эту сторону. Но какъ ни пошелъ онъ ни туда, ни сюда, то остается ему бѣжать въ эту сторону.* И такимъ образомъ чрезъ отрицаніе ложнаго находитъ истинное. Болѣе ли сего дѣлаютъ тѣ, которые чинно сидя надъ доскою и пиша на пыли, изъ трехъ предложеній отрицаютъ два и въ остальномъ находятъ истину?“

Приведенныхъ выдержекъ слишкомъ достаточно, чтобы показать, что св. Василій хорошо зналъ древнихъ натуралистовъ и пересмотрѣлъ сообщаемыя у нихъ свѣденія съ христіанской точки зрѣнія, ища во всей природѣ назиданія. Но справедливость требуетъ прибавить, что наряду съ вѣрными свѣденіями о природѣ св. отецъ приводитъ и невѣрныя,—и что нравственныя и догматическія примѣненія его иногда натянуты. Мы видѣли примѣры удачныхъ примѣненій; посмотримъ и на менѣе удачныя. Вотъ примѣръ нравственнаго приложенія, которое основано на вымышленномъ примѣрѣ изъ естественной исторіи и само въ себѣ шатко и двоится. „Ехидна, самая лютая изъ премыкающихся, для брака сходится съ морскою муреною и, свистомъ извѣщая о своемъ приближеніи, вызываетъ ее изъ глубинъ для супружескаго объятія. И мурена слушается и вступаетъ въ союзъ съ ядовитою ехидною. Къ чему клонится эта рѣчь? Къ тому, что если и суровъ, если и дивъ нравомъ сожитель, супруга должна переносить это и ни подъ какимъ предлогомъ не соглашатья на расторженіе союза. Онъ буенъ? Но мужъ. Онъ пьяница? Но соединенъ по естеству. Онъ грубъ и своенравенъ? Но твой уже членъ и даже драгоценнѣйшій изъ членовъ.—Да выслушаетъ и мужъ приличное ему наставленіе! Ехидна, уважая бракъ, предварительно извергаетъ свой ядъ: ужели ты изъ уваженія къ со-

юзу не отложишь жестокосердія и безчеловѣчія. Но примѣръ ехидны, можетъ быть, и иначе послужить намъ въ пользу; потому что соединеніе ехидны съ муреною есть нѣкоторое прелюбодѣяніе въ природѣ. Да вразумятся же тѣ, которые посягають на чужое брачное ложе; какому премывающемуся уподобляются они? *У меня одна цѣль—все обращать въ назиданіе церкви*“. При такомъ исключительномъ стремленіи все обращать въ назиданіе, научныя требованія отодвигались на самый задній планъ и давалась вѣра самымъ невѣроятнымъ извѣстіямъ, если онѣ казались подкрѣпляющими христіанскую истину. Конечно отъ этого страдала наука и ничего не приобрѣтала религія. Приведемъ въ подтвержденіе этого еще одну и послѣднюю выдержку. „О воршунахъ (египетскихъ) сказываютъ, что они болѣею частію рожаютъ дѣтей безъ взаимнаго сообщенія, и при всемъ томъ бывають весьма долговѣчны; ибо жизнь ихъ часто продолжается даже до ста лѣтъ. И сей случай изъ исторіи птицъ возьми себѣ на замѣчаніе вопреки посмѣвающимся нашему таинству, будто бы невозможно родить Дѣвѣ, сохранивъ свое дѣвство.“

Мы видѣли, въ какой степени успѣшно совершенъ былъ св. отцами и учителями нашего періода пересмотръ интеллектуальнаго наслѣдія древняго міра съ христіанской точки зрѣнія. Посмотримъ что сдѣлали они для выполненія второй и болѣе существенной задачи—истолкованія и примѣненія къ жизни источниковъ христіанскаго вѣроученія и нравоученія.

Все святые отцы нашего періода занимались истолкованіемъ библіи, такъ что библія была истолкована нѣсколько разъ. Иные оставили изъясненіе всей или почти всей библіи (Ефремъ Сиринъ, бл. Іеронимъ); другіе истолковали отдѣльныя книги (Григорій Богословъ, Іоаннъ Златоустый), третьи ограничились истолкованіемъ отдѣльныхъ мѣстъ библіи (Исидоръ Пилусіотъ) или частныхъ библиологическихъ вопросовъ (Епифаній Кипрскій). Сама въ себѣ библія по большей части проста и ясна и не нуждается въ истолкованіи. „Благодать Духа святаго“, говоритъ Іоаннъ Златоустый, „потому устроила такъ, чтобы свящ. книги были написаны мытарями, рыбарями, скинотворцами, пастухами, людьми простыми и неучеными,—дабы для всѣхъ понятно было читаемое, дабы и ремесленникъ, и слуга, и вдова, и самый малосмыслен-

ный человекъ приобрѣтали какую-нибудь пользу отъ слушанія. Ибо не для суетной славы, но для спасенія слушающихъ писали тѣ, которыхъ Богъ удостоилъ благодати св. Духа... Въ самомъ дѣлѣ, кому не понятно все, что написано въ евангелии? Кто, слыша: *блаженны кроткіе, милостивые, чистые сердцемъ* и другое сему подобное, будутъ имѣть нужду въ учителѣ, дабы уразумѣть это? А знаменія, чудеса, повѣствованія не каждому ли ясны и понятны?.. И однако, не смотря на такую простоту и ясность, св. писаніе было разясняемо, толкуемо и раскрываемо и при Златоустѣ, и до Златоуста, и вѣроятно будетъ разясняемо до скончанія вѣка. Проблема всегда состояла въ томъ, чтобы установить отношеніе между библіею, какъ основнымъ и вѣчнымъ источникомъ христіанскаго вѣроученія и правоученія,—и духомъ извѣстнаго времени съ его міросозерцаніемъ, нравами и обычаями. Такимъ образомъ исторія толкованія св. писанія въ сущности есть ничто иное, какъ исторія постоянныхъ компромиссовъ между простымъ и буквальнымъ смысломъ библіи и тѣмъ, что хотѣли найти въ ней люди извѣстной эпохи¹⁾. Въ сущности это—таже Сизифова работа, которая имѣетъ мѣсто при постоянной ломкѣ философскихъ системъ, но работа, которая совершается въ другихъ, болѣе ограничительныхъ для дѣятельности, условіяхъ. Разсматриваемое нами время не представляетъ въ этомъ отношеніи исключенія. Разница только въ томъ, что св. отцы нашей эпохи имѣли болѣе талантовъ, болѣе работы и болѣе свободы въ истолкованіи источниковъ христіанскаго вѣроученія и правоученія, чѣмъ всѣ послѣдующіе церковные писатели.

Собственно герменевтическое значеніе имѣетъ едвали десятая доля всѣхъ толкованій библіи, написанныхъ отцами нашего періода. Таковы вѣкоторыя объясненія Ефрема Сирина, заимствованныя изъ восточныхъ обычаевъ. Такъ,—обясняя то обстоятельство изъ исторіи завѣта Авраама съ Иеговою, что Авраамъ, по повелѣнію Божию, взялъ трехлѣтнихъ телицу, козу и овна, разсѣлъ ихъ по полямъ и положилъ одну часть противъ другой,—(Бытія XV, 9—10) св. отецъ говоритъ: „изясненія на сіе мѣсто надобно искать въ обычаяхъ халдеевъ. У нихъ былъ обычай, чтобы влянущіеся проходили среди разсѣченныхъ тру-

¹⁾ Мы не имѣемъ въ виду въ этомъ случаѣ комментаріевъ археологическаго свойства, имѣющихъ чисто-научный характеръ.

повѣ животныхъ и каждый притомъ произносилъ установленныя слова: *не дай Богъ, чтобы со мною тоже случилось!* Поелику же Авраамъ по происхожденію былъ халдей, то Богъ и благоволилъ заключить съ нимъ завѣтъ, сообразно съ его отечественнымъ обычаемъ“. Таковы вѣ-которые филологическіе и топографическіе комментаріи въ толкованіяхъ блаж. Иеронима. Таковы объясненія трудныхъ мѣстъ писанія въ письмахъ Исидора Пилусіота, поражающія своею прямою и здравомысліемъ. Вотъ на примѣръ отвѣтъ на вопросъ: какъ должно разумѣть слова: *еще око твое и рука твоя соблазняетъ тя, отъсѣчь ю* (Мѡ. 5, 29—30)? „Окомъ и рукою десною Христосъ назвалъ близкихъ намъ друзей, готовыхъ помогать намъ, какъ глазъ и рука. Если кто-либо изъ такихъ друзей дѣлается виновникомъ соблазна и погрязаетъ во грѣхѣ, который и насъ тревожитъ и его безчеститъ, то нужно отсѣчь такого друга“. (Письм. 83). Или вотъ еще напр. объясненіе весьма труднаго мѣста въ посланіи Павла (1 Кор. 15, 29): *еще отнюдь мертвыи не возстають, что и крещаются мертвыхъ ради?* „Мертвыми апостолъ называлъ тѣла, сравнивая ихъ природу съ природою души; ибо душа нескончаема и безсмертна, а тѣла тлѣнны и подвержены измѣненію. Когда мы крещаемся ради мертвыхъ по своей природѣ тѣлъ, то вѣруемъ, что приведемъ ихъ въ нетлѣніе. Таково объясненіе словъ апостола. — *Аще же,*—говоритъ онъ,—*отнюдь тѣла наши не воскреснутъ, то для чего и вѣруемъ, что крещеніе бываетъ для нихъ залогомъ нетлѣнія?*“ (Пис. 221.) За исключеніемъ подобнаго рода толкованій, которыя по своей основательности или по крайней мѣрѣ по остроумію остаются вѣчнымъ приобрѣтеніемъ библейской егзегетики,—остальные толкованія отцевъ нашего періода заключаютъ въ себѣ болѣею частію амплификацію библейскаго текста и примѣненіе его къ моральнымъ потребностямъ времени. По простотѣ, ясности, непринужденности и изяществу изложенія предпочтительнѣе другихъ толкованія и примѣненія св. Іоанна Златоустаго. Этотъ св. отецъ обладалъ поистинѣ евангельскимъ духомъ,—и въ его примѣненіяхъ также рисуется быть обитателей византійской имперіи IV—V вв., какъ въ притчахъ Христа Спасителя—быть обитателей Галилеи,—съ тѣмъ существеннымъ сходствомъ, что и тамъ, и тутъ мысль слушателя отъ обыденныхъ житейскихъ образовъ переносится въ міръ духовныхъ и вѣчныхъ отношеній. Вотъ напр. толкованіе псаломскаго изреченія: *обаце всуе мятется всякъ человекъ живый?* (Пс. 38 67). „Посмотри, возлюбленный, не морю ли подобны

дѣла человѣческія? Не такъ ли, какъ во время бури морской, носимся мы во всѣ стороны?... Этотъ у того отнялъ помѣстье; такой-то у такого-то сманилъ слугу; одинъ судится съ сосѣдомъ за воду; другой тягается за воздухъ. Одни ссорятся за межи: другіе жалуются другъ на друга изъ-за постройки домовъ. Одинъ старается получить то, чего не даль: другой оправдывается въ неотдачѣ того, что получилъ. Одинъ сокрушается отъ бѣдности, другой тревожится отъ богатства. Бѣдняка презираютъ, богачу завидуютъ. Начальника подозрѣваютъ, властелина ненавидятъ; лихоимство царствуетъ, ложь въ почетѣ, взаимная любовь другъ ко другу исчезла, правда оставила землю, дружба простирается не дальше трапезы. Изъ-за денегъ жизнь стала безжизненна; за деньги мы продали стихіи; мосты по дорогамъ содержатъ мытари; земля раздѣлена на участки; вода также нашла себѣ владѣльцевъ. Богачи таютъ отъ заботъ; ростовщики сохнутъ отъ многой думы; сребролюбцы испровергаютъ законы въ судилищахъ; купцы борются съ затрудненіями; клеветники торгуютъ обманомъ. *Обаче всуе мятется всякъ человекъ живый.*“ Приведемъ еще толкованіе одного псаломскаго стиха (Пс. 4. 5), замѣчательное и потому, что здѣсь между прочимъ высказывается любимая мысль Златоустаго, что человѣку стоитъ только—такъ сказать—протянуть руку, чтобы взять даруемое ему Богомъ спасеніе... „Есть у тебя свитокъ, въ которомъ ежедневно вносишь расходы свои; равнымъ образомъ, пусть совѣсть будетъ у тебя свиткомъ, въ которомъ записывай ежедневно грѣхи свои. Когда ты ляжешь на постель свою и никто уже не мѣшаетъ тебѣ, то, прежде нежели придетъ къ тебѣ сонъ, положи предъ собою свитокъ—совѣсть свою, и вспомни грѣхи свои, совершенные словомъ или дѣломъ или помышленіемъ, ибо это внушаетъ намъ пророкъ, говоря: *итѣвайте и не согрѣшайте, яже малолете въ сердцахъ вашихъ, на ложахъ вашихъ умилитеся* (Пс. 4. 5). Днемъ ты не имѣлъ времени, ты занятъ былъ или тяжкою или исполненіемъ порученнаго тебѣ дѣла; тебя развлекали бесѣда съ друзьями, домашнія нужды, попеченіе о дѣтяхъ, забота о женѣ и множество другихъ дѣлъ. Но когда придешь къ ложу твоему, чтобы дать покой членамъ твоимъ, и никто уже тебя не беспокоитъ, никто не доучаетъ тебѣ, тогда скажи душѣ своей: *разсмотримъ, душа моя, что мы сотлали добраго или худаго съ этотъ день!* И если что-нибудь доброе ты сдѣлалъ, то возблагодари Бога; если же—худое, то удержишься отъ сего

впредь, и, вспоминая грѣхи свои, пролей слезы; ты можешь, не принимаясь съ ложа, отирать ихъ.“

Но наряду съ толкованіями трогательными и назидательными, встрѣчаются въ церковной литературѣ нашего періода толкованія натянутыя и произвольныя, болѣе затемнявшія, нежели разъяснявшія св. писаніе. Эта натянутость толкованій зависѣла прежде всего отъ стремленія искать назиданія вездѣ,— даже тамъ, гдѣ прямой смыслъ писанія не давалъ для этого никакого права. Какое—по видимому—назиданіе можно сдѣлать изъ надписанія псалма: *о точилѣхъ?* (По переводу LXX *ὄπις τῶν ἀγρῶν*, точилѣ съ еврейскаго: *ча искома орудіа*. Пс. 80). Но св. Григорій нисскій находитъ возможнымъ сдѣлать слѣдующее назидательное толкованіе. „Точило есть орудіе винодѣлія; изъ выжимаемыхъ въ немъ гроздовъ выходитъ вино. Но если вино вытекаетъ изъ гроздовъ гнилыхъ или незрѣлыхъ, то оно скоро портится и дѣлается негоднымъ въ питью, прелаясь въ нѣчто, подобное укусу... Если же въ точило вложенъ гроздь добраго качества и зрѣлый; то изъ грозда потечетъ вино сладкое и благовонное... Посему, о чемъ же внушаетъ намъ наипаче заботиться эта загадка о гроздѣ? О томъ, чтобы обогащалась наша сокровищница человѣческаго ума, а эта сокровищница есть надежда; въ ней хранится разный запасъ для нашей жизни... Въ точилѣ каждой души, (а точиломъ служить совѣсть), гроздь дѣлаетъ намъ вино на послѣдующую жизнь, и каждому по необходимости придется вкушать отъ собственныхъ трудовъ, какіе бы они ни были“ и т. д. Стремленіе къ нравственному назиданію побуждало даже толкователей св. писанія отстранять дѣйствительные библейскіе факты, не мирившіеся съ аскетическими идеалами вѣка, и превращать ихъ въ символы. Такъ какъ простое житіе ветхо-завѣтныхъ патріарховъ, въ особенности же ихъ многоженство, казалось съ точки зрѣнія IV вѣка страннымъ и непоучительнымъ, то св. Амвросій медиоланскій въ своемъ толкованіи придаетъ патріархальнымъ временамъ символическое значеніе. Авраамъ представляется, какъ олицетвореніе вѣры; Исаакъ—какъ образъ чистой души, соединившейся съ Богомъ; Иаковъ какъ идеаль терпѣнія и постоянства въ трудѣ. Изъ женъ Иакова Рахиль служитъ символомъ созерцательной, а Лія—дѣятельной вѣры. Впрочемъ въ аллегорическомъ толкованіи Библии писатели нашего періода шли по слѣдамъ древнихъ александрійцевъ (Ср. 1 вып. стр. 25, 189—190).

Еще болѣе неблагоприятна была для правильнаго пониманія библіи привычка брать довольно неразборчиво пояснительные примѣры и подобія изъ современнаго византійскаго быта, часто ненормальнаго, во всякомъ случаѣ имѣвшаго только условную значимость. Для людей, пережившихъ и осудившихъ эпоху пытокъ, вѣскольکو странно звучитъ приглашеніе Іоанна Златоустаго къ самоиспытанію, сдѣланное въ терминахъ, напоминающихъ пыточный процессъ. „Когда начнешь разсуждать самъ съ собою, то всѣ свои помыслы растяни какъ бы посредствомъ мучительнаго орудія и когтями страха Божія оскребай ихъ“. Отношенія подданныхъ къ царю, рабовъ къ господину, и возникающія при этомъ чувства страха и подобострастія постоянно выставляются церковными писателями, какъ образецъ для объясненія духовныхъ и вѣчныхъ отношеній. Отъ этого съ одной стороны затемнялось правильное пониманіе нравственныхъ обязанностей, съ другой стороны придавалась религіозная санкція общественнымъ учрежденіямъ, временнымъ и несовершеннымъ.

Не ограничиваясь истолкованіемъ отдѣльныхъ мѣстъ св. писанія въ томъ видѣ и порядкѣ, какъ они стоятъ въ библіи, церковные писатели нашего періода дѣлали опытъ группированія и систематизированія текстовъ св. Писанія для оправданія извѣстныхъ догматовъ, представлявшихъ собою отвѣтъ на вопросы современной религіозной мысли. Вопросы религіозной мысли были совершенно различны на востокѣ и на западѣ. Западъ разсуждалъ о челоуѣкѣ въ его отношеніяхъ къ Божеству, — о свободѣ, о благодати, о предопредѣленіи, о первородномъ грѣхѣ, о степени немощи и испорченности челоуѣческой природы; единственная крупная ересь, возникшая на западѣ и волновавшая западъ, было иелагіанство. Востокъ напротивъ того былъ занятъ размышленіями о Божествѣ самомъ въ себѣ, о взаимномъ отношеніи лицъ св. Троицы, объ отношеніи во Христѣ двухъ природъ божеской и челоуѣческой. Движеніе религіозной мысли на востокѣ было многозначительнѣе, чѣмъ на западѣ, какъ по содержанію догматовъ, такъ и по силѣ умственнаго напряженія, и потому наконецъ, что окончательное опредѣленіе догмата совершалось на *вселенскихъ соборахъ*, которые имѣли мѣсто только на востокѣ. Догматическому опредѣленію предшествовала долгая литературная борьба, которая болшею частію не заканчивалась и послѣ соборнаго рѣшенія. Въ эпоху борьбы борящіяся стороны не могли, подобно древнимъ философамъ, утверждать свое мнѣніе только

субъективными соображеніями, но должны были основываться на авторитетѣ св. Писанія и древнихъ его истолкователей. Интересъ борьбы побуждалъ къ внимательному изученію св. Писанія, сосредоточивавшемуся особенно около тѣхъ текстовъ, которые давали собою ключъ къ извѣстному рѣшенію догматическаго вопроса. (Таковы напр. тексты: *Господь созда мя начало путей своихъ въ дѣла своя*. Притч. 8, 22. Псаломъ: *о дни же томъ и часть никтоже вѣсть, ни ангели божіи, ни Сынъ, токмо Отецъ* Мр. 13, 32.) Чѣмъ далѣе шло время, тѣмъ болѣе умножались церковные авторитеты, тѣмъ болѣе сужался кругъ свободнаго размышленія даже подъ руководствомъ библіи, и церковная литература обрекалась на молчаніе и безплодіе. Но въ эту эпоху, о которой у насъ идетъ рѣчь, возможно было еще разнообразіе догматическихъ мнѣній у писателей, одинаково православныхъ и одинаково канонизованныхъ. Существовали даже современно два богословскихъ направленія, въ которыхъ каждое имѣло на своей сторонѣ православныхъ и уважаемыхъ писателей. Эти направленія не совсѣмъ точно называются *антиохійскимъ* и *александрійскимъ* и съ большею точностію могутъ быть названы *умѣренно-раціоналистическимъ* и *супра-натуралистическимъ*. Къ второму направленію принадлежатъ изъ отцевъ церкви разсматриваемаго періода св. Аѳанасій великій, св. Василій великій, св. Григорій Богословъ, св. Кириллъ александрійскій; къ первому—св. Іоаннъ Златоустъ, бл. Феодоритъ кирскій, Іоаннъ антиохійскій, св. Флавіанъ константинопольскій. Изъ вселенскихъ соборовъ на I и III преобладало направленіе супра-натуралистическое, на II и IV—умѣренно-раціоналистическое. Говоря это, мы сообщаемъ только результаты докторской диссертациі А. П. Лебедева, *вселенскіе соборы IV и V вѣка*, (М. 1879) къ которой и отсылаемъ нашихъ читателей.

Въ заключеніе изложенія литературныхъ трудовъ по изученію библіи нельзя не упомянуть о попыткѣ дать содержанію библіи одежду изящныхъ образцовъ древней эллинской поэзіи. Такъ св. Григорій Богословъ въ звучныхъ ямбахъ исчислялъ каноническія св. книги, евангельскія чудеса и притчи; Аполлинарій е. лаодикійскій, изъясняя евангелія и дѣянія апостольскія, излагалъ содержаніе ихъ въ формѣ разговоровъ, подражая Платоновымъ діалогамъ; императрица Аѳинаида-Евдокія изображала содержаніе библейской исторіи въ стихотворной формѣ героической поэмы.

Монашество. Иноческая литература. Распространение
иночества. Новые виды иноческих подвиговъ.

Монашество въ настоящемъ періодѣ усилилось болѣе прежняго и стало считаться желанною пристанью послѣ житейскихъ бурь и прямымъ путемъ къ царству небесному. Въ золотой вѣкъ христіанской литературы, когда большинство церковныхъ писателей было проникнуто иноческимъ міросозерцаніемъ, естественно должна была возникнуть специально-иноческая литература, въ которой иночество находило бы для себя и оправданіе, и возбужденіе къ подвигамъ, и руководство. Такимъ образомъ специально-иноческая литература можетъ быть разсматриваема какъ *а.*, *апологетическая* *б.*, *умилительная* *γ.*, *руководственная* (старческая).

Иночество, не смотря на свою распространенность и сообразность съ духомъ времени, все-таки нуждалось въ апології. Упорные язычники относились къ инокамъ съ ненавистію и презрѣніемъ. Такъ языческій историкъ Зосима называетъ иноковъ — людьми негодными ни къ войнѣ, ни къ чему либо иному въ гражданской жизни. Христіане, воспитанные на классической литературѣ, также находили въ иночествѣ много страннаго и особенно порицали иноковъ за пренебреженіе къ наукѣ и стремленіе достигнуть совершенства однимъ усиліемъ воли, такъ сказать, однимъ скачкомъ. Такъ Синезій, въ послѣдствіи епископъ пентапольскій, называя монаховъ *варварами* въ противоположность образованнымъ еллинамъ, говорить слѣдующее: „я тщательно наблюдалъ варваровъ, которые, рѣшившись вести жизнь созерцательную, удаляются отъ гражданской службы и людскаго сообщества, какъ бы желая всѣми мѣрами отрѣшиться отъ узъ природы. У нихъ есть благочестивые гимны, священные символы и другія моленія и доступъ къ божественному: все это подлинно отдѣляетъ ихъ отъ обращенія съ матеріею: они проводятъ жизнь въ уединеніи и не позволяютъ себѣ ничего пріятнаго для зрѣнія и слуха. *Ибо они не пьютъ хлѣба и не пьютъ искривленнаго вина;* кто скажетъ это объ нихъ, не погрѣшитъ противъ истины. Но и они, такъ блистательно возставая противъ природы и, можно сказать, будучи весьма достойны блаженной жизни, не могутъ не утомляться, не могутъ имѣть свой умъ постоянно горѣ.“ Синезій порицаетъ иноковъ за то, что они наполняютъ свои досуги руководѣлемъ, а не наукою. „Я знаю“, говоритъ Синезій, „что я человекъ, а не богъ, чтобы быть равно-

душнымъ ко всякому удовольствію; также и не животное, чтобы предаваться удовольствіямъ тѣлеснымъ. Остается, чтобы мы поискали чего-нибудь средняго. Но чтоже это среднее, какъ не тотъ досугъ, который употребляется на науки? Какое удовольствіе чище? Или какая страсть безстрастнѣе? Въ этомъ я предпочитаю еллина варвару (т. е. человѣка классически образованнаго—безграмотному пустынножителю). Если же кто идетъ инымъ путемъ, то мнѣ кажется вовсе не идти. Ибо чтó это за путь, на которомъ не видно никакой постепенности, нѣтъ ничего ни прежде, ни послѣ,—однимъ словомъ нѣтъ опредѣленнаго порядка?“ Наконецъ много было порицателей монашества, которымъ казались невыносимы для природы человѣческой его строгіе обѣты. Таковы были на западѣ пресвитеръ Вигиланцій и два монаха Сармаціонъ и Барбаціонъ, о которыхъ св. Амвросій медиоланскій говоритъ слѣдующее: *vaniloqui homines, qui dicunt nullum esse abstinentiae meritum, nullam frugalitatis, nullam virginitatis gratiam, pari omnes aestimari pretio, delirare eos, qui jejuniis castigant carnem suam et menti subditam faciant etc.* Такъ какъ подобныя возгласы о невыносимости и бесполезности монашества основывались на инстинктахъ, общихъ всему человѣчеству, то не удивительно, что они слышались какъ на западѣ, такъ и на востокѣ.

Но монашество имѣло на своей сторонѣ сильныхъ апологетовъ. Таковъ былъ прежде всего св. Григорій Богословъ. Свою апологию монашества св. Григорій изложилъ въ стихотвореніи: *похвала дѣвству*. Здѣсь, олицетворяя *дѣвство* и *супружество*, св. Григорій заставляеть ихъ диспутировать между собою о преимуществѣ. *Супружество* указываетъ на тягость *дѣвства*; дѣвство—на скорби *супружества*. *Супружество* говоритъ: „жизнь безъ любви не полна, сурова, мрачна, бездомовна и любить скитаться по горамъ: она не спасаетъ отъ страданій, не врачуетъ дряхлой старости, не даетъ родителямъ оживать въ своихъ дѣтяхъ, не скрѣпляетъ жизни пріятными связями. Не обзавшіеся супружествомъ не находятъ себѣ удовольствія ни въ народныхъ собраніяхъ, ни на пиршествахъ; но угрюмы и чужды для міра... и въ сердцахъ ихъ нѣтъ единодушія съ людьми.“ *Дѣвство* съ своей стороны заявляетъ, что и супружество представляетъ собою далеко не непрерывную цѣпь радостей. „Жена покупаетъ себѣ мужа, а чтó всего хуже, часто и не добраго. И у мужа жена купленная, и не рѣдко ненавистная; это такое зло,—которое самъ онъ на себя на-

ложилъ и котораго сложить не можетъ... Положимъ, что супруги не худы и единоклупны, но тяжкая доля постигала не рѣдко и новобрачныхъ. Нынѣ женихъ; а завтра мертвецъ... Сперва дѣва, потомъ супруга, потомъ вдова; и все это иногда въ одну ночь и въ одинъ день... Умолчу о болѣзняхъ дѣторожденія, о ношенія въ чревѣ мертваго бремени, о жалкомъ и неимѣющемъ матери плодѣ, когда рожающая дѣлается для него сперва гробомъ, а потомъ рождаетъ; о смерти младенцевъ до ихъ рожденія, о чревоношеніи бесплодномъ; умолчу о произведеніи на свѣтъ недоношенныхъ, скудоумныхъ и уродовъ,—объ этомъ искаженіи человѣческаго рода, объ игрѣ плоти. Если кто взвѣситъ это и посмотритъ, куда потянуть вѣсы; то всякому благоразумному откроется, что дѣвственная жизнь сильно тянетъ вверхъ, къ царствующему въ вышнихъ Богу^а.

Разсматривая вопросъ со стороны пользы для человѣчества, *супружество* указываетъ на рядъ превосходныхъ людей, которые—разумѣется—обязаны ему своимъ существованіемъ. „Добрыхъ не земля изъ себя породила, какъ это говорятъ о чудовищномъ племени исполиновъ; но всѣ они—и порожденіе, и слава супружества... Представлю сильнѣйшее доказательство, въ пользу супружеской любви,“ говоритъ *супружество*. „И Христосъ воплотился, хотя въ чистой, однако въ человѣческой утробѣ, и родился отъ жены обрученной, половину человѣческаго супружества принявъ въ соединеніе съ божествомъ... Да и дѣвственницы, какъ и всѣ, мой родъ.“ Возраженія *отчества* таковы: „если восхищаешься мудрыми, потому что они отъ тебя родились, то представь и порока негодныхъ, для которыхъ ты составляешь корень... Всякому извѣстно, что въ какой мѣрѣ праха болѣе нежели золота, въ такой же—и порочные многочисленнѣе добродѣтельныхъ... Притомъ смертный, ни худой, ни добрый, не знаетъ свойствъ своего порожденія, что изъ него выйдетъ. И добрый не поручится въ томъ, что произведетъ лучшаго. Иной, будучи Павломъ, произведетъ на свѣтъ сына христоубійцу—беззаконнаго Анну или Каафу, или даже какого-нибудь Іуду. А иной, самъ весь во грѣхѣ, какъ Іуда, но называется родителемъ божественнаго Павла или Петра, несокрушимаго камня, которому повѣряются ключи. И того не знаетъ отецъ, родить ли онъ любезнаго сына или дочь; но только возстаніе плоти угашаетъ на супружескомъ ложѣ. Отъ одного первороднаго произошли и завистливый Каинъ и добродѣтельный Авель, приносящій богоугодную жертву.

И злонаправный Исавъ, и благонаправный Иаковъ—Исааковы дѣти; и,—что всего замѣчательнѣе,—близнецы и дѣти одного отца ни въ чемъ не походятъ одинъ на другаго... Что же изъ всего этого припишемъ супружеству? По крайней мѣрѣ я не припишу ничего: потому что усюпрагающихся не тотъ удастся образъ, который былъ имъ пріятенъ. Кто забавляется игрою въ зернь, отъ того зависитъ только бросить кости, а чтобы вышелъ четъ или не четъ,—это дѣлаютъ не руки играющаго, а случайныя превращенія костей; такъ и супружество, посѣвая чадъ, не дѣлаетъ ихъ благоразумными или худыми“. Впрочемъ, уступая *супружеству* всѣхъ земнородныхъ, какъ добрыхъ, такъ и худыхъ, *дѣство* имѣло на своей сторонѣ Бога и ангеловъ. „Первая дѣва есть чистая Троица... Послѣ же Троицы—свѣтозарныя, невидимыя ангелы... Одноюкою жизнь приводятъ сіи чистые служители чистаго Бога. Они просты, духовны, проникнуты свѣтомъ, не отъ плоти ведутъ начало, и не входятъ въ плоти, но пребываютъ, каковыми созданы“.

Но самая существенная для христіанина сторона вопроса—разумѣется въ томъ, что благопріятнѣе для душевнаго спасенія: дѣвство или супружество? *Супружество* пыталось доказать свое превосходство и на этомъ поприщѣ, но—разумѣется неудачно. „Правда“, говоритъ *супружество*—„не знаютъ брака, выше страстей и тяжкихъ заботъ тѣ природы, въ удѣлъ которымъ дано широкое небо; но намъ, однопдневнымъ тварямъ, полезно супружество и узы;—это корень многихъ вѣтвей и любовныхъ плодовъ, это добрая опора сладостной жизни... Супружество не удаляетъ отъ Бога, напротивъ болѣе привязываетъ, потому что больше имѣетъ побужденій... Безбрачные, не обремененныя заботами, менѣе имѣютъ нужду въ помощи великаго Бога; но кто обязанъ быть почитателемъ милой супруги, имѣнія и дѣтей,—кто разсѣваетъ обширнѣйшее море жизни, тому нужна бодшая помощь Божія, тотъ взаимно и самъ болѣе любитъ Бога.“ Но *дѣвству*, опираясь на слова писанія, не трудно было доказать свое превосходство. „Слаба любовь“, говоритъ *дѣвство*, „если раздѣлена между міромъ и Христомъ; а напротивъ того тверда, если устремлена къ Единому... Долго ли вамъ, уподобляясь презрѣнной черепахѣ, или осьминогу раку, который ходитъ не прямо, или длинной змѣѣ, которая пресмыкается на чревѣ,—долго ли вамъ влечить жизнь, обремененную ужасною тяготою плоти? Послушаемъ наконецъ Христовыхъ совѣтовъ, отринемъ красоту, богатство, славу, родъ, счастье,.. взойдемъ въ легкую

жизнь, очистимся, будемъ единодушны съ небесными чистыми силами, дабы съ веселіемъ воспѣть торжественную пѣснь Царю! Какъ изринутые изъ свѣтлаго рая, получили мы въ удѣлъ супружество и многотрудную землю,—такъ чрезъ жизнь, незнающую житейскихъ узъ, взодемъ опять въ славу, къ тому доброму райскому древу, котораго лишились за безразсудство.“ — Еще болѣе жаркимъ апологетомъ дѣвства и монашества былъ блаж. Иеронимъ,—особенно въ письмѣ къ Евстохіи о *храненіи дѣвства*. Тамъ между прочимъ читаемъ слѣдующее: „Ева въ рай была дѣвою: послѣ кожаныхъ ризъ началось ея брачное состояніе. Твоя страна—рай: Сохрани то, съ чѣмъ ты родилась и скажи: *возвратися, душе моя, въ покой твой*. Вотъ тебѣ доказательство, что дѣвство свойственно природѣ, а бракъ имѣетъ мѣсто послѣ грѣхопаденія: вслѣдствіе брака рождается дѣвственное тѣло, въ плодѣ вновь приобрѣтается то, что потеряно въ корнѣ. *Изыдетъ отрасль изъ корене Иессова и цвѣтъ отъ корене ея взыдетъ* (Пс. II, 1). Отрасль есть Матерь Господня простая, чистая, непорочная, чуждая всякаго сѣмени отца и, подобно Богу, плодоносная въ уединеніи. Цвѣтъ этой отрасли—Христосъ, говорящій: *азъ цвѣтъ полный и крикъ удолный* (пѣсн. п. 2 1). Онъ же въ другомъ мѣстѣ называется камнемъ, отторгшимся отъ горы безъ содѣйствія рукъ (Дан. 2, 45), чѣмъ обозначаетъ пророкъ дѣвственное рожденіе Его отъ дѣвы... Дерзновенно говорю: Богъ все можетъ, но не можетъ воздвигнуть дѣвицу послѣ ея паденія... Вся сила діавола противъ мужчинъ заключается въ чреслахъ; вся крѣпость его противъ женщинъ—въ пупѣ... Я хвалю бракъ, хвалю супружество, но потому что отъ брака рождаются дѣвственные люди; я отдѣляю розу отъ шиповъ, золото отъ земли, жемчужину отъ раковины... За чѣмъ ты, мать, завидуешь дочери? Она воспитана твоимъ молокомъ, она рождена твоимъ чревомъ, она выросла у твоего лона. Ты сохранила ее въ дѣвствѣ своимъ благочестивымъ типаніемъ. Неужели ты негодуешь, что она захотѣла быть супругою не воина, а царя? Она сдѣлала тебѣ великое благодареніе. Ты стала тещею Божіею.“ Письмо заканчивается изображеніемъ того триумфа, который ожидаетъ на томъ свѣтѣ дѣвственницъ и дѣвственниковъ.

Печальныя обстоятельства времени—войны, землетрясенія, нашествія варваровъ, тяжелая и раззорительная администрація имперіи—придавали много силы и убѣдительности аргументамъ въ пользу дѣв-

ства и отреченія отъ земныхъ суетъ. Мірѣ въ глазахъ христіанна того времени не имѣлъ уже права на дальнѣйшее существованіе и никакой предъ собою цѣли. Все ожидаемое исполнилось. Христіанская вѣра побѣдила язычество: евангеліе проповѣдывалось всѣмъ извѣстнымъ тогда народамъ. Государственный бытъ римской имперіи разрушился. Всѣ знаменія, какими обозначалось въ евангеліи приближеніе кончины міра, были на виду. Чего оставалось ожидать иного, кромѣ послѣдняго суда? Легко было удалиться отъ человѣческаго общества, когда въ средѣ его жилось такъ тяжело и дурно, и впереди не ожидалось ничего лучшаго. Но и удалившись въ пустыню, нельзя было уйти отъ себя самого; человѣкъ всюду несъ съ собою свои помыслы и страсти. Языческая литература для монаха—по выраженію Исидора Пилусіота—(п. 63) „страшно раздражала раны, начинавшія подживать.“ тоже самое дѣйствіе производили воспоминанія и представленія о лицахъ и предметахъ, покинутыхъ въ мірѣ. Чтобы дать духовной жизни отшельника новое идеальное настроеніе, должна была послужить и дѣйствительно послужила свято-отеческая литература, особенно та часть ея, которая вращалась около представленій о смерти и послѣднемъ судѣ и которую мы обозначаемъ эпитетомъ: *умилительная*. Главнымъ представителемъ умиленной литературы, возбуждавшей человѣка отъ сна грѣховнаго, былъ св. Ефремъ Сиринъ. Горячее чувство, проникающее эсхатологическія размышленія св. отца, дѣйствуетъ на читателя неотразимымъ образомъ; это—страницы изъ душевной исторіи, писанныя не чернилами, а жгучими слезами. „Я грѣшный Ефремъ“, пишетъ св. отецъ, „слабъ и лѣнивъ къ духовной борьбѣ; по крайней мѣрѣ расскажу вамъ, возлюбленные, о великомъ страхѣ и трепетѣ души моея, въ какомъ я, бѣдный и разсѣянный, находился въ одинъ день. Сидѣлъ я наединѣ въ одномъ нешумномъ, безмолвномъ и возвышенномъ мѣстѣ, размышлялъ самъ съ собою, и перебиралъ жизнь сію, ея заботы, смятенія, молву и, заплакавъ, сталъ говорить самъ себѣ: „почему эта жизнь проходитъ, какъ тѣнь, пробѣгаетъ, какъ самый быстрый скороходъ, и увядаетъ, какъ утренній цвѣтокъ?“ И опечаленный воздыхая связалъ я: „какъ проходитъ сей вѣкъ, мы не знаемъ. Для чего же по слабости своей связаны дѣлами и помыслами непростойными?“ Размышляя объ этомъ самъ съ собою, вдругъ возвелъ я очи къ небу и пришелъ какъ бы въ изступленіе. Напалъ на меня великій страхъ и очами сердца своего узрѣлъ я Господа, сѣдя-

ицаго на престолѣ въ великой славѣ; и Онъ сказалъ душѣ моеи такъ: „для чего ты, душа, невѣста моя, ненавидишь пречистаго и безсмертнаго жениха? Для чего не заботишься предстать мнѣ въ пришествіе мое?... для тебя душа я потерпѣлъ смерть... Въ наслѣдіе тебѣ, беззавѣстно отдалъ я царство. Для тебя, душа, и человѣкомъ сталъ, желая искупить жизнь твою отъ тлѣнія.“ Великимъ страхомъ, братіе, убоялся я въ часъ тотъ, очами ума своего вникая въ страшныя слова Господни и видя великій стыдъ души своей. Въ ужасъ и трепетъ пришелъ я, лишился силъ отъ страха и великаго смятенія; подумалъ: „гдѣ мнѣ укрыться, не терпя поворота этого стыда?“ и сказалъ: „вы, горы, покройте грѣшнаго и нечестивца!“ И возвысивъ голосъ, заплакалъ, со стыдомъ приклонивъ внизъ голову свою, и проливая о себѣ слезы, говорилъ: „за чѣмъ вышелъ я изъ матерней утробы раздражать святаго, благаго и милосердаго Господа? Не воспользовался я зачатіемъ моимъ во чревѣ и возрастаніемъ тѣлеснымъ, не воспользовался небесными дарованіями и святыми врачевствами Твоей благодати!“ Какъ скоро вспоминаю я о томъ днѣ и часѣ, когда постигъ меня сей внезапный страхъ, прихожу въ боязнь и съ воздыханіями проливаю слезы. И скорѣе опять забываю обо всемъ, и о молитвѣ; и о слезахъ, и о страхѣ, и о времени покаянія, данномъ мнѣ по благодати Божіей. Отчего же бываетъ это со мною? отчего эта сухость сердца, это нерадѣніе, эта забывчивость? Отчего вдругъ дѣлаюсь безстыднымъ и безстрашнымъ, разсѣяннымъ и гнѣвливымъ, человѣкомъ, у котораго все нѣтъ предъ глазами ни грѣха, ни будущаго суда?... Умоляю всѣхъ васъ, боголюбивые друзья мои, помолитесь о мнѣ грѣшномъ и ничтожному щедрому и человѣколюбивому Богу... Вотъ опять припадаю при дверяхъ Владыки моего; прося, умоляя, покланяясь и непрестанно говоря: „прости мнѣ прегрѣшенія мои, Долготерпѣливый!“

Приведемъ еще сокрушенное размышленіе св. Ефрема о страшномъ судѣ. „Въ одинъ день, вставъ весьма рано, ходилъ я съ двумя братіями внѣ благословеннаго города Едессы, возвелъ очи свои на небо, которое, подобно чистому зеркалу, со славою осіявало звѣздами землю, и въ удивленіи сказалъ: „если звѣзды сіяютъ съ такою славою, то кольми паче праведные и святые, сотворившіе волю святаго Бога въ тотъ часъ, когда придетъ Господь, возсіяютъ неизгладаннымъ свѣтомъ Спасительной славы.“ Но вдругъ при воспоминаніи о странномъ ономъ Христовомъ пришествіи, содрогнулись кости мои и, ощутивъ

смущеніе въ тѣлѣ и душѣ, заплакалъ я съ сердечною болію и сказалъ востыкая: „какимъ я—грѣшныи окажусь въ этотъ страшный часъ? Какъ предстану престолу страшнаго Судіи?—Какъ мнѣ, возлищу, стать съ овцами одесную Христа?“ Оба брата со слезами говорили: „для чего такъ жалобно плачешь, отецъ?“ И я сказалъ имъ: „Чада мои возлюбленные! за нерадѣніе свое плачу я о себѣ. Благій Богъ даровалъ намъ просвѣщеніе и вѣденіе; а я день за днемъ отвергаю оно. Если бы я исполнялъ волю Господню, то блаженъ былъ бы въ часъ тотъ, и не я одинъ, но блаженны были бы всѣ творившіе волю Господню. Песему-то, братія, вовсе не будетъ тамъ у насъ оправданія, потому что всѣ мы грѣшныи сознательно... Чтѣ воздадимъ милосердому Богу за всѣ блага и дары, за то, что снишелъ Онъ съ небесъ отъ Отца, или что ради насъ воплотился во чревѣ, или что за насъ былъ заушенъ? Чтѣбы воздать за одно заушеніе, то если бы мы тысячи лѣтъ жили на землѣ, ничѣмъ не могли бы вознаградить за сію Божию милость. Того боюсь я, чада мои возлюбленные, (ибо въ точности знаю нерадѣніе свое), чтѣбы всѣ видящіе меня и ублажающе живое мое благоговѣніе, не оплевали меня тамъ, когда увидятъ меня горящимъ въ огнѣ...“ Пощади милосердый Господи! Здѣсь, Спаситель мой, накажи меня, какъ чадолюбивый сердобольный Отецъ, а тамъ прости, какъ единый безгрѣшныи небесныи Богъ!“

Представленія о смерти и судѣ были любимыми мотивами умилительной лиры сирскаго поэта—инока. Есть у него и слово объ *антихриствѣ*, гдѣ антихристъ рисуется чертами, взятыми съ образа Юліана отступника. Есть и ужасающее изображеніе разлученія души съ тѣломъ и вѣчности адскихъ мученій, нашедшее себѣ отголосокъ въ русскихъ духовныхъ стихахъ. Сявовъ радъ вѣковъ *сирскій пророкъ* умиляетъ и трогаетъ насъ искренностію своего сердечнаго сокрушенія. ¹⁾ Можно представить себѣ, какъ велико было вліяніе его твореній въ вѣкъ набожности, когда люди цѣлыми тысячами уходили въ монастыри съ единственною заботою остальное время жизни въ мирѣ и покаяніи скончать.

¹⁾ Вліяніе Ефрема Сирина отразилось и на отычливой натурѣ русскаго поэта Пушкина, какъ это видно изъ одного очень извѣстнаго стихотворенія, заключающаго въ себѣ переложеніе великопостной молитвы св. Ефрема: *Господи и Владыко живота моего....*

Совершенно особый вид иноческой литературы составляет литература руководительная, *старческая*, епистолярная, главными представителями которой въ нашемъ періодѣ были Исидоръ Пилусіотъ и св. Нилъ Синайскій. Аввы руководители, старцы, опытные въ духовной жизни, имѣли большое значеніе и для монаховъ и для мірянъ. Переплывъ въ свое время море искушеній и достигши блаженнаго безстрастія, аввы могли подавать руку помощи и искушаемымъ. Монахамъ естественно было просить совѣта у опытныхъ старцевъ, которые находились при концѣ того пути, на который только что вступали новоначальные. Но и для мірянъ въ трудныхъ душевныхъ обстоятельствахъ, важно было услышать какъ бы съ *того берега* голосъ людей, для которыхъ уже миновали земныя волненія и которые могли судить прямо и безпристрастно, единственно съ точки зрѣнія душевнаго спасенія. Личная бесѣда со старцами не всегда была удобна по отдаленности разстоянія и по любви старцевъ къ уединенію: оставалась бесѣда письменная, въ которую нѣкоторые изъ старцевъ вступали очень охотно. Такъ св. Исидоръ Пилусіотъ оставилъ до 10000 писемъ, изъ которыхъ пятая доля уцѣлѣла до настоящаго времени. Св. Нилъ Синайскій оставилъ до 1000 писемъ. Не мало писемъ осталось также послѣ св. Григорія Богослова, Василія великаго, блаж. Иеронима и др. Бывали часто случаи, что св. старцы по своей охотѣ безъ чьего-либо вызова подавали свой обличительный голосъ съ смѣлостію и откровенностію людей *не отъ міра сего*. Въ какой мѣрѣ старческая переписка была естественнымъ плодомъ прочно сложившихся историческихъ условій и отношеній, видно изъ того, что, начавшись въ IV вѣка, она не прекращалась и до настоящаго времени, и недавно изданныя во многихъ томахъ письма Макарія старца оптинскаго принадлежать къ той же епистолярной духовнической литературѣ, начало которой видимъ въ письмахъ Исидора Пилусіота и Нила Синайскаго.

Если апологетическо-иноческая литература рисуетъ намъ идеальную сторону монашества, то литература старческая знакомитъ насъ съ далекою отъ идеала дѣйствительностію. Иноческая правдность, бродячая жизнь, скупость рисуются въ этихъ письмахъ съ безопашдною откровенностію „Для чего“, пишетъ Исидоръ Пилусіотъ одному архимандриту (П. 298) „уготавлиаешь полки и дружины, не монаховъ, а вѣрнѣе сказать бойцовъ? Слѣдовало бы знать тебѣ, что утомительная правдность впа-

дасть въ безчиніе помысловъ. Посему или учи заниматься какнмъ-нибудь дѣломъ, или уменьши многолюдство, чтобы не потребовалось труда упрашивать и даже прибѣгнуть къ помощи оружія, когда невоздержность вмѣстѣ съ праздностію возбуждать ихъ къ нововведеніямъ". — Бродячую жизнь иноковъ обличаетъ Исидоръ въ письмѣ (314) къ престарѣлому монаху Целагію. „Тебѣ уже много дѣтъ, однако все еще неутомную имѣешь мысль, изъ одной обители переходя въ другую и во всякой пробуя, какова трапеза. Поэтому, если занимаютъ тебя запахъ жирныхъ яствъ и вкусное приготовленіе лакомыхъ снѣдѣй; то лучше уже ласкайся къ людямъ чиновнымъ и обнюхивай въ городахъ кухонные очаги, потому что пустынники не въ состояніи угощать тебя такъ роскошно“. Монашескую скупость и грубость обличаетъ св. Исидоръ въ слѣдующемъ письмѣ (150) къ пилусіотскимъ монахамъ. „Случилось мнѣ встрѣтить сказывавшихъ о себѣ, будто бы въ полдень подъ открытымъ небомъ одолаваемые зноемъ и жаждою прибѣгли они у васъ подъ тѣнь преддверія и нашли тутъ, если говорить правду, пса или человѣконенавистника волка; тотъ самый, кому ввѣрено у васъ страннопріимство, прогналъ ихъ, небивъ немилосердо. Но если *не отдаще нѣщныи страннопріима атемы*;—то вы не по невѣденію, а вполне сознательно гоните отъ себя ангеловъ.“

Въ церковно-историческомъ отношеніи особенно важны письма Исидора Пилусіота къ Кириллу александрійскому, изъ которыхъ видно, что св. отшельникъ не особенно одобрялъ крутой образъ дѣйствій александрійскаго святителя въ борьбѣ съ Несторіемъ. „Пристрастіе недальновидно“, писалъ Исидоръ къ Кириллу во время ефесскаго собора, (II. 310), „а ненависть вовсе ничего не видитъ. Посему, если желательно тебѣ быть чистымъ отъ того и другаго недостатка, не произноси необдуманныхъ приговоровъ, но подвергай преступленіе справедливому суду; потому что и Богъ, который знаетъ все прежде событія, человеколюбиво благоволилъ низойти и видѣть *вопль содомскій* (Быт. 18, 20), научая насъ дѣлать все по точномъ изслѣдованіи. Ибо многіе изъ собравшихся въ Ефесѣ въ уворизну тебѣ говорятъ, будто бы удовлетворяешь собственной своей враждѣ, а не того православно ищешь, что нужно для Иисуса Христа. *Феофиловъ онъ племянникъ*,—говорятъ о тебѣ,—*и ево держится духа*. Какъ Феофиль ясно излилъ неистовство свое на богоноснаго и боголюбиваго Іоанна, такъ и Кириллу желательно показать себя, хотя и есть большая разность между подсу-

дыми. “ Слѣдующее письмо къ Кириллу (370) написано спокойнѣе, но также въ поучительномъ тонѣ и съ приглашеніемъ исправиться. „Устраняюгь меня примѣры изъ божественнаго писанія и вынуждаюсь написать, о чемъ должно. Ибо если я отецъ, какъ говоришь самъ ты,—то боюсь осужденія, какому подпалъ Илій за то, что не уцѣлѣ жудриахъ согрѣшавшихъ сыновей; а если, какъ вѣрнѣ знаю, я сынъ предъ тобою, носящимъ на себѣ образъ великаго Марка,—то страшнѣе меня наказаніе, какому подвергся Ионаанъ, за то, что не оставилъ отца, искавшаго волшебницы. Посему, чтобы и мнѣ не быть осужденнымъ и тебя не осудилъ Богъ,—прекрати распри, и мщеніе за свою обиду не переноси въ живую церковь, не возбуждай въ ней подъ предлогомъ благочестія вѣчнаго раздора.“

Если такъ смѣло писалъ Исидоръ Пилусіотъ къ сильному своимъ положеніемъ и характеромъ патриарху александрійскому, то понятно, что св. авва еще менѣе стѣснялся со всѣми другими корреспондентами. Вотъ напр. письмо (119) св. Исидора къ мѣстному (пилусіотскому) епископу Евсевию съ обличеніемъ за хиротонію двухъ недостойныхъ людей—Зосимы и Марона. „Прекрасно изучилъ ты псаломское слово и собралъ *единомысленные въ домъ* Господень (Пс. 67, 7), къ Зосимѣ присовокупивъ и Марона, приложивъ, какъ думаю, все стараніе, чтобы внѣ алтара не оставалось ничего негоднаго. Посему знай, что, умножая число Симонковъ, думающихъ за деньги пріобрѣсти Божіа Духа, пріобрѣлъ ты общій съ предателемъ копелекъ, погрязая *въ желчи юрести и соизъ неправды*, дерзко предавая на поруганіе то, къ чему желаютъ имѣть доступъ сами ангелы.“ Еще менѣе падали въ своихъ письмахъ св. Исидоръ самихъ недостойныхъ пресвитеровъ. „Если и восхитилъ ты себѣ“, писалъ св. Исидоръ Марону (пис. 145) „священство проискаши и кучею денегъ, укрывшись отъ людей неспособныхъ видѣть истину; то не думай, что укроешься также и отъ будущаго воздаянія.“ — „Велики какъ говорятъ, грѣхи юности твоей“, писалъ св. авва Зосимѣ. “ Грѣховъ же старости твоей не возможно и превзойти. Ибо въ старости затмитъ собою юношей, сдѣлавшихся извѣстными по распутству,—превышаетъ всякую мѣру непристойности. И явно, что болѣе ты Епикуровою болѣвнію, и не можешь владѣть собою; но Епикурово ученіе подтверждаешь своими дѣлами. Посему отлучи, отлучи себя отъ божественнаго жертвенника, чтобы на главу твою не пала молнія“. Но—къ удивленію—писемъ св. Исидора къ Зо-

симъ было весьма много. Должно думать, что Зосима, если и не исправлялся, то по крайней мѣрѣ не сердился на суровыя обличенія Исидора, и св. отецъ все-таки питалъ слабую надежду, что Зосима можетъ быть когда-нибудь исправится. Такое отношеніе къ Зосимѣ видно изъ слѣдующаго (II, 157) письма. „Извѣстившись, что ты предаешься тѣмъ же свернамъ, непрестанно усиливаясь прежде помрачать новыиъ, я заплакалъ, потомъ сказалъ самъ себѣ: *для чего ты, Исидоръ, трудитъ себя напрасно, стѣя на камняхъ? Для чего стараешься оказати помощь тому, кто не хочетъ этой пользы?... Перестань трудиться кощуну, мыть Есіона, бороздить огонь, варить камни!* Но какъ скоро насѣтяся я этими упреками себѣ самому, снова возникла добрая надежда, которая побудила, даже невольно, начертать опять и сіи письма. Посему разсмотрѣвъ самъ, какъ далеко простерся ты во злѣ, постарайся прибѣгнуть къ покаянію“.

Много писалъ св. Исидоръ писемъ и къ свѣтскимъ лицамъ, — и же высокопоставленнымъ, начиная съ имп. Θεодосія младшаго, — и эти письма также проникнуты духомъ безтрепетнаго обличенія. Вотъ напр. (27) письмо къ придворному евнуху Фарисманію: „Слышу, что занимаешься ты божественными книгами, и всякому приводишь изъ нихъ приличныя свидѣтельства, а между тѣмъ ты любостыжатель, съ неистовствомъ кидаешься на чужое добро. И весьма для меня удивительно, что при непрестанномъ чтеніи не уязвила тебя божественная любовь, которая не только возбраняетъ любить чужое, но научаетъ расточать даже и собственное.“ Для написанія иныхъ писемъ потребна была не малая доля гражданскаго мужества. Таково напр. (174) письмо военачальнику Киринію, прибывшему управлять Пилусією. „Граждане прислали намъ листъ, — прибитый, какъ говорятъ, у церкви прежде, нежели вошелъ ты въ городъ, — листъ, лишающій всѣхъ права оправдываться и искать убѣжища въ церкви. Это не только признаетъ жестокости, но даже заставляетъ подозрѣвать въ нечестіи. Ибо если не дозволяешь оправдываться, не даешь возможности находить прибѣжище у Бога, то ты отверзъ уста клеветницамъ и умножилъ обиды. Посему какъ доискаться правды? какъ спасешь обиженнаго, который чтобы не сдѣлаться игрушкою сильнаго, по неимѣнію защищающаго суди, прибѣгалъ въ неприкосновенный храмъ? Всѣ говорятъ о продажности суда. Присоедини теперь жестокость, и лихоимству откроется полный просторъ.“ Военачальникъ вѣроятно отвѣчалъ св. Исидору, что онъ мѣ-

ивается не въ свое дѣло, какъ, можемъ заключать изъ отвѣтнаго письма (175) Исидора, которое начинается словами: „И мѣру мы себѣ знаемъ, и на то поставлены, чтобы обличать порочныхъ.“ Но св. Исидоръ не ограничился перепискою съ Кириніемъ, отъ которой, какъ видно, не ожидалъ добраго плода, но обратился съ жалобою на Киринія во всемогущему тогда префекту востока Руфину (+ 395 г.) „Грѣхи ли пилусіотовъ,“ — писалъ св. Исидоръ, — „или важныя дѣла римскія, которыми ты снисходительно правишь, стали причиною того, что укрилось отъ тебя, великаго нашего благодѣтеля, какимъ образомъ захватилъ у насъ здѣсь власть Кириній, и дѣла здѣшнія опять стали худы? Лихоимство у насъ сильное, нищета великая, обиды частыя, церкви доведена до невозможности помочь; справедливость обѣжала, законъ не извѣстенъ; страхъ неплательщиковъ и отдаленность служить Киринію защитою во всемъ, что онъ ни дѣлаетъ. Или отними у него власть, или знай, что и ты вмѣстѣ съ нимъ получишь одну награду у Бога на судѣ.“ Письмо это имѣло полный успѣхъ. Кириній былъ немедленно смѣненъ и на его мѣсто назначенъ былъ Симпликій. И св. Исидоръ съ радостію сообщалъ объ этомъ городскому совѣту пилусіотскому, въ такихъ выраженіяхъ. „Печется еще Богъ о Пилусѣ; есть еще въ немъ сѣмя благочестія: промышляютъ еще о немъ попечители злосчастнаго города—мученики. Приходитъ дивный Симпликій и беретъ въ свои руки бразды правленія. Благовѣствую вамъ иную жизнь; съ пріязнію примите сего мужа“ и пр. (II. 226).

Письма пр. Нила Синайскаго—совершенно въ томъ же родѣ, какъ и письма св. Исидора Пилусіота,—также свидѣтельствуютъ о духовной разсудительности автора, также наполнены обличеніями монаховъ и мірянъ, тѣмъ болѣе авторитетными, что св. Нилъ во время мірской своей жизни занималъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ имперіи (онъ былъ префектомъ Константинополя). Приведемъ болѣе характерныя выдержки изъ писемъ св. Нила. Монашеское празднопатаніе св. Нилъ обличаетъ въ слѣдующемъ письмѣ (III, 106) къ архим. Никону: „жизнь монашествующихъ, прежде возделънная и весьма знаменитая, нынѣ, какъ видишь, возбуждаетъ отвращеніе. Всѣ города и селенія наполнены лжемонахами, которые по напрасну и безъ цѣли бродятъ, встрѣчая вездѣ неуваженіе и холодность. Всѣ домовладѣльцы смущаются и досаждуютъ, видя, что монахи безстыднѣе нищихъ толкуются у нихъ при дверяхъ. Изъ-за этихъ попрошаевъ образъ мыслей и жизни монаховъ

праведныхъ и добродѣтельныхъ почитается нынѣ обманомъ и подвергается посмѣянію. И найдется ли теперь какой новый Іеремія, который могъ бы исполнѣ и какъ должно оплакать наше положеніе?“

Въ обличеніяхъ св. Нила выступаютъ передъ нами между прочимъ типическіе образы а., гнѣвливаго затворника, б., монаха, углубленнаго въ книги и г., монаха чревоугодливаго.

а., *Гнѣвлимый затворникъ*. (II, 94). „Хвала вашимъ доблестямъ въ затворничествѣ! хвала вашимъ триумфамъ на попрингѣ добродѣтели! Но паче хвала вашей суетной, лицедѣйной и притворной жизни въ затворѣ! Ибо отъ рыночныхъ торгашей и судебныхъ адвокатовъ ничѣмъ, кажется, не отличаешься ты, выдумываешь разныя хлопоты, кричишь гнѣвно, скрежещешь зубами, изъ своей западни ругаешь всякаго встрѣчнаго, протягиваешь руки и бьешь братію, и шумомъ и смятеніемъ, беспорядкомъ и разстройствомъ наполняешь бѣдную келью, котормъ, хотя и безчувственна, и неодушевленна, но воздыхаетъ, можетъ быть, о жестокости и люлости, какъ въ клѣткѣ каковой, заключеннаго въ ней звѣря или, лучше сказать, и звѣрей превзошедшаго свирѣпостію монаха. Скажи мнѣ, прошу тебя, ... какую пользу снискалъ ты дунѣ своей, укрывъ тѣло за этими стѣнами?... откуда ты заимствовалъ этотъ простонародный, подлый нравъ?... куда втналъ ты псалмы и пѣснопѣнія?... гдѣ оставилъ священныя наставленія отцевъ?... какое деревеніе будешь имѣть въ день воздаянія?“ б., *монахъ погруженный въ книги*. (IV, 57). „Какимъ-то неповоротнемъ и связнемъ лѣни ухватившись только за книгу, какъ слышу, съ ранняго утра до захода солнца сидишь ты неподвижно, какъ будто свинцомъ приваренный къ скамьѣ и какъ будто тѣло твое совсѣмъ одеревянѣло. Но не такъ поступалъ первоначальникъ вашъ Антоній; напротивъ того, по указанію ангела, то садился за руководѣлье, то опять вставалъ на молитву.. Посему если знаешь, что изъ одного камня никакъ не выстроится домъ, то не думай, что надлежитъ владѣть только одной добродѣтелью, т. е. чтеніемъ, но должно заняться наконецъ и молитвою и псалмонѣніемъ и т. под.“ г., *монахъ чревоугодный* (II, 100) „Тщательно стараешься утробжать грузный мѣшокъ и усердно заботишься объ утучненіи плоти, откармливая себя, какъ птицу, въ потьмахъ невѣденія. Какое же оправданіе найдешь себѣ, когда придетъ Судящій все?“

Изъ писемъ св. Нила къ мірянамъ приведемъ только одно (I, 195), съ наставленіемъ какъ защищаться отъ язычниковъ. „Слышалъ

ты, какъ сказываешь, что грѣшникъ звачивъ сказалъ тебѣ: *ничтоже отъ меня не отличаюсь, хотя ны и христианинъ, потому что и ты грѣшникъ.* Скажи же ему слѣдующую притчу: у одного хозяина было два пса. Одного изъ нихъ, бѣшеннаго, который осмѣлился рвать платье у самаго хозяина, велѣлъ онъ гнать палками; а другаго, который съ ласкою всегда лежитъ ноги у хозяина, держитъ онъ у себя, кормитъ и бережетъ.“

Къ старческой литературѣ могутъ быть причислены также подвижническія *правила* св. Василія великаго, которыя отвѣчали на совершавшуюся потребность дать опредѣленную организацію умножившемуся сословію иноковъ, и потому скоро вошли въ составъ церковныхъ законоположеній.

Отъ иноческой литературы обратимся въ жизни иноковъ. Изъ своей родины Египта монашество въ рассматриваемый нами періодъ широко распространилось по всему христіанскому міру. Въ Египтѣ иноки по прошнему считались десятками тысячъ, имѣя въ рядкахъ своихъ двухъ Макаріевъ, Арсенія великаго, Исидора Плузіота и т. д. Но десятками же тысячъ считались они и въ Палестинѣ, гдѣ естественно было собираться благочестивымъ людямъ на мѣстахъ священныхъ библейскихъ воспоминаній и гдѣ начальниками иноческаго житія были св. Иларіонъ, бл. Иеронимъ, Евфимій великій +473, Герасимъ, иже на Иорданѣ, +474 и т. д. Поселились иноки и на богослужебной горѣ Синайской и въ ея окрестностяхъ, не смотря на опасность отъ нападенія варварскихъ кочевниковъ. Поселились иноки и въ окрестностяхъ Константинополя и въ самой столицѣ, живя и въ отдѣльныхъ кельяхъ и въ большихъ монастыряхъ. Имп. Валентъ встрѣтилъ обличителя инока (Исаакія Далматскаго) при самомъ выѣздѣ изъ столицы. Имп. Феодосію младшему стоило только отъѣхать на охоту за нѣсколько верстъ отъ столицы, чтобы набрести на келію пустыннаго старца и принять отъ него скромное иноческое угощеніе. Толпы столичныхъ иноковъ подъ предводительствомъ Далмата представили собою предъ лицомъ императора въ 431 г. очень внушительную демонстрацію протеста Несторіа. Множество иноковъ было въ Сиріи и въ малоазіатскимъ областяхъ имперіи. Монашество проникло и на западъ, гдѣ большое вліяніе на развитіе его оказалъ Іоаннъ Кассіанъ. Вообще

не было такого отдаленнаго уголка ни въ восточной ни въ западной имперіи, гдѣ вмѣстѣ съ христіанствомъ не было бы и монашества. Поэтъ—язычникъ Клавдій Рутій Нуманціанскій, будучи занесенъ бурей на островъ Напрадію, нашелъ и тамъ много монаховъ. „Весь этотъ островъ“, говоритъ онъ, „заселенъ странными людьми, скрывающимися отъ свѣта. Они были грязны, неопратны, называли себя монахами или пустынноиками, скрывшимися для того, чтобы избѣжать людскихъ глазъ. Эти люди боятся житейскаго счастья и удачи, и боятся потому, что счастье всегда можно потерять; такъ лучше, чтобы не быть насильно бѣдными, они избираютъ добровольную бѣдность. Странный выборъ!“ Монашество распространилось даже между варварами, подвластными римской имперіи. Такъ языческой историкъ Евнапій свидѣтельствуетъ, что и у готевъ были монахи, впрочемъ, по его мнѣнію, притворные. „Быль у готевъ и родъ такъ называемыхъ монаховъ, установленныхъ на подобіе тѣхъ, которые учреждены у римлянъ. Въ этомъ подражаніи нѣтъ ничего труднаго; стоило имъ только надѣть черныя верхнія и нижнія одежды, влачаціяся по землѣ, и луванствомъ приобрести римскую довѣренность. Варвары скоро узнали, до какой степени чинъ монаховъ уважается римлянами, и воспользовались этимъ въ ихъ обольщенію. Между тѣмъ варвары хранили твердо и неизмѣнно тайны отечественной вѣры въ ихъ непроницаемости.“ Конечно Евнапій ошибается, приписывая готевъ небывалое луванство, но важно для насъ его извѣстіе, что монахи были и между варварами.—Распространенію монашества быть можетъ содѣйствовали также иноки странствующіе, появившіеся въ этотъ періодъ. Иные бѣжали земной славы. Такъ св. Иларіонъ, (память 22 окт.) отецъ палестинскаго монашества, избѣгая людской молвы и почитанія человѣческаго, удалился изъ Палестины и жилъ сначала въ разныхъ мѣстахъ Египта, потомъ въ Сициліи, потомъ въ Блудаврѣ Далматскомъ, и наконецъ на островѣ Кипрѣ, гдѣ и скончался 373 г. Другіе составляли странничество подвигомъ душевнаго спасенія. Такъ преп. Мартиніанъ (память февр. 13) сначала, избѣгая женщинъ, удалился на необитаемый островъ, а потомъ, когда и туда послѣ кораблекрушенія была выброшена женщина, рѣшилъ искать спасенія въ постоянномъ бѣгствѣ. *Глгій, Мартиніанъ, да не постигнетъ тебя напасть,* говорилъ себѣ святой и, переходя изъ мѣста въ мѣсто, въ два года пробѣжалъ 164 города и скончалъ свое земное теченіе въ Аоніяхъ.

Параллельно съ широкимъ распространеніемъ иночества измѣнились и его характеръ. вмѣстѣ добровольцевъ христіанки-совершеннаго житія, подобно птицѣ небесной не знавшихъ ни собственности и никакой надъ собою земной власти,—иноки вошли въ составъ клира, вмѣстѣ съ своими монастырями стали пользоваться—большею частію очень достаточнымъ—обезпеченіемъ отъ щедротъ христіанцевъ, подчинились мѣстному епископу и сами получили доступъ къ высшимъ іерархическимъ должностямъ.

Каноническое положеніе иноковъ на соборѣ халкидонскомъ обозначено слѣдующимъ (4-мъ) правиломъ: „Истинно и искренно проходяще монашескую жизнь да удостоиваются приличной чести. Но по елику нѣкоторые, пользуясь монашескою одеждою, разстроиваютъ церкви и гражданскія дѣла, безразсудно ходя по городамъ, и даже стараются составлять сами для себя монастыри; то разсуждено, чтобы никто нигдѣ не составлялъ и не создавалъ монастыря или молитвеннаго дома безъ позволенія епископа города; а *монашествующіе въ каждомъ городѣ и странѣ да подчиняются епископу*“ и пр. Въ этомъ правилѣ законоположено то, что давно уже осуществлялось на практикѣ, и притомъ осуществилось не безъ борьбы. Эвализированные иноки, извѣстные подъ именемъ *есхитовъ* или *мессалианъ* или *энтузіастовъ*, считая себя внѣ всякаго земнаго закона, разумѣется не думали подчиниться и епископамъ. Египетскіе отшельники любили выражаться такъ: „*монахъ далосетъ погнать епископовъ и жемцивъ; потому что ты ты, ни друія не дадутъ ему ни спокойно оставаться въ кельѣ, ни посвятивши себя созерцательной жизни.*“ Епископы оскорблялись непослушаніемъ этихъ заблужденныхъ овецъ и старались волею-неволею привлечь ихъ на свою пасть. Эта глухая борьба, о которой исторія сохранила только случайныя и анекдотическія свѣдѣнія (таково напр. извѣстіе объ изобличеніи главы мессалианъ Адефія Флавіаномъ е. антиохійскимъ 381—404 г. или о борьбѣ Теофила алекс. съ долгими братьями), кончилась полною побѣдою епископовъ. Иначе впрочемъ и быть не могло. Монашество нуждалось въ дисциплинѣ и тѣмъ болѣе, чѣмъ богѣе умножалось число иноковъ и улеталъ животворный духъ древняго подвижничества. Но утративъ часть своей свободы, иноки получили за то опредѣленное и довольно привилегированное положеніе въ государствѣ, могшее помимо всего прочаго привлекать къ себѣ уже одною свободою отъ податей и повинностей, столь тяжельхъ въ вѣ-

зантийской империи. Подчинившись епископамъ и составивъ ихъ—такъ сказать—черную гвардію, инокѣ не остались безучастными въ тѣхъ дѣлахъ, гдѣ нужна сила и многочисленность. Разрушеніе синагогъ и языческихъ капищъ, преслѣдованіе иномыслящихъ—безъ инокъ не обходилось. Въ борьбѣ александрійскаго патріарха съ іудеями и префектомъ Орестомъ (413—415) инокѣ принимали очень бурное участіе, при чемъ одинъ изъ нихъ полатился жизнью. Во время разбойничьаго собора 449 г. сирскіе инокѣ съ архимандритомъ Варсумою, поддерживая Діосвора, наносили угрозы и побои его противникамъ. Іерусалимскій самозванный епископъ Θεодосій, отавргая халкидонскій соборъ, при помощи палестинскихъ монаховъ, около двухъ лѣтъ (452—3) могъ противиться высшему духовному и свѣтскому правительству имперіи.

Обращаясь къ канонизованнымъ инокамъ нашего періода, — къ тѣмъ героямъ аскетической добродѣтели, въ которыхъ вѣкъ видѣлъ осуществленіе своихъ лучшихъ идеаловъ, — мы должны сказать, что и въ нихъ отразилась общая черта въ положеніи монашества. Аскетическіе подвиги — тѣже, но къ нимъ примѣнялась извѣстная догма экзотричности. Появились св. подвижники *страстующіе*, изъ коихъ канонизованы св. Иларіонъ и св. Мартиніанъ, о которыхъ мы говорили выше. Какъ особый видъ страстующихъ подвижниковъ является такъ называемые *насуціи* (*nasuti*), ситавшіеся въ горахъ и пустыняхъ Месопотаміи и Палестины безъ покрыва и безъ вареной пищи. Печивились такъ называемые *столтники* (*stilitae*). Основатель этого рода подвижничества св. Симеонъ † 431 г. (память 1 сент.) подвизался въ 60 верстахъ отъ Антиохіи на столбѣ или на малой башнѣ, вершина площадки которой была въ два локтя (т. е. немного болѣе квадратнаго аршина). Тамъ пребывалъ святой почти безысходно 27 лѣтъ, стоя на молитвѣ съ желѣзными веригами на шеѣ. Сходить со столба святому приходилось только раза три, когда столбъ ветшалъ и нужно было замѣнить его новымъ. Каждый разъ благочестивые почитатели Симеона устроили ему все болѣе и болѣе высокой столбъ. Первый столбъ, устроенный самимъ Симеономъ, былъ въ 6 локтей; второй уже въ 12, третій въ 22, и четвертый въ 36. Жизнь на столбѣ была почти невозможна для человѣка, такъ что одинъ священникъ, пришедшій изъ Аравіи посмотреть на подвиги Симеона, не безъ основанія заклиналъ его сказать по правдѣ, человекъ ли онъ или существо бестѣлесное. Въ отвѣтъ на это Симеонъ пригласилъ посетителя взойти на верхъ столба и показалъ свои

вети, гнившія и точимыя червями вслѣдствіе вседневнаго стоянія. Необычные подвиги привлекали ко столпу св. Симеона множество любителейныхъ и набожныхъ поклонниковъ. Быть можетъ это обстоятельство не понравилось другимъ инокамъ и сирскіе пустынники послали сказать св. столпнику слѣдующее: *отчего не идешь отеческимъ путемъ, а избраться какой-то новыи? Сойди со столпа и живи, какъ древніе отцы пустынные.* Но когда св. Симеонъ хотѣлъ оказать послушаніе, то старцы, довольные этимъ, оставили его жить по прежнему. Примѣръ св. Симеона нашелъ себѣ подражателей, изъ которыхъ особенно извѣстенъ Давидъ столпникъ (+ 490), подвизавшійся близъ Константинополя.

Эксцентричность и своеобразность подвижничества, поражающая насъ въ разсматриваемый нами періодъ, имѣетъ мѣсто особенно по отношенію къ женскому подвижничеству. Многія преподобныя жены этого времени надѣвали на себя одежду монаховъ и подвизались въ мужскихъ монастыряхъ, прикрывая себя именемъ столь многочисленныхъ тогда въ византійской имперіи евнуховъ. Желаніе укрыться отъ родныхъ и близкихъ; иногда даже отъ мужьевъ, не допускавшихъ до плочества,—а также, быть можетъ, желаніе смѣло идти въ самый разгаръ искушеній—были побужденіями къ принятію на себя такого страннаго подвига... Обратимъ прежде всего вниманіе на житіе преп. Матроны (память ея 9 ноября), которое представляетъ въ себѣ еще простой и недоконченный типъ указаннаго выше подвига. Скрываясь отъ ревниваго и строитиваго мужа, 25-лѣтняя Матрона, остригши волосы, въ евнушеской одеждѣ и подъ именемъ евнуха Вавила, пришла (ок. 415 г.) въ одинъ царскій монастырь и была включена въ составъ братства. Спустя немало времени одинъ изъ братій обратилъ вниманіе на повернутыя для серегъ уши мнимаго евнуха, и игумену (преп. Вассіану) было открыто въ сонномъ видѣніи, что евнухъ Вавила есть женщина. Смущенный свидѣніемъ, игумень раскрылъ евангеліе и прочелъ мѣсто (Лук. 13, 20—21), гдѣ говорится о *женѣ*, заввазившей гѣсто. Недоумѣніе игумена было рѣшено. Призвавъ Матрону, игумень грозно спросилъ ее, какъ она, будучи женщиною, осмѣлилась поступить въ мужской монастырь, приобщаться св. таинъ съ непокровенною главою и давать лобзаніе братіи. Слезы Матроны, откровенно рассказавшей игумену исторію своей жизни, тронули старца. Онъ съ миромъ отпустилъ ее въ женскій монастырь и впоследствии заботился о томъ, чтобы укрыть ее отъ поисковъ раздраженнаго мужа.

—Болѣе выдержанный до конца типъ тогоже подвига представляетъ житіе пр. Пелагіи (память ея 8 окт.) Пелагія была яичница и блудница, которую антиохійскіе граждане за извѣстество ея наружности прозвали *маргаритою* т. е. жемчужиною. Почувствовавъ раскаяніе въ своей безобразной жизни, Пелагія приняла крещеніе, раздала свое имущество на благотворенія и скрылась изъ Антиохіи. Спустя нѣсколько лѣтъ въ Іерусалимѣ оказался жившій въ затворѣ на Елеонской горѣ евнухъ Пелагій. Онъ проводилъ время въ постѣ, молитвѣ и трудѣ, и многимъ житіе его было на пользу. Наконецъ ок. 457 г. авва Пелагій умеръ. Разнеслась объ этомъ вѣсть въ Іерусалимѣ; стеклось къ келіи Пелагіи много духовныхъ и мірянъ, и когда разворили затворъ и, вынеся тѣло, стали готовить его къ погребенію, то оказалось, что авва Пелагій былъ женщина. Тотъ же дьяконъ Іаковъ, который присутствовалъ при крещеніи Пелагіи, случайно былъ и при ея погребеніи и оставилъ намъ ея житіе.—Въ томъже родѣ житіе пр. Евфросиніи, (память ея сент. 25). Она была дочь богатаго александрійца Пафутія и отецъ сговорилъ уже выдать ее замужъ. Но бесѣды съ иноками дали ей мыслямъ другое направленіе. Надѣвъ мужскую одежду и взявъ 50 златницъ, 18-лѣтняя Евфросинія скрылась изъ дому и, пришедши въ одинъ изъ монастырей, назвала себя царскимъ евнухомъ, дала 50 златницъ вѣладу и приняла иночество съ именемъ Измарагда. Но красота Евфросиніи, даже подъ одеждою инока, была такъ велика, что возбуждала въ братіи помыслы неполезные; поэтому игуменъ присудилъ ей жить въ уединеніи. 38 лѣтъ Евфросинія прожила въ монастырѣ, много разъ видѣла и утѣшала своего отца, поспѣвавшего монастырь, и только предъ самою смертію (ок. половины V в.) отерпѣла ему свою тайну.

Таже исторія получаетъ еще новое усложненіе въ житіи Маріи, проименованной Мариномъ (память февр. 12). Одинъ обитатель Вивиніи, по имени Евгеній, овдовѣвъ, расудилъ идти въ монастырь и взялъ съ собою малолѣтнюю дочь Марію, одѣвъ ее въ мужское платье и переименовавъ Мариномъ. Отецъ скоро умеръ, а дочь продолжала жить въ монастырѣ въ образѣ молодого инока. Черезъ нѣсколько времени мнимый Марипъ подвергся тяжелой и совершенно незаслуженной клеветѣ. Дочь гостинника, — у котораго иногда останавливался Марипъ, исполняя монастырскія порученія, — забеременѣла и вину своего паденія сложила на инока Марина. Гостинникъ пожаловался игумену и мнѣ-

мый Маринъ съ безчестіемъ былъ изгнанъ за монастырскую ограду. Этого мало. Гостинникъ припесъ новорожденного младенца на воспитаніе мнимому отцу, и три года Маринъ, будучи въ самомъ бѣдственномъ положеніи, воспитываетъ младенца, быть можетъ удовлетворивъ врожденному женскому стремленію къ материнской заботливости. Спустя три года, иноки сжалились надъ Мариномъ и опять приняли его въ монастырь вмѣстѣ съ ребенкомъ, который впрочемъ скоро умеръ. Недолго послѣ того прожилъ и Маринъ. Когда стали готовить умершее тѣло къ погребенію, то открылось, что мнимый Маринъ былъ женщина, открылось—въ общему удивленію братіи и ужасу гостинника и его дочери. ¹⁾ Еще новое видоизмѣненіе тойже исторіи о женскомъ иночествѣ въ мужскомъ образѣ находимъ въ житіи Андроника и жены его Аѳанасіи (память ихъ окт. 9.) Потерявъ дѣтей, супруги разошлись по разнымъ монастырямъ; но спустя 12 лѣтъ Аѳанасія, надѣвъ одежду монаха и переименовавшись Аѳанасіемъ, нашла своего мужа и паломничала съ нимъ по святымъ мѣстамъ Палестины, потомъ 12 лѣтъ жила съ нимъ въ одной кельѣ. Андроникъ не узналъ своей жены, частію по причинѣ ея евнушескаго образа, частію потому, что лице ея увяло отъ воздержанія, частію наконецъ потому что она наложила на себя обѣтъ молчанія. Тайна открылась уже послѣ смерти Аѳанасіи изъ оставленнаго ею письма.—Иноческое incognito до самой смерти среди близкихъ родныхъ составляетъ также характерный подвигъ V вѣка. Такимъ подвигомъ подвизались Алексій челоуѣкъ Божій въ Римѣ (+411) и Іоаннъ Кущникъ въ Цареградѣ (во 2-й половинѣ V в.). Оба житія довольно сходны. И въ томъ и въ другомъ—любимый сынъ богатыхъ родителей, возгорѣвшись стремленіемъ къ аскетизму, убѣгаетъ изъ родительскаго дома и потомъ спустя много лѣтъ возвращается, живетъ при родительскомъ домѣ никѣмъ неузнанный въ видѣ странника и нищаго, и узнается уже при смерти.—Мы старались охарактеризовать канонизованныхъ подвижниковъ и подвижницъ иночества, но должны сказать, что общій уровень иноческой добродѣтели

¹⁾ Подобная же исторія о неправедномъ оклеветаніи рассказывается и въ житіи Теодоры александрійской, (пам. сент. 11), которая также жила въ мужскомъ монастырѣ подъ видомъ инока, но немного позже нашего періода, именно къ концу V вѣка.

въ разсматриваемомъ періодѣ попизилъ я противъ прежняго. Для этого намъ достаточно сослаться на приведенныя выше выдержки изъ писемъ Исидора Пилусіота и Нила Синайскаго.

ЕПИСКОПЫ И МІРЯНЕ РАЗСМАТРИВАЕМАГО ПЕРІОДА. ПОДАВЛЕНІЕ ЯЗЫЧЕСТВА НА ВОСТОКѢ.

Если вѣрить Папаррагопуло (II, 542.), первоначальная организація восточной церкви представляла собою точное подобіе республиканскаго устройства древней Греціи. „Церковь христіанская была ничто иное, какъ собраніе древнихъ эллинскихъ вѣтъ (*εκκλησία τῶν ἀρχαίων δήμων*); собраніе пресвитеровъ — это совѣтъ или дума (*βουλή*); епископы—это архонты; а епархіальные синоды—это древніе международные конгрессы (*τὰ παλαιά ποτε κατὰ ἔθνη συνέδρια*). Всѣ эти старыя типы общественнаго устройства еще сохранялись въ эллинскомъ мірѣ во время появленія христіанства... И мы—такъ сказать—во очію видимъ, какъ древній эллинизмъ пресуществляется въ новый. Съ теченіемъ времени древній демократическій христіанскій эллинизмъ все болѣе и болѣе принималъ аристократическій характеръ, особенно послѣ утвержденія въ Константинополѣ христіанской монархіи.“ Конечно, время шло и привносило свои перемены. И продолжая мысль Папарригопуло, можемъ сказать, что какъ измѣнялся древній эллинизмъ, нарождаясь въ византизмъ, въ такой же мѣрѣ параллельно съ этимъ измѣнялся и типъ церковнаго устройства. Самая капитальная изъ этихъ переменъ состояла въ томъ, что центръ тяжести въ церковно-общественныхъ дѣлахъ былъ перенесенъ изъ области полномочія отдѣльныхъ общинъ въ сферу власти абсолютнаго монарха и окружавшихъ его придворныхъ. Это отразилось: 1, на избраніи епископовъ. Прежде избраніе епископа зависѣло главнымъ образомъ отъ его будущей паствы; теперь оно рѣшалось волею императора въ тѣхъ случаяхъ, когда императоръ хотѣлъ проявлять свою волю. Такъ Нектарій, св. Іоаннъ Златоустъ, Несторій и другіе столичные патріархи были назначены государемъ; такъ имп. Валентъ во многіе города назначалъ аріанскихъ епископовъ въ замѣнъ изгнанныхъ православныхъ,—совершенно противъ желанія паствы. Правда въ большинствѣ случаевъ гос-

подствовалъ еще смѣшанный способъ избранія епископовъ, въ которомъ принимали участіе и будущіе пасомые, и сосѣдніе іерархи, и правительственные агенты; при избраніи бывало много безпорядковъ; но общій ходъ исторіи очевидно направлялся въ тому, чтобы послѣднее слово осталось за самодержцемъ. 2) во взаимномъ отношеніи іерарховъ. Прежде всѣ епископы христіанскаго міра считались равны между собою. Теперь административное дѣленіе имперіи и субординація городовъ малыхъ большимъ были перенесены и въ церковную область. Мы имѣли случай видѣть, что, какъ скоро ими. Валентъ раздѣлилъ Каппадокію на 1-ю и 2-ю,—тогда же Анѳимъ, митрополитъ Тіаны, главнаго города 2-й Каппадокіи, вступилъ въ борьбу изъ-за подчиненныхъ епархій со св. Василіемъ, архіепископомъ Кесаріи, главнаго города 1-й Каппадокіи; мы знаемъ, что св. Іоаннъ Златоустый объѣзжалъ Асію и Понтъ, судя и внаглая епископовъ, какъ ихъ начальникъ; что на III вс. соборѣ египетскіе епископы составляли послушную свиту патріарха александрійскаго, а такъ называемые *восточные* епископы—группировались около патріарха антиохійскаго. Всѣ эти явленія находятъ себѣ объясненіе въ аналогіи церковнаго дѣленія имперіи съ политическимъ. Политическое дѣленіе византійской имперіи было слѣдующее: 1) *Префектура востока*, подраздѣлявшаяся на 5 діоцезовъ: а) собственно восточный (столица Антиохія) б) Египетъ (ст. Александрія) γ) Асія (ст. Ефесъ) δ) Понтъ (ст. Кесарія кап.) е) Фракія (ст. Ираклія, вѣсѣрь потомъ Константинополь) 2) *Префектура восточно-македонійская*, состоявшая изъ Македоніи и Дакии со столицею Солунемъ. Примѣнительно къ этому административному дѣленію приурочены были и центры церковной власти,—съ тѣмъ однако важнымъ различіемъ, что патріархъ Константинополя, новаго Рима и резиденція государя,—завѣдывалъ не только всею европейскою частію византійской имперіи, но и діоцезами асійскимъ и понтскимъ, имѣя при себѣ постоянный соборъ (συνόδος ἐκκλησιαστικὴ) изъ пріѣзжавшихъ въ столицу архіереевъ: а антиохійскій патріархъ долженъ былъ уступить значительную часть своего округа патріарху священнаго града Іерусалима. Такъ обр. къ концу нашего періода въ восточной имперіи образовалось четыре неравныхъ по своему пространству патріархата, изъ коихъ два (антиохійскій и іерусалимскій) вмѣщались въ предѣлахъ одного діоцеза *восточнаго*; александрійскій—завѣдывалъ цѣлымъ діоцезомъ египетскимъ; а константинопольскій—всеми остальными 5-ю діоцезами восточной импе-

рии. На долю же папы римскаго досталась вся западная римская имперія, подраздѣлявшаяся на двѣ префектуры и семь діоцезовъ. Патриархи и архіереи другихъ центральныхъ городовъ (митрополиты) въ силу политическаго значенія своихъ кафедръ выдѣлились изъ ряда своихъ собратьевъ епископовъ, и считались настолько важнѣе ихъ, насколько напр. генераль-губернаторъ выше городничаго. 3) Наконецъ вліяніе императоровъ отразилось на *соборахъ епископскихъ*. Съ древнихъ временъ епископы, по примѣру апостольскому, имѣли обычай съзывать на соборы, на которыхъ безъ всякаго сторонняго вмѣшательства занимались рѣшеніемъ вопросовъ относительно текущей церковной жизни: теперь императоры усвоили себѣ право созывать соборы, председательствовать на нихъ лично или чрезъ своихъ уполномоченныхъ, руководить соборными засѣданіями и утверждать соборныя рѣшенія своею властію. Нѣтъ сомнѣнія, что въ теоріи императоры преклонялись предъ рѣшеніями соборовъ, считая ихъ органомъ Св. Духа;—но не могли не сознавать, что на практикѣ отъ императорской власти зависѣло дать соборнымъ постановленіямъ силу обязательнаго закона. Да и кромѣ того—сами члены соборовъ своими пререканіями очень часто настоячиво вызывали вмѣшательство императорской власти.

Какъ судить объ этой переměнѣ въ положеніи епископовъ нашего періода? Если основаться на мнѣніи св. Григорія Богослова и другихъ современныхъ писателей, то переměна была къ худшему. Вотъ мысли св. Григорія относительно *избранія* епископовъ. „Теперь есть опасность, чтобы священный чинъ не сдѣлался у насъ наиболѣе подлежащимъ осмѣянію, потому что председательство пріобрѣтается не добродѣтельно, но происками, и кафедръ занимаютъ не достойнѣйшими, но сильнѣйшими... Не бываетъ ни врача, ни живописца безъ предварительной подготовки. А председатель въ церкви удобно выскрывается; не трудившись, не готовившись къ сану, едва носѣвъ, уже и выросъ, какъ исполинъ въ баснѣ. Достойный высокой степени стоитъ смиренно; а надмѣнный председательствуетъ, поднимаетъ бровь противъ лучшихъ себя, безъ трепета входитъ на кафедру...“ Паладій въ *жизни Златоустаго* такъ описываетъ избирательную борьбу, когда, по смерти Несторія, сдѣлалась праздною столичная кафедра. „Можно было видѣть въ то время цѣлую толпу претендентовъ на это достоинство, которыхъ даже нѣто и не предполагать,—людей, недостойныхъ названія людей, священниковъ, недостойныхъ священства;

одни осаждали переднія двора, другіе сорили золотомъ, третьи готовы были просить на колѣнахъ благоклонности народа.“—Въ одномъ писемѣ Григорія Богослова къ Василию къ великому, можемъ видѣть, какъ неблагопріятно смотрѣлъ св. отецъ на равнцу котораѣ установилась между *архіереями большыз и малыз городовъ*. „Если въ тебѣ есть большое желаніе показать себя и честолюбіе,—ишетъ св. Григорій св. Василию—„я простирася къ намъ рѣчь съ высоты, какъ гражданнѣ митрополіи къ гражданамъ млага города или даже не имѣющимъ у себя города; то и у насъ есть гордость, которую можемъ противопоставить твоей. Это всякому не трудно, а можетъ быть и болѣе прилично.“ Намонецъ о *епископскихъ соборахъ* того времени отзвъ св. отца также далеко не лестный. „Не видаю я“, ишетъ св. Григорій, „ни одного собранія епископовъ, которое имѣло бы во всѣхъ отношеніяхъ подобный венець, и не увеличивало бы бѣдствій вѣсто того, чтобы избавлять отъ нихъ. Любовь къ спорамъ и любобачіе выше всякаго описанія.“—

Но мы не должны забывать, что св. Григорій Богословъ и другіе отцы церкви (напр. Василій великій, Іоаннъ Златоустъ) также худо отзывавшіеся о современномъ епископствѣ и клирѣ, относились къ жизни слишкомъ съ идеальными требованіями, которымъ никакъ не могла удовлетворить дѣйствительность. Рѣшающее вліяніе византійскаго императора въ дѣлахъ церковно-общественныхъ, вызывалось всѣмъ ходомъ исторіи и требованіями самаго духовенства,—а вмѣстѣ съ тѣмъ неизбѣжно должны были послѣдовать и тѣ перемѣны въ положеніи и нравственномъ характерѣ епископовъ и клира, которыя такъ не нравились христіанскимъ идеалистамъ. Правда были въ тотъ періодъ еще очень многіе святители, какъ напр. Василій великій, Григорій Богословъ, Амвросій медиоланскій, Синезій пентапольскій, которые обнаруживали мужественную независимость по отношенію къ гражданской власти, но всѣ эти люди очевидно плыли противъ теченія и нельзя было ожидать, что большинство за ними послѣдуетъ. Св. Амвросій медиоланскій могъ выражаться такъ: „величіе и достоинство епископскаго званія ни съ чѣмъ на землѣ несравнимо. Если мы будемъ сравнивать его съ царскою діадимой, то это все равно, что сравнивать золото съ оловомъ.“ Но такъ какъ полновластный императоръ былъ одинъ, а епископовъ,—и притомъ соперничающихъ,—много; то

естественно, что большинство епископовъ были льстецами и угодниками царской власти. И за всѣмъ тѣмъ епископство въ разсматриваемомъ періодѣ все-таки стояло очень высоко, — и какъ учрежденіе, и по личному составу. Какъ учрежденіе, епископство открывало для престоителя церкви всѣ возможные способы дѣлать всякое добро для своей паствы. Обязанности епископа были многочисленны и разнообразны: проповѣдывать слово Божіе, бороться съ ересями, вѣковать слабымъ, обуздывать сильныхъ, вникать во всѣ дѣла гражданской и политической жизни, чтобы повсюду водворять духъ справедливости, милосердія и благочестія — вотъ какою дѣятельности ждалъ отъ епископа народъ. Для выполненія этихъ задачъ епископу нужны были большія и легальныя и матеріальныя средства. Чтобы располагать достаточными легальными средствами для своей общественной дѣятельности, епископы вѣчно держались за предоставленное церкви право *убѣжища* (борьба Златоустаго съ Евтропиемъ)¹⁾ и пользовались имъ правомъ *отлученія* (отлученіе Синезіемъ правителя ментавольской области Андроника). Чтобы располагать достаточными матеріальными средствами, епископы часто тратили свое личное достояніе. Такъ Феодоритъ Кирскій издержалъ свое богатое наслѣдіе на общественныя нужды своего города. Даже такой нестяжатель, какъ св. Григорій Богословъ отказался принять сасимскую кафедру, главнымъ образомъ потому, что не хотѣлъ *идти нищій къ нищему народу*. Церковныя доходы и имущества, находившіяся въ распоряженіи епископа, были во многихъ каедряхъ весьма значительны, но и нужды, удовлетворять которымъ считалъ себя обязаннымъ тогдашній епископъ, были также весьма велики и разнообразны. Такъ исторія съ уваженіемъ упоминаетъ объ Акакіѣ, епископѣ амидскомъ, который въ 421 г., во время войны римлянъ съ персами, съ согласія клира продалъ золотыя и серебряныя сосуды церковныя, чтобы выкупить и прокормить плѣнныхъ персовъ, которые розданы были солдатамъ по праву войны и въ надеждѣ выкупа. Царь персидскій Варанъ, тронутый великодушіемъ христ. епископа, прекратилъ гоненіе на христіанъ въ Персіи. — Для удовлетво-

¹⁾ Право *убѣжища* въ церкви было ограничено для рабовъ указомъ Феодосія II отъ 432 г.; да и вообще свѣтская власть столько же старалась отхѣнить право *убѣжища*, сколько духовная — сохранить его.

ренія многообразныхъ нуждъ епархіи, епископы естественно заботились объ умноженіи своихъ доходовъ, и въ этомъ находятъ себѣ если не оправданіе, то по крайней мѣрѣ нѣкоторое объясненіе, укоренившаяся съ сего времени *симонія*, т. е. обычай возводить въ священныя степени за деньги.—Что касается до *личнаго состава* епископовъ, то едвали какое-нибудь другое время въ исторіи церкви можетъ представить такъ много просвѣщенныхъ, добродѣтельныхъ и даже канонизованныхъ святителей, какъ разсматриваемый періодъ. Конечно и въ этомъ періодѣ на одного знаменитаго епископа можно насчитать десятки ничѣмъ себя не ознаменовавшихъ,—но доблестные люди всегда рѣже встрѣчаются, чѣмъ обыкновенные.

Жизнь большинства вѣрующихъ,—*мирянъ*, все болѣе и болѣе отъснваемыхъ на задній планъ исторіи *иноками* и *кмиромъ*,—въ настоящемъ періодѣ не представляетъ чего-либо особенно выдающагося. Христіанство, все болѣе и болѣе провивало въ общественное сознаніе, изглаждая остатки языческаго мировоззрѣнія. Обычай отлагать крещеніе до смерти былъ оставленъ, бытъ можетъ отчасти въ надеждѣ на очищающую силу предсмертнаго иночества. Въ иноческомъ аскетизмѣ *миряне* по прежнему видѣли высшій идеалъ христіанской добродѣтели, недостижимый для нихъ по условіямъ ихъ быта. Увлеченіе богословскими спорами, въ началѣ разсматриваемаго періода охватившее почти всѣхъ христіанъ, съ теченіемъ времени стало мало по малу ослабѣвать. Въ замѣнъ того выступило усердное почитаніе мощей и другихъ священныхъ реликвій, въ послѣдствіи сдѣлавшееся характерною чертою византійской жизни,—о чемъ мы будемъ имѣть случай говорить въ 9 чтеніи.

Для язычества разсматриваемый періодъ былъ тяжелымъ и роковымъ. Кратковременное торжество язычниковъ при Юліанѣ повело только къ тому, что послѣдующіе императоры, ревнители христіанства, —начиная съ Θεодосія великаго—возымѣли рѣшительное намѣреніе стереть съ лица земли язычество. Языческіе храмы были разрушаемы, жрецы и философы изгоняемы, церемоніи языческаго культа воспрещаемы и т. д. Однимъ словомъ язычество очутилось въ такомъ же, если не худшемъ, положеніи, въ какомъ находились христіане въ первые три вѣка. Подобно древнимъ христіанскимъ апологетамъ, языческіе фи-

лософы возопили о свободѣ совѣсти. „Творецъ людей“, говорилъ Фемистій, „требуется отъ всѣхъ подобающаго ему поклоненія, но не налагаетъ на всѣхъ одного и того же культа, а предоставляетъ въ этомъ совершенную свободу. Каждый почерпаетъ въ своемъ геніѣ средства общенія съ божествомъ. Пусть египтянинъ, грекъ, сиріанинъ обожатель Творца съ церемоніями, отличающими одинъ народъ отъ другаго; слава Верховнаго Существа не умалится отъ этого, точно также какъ не увеличится, если во всѣхъ концахъ земли будутъ возноситься Ему однообразныя моленія.“ Ливаній, жалуясь на разрушеніе христіанами языческихъ святинь, упрекаетъ ихъ во внутреннемъ противорѣчій. „Христіане приступаютъ къ разрушенію нашихъ храмовъ, подкапываютъ стѣны, похищаютъ статуи, ниспровергаютъ жертвенники, отъ одной работы спѣшать къ другой и третьей?... Они думаютъ, что своими жестокостями доведутъ насъ до принятія ихъ религіи; они ошибаются... Въ дѣлѣ религіи все нужно предоставлять убѣжденію и ничего силѣ. Сами христіане не имѣютъ ли у себя прекраснаго закона, который внушаетъ имъ употреблять кротость и избѣгать принужденія? Зачѣмъ же они устремляются на наши храмы съ такою яростію?“ Не ограничиваясь жалобами, язычники иногда пытались защищать свои святини вооруженною рукою. Такъ въ 391 г. въ Александріи язычники подъ предводительствомъ философа Олимпія выдерживали правильную осаду въ великолѣпномъ храмѣ Сераписа; побѣда досталась христіанамъ, но цѣною крови. Это были отчаянныя и безнадежныя усилія язычниковъ въ пользу стараго культа: христіане настойчиво и послѣдовательно вытѣсняли старую религію,—и къ концу разсматриваемаго періода язычество уцѣлѣло развѣ гдѣ-нибудь случайно въ глухихъ заголустяхъ имперіи.—Изъ святыхъ канонизованныхъ, прославившихъ себя въ это время истребленіемъ памятниковъ язычества, извѣстны: Маркеллъ е. апамейскій, (авг. 14), Порфирій е. газскій (февр. 26), и братья Іулій пресвитеръ и Іуліанъ діаконовъ (іюн. 21.)—Духъ нетерпимости, проявившійся по отношенію къ язычникамъ, распространился и на иномыслящихъ христіанъ—*еретиковъ*, которые также подвергались всякимъ стѣсненіямъ отъ правительственной власти и лишены были легальнаго права на существованіе. Это была обратная сторона—или лучше сказать неудачное примѣненіе—той высокой идеи о *единствѣ челоувѣчества*, которой не знало язычество и которая была принесена христіанствомъ.

Въ сосѣднихъ византійской имперіи странахъ востока христіанство продолжало существовать и укрѣпляться. Персидская церковь,— благодаря гоненію,— украсилась множествомъ мучениковъ. Въ Арменіи изобрѣтенъ алфавитъ и переведены священныя книги Мезробомъ. Но тѣже страны, въ политическомъ отношеніи независимыя отъ Византіи, стали служить приютомъ еретиковъ, преслѣдуемыхъ въ византійской имперіи.

ЧТЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Состояніе церкви при немъ. Левъ Фракіянинъ и его преемникахъ до Анастасія I. (457—518).

Левъ Фракіянинъ (457—474). Его благочестіе и православіе.

Въ 457 г., когда умеръ Марціанъ, послѣдній императоръ, снзанный хотя фактивнымъ образомъ съ династією Θεодосія великаго, династія эта совершенно пресѣклась. Вопросъ о новой династіи оставался открытымъ и даже непредрѣшеннымъ. Самою могущественною въ Константинополѣ фамилією была тогда фамилія Аспара, варвара по происхожденію. Цѣлыя три поколѣнія этой фамиліи,—отецъ Аспара, Ардабуръ, самъ Аспаръ и сынъ его, Ардабуръ—начальствовали войсками востока. Опираясь на войско, состоявшее болѣею частію изъ варваровъ, Аспаръ господствовалъ при дворѣ и въ столицѣ; щедрою раздачею казны онъ покупалъ себѣ популярность у столичной черни. Только духовенство было противъ Аспара, потому что онъ былъ аріанинъ. Быть можетъ, не желая ставить себя въ ложное положеніе въ качествѣ главы православнаго государства или по какимъ-нибудь другимъ соображеніямъ, Аспаръ предпочелъ властвовать подъ чужимъ именемъ, хотя,—какъ увидимъ—горько ошибся въ своихъ расчетахъ и ожиданіяхъ. Избранникомъ Аспара былъ прежній домоправитель его Левъ, родомъ фракіянинъ, носившій уже въ то время не особенно крупный чинъ *хиліарха* (тысячника). Прежде бывало, что нововбраннаго императора войны поднимали на щитъ; Левъ принялъ царское вѣнчаніе и помазаніе отъ руки константинопольскаго патріарха Анастолія (30 апр. 457 г.), и съ тѣхъ поръ эта церковная церемонія стала

обычно и обязательно для послѣдующихъ византійскихъ монарховъ.

Родъ человѣческой неблагодаренъ вообще, и въ частности политика не знаетъ благодарности. Поэтому неудивительно, что Левъ,—человѣкъ, какъ видно, способный и энергичный,—утвердившись на престолѣ не пожелалъ быть слѣпымъ орудіемъ Аспара, и такимъ образомъ оказался неблагодаренъ къ своему прежнему начальнику и благодѣтелю. Всѣ гарантіи, которыя заблаговременно принялъ Аспаръ въ свою пользу, —удержаніе за собою и за старшимъ сыномъ Ардабуромъ главнаго начальства надъ войскомъ и предоставленіе другому сыну Патрикію титула кесаря—оказывались ненадежными. Въ Константинополѣ рассказывали такой анекдотъ. Аспаръ взялъ съ царя обѣщаніе назначить городскимъ епархомъ одного изъ друзей своихъ; царь назначилъ другаго. Тогда Аспаръ сталъ упрекать царя, какъ обманщика, и схвативъ его за одежду, сказалъ: „государь! носящему баграницу не прилично гдѣть.“ Левъ отвѣчалъ: „не прилично также царю слушаться кого бы то ни было, особенно, если это противно общей пользѣ.“ На сколько этотъ анекдотъ согласенъ съ дѣйствительностію, неизвѣстно; но современники находили, что онъ вѣрно характеризуетъ отношенія между царемъ и Аспаромъ. Натянутыя отношенія между имп. Львомъ и Аспаромъ продолжалось очень долго,—лѣтъ 14, (до 471 г.) пока Левъ покончилъ ихъ однимъ сильнымъ ударомъ, приказавъ умертвить Аспара и двухъ его сыновей. Правда, послѣ этой катастрофы въ войскѣ, состоявшемъ большею частію изъ готевъ, произошло возмущеніе, причемъ одинъ изъ друзей Аспара Острисъ мстилъ за его смерть съ такимъ отчаяннымъ упорствомъ что заслужилъ пословицу: *νεχρὸν φίλος οὐδεὶς, εἰμὴ μόνος Οστρίος*,—правда что и самъ Левъ получилъ съ того времени прозваніе *Μακέλλης* т. е. „мясникъ, убійца,“ но за то онъ избавился отъ очень опаснаго и безпокойнаго товарища.

Многолѣтнею борьбою съ Аспаромъ опредѣлилось отчасти положеніе Льва по отношенію къ церкви. Вопреки Аспару, аріанину и другу солдатъ, Левъ еракіянинъ былъ царь строго православный и другъ духовенства. Поэтому неудивительно, что исторія воцаренія Льва и его отношеній къ Аспару излагается у церковныхъ писателей въ благопріятномъ для императора видѣ. Относительно воцаренія Льва по обѣщанію Богоматери сложилось слѣдующее преданіе. Левъ, еще будучи частнымъ человѣкомъ, гулялъ однажды въ окрестностяхъ Константинополя и вблизи кипарисовой рощи увидалъ слѣпца, томимаго жаждою. Желая напоить слѣпаго,

Левъ напрасно искалъ воды, и вдругъ услышалъ голосъ, — предвѣщавшій ему царское достоинство: *императоръ Левъ! войди въ эту тѣмную рошу и, почерпнувъ воды, напои слѣпца, а иломъ помажь ему глаза. Кто я здѣсь живущая, скоро узнаешь. Устрой мнѣ здѣсь храмъ; въ немъ я буду внимать молитвамъ вѣрующихъ.* Повинуясь голосу, Левъ скоро нашелъ источникъ воды, напоилъ слѣпца и помазалъ ему глаза. Слепецъ прозрѣлъ. А Левъ, сдѣлавшись императоромъ, построилъ на семъ мѣстѣ великолѣпный храмъ въ честь Богоматери, извѣстный подъ именемъ *живоноснаго источника*, τῆς ζωοδόχου πηγῆς. (Праздникъ въ пятницу на пасхальной недѣлѣ.) — Относительно кровавой расправы съ Аспаромъ, въ житіи преп. Маркелла, начальника обители *неусыпаемыхъ* (память дек. 29) читаемъ слѣдующій рассказъ: „Аспаръ былъ первый послѣ царя, родомъ и могуществомъ силенъ, изъ племени готскаго; подъ рукой его было все войско греческое. И противился Аспаръ царю во многомъ и со всею своею фамиліею былъ тайно враждебенъ царскому дому, и всей церкви Христовой тяжезъ весьма, ибо много помогалъ аріанамъ и озлоблялъ православныхъ. Благочестивый же царь Левъ, будучи кротокъ и богобоязливъ, терпѣлъ Аспара до времени, частію по незлобію, частію потому, что все войско стояло на сторонѣ дома Аспарова... Но предъ тѣмъ какъ злочестивый домъ Аспаровъ долженъ былъ подвергнуться окончательному паденію, преподобный Маркеллъ видѣлъ таковой сонъ: левъ боролся съ аспидомъ и аспидъ громадной величины билъ льва хвостомъ и одолѣвалъ; левъ отступалъ въ уныніи и обхаживалъ кругомъ аспида, не будучи въ состояніи сдѣлать ему какой-нибудь вредъ; затѣмъ оба противника отдыхали: немного спустя, левъ, собравшись съ силами, внезапно какъ бы пробудившись, съ яростію бросился на аспида и, ударивъ о землю, задушилъ его. — Послѣ этого сновидѣнія авва Маркеллъ пророчествовалъ, что Аспаръ со всѣмъ домою своимъ будетъ погубленъ отъ царя, — что и дѣйствительно исполнилось.“

Православіе и благочестіе имп. Льва выразилось а) въ его законодательствѣ β) въ его отношеніяхъ къ Даніилу столпнику и γ) въ отношеніяхъ къ еретикамъ.

а) О законодательствѣ и. Льва мы знаемъ, что оно проникнуто духомъ религіозной опеки. „Священнѣйшій императоръ Левъ,“ читаемъ у хроникера 1. Малалы, „приказалъ (467 г.) праздники проводить безъ работы, обнародовавъ о семъ свой божественный законъ, чтобы

въ праздничный день никто не игралъ ни на свирѣли, ни на гитарѣ, ни на другомъ музыкальномъ инструментѣ, но чтобы всѣ воздерживались отъ занятій.“ Такимъ образомъ, по закону Льва, Византія превратилась бы въ большой монастырь, еслибы царскаго указа было достаточно для того, чтобы регулировать бытъ и нравы народа. Благочестію императора Льва можетъ приписать и то обстоятельство, что два событія его царствованія были включены въ церковный календарь для вѣчнаго умиленного воспоминанія. Первое событіе—это великій пожаръ, продолжавшійся семь дней (въ первыхъ числахъ сентября 465 г.) и испепелившій большую часть Константинополя. Ежегодное воспоминаніе этого печальнаго событія поставлено въ календарь 1 сентября подъ заглавіемъ ἀνάμνησις τοῦ μεγάλου ἐμπρησμοῦ. Другое событіе, также тревожное, но не имѣвшее вредныхъ послѣдствій, имѣло мѣсто въ началѣ ноября 469. „Въ Константинополѣ вмѣсто дождя падалъ съ неба пепелъ и нападало его на черепицы пальца на четыре. И всѣ трепетали, творя молитвы и говоря другъ другу: *близъ огонь и погасъ, и остался одинъ пепелъ по Божію человеколюбію.*“ И это событіе, (которое Le Beau объясняетъ современнымъ изверженіемъ Везувія) включено въ календарь подъ 5 ноября.

β) Личное благочестіе императора Льва сказалося въ его отношеніяхъ къ пр. Даниилу, сирскому иноку, поселившемуся съ 465 года на столпѣ вблизи столицы. Жизнь столпника была тяжелая, особенно во время зимы и бурной погоды, и однажды св. Даниилъ едва не замерзъ. Узнавъ объ этомъ, имп. Левъ пришелъ къ столпнику и, упавъ ему въ ноги, просилъ позволенія устроить надъ столпомъ навѣсъ. *Пощади себя, говорилъ императоръ столпнику, если не ради себя, то ради нашей пользы; не умирай прежде времени, не оставляй насъ сиротами.* Уважая св. Даниила, царь повелѣлъ патриарху Геннадію (458—471) рукоположить столпника въ пресвитеры. Посвященіе совершилось необычнымъ образомъ. Даниилъ стоялъ на столпѣ; патриархъ внизу читалъ молитвы, многочисленный народъ восклицалъ: *αἴτιος*, и тогда уже столпникъ дозволилъ поставить лѣстницу и приналъ отъ руки патриарха, поднимавшагося на верхъ, рукоположеніе и святое причастіе. Уваженіе царя къ столпнику видно и изъ слѣдующаго случая. Однажды, когда царь возвращался отъ столпа, онъ былъ сброшенъ конемъ, и въ письмѣ къ св. Даниилу такъ объяснялъ причину своей бѣды: *виновникъ моего паденія—я самъ, потому что я дерзнулъ предъ*

твоими очами стѣтъ на коня, а не отошелъ подальше пѣшій отъ святаго столпа твоего. Царь показывалъ столпника знатнымъ посѣтителямъ Византіи, какъ великое чудо и сокровище въ своемъ царствѣ; такъ напр. представлялъ св. Данила Губасію, царю лавровъ, который выразилъ свои чувства при видѣ столпника въ такихъ словахъ: *благодарю Тебя, Царь небесный, что Ты сподобилъ меня, пришедшаю къ царю земному, видѣть небеснаго чловѣка и его образъ жизни!* Авторитетъ столпника въ глазахъ императора поддерживался удачными пророчествами: α) о рожденіи сына Льву (обстоятельство, неизвѣстное исторіи) β) о неудачномъ исходѣ нападенія Гензериха, царя вандалскаго на Александрію, и γ) о великомъ грядущемъ бѣдствіи, въ ожиданіи котораго столпникъ совѣтывалъ дважды въ недѣлю совершать соборныя молебствія. Предрѣченное св. Данииломъ бѣдствіе было страшный пожаръ, (въ маѣ 469 г.), во время котораго царь съ царицею искали успокоенія и отрады у столпа преподобнаго. Пожаръ начался съ приморской стѣны, называвшейся корабельною, и охватилъ всю средину города до Константинова торгоу и даже до Юліанова берега. Погорѣло множество прекрасныхъ зданій, погорѣло много и людей, и не въ силахъ чловѣческихъ было бороться съ разъяренною стихіею. Константинополь, — по словамъ очевидцовъ — погибалъ, какъ второй Содомъ. Это былъ уже третій великій пожаръ столицы въ царствованіе имп. Льва I.

γ) Отношенія имп. Льва къ еретикамъ опредѣлялись не столько его личными взглядами, сколько современными политическими обстоятельствами. Самъ строго православный единомысленный съ константинопольскимъ клиромъ и усердный почитатель собора халкидонскаго, императоръ былъ постоянно стѣсняемъ то Аспаромъ, то членами своего семейства, то нападеніями отъ внѣшнихъ враговъ — вандаловъ и готтовъ; — и потому вынужденъ былъ терпѣть существованіе и даже господство монофизитовъ на южныхъ окраинахъ имперіи — въ Египтѣ и Сиріи. Въ самомъ началѣ царствованія Льва египетскіе монофизиты, составлявшіе громадное большинство и — такъ сказать — туземную, національную партію въ Египтѣ, воспользовавшись извѣстіемъ о смерти имп. Маркіона и отсутствіемъ военачальника Діонисія, завладѣли главною церковію въ Александріи и поставили себѣ патриархомъ инока Тимофея Элуря, прозваннаго такъ за свою хитрость и изворотливость. (Αἰλουροςъ — вертунъ хвостомъ, котъ). Тимофеемъ Элуръ былъ посвященъ

двумя епископами, не признававшими собора халкидонскаго, — и когда возвратившійся въ Александрію военачальникъ Діонисій сталъ на сторонѣ законнаго и православнаго патріарха Протерія, — то произошелъ бунтъ, окончившійся убіеніемъ Протерія, терзаніемъ его трупа, — и полнымъ іерархическимъ господствомъ Элурѣ во всемъ Египтѣ. Оставшіеся въ Египтѣ приверженцы халкидонскаго собора удалились въ Константинополь и подали императору горькую жалобу (за подписью 14 епископовъ и 6 клириковъ) на Тимоея Элурѣ и на александрійскія безчинства. Положеніе имп. Льва было крайне затруднительно. Онъ еще не утвердился на престолѣ, и потому могъ отвестись къ такому важному событію, какъ церковное возмущеніе цѣлаго патріархата (или діоцеза) не иначе, какъ съ крайнею осмотрительностію. — Императоръ разослалъ египетскую жалобу безъ всякихъ предрѣшающихъ комментаріевъ по всѣмъ митрополіямъ имперіи ¹⁾ и — какъ видно изъ отвѣтовъ — просилъ разсудить: признавать ли Тимоея законнымъ патріархомъ Александріи? и не нужно ли созвать новаго собора по поводу египетскихъ неустройствъ? Противъ Тимоея Элурѣ почти всѣ епископы высказались отрицательно, нѣкоторые — съ сильнымъ пафосомъ, нѣкоторые — условно, если все содержащееся въ жалобѣ справедливо; и только критскіе епископы, хотя съ нѣкоторыми оговорками, заявили: *о Тимоеѣ же... мы опредѣляемъ, что онъ твердъ на престолѣ.* На предложеніе собраться на всеобщій соборъ епископы или отмолча-

¹⁾ Благодаря этому обстоятельству для насъ выясняется составъ митрополій и автокефальныхъ епископій восточной имперіи. Именно имп. Льву прислали отвѣты слѣдующіе іерархи: константинопольскій, ираклійскій съ 3 епископами Европы, бизскій, филиппопольскій съ нѣсколькими, е. Севастіанъ (?), е. скиескій, епископы второй Мизіи 6, первой Сиріи 9, второй Сиріи 7, оздройской области 8, Месопотаміи 9, приморской Финикіи 12, — второй Финикіи 12, области исаврійской 18, первой Киликіи 8, Писидіи 15, Лидіи — 20, Памфиліи 14, мирь-ликійскіе 22, родосскій, косскій, митрополіи кизической 16, первой Арменіи 5, второй Арменіи 5, первой Каппадокіи 2, второй Каппадокіи 8, области понтійской 4, области гедеспонтской 6, — Пафлагоніи 4, Дарданіи — 4, коринеской митрополіи 21, первой Галатіи — 7; древняго Епира 9, новаго Епира 7, Крита 8 = всего 277 епископовъ, понятнаго обозначенныхъ. Очевидно, это далеко не всѣ епископы имперіи.

лись или высказались противъ. Особенно сильно выразились епископы гелеспонтскіе. *Если мы будемъ часто собираться, то можемъ мудрствовать что нибудь иное, кромъ того, что предано намъ св. отцами и изъяснено св. соборами. Желające, чтобы былъ созванъ соборъ ни о чемъ иномъ хлопочуть, какъ о томъ, чтобы большая часть епископовъ, продавъ свящ. сосуды, издержала встъ драгоценности на расходы, содержаніе себя и подводы,—и чтобы нѣкоторые изъ епископовъ, во время пути или на морѣ лишившіеся жизни, были признаны сочувствующими мѣщамъ, помогавшимся собора.* Заручившись общимъ голосомъ епископовъ, имп. Левъ приказалъ правителю Египта изгнать Тимоея съ патриаршей каетедры. Но—должно быть—сторона, поддерживавшая Тимоея Элугра, была очень сильна, потому что императоръ позволилъ Элугру явиться въ столицу, снова отпустилъ его на александрійскую каетедру и уже чрезъ два года, по настоянію папы Льва, сослалъ Элугра въ Херсонесъ таврической.

Въ антиохійскомъ патриархатѣ господствовали подобныя же устройства. Монахъ Петръ Сукноваль (*γυαφὸς*), прозванный такъ отъ своего ремесла, усердный монофизитъ, прибавившій къ трисвятой гѣснѣ выраженіе: *распнѣтый за ны*,—явился въ 467 г. искателемъ антиохійской каетедры при живомъ и православномъ патриархѣ Мартирїѣ. Мартирїѣ, должно быть, опасаясь участи Протерія александрійскаго, добровольно оставилъ въ 471 г. каетедру съ словами: *отъ клира непокорнаго и отъ народа непослушнаго и отъ церкви утратившей чистоту отступающъ, оставляя за собою только достоинство священства.* Петръ Сукноваль послѣдовалъ занять патриаршую каетедру, но скоро принужденъ былъ спастись бѣгствомъ отъ гнѣва императорскаго. Дѣло въ томъ, что въ это время императоръ раздѣлялся съ Аспаромъ и могъ уже смѣло выразить свое усердіе къ православію и отвращеніе къ еретикамъ, противъ которыхъ издалъ въ концѣ царствованія строгіе указы.

Скончался Левъ въ генварѣ 474 г. на 73 году жизни, не оставивъ послѣ себя сыновей и назначивъ наслѣдникомъ престола своего несовершеннолѣтняго внука, также Льва, въ отличіе отъ дѣда прозваннаго *малымъ*. Самъ же Левъ I въ отличіе отъ внука извѣстенъ въ исторіи подъ именемъ *великаго*, хотя, помимо ревности о православіи, своими дѣлами и не заслужилъ таковаго почетнаго проименованія.

Левъ малый и Зенонъ. (474—491.) Энотиконъ Зенона и
что изъ того вышло.

Переходя къ преемникамъ имп. Льва 1-го, мы прежде всего должны имѣть ясное представленіе о составѣ его семейства. Жена Льва 1 называлась Верина. Это была женщина даровитая, властолюбивая, склонная къ политическимъ волненіямъ и къ интригамъ. Ея безпокойный нравъ не былъ замѣтенъ при жизни мужа, но обнаружился впоследствии. Братъ Верины, по имени Василискъ, также отличался властолюбіемъ, которое нисколько не соответствовало его дарованіямъ. Сынѣй у Льва и Верины не было; по крайней мѣрѣ объ нихъ не знаетъ исторія. Изъ двухъ дочерей для исторіи восточной имперіи важна старшая—Ариадна. Ведя долгую и упорную борьбу съ фамиліей Аспара и поддерживавшими его войнами—гогеами, Левъ 1 задумалъ однихъ варваровъ противопоставить другимъ. Онъ обратилъ вниманіе на исавровъ. Такъ назывался горный, разбойничій народъ, соответствующій нынѣшнимъ курдамъ, жившій въ горахъ между Ликаонією, Фригією, Нисидією и Киликією. О нравахъ исавровъ современники даютъ невыгодный отзывъ. Такъ Исидоръ Пилусіотъ писалъ одному доброму исаврянину: „всѣ говорятъ о тебѣ, что ты лучше и рода и отечества своего, всѣ извѣщаютъ о твоёмъ благонавіи—о томъ, что не удержалъ ты въ себѣ жестокости, свойственной жителямъ горъ“ (I п. 160); значить, добрый человекъ между исаврами считался исключеніемъ. Но во время борьбы не пренебрегаютъ никакимъ оружіемъ, лишь бы оно было пригодно. Поэтому и имп. Левъ I разсудилъ привлечь къ себѣ исавровъ, породнившись съ представителемъ ихъ племени Транскалисеемъ, за котораго выдалъ свою дочь Ариадну. Транскалисеей, переименованный Зенономъ, получилъ порученіе составить отрядъ войска изъ своихъ единоплеменниковъ исавровъ, былъ украшенъ саномъ патриція и въ 459 г. женился на Ариаднѣ. Плодомъ этого брака былъ *Левъ малый*, котораго дѣдъ за два года до смерти назначилъ своимъ преемникомъ. Малолѣтній императоръ, (относительно возраста котораго хронографы разногласятъ, но который ни въ какомъ случаѣ не могъ быть старше 12 лѣтъ, а по извѣстію Малалы, былъ только 6 лѣтъ), естественно могъ прикрывать только своимъ именемъ проявленіе власти окружающихъ лицъ. Соискателями власти явились съ одной стороны мать императора Ариадна съ мужемъ Зенономъ, съ другой стороны—

бабушка Верина съ своимъ братомъ Василискомъ. Вѣроятно по со-
вѣту матери маленькій императоръ увѣнчалъ короною своего отца и
слѣд. призналъ его своимъ соправителемъ, въ то время, когда Зенонъ
въ качествѣ начальника войска въ присутствіи народа воздавалъ сыну
военныя почести. Левъ малый скоро умеръ, не процарствовавши и году.
Злая молва обвиняла отца въ его смерти. Но мы отказываемся этому вѣрить.
Какая была надобность Зенону совершать столь ужасное преступленіе?

Оставшись одинъ императоромъ, Зенонъ проявилъ вполне непри-
глядныя свойства своего варварскаго нрава. Онъ былъ вялъ, лѣнивъ,
нераспорядителенъ, жаденъ и развратенъ,—хотя и старался искупать
свои грѣхи милостынями. Относительно послѣдней черты его харак-
тера сохранилась слѣдующая легенда. „Зенонъ царь отнялъ дочь
у вдовы насиліемъ. И молилась вдова Богоматери, да сотворитъ
отмщеніе царю за такую обиду. Но Богоматерь, явившись вдовѣ, от-
вѣчала: *ничего не могу я сдѣлать противъ Зенона царя, ибо онъ ми-
лостивъ къ убогимъ и рука его всегда отверста на благотворенія.*“ Дур-
ное поведеніе Зенона открыло доступъ къ престолу его сопернику,
которымъ былъ братъ его тещи Верины, Василискъ. Какъ совершился
переворотъ, низвергшій Зенона и возведшій на престолъ Василиска, мы
не знаемъ. Знаемъ только, что въ февралѣ 476 г. Зенонъ вмѣстѣ съ
своею женою Ариадною бѣжалъ въ свое отечество Исаврію, а въ Кон-
стантинополѣ воцарился Василискъ и царствовалъ 20 мѣсяцевъ, вѣ-
чѣмъ не успѣвъ заслужить любви народной. Религіозная политика Ва-
сисиска двоилась. Сначала онъ сталъ на сторонѣ монофизитовъ, пред-
полагая, что они—сила; возстановилъ на александрійской патріархіи
Тимофея Элуря, много лѣтъ прожившаго въ ссылкѣ въ Херсонесѣ
таврическомъ, а на антиохійской патріархіи—Петра Гнафея,—и окру-
жною грамотою осудилъ халкидонскій соборъ, въ чемъ и нашелъ под-
держку со стороны собравшихся въ Ефесѣ 500 епископовъ. Но въ
столицѣ склонность Василиска къ монофизитамъ не встрѣтила сочув-
ствія. Тогдашніе вожди столичнаго общественнаго мнѣнія патріархъ
Акакій и въ особенности Даніилъ столпникъ жестоко обличали Ва-
сисиска. Св. Даніилъ даже оставилъ свой столпъ и приказалъ нести
себя къ Василиску, чтобы обличить его нечестіе и предсказать ему
скорую гибель. Къ довершенію бѣды Василискъ жестоко рассорился
съ своею сестрою Вериною, которая перешла на сторону своего зятя
Зенона и стала помогать ему со всею энергіею своего страстнаго ха-

рактера. Въ такихъ трудныхъ обстоятельствахъ Василискъ круто повернулъ на сторону православія; публично объявилъ себя православнымъ и подтвердилъ анаѳему на Несторія, Евтихія и другихъ еретиковъ. Но было уже поздно... Въ декабрѣ 477 г. Зенонъ безпрепятственно вступилъ въ столицу, а Василискъ, всѣми оставленный, искалъ убѣжища въ церкви. Зенонъ взялъ Василиска изъ храма, давъ клятву, что не обезглавитъ его, не изувѣчитъ и не прольетъ его крови, — и сдержалъ свое слово съ буквальною точностію. Несчастный Василискъ былъ сосланъ въ одну отдаленную крѣпость, гдѣ—по словамъ народной молвы—былъ опущенъ въ глубокую яму, и тамъ со всею семьею своею погибъ отъ голода. Послѣ своего возвращенія Зенонъ царствовалъ 12 слишкомъ лѣтъ до самой смерти,—но не безъ бурь, не безъ потрясеній. Также императрица—теща Верина, которая сначала низвергла Зенона, потомъ снова посадила его на престолѣ, опять стала интриговать противъ него. Заключение Зенономъ въ исаврійской крѣпости Папирѣ и снова освобожденная его врагами, Верина провозгласила императоромъ какого-то полководца Леонтія. Въ уцѣлѣвшемъ до настоящаго времени манифестѣ Верины, говорится, что „овдовѣвъ послѣ императора Льва, она увѣнчала исаврійца Транскаллисея, переименованнаго Зенономъ, который сдѣлался недостойнъ этой чести вслѣдствіе своего тиранства и нерадѣнія о дѣлахъ общественныхъ. А посему августа Верина отнимаетъ корону у Зенона и передаетъ благочестивому императору Леонтію.“ Благочестивый Леонтій, немедленно послѣ провозглашенія своего императоромъ, опять заточилъ Верину въ замокъ Папирѣ, гдѣ она скоро и умерла въ тоскѣ и отчаяніи (484 г.). Но и самъ Леонтій палъ жертвою военной неудачи, и голова его, равно какъ голова другаго знатнаго бунтовщика Илла, была выставлена на позорномъ столбѣ въ константинопольскомъ предмѣстіи Сивахъ (488 г.). Не мало также доставили Зенону хлопотъ готы, невѣрные друзья и опасные враги имперіи, состоявшіе подъ предводительствомъ двухъ враждебныхъ другъ другу Теодориковъ. Къ счастью Теодорикъ Косой скоро погибъ напрасною смертію (481 г.), а Теодорикъ Амалъ былъ направленъ Зенономъ въ Италію, (487 г.) гдѣ и воцарился на развалинахъ западной римской имперіи (489 г.).—Трудныя обстоятельства, среди которыхъ приходилось изворачиваться Зенону, внушили историку Византіи Финлею довольно выгодное понятіе о способностяхъ этого государя. „Убѣжденія Зенона“, говоритъ Финлей,

„кажется страдали шаткостью, а поведенье его было порочно; но если, не смотря на трудности своего положенія, на сильныя противъ него предубѣжденія и на несчастныя событія своего царствованія, Зенонъ сѣумѣлъ поддержать цѣлость восточной имперіи, то этотъ фактъ самъ по себѣ свидѣтельствуеть, что онъ не былъ лишенъ мужества и дарованій.“

Обращаемся къ церковной политикѣ Зенона, которая характеризуется его знаменитымъ *эпистономъ* т. е. актомъ соединенія. Навстрѣчу Василиска, который попеременно былъ то монофизитомъ, то заподозленнымъ приверженцемъ православія,—Зенонъ, обязанный своимъ торжествомъ православнымъ обитателямъ столицы, на первыхъ порахъ долженъ былъ явиться строго-православнымъ. Но скоро Зенонъ замѣтилъ, что при такомъ направленіи ему трудно будетъ сдерживать въ единствѣ свою имперію. Въ Малой Азій,—гдѣ епископы въ теченіе короткаго правленія Василискова торжественно то отвергли, то призвали соборъ халкидонскій,—видно было, что умы колеблются между православіемъ и ересью. Въ Сиріи же и Египтѣ монофизиты были гораздо многочисленнѣе православныхъ, и въ случаѣ притѣсненія со стороны правительства угрожали бунтомъ. И Зенонъ, по совѣту столичнаго патріарха Акакія, заблагоразсудилъ умирить монофизитовъ уступками на словахъ, не нарушая въ сущности опредѣленій халкидонскаго собора. Въ этомъ духѣ составленъ и обнародованъ въ 482 г. пресловутый *ἐνωτικόν*, адресованный къ церквамъ, подвѣдомственнымъ александрійскому патріарху. „Вѣдомо вамъ да будетъ, (читаемъ между прочимъ въ *эпистононѣ*), что мы и всюду сущія церкви не принимали, не приедемъ, и не будемъ принимать иного символа, или ученія, или вѣроопредѣленія, или вѣрованія, кромѣ св. символа, изреченнаго 318 отцами, подтвержденнаго 150 приснопамятными отцами, коему послѣдовали и св. отцы, собравшіеся въ Ефесѣ, испровергнушіе нечестиваго Несторія и его единомышленниковъ. Онаго Несторія, а равно и Евтихія, мудрствующихъ противно вышесказанному, и мы анаеѣматствуемъ, приеѣмля и 12 главъ, изреченныхъ блаженной памяти Кирилломъ александрійскимъ. Исповѣдуемъ же, что едиnorodный Сынъ Божій и Богъ, но истиннѣ вѣчеловѣчившійся Господь нашъ Іисусъ Христосъ, единосущный Отцу по божеству и единосущный намъ по челоѣвѣчеству: снисшедшій и воплотившійся отъ Маріи Дѣвы Богородицы, — есть единъ, а не два. Единому мы приписываемъ чудеса и страданія, которыя Онъ добровольно потерпѣлъ плотию. А раздѣляющихъ, или сливающихъ, или

вводящихъ призрачность вовсе не приемлемъ; ибо безгрѣшное по истинѣ воплощеніе отъ Богородицы не произвело въ Сынѣ прибавленія. Всякаго же иначе мудрствующаго, теперь или когда бы то ни было, въ Халкидонѣ или на какомъ-либо иномъ соборѣ, анаеematствуемъ.“

Греческій историкъ Папарригопуло (II, 41—43), слѣдуя Неандеру и Гизелеру, не находитъ въ *эотиконѣ* Зеноновомъ еретическаго мудрованія, а только умолчаніе характерныхъ терминовъ православія и монофизитства, для того, чтобы можно было какъ-нибудь сближить и согласить разногласящихъ. „Смотря на *эотиконѣ* съ политической точки зрѣнія“ говоритъ Папарригопуло, „мы осмѣливаемся сказать, что *эотиконѣ*, взятый въ цѣломъ, не привноситъ ничего новаго къ основнымъ положеніямъ православія. Правда *эотиконѣ* съ похвалою признаетъ только три первые вселенскіе собора, но тѣмъ не менѣе открыто анаеematствуетъ и Евтихія, осужденнаго на четвертомъ халкидонскомъ соборѣ. О халкидонскомъ соборѣ упоминается только въ концѣ и—такъ сказать—мимоходомъ, но отсюда не слѣдуетъ, что *эотикономъ* отрицается халкидонскій соборъ, а развѣ только умаляется его важность. Анаеematствуя Евтихія, *эотиконѣ* неизбежно принималъ и соборъ, осудившій сего еретика. Намъ скажутъ, что *эотиконѣ* не умирилъ умовъ, а вмѣсто того умножилъ раздѣленіе. Правда, крайніе ортодоксы и крайніе монофизиты ¹⁾ не пошли на соглашеніе: вмѣсто двухъ враждебныхъ лагерей стало три,—два крайнихъ, и одинъ средній. Но этотъ средній лагерь совмѣщаль въ себѣ громадное большинство восточныхъ христіанъ, если судить потому, что три первенствующие архіерея охотно приняли *эотиконѣ*: православный патріархъ Константинополя Акакій съ одной стороны,—и монофизитскіе патріархи александрійскій Петръ Занка (Μογγος) и антиохійскій Петръ Сукноваль (Γυαφεις) съ другой стороны. Такимъ образомъ актъ Зенона не только не поколебалъ въ сущности ничего, что было постановлено четырьмя прежними вселенскими соборами, но и открывалъ собою великое дѣло примиренія трехъ взаимно враждовавшихъ высшихъ каеедръ востока.“

¹⁾ Первые назывались *акимитами*, потому что центромъ своимъ имѣли константинопольскую обитель *неустояющихъ*; вторые назывались *акефалами*, потому что, отвергнувъ монофизитскаго патріарха Александріи Петра Монга, принявшаго *эотиконѣ*, остались на нѣкоторое время совсѣмъ безъ главы. О тѣхъ и другихъ будетъ рѣчь впереди.

Оставляемъ на отвѣтственности греческаго историка этотъ благо-склонный отзывъ о примирительной попыткѣ греческаго императора. Для исторіи важно то, что попытка Зенона не удалась и повела еще къ большему волненію умовъ и раздѣленію. Причины этой неудачи лежали, по нашему мнѣнію, внѣ религіозной области. Народности Египта и Сиріи (копты и сирійцы) давно тяготились византійскимъ правительствомъ, которое всегда было матерью для столицы и мачихою для провинцій. Сепаративныя стремленія этихъ провинцій, согласно духу времени, находили себѣ формулировку въ религіозныхъ разногласіяхъ. Сколько бы центральное правительство ни старалось сглаживать разногласія и придумывать примирительныя формулы, провинціи упорно хотѣли оставаться при особомъ мнѣніи. ¹⁾ Съ другой стороны и въ средѣ самихъ православныхъ византійцевъ существовало разногласіе относительно религіозной политики: одни готовы были идти на всякія формальныя уступки и хлопотать всѣми мѣрами, чтобы *домостроительствовати* цѣ-

¹⁾ Въ подтвержденіе высказаннаго сужденія можемъ сослаться на отзывъ извѣстнаго знатока исторіи христіанскаго востока, преосв. Порфирія (Успенскаго), который въ своей книгѣ *о египетскихъ христіанахъ—коптахъ* (Спб. 1856 г.) говоритъ между прочимъ: „Копты правы. Они, какъ и армяне, не еретики; и не должно называть ихъ монофизитами въ смыслѣ слиянія или предложенія двухъ естествъ Христа въ одно; ибо они не только не признаютъ, но и анаематствуютъ это слияніе, и согласно съ каеволическою церковію искренно исповѣдуютъ *соединеніе двухъ естествъ и составленіе изъ нихъ одной тѣлности безъ всякаго измѣненія свойствъ ихъ...* (стр. 25). Копты погрѣшили только тѣмъ, что внесли въ свой символъ изрѣченія не принятыя св. каеволическою церковію—*едина воля и едино дѣйствованіе*—(стр. 43) и не приняли символическихъ изрѣченій православной церкви о лицѣ Богочеловѣка (стр. 2). Политическая и родовая нерасположенность разныхъ племенъ другъ къ другу увѣковѣчила раздѣленіе съ 451 года (стр. 27). Мысли преосв. Порфирія о возможномъ воссоединеніи коптовъ съ православною церковію въ сущности сходны съ тѣми взглядами и надеждами, какому руководились снисходительные греки, поддерживавшіе *энотикомъ* Зенона. „Любовь церкви такъ широка, что за разность словъ при одинаковомъ смыслѣ догмата, она никогда не отчуждится отъ меньшихъ братьевъ своихъ о Господѣ, лишь бы они въ чувствахъ смиренія, послушанія и братолюбія, пали на грудь ея и облобызали священныя перси ея, отъ коихъ такъ долго отторгало ихъ недоразумѣніе.“ (Стр. 29).

лость имперіи;—другіе, сознавая бесполезность этихъ обидныхъ хлопотъ и уступокъ, признавали за благо просто бросить анаеомою въ лицо упрямымъ провинціаламъ и, если хватить силы, примучить ихъ къ единенію гражданскою властію. Зенонъ и его преемникъ Анастасій шли первымъ путемъ, но неудачно. Преемники этихъ императоровъ шли вторымъ путемъ и подготовили послѣдовавшее въ VII вѣкѣ легкое отпаденіе Египта и Сиріи отъ византійской имперіи.

Папартригопуло видитъ причину неудачи Зенонова *эотикона* въ противодѣйствіи римскаго папы. Мы этого не думаемъ; но такъ какъ по поводу *эотикона* произошелъ первый довольно продолжительный (35-лѣтній) разрывъ между восточною и западною церковію, то мы и должны остановиться на этомъ событіи нѣсколько подольше. Мы уже знаемъ, что ни на одномъ соборѣ голосъ папы не имѣлъ такого рѣшающаго значенія, какъ на соборѣ халкидонскомъ, гдѣ догматическое посланіе папы Льва легло въ основу соборнаго вѣроопредѣленія. Поэтому ни одинъ іерархъ въ мірѣ не могъ быть въ такой степени обиженъ приниженіемъ собора халкидонскаго, какъ римскій папа. Папа дѣйствительно глубоко оскорбился *эотикономъ* Зенона, и могъ смѣло высказать свое неудовольствіе, потому что политическія обстоятельства Италіи дѣлали папу почти совершенно независимымъ отъ византійскаго монарха. Тогдашній властитель Италіи Одоакръ разумѣется могъ не иначе, какъ съ удовольствіемъ смотрѣть на церковный разладъ между Римомъ и Византіею. И вотъ мы видимъ, что папа Симпливій, получивъ *эотиконъ*, настойчиво спрашиваетъ имп. Зенона и патр. Акакія: по какой причинѣ умолчано о халкидонскомъ соборѣ, какъ о вселенскомъ? Тѣ отвѣчали: *если наша формула хороша сама по себѣ, то къ чему упоминать о соборѣ? Правильно ли ученіе наше? вотъ въ чемъ дѣло.* — „Нѣтъ“, — отвѣчалъ папа, — „опредѣленіе вселенскаго собора есть голосъ всей церкви. А личное мнѣніе, чье бы оно ни было и какъ бы хорошо ни было высказано, не имѣетъ обязательной силы ни для кого. Первое полагаетъ конецъ всѣмъ спорамъ, а второе подаетъ къ нимъ поводъ. Не признавать халкидонскій соборъ, а его рѣшенія выдавать за свои собственные, это значитъ лишать послѣднія всякой силы.“ Преемникъ Симпликія папа Феликсъ, упрекая Зинона за изданіе *эотикона*, довольно дерзко грозилъ ему наказаніемъ Божиимъ. „Та рука“, писалъ папа императору, — „которая, измѣнивъ ходъ событий, возвратила тебя изъ изгнанія, для того, чтобы ты водворилъ

миръ въ церкви,—можетъ опять дать другой оборотъ дѣлу, если ты, вмѣсто мира, будешь производить смуты.“ Отвергая александрийскаго патриарха Петра Монга, принадлежавшаго къ умѣреннымъ монофизитамъ и принявшаго *эмотиконъ*, папа взялъ подъ свое покровительство, лишеннаго Зенономъ кафедры, православнаго александрийскаго патриарха Иоанна Талаію, и, послѣ тщетныхъ усилій возвратить его на александрийскую кафедру, далъ ему епархію въ Италіи. Неудовольствіе между Римомъ и Византією разгоралось все болѣе и болѣе; взаимное оскорбительное молчаніе и еще болѣе оскорбительная переписка не могли помочь дѣлу. Легаты, отправленные папою въ 483 г. въ Константинополь и оказавшіеся податливѣе своего первосвященника, по возвращеніи въ Римъ были признаны нарушителями своего долга и низложены. Римскій соборъ 484 г. подъ предсѣдательствомъ папы Феликса анаеematствовалъ константинопольскаго патриарха Авакія въ сильныхъ выраженіяхъ. „Да никогда не снимутся съ него узы проклятія!“ гласило римское отлученіе. Въ самомъ Константинополѣ папа имѣлъ себѣ единомышленниковъ въ лицѣ крайнихъ ортодоксовъ, какими были иноки изъ обители *неусыпаемыхъ* (*ἀχοιτησων*). Одинъ фанатическій акимитъ во время соборнаго служенія патриарха Авакія прикололъ ему къ облаченію папскую анаеому и былъ тотчасъ же убитъ во время происшедшаго въ храмѣ безпорядка. Авакій не очень испугался папской анаеомы, которая, выходя изъ всякихъ границъ умѣренности, хотѣла—такъ сказать—связать милосердіе Божіе. На анаеому папы патриархъ константинопольскій отвѣчалъ анаеомою—и вычеркнулъ имя папы изъ диптиха. Мѣнялись лица, но раздоръ продолжался и въ царствованіе Зенона и въ послѣдующее за тѣмъ царствованіе Анастасія.

Анастасій Диррахитъ или Дикоръ. (491—518.) Его религіозная политика. Волненія въ Константинополѣ и въ Іерусалимѣ.

Зенонъ умеръ въ 491 г., не оставивъ дѣтей, и распоряженіе судьбами царства досталось вдовѣ его Ариаднѣ, которая, отстранивъ брата Зенонова Лонгина, не замедлила отдать корону и руку царедворцу Анастасію Дикору, предмету своей давней привязанности. Анастасій былъ родомъ изъ Диррахіума (древній Епидамнъ, нынѣшній Дураццо), происхож-

денія незнатнаго. Съ молодыхъ лѣтъ поступилъ онъ на службу къ византійскому двору и достигъ спустя долгое время почетнаго, но далеко не перво-степеннаго званія *силенціарія*.¹⁾ Конечно это не давало ему никакихъ правъ на корону. Но Анастасій былъ челоуѣкъ благообразный; красоту лица его скорѣе увеличивала, чѣмъ уменьшала странная игра природы, надѣлившей его однимъ чернымъ и другимъ голубымъ глазомъ, — почему онъ и прозванъ былъ *δίκωρος* т. е. двоезрачный. Благообразіе Анастасія давно уже доставило ему нѣжную склонность Аріадны, и — что всего удивительнѣе — склонность эта не угасла и въ то время, когда Анастасію было около 60 лѣтъ, а царицѣ болѣе 40. При сильной поддержкѣ Аріадны Анастасій былъ провозглашенъ царемъ отъ синклита и народа. Въ народѣ Анастасій, должно полагать, и прежде былъ популяренъ, судя по тому, что толпы народа привѣтствовали новаго царя кликами: *царстѡуй, какъ жилъ!* Только патріархъ Евфимій сначала колебался вѣнчать Анастасія на царство, подозрѣвая въ немъ наклонность къ монофизитству, и согласился не иначе, какъ взявъ съ царя письменное исповѣданіе вѣры съ признаніемъ халкидонскаго собора. Спустя 40 дней вступивъ въ бракъ съ Аріадною, новый царь окончательно упрочилъ свое положеніе. Мы не будемъ рассказывать ни о подавленіи Анастасіемъ могущества сильныхъ при дворѣ и въ войскѣ исавровъ (492—494), ни о войнѣ царя съ персами (501—504), ни о построеніи имъ громадной такъ называемой *длинной стѣны* отъ Чернаго моря до Мраморнаго, защищавшей столицу съ окрестностями отъ набѣга сѣверныхъ варваровъ,²⁾ — ни о финансовыхъ весьма успѣшныхъ дѣлахъ Анастасія; мы остановимся только, сообразно съ своею задачею, на религіозной политикѣ этого государя.

Вопреки предостереженію патріарха Евфимія Анастасій Диррахитъ былъ продолжателемъ религіозной политики своего предшественника. Лично Анастасій кажется былъ равнодушенъ къ догматическимъ спорамъ, но, подобно Зенону, хотѣлъ держаться средняго пути между крайними ортодоксами и крайними монофизитами, на которомъ надѣ-

¹⁾ *Силенціарій*—соотвѣтствуетъ современному государственному секретарю.

²⁾ Стѣна эта образовала дугу въ 63 версты, на разстояніи 56 верстъ отъ столицы. Слѣды долгой стѣны въ три сажени шириною остались до нынѣ.

ядся согласить большинство своихъ подданныхъ. „Царь Анастасій,“ говоритъ церк. историкъ Евагрій, „будучи миролюбивъ, вовсе не желалъ никакихъ нововведеній, особенно въ дѣлахъ церковныхъ. Вся его забота была о томъ, чтобы удалить смуты и водворить глубокой миръ между своими народами; поэтому онъ былъ противъ всякихъ раздѣлений и пререканій, какъ церковныхъ, такъ и гражданскихъ.“ Съ своей точки зрѣнія Анастасій былъ разумѣется правъ. Но кромѣ средняго такъ сказать нейтральнаго большинства, которое одобряло религіозную политику Анастасія, существовали еще двѣ крайнія стороны, — крайніе монофизиты и крайніе ортодоксы, *акефалы* и *акимиты*, не согласившіеся въ свое время на энотиконъ Зенона и не шедшіе ни на какія уступки. — *Акимиты*, имѣя на своей сторонѣ римскаго папу, горячо дѣйствовали въ Константинополѣ, защищая халкидонскій соборъ; *акефалы*, подѣ предводительствомъ двухъ энергическихъ вождей Филоксена и Севира, горячо дѣйствовали въ Александріи и Антиохіи, анаеоматствуя халкидонскій соборъ. Не смотря на свою относительную малочисленность, *акимиты* и *акефалы*, сосредоточившись въ большихъ городахъ, производили много шуму своими протестами и заявленіями. Въ Константинополѣ *акимиты* совершенно привлекли на свою сторону патріарха Евфимія и вооружили его противъ царя, такъ что, во время борьбы Анастасія съ исаврами, патріархъ сочувствовалъ исаврамъ и сносился съ ихъ вождями. *Твои молитвы не помогли твоимъ друзьямъ*, послалъ царь сказать патріарху послѣ одной побѣды надъ исаврами и въ 496 г. лишилъ Евфимія каедры и возвелъ на его мѣсто Македонія. Новый патріархъ сначала дружжелюбно относился къ царю, но съ теченіемъ времени сталъ негодовать на царя за его равнодушіе къ православію. Снова поднялись обвиненія, что царь покровительствуетъ еретикамъ и тайно злоумышляетъ противъ православія: умы возмущились въ столицѣ; народъ, возбуждаемый крайними ортодоксами и самимъ патріархомъ, сталъ бунтовать противъ царя, обзывая его тиранномъ и манихеемъ. Поэтому Анастасій въ 511 г. удалилъ съ каедры Македонія и назначилъ патріархомъ Тимофея, который и управлялъ церковію до самой смерти своей въ 517 г. — Приверженцы Македонія послѣ низложенія его подняли страшный бунтъ въ Константинополѣ, и потерпѣвъ неудачу въ столицѣ, стали бунтовать въ Фракіи подѣ начальствомъ Виталиана, вождя готовъ и потомка Аспарова. Дальнѣйшія обстоятельства борьбы неизвѣстны, но несомнѣнно то, что Анастасій управился съ

своими противниками и не перемѣнилъ своей религіозной политики до самой смерти своей въ 518 г. Но до какой степени императору трудно было справляться съ горячими ревнителями православія, можемъ видѣть изъ подробнаго разсказа о двухъ волненіяхъ, въ Константинополѣ 6—8 ноября 512 г., и въ Іерусалимѣ въ 513 г.

Константинопольское замѣшательство можно назвать волненіемъ по поводу пѣнія трисвятой пѣсни. Для народной толпы догматическій вопросъ тогда только можетъ быть ясенъ и понятенъ, когда бываетъ заключенъ въ какомъ-нибудь краткомъ и удобозапоминаемомъ терминѣ. Такими терминами для православныхъ во время арианскихъ и несторіанскихъ споровъ были слова: *δυσούσιος*, *Θεούσιος*. Монофизитскій патріархъ Антіохіи Петръ Гнафей пожелалъ дать такой же терминъ и для монофизитства и прибавилъ къ общеизвѣстной трисвятой пѣсни: *святый Боже*, выраженіе: *распныйся за ны*, имѣя въ виду показать, что Христосъ страдалъ божественною природою, которая только въ немъ и есть. Одинъ изъ преемниковъ Петра Гнафея, православный патріархъ Антіохіи Каландіонъ прибѣгъ къ полумѣрѣ и видоизмѣнилъ прибавку Гнафея, такъ что она утратила свой монофизитскій смыслъ; именно Каландіонъ уставилъ пѣть такъ: *святый Боже, святый крѣпкій, святый безсмертный и ты, Христе Царю, распныйся за насъ, помилуй насъ*. Но православные обитатели Константинополя не имѣли надобности прибѣгать къ подобнымъ уступкамъ и соблюдали пѣніе трисвятой пѣсни, въ томъ первоначальномъ видѣ, въ какомъ, по преданію, она была слышана отъ ангеловъ. И вотъ, когда въ Константинополѣ разнесся слухъ, что имп. Анастасій, при содѣйствіи какихъ-то пришедшихъ съ востока монаховъ, намѣренъ ввести въ богослуженіе пѣніе трисвятой пѣсни съ прибавкою: *распныйся за ны*, то народъ возсталъ на защиту свящ. гимна и вспыхнуло возмущеніе, которое такъ описывается у хроникера Іоанна Малалы антійскаго. „При императорѣ Анастасіѣ Диррахитѣ въ Константинополѣ было народное возмущеніе изъ за христіанскаго догмата, по поводу того, что императоръ будто бы хотѣлъ согласно обычаю восточныхъ городовъ присоединить къ трисвятой пѣсни слова: *распныйся за ны, помилуй насъ*. И собравшись множество горожанъ сильно волновались, заявляя, что нѣчто чуждое привносится въ вѣру христіанскую. А во дворцѣ было такое смущеніе, что городской епархъ Платонъ обратился въ бѣгство и скрывался отъ народной ярости. Бунтовщики же кричали: *другаго царя римской имперіи!* И на-

правившись къ палатамъ Марина сиріянина экс-епископа, сожгли его домъ и разграбили его имущество, а самаго не нашли, ибо Маринъ, услышавъ, что огромная толпа народу идетъ къ его дому, — спасся бѣгствомъ. Въ толпѣ говорили про Марина, что этотъ пришлецъ съ востока подбуждалъ царя сдѣлать прибавку къ трисвятой пѣсни; — и разграбивши его казну, рубили серебро топорами и дѣлились. Бунтовщики въ домъ Марина нашли восточнаго монаха, и схвативъ его убили, и носили голову его на копѣ съ крикомъ: *вотъ настоятникъ противъ св. Троицы!* Толпа дошла до дому знаменитѣйшей патриціанки Юліаніи ¹⁾ и провозглашала ея мужа Ареовинда римскимъ императоромъ, но тотъ бѣжалъ и скрылся на пристани. Тогда самъ императоръ Анастасій явился на ипподромъ и возсѣлъ на царское мѣсто — безъ діадимы. Узнавъ объ этомъ, народъ сбѣжался на ипподромъ и императоръ своими божественными рѣчами склонилъ на свою сторону большинство гражданъ, увѣщавая ихъ не бросаться на кого ни попало и не убивать безъ толку. И утихла вся толпа и просила императора носить діадиму. И съ тѣхъ поръ присмирѣли граждане и перестали собираться скопомъ, а императоръ приказалъ заарестовать виноватыхъ и изъ многихъ заарестованныхъ иныхъ казнилъ, а другихъ заточилъ чрезъ городскаго епископа. Долго продолжалось наказаніе бунтовщиковъ и неисчетное множество народу было перебито, а затѣмъ настало великое благочиніе и страхъ не малый въ Константинополѣ и въ каждомъ городѣ римской державы. “Сухой рассказъ Малалы не разъясняетъ намъ, ни того, кто были виновниками возмущенія, охватившаго народъ подобно эпидемической болѣзни, — ни того, почему императору удалось склонить своими божественными рѣчами на свою сторону большинство гражданъ, — ни того, въ чемъ наконецъ состояли эти божественныя рѣчи. Но соображая современныя обстоятельства, мы можемъ заключить: а) что главными виновниками возстанія были друзья патріарха Македонія, низложеннаго въ прошломъ году за свою преданность халкидонскому собору, т. е. по тогдашней терминологіи *акимиты*, — б) что неудача воз-

¹⁾ Патриціанка Юліанія, основательница монастыря въ честь Богоматери, была усердная ревнительница православія и почитательница низложеннаго патріарха Македонія, и принадлежала къ сторонѣ такъ называемыхъ тогда *акимитовъ*.

станія зависѣла отъ того, что бунтовщики не имѣли ни опредѣленной политической программы, ни готоваго претендента на престолъ,—и в) что божественныя рѣчи императора состояли вѣроятно въ обѣщаніи не вводить обязательной перемѣны въ пѣніи трисвятой пѣсни.

Но конечно послѣ столичнаго возмущенія имп. Анастасій не могъ чувствовать никакой благодарности къ *акимитамъ* и его прежнее сочувствіе къ *акефаламъ* усилилось. Поэтому мы видимъ, что императоръ горячо поддерживаетъ *акефала* Севира, захватившаго въ 512 г. антиохійскую кathedру, и преслѣдуетъ тѣхъ, кто не хотѣлъ имѣть съ нимъ общенія. Но здѣсь царю пришлось встрѣтить сильное противо-дѣйствіе со стороны палестинскихъ иноковъ, которое осталось не побѣжденнымъ. Разскажемъ объ этомъ событіи такъ, какъ оно излагается въ житіяхъ Саввы освященнаго (5 дек.) и преп. Θεодосія (11 генв.) „Въ Антиохіи еретики съ безчестіемъ изгнали православнаго патріарха Флавіана, а мѣсто его восхитилъ Сефиръ безглавыи (т. е. принадлежащій къ партіи *акефаловъ*) и много обижалъ православныхъ, которые не хотѣли имѣть съ нимъ общенія. Не хотѣлъ имѣть общенія съ Севиромъ и патріархъ іерусалимскій Ілія, а преподобный Савва съ своими иноками, пришедши въ святой градъ, публично предалъ Севира анаемѣ. Услышавъ объ этомъ, царь Анастасій исполнился невзреченной ярости и послалъ въ Іерусалимъ Олимпія епарха палестинскаго со множествомъ войска и съ повелѣніемъ свергнуть съ кathedры патріарха Ілію, не по суду, а единственно царскою властію. Пришедши же Олимпій съ большимъ войскомъ, исполнивъ царское повелѣніе, низвергъ патріарха безъ суда и послалъ на заточеніе въ Аилъ, а вмѣсто Іліи возвелъ въ патріархи пресвитера Іоанна, который обѣщался проклять халкидонскій соборъ и имѣть общеніе съ Севиромъ. Узнавъ объ этомъ, преп. Савва опять собралъ свое духовное войско и, какъ нѣкоторый воевода, пришелъ во святой градъ, но уже не засталъ епарха Олимпія, ибо тотъ, исполнивъ порученное ему злое дѣло, съ радостію возвратился къ царю. Очень скорбѣлъ блаженный Савва о неповинномъ изгнаніи патріарха Іліи и рыдалъ о немъ. А узнавъ, что новый патріархъ мудрствуетъ по еретически, Савва вопіялъ на него, требуя, чтобы онъ не имѣлъ общенія съ Севиромъ, а за халкидонскій соборъ стоялъ до крови; въ противномъ же случаѣ угрожалъ проклятіемъ отъ всѣхъ отцовъ пустынныхъ. Патріархъ Іоаннъ устыдился, а вмѣстѣ и испугался столь многихъ бо-

говдохновенныхъ отцовъ, пришедшихъ со св. Саввою, отвергся Севера и всякой ереси и принялъ православіе, утвержденное на халкидонскомъ соборѣ, — и успокоились отцы святыя. Скоро узналъ царь, что новопоставленный патріархъ Іерусалима признасть соборъ халкидонскій, и разгнѣвался на Олимпія за избраніе таковаго патріарха, и — вмѣсто Олимпія — назначивъ епархомъ всей Палестины нѣкоего Анастасія, послалъ его въ Іерусалимъ, чтобы онъ патріарха Іоанна или словилъ къ общенію съ Северомъ или лишилъ кафедры. Епархъ Анастасій, пришедши въ Іерусалимъ, тотчасъ же схватилъ патр. Іоанна и заключилъ его въ темницу. Патріархъ просилъ епарха дать ему отсрочку на нѣсколько дней, обѣщаясь въ ближайшій день воскресный предъ всѣмъ народомъ въ храмѣ проклясть соборъ халкидонскій и вступить въ общеніе съ Северомъ; а между тѣмъ, будучи выпущенъ изъ темницы, тайно послалъ къ преподобнымъ Саввѣ и Θεодосію, чтобы они постарались со всѣми иноками придти во храмъ іерусалимскій въ ближайшее воскресенье. Случилось, что тогда былъ въ Іерусалимѣ и царскій племянникъ Ипатій, пришедшій на богомолье. И вотъ въ день воскресный пришли въ Іерусалимъ оба архимандрита, Савва и Θεодосій, имѣя съ собою множество черноризцевъ, — тысячъ до десяти. Во время церковнаго собранія, когда пришли въ храмъ епархъ Анастасій и царскій племянникъ Ипатій съ своею свитою и множествомъ народа, — патріархъ восшелъ на амвонъ, имѣя съ собою Савву и Θεодосія; — и вотъ весь народъ съ черноризцами возопилъ патріарху: *прокляни еретиковъ, халкидонскій же соборъ утверди!* И взявъ на себя смѣлость, патріархъ воскликнулъ такъ: *если кто мудрствуетъ согласно съ Евтихіемъ, Несторіемъ, Северомъ и Сотерихомъ¹⁾, — анафема да будетъ!* Также и блаженный Θεодосій съ преподобнымъ Саввою воззвали: *кто не приѣмлетъ четырехъ соборовъ, какъ четырехъ евангелистовъ, да будетъ проклятъ!* Видѣвъ это, епархъ Анастасій, убоявшись множества черноризцевъ и народа и поспѣшно вышедши изъ церкви, бѣжалъ въ Кесарію. А царскій племянникъ клялся св. отцамъ, что придетъ и утверждать Северову вѣру, но поклониться святымъ мѣстамъ, и дать Саввѣ и Θεодосію множество золота для раздачи черноризцамъ. Послѣ

¹⁾ Сотерихъ былъ монофизитствующій митрополитъ Кесаріи каппадокійской.

того преподобные отцы отъ всего собора писали царю увѣщательное посланіе, которое однако не имѣло успѣха.—Царь пѣвался весьма и хотѣлъ изгнать ихъ предѣловъ іерусалимскихъ патр. Іоанна съ двумя архимандритами Саввою и Феодосіемъ, но промыслъ Божій не допустилъ исполниться царской злобѣ, ибо случилась въ то время нѣвая война съ варварами. Послѣ несправедливаго изгнанія патріарха Илія, праведнымъ судомъ Божиимъ былъ голодъ, и засуха, и осужденіе во всей Палестинѣ,—какъ во дни пророка Илія, и умножились саранча и поядала всю растительность. И продолжалась такая царь Божія до пяти лѣтъ, такъ что многіе умерли отъ голода и жажды. И говорили іерусалимляне, что за неповинное напиканіе патріарха Илія Богъ казнить Палестину... Послѣ того заכותѣлъ прен. Савва посѣтитъ святѣйшаго Илію, находившагося въ изгнаніи; а было тогда Саввѣ 80 лѣтъ. И взявъ двухъ игуменовъ, Стефана и Евфала, пошесть. Илія, увидавъ гостей, обрадовался и удержалъ ихъ у себя нѣсколько дней,—и ежедневно, въ 9 часу дня, выходилъ имѣть, обѣдалъ съ ними и утѣшался духовными бесѣдами, а послѣ вечерняго отпущеня опять удалялся въ свою безмольную келью. Но однажды—и именно 9 іюня—патріархъ не вышелъ въ гостямъ по обычаю, и они ждали его цѣлый день, не вкусивъ пищи,—а въ 6-мъ часу ночи вышелъ патріархъ съ заплаканными глазами и сказалъ: „вы вкусите, а у меня нѣтъ времени; я тоскую.“ Инокіи ирлежно спрашивали его, отчего онъ такъ несвоевременно и о чемъ плачетъ. Тогда патріархъ, такъ выдохнувъ и зарыдавъ, сказалъ св. Саввѣ: „увя! блаженный отецъ!—сейчасъ скончался царь Анастасій, а мнѣ умереть чрезъ 10 дней и судиться съ нимъ предъ страшнымъ судомъ Божиимъ.“ Такъ и случилось. Чрезъ 10 дней кончѣ вратной болѣзни скончался патр. Илія и похоронилъ его честно блж. Савва. О смерти же царя Анастасія повѣствуется, что въ ту ночь, когда было видѣніе патр. Илія, была сильная гроза и молнія упала на царскій дворецъ и преслѣдовала царя, бѣгающаго изъ угла въ уголъ, и достигши его, поразила. И такъ злой злѣ погибъ.“

О смерти царя Анастасія существуетъ нѣсколько рассказовъ, составленныхъ очевидно его порицателями. Вотъ въ какомъ видѣ сводятся въ одно эти рассказы въ позднѣйшей хроникѣ Амартола. „Анастасій видѣлъ во снѣ нѣкоего страшнаго мужа, держащаго въ рукѣхъ книгу, который, разгнувъ ее, прочелъ имя царя и сказалъ: *смерть за несправедливое твое изглаждаетъ 12 лѣтъ твоей жизни*,—и изгладилъ царя“

стомъ. Спустя два дня былъ громъ и молнія; царь, оставшись одинъ во дворцѣ, бѣгалъ съ мѣста на мѣсто, и въ одной спаленкѣ, называемой ушная, (ὄψων) постигъ его судъ Божій, такъ что онъ внезапно оказался мертвымъ. Говорятъ, что чрезъ нѣсколько дней послѣ погребенія царь кричалъ: *помиловать меня и отворите!* Могильщики отвѣчали, что уже другой царствуетъ. *Ничего мнѣ не нужно*, отзывался Анастасій, *отведите меня въ монастырь*. Но могильщики оставили его въ прежнемъ положеніи. Говорятъ, что спустя немного времени гробница была открыта, и оказалось, что царь изгрызъ свои руки и туфли.“ Должно замѣтить впрочемъ, что подобный же рассказъ о погребеніи заживо прилагался и къ предшественнику Анастасія, имп. Зенону, и—можетъ быть—и въ томъ и въ другомъ случаѣ имѣлъ основаніе въ воображеніи людей, не любившихъ религіознаго индифферентизма этихъ государей и ихъ равнодушія къ православію. Помимо своего религіознаго индифферентизма, объясняемаго быть можетъ желаніемъ обще-государственной пользы, Анастасій былъ очень хорошій государь. Приведемъ отзывъ о немъ Финлея.“ Анастасій посвятилъ всѣ свои заботы облегченію бѣдствій своихъ подданныхъ и уменьшенію податей, ихъ угнетавшихъ. Лучшимъ подвигомъ Анастасія было добровольное уменьшеніе государственныхъ доходовъ. Онъ отмѣнилъ *хрисартронъ*, выгодную, но тяжелую пошлину, падавшую едва ли не на всѣ вѣтви промышленности. Подъемъ благосостоянія, послѣдовавшій за этою льготою, обнаружился немедленно, и блестящіе подвиги, ознаменовавшіе царствованіе Юстиніана, явились послѣдствіемъ новыхъ силъ, влитыхъ въ политическое тѣло римской имперіи Анастасіемъ. Онъ тратилъ большія суммы на исправленіе поврежденій, причиненныхъ войною и землетрясеніями..; но бережливость его была такъ велика, а доходы восточной имперіи составляли столь значительную сумму, что онъ оставилъ послѣ себя 320000 литръ золота ¹⁾ въ государственной казнѣ... Даже въ глазахъ грековъ Анастасій считался бы

¹⁾ По счету Финлея эта сумма равняется 13 милл. фунтовъ стерлинговъ (81,640,000 р. с.), по счету Изамберта—333 милл. франковъ (84,331,000 р. с.); по счету Папарригопуло—394 милл. драхмъ (98,500,000 р. с.). Но такъ какъ эта сумма состояла въ золотѣ, то въ настоящее время, по мнѣнію Изамберта, казна Анастасія могла бы быть оцѣнена въ три миллиарда франковъ.

вѣроятно примѣрнымъ монархомъ, не выказывая оное расположенія къ ереси. Введенный въ заблужденіе желаніемъ объединить всѣ секты въ одной господствующей церкви или исключительную привязанностію къ ученію еutihianъ, царь вооружилъ противъ себя православныхъ грековъ, властолюбивый духъ которыхъ затруднялъ его внутреннее правленіе нѣсколько разъ повторявшимися опасными возмущеніями и побуждалъ грековъ не цѣнить его гуманной и благой политики. Царствованіе Анастасія длилось болѣе 27 лѣтъ.—А всего жилъ Анастасій около 90 лѣтъ. Такимъ образомъ—и за исключеніемъ 12 лѣтъ, вычеркнутыхъ—по словамъ легенды—за невѣріе, жизнь царя превышала обычный срокъ жизни человѣческой.

Смертію Анастасія Дирахита окончилась династія, основанная Львомъ Фракіяниномъ и занимавшая византійскій престолъ 51 годъ (457—518). Анастасій не имѣлъ сыновей, но имѣлъ трехъ племянниковъ, изъ которыхъ ни одного не рѣшился назначить наслѣдникомъ, быть можетъ не желая обидѣть прочихъ. Легенда, составленная въ византійскомъ вкусѣ, говоритъ объ этомъ слѣдующее: достигши глубокой старости, Анастасій сталъ думать о своемъ преемникѣ. Онъ желалъ оставить корону одному изъ своихъ племянниковъ, Помпею, Пробу или Ипатію, но затруднялся, котораго выбрать. Чтобы выдти изъ затрудненія, царь пригласилъ къ себѣ на ужинъ и оставилъ ночевать во дворцѣ всѣхъ трехъ племянниковъ; и приготовилъ для нихъ три постели, подложивъ подъ одно изголовье знакъ царскаго достоинства и рѣшившись отдать царство тому, кто ляжетъ на эту постель. Но случилось такъ, что два племянника легли на одну постель, и постель будущаго царя осталась не занята. Тогда царь уразумѣлъ, что ни одинъ изъ его племянниковъ не будетъ ему наслѣдовать, и сталъ поститься и молиться, чтобы Богъ открылъ ему его преемника. Ночью царь слышитъ во снѣ, что первый, кто придетъ къ нему на слѣдующее утро, будетъ ему наслѣдовать. Первымъ пришелъ военачальникъ Юстинъ съ отчетомъ объ исполненіи какого-то порученія; и царь возблагодарилъ Бога за указаніе преемника, и намекнулъ Юстину о его будущей судьбѣ въ нѣкоторыхъ темныхъ выраженіяхъ.—Само собою разумѣется, что содержаніе этой легенды принадлежитъ къ числу пророчествъ, сочиняемыхъ послѣ событія.

Представляемъ короткую генеалогію короткой династіи Льва Оракіянина.

Левъ Оракіянинъ + 3 февр. 474.

Жена Льва Верина + 484
имѣвшая брата Василіска
(ум. 479).

Д о ч е р и Л ь в а и В е р и н ы:

Аріадна + 515 въ 1-мъ бракѣ за
и. Зенономъ (ум. 9 апр. 491 г.) во
2-мъ за и. Анастасіемъ (ум. 8
іюн. 518.)

Сынъ Аріадны отъ 1-го брака
Левъ малый + 474.

Леонція въ замужествѣ за
Маркіаномъ, сыномъ запад-
наго императора Анеемія.

ЧТЕНИЕ ВОСЬМОЕ.

Юстинъ I и его преемники до Маурикія. (518—602).

Юстинъ I (518—527). Его происхождение и религиозная политика.

Послѣ смерти Анастасія племянники его по неизвѣстнымъ для насъ причинамъ остались бездѣйственными. Между тѣмъ придворное властолюбіе не дремало. Сильный при дворѣ евнухъ Аманцій, не имѣя возможности самъ быть основателемъ новой династіи, рѣшился воцарить одного изъ своихъ подручниковъ по имени Θεокрита, чтобы царствовать подъ его именемъ. Весьма значительную сумму денегъ для привлеченія столичныхъ жителей и войска въ пользу Θεокрита Аманцій поручилъ начальнику гвардіи Юстину. Но Юстинъ, не смотря на свою старость и безграмотность, заблагоразсудилъ употребить эти деньги въ свою пользу и былъ провозглашенъ императоромъ. Новый императоръ былъ родомъ славянинъ изъ Дарданіи, ¹⁾ бѣднаго и незнатнаго происхожденія. Первоначальное имя его неизвѣстно; латинское имя Justinus онъ принялъ конечно уже на царской службѣ, пролагая себѣ путь къ высшимъ почестямъ. Жена императора называлась *Любимья*; сестра *Бвгленица*, зять *Истокъ*, племянникъ *Уарпада*. Все они приняли латинскія или латинизированныя имена (Бвгленица—

¹⁾ Дарданія по Гильфердингу—это старая Сербія, гдѣ нынѣ Кюстендиль и Софія. Родиной Юстина было село Ведраны. *Соч. Гильфердинга* I. 78.

Vigilantia; Истокъ—Sabbatius; Управда—Justinianus), за исключеніемъ жены императора Любкини, которую народъ при коронаціи провозгласилъ Евфиміею (Евфѣмія, —благославная.) Принятіемъ латинскихъ именъ предъуказывалось отчасти направленіе новой династіи, которая хотѣла воскресить славу древняго Рима и возстановить имперію въ прежнихъ предѣлахъ римской территоріи. Главнымъ представителемъ этого направленія былъ племянникъ и преемникъ Юстина Юстиніанъ, которому при воцареніи дяди было болѣе 30 лѣтъ отъ роду. Самъ же Юстинъ былъ слишкомъ старъ и безграмотенъ, для того, чтобы начинать новую политическую эру. При воцареніи ему было 68 лѣтъ; а безграмотность его была такъ велика, что онъ не умѣлъ написать слова *legi*, обыкновенно выставляемаго византійскими государями на ихъ указахъ и пользовался для сего дощечкою съ прорѣзными лите-рами. Но благочестіе Юстина, его благоразуміе и нажитая годами опытность были причиною того, что, не смотря на свою безграмотность, онъ былъ далеко не худымъ государемъ. По своимъ догматическимъ убѣжденіямъ Юстинъ былъ строго православенъ: и это тотчасъ же отразилось на ходѣ церковныхъ дѣлъ. Привѣтствуя новаго императора шумными восклицаніями, православные византійцы выражали вмѣстѣ съ тѣмъ желанія и требованія, относящіяся до церковной жизни. Византійцы требовали, чтобы была произнесена анаѳема на *акееала* Севера, патріарха антиохійскаго, — чтобы учреждено было церковное празднество въ честь и память собора халкидонскаго, чтобы перенесены были въ столицу мощи патріарховъ Евфимія и Македонія, лишенныхъ кафедръ при царѣ Анастасіѣ за усердную защиту православія, — чтобы имена ихъ, равно какъ и папы Льва, были включены въ диптихи и т. д. Въ виду заявленій народныхъ, патріархомъ Іоанномъ чрезъ 10 дней по воцареніи Юстина былъ созванъ соборъ изъ 40 епископовъ, находившихся въ столицѣ, и игуменовъ столичныхъ и окрестныхъ. Требованія православныхъ византійцевъ были приняты во вниманіе и исполнены: соборъ осудилъ всѣхъ отвергающихъ халкидонскій соборъ и въ частности осудилъ Севера, патріарха антиохійскаго, оправдалъ память умершихъ поборниковъ православія и опредѣлилъ внести въ диптихи отцовъ четырехъ вселенскихъ соборовъ. На этомъ соборѣ въ первый разъ патріархъ Константинополя титуруется *вселенскимъ*, какъ заботящійся о благѣ всѣхъ церквей, даже и тѣхъ, которыя находятся внѣ предѣловъ его патріархата. Императоръ подтвердилъ соборное опредѣ-

леніе и изъ столицы оно было разслано въ провинціи, гдѣ конечно встрѣтило различный пріемъ. Во Іерусалимѣ оно торжественно было прочтено въ праздникъ 6 августа (518 г.) и принято было съ восторгомъ палестинскими иноками, поборниками православія. Въ Антиохіи патріархъ Северъ, предъупреждая ссылку, самъ бѣжалъ въ Египеть, и народъ не обнаружилъ по крайней мѣрѣ открытаго сопротивленія торжеству православія. Впрочемъ вниманіе антиохійцевъ скоро отвлечено было отъ догматическихъ споровъ сначала пожаромъ, потомъ страшнымъ землетрясеніемъ, которое 29 мая 526 года разрушило городъ и погребло подъ его развалинами болѣе 250000 жителей. Царскія щедроты до—и послѣ бѣдствія не располагали антиохійцевъ оказывать Юстину сопротивленіе по дѣламъ церковнымъ. Что же касается до Александріи, то монофизитство было здѣсь такъ сильно, что императоръ не рѣшался употребить насилія противъ еретичествующаго патріарха Тимофея, чтобы не возбудить бунта въ населеніи.

Достойны замѣчанія отношенія имп. Юстина къ римскому папѣ. Быть можетъ широкіе планы объединенія всей римской имперіи подъ однимъ скипетромъ, обнаружившіеся въ позднѣйшей дѣятельности Юстиніана, руководили его дядю въ попыткахъ сближенія Византіи съ Римомъ: какъ бы то ни было, но Юстинъ усердно хлопоталъ о прекращеніи 34-лѣтняго церковнаго разрыва между папою и константинопольскимъ патріархомъ и немедленно по воцареніи вель по этому вопросу живую переписку съ папою Ормиздою.—Хлопоты увѣнчались успѣхомъ. Папа отправилъ въ Константинополь своихъ легатовъ, и тамъ 28 марта 519 г. торжественно было объявлено единеніе церквей; папа внесъ въ церковные помянники патр. Акакія, при коемъ начался разрывъ церквей,—а патріархъ константинопольскій—папѣ римскихъ. Въ 525 г. въ первый разъ состоялось личное посѣщеніе папою Константинополя. Папа (Іоаннъ), по порученію Теодорика, прибылъ въ Византію и принятъ былъ съ величайшею честью; жители столицы встрѣтили его за 15 верстъ отъ города съ крестнымъ ходомъ и со свѣчами въ рукахъ; самъ императоръ поклонился папѣ до земли; въ день пасхи (30 марта 525 г.) папа совершилъ литургію на латинскомъ языкѣ въ столицѣ восточной имперіи, и престарѣлый императоръ вторично принялъ царское вѣнчаніе отъ руки римскаго первосвященника. ¹⁾

¹⁾ Причиной прѣбыванія была слѣдующая: имп. Юстинъ из-

Через два года послѣ папскаго посѣщенія имп. Юстинъ приближился къ смерти.

За четыре мѣсяца до своей смерти—1 апр. 527 г.—Юстинъ объявилъ августомъ племянника своего Юстиніана и вѣнчалъ царскимъ вѣнцомъ его и его супругу Теодору, а 1 августа умеръ на 77 году жизни. Причиною послѣдней болѣзни Юстина была рана въ ногу, полученная когда-то въ бою и предъ смертію отрывшшаяся. Погребенъ Юстинъ не въ храмѣ св. апостоловъ, обычной царской усыпальницѣ, а въ храмѣ св. Евфиміи, который былъ построенъ его супругою и послужилъ для нея мѣстомъ погребенія.

Юстиніанъ I. (527—595.) Характеристика его и его супруги Теодоры. Удачи и вѣдствія его царствованія.

Преемникомъ Юстина былъ племянникъ его Юстиніанъ, воцарившійся около 40 лѣтъ отъ роду и царствовавшій тоже около 40 лѣтъ. Трудно найти въ исторіи другаго государя, сужденія о которомъ были бы до такой степени разнообразны и противорѣчивы. „Юстиніанъ“, говоритъ Папарригопуло, „то возносился исторіею до небесъ, то низвергался въ мрачныя преисподнія.“ Начало такому противорѣчивому сужденію о Юстиніанѣ положилъ его современникъ и историкъ Прокосій,

даль суровые законы противъ еретиковъ и иновѣрцевъ: язычники и иудеи лишились права на занятіе какихъ бы то ни было общественныхъ должностей, манихеи осуждались на смертную казнь; подверглись религиознымъ стѣсненіямъ и ариане. Властитель Италіи Теодорикъ, арианинъ, сочувствуя своимъ единовѣрцамъ, послалъ папу съ четырьмя сенаторами предупредить Юстина, что, если ариане не будутъ оставлены въ покоѣ, то во всей Италіи съ православными будетъ поступлено также, какъ въ восточной имперіи съ арианами. Папа достигъ цѣли своего посольства, ибо ариане были оставлены въ покоѣ, но по возвращеніи былъ заподозренъ въ намѣнѣ и заключенъ въ темницу, гдѣ и умеръ. „Чрезмѣрные почести,“ говоритъ Гиббонъ, „какими приветствовали въ Константинополѣ перваго папу, посѣтившаго столицу восточной имперіи, были вмѣнены ему въ преступленіе властолюбивымъ его государемъ.“

секретарь полководца Велizarія,—оставившій въ своемъ сочиненіи о *сооруженіяхъ* пышный панегирикъ Юстиніану, а въ своихъ *амекдотахъ* самый злой памфлетъ на него. Но нужно сказать, что много также способствовали такому противорѣчивому сужденію и судьбы царствованія Юстиніанова, озареннаго блескомъ побѣдъ и знаменитыхъ внутреннихъ дѣлъ и въ концѣ концовъ привелшаго имперію къ полному разстройству во всѣхъ отношеніяхъ. И частная жизнь, и правительственная дѣятельность Юстиніана неотдѣлимы отъ жизни его жены Теодоры, и потому только сравнительная характеристика царственныхъ супруговъ можетъ дать намъ ключъ къ уразумѣнію длиннаго и сложнаго царствованія Юстиніанова.

Юстиніанъ и Теодора оправдали на себѣ истину извѣстнаго наблюденія, что крайности сходятся и что въ супружествѣ соединяются часто натуры и характеры самые противоположные. Ничего не было сходнаго между Юстиніаномъ и Теодорою ни въ исторіи ихъ жизни до сближенія, ни въ ихъ натурѣ, привычкахъ и склонностяхъ. Юстиніанъ (Управда) родился и первую молодость свою провелъ среди полудиваго славянскаго населенія въ сторонѣ отъ большихъ городовъ и отъ всякой цивилизаціи. Такъ какъ быть простаго народа, опредѣляемый общими и основными условіями природы, измѣняется весьма медленно, то можемъ представить себѣ, что дѣтство Юстиніана протекло подъ тѣми же впечатлѣніями, подъ которыми и теперь проходитъ дѣтство славянскаго мальчика-поселянина, живущаго гдѣ-нибудь въ дальнемъ захолустѣ. Будучи болѣе, чѣмъ 20 лѣтъ отъ роду, Юстиніанъ, еще безграмотный, прибылъ вмѣстѣ съ своими родителями, въ столицу восточной римской имперіи, гдѣ дядя его Юстинъ успѣлъ уже занять довольно видное въ войскѣ и при дворѣ положеніе. Дядя, во всю жизнь остававшійся безграмотнымъ, тѣмъ не менѣе счелъ нужнымъ образованіе для своего племянника, и Юстиніанъ принялся за ученіе съ отличавшимъ его трудолюбіемъ и вмѣстѣ съ живою восприимчивостію молодого варвара, душа котораго была какъ бы *tabula rasa* по отношенію къ новой высшей цивилизаціи. Мы не знаемъ подробно исторіи образованія Юстиніанова, но можемъ судить о ней по результатамъ. Къ военному дѣлу Юстиніанъ никогда не чувствовалъ призванія; поэтому воинское образованіе должно быть вычеркнуто изъ числа его занятій, хотя онъ и числился нѣкоторое время на военной службѣ. Человѣкъ, по природѣ склонный къ тихому и усид-

чивому (говоря по нынѣшнему—въ кабинетному) труду, Юстиніанъ естественно долженъ былъ посвятить себя собственно книжному образованію. Но онъ не увлекался, подобно имп. Юліану, гомеровскими богами и героями и вообще не питалъ сочувствія къ классической литературѣ: духъ времени былъ тогда противъ языческой древности, а Юстиніанъ не имѣлъ въ себѣ столько силы и оригинальности, чтобы плыть противъ теченія. Обстоятельства жизни направили Юстиніана на другой путь. Юстиніану пришлось учиться въ зрѣломъ мужескомъ возрастѣ, т. е. въ одно время и учиться и состоять на царской службѣ. Нѣсколько лѣтъ этой службы онъ провелъ въ Италіи, въ Равеннѣ, въ качествѣ заложника (дипломатическаго агента?) при дворѣ знаменитаго властителя готевъ Теодорика. Вотъ почему образованіе Юстиніана было не столько греческое, сколько латинское, и притомъ именно юридическое, такъ какъ юриспруденція была наиболѣе яркимъ выраженіемъ римскаго генія. Но не остался Юстиніанъ совершенно чуждымъ и греческой современной образованности: нѣкій авва Теофилъ училъ его *философій*, подъ чѣмъ вѣроятно должно разумѣть богословную діалектику, необходимую для догматическихъ споровъ, въ каковыхъ Юстиніанъ такъ пристрастился впоследствии. Вотъ въ общихъ чертахъ все, что извѣстно намъ о Юстиніанѣ до сближенія его съ Теодорою.

Исторія жизни будущей царицы слагалась совсѣмъ иначе. Теодора родилась въ Константинополѣ. Дочь бѣднаго кипріота Акакія, бывшаго сторожемъ звѣрей (*архотрофосъ*) у партіи зеленыхъ (*прасины*) на столичномъ ипподромѣ, Теодора осиротѣла въ раннемъ дѣтствѣ и съ малыхъ лѣтъ принуждена была снискивать себѣ пропитаніе, являясь на театральныхъ подмосткахъ, и затѣмъ ртннулась въ обычную жизнь актрисы и проститутки. Проконій яркими чертами рисуетъ развратъ Теодоры, но кажется въ этомъ случаѣ воспроизводитъ только общія черты проститутки большихъ городовъ. Во время своей бурной и полной приключеніями молодости Теодора перебивала во всѣхъ большихъ городахъ византійской имперіи въ Европѣ, Азій и Африкѣ, жила и въ роскоши и въ нищетѣ, была принимаема на содержаніе и бросаема своими невѣрными поклонниками, много пережила и испытала, видѣла свѣтъ, какъ онъ есть, и всю изнанку цивилизаціи. Наконецъ сильная и благородная натура Теодоры вынесла ее изъ того омута, въ которомъ погрузили ее печальныя жизненныя обстоятельства. Возвратившись въ Константинополь, она повончила счеты съ прошлымъ и стала

вести жизнь трудовую, простую и бѣдную, скромную и независимую ¹⁾. Въ это время узналъ ее Юстиніанъ. Обстоятельства сближенія ихъ неизвѣстны. По всей вѣроятности это было дѣломъ случая. 35-лѣтній полуцивилизованный варваръ съ холодною славянскою кровью былъ пораженъ красотою Θεодоры, — и думаемъ, не столько физической красотою, быть можетъ нѣсколько поблекшею, сколько духовною красотою ея даровитой, многосторонней и энергической природы. Въ Θεодорѣ было то, чего недоставало Юстиніану: онъ былъ знакомъ съ варварскимъ міромъ, а съ цивилизованнымъ — только по книгамъ: она собственнымъ опытомъ извѣдала жизнь всѣхъ важнѣйшихъ центровъ византійской цивилизаціи: у него было терпѣніе, трудолюбие, методичность, степенность и постоянство; у нея — страстность, энергія, инициатива и широта замысловъ. Но обладаніе Θεодорою, прежде для всякаго доступною, не легко досталось Юстиніану. Расчетъ Θεодоры съ одной стороны и набожность Юстиніана съ другой стороны обусловили дѣло такъ, что Θεодора могла сдѣлаться подругою Юстиніана не иначе, какъ въ качествѣ его законной супруги. Но противъ этого были и законы осуждающіе, и голосъ родныхъ Юстиніана, и отчасти общественное мнѣніе. Древній римскій законъ запрещалъ сенаторамъ жениться на *непотребныхъ сценическихъ женщинахъ*. Мать Юстиніана Вѣгленица и въ особенности тетка императрица Любеиня = Евфимія и слышать не хотѣли о бракѣ его съ Θεодорою. Знатные византійцы находили также, что вѣроятный наслѣдникъ престола могъ бы взять любую дѣвицу изъ благороднѣйшаго семейства. Любовь Юстиніана къ Θεодорѣ преодолѣла всѣ препятствія. Дождавшись смерти тетки имп. Евфиміи, Юстиніанъ убѣдилъ дядю имп. Юстина отмѣнить старый законъ противъ сценическихъ женщинъ и снять съ нихъ всякія ограниченія относительно вступленія въ законное супружество, если онѣ, *оставивъ дурной и безцѣльный образъ жизни, стали вести жизнь приличную и хранить свою честь*; — вслѣдъ за тѣмъ Юстиніанъ въ 524 г. женился на Θεодорѣ, — онъ, который могъ бы, какъ замѣчаетъ памфлетистъ его Провопій, „легко найти себѣ невѣсту знатнаго рода, отмѣннаго воспитанія, неприкосновеннаго цѣломудрія, съ дѣвственно-

¹⁾ Сдѣлавшись царицею, Θεодора превратила бѣдный домъ, — гдѣ жила по возвращеніи въ Константинополь, — въ храмъ св. Пантелеймона.

упругими персями“. Намъ кажется, что Юстиніанъ былъ правѣ своего порицателя, потому что въ Θεодорѣ было нѣчто лучшее и рѣже встрѣчающееся, чѣмъ дѣвственно-упругія Перси. Въ 527 г. (т. е. чрезъ три года послѣ брака) Юстиніанъ совмѣстно съ Θεодорою принялъ царское вѣнчаніе и сдѣлался преемникомъ дяди своего Юстина.

Скоро Θεодора имѣла случай блистательно оправдать выборъ своего супруга и доказать, что ея личныя средства стоятъ въ уровень съ высотой ея положенія. Въ январѣ 532 г. вспыхнулъ въ Константинополѣ страшный бунтъ, начавшійся на ипподромѣ и извѣстный въ исторіи подъ именемъ *vika* = *побѣждай*. Таковъ былъ крикъ бунтовщиковъ, раздававшійся нѣсколько дней (генв. 13—18) на улицахъ Константинополя. Въ этомъ народномъ бунтѣ, какъ и въ большей части волненій многоглавой толпы, трудно понять, съ чего началось дѣло и чего именно хотѣли бунтовщики, не умѣвшіе ясно формулировать своихъ желаній. Кажется дѣло шло о перемѣнѣ династіи, ибо бунтовщики провозгласили императоромъ Ипатія, племянника бывшаго императора Анастасія. Городъ пылалъ, Юстиніанъ совершенно потерялъ присутствіе духа и послѣ бесполезныхъ уступокъ бунтующему народу думалъ спастись бѣгствомъ. Въ это время среди трепещущаго синелита сановниковъ, вѣрныхъ Юстиніану, выступила имп. Θεодора съ своимъ мнѣніемъ. „Лишнимъ было бы теперь, кажется, — сказала царица,“ разсуждать о томъ, что женщины нѣ неприлично быть отважною среди мужчинъ, когда они находятся въ нерѣшимости, что имъ дѣлать, или чего не дѣлать. При столь опасномъ положеніи должно обращать вниманіе единственно на то, чтобы устроить предстоящія дѣла лучшимъ образомъ. По моему мнѣнію бѣгство теперь больше чѣмъ когда-нибудь для насъ гибельно, хотя бы оно вело и къ спасенію. Тому, кто пришелъ на свѣтъ, нельзя не умереть; но тому, кто однажды царствовалъ, скитаться изгнанникомъ, — невыносимо! Не дай Богъ мнѣ лишиться порфиры и дожить до того дня, когда встрѣчающіеся со мною не будутъ привѣтствовать меня царицею! Итакъ, государь, если хочешь спасти себя бѣгствомъ, это не трудно! У насъ много денегъ; вотъ море, вотъ корабли! Но смотри, чтобы послѣ того какъ ты спасешься, не пришлось тебѣ когда-нибудь предпочитать смерть такому спасенію. Нравится мнѣ старинная пословица, что царская порфира — хорошій саванъ.“ Такъ сказала царица; ея слова одушевили всѣхъ. (Прокоп. война съ персами кн. I, гл. 24). Послѣдствіемъ этого одушевленія было рѣшеніе

послать на ипподромъ двухъ полководцевъ Велизарія и Мунда съ небольшимъ количествомъ наличнаго войска. Перебито было на ипподромѣ до 30000 византійцевъ, виноватыхъ и правыхъ, мятежъ былъ подавленъ, претендентъ на корону Ипатій казненъ, и Юстиніанъ съ большею, чѣмъ прежде, прочностію остался царствовать на пепелищѣ Константинополя.

Бунтъ *μικρα* былъ наиболѣе выдающимся случаемъ, когда политическое значеніе императрицы выступило съ полною очевидностію;—но и во все остальное время своей жизни Теодора была не столько женою Юстиніана, сколько главною движущею силою во всѣхъ дѣлахъ его политики. Разстроенное беспорядочною молодостію, здоровье Теодоры всегда было плохо и она кое-какъ поддерживала его продолжительнымъ сномъ и теплыми ваннами; рано умершая дочь была единственнымъ плодомъ ея брака съ Юстиніаномъ и, не смотря на все желаніе, она не могла подарить ему сына и наслѣдника ¹⁾. Но какъ товарищъ въ дѣлахъ правленія, она была незамѣнима для Юстиніана и императоръ въ официальныхъ актахъ не напрасно ставилъ наравнѣ съ собою свою благочестивѣйшую и благодарованную супругу. Чиновники давали присягу *sacratissimis et sapientissimis dominis nostris Justiniano et Theodoraе, conjugі potentіае illius existentі (nov. 8 cap. 3)*. Степень правительственнаго трудолюбія обоихъ супруговъ была неодинакова. Теодора правда посвящала политикѣ все свободное время, но этого свободнаго времени за исключеніемъ долгихъ часовъ, посвящаемыхъ сну, ваннамъ, туалету и трапезѣ, оставалось у ней очень немного. Юстиніанъ же тратилъ очень мало времени на трапезу и сонъ (*ἦν ἀγλυός καὶ ἀστικός*) и за тѣмъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи быть можетъ около 20 рабочихъ часовъ въ сутки. Такая же разница замѣ-

¹⁾ Въ житіи св. Саввы (5 декабря) повѣствуется, что „когда палестинскій отшельникъ въ 530 г. былъ въ Константинополѣ и былъ съ честью принятъ императоромъ, то Теодора просила его помолиться Богу о дарованіи ей сына. Св. старецъ отвѣчалъ ей: „Господь славы да сохранить ваше царство въ благочестіи и побѣдѣ!“ Когда же другіе палестинскіе старцы, прибывшіе со св. Саввою, спросили его, почему онъ далъ такой уклончивый и печальный отвѣтъ, то св. Савва сказалъ: „повѣрьте мнѣ, братіе, не изыдетъ плодъ отъ чрева ея, чтобы не набрался догматовъ Севера и не возмутить церковь хуже, чѣмъ Анастасій“.

чалась между обоими супругами и по отношенію къ личному приему. Юстиніанъ былъ для всѣхъ доступенъ, всякаго выслушивалъ привѣтливо, ласково и внимательно и щедро давалъ обѣщанія, очень рѣдко выполняемыя; враги императора называли это лицемѣріемъ, но кажется это было не болѣе, какъ слѣдствіе неувѣренности въ себѣ и слабохарактерности. Доступъ къ императрицѣ напротивъ того былъ до крайности труденъ: она рѣдко являлась въ столицѣ, гдѣ много еще было очевидцевъ ея печальной и позорной молодости, и большую часть времени проводила въ загородныхъ приморскихъ дворцахъ. ¹⁾ Знатнѣйшіе сановники имперіи по нѣсколькимъ часамъ ожидали у Θεодоры короткой аудіенціи, которая начиналась и заканчивалась паденіемъ ницъ предъ императрицею и цѣлованіемъ края ея платья.—Не смотря на такую разницу не въ пользу Θεодоры,—короткую и урывочную политическую дѣятельность императрицы можемъ сравнить съ часовой стрѣлкою, показывающею часы, а постоянную и хлопотливую дѣятельность Юстиніана со стрѣлкою, показывающею минуты и даже секунды. Императрицѣ принадлежала инициатива; императору—внѣшняя представительность и распоряженіе на счетъ подробностей. Такимъ образомъ и знаменитое умѣнье выбирать государственныхъ людей, и славу важнѣйшихъ дѣлъ Юстиніанова царствованія (*corpus juris*, завоеваніе Африки и Италіи, построеніе Софіи) мы должны приписать не столько Юстиніану, сколько Θεодорѣ. Повѣрка на лицо: Θεодора умерла 28 іюня 548 г.; послѣ нея Юстиніанъ царствовалъ еще 17 лѣтъ (14 ноября 565 г.), и эта вторая половина его царствованія ознаменована рядомъ величайшихъ неудачъ и полнымъ разстройствомъ имперіи;—и виною этого было не только скопленіе физическихъ бѣдствій и неблагоприятныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, но и бездѣйствіе центральной власти, прежде столь энергичной и предприимчивой.

Представимъ короткій перечень важнѣйшихъ дѣлъ и приключеній Юстиніанова царствованія, чтобы потомъ на этомъ фонѣ картины съ болѣею отчетливостію начертать образъ Юстиніана, какъ церковно-историческаго дѣятеля.

¹⁾ Прокопій (*anecd.* с. 4) утверждаетъ, будто бы въ подземельѣ одного изъ дворцовъ императрицы находился подобный тартару лабиринтъ съ тюрьмою для политическихъ преступниковъ.

Юстинианъ, вступивъ на престолъ въ зрѣломъ 40-лѣтнемъ возрастѣ, конечно имѣлъ уже предъ собою готовую программу царствования. Программа эта состояла, какъ видно, ни больше, ни меньше, какъ въ возстановленіи древней римской имперіи, въ объединеніи всѣхъ странъ, облегающихъ Средиземное море,—отъ Персіи до Атлантическаго океана,—подъ однимъ скипетромъ, подъ одними общими законами, и съ однимъ общимъ официальнымъ языкомъ—латинскимъ. Латинскія симпатіи Юстиниана, сложившіяся въ немъ во время долгаго пребыванія въ Равеннѣ, послужили исходнымъ пунктомъ этой программы; смѣлый духъ Θεодоры установилъ широкіе размѣры этой программы и не убоился препятствій, стоявшихъ на пути къ ея осуществленію. Смѣта будущей правительственной дѣятельности была составлена щедрою рукою и быть можетъ превышала дѣйствительные ресурсы имперіи. Но нужно замѣтить съ одной стороны, что денежные и военныя средства имперіи находились въ хорошемъ положеніи послѣ двухъ бережливыхъ и благоразумныхъ царствованій — Анастасія и Юстина — а съ другой стороны страсть къ безразсчетнымъ тратамъ и къ рискованнымъ предпріятіямъ была слабостію Θεодоры, объясняемою всѣмъ ходомъ ея жизни, наполненной рѣзкими переходами отъ нищеты къ богатству, отъ униженія къ величію. Щедрость и рискованность Θεодоры увлекали и Юстиниана, который самъ по себѣ былъ склоненъ къ простотѣ въ частной жизни и къ мнительной осторожности въ политикѣ.

Первые годы царствования Юстиниана и Θεодоры до бунта ^{вѣла} прошли въ приготовленіяхъ къ исполненію вышеуказанной программы. Первымъ дѣломъ Юстиниана было изданіе полнаго собранія всѣхъ римскихъ законовъ. Исполненіе этого труда было ввѣрено юристу Требониану ¹⁾, который окончилъ свою работу въ 528 году. Собраніе это было обнародовано подъ именемъ *кодекса Юстинианова* и всѣмъ су-

1) Если позволительно допускать историческія аналогіи, то можно сравнить Требониана съ англійскимъ лордомъ Беконемъ Веруламскимъ и нашимъ графомъ М. М. Сперанскимъ. Всѣ они отличались необыкновенными дарованіями, обширностію свѣдѣній, а также мягкостію и ласковостію въ обращеніи, которая обезоруживаетъ даже враговъ. Разница въ томъ, что нашъ Сперанскій не былъ доступенъ подкупу, какъ Требонианъ и Беконъ.

дебнымъ мѣстамъ имперіи велѣно было руководствоваться имъ при рѣшеніи дѣлъ. Черезъ три года къ нему присоединено было собраніе объясненій знаменитыхъ прежнихъ юристовъ, извѣстное подъ именемъ *пандектъ* или *дигестъ* и учебникъ дѣйствующаго права или такъ называемые *институты* (*institutiones*). Все это Юстиніанъ дополнилъ *новеллами*, т. е. собраніемъ новыхъ законовъ, изданныхъ въ его царствованіе. Впослѣдствіи все это собраніе получило названіе *Corpus juris*. *Corpus juris* Юстиніана послужилъ основою юридическаго образованія для всѣхъ европейскихъ народовъ. „Введеніе римскаго права,“ разсуждаетъ Шлоссеръ, „было чрезвычайно важно въ научномъ отношеніи, въ политическомъ же—имѣло самое гибельное вліяніе, потому что при составленіи этого свода юристы выпускали изъ него все, что напоминало собою принципы древней римской свободы и оставляли только то, что было сообразно съ новыми (т. е. византійскими) понятіями о правахъ самодержца.“ Сравнивая законодательныя работы Юстиніана I и русскаго императора Николая I, Изамбертъ говоритъ: „и. Николай сдѣлалъ больше и лучше, чѣмъ Юстиніанъ. Разница только въ достоинствѣ собранныхъ памятниковъ. Все, что касается до римской исторіи и древности, имѣетъ для новыхъ народовъ интересъ, какого никогда не будутъ имѣть русскіе указы.“ Личный вкладъ Юстиніана для развитія здраваго законодательства, Изамбертъ признаетъ не особенно значительнымъ. „Нѣсколько указовъ въ пользу рабовъ, въ пользу женщинъ, законъ противъ кастраціи и торговли евнухами и превосходное постановленіе, возстановляющее естественный порядокъ наслѣдованія, — вотъ и все, что есть въ законахъ Юстиніана, ясное, отчетливое и свободное отъ деспотическаго произвола.“ Важный пробѣлъ въ законодательствѣ Юстиніана составляетъ отсутствіе положенія о наслѣдованіи престола. Редакторъ законовъ руководился старыми римскими понятіями, а тамъ такой вопросъ не могъ найти себѣ мѣста. Онъ былъ пропущенъ и въ новомъ или возобновленномъ правѣ и этотъ несчастный пробѣлъ остался до конца существованія имперіи къ великому для нея вреду. ¹⁾

¹⁾ Обращаемъ вниманіе на этотъ пробѣлъ, какъ потому, что онъ имѣлъ роковое вліяніе на послѣдующую судьбу Византіи, такъ и потому что нашъ Петръ великій подвергся искушенію узаконить этотъ пробѣлъ для Россіи *правдою вои монаршей.*

Переходимъ ко внѣшней политикѣ Юстиніана. И здѣсь на первомъ планѣ стоитъ завоеваніе Африки. Мы знаемъ уже (стр. 168), что въ первой половинѣ V вѣка Карфагеномъ и окрестною страню завладѣли вандалы. Въ 468 г. императоръ Левъ ерванянинъ отправлялъ сильную экспедицію для изгнанія вандаловъ изъ Африки, но безуспѣшно. Внутреннія междуособія въ царствующемъ домѣ вандаловъ (528—533 г.) открыли Юстиніану возможность начать исполненіе своей политической программы съ Африки. Намѣреніе императора не пользовалось сочувствіемъ вельможъ, представитель которыхъ Іоаннъ кашпадовійскій обстоятельно доложилъ императору, что захватить Африку трудно, а удержать безъ обладанія Сициліею и Италіею невозможно и т. д. На этотъ разъ не вмѣшательство Θεодоры, а другое, быть можетъ, неожиданное обстоятельство дало новый оборотъ мнѣнію царскаго совѣта. Одинъ изъ епископовъ, пришедшій съ востока, просилъ аудіенціи у императора и объяснилъ на ней, что Богъ повелѣлъ ему идти къ императору и обличить его за то, что онъ, сначала рѣшившись освободить православныхъ обитателей Африки отъ ига тиранновъ, потомъ убоялся какого-то суетнаго страха. „Но—заключилъ вѣстникъ божіей воли,—такъ говоритъ Господь: *Я приду на помощь сражающемуся и покорю ея власти Африку.*“ Императоръ съ своей стороны заявилъ, что ему было во снѣ ободрительное видѣніе одного африканскаго епископа, замученнаго вандалами. ¹⁾ Трудно рѣшить, насколько къ этимъ заявленіямъ примѣшивалось вліяніе фантазіи или политическаго разсчета. Но послѣдствія блистательно оправдали рѣшимость Юстиніана. Велизарій, назначенный по настоянію и. Θεодоры начальникомъ экспедиціи, въ очень короткое время овладѣлъ Карфагеномъ и окрестною страню, разбилъ вандалскаго царя Гелимера и довелъ его до необходимости сдаться въ плѣнъ. Съ триумфомъ возвратился Велизарій въ Константинополь, (535 г.) представляя Юстиніану плѣннаго царя Гелимера и священные сосуды, принадлежавшіе нѣкогда храму іерусалимскому.

¹⁾ Религіозный характеръ анти-вандалской экспедиціи виденъ изъ церемоній при ея отправленіи, которыя нѣсколько напоминаютъ намъ отправленіе московскаго войска противъ поляковъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ (1655 г.). Флотъ Велизарія былъ напутствованъ молебствіемъ и окропленъ святою водою. На главный корабль патріархъ отправилъ одного только что крещеннаго воина, какъ носителя новой благодати.

Для удержанія вновь прибрѣтеннаго Карсагена необходимо было завоевать Сицилію, а за тѣмъ и всю Италію. Это входило въ планы Юстиніана, а исполнителемъ былъ тотъ же знаменитый Велizarій. Но съ готами, владѣвшими Италією, нѣсколько труднѣе было управиться, чѣмъ съ вандалами. Правда и тутъ Юстиніану благоприятствовали обстоятельства. Италією управляла дочь Теодорика Амалаунта за малолѣтствомъ сына своего Аталариха, который и умеръ въ 534 г., не достигнувъ совершеннолѣтія. Женское управленіе не нравилось готамъ, тѣмъ болѣе, что Амалаунта, образованная и сдѣлавшаяся почти римлянкою, чувствовала болѣе расположенія къ римлянамъ, чѣмъ къ своимъ единоплеменникамъ, и вступила въ тѣсныя сношенія съ византійскимъ дворомъ, помышляя даже о бѣгствѣ въ восточную имперію. Второй бракъ Амалаунты съ племянникомъ Теодорика Теодатомъ не поднялъ ея репутаціи въ глазахъ готевъ, которые наконецъ и умертвили ее въ 534 г. Это обстоятельство дало поводъ Юстиніану, уже начавшему переговоры объ уступкѣ Сициліи въ пользу восточной имперіи, объявить войну готамъ подъ предлогомъ мщенія за смерть Амалаунты. Велizarій въ нѣсколько недѣль овладѣлъ Сицилією, а вслѣдъ затѣмъ и южною Италією, гдѣ греческій языкъ еще сохранился въ устахъ жителей. Велizarій занялъ и самый Римъ и цѣлый годъ (537) удачно защищалъ его отъ готевъ, осаждавшихъ городъ подъ начальствомъ Витигеса. Въ 540 г. готамъ предложили корону самому Велizarію, но Велizarій отклонилъ предлагаемыя ему почести и сталъ управлять Италією не въ качествѣ готскаго короля или западнаго императора, а въ качествѣ византійскаго намѣстника. Тѣмъ не менѣе подозрительный Юстиніанъ вызвалъ его въ Константинополь, и Велizarій имѣлъ удовольствіе привести своему императору другаго плѣннаго варварскаго короля—Витигеса готскаго, точно также, какъ привелъ Геймера.—Между тѣмъ готамъ нашлина конецъ себѣ способнаго вождя въ лицѣ Тотилы, которому не могъ противустоять ни одинъ греческій полководецъ, кромѣ Велizarія,—и который скоро опять овладѣлъ почти всею Италією. Юстиніанъ наконецъ рѣшился послать въ 544 г. въ Италію Велizarія, но далъ ему столь незначительное войско, что Велizarій, несмотря на все усилія, не могъ спасти Рима, который послѣ продолжительной осады и былъ взятъ готами въ 546 г. Правда въ слѣдующемъ году готамъ опять оставили Римъ, а Велizarій опять

занялъ (въ февр. 547 г.) разворепный вѣчный городъ, но съ своимъ слабымъ отрядомъ не могъ совершить ничего прочнаго и достойнаго своей славы. Таково было положеніе дѣлъ въ Италиі, когда (28 юніа 548 г.) умерла имп. Θεодора, съ которою закончился блестящій періодъ Юстиніанова царствованія.

Для церковной исторіи завоеваніе Юстиніаномъ Италиі важно въ томъ отношеніи, что оно поставило римскаго папу почти въ такія же подчиненныя отношенія къ византійскому императору, какъ какихъ были другіе восточные іерархи. Мы видимъ, что въ 536 г. папа Агапѣтъ являлся въ Константинополь, гдѣ и умираетъ (14—22 апр. 536 г.); мы видимъ, что имп. Θεодора вмѣшивается въ дѣло объ избраніи новаго папы и, отстраняя Сильверія, предоставляетъ римскую кафедру Вигилію (537 г.); мы видимъ, что папа Вигилій прибываетъ въ Константинополь въ 547 г. и живетъ здѣсь нѣсколько лѣтъ и т. д. Не было рѣчи о верховныхъ исключительныхъ правахъ римскаго первосвященника и о независимости его ни отъ какой мірской власти. Въ то самое время, когда императорское участіе въ дѣлахъ церкви достигло высшей степени своего развитія, — протесты римскаго первосвященника раздаются робко и нерѣшительно и остаются большею частію безъ послѣдствій. Но объ этомъ будетъ особая рѣчь впереди.

Менѣе блестящи и удачны были дѣла Юстиніана на востоцѣ. Держась наступательной политики на западѣ, Юстиніанъ ограничивался на востоцѣ только обороною. Въ этихъ видахъ для огражденія своей имперіи отъ набѣга сѣверныхъ варваровъ Юстиніанъ построилъ множество крѣпостей, большею частію маленкихъ (*μοναστήρια*), въ три ряда. Первый рядъ шелъ отъ Сингидона (нынѣшняго Бѣлграда) параллельно Дунаю и Черному морю; сюда между прочимъ можно отнести нѣкоторыя крѣпости, построенныя на нынѣшней русской территоріи напр. Алустанъ, (нынѣшняя Алушта въ Крыму). Второй рядъ шелъ по южному склону Балканскихъ горъ, заключая въ себѣ между прочимъ Улпіану и Сардику (нынѣшнія Кюстендилъ и Софію). Наконецъ третій рядъ шелъ еще южнѣе, начинаясь отъ новаго Эпира и доходя до *длинныхъ стѣнъ* Анастасіевыхъ, ограждавшихъ столицу. Кромѣ того Юстиніанъ старался связать и обуздать варваровъ дипломатическими сношеніями и переговорами. Христіанство и высшая греческая цивилизація въ этомъ случаѣ много ему содѣйствовали. Такъ въ 528 г. вождь геруловъ Граитесъ и вождь жившихъ близъ Бесфера гунновъ

Гордась приняли въ Константинополь и приняли св. крещеніе. Цари, жившіе близъ Кавказа, а потомъ и абазги (абхазцы), тоже обратились въ христіанство и Юстиніанъ построилъ для нихъ церкви. Юстиніанъ не гнушался менѣе возвышенными средствами; онъ платилъ варварамъ деньги за то, чтобы они сидѣли смиренно, и возбуждалъ между ними внутренніе раздоры. Съ сѣверными варварами Юстиніанъ въ первый періодъ своего царствованія еще кое-какъ управлялся, но персы и тогда уже нанесли византійской имперіи тяжкіе удары. Юстиніанъ при своемъ воцареніи засталъ войну съ персами, велъ ее удачно—благодаря Велизарію, но заблагоразсудилъ покончить ее, уплативъ персидскому царю Хоздрю 1100 литръ золота (болѣе 330,000 р.). Сумма казалась Юстиніану незначительною, а между тѣмъ ему хотѣлось сосредоточить военныя силы и вниманіе на предпріятіяхъ на западѣ. Миръ съ персами продолжался около 10 лѣтъ, но когда Хоздрю узналъ о завоеваніяхъ Юстиніана въ Африкѣ и Италіи, то зависть, пририваемая также, какъ и въ настоящее время, заботами о политическомъ равновѣсіи, побудила персидскаго царя возобновить войну. Въ 540 г. Хоздрю быстрымъ и смѣлымъ движеніемъ вторгся въ беззащитную Сирію, взялъ приступомъ и разграбилъ Антиохію, второй городъ имперіи по богатству и населенію, и большую часть антиохійцевъ перевелъ въ Персію, гдѣ основалъ для нихъ новый городъ—*Антиохію Хоздрову*. Другіе города Сиріи—Иераполь, Беря, Халида, Апамея принуждены были уплатить окупъ Хоздрю, чтобы избавится отъ той участи, какую потерпѣла Антиохія. Хоздрю достигъ до приморской Селевкии, искупался въ Средиземномъ морѣ и принесъ жертву солнцу, какъ бы желая наглядно засвидѣтельствовать, сколь далеко онъ проникъ въ глубь римской имперіи. Хоздрю Юстиніанъ могъ противопоставить только Велизарія. Успѣхи Велизарія были не блистательны, но все-таки своимъ походомъ 543 г. онъ спасъ Сирію отъ окончательнаго разоренія. Театръ войны съ персами былъ перенесенъ въ Колхиду, гдѣ военныя дѣйствія затянулись еще на много лѣтъ.

Въ заключеніе можно упомянуть о союзѣ Юстиніана съ абиссинскимъ царемъ Элесбоемъ. Союзъ этотъ, заключенный въ видахъ торговли, свидѣтельствуетъ также о широкой внѣшней политикѣ Юстиніана. Для церковной исторіи абиссинскія отношенія Юстиніана освѣтили на малое время дальній уголокъ христіанскаго востока. Въ

четіяхъ—миняхъ подь 24 октября, а также подь 19 декабря, можемъ читать повѣствованія о Элезбоѣ, царѣ эеіопскомъ, о Григоріѣ, епископѣ омиритскомъ, объ Ареѣ, воеводѣ Неграна града, и съ нимъ 2299, пострадавшихъ отъ омиритскаго царя Дунава.

Полагая смерть имп. Теодоры на рубежѣ между блестящимъ и бѣдственнымъ періодами царствованія Юстиніана, мы вовсе не хотимъ сказать, чтобы до 448 г. царствованіе Юстиніана представляло рядъ сплошныхъ удачъ. Бывали и тогда бѣдствія, но оны случались рѣже и при энергіи правительства представлялись зломъ поправимымъ. Во второй же половинѣ царствованія Юстиніана бѣдствія стали чаще и подданные его стали смотрѣть на жизнь безнадежнѣе. „Тщаніе, съ какимъ каждое несчастіе этого періода заносится въ исторію“, говоритъ Финлей, „служить сильнымъ доказательствомъ упадка греческаго народа. Въ развивающемся обществѣ опустошенія, производимыя болѣзнями, пожарами и землетрясеніями, какъ бы ни были значительны, считаются только личными и временными несчастіями: произведенная ими пустота въ населеніи быстро пополняется, а разрушенная собственность съ новою прочностію и красотой возстаетъ изъ подь развалинь. Когда же случается, что населеніе страны гибнетъ на нѣсколько поколеній отъ мора, или что пожаръ и землетрясеніе разрушаютъ города, которые никогда больше не застраиваются въ своемъ прежнемъ объемѣ, то народъ склоненъ видѣть въ этихъ несчастіяхъ капитальную причину общаго упадка и придаетъ имъ неподобающее историческое значеніе“.

При Юстиніанѣ насчитывается болѣе 20 землетрясеній, изъ коихъ болѣе значительныя случились въ концѣ царствованія. Въ 551 г. было землетрясеніе въ Беотіи и Ахаіи, разрушившее много селъ и 8 городовъ въ томъ числѣ Херонею, Коронею, Патры и Навпактъ. Лѣтомъ 554 г. было великое землетрясеніе въ Константинополѣ и въ другихъ мѣстахъ имперіи. Въ столицѣ оно продолжалось не менѣе 40 дней и разрушило до основанія много домовъ, церквей, бань и значительную часть стѣнъ. Изъ другихъ городовъ пострадали особенно Никомидія, Беритъ, Косъ. Въ 556 г. отъ землетрясенія произошло также много опустошеній въ столицѣ, а въ 558 г. упалъ куполъ св. Софіи.

Моровая язва была также страшною гостею, ходившею по го-

родамъ и седамъ римской имперіи много лѣтъ и истребившему несчетное множество жителей. Прокопій такъ описываетъ ходъ ужасной болѣзни. „Началась она у египтянъ, обитателей Пилусія. Оттуда взяла два направленія: одно—къ Александріи и къ другимъ частямъ Египта, другое—къ смежной съ Египтомъ Палестинѣ: но потомъ охватила она всю землю. Подвигаясь все впередъ и въ опредѣленное пространство времени,—казалось,—она направляла ходъ свой по извѣстнымъ законамъ. Она оставалась въ каждомъ мѣстѣ срочное время; дѣйствовала не мимоходомъ или случайно, но проникала съ разныхъ сторонъ въ отдаленные края вселенной, какъ будто боялась, чтобы какой-нибудь уголокъ земли не укрылся отъ нея. Ни островъ, ни пещера, ни вершини горы не были ею забыты. Если она и пропускала какую-либо страну, не касаясь ея жителей или поражая ихъ слегка, то впоследствии возвращаясь туда, она, хотя болѣе не трогала гѣхъ, которыхъ прежде поразила, однако выходила оттуда не прежде, какъ взявъ обреченныя себѣ жертвы. Начинаясь съ приморскихъ мѣстахъ, зараза проникала внутрь страны... Она не щадила ни пола, ни возраста. Ни пребываніе въ тѣхъ или другихъ мѣстахъ, ни различіе въ образѣ жизни, ни разность свойствъ или занятій, ни другое что-либо, чѣмъ люди отличаются другъ отъ друга, ничто не могло спасти отъ болѣзни... Можно только сказать навѣрно (прибавляется Прокопій въ другомъ мѣстѣ), что эта болѣзня, дѣйствиельно ли случая или Провидѣнія, тщательно выдѣлила и пощадилла самыхъ дурныхъ людей“ ¹⁾. (Персид. в. 22, 23). Собственно въ Константинополѣ чума свирѣпствовала въ 541—543 г., но вообще изъ предѣловъ имперіи она не выходила до конца царствованія Юстиніана и даже до конца VI столѣтія.

Сѣверные варвары также сильно тревожили восточную имперію, не смотря на рядъ устроенныхъ Юстиніаномъ укрѣпленій. Замѣтимъ кстати, что система укрѣпленій Юстиніановыхъ сильно напоминаетъ намъ рядъ засѣвъ и сторожевыхъ постовъ, какими московское государство думало оградить себя отъ набѣговъ крымскихъ татаръ. И византійскія и московскія укрѣпленія одинаково не достигали цѣли, потому что варвары, дробясь на мелкіе отряды, протекали сквозь рядъ укрѣпленій, какъ вода сквозь сито. До того дошла смѣлость варваровъ,

¹⁾ Въ томъ числѣ и самую Прокопія,—можетъ прибавить читатель, не угажающій этого историка памфлетиста.

что въ 559 г. вождь гунновъ Заберганъ проникъ за *длинные стѣны* и угрожалъ самой столицѣ, и только военной опытности старика Велизарія Константинополь обязанъ своимъ спасеніемъ. ¹⁾—Угрожаемый въ самой своей столицѣ, Юстиніанъ естественно не могъ быть силенъ въ новопріобрѣтенныхъ окраинахъ имперіи, — въ Африкѣ и Италіи. „Покореніе греками Африки,“ — говоритъ Шлоссеръ“, не улучшило жалкаго положенія ея жителей. Вскорѣ завязалась борьба между греками и дикими кочевыми маврами, которые вмѣстѣ съ остатками вандаловъ стали тревожить провинцію набѣгами. Изъ Константинополя явилась толпа чиновниковъ, которые только заботились о соблюденіи административныхъ формъ и хотѣли собирать налоги по прежнимъ росписаніямъ податей въ томъ же количествѣ, въ какомъ взимались они до вторженія вандаловъ, когда провинція находилась еще въ цвѣтущемъ состояніи. Но списки эти были уничтожены во время нашествія вандаловъ, и потому при взиманіи податей господствовалъ самый возмутительный произволъ. Кромѣ того запрещеніе аріанскаго богослуженія оскорбляло значительную часть населенія Африки, а конфискація имущества вандалскаго была обидна для греческихъ воиновъ, которые женились на женахъ и дочеряхъ вандаловъ и считали эти имущества своею наслѣдственною собственностію. Эти правительственныя ошибки вызывали одно возмущеніе за другимъ, и спокойствіе возстановилось только по совершенномъ опустошеніи провинціи.“

¹⁾ Черезъ три года послѣ спасенія столицы (562 г.) Велизарій попалъ въ опалу и былъ заключенъ подъ стражу. Неблагодарность Юстиніана — должно полагать — сильно поразила современниковъ, а еще болѣе потомковъ. Составилась фабула, будто Юстиніанъ ограбилъ и ослѣпилъ Велизарія, и рабъ, вода нищаго слѣнца по улицамъ столицы, испрашивалъ ему подаваніе.

„Ἐκπομα ζύλινον κρατῶν ἕβρα· τῷ μιλίῳ

Βελισσαρίῳ ἕβρον δότῃ στρατηλάτῃ

Ὁν τυχῆ μὲν ἔδοξασι, ἀποτύφλοι δ' ὁ φθόνος.

(Т. е. держа деревянную чашку, кричалъ: „подайте оволь несчастному Велизарію полководцу, котораго судьба прославилла и ослѣпила зависть.“) Но эта фабула — плодъ позднѣйшаго измышленія. Достоверно извѣстно, что Велизарій не долго находился въ опалѣ, скоро получилъ свободу и прежнія почести, и вслѣдъ затѣмъ умеръ.

Не лучше или дѣла и въ Италіи. Управлявшій Италіею послѣ Велларія, старый евнух Нарсесъ дѣйствовалъ оружіемъ довольно удачно. Но ему стоило большихъ усилій прерывать сношенія варваровъ, поселившихся внутри Италіи, съ ихъ единоплеменниками, бродившими около границъ полуострова, — и улаживать какъ-нибудь религиозныя распри, возникшія вълѣдствіе несогласія римскаго духовенства съ предписаніями византійскаго правительства. Эти задачи такъ и остались неразрѣшанными.

Вообще 40-лѣтнее почти, громкое и блестящее царствованіе Юстиніана, привело къ тому, что имперія, богатая казною и обеспеченная войскомъ при воцареніи Юстиніана, осталась въ концѣ концовъ безъ войскъ и безъ денегъ; на краю совершеннаго банкротства. Это обстоятельство не могло остаться безъ вліянія на сужденія историковъ объ Юстиніанѣ, и здѣсь находятъ себѣ нѣкоторое объясненіе желчныя выходки Прокопія кесарійскаго, называвшаго Юстиніана и Θεодору воплощенными демонами.¹⁾ Ближайшіе къ нашему времени историки могли судить безпристрастнѣе и потому вѣрнѣе. Приведемъ отзывы о Юстиніанѣ Шлоссера и Папарригопуло: „Не смотря на весь блескъ царствованія Юстиніана,“ говоритъ Шлоссеръ, „на его дѣятельность, трудолюбіе и относительную мягкость, имперія испытывала при немъ всѣ невыгоды, сопряженныя со всѣми слишкомъ блестящими царствованіями и излишнею дѣятельностію самихъ государей. Во многихъ отношеніяхъ про Юстиніана можно сказать тоже, что и про французскаго короля Людовика XIV, съ которымъ его часто сравниваютъ. Оба они выказали ту же неутомимую дѣятельность и охоту къ труду; и тотъ и другой дѣйствовали одинаково подъ вліяніемъ ханжества и подчинялись господству женщинъ. Страсть къ военной славѣ и чрезмѣрной роскоши, поддерживаемой обременительными палатами, вызвала въ византійской имперіи тѣ же явленія, какъ и во Франціи, и византійскій императоръ испыталъ ту же участь, какъ и французскій король. При всѣхъ своихъ хорошихъ стремленіяхъ и неутомимой дѣятельности, Юстиніанъ встрѣчалъ непреодолимыя затрудненія. Собраніемъ законовъ и стараніемъ облегчить изученіе права онъ сдѣлалъ его

¹⁾ Обстоятельный пересмотръ литературы о Прокопій, какъ историкъ Юстиніана, сдѣланъ проф. Э. А. Кургановымъ въ *Прав. Соб.* 1880 г. и въ отдѣльномъ изданіи. (Стр. 341—440).

гораздо болѣе вреда, чѣмъ всѣ прежнія неясности и трудности законодательства. Желая прекратить религіозные споры и примирить духовенство, онъ только усилилъ вражду между партіями. Выслушавъ совѣты государственныхъ людей своего времени, императоръ не только дѣлался ихъ игрушкою, но даже вдавался въ явныя противорѣчія. Завоевавъ провинцію Африку, онъ раззорилъ ее въ конецъ, и освободивъ Италію отъ чужеземныхъ властителей, не могъ защитить страну отъ новыхъ варваровъ, покорившихъ ее вскорѣ по его смерти.*

Папарригопуло даетъ о Юстиніанѣ отзывъ, совершенно приличный филеллену и ревнителю славы греческаго имени. „Во многихъ отношеніяхъ достопамятно продолжительное царствованіе Юстиніана. Конечно государь этотъ сдѣлалъ ошибку, рѣшившись завоевать Африку, Италію и Испанію, потому что, истощивъ при этомъ средства своей восточной имперіи, онъ не могъ уже оборонить ее отъ набѣговъ сѣверныхъ варваровъ и отъ царя персидскаго; ктому же увеличило бѣду странное совпаденіе многихъ физическихъ бѣдствій. Не будемъ отрицать и того, что неумѣренная и неблагоразумная страсть царя къ постройкамъ еще болѣе содѣйствовала оскуднѣнію восточныхъ провинцій. Исчерпывая важнѣйшія и серьезнѣйшія обвиненія противъ Юстиніана, признаемъ наконецъ, что, стремясь ко всецѣлому религіозному единству имперіи, онъ умножилъ нестроенія, и что къ концу его царствованія все его государство и въ особенности войско было какъ бы парализовано. Но, не скрывая слабыхъ сторонъ Юстиніана, можемъ ли мы остаться равнодушны къ той славѣ, какою оварили исторію средневѣковаго эллинизма подвиги Велизарія и Нарсеса? Можемъ ли мы не удивляться построенному Юстиніаномъ великому храму, который служить безпорно прекраснѣйшимъ образцемъ искусства средневѣковаго и 15 столѣтій остается символомъ политическаго и церковнаго единства греческой націи? Можемъ ли мы не принести дань признательности челоуѣку, составившему сводъ тѣхъ законоположеній, которыя столько вѣковъ служили образцемъ гражданскихъ отношеній для всего образованнаго міра и донынѣ составляютъ основу всякаго серьезнаго изученія юриспруденціи и основу дѣйствующаго у насъ положительнаго права?... Или—можемъ ли умолчать о его искусствѣ въ выборѣ людей, способныхъ къ разнымъ отраслямъ государственнаго управления?... Это царское искусство имѣетъ двойную цѣну: во 1-хъ оно содѣйствуетъ успѣшному исполненію государственныхъ замысловъ

и предпріятій, во 2-хъ—открываетъ общественныя силы, которыя безъ царскаго вызова остались бы подъ спудомъ, особенно въ тѣ эпохи, когда самодѣятельность людей была въ зависимости отъ царской власти. Предположимъ въ самомъ дѣлѣ, что вмѣсто Юстиніана на византійскомъ престолѣ сидѣла одна изъ тѣхъ посредственностей, какихъ бывало не мало. При такихъ государяхъ даровитые сотрудники Юстиніана конечно не выдвинулись бы впередъ и исторія, введенная этимъ въ заблужденіе, составила бы ложное понятіе о состояніи тогдашняго общества. Теперь же мы можемъ смѣло заявить, что народъ, выставившій такихъ полководцевъ, государственныхъ людей и художниковъ, какіе были при Юстиніанѣ,—стоитъ выше того пренебреженія, съ какимъ такъ часто говорятъ о немъ.“ Для ограниченія филелленскаго увлеченія Паларригопуло можемъ прибавить, что Велизарій былъ едва ли не славянинъ, ¹⁾ Нарсесъ—армянинъ, а Требоніанъ имѣлъ предками македонянъ.

Но пора уже намъ перейти къ изображенію Юстиніана, какъ церковно-историческаго дѣятеля. ²⁾

Имп. Юстиніанъ, какъ церковно-историческій дѣятель.
Построеніе Св. Софіи. Церковное законодательство. V
ВСЕЛ. СОВОРЪ.

Имп. Юстиніанъ былъ самымъ крупнымъ представителемъ того отношенія государства къ церкви, которое извѣстно подъ характернымъ

¹⁾ *Гимбердина* соч. I, 7. „Велизарій—родомъ изъ той же Дарданіи, откуда вышелъ императорскій домъ;... наконецъ имя великаго полководца не римское, не греческое, не германское, а какое другое, какъ не *Величаръ*?“

²⁾ Для полноты очерка упомянемъ еще объ одномъ счастливомъ обстоятельстве изъ временъ Юстиніана, по видимому мелочномъ, но имѣвшемъ большое вліяніе на послѣдующее развитіе греческой промышленности. Въ 551 г. два монаха, изучившіе способъ размноженія шелковичныхъ червей и мотанія шелка въ Китаѣ, привезли яйца этихъ червей въ Константинополь, сохранивъ ихъ въ трости. Императоръ въ восторгѣ отъ этого пріобрѣтенія пожаловалъ всѣ нужныя пособія и всячески поощрялъ шелководство. Шелковыя матеріи скоро стали спеціальностію византійской торговли и наша древняя Русь получала отъ грековъ за большую цѣну шелковыя ткани, фодуды и паволоки.

именем *цезарео-папства*. Божественное происхождение царской власти, вѣра въ то, что Самъ Господь воздвигаетъ въ свое время *потребнаго* правителя земли, что *сердце царево въ руку Божіей*, проистекающая отсюда для подданныхъ обязанность безусловнаго повиновенія самодержцу—вотъ исходные пункты идеи цезарео-папства. Если царь есть помазанникъ Божій, избранный и вдохновляемый самимъ Богомъ, то понятно, что царскія полномочія простираются и на область дѣлъ религіозныхъ. Эти полномочія, по византійской теоріи и практикѣ, обыкновенно понимались въ трехъ отношеніяхъ.

1) Царь можетъ и долженъ покровительствовать церкви въ лицѣ ея служителей по слову пророка: *и будутъ царіе кормителемъ твоимъ*. (Ис. 49, 43). Онъ можетъ и долженъ созидать храмы, ущедрять монастыри, умножать льготы и привилегіи клира, — вообще *принимать нѣкій даръ ко олтарю*. Такого рода царская дѣятельность разумѣется всегда сопровождалась благословеніями духовенства. Но она была убыточна, и потому противъ нея было сознание общихъ государственныхъ нуждъ, присущее какъ самому государю, такъ и его свѣтскимъ сановникамъ.

2) Другая сторона царской дѣятельности была не въ такой степени пріятна для клира. Царю принадлежало право регулировать бытъ духовенства, опредѣлять его отношенія къ мірянамъ, замѣщать высшія іерархическія должности, быть посредникомъ и судьей въ случаѣ споровъ и разногласій между духовными лицами, обращать вниманіе духовнаго суда на проступки клириковъ и подвергать осужденныхъ наказанію. Духовныя лица иногда возставали противъ такого участія императора въ дѣлахъ церковныхъ, но неудачно и неосновательно, ибо это былъ другой логическій выводъ изъ того же принципа, въ силу котораго императоръ покровительствовалъ церкви и ущедрялъ ея служителей. Ктому же духовныя лица своими спорами и пререваніями постоянно вовлекали императора въ участіе въ ихъ дѣлахъ и отношеніяхъ и часто роняли значеніе духовнаго сана на столько, на сколько не могъ уронить его самый суровый императорскій деспотизмъ.

3) Наконецъ послѣдняя сторона цезарео-папской дѣятельности императора состояла въ установленіи вѣроисповѣднаго единства между всѣми подданными имперіи. Іерархія господствующей церкви всегда стремилась направлять царскій мечъ на враговъ и противниковъ церкви и на

непослушныхъ овецъ, не хотѣвшихъ войти во дворъ овчій: іерархія готова была бы пользоваться царскимъ мечемъ, какъ послушнымъ орудіемъ, не требуя царскаго нарочитаго вниканія въ дѣла. Но такъ какъ царь, и по слову апостола и по здравому разсужденію, *не безъ ума мечъ носитъ*, то понятно, что онъ долженъ былъ приложить свой умъ для того, чтобы опредѣлить законность притязаній іерархін и установить надлежащую имъ мѣру. Это по необходимости вовлѣкало царя въ участіе въ догматическихъ спорахъ. Онъ долженъ былъ становиться—такъ сказать—третейскимъ судьей между іерархіею господствующей церкви и еретиками. Ему приходилось стоять подъ перекрестнымъ огнемъ взаимныхъ недоразумѣній, пререканій, страстей, интригъ и антипатій, какими обыкновенно отличалась религіозная борьба. Положеніе императора бывало при этомъ весьма трудно. Бывало иногда и такъ, что царь, увлеченный догматическими спорами, и самъ увеличивалъ трудность своего положенія, возбуждая новые догматическіе вопросы и направляя рѣшеніе ихъ по своему усмотрѣнію. Во всякомъ случаѣ за царемъ оставалось право обнародовать своими указами обязательную для всѣхъ подданныхъ норму православнаго вѣроученія и заключительное рѣшеніе по догматическому спорному вопросу. Этимъ конечно дѣло не оканчивалось, а, можно сказать, только что начиналось. Царскій указъ не можетъ заставить людей перемѣнить ихъ убѣжденія: между тѣмъ авторитетъ царской и вмѣстѣ іерархической власти требовалъ, чтобы царскіе указы выполнялись или по крайней мѣрѣ ослушники подвергались наказаніямъ. Отсюда вытекала для императора печальная обязанность налагать на ослушниковъ разные виды и степени религіозныхъ преслѣдованій, бесполезныхъ для церкви, крайне вредныхъ для государства. Нѣтъ сомнѣній, что наиболѣе разсудительные византійскіе императоры тяготились положеніемъ преслѣдователей, но оно логически вытекало изъ идеи цезарео-папства и обуславливалось сознаніемъ обязанности съ одной стороны защищать и хранить церковь Божию въ благодарность за богодарованную царскую власть, съ другой стороны—заботиться о вѣчномъ спасеніи всѣхъ подданныхъ, которое возможно только въ нѣдрахъ истинной церкви. Вотъ образчикъ того, въ чему ведетъ иногда неудачное примѣненіе самыхъ повидимому чистыхъ намѣреній!

1) Покровительство Юстиніана церкви высказалось прежде всего въ томъ высокомъ юридическомъ положеніи, какое онъ предоставилъ епи-

скопамъ, — въ дарованіи имъ столь широкихъ правъ общественной дѣятельности, какихъ въ настоящее время не могъ бы потребовать самый усердный клерикалъ. Мы знаемъ уже, что по законамъ и. Константина великаго (стр. 84) епископъ былъ защитникомъ и покровителемъ вдовъ, сиротъ и всѣхъ людей бѣдныхъ и угнетенныхъ, и въ этихъ видахъ епископу былъ представленъ нѣкоторый контроль надъ властями государственными и общественными. Съ тѣхъ поръ прошло около двухъ сотъ лѣтъ и нравственный уровень большинства епископовъ замѣтно и значительно понизился. Тѣмъ не менѣе Юстиніанъ нашелъ возможнымъ въ своихъ законахъ не только подтвердить, но даже расширить прежнія епископскія привилегіи. По законамъ Юстиніана, епископъ въ своемъ каедральномъ городѣ управлялъ выборомъ важнѣйшихъ властей, каковы *defensor* и *pater civitatis* (*quinquennalis*); ¹⁾ ему предоставлялось право надзора за ними во все время ихъ общественной дѣятельности; онъ наблюдалъ за употребленіемъ городскихъ доходовъ и отъ тѣхъ, которые распорядились ими, могъ требовать себѣ ежегоднаго отчета. Но законное вліяніе и контроль епископа простиралось еще далѣе; отъ него же главнымъ образомъ зависѣли выборы тѣхъ гражданскихъ чиновниковъ, которые подъ именемъ судей, *iudices*, поставлялись надъ цѣлою областію. ²⁾ Наконецъ епископъ уполномочивался, по своему усмотрѣнію, вмѣшиваться въ самое отправленіе служебныхъ обязанностей, которыя лежали на этихъ судьяхъ, заступать иногда ихъ мѣсто, ³⁾ и въ важныхъ случаяхъ представлять на нихъ жалобы самому императору. — Вообще же по своему сану епископъ въ

¹⁾ Nov. 128. Примѣнительно къ нашимъ порядкамъ эти лица соотвѣтствуютъ нѣскольکو предводителю дворянства и городскому головѣ. Соотвѣтствіе разумѣется далеко не полное.

²⁾ Nov. 149. *Notamur cujusque provinciae sanctissimos episcopos, eos etiam, qui inter possessores et incolas principatum tenent, ut per communem supplicationem ad potentiam nostram eos deferant, quos ad administrationem provinciae sane idoneos existiment.* Дата этой новеллы падаетъ на время преемника Юстиніанова Юстина II, но идея новеллы стоитъ въ связи съ общимъ духомъ Юстиніанова церковнаго законодательства. Припомнимъ, что Юстиніанъ поставилъ александрійскаго патріарха во главѣ гражданскихъ властей, управлявшихъ Египтомъ.

³⁾ Nov. 86. *Quodsi contingat aliquem ex subditis nostris ab ipso clarissimo*

законахъ Юстиніана трактовался, какъ довѣренное лицо императора, которому государь вѣрилъ болѣе, чѣмъ подкупной бюрократіи или разореннымъ городскимъ общинамъ. Такое уваженіе къ епископамъ, понятное и естественное въ вѣкъ Константина великаго, представляется нѣсколько страннымъ въ вѣкъ Юстиніана, когда институтъ епископскій обѣднялъ доблестями. Но оно объясняется тѣмъ, что императоръ, въ силу идеи цезарео-папства, самъ ставилъ себя какъ бы во главѣ духовнаго сословія и предполагалъ между собою и духовенствомъ болѣе близкія моральныя отношенія, чѣмъ между собою и другими подданными. Нѣтъ нужды много распространяться о томъ, что суду епископскому, по законамъ Юстиніана, подчинены были влирики и монахи вполнѣ—и міряне въ дѣлахъ брачныхъ, браворазводныхъ и въ преступленіяхъ, относящихся къ области религіи. Имущественное положеніе духовенства при Юстиніанѣ было обезпечено какъ щедрымъ царскимъ жалованіемъ, такъ еще болѣе неограниченнымъ правомъ принимать завѣщанія умирающихъ въ пользу церкви.

Но наиболѣе Юстиніанъ стяжалъ себѣ славу покровителя церкви усерднымъ храмозданіемъ, особенно построеніемъ храма св. Софіи.

Во время бунта *ххх* сгорѣлъ столичный храмъ св. Софіи. Храмъ этотъ, посвященный Константиномъ великимъ Упостасной премудрости Божіей, былъ свидѣтелемъ важнѣйшихъ церковныхъ событій, совершавшихся въ Константинополѣ. Здѣсь св. Григорій Богословъ праздновалъ торжество православія надъ арианствомъ, будучи введенъ въ сей храмъ рукою имп. Θεодосія великаго; и здѣсь онъ-же отречатся отъ столичной каедрѣ предъ лицемъ отцевъ II вселенскаго собора. (см. стр. 124—8.) Здѣсь раздавалась краснорѣчивая проповѣдь Златоуста; здѣсь онъ говорилъ народу о непрочности земнаго счастья, указывая на трепещущаго внука Евтропія, прибѣжавшаго въ храмъ искать убѣжища:—и этотъ же храмъ сдѣлался жертвой пламени, какъ скоро златословесный учитель долженъ былъ отправиться въ дальнюю ссылку (стр. 148).—Храмъ былъ возстановленъ въ 415 г. при Θεодосіѣ младшемъ, и опять въ теченіе столѣтія слишкомъ былъ свидѣтелемъ важнѣйшихъ церковныхъ и гражданскихъ событій Византіи. Здѣсь Несторій разсѣкалъ два есте-

provinciae praeside injuria affici, jubemus eum sanctissimum illius urbis episcopum adire, ut ille inter cl. praesidem, cumve, qui se ab injuria affectum putat, judicet.

ства во Христѣ и полагалъ начало несторіанской ереси. (стр. 158) Здѣсь Левъ I былъ помазанъ патріархомъ на царство и привялъ отъ церкви освященіе своего царскаго достоинства (стр. 263). Съ амвона софійскаго храма имп. Зенонъ провозгласилъ свой *эпителионъ*, которымъ надѣялся водворить въ своей имперіи политическое и церковное единеніе. (стр. 246.) Здѣсь совершился первый разрывъ между восточною и западною церковію, когда патр. Акакій изгладилъ имя папы изъ диптиховъ, и здѣсь же снова прекратился этотъ разрывъ вслѣдствіе соглашенія обѣихъ церквей при имп. Юстинѣ (стр. 250 и 263). Посему неудивительно, что имп. Юстиніанъ тотчасъ же послѣ подавленія мятежа *ука*, рѣшился возстановить въ возможно большемъ блескѣ и великолѣпіи храмъ Софіи, служившій священнымъ символомъ политической и церковной славы византійской имперіи, впрочемъ великихъ воспоминаній прошедшаго и великихъ событій для будущаго. Начертаніе плана и построеніе храма императоръ поручилъ двумъ знаменитѣйшимъ архитекторамъ, какихъ только знаетъ исторія, — Анемію траллесскому и Исидору милетскому, и, какъ скоро чертежъ храма былъ готовъ, Юстиніанъ съ отличавшею его энергіею принялся за распоряженія относительно собиранія матеріала и расчищенія мѣста для зданія. Древніе языческіе храмы должны были послужить своими останками для вѣковѣчнаго памятника христіанской святости, — и теперь еще между колоннами Софіи виднѣются колонны, взятые изъ храма илипольскаго, Артемиды ефесской и т. д. Такъ какъ новый храмъ долженъ былъ своимъ пространствомъ значительно превосходить прежній храмъ, то императору пришлось употребить не мало хлопотъ и денегъ для того, чтобы въ центрѣ города пріобрѣсти земли и строенія у смежныхъ владѣльцевъ. Строеніе храма началось и продолжалось съ чрезвычайною быстротою: чрезъ 40 дней послѣ сожженія Софіи, — 23 февр. 532 г. храмъ былъ заложенъ, а чрезъ 5 лѣтъ, 11 мѣсяцевъ и 10 дней колоссальное зданіе было готово и торжественно освящено 24 дек. 537 г. Эта быстрота построения храма св. Софіи покажется особенно замѣчательною, если припомнимъ, что храмъ св. Петра въ Римѣ строился три съ половиною столѣтія, храмъ св. Павла въ Лондонѣ 34 года (1676—1710 г.), исакиевскій соборъ въ Петербургѣ 90 лѣтъ, (1768—1858) храмъ Спасителя въ Москвѣ около 50 лѣтъ, знаменитый вельнскій соборъ около 500 лѣтъ. Правда храмъ св. Софіи цареградской уступаетъ своими размѣрами храмамъ св. Петра и Павла, но при сравненіи храмовъ между собою мы должны прини-

мать въ расчетъ не только ихъ обширность, но также и стоимость. Въ этомъ отношеніи Юстиніанова храмъ имѣеть преимущество предъ всѣми вышеуказанными храмами, какъ ни трудно сравнивать стоимость зданій разныхъ эпохъ при различной цѣнности денегъ. Стоимость храма св. Павла опредѣляется въ 1½ мил. фунт. ст. или въ 10,500,000 руб. с.; стоимость храма св. Петра въ 50 мил. римскихъ скуди или въ 75 мил. руб.; стоимость же храма св. Софіи наименше въ 3000 центинаріевъ золота т. е. около 90 мил. р. с., со включеніемъ въ этотъ счетъ не только самаго зданія, но и церковныхъ утварей. Но конечно и стоимость софійскаго храма не имѣеть такого значенія, какъ его изящество. Планъ св. Софіи очень простъ. Громадный куполь, (36 сажень въ окружности), составляетъ главную и центральную часть храма, около которой группируются остальные части храма, представляя въ цѣломъ форму четвероконечнаго равносторонняго креста. Свѣтъ, разливающійся изъ купола, такъ великъ, что кажется, стоишь подъ открытымъ небомъ. „Во храмѣ Софіи“, говоритъ Прокопій, „такое обиліе свѣта, какъ будто свѣтовые лучи не приходятъ въ храмъ извнѣ, а рождаются въ немъ.“ — „Какая противоположность“, говоритъ греческій историкъ Папарригопуло (III, 194—5) съ таинственнымъ мракомъ, господствующимъ во храмахъ западной Европы! Съ перваго взгляда видно, что Анеемій и Исидоръ, любезныя чада Іоніи, сохранили духъ древняго еллинскаго искусства. Древніе греки строили храмы свои вовсе безъ крова, такъ что кровомъ для нихъ служило безграничное небо: сотрудники Юстиніана, которые должны были покрыть зданіе, устроили куполь, такъ сказать, подобный лучезарному небу. Но есть предѣлы даже гениальной смѣлости, дальше которыхъ она не можетъ идти безнаказанно. Громадный куполь былъ утвержденъ только на четырехъ столбахъ, такъ что, по словамъ Прокопія, казался не имѣющимъ себѣ опоры внизу, а какъ бы свѣшеннымъ съ неба на золотой цѣпи. Но еще при жизни Юстиніана во время землетрясенія куполь упалъ, и нужно было возстановить его на болѣе прочныхъ опорахъ. Это дѣло выполнилъ Исидоръ младшій, утвердивъ главный куполь на 25 устояхъ, но притомъ такъ, что нисколько не уменьшилъ, а, можно сказать, еще увеличилъ изящество зданія.“

Когда окончено было построеніе храма и наступилъ день освященія, Юстиніанъ учинилъ великое торжество и раздалъ щедрые дары вельможамъ и народу. Весь городъ собрался видѣть торжественную

процессию съ царемъ и патриархомъ во главѣ, шествующую отъ дворца ко храму. Юстиніанъ первый чрезъ главныя входныя (царскія) двери вошелъ во храмъ, дошелъ до амвона, возблагодарилъ Бога, сподобившаго его совершить столь славное дѣло, и, говорятъ, въ восторгѣ воскликнулъ: *ὕψιχρησσε Σολομών!*“ Не забыта была и Θεодора, участница всѣхъ славныхъ дѣлъ Юстиніановыхъ. На святомъ престолѣ, устроенномъ изъ матеріала, болѣе драгоценнаго, чѣмъ золото, — (изъ сплава золота, серебра и дорогихъ камней), — виднѣлась слѣдующая надпись: *Твоя отъ Твоихъ приносимъ Тебѣ Твои, Христе, рабы Юстиніанъ и Θεодора; милостиво прими насъ, Сыне и Слово Божій, за насъ воплотившійся и распятый, и сохрани насъ въ вѣрѣ Твоей православной, и государство, которое Ты намъ вверилъ, умножи во Свою Славу и сохрани предстательствомъ св. Богородицы и Приснодѣвы Маріи!* Посвятить въ упостасной премудрости Божіей, второму лицу св. Троицы, великолѣпнѣйшій храмъ, Юстиніанъ составилъ во славу Сына Божія и ввелъ въ церковное употребленіе извѣстный догматическій гимнъ, и доселѣ воспѣваемый на литургіяхъ. *Ὁ μονογενης υἱος και Λόγος του Θεου, εὐθανάτος ὑπαρχων, και καταδεξόμενος διὰ την ἡμετέραν σωτηρίαν σαρκωθῆναι ἐκ της ἁγίας Θεοτόκου και ἀειπαρθένου Μαρίας, ἀτρέπτως ἐνανθρωπήσας, σταυρωθεῖς τε Χριστῆ ὁ Θεός, θανάτῳ θάνατον παθήσας, εἰς ὧν της ἁγίας Τριάδος, συνδοξαζόμενος τῷ πατρὶ, και τῷ ἁγίῳ πνεύματι, σῶσον ἡμᾶς.* Составъ софійскаго клира царь (нов. 3 сор. I.) опредѣлилъ такъ: 60 священниковъ, 100 діаконѳвъ, 40 діавониссъ, 90 иподіаконѳвъ, 110 чтецовъ, 25 пѣвцовъ и 110 придверниковъ и служителей; всего 535. Кромѣ Софіи въ — польской Юстиніанъ построилъ много храмовъ въ столицѣ и въ другихъ городахъ: въ Иерусалимѣ, въ Сихемѣ, въ Лиддѣ, (во имя св. Георгія), въ Неаполѣ палестинскомъ, въ Карфагенѣ, въ Антіохіи, въ Пицундѣ и т. д. Не было почти ни одного города, ни даже сколько нибудь значительнаго мѣстечка, гдѣ бы царь не устроилъ церкви, или монастыря, или молитвеннаго дома, гдѣ бы не выкопалъ колодца и не устроилъ больницы и страннопріимницы. Особенно достоинъ упоминанія монастырь на богошественной горѣ Синайской, обезпеченный по приказанію императора въ 527 г. крѣпкими стѣнами и колонією рабовъ — въ 200 семействъ съ береговъ Дуная и изъ Египта.

Благоволительныя отношенія Юстиніана къ духовенству, его религіозность, аскетичность и въ особенности заслуги храмозданія были конечно причиною, почему Юстиніанъ, — равно какъ и Θεодора, — канон-

низованы и включены въ православный календарь подъ 14 ноября (день смерти Юстиніана). Остальная церковная дѣятельность Юстиніана, къ изображенію которой мы сейчасъ переходимъ, повидимому, не обеспечиваетъ ему въ такой степени права на канонизацію.

2) *Приношеніемъ дара ко олтарю* не ограничивалась дѣятельность царственной четы по отношенію къ церкви. Напротивъ того своею великою щедростію въ пользу храмовъ и духовенства Юстиніанъ и Теодора какъ бы покупали себѣ и обезпечивали за собою право на участіе въ дѣлахъ церкви въ такихъ размѣрахъ, какіе вовсе не желательны были для духовенства. Это участіе по своему предмету было морально-бытовое и догматическое.

Византійское морально-бытовое законодательство еще до времени Юстиніана было проникнуто духомъ опеки. Припомнимъ напр. указы Льва I о строгомъ соблюденіи праздниковъ: (стр. 238—9). Юстиніанъ и Теодора пошли еще дальше въ томъ же направленіи. Печальное прошлое Теодоры побуждало ее позаботиться о своихъ прежнихъ подругахъ по несчастію, которыхъ нужда или увлеченіе бросили въ бездну разврата. На азіатскомъ берегу Босфора императрица устроила изъ дворца убѣжище для вающихся грѣшницъ, которыхъ набралось до 500. Злорѣчивый Прокопій прибавляетъ, что нѣкоторыя заточницы, не вынесши новыхъ условій своей спокойно-благочестивой, но скучной жизни, бросились въ море.—Были приняты и легальныя мѣры противъ публичнаго разврата. (поп. 14 и 51). Старинный порокъ востока—грѣхъ содомскій—также нашелъ себѣ гонителей въ императорской четѣ. Какъ видно, Юстиніанъ былъ далекъ отъ образа мыслей и Константина великаго, который говорилъ: *если бы я увидѣлъ епископа согрѣшающаго, то прикрылъ бы его своею багряницею*. Два епископа, Исаяя родосскій и Александръ—Діосполя еракійскаго, были обвинены въ педерастіи. Ихъ изувѣчили, съ позоромъ провели по улицамъ Константинополя и наконецъ казнили смертію. (528 г.) Казнены были и другіе знаменитые византійцы духовнаго и свѣтскаго чина, обвиненные въ томъ же преступленіи: „и наведенный этимъ великій страхъ уцѣломудрилъ остальныхъ,“ прибавляетъ хроникеръ. Но должно быть не всѣхъ, потому что, спустя 15 лѣтъ, въ указѣ 544 г. Юстиніанъ приписываетъ язву, опустошавшую тогда царство, праведному гнѣву Божию за преступныя грѣхи людей—Къ той же борьбѣ противъ

бытовыхъ аномалій принадлежать указы императора противъ евнушевства, которое было столь обычнымъ явленіемъ въ Византіи, что даже ангелы представлялись въ видѣ благообразныхъ скопцовъ. Значительное число евнуховъ въ Византіи были родомъ абазги (нынѣшніе абхазцы). Князья абазговъ, зная господствовавшую въ Византіи моду на евнуховъ, находили для себя выгоднымъ скопить подвластныхъ себѣ мальчиковъ и по дорогой цѣнѣ продавать ихъ въ рабство въ Константинополь. Юстиніанъ возсталъ противъ этого жестокаго превышенія власти. При его содѣйствіи абазги свергли съ себя иго своихъ жестокихъ властителей и сдѣлались христіанами. Юстиніанъ построилъ для нихъ храмъ въ Пизундѣ (впоследствии каедральный храмъ абхазскаго каеоликаса; возобновленъ въ 1869 г.) Спустя 12 лѣтъ Юстиніанъ запретилъ скопчество во всей имперіи подъ угрозою лишенія имущества и ссылки въ отдаленнѣйшіе предѣлы Египта, — на границу Эіопіи. — Всѣ эти законы свидѣтельствуютъ конечно о добрыхъ намѣреніяхъ Юстиніана, но они не имѣли прочнаго вліянія на жизнь. Не истребился развратъ, не исчезли евнухи. При самомъ Юстиніанѣ являются въ числѣ первостепенныхъ вельможъ евнухи — Соломонъ, правитель Африки, и Нарсесъ, правитель Италіи. Впоследствии евнухи занимаютъ въ Византіи еще болѣе видное положеніе. Припомнимъ хоть напримѣръ патріарха Игнатія въ IX вѣкѣ и Василія евнуха аккубитора въ X вѣкѣ. — Болѣе прочное значеніе имѣютъ законы Юстиніана, регулировавшіе бытъ духовнаго сословія и вошедшіе въ составъ *Кормчей*. Но именно по причинѣ ихъ прочности и долговѣчности — мѣсто разсмотрѣнія ихъ не здѣсь, а въ обзорнѣи *внутренняго состоянія церкви*. — Въ заключеніе не можемъ не упомянуть объ одномъ указѣ, показывающемъ, какъ властительно вторгался царь въ бытовую жизнь народа. „Произошла“, говоритъ хроникеръ, „путаница относительно празднованія пасхи (546 г.): большинство народу заговѣлось прежде царя, а царь приказалъ еще недѣлю продавать мясо; и всѣ мясники ничего не продали изъ заколотога, ибо люди не ѣли мяса, а пасха была, какъ приказалъ царь, и оказалось, что народъ постился недѣлю лишнюю.“

3) Если вторженіе царской власти въ морально-бытовую жизнь подданныхъ оправдывалось тѣмъ, что оно основывалось на общихъ и всѣми признаваемыхъ законахъ нравственности, то нельзя того же сказать объ императорской догматикѣ. Въ числѣ подданныхъ Юстині-

ана были іудеи, язычники, манихеи, несториане, монофизиты и даже православные съ разнообразными мнѣніями по спорнымъ догматическимъ вопросамъ: могли ли они по указу императора сойтись на одной общей догматикѣ? Могли ли они шагъ за шагомъ слѣдовать за догматическими вѣроопредѣленіями императора, которыя съ теченіемъ времени подвергались измѣненію? Конечно не могли,—и поэтому попытка Юстиніана быть законодателемъ въ области вѣроученія представляется невозможною и безважною. Это ясно съ точки зрѣнія XIX вѣка: но должно быть иначе представлялось дѣло въ VI вѣкѣ, когда императоръ считалъ своимъ первымъ долгомъ приводить подданныхъ на путь единой спасительной вѣры. Долгъ, налагаемый званіемъ помазанника Божія, слѣдовало выполнить, что—бы изъ этого ни вышло. Но предполагалось вмѣстѣ съ тѣмъ, что ничего худого для государства изъ этого не воспослѣдуетъ, а скорѣе воспослѣдуетъ хорошее. „Мы“,—писалъ Юстиніанъ въ 6-й новеллѣ, „озабочиваемся и охраненіемъ православной вѣры и благоустроеніемъ священства, чѣмъ надѣемся получить великія блага отъ Бога и соблюсти твердый порядокъ въ государствѣ.“—Съ перваго взгляда для Юстиніана было ясно, что не малая часть его подданныхъ, а именно іудеи, язычники, манихеи,—а также ариане и несториане,—столь далеки отъ православной церкви, что не могутъ быть приведены къ религіозному единству. По отношенію къ нимъ для Юстиніана оставалась только система религіознаго принужденія и преслѣдованія. Этой системы и держался Юстиніанъ. „Какъ скоро воцарился Юстиніанъ“, говоритъ позднѣйшій хроникеръ, „воздвигъ онъ великое гоненіе на еллиновъ и еретиковъ... и постановилъ, что только вѣра православныхъ христіанъ признается государственною (поліτεύεται), и всѣ церкви еретиковъ отдалъ православнымъ“.

Іудеевъ Юстиніанъ старался привести ко крещенію, угрожая, въ случаѣ непослушанія, лишеніемъ имущества и даже смертною казнію. Но, какъ видно, мало разсчитывая на успѣхъ своихъ стараній, Юстиніанъ пытался установить нѣкоторую норму, внѣ предѣловъ которой не можетъ быть терпимо іудейство. Допуская—на худой конецъ—существованіе синагогъ и отправленіе въ нихъ богослуженія, Юстиніанъ позволялъ только чтеніе библіи и притомъ по переводу LXX (нов. 146, сар. 3); употребленіе же мишны и всякое новаторство въ области іудейства строго воспрещалъ подъ угрозою казни. Отвѣтомъ на эти мѣры

императора было два бунта іудеевъ и самарянъ въ Палестинѣ въ 529 г. и 556 г. Усмирение этихъ мятежей стоило много крови; по счету Провопія, быть можетъ преувеличенному, бунтовщиковъ погибло до ста тысячъ. ¹⁾

Точно также и язычниковъ Юстиніанъ старался привлечь ко крещенію. „Тѣ которые еще не крещены,“ законополагалъ Юстиніанъ, — „да идутъ съ дѣтьми и женами и со всѣми домочадцами во св. церкви; они немедленно должны крестить малолѣтнихъ своихъ дѣтей; взрослые же должны напередъ поучаться писаніямъ согласно съ правилами (церковными). Если же они не будутъ креститься, отзываясь военною службою или должностію, или дѣлами по имуществу, и своихъ дѣтей или женъ или слугъ и всѣхъ, при нихъ находящихся, оставлять въ заблужденіи и такимъ образомъ окажутся небрежными въ семь дѣлѣ; то описывать ихъ имѣніе и изгонять изъ государства.“ Есть извѣстіе, что Юстиніанъ закрылъ философскую школу въ Афинахъ, послѣ чего афинскіе философы удалились въ Персію къ царю Хоздрю, гдѣ впрочемъ имъ также не понравилось. Строгіе указы противъ язычества не помѣшали однако въ ряду первыхъ сановниковъ Юстиніана помѣститься потаеннымъ язычникамъ и религіознымъ индифферентистамъ. Таковы — Требоніанъ *quaestor*, Тома, *magister officiorum*, Іоаннъ, *praefectus praetorio*, Фока, *patricius magister militum*, Асклиподотъ, *praefectus praetorio*, Македоній, *referendarius*, Пигасій, *patricius*, и наконецъ самъ Провопій. (См. *in notis Allemanni in historiam arcanam Procopii*).

Оцѣнивая религіозную политику Юстиніана, Папарригопуло (III, 206) говоритъ слѣдующее: „признаемъ, что Юстиніанъ погрѣшилъ въ этомъ отношеніи, но погрѣшилъ не болѣе знаменитаго Людовика XIV, который, отмѣнивъ нантскій едиктъ, обогривъ Францію кровью, чтобы доставить окончательное торжество католицизму. Да притомъ же Юстиніанъ не всю жизнь былъ безусловнымъ гонителемъ всякой ереси и поборникомъ крайняго православія.“ Извѣстною долею терпимости отличаются

¹⁾ Папарригопуло, желая оправдать Юстиніана, обращаетъ вниманіе на то, что возстанія палестинскихъ іудеевъ и самарянъ бывали и въ предшествующія царствованія; причины-де этого были не религіозныя, а экономическія.

отношенія Юстиніана собственно къ монофизитству, къ изложенію которыхъ сейчасъ и переходимъ.

Желаніе привлечь монофизитовъ къ религіозному единству съ православными было общею мечтою почти всѣхъ византійскихъ императоровъ, начиная отъ Анастасія до Ираклія и Консты и даже до Филиппика (491—713). Въ этомъ общемъ явленіи нельзя видѣть личнаго и случайнаго увлеченія или каприза. Во 1-хъ монофизитовъ было очень много. Они составляли почти сплошное населеніе въ южной половинѣ имперіи—въ Сиріи, Египтѣ, а также Арменіи, такъ что три патріархата, (антіохійскій, александрійскій, и частію іерусалимскій) были наполнены монофизитами. Во 2-хъ монофизиты были не столько еретики, сколько раскольники. Догматическая черта, отдѣлявшая ихъ отъ православія была не совсѣмъ ясна даже для записныхъ богослововъ той и другой стороны, такъ что здѣсь имѣли мѣсто весьма многія и различныя попытки къ соглашенію. Неудивительно поэтому, что каждый императоръ, заботившійся о цѣлости и могуществѣ имперіи, искренно желалъ сблизить своихъ сѣверныхъ и южныхъ подданныхъ въ одномъ вѣроисповѣданіи. Не составлялъ въ этомъ случаѣ исключенія и Юстиніанъ. Можно было преслѣдовать іудеевъ, манихеевъ и даже несторіанъ, составлявшихъ незначительное меньшинство въ имперіи, но нельзя было преслѣдовать монофизитовъ, не рискуя потерять южную—и истощить въ религіозной войнѣ сѣверную половину имперіи. Θεодора, обладавшая бѣльшимъ политическимъ тактомъ и лично бывавшая въ южной половинѣ имперіи, понимала это лучше Юстиніана, почему и слыветъ она у нѣкоторыхъ церковныхъ писателей гайною монофизиткою. — Исторія извѣстенъ цѣлый рядъ попытокъ, сдѣланныхъ Юстиніаномъ и Θεодорою для объединенія монофизитовъ и православныхъ. Въ началѣ 534 г. императоръ устроилъ въ своемъ дворцѣ трехдневный диспутъ между епископами монофизитскими и православными. Монофизитскихъ епископовъ было шесть, а православныхъ—пять, въ томъ числѣ Ипатій ефесскій и Анѣимъ трапезундскій. Послѣ диспута императоръ самъ держалъ рѣчь къ монофизитскимъ епископамъ, по свидѣтельству очевидца, „съ Давидовою еротостію, Монсеевымъ терпѣніемъ и апостольскою снисходительностію.“ Диспутъ на первый разъ не имѣлъ значительныхъ послѣдствій, но императоръ могъ надѣяться, что личное сближеніе, начавшееся между православными и монофизитскими епископами, поведетъ со временемъ и въ ре-

лигіозному сближенію ихъ и ихъ паствъ. Въ этихъ конечно видахъ императоръ въ 535 году назначилъ на вакантную патріаршую кафедру въ Константинополь Анеима, е. трапезундскаго, примирительное направленіе котораго было ему извѣстно. Но сторона такъ называемыхъ *акимитовъ* т. е. непримиримыхъ съ монофизитами строго-православныхъ византійскихъ монаховъ не бездѣйствовала, тѣмъ болѣе что получила себѣ сильнаго союзника въ лицѣ прибывшаго въ Константинополь въ 536 г. римскаго папы Агапита. Папа и акимиты подняли въ Константинополь такой сильный шумъ противъ Анеима, что императоръ — хотя конечно со внутреннимъ неудовольствіемъ — долженъ былъ уступить и соизволилъ на поставленіе въ патріархи константинопольскіе пресвитера Мины, который и былъ посвященъ папою Агапитомъ въ апрѣлѣ 536 г. Но уступивъ въ личномъ вопросѣ, императоръ не думалъ отложить своей общей заботы о примиреніи монофизитовъ съ православными, — только рѣшился идти къ этой цѣли путемъ, который былъ еще менѣе приятенъ для строгихъ ревнителей православія. Именно: становясь какъ бы на точку зрѣнія безпристрастнаго третейскаго судьи между монофизитами и православными, императоръ усмотрѣлъ, что и у православныхъ есть нѣчто погрѣшительное и требующее пересмотра и исправленія, — однимъ словомъ поднялъ пресловутый вопросъ о *трехъ главахъ*. Мы не будемъ подробно излагать этого вопроса, относительно котораго есть обстоятельныя изслѣдованія и въ русской литературѣ (гг. А. Доброклонскаго, А. П. Лебедева, Ф. А. Курганова). Скажемъ только, что дѣло шло о трехъ церковныхъ писателяхъ V вѣка, давно уже умершихъ, — Θεодорѣ е. мопсуетскомъ (+ 428 г.) Ивѣ, е. едесскомъ, и Θεодоритѣ, е. кирскомъ (+ 457 г.) — Монофизиты ставили въ упрекъ халкидонскому собору то обстоятельство, что вышеупомянутые писатели, не смотря на свой несторіанскій образъ мыслей, не только не были осуждены на халкидонскомъ соборѣ, но даже два послѣдніе изъ нихъ лично присутвовали на соборѣ и были возстановлены имъ въ своей прежней іерархической степени. Разумѣется это нареканіе было только однимъ изъ многочисленныхъ предлоговъ, которыми монофизиты оправдывали свое рѣшительное нежеланіе имѣть общеніе съ православною церковію, но Юстиніанъ, раздраженный противодѣйствіемъ акимитовъ и римскаго папы въ 536 г., призналъ, что въ данномъ пунктѣ монофизиты правы, и рѣшился заставить православныхъ сдѣлать имъ уступку. Въ 546 г.

императоръ разослалъ для подписи всѣмъ епископамъ *исповѣданіе веры*, гдѣ между прочимъ говорилось: *кто защищаетъ Теодора мопсуестскаго и не анафематствуетъ его сочиненій и послѣдователей, да будетъ анафема. Кто защищаетъ сочиненія Теодорита, написанныя въ оправданіе Несторія противъ св. Кирилла, кто одобряетъ ихъ и не анафематствуетъ, да будетъ анафема. Кто защищаетъ нечестивое письмо Ивы къ Марису, персидскому еретичу, кто защищаетъ его все или частію, да будетъ анафема.*—Эта попытка императорской власти сдѣлать шагъ къ сближенію православныхъ съ монофизитами произвела во всемъ христіанскомъ мірѣ такое же тревожное впечатлѣніе, какъ и *эмотиконъ* Зенона, съ тѣмъ развѣ только различіемъ, что авторитетъ Юстиніановъ былъ сильнѣе Зенонова. Монофизиты оставались спокойными зрителями царскихъ мѣропріятій, не обнаруживая съ своей стороны готовности идти на встрѣчу православнымъ. Въ средѣ же православныхъ *осужденіе трехъ главъ* было принято съ большимъ неудовольствіемъ, какъ выраженіе личнаго произвола императора. Современники говорили, что императора подвигнулъ въ этому Теодоръ Аскада, еретичествующій епископъ Кесаріи каппадокійской. Быть можетъ въ этой молвѣ высказалось только обычное въ народѣ стремленіе слагать причину неудовольствія съ царя на его совѣтниковъ. Какъ бы то ни было, мысль объ осужденіи *трехъ главъ* была чужда и даже противна большинству православныхъ почитателей халкидонскаго собора,—особенно на западѣ, гдѣ съ воспоминаніемъ о халкидонскомъ соборѣ соединялось пріятное воспоминаніе о рѣшающемъ авторитетѣ папы Льва I-го. Если бы дѣло о *трехъ главахъ* возникло на пол-вѣка раньше или позже, то западъ отдѣлился бы отъ греческой церкви, какъ онъ и отдѣлялся уже по поводу *эмотикона* Зенонова. Но теперь благодаря побѣдамъ Велизарія, западъ былъ въ рукахъ Юстиніана, и великаго раскола не произошло. Произошла только длинная и утомительная борьба императора съ папою и западнымъ духовенствомъ, причемъ восточные іерархи послушно, но довольно лѣнливо, поддерживали императора, а монофизиты, ради которыхъ вышла вся эта исторія, остались совсѣмъ въ сторонѣ. Жгучій элементъ въ борьбѣ составляли не самыя *три главы*. Споръ объ нихъ былъ по существу дѣла архивно-литературный, скучный и безобидный, какъ и всѣ споры подобнаго рода: пересмотръ твореній отеческихъ съ цѣлію найти въ нихъ нѣчто въ пользу или про-

тивъ *трехъ мавъ* относилъ полемику въ область давно минувшаго. Жгучесть полемикъ придавали два вопроса, пожалуй побочные, но въ тоже время общіе и принципиальные: именно: 1) имѣеть ли право императоръ издавать указы по догматическимъ вопросамъ? и 2) имѣеть ли право императоръ или кто бы то ни было осуждать и отлучать отъ церкви людей уже скончавшихся? Западные церковные писатели, принявшіе живое участіе въ полемикѣ (Феррандъ, діаконъ кареагенскій, Фаундъ, епископъ германскій), давали на эти вопросы отвѣтъ отрицательный, и ихъ голосъ былъ отраженіемъ общаго мнѣнія западной церкви. На первый вопросъ западные богословы отвѣчали: „никто не можетъ навязывать своего мнѣнія другимъ иначе мыслящимъ. Конечно каждый можетъ въ видахъ утвержденія вѣры излагать письменно, что онъ думаетъ, но не съ тѣмъ, чтобы написанное имъ заставляло принимать другихъ. Сколь много святые и достославные учителя трудились въ проповѣданіи слова Божія,—но они никогда не требовали подписи подъ своими книгами. Апостолъ говоритъ: *пророцы два или трие да глаголютъ, и друзи да разсуждаютъ* (I Кор. 13, 29). Но онъ нигдѣ не говоритъ: пусть подписываются или пусть вынуждаются въ подписи... Уже по тому одному нѣтъ необходимости въ подписяхъ связаннаго вѣмъ-либо, что этимъ отнимается возможность мыслить иначе, хотя бы послѣ истина и открылась во всѣмъ свѣтѣ.“ Императоръ не назывался по имени, но осуждалась его дѣятельность, ибо онъ требовалъ у представителей церкви подписи подъ осужденіемъ *трехъ мавъ*. Такое же нѣсколько прикровенное осужденіе Юстиніану высказывается подъ формою порицанія давно умершаго императора Зенона за его *энотиконъ*.“ Зенонъ говоритъ: *пусть не иначе впруютъ повсюду суція каволическія церкви и начальствующіе надъ ними боголюбезные епископы*. Какъ будто вѣра всѣхъ церквей зависитъ отъ воли одного и никому не позволено вѣровать иначе, чѣмъ какъ предписываетъ императоръ. Онъ, какъ думаю, видѣлъ, что нѣкоторые робкіе или жадные до временныхъ выгодъ всѣчески усердствовали ему, и по нимъ судилъ о прочихъ, у которыхъ хотя и подавилъ паружное противорѣчіе, однако навѣрное не могъ перемѣнить настроенія ума. Ибо и самая обширная власть въ мірѣ не имѣеть силы надъ тѣми, которыхъ намѣревается отвлечь отъ свободаго убѣжденія въ вѣрѣ... Лучше свѣтской власти держаться внутри своихъ предѣловъ... Если дѣла государственныя не переносятся въ церковь, то какимъ образомъ церковное дѣло Зенонъ перенесъ во дво-

рець? Неужели онъ уже укротилъ и смирилъ всѣ враждебныя государству варварскіе народы? Ужели упичтожилъ возмущенія или поводы къ нимъ въ разныхъ провинціяхъ своей имперіи? Ужели удовлетворительно разсудилъ всѣ жалобы по дѣламъ уголовнымъ и гражданскимъ?“ и т. д. Порицается Зенонъ, но подразумѣвается Юстиніанъ. — По второму вопросу—относительно права осуждать умершихъ западные богословы высказались также съ рѣшительнымъ порицаніемъ. „Къ чему послужить осужденіе наше“, говорили западные богословы, „если умершіе не могутъ исправиться въ своихъ заблужденіяхъ?.. Да и къ чему намъ вести войну съ умершими? Они предъ лицомъ истиннаго Судіи, выше котораго нѣтъ другаго судіи.“—Въ восточной половинѣ имперіи Юстиніанъ нашель болѣе сочувствія—или по крайней мѣрѣ меньше противоборства—своимъ планамъ. Право царской власти вмѣшиваться въ догматическіе споры закрѣплено было тамъ долговременною практикою. Что же касается до суда надъ умершими, то *очень* удачную въ этомъ случаѣ ссылку на св. писаніе подсказалъ императору нѣкій игумень Евтихій, возведенный вскорѣ послѣ того въ санъ столичнаго патріарха. Вотъ любопытный разсказъ объ этомъ церковнаго историка Евагрія (IV, 38). „Когда возникъ вопросъ, должно ли подвергать анаемѣ умершихъ,—Евтихій, повидимому въ совершенствѣ изучившій божественное писаніе, но при жизни патріарха Мины еще не принадлежавшій къ числу людей знаменитыхъ и проходившій только должность апокрисиарія при амасійскомъ епископѣ, —Евтихій, посмотрѣвъ на собравшихся не только съ гордостію, но и съ презрѣніемъ, сказалъ рѣшительно, что это не требуетъ и разсужденія; потому что и въ древности царь Іосія не только заклалъ живыхъ жрецовъ идольскихъ, но и раскопалъ гробы тѣхъ, которые за долго до того умерли. (4 царствъ 23. 16) Замѣчаніе Евтихія всѣмъ показалось умѣстнымъ,—и Юстиніанъ, узнавъ о томъ, возвелъ его, послѣ кончины Мины (+ 25 авг. 552 г.) на престолъ царствующаго града.“

Видя противодѣйствіе своимъ намѣреніямъ со стороны западнаго духовенства, императоръ естественно долженъ былъ придти къ мысли подѣйствовать главнымъ образомъ на римскаго папу, который считался и дѣйствительно былъ церковнымъ представителемъ запада. Папа Вигилій былъ вызванъ въ 546 г. въ Константинополь, гдѣ и прожилъ слишкомъ семь лѣтъ (съ 25 генв. 547 г. по конецъ 555 года.) Все

это семилѣтіе проведено было въ упорной, но неравной борьбѣ между папою и императоромъ. На сторонѣ императора были всѣ іерархи восточной имперіи и всѣ средства, какими можетъ располагать самодержавная власть;—на сторонѣ папы—общественное мнѣніе далекаго запада, болѣе впрочемъ стѣснительное, чѣмъ полезное для папы,—да еще положеніе его, какъ традиціонно-чтимаго іерарха *aeternae urbis* и какъ гостя въ Византіи,—положеніе, обеспечивавшее до нѣкоторой степени папу по крайней мѣрѣ отъ грубаго насилія. Мы не будемъ излагать подробно исторіи этой борьбы папы съ императоромъ, совершавшейся при столь неблагопріятныхъ для папы условіяхъ: отмѣтимъ только главныя ея перипетіи. Папа прибылъ въ Константинополь по видимому съ преувеличеннымъ понятіемъ о своемъ значеніи, тотчасъ же высказался противъ осужденія *трехъ главъ* и отлучилъ отъ церкви патріарха константинопольскаго Мину, который заплатилъ ему тѣмъ же. Но скоро папа долженъ былъ понизить тонъ. Подѣйствовали ли на него ласки, угрозы или обѣщанія императорскаго двора, или все это, взятое вмѣстѣ,—какъ бы то ни было папа пошелъ на соглашеніе, принявъ въ общеніе патр. Мину, и—послѣ совѣщанія съ 70 бывшими тогда въ Константинополѣ западными епископами, не увѣнчавшагося впрочемъ единогласіемъ,—издалъ 21 апр. 548 г. *judicatum* т. е. осужденіе трехъ главъ. Все улаживалось благополучно и—по достовѣрнымъ свидѣтельствамъ—главною виновницею такого соглашенія была имп. Феодора, склонявшая папу къ уступчивости способами, наиболѣе для него пріятными. Какъ бы въ награду за уступчивость папы имя его передвинуто на первое мѣсто въ диптихахъ столичной церкви, а имя константинопольскаго патріарха поставлено вторымъ. Но менѣе, чѣмъ черезъ три мѣсяца послѣ изданія папскаго *judicatum*'а, умерла имп. Феодора, и соглашеніе опять стало разстроиваться. Папа Вигилій взялъ назадъ свой *judicatum* и заблагоразсудилъ укрыться въ халкидонскомъ храмѣ св. Евфиміи, какъ въ священномъ убѣжищѣ, отъ ожидаемыхъ насилій со стороны императора. Въ этой священной крѣпости папа болѣе мѣсяца отсиживался отъ императора и велъ съ нимъ переговоры, обѣщаясь сдать на капитуляцію не прежде, какъ получивъ обезпеченіе въ безопасности. Обезпеченный поручителями (*judices*) и залогами (*sacramenta*), папа вышелъ изъ своего убѣжища, но не обнаруживалъ никакой склонности къ соглашенію. Оставалось прибѣгнуть къ одному уже испытанному средству для выхода изъ неразрѣ-

шимыхъ затрудненій—именно въ созванію вселенскаго собора. Папа предлагалъ открыть соборъ въ Италиі, но императоръ не согласился на это. V-й вселенскій соборъ былъ созванъ въ Константинополь въ 553 г. подъ предсѣдательствомъ извѣстнаго уже намъ Евтихіа, новаго патріарха константинопольскаго. Можно было ожидать, что это будетъ первый вселенскій соборъ при личномъ участіи римскаго первосвященника, ибо папа находился тамъ же, гдѣ имѣлъ быть соборъ. Этого личного участія однако не послѣдовало. Опасался остаться въ меньшинствѣ и быть безсильнымъ свидѣтелемъ торжества своихъ противниковъ, папа, не смотря на многократныя и настоятельныя приглашенія, отказывался прійти на соборъ подъ разными предлогами. То онъ ссылался на свою болѣзнь, то на малочисленность западныхъ епископовъ, то предлагалъ устроить какъ бы особую комиссію изъ равнаго числа восточныхъ и западныхъ епископовъ, то просилъ рѣшать безъ него, обѣщаясь—быть можетъ—присоединиться къ соборному приговору впослѣдствіи. Соборъ состоялся безъ папы и разумѣется велъ свои со-вѣщанія безъ разногласій и затрудненій по программѣ, обозначенной въ грамотѣ императора, чтеніемъ которой были открыты соборныя засѣданія (5 мая). На соборѣ подвергнуты были осужденію *три главы*, а также ученіе Оригена и оригенуствова, песообразныя съ православною догматикою. По окончаніи соборныхъ засѣданій (2 іюня) императоръ придавая обязательную силу соборнымъ опредѣленіямъ, сталъ подвергать ссылкѣ епископовъ, не согласившихся на осужденіе *трехъ главъ*. Самъ папа Вигилій былъ сосланъ на о. Провоннисъ, и въ концѣ концовъ согласился принять соборныя опредѣленія; послѣ чего и былъ отпущенъ во свояси съ дарами и подтвердительною грамотою на имѣніа римской церкви, но не доѣхалъ до Рима и умеръ на дорогѣ въ Сиракузахъ (10 генв. 555 г.) Раздраженіе западнаго духовенства противъ Юстиніана и опредѣленій V всел. собора было такъ велико, что едва нашлось нѣсколько епископовъ, чтобы посвятить (16 апр. 555 г.) новаго папу Пелагіа, заявшаго римскую кафедру съ соизволенія императора и подъ условіемъ принятія опредѣленій V всел. собора. Долго еще волновался западъ, и не ранѣе какъ при папѣ Григоріѣ великомъ (въ концѣ VI в.) соборъ 554 г. былъ призванъ повсемѣстно на западѣ въ достоинствѣ вселенскаго.

Ближайшей цѣли, для которой состоялось осужденіе *трехъ главъ*, императоръ не достигъ. Монофизиты не только остались равнодуш-

ными зрителями той упорной борьбы, какую велъ императоръ, чтобы отстранить преграды, лежавшія на пути соединенія ихъ съ православною церковію, но даже въ это самое время старались закрѣплять существующее разьединеніе. ¹⁾ Мало того: къ концу своего царствованія императоръ—по самостоятельному ли ходу своего богословскаго мышленія или вслѣдствіе вліянія монофизитствующихъ придворныхъ, *дѣйствовавшихъ постоянствомъ своихъ внушскій, подобно капль, продавливающей камень непрерывнымъ паденіемъ*,—самъ присталъ къ монофизитамъ, и притомъ къ самымъ крайнимъ,—къ такъ называемымъ *афтортодокетамъ*. По своему обычаю императоръ не замедлилъ свое новое догматствованіе сдѣлать обязательнымъ для подданныхъ и „издалъ едиктъ, въ которомъ тѣло Господа назвалъ не подлежащимъ тлѣнію и непричастнымъ естественныхъ и невинныхъ страстей и говорилъ, что Господь также вкушалъ и до страданія, какъ вкушалъ по воскресенію; будто бы то есть всесвятое тѣло Его ни въ произвольныхъ, ни въ естественныхъ страстяхъ не получало никакого превращенія или измѣненія со времени образованія его въ утробѣ, и даже послѣ воскресенія. Императоръ принуждалъ согласиться съ этимъ ученіемъ всѣхъ повсюду іереевъ“ (Евагрій IV 39). Столичный, патріархъ Евтихій, не соглашавшійся съ догматствованіемъ императора, долженъ былъ оставить каеэдру и отправиться въ ссылку. Таже участь угрожала и другимъ епископомъ, не желавшимъ присоединиться къ новоизмышленной догматикѣ императора. Незвѣстно, каковъ былъ бы исходъ этой новой догматической борьбы, если Юстиніанъ прожилъ еще нѣсколько лѣтъ и дѣйствовалъ съ своею обычною настойчивостію. „Но“, какъ говоритъ церк. историкъ Евагрій, (IV, 41.)— „*Богу лучше что о насъ предзрѣшу*, Юстиніанъ, въ то время какъ диктовалъ опредѣленіе о ссылкѣ антиохійскаго патріарха Анастасія и единомышленныхъ съ нимъ іереевъ, былъ пораженъ невидимо ударомъ и преставился изъ сей жизни, царствовалъ всего 38 лѣтъ и 8 мѣсяцевъ. Такимъ-то обра-

¹⁾ Египетскіе монофизиты въ 536 году избрали себѣ особаго патріарха, и, изгнавши греч. языкъ изъ церковнаго употребленія, выдѣлились въ національную церковную общину подъ именемъ *ковитовъ*; монофизиты сирскіе и месопотамскіе признали своимъ главою Іакова Барадѣя, именовавшагося патріархомъ антиохійскимъ, но жившаго въ Едессѣ, и отъ него заимствовали названіе *яковитовъ*.

зомъ, возбудивъ вездѣ смятеніе и тревоги и при концѣ жизни получивъ достойное этихъ дѣлъ возмездіе, Юстиніанъ перешелъ въ преисподнія судилища.“ Таково послѣднее слово Евагрія о Юстиніанѣ. Но это личное сужденіе Евагрія. Общее же мнѣніе таково, что Юстиніанъ, хотя въ послѣднее время по старческому своенравію и навелъ было нѣкоторое безпокойство церкви, но умеръ въ добромъ исповѣданіи, оставивъ по себѣ добрую память. Заслуги Юстиніана для церкви засвидѣтельствованы включеніемъ его въ календарь,—и память его, (а равно и имп. Феодоры) совершается въ день его кончины 14 ноября.

Преемники Юстиніана: Юстинъ II (565—578). Тиверій (578—582), и Маврикій (582—602). Гибель Маврикія и его семьи.

И. Юстиніанъ умеръ, не оставивъ послѣ себя дѣтей, но тѣмъ не менѣе съ его смертію династія его не прекратилась. Вѣроятнымъ вѣслѣдникомъ престола въ сороковыхъ годахъ VI вѣка могъ считаться родственникъ Юстиніана, полководецъ Германъ, о характерѣ и талантахъ котораго современники отзывались съ величайшею похвалою, но онъ умеръ въ цвѣтѣ лѣтъ (550 г.) и гораздо ранѣе своего долговѣснаго дяди. По смерти Юстиніана на престолъ воспелъ безъ народнаго вызова, но и безъ сопротивленія одинъ изъ племянниковъ его (сынъ сестры) Юстинъ, занимавшій должность *куропатты* (т. е. начальника придворной стражи.) „Ни о смерти Юстиніана, ни о воцареніи Юстина—говоритъ современникъ (Евагрій V, 1)—никто кромѣ приближенныхъ не зналъ, пока самъ Юстинъ не явился на ипподромъ, чтобы совершить самолично и принять отъ другихъ то, что подобаешь царю. Такъ какъ это событіе ни въ комъ не возбудило возраженій, то онъ возвратился въ дворецъ“ т. е. въ качествѣ уже общепризнаннаго царя. Юстинъ былъ государь слабодушный и непостоянный, который не могъ справиться не только со внѣшними врагами, нападавшими на имперію, но даже и съ своею женою, честолюбивою Софьею, которая, кажется, хотѣла изображать изъ себя вторую Феодору, не имѣя дарованій своей знаменитой предшественницы. Сѣверная Италия, благодаря нашествію лонгобардовъ, (568 г.) скоро была потеряна для имперіи. Сквозная исторія,—одна изъ тѣхъ, какими обильно наполняются греческіе хронографы,—винить въ этой потерѣ Софью. Императрица будто

бы въ знакъ насмѣлки послала правителю Италіи, старому евноху Нарсесу прялку, давая знать, что приличнѣе-де евноху сидѣть въ гинекеѣ, чѣмъ управлять обширною областію;—на что раздраженный евнохъ будто бы отвѣчалъ угрозою спрясть такую нитку, какая императрицѣ не полюбится,—и призвалъ въ Италію лонгобардовъ. Разсказъ этотъ конечно выдумка, хотя и характерная, но потеря Италіи—фактъ. Подъ конецъ своего царствованія Юстинъ II окончательно ослабѣлъ и тѣломъ и умственными способностями, и—помимо своихъ родственниковъ—передалъ престолъ молодому, красивому и способному военачальнику Тиверію, родомъ еракіянину. Въ этомъ также нужно видѣть вліяніе Софіи. Самолюбивая женщина вмѣстѣ съ короною отживающаго супруга хотѣла передать Тиверію и свою руку. Въ этомъ расчетѣ Софія впрочемъ ошиблась. Тиверій былъ давно женатъ, хотя и имѣлъ благоразуміе скрывать до времени это обстоятельство. Но послѣ смерти Юстина и окончательнаго своего воцаренія, онъ предъявилъ народу на ипподромѣ свою жену Анастасію и дочерей, уже не маленькихъ, и Софія должна была удовольствоваться со стороны Тиверія сыновнимъ почтеніемъ, соотвѣтственнымъ ея возрасту и сану. Греческіе хроникеры очень хвалятъ Тиверія. По ихъ отзывамъ онъ былъ украшенъ всѣми приличными царю доблестями, и бѣда была въ томъ только, что царствовалъ очень недолго. „Тиверій (по словамъ Евагрія V, 13) тѣломъ былъ очень высокъ, и, при высотѣ роста, степенъ болѣе, чѣмъ кто другой—не только изъ царей, но и изъ всѣхъ людей, такъ что прежде всего по виду достоинъ былъ владычествовать. При этомъ и душа его была кроткая и человѣколюбивая... То золото, по его мнѣнію, было поддѣльное, которое приходило отъ слезъ. Поэтому и сборъ податей приказалъ сложить на цѣлый годъ“ и т. д. Относительно церковныхъ дѣлъ ни Юстинъ ни Тиверій не произвели никакихъ перемѣнъ и ни обнаружили ни малѣйшей охоты къ вмѣшательству въ нихъ: быть можетъ это лучшая похвала, какую только можно приписать обоимъ монархамъ. Юстинъ II по воцареніи тотчасъ же іерарховъ, собравшихъ въ столицу Юстиніаномъ для подтвержденія новаго догмата, отпустилъ на ихъ кафедры, дабы они проходили обычное служеніе, не вводя ничего новаго въ вѣрѣ. „И такое дѣло его достойно похвалы“, прибавляетъ современный церковный историкъ Евагрій. (V 1.) Онъ же, перечисливъ іерарховъ на высшихъ кафедрахъ при Тиверіѣ, замѣчаетъ: „новыхъ же постановленій въ порядкѣ

церковныхъ дѣлъ не было никакихъ.“ (V, 16). Преемникомъ Тиверіа былъ зять его, полководецъ Маврикій, родомъ каппадокіянинъ, „мужъ“, по отзыву Евагрія“, благоразумный и предусмотрительный, всегда и во всемъ тщательный и постоянный, въ образѣ жизни и нравахъ твердый и разборчивый.“ Маврикій худо разумѣлъ по латыни, по этому латинскій языкъ, дотолѣ официальный въ имперіи, уступилъ мѣсто греческому, чѣмъ впрочемъ—можетъ быть—выразилось также и безнадежность на сохраненіе западной половины имперіи. Не смотря на пезнакомство съ латинскимъ языкомъ, Маврикій все-таки былъ человѣкъ образованный, и даже писатель. Онъ оставилъ сочиненіе *о военномъ искусствѣ*, въ которомъ есть рѣчь и о славянахъ.¹⁾ Маврикій былъ набоженъ, но по обычаю вѣка набожность его была соединена съ суевѣріемъ, которое досталось ему по наслѣдству отъ родителей. Вотъ что повѣствуетъ о семъ церк. историкъ Евагрій (V, 21): „были и божественныя знаменія, предвѣщавшія Маврикію царствованіе. Такъ однажды, когда онъ въ глубокую ночь совершалъ куреніе свѣчами во святилищѣ храма пречистой Богородицы Маріи, называемаго у еоуполисцевъ (т. е. въ Антиохіи) *храмомъ Юстиніана*, завѣса священной трапезы представилась объятаю пламенемъ, такъ что Маврикій самъ пораженъ былъ ужасомъ и утрашился видѣнія. Стоявшій тутъ же антиохійскій архіерей Григорій сказалъ, что это дѣло Божіе и предвѣщавшее ему нѣчто весьма великое и высокое. Потомъ на востокѣ явился Маврикію и Христосъ Богъ и требовалъ отъ него защиты,—что прямо указывало на царствованіе; ибо отъ кого, если не отъ царя, и притомъ отъ царя богочтителя, требовать Ему этого?—Замѣчательныя также и достойныя исторіи вещи, вслѣдствіе моихъ распросовъ,

1) „У славянъ—говоритъ Маврикій—недоступны жилища въ лѣсахъ, при рѣкахъ, болотахъ и озерахъ; въ домахъ своихъ они устраиваютъ многіе выходы на всякій опасный случай; необходимыя вещи скрываютъ подъ землей, не имѣя ничего лишняго наружи, но живя, какъ разбойники.“ Что касается до войны съ славянами, то императоръ совѣтуетъ нападать на нихъ зимою, когда имъ неудобно скрываться за обнаженными деревьями, снѣгъ препятствуетъ движенію бѣгущихъ, да и съѣстныхъ припасовъ у нихъ тогда мало. О нравственно-общественномъ характерѣ славянъ Маврикій сообщаетъ: „они такъ дорожатъ свободою, что ихъ никакимъ способомъ нельзя уговорить служить или повиноваться.“

сообщили мнѣ и тѣ, которые произвели Маврикія на свѣтъ. Отецъ говорилъ, что во время зачатія Маврикія видѣлъ онъ во снѣ, будто изъ его постели выросло величайшее виноградное дерево со множествомъ зрѣлыхъ кистей. А мать утверждала, что во время его рожденія земля издала дивное и необыкновенное благоуханіе, и что такъ называемая *эмпуза* (русалка?) часто уносила младенца, чтобы пожрать его и однако не могла сдѣлать ему никакого вреда*.

Мы встрѣтимся еще съ подобными знаменіями при разсказѣ о послѣдней судьбѣ Маврикія.

Не смотря на свою набожность, Маврикій не могъ не замѣтить, что монашество отвлекаетъ отъ службы государству много крѣпкихъ людей, нужныхъ и для внутренняго благоустройства и для борьбы съ варварами, нападавшими на имперію. Поэтому Маврикій воспретилъ закономъ принимать въ составъ клира и монашества людей проходящихъ общественныя должности и воиновъ прежде, чѣмъ они отслужили свой срокъ. Законъ былъ разуменъ, ибо вызывался настоятельными нуждами имперіи. Тѣмъ не менѣ римскій папа Григорій великій, слѣдуя традиціонной политикѣ своихъ предшественниковъ, протестовалъ противъ царскаго закона, стѣспительнаго, по мнѣнію папы, для церкви. Папа утверждалъ, что законъ Маврикія не согласенъ съ евангелиемъ и что царь не имѣетъ права удерживать Богомъ врученныхъ ему людей отъ служенія Богу. „Я вашъ недостойный слуга,“ писалъ папа императору, „знаю многихъ воиновъ, которые, обратившись на служеніе Богу, совершили много чудесъ.“ Папа не подумалъ, — замѣчаетъ историкъ Финлей, — что самымъ приличнымъ чудомъ для этихъ набожныхъ воиновъ было бы, если бы они отразили варваровъ и тѣмъ спасли своихъ согражданъ отъ разграбленія и плѣна. — Маврикій уступилъ папѣ, конечно потому что видѣлъ, что папскій протестъ совпадаетъ съ образомъ мыслей и желаній большинства набожныхъ византійцевъ. Царь ограничился только запрещеніемъ принимать въ составъ клира чиновниковъ, прежде чѣмъ они сдадутъ отчетъ по своей должности, а воиновъ прежде трехъ-лѣтняго испытанія. Около того же времени было и другое прерѣжаніе между папою Григоріемъ и константинопольскими властями. Патріархъ Константинополя Іоаннъ *постникъ* (Νηστευτής) въ одномъ изъ своихъ писемъ къ папѣ отъ 587 года наименовалъ себя *вселенскимъ* (ὀβιομενικός). Собственно въ этомъ титулѣ не было ничего ни новаго, ни существеннаго. При Юстиніанѣ

одновременно и римскій папа и константинопольскій патріархъ были именуемы *вселенскими*. Реальнаго значенія этотъ титулъ никогда не имѣлъ, какъ не имѣеть такого значенія напр. титулъ *судии вселенной*, какимы и понцыѣ украшаются александрійскіе патріархи. Слово *вселенскій* указываетъ только неопредѣленно на высокій и обширный авторитетъ. *Вселенскими учителями и святителями* называются Василій великій, Григорій Богословъ, Іоаннъ Златоустъ: *вселенскимъ же учителемъ* назывался и старшій преподаватель въ константинопольскомъ придворномъ училищѣ. Но при томъ соперничествѣ, какое искони существовало между кафедрой Рима и Константинополя, естественно, что папа былъ крайне встревоженъ и возмущенъ тѣмъ, что его соперникъ самъ титулуетъ себя *вселенскимъ*, и притомъ въ письмѣ къ нему, папѣ, относясь слѣдовательно къ нему, какъ высшій къ низшему. Въ нѣсколькихъ письмахъ, адресованныхъ императору, императрицѣ, константинопольскому и другимъ восточнымъ патріархамъ (Epist. V, 18—21), папа старается показать, какая опасность угрожаетъ церкви отъ главенства одного епископа надъ всѣми прочими. „Если тотъ, кого называютъ епископомъ вселенскимъ, впадетъ въ заблужденіе, то стало бытъ вся церковь ошибется вмѣстѣ съ нимъ.“ Чтобы рѣзче выставить неумѣстность патріаршаго произношенія, папѣ естественно было облечься въ полноту христіанскаго смиренія. Онъ такъ и сдѣлалъ. Въ противоположность громкому титулу к-скаго патріарха папа сталъ подписываться *servus servorum Dei*.—Александрійскій патріархъ Евлогій,—надѣясь угадать тайную мысль папы,—увѣдомлялъ, что, согласно папскому повелѣнію, (*sicut jussistis*), отказавъ преемнику Іоанна постника (+596 г.) Киріаку въ титулъ *вселенскаго*; въ томъ же письмѣ Евлогій почтилъ этимъ титуломъ самаго папу. Григорій въ отвѣтномъ письмѣ выразался такъ: „Прошу тебя слова: *повелѣлъ* не употреблять болѣе; знаю, кто я и кто ты; ты мой братъ по сану, отецъ по жизни. Я ничего не повелѣвалъ: я только совѣтывалъ, и даже этотъ совѣтъ мой ты не строго выполнилъ... Я просилъ тебя не давать этого титла ни преемнику константинопольскому, ни кому-либо другому, а ты приложилъ его ко мнѣ... Прочь всѣ титла, питающія тщеславіе и нарушающія любовь!“ (Epist. VIII, 30). Смиреніе впрочемъ не мѣшало папѣ Григорію вести обширнѣйшую переписку со всѣми выдающимися лицами христіанскаго міра и полагать основанія политическому значенію папства. Вѣрно оцѣнивая слабость византійскаго императора по отвѣ-

нію въ Италиі, папа умѣлъ дать почувствовать это имп. Маврикію въ письмѣ, гдѣ читаемъ между прочимъ слѣдующія строка. „Я одно скажу моему высокому повелителю: пусть онъ будетъ обо мнѣ самого дурного мнѣнія, только бы въ дѣлѣ, касающемся спасенія Италиі, не на всякія рѣчи склонялъ онъ свой высокій слухъ... Hoc tamen breviter dico: quamvis indignus et peccator, plus de venientis Jesu misericordia, quam de vestrae pietatis justitia presumo. (Epist. IV, 31.)

У Маврикія впрочемъ итальянскія дѣла были на самомъ послѣднемъ планѣ. Все 20-лѣтнее царствованіе Маврикія прошло въ войнахъ съ персами и аварами. Съ персами Маврикій управился благополучно благодаря внутреннимъ замѣшательствамъ, которыя заставили персидскаго царя Хоздроя Парвиза прибѣгнуть къ великодушію Маврикія и просить его о помощи. Маврикій дѣйствительно помогъ Хоздрю возвратитъ отеческій престолъ и приобрѣлъ въ немъ себѣ благодарнаго и вѣрнаго союзника (591 г.) Но рядъ походовъ противъ аваръ на сѣверный берегъ Дуная былъ неудаченъ, ибо Маврикію приходилось бороться не только съ аварами, но и съ своимъ непослушнымъ и распущеннымъ войскомъ. Теоретикъ въ военномъ искусствѣ, Маврикій не могъ или не хотѣлъ добиться того, чтб составляетъ главное условіе военнаго успѣха т. е. сочувствія и преданности солдатъ, напротивъ вооружалъ ихъ противъ себя строгостію и скупостію. Одно обстоятельство послужило началомъ конца печальной исторіи Маврикія. При заключеніи мирнаго договора въ 601 году каганъ аварскій вывелъ множество плѣнниковъ на выкупъ римлянамъ. Царь предлагалъ кагану отпустить всѣхъ плѣнниковъ даромъ. А тотъ отвѣчалъ: *отдамъ стъхъ по номизмъ за душу*. (4½ руб. с.) Царь не соглашался дать столько: варваръ уступалъ половину. Когда же царь и на это не соглашался, то варваръ разсердившись избилъ 12000 плѣнниковъ. По скупости ли или изъ желанія наказать своихъ воиновъ, Маврикій отказался уплатить ничтожную сумму, во всякомъ случаѣ это была политика гибельная. „Съ этого случая—говоритъ хроникеръ—всѣ возненавидѣли Маврикія и злословили его и проклинали.“ Маврикій, какъ видно, и самъ предчувствовалъ свою гибель. Вотъ что говоритъ объ этомъ благочестивая легенда. „Раскаившись и помысливъ о будущемъ судѣ, Маврикій пожелалъ лучше здѣсь искупить свой грѣхъ, а не на страшномъ судѣ. И разослалъ молительныя посланія къ патріаршимъ престоломъ и въ сѣнты и въ монастыри, да помолятся о немъ, чтобы ему здѣсь искупить свой

грѣхъ... И видитъ царь такой сонъ: множество народа стоитъ предъ иконою, что на мѣдныхъ вратахъ дворца. И слышится голосъ отъ иконы: *приведите мнѣ Маврикія*. Царя привели. И опять говорятъ божественный голосъ: *иди хочешь, Маврикій, воздамъ тебѣ, здѣсь, или въ будущемъ вѣкѣ?* Маврикій отвѣчалъ:—здѣсь, но не тамъ. И тотчасъ же послѣдовало повелѣніе выдать его, и жену, и дѣтей, и все родство его Фокѣ военачальнику. А на утро возвратился къ царю посланный имъ магистріанъ съ такимъ отвѣтомъ отъ святыхъ: „Богъ, принявъ твое покаянiе, спасаетъ душу твою, но настоящей жизни ты лишишься со многою скорбію и бѣдою.“

Жалостною судьбою плѣнныхъ воиновъ, избитыхъ аварами, конечно всего болѣе огорчены были ихъ товарищи по службѣ. Поэтому, будучи въ 602 году принуждаемы Маврикіемъ зимовать за Дунаемъ, воины, взбунтовались, провозгласили императоромъ одного изъ своихъ сотниковъ, по имени Фоку, и пошли къ столицѣ. Маврикій, не нашедши себѣ поддержки въ столичномъ населеніи, думалъ спастись бѣгствомъ, но былъ схваченъ и казненъ вмѣстѣ съ своими сыновьями. Предъ смертію Маврикій обнаружилъ твердость и благородство характера, свидѣтельствующія о глубинѣ и силѣ его христіанскихъ убѣжденій. Выслушаемъ рассказъ хроникера. „И приведенъ былъ Маврикій связанный къ гавани Евтропія. Убійца (т. е. Фока), желая увеличить мученія Маврикія печальнымъ зрѣлищемъ, приказываетъ казнить въ его присутствіи пять сыновей его. Маврикій же, философствуя въ несчастіи, постоянно повторялъ: *праведенъ Ты, Господи, правъ судъ Твой!* Няня, спрятавъ одного изъ царскихъ сыновей, отдавала на убіеніе своего собственнаго, но Маврикій не допустилъ этого, но сыскалъ и отдалъ на казнь своего сына. Такимъ образомъ ставъ выше законовъ природы, Маврикій и самъ прощается съ жизнію. А окаянный Фока приказалъ головы царя и сыновей его водрузить на полѣ трибунальскомъ. И граждане выходили и смотрѣли на нихъ, пока опѣ не загнили. И тогда злодѣй позволилъ отдать ихъ желающимъ (для погребенія). А жену Маврикія съ тремя дочерьми заточилъ въ монастырь; спустя же немного времени и ихъ умертвилъ.“

Вся семья была похоронена въ монастырѣ св. Маманта; и на надгробномъ камнѣ много вѣковъ потомки могли читать трогательную элегію отъ лица несчастной царицы.

ἃ δ' ἐγὼ ἡ τρητάλαινα καὶ ἀμφοτέρων βασιλῆων
 Τιβερίου θυγατὴρ, Μавρικίου τε δάμαρ
 ἡ πολύπαις βασιλεία, καὶ ἡ δεῖξασ' ἀλοχείην,
 ὡς ἀγαθὸν τελέθει, καὶ πολυκοιρανίην,
 κείμαι σὺν τεκέεσσι καὶ ἡμετέρῳ παρακώτιῃ
 δήμου ἀτασθαλίῃ καὶ μανίῃ στρατίης.
 Τῆς Ἐκάβης ἔτλην πολὺ χείρονα, τῆς Ἰοκάστης
 ναὶ καὶ τῆς Νιόβης· ἔμπνυος ἐμὶ νέκυσι
 εἶ καὶ τὸν γενέταν, τί μᾶτην τὰ νεογνὰ δ' ἔχτειναν
 ἀνθρώπων κακίης μὴδὲν ἐπιστάμενα;
 ἡμετέροις πετάλοισι κατάσχιος οὐκέτι Ῥώμῃ.
 ῥῖζα γὰρ ἐκλάσθη Θρηϊκίοις ἀνέμοις.

(Я, несчастнѣйшая сродница двухъ царей, дочь Тиверія и жена
 Мавρικія, я многочадная царица, мать доблестныхъ и державныхъ дѣ-
 тей, я лежу здѣсь вмѣстѣ съ дѣтьми и отцомъ семьи, падши подъ уда-
 рами бѣшенago и буйнаго войска. Я потеряла больше Гекубы, Ио-
 касты и Ниобеи—и тяжело лежать востямъ моимъ! Пусть бы они убили
 мать, но за что они убили малыхъ дѣтей, не знающихъ людской зло-
 бы? Римъ уже не будетъ осбняемъ нашими отраслями, ибо корень истар-
 гнуть еракійскими вѣтрами.)

Предлагаемъ въ заключеніе генеалогію царствовавшей династіи.

Императоръ Юстинъ
I + 527 авг. 1. Жена
на Любинъ —
Евфиміи (ум. 524).
Безчаденъ.

Сестра Юстина Бѣ-
глица — Vigili-
antia + ?

Сынъ ея Управда —
императоръ Юстини-
анъ + 565 ноябр. 14.
Женатъ на Теодо-
ръ (ум. 548 юн. 28).
Безчаденъ.

Дочь Бѣглицы неизвѣстная
по имени.

Другая (тоже)

Третья (тоже)

Юстинъ II, сначала вуропалатъ
потомъ императоръ, женатъ на
Софій, безчаденъ. + 578 окт. 5.

Германъ + 550.

Юстинъ уб.
окт. 567 г.

Полководецъ Тиверій, усвоенный
Юстиномъ, въ послѣдствіи императоръ,
женатъ на Анастасіи + 583 авг. 14.

Константина, дочь Тиверія, жена Ма-
вринія, полководца, потомъ импера-
тора, убитого 27 ноября 602.

Многочисленные дѣти этой четы, вмѣстѣ съ родителями, истреблены
тираномъ Фокою.

ЧТЕНИЕ ДЕВЯТОЕ.

Внутренняя исторія церкви во время династій Льва I и Юстини I (457—528).

Приступая къ изложенію внутренней исторіи церкви въ разсматриваемомъ періодѣ, мы должны прежде всего обратить свое вниманіе на тѣ стороны церковной жизни, которыя въ прежніе періоды выдавались особеннымъ процвѣтаніемъ. Въкѣ династіи Константина великаго (312—362 г.) былъ золотымъ вѣкомъ христіанскаго монашества; въкѣ династіи Θεодосія великаго (363—457) былъ золотымъ вѣкомъ церковной литературы. Что случилось въ нашемъ періодѣ съ монашествомъ и церковною литературою?

Сравнительный упадокъ монашества въ VI вѣкѣ. Подвигъ юродства. Св. игумены.

Монашество въ нашемъ періодѣ по внѣшнему виду не ослабѣвало. Число монастырей и иноковъ умножалось, — особенно въ Палестинѣ, гдѣ монахи считались тысячами въ лаврѣ св. Саввы и св. Θεодосія и многихъ другихъ обителяхъ; открывались новыя территоріи для монашества напр. въ пустыняхъ синайской и ранесной; монастырскія имущества увеличивались щедротами царей и другихъ благочестивыхъ и богатыхъ людей. Права и преимущества монашескаго сословія обезпечивались покровительствомъ законовъ. И дальнѣйшій приростъ монашества былъ такъ быстръ, что даже благочестивый императоръ Маврикій находилъ его опаснымъ для государственнаго благосостоянія. Но внутреннія доблести монашества являются обратно пропорціональны съ его внѣшнимъ процвѣтаніемъ. Люди исключительныхъ

доблестей всегда рѣдки, и когда монашество сдѣлалось торною дорогою для большинства, то естественно въ составъ его вошли люди достоинства средняго и ниже-средняго, — и общій нравственный урокъ значительно понизился. Это сознавали лучшіе изъ тогдашнихъ иноковъ. „Авва Александръ,“ читаемъ въ синайскомъ патерикѣ или *Дуть духовномъ* (гл. 167)^а говорилъ братіямъ: отцы наши искали пустыни и скорбей, а мы ищемъ городовъ и спокойствія. При отцахъ нашихъ процвѣтали бѣдность и смиреніе, а нынѣ господствуютъ скупость и гордость. Отцы наши никогда не умывали лица, а для насъ открыты народныя бани. Горе мнѣ, дѣти; потеряли мы житіе ангельское! — Ученикъ старца говоритъ ему: мы немощны, отецъ. Старецъ сказалъ: что ты говоришь? мы немощны? Повѣрь мнѣ, сынъ мой; мы крѣпки тѣломъ, какъ олимпійскіе борцы, только душа наша слаба.“ — И еще: „авва Афанасій говорилъ: отцы наши до самой смерти воздержаніе и бѣдность сохранили, а мы чрево и карманы расправляемъ. Отцы наши старались о томъ, чтобы ничѣмъ не развлекаться, а мы заботимся о горшкахъ и рукодѣльѣ.“ (Ibid. гл. 130). И еще: „въ одинъ день авва Орентъ пришелъ въ церковь, выворотивъ одежду свою и надѣвъ ее вверхъ перстью! Когда онъ сталъ на клиросъ, то ему говорили: боголюбивый старецъ, для чего ты такъ пришелъ и насъ безчестишь предъ посторонними? — Старецъ отвѣчалъ: вы извратили Синай и никто ничего не говорилъ вамъ, за чѣмъ же обличаете меня, что я выворотилъ одежду свою? Исправьте прежде то, что сами испортили, а я исправлю, что извратилъ.“ (ibid. гл. 124). Въмѣсто духа древняго крѣпкаго подвижничества выступаетъ на видъ удобопреклонность иноковъ ко грѣху и легкая уступка искушеніямъ. Едвали простою случайностію можно объяснить то обстоятельство, что въ синайскомъ патерикѣ (VI—VII в.) мы читаемъ такіе рассказы, которыхъ не найдемъ въ патерикѣ египетскомъ (IV—V в.), и которые свидѣтельствуютъ объ инокахъ, уступавшихъ въ нравственномъ отношеніи мірянамъ и женщинамъ. Приведемъ рядъ такихъ рассказовъ.

Одинъ пустынный ужаленъ былъ змѣею, и зашелъ въ городъ, чтобы лечиться. Его приняла къ себѣ въ домъ благочестивая и боголюбивая женщина и лечила. Какъ скоро онъ началъ выздоравливать, — дьяволъ началъ влгати ему нечистые помыслы на нее, и онъ хотѣлъ схватить ее за руку. — Нѣтъ, отецъ! сказала ему женщина; побойся Христа; вступи, какую скорбь и тяжесть раскаянія ты будешь тер-

пѣть въ своей кельѣ; представь вопли и слезы, которыя ты будешь проливать.“—Когда это и подобное тому выслушалъ онъ отъ женщины, дѣвольское нападеніе оставило его, и онъ, будучи не въ состояніи взглянуть на нее отъ стыда, хотѣлъ бѣжать отъ нея. Изъ любви ко Христу, она сказала ему: „не ходи, отецъ; ты и теперь еще имѣешь нужду въ лекарѣ: тотъ помысль, смущавшій тебя, не былъ дѣломъ твоей чистой души; это—внушеніе душегубителя дѣвола“. Такимъ образомъ исцѣливъ его, безъ соблазна отпустила его съ миромъ. (Ibid. гл. 202).

Другой разсказъ. Въ одномъ селеніи былъ благочестивый мірянинъ, къ которому нѣкій инокъ изъ киновіи заходилъ всегда, какъ только ему случалось быть въ этомъ селеніи. У сего хозяина была недавно овдовѣвшая, годъ или два жившая съ мужемъ, дочь. Братъ сей при входѣ и выходѣ изъ сего дома началъ обуреваться помыслами о ней. Она по своему благоразумію замѣтила это и стала стараться избѣгать встрѣчи съ нимъ. Однажды отецъ ея, по какой-то нуждѣ, отправился въ городъ, оставивъ ее одну въ домѣ. Братъ, какъ это обыкновенно бывало прежде, зашедши въ домъ, напелъ ее одну и спросилъ: гдѣ же твой отецъ?—Пошелъ въ городъ,—отвѣчала она. Тутъ братъ возмутился помысломъ и сталъ нападать на нее.—„Не смущайся“,—говорила она ему, сохраняя все благоразуміе.—„Отецъ мой долго не прійдетъ; мы здѣсь только двое съ тобой. А я знаю, что вы, монахи, ничего не начинаете дѣлать безъ молитвы. Итакъ встань и помолись Богу, и тогда мы сдѣлаемъ, что Онъ положитъ тебѣ на сердце“.—Братъ не успокоился, а все болѣе и болѣе смущался. Она спросила его: „ужели ты никогда не зналъ женщины“? Никогда,—отвѣчалъ онъ;—а только хочется узнать, что такое.—„И ты тѣмъ только,—сказала она,—обуреваешься, что не знаешь смраду несчастныхъ женщинъ“.—Желая же обуздать его страсть, сказала: „такъ какъ я теперь нездорова обыкновенною для женщинъ болѣзнію, то ко мнѣ никто не можетъ прикасаться“... Братъ, выслушавъ отъ нея это и многое другое, умилился сердцемъ, пришелъ въ себя и залился слезами. Вдовица, увидѣвъ его образумившимся, сказала ему: „что если бы я послушалась тебя и грѣхъ бы уже совершился? Съ какимъ бы лицомъ, какими глазами, могъ ты смотрѣть на моего отца? Или, какъ бы ты возвратился въ монастырь и сталъ слушать ликъ поющихъ святыхъ? Прощу тебя, трезвись и бодрствуй, да не погубишь для кратковременной по-

хоти столько подъятыхъ тобою трудовъ, да не лишишься вѣчныхъ благъ".—Выслушавъ эти слова ея, перенесшій искушеніе братъ благодарилъ Бога, что Онъ благоразуміемъ и цѣломудріемъ жены исхитилъ его отъ конечной погибели. Возвратясь въ монастырь, онъ принесъ покаяніе въ своемъ грѣхѣ. (Ibid. гл. 203).

Третій рассказъ въ томъ же родѣ. Одинъ монахъ монастыря аввы Северіана, будучи посланъ по послушанію въ страны елѣвѣропольскія, зашелъ къ одному христіанскому земледѣльцу, имѣвшему одну дочь, у коей мать уже скончалась, и остался въ домѣ его на нѣсколько дней. Діаволь, всегдашній врагъ человѣка, внушилъ брату нечистые помыслы, и онъ вооружился противъ отроковицы, искалъ удобнаго случая напасть на нее. Когда отецъ отроковицы по домашнимъ дѣламъ отлучился въ Аскалонъ, братъ, видя, что никого нѣтъ болѣе въ домѣ, кромѣ его и отроковицы, приходитъ къ ней съ намѣреніемъ ее обезчестить. Дѣвица замѣтивъ, что онъ возмущенъ и горитъ къ ней нечистою похотію, сказала ему: „не смущайся и не дѣлай со мною ничего худаго. Отецъ мой и нынѣ и завтра не придетъ, но ты выслушай прежде, что я скажу тебѣ. Господь видитъ, и я, если ты желаешь, пожалуй, готова исполнить твое желаніе. Но скажи прежде, братъ: сколько ты живешь въ монастырѣ? Онъ отвѣчалъ ей: 17 лѣтъ. Отроковица продолжала: „и ты, братъ, въ одинъ часъ соглашаешься погубить свой трудъ? Сколько ты пролилъ слезъ, чтобы чистую и непорочную представить плоть свою Христу! Неужели для минутнаго удовольствія хочешь лишиться плода всѣхъ трудовъ, подъятыхъ тобою? Но выслушай еще меня: ежели ты падеши со мною, можешь ли ты взять меня и пропитывать? Братъ отвѣчалъ: нѣтъ. Тогда отроковица сказала: „не лгу тебѣ, что, если ты меня обезчестишь, много сдѣлаешь зла“. Монахъ спросилъ: какъ? Отроковица отвѣчала: „во первыхъ, ты погубишь свою душу, а во вторыхъ, и моя погибшая душа отъ тебя възвѣстаетъ. Чтобы убѣдить тебя въ томъ, влинусь тебѣ именемъ Того, Который сказалъ: *не ми*,—что, ежели ты меня обезчестишь, сама себя предашь смерти, и ты будешь причиною моего самоубійства и отдашь отвѣтъ на судѣ. Не лучше ли, размысливъ о такой ужасной бѣдѣ, идти тебѣ въ свой монастырь и тамъ молиться обо мнѣ?—Монахъ пришедши въ себя, раскаялся, оставилъ домъ земледѣльца, и, явясь въ монастырь свой, просилъ игумена, чтобы онъ болѣе не пускалъ его изъ монастыря. Проживъ три мѣсяца, монахъ переселился ко Господу. (ibid.

гл. 38). Положимъ, что всѣ эти исторіи имѣютъ назидательное окончаніе, но могло статься, что бывали подобные случаи, обанчывавшіеся не столь назидательно и по сей причинѣ не занесенные въ патерикъ.

Вообще состояніе большинства иноковъ въ VI вѣкѣ подтверждаетъ ту историческую истину, что „человѣкъ слабъ и въ нѣкоторомъ приближеніи къ чистымъ идеаламъ можетъ находиться весьма недолгія времена.“

Отъ иноковъ рядовыхъ обратимся къ лучшимъ представителямъ ипочества,—къ святымъ и канонизованнымъ подвижникамъ. Уже въ прошломъ періодѣ мы замѣтили стремленіе подвижниковъ къ своеобразнымъ и нѣсколько страннымъ подвигамъ (стр. 224—227). Тоже стремленіе продолжалось и въ настоящемъ періодѣ. Продолжали подвизаться на столпахъ св. столпники (св. Даніилъ столпникъ † 490 г. св. Симеонъ дивногорецъ † 596 г.); были и св. жены, спасавшіяся въ мужскихъ монастыряхъ или въ глухой пустынѣ (св. Θεодора александрійская, св. Марія египетская † 9 апр. 521); было не мало и св. *молчальниковъ*, связавшихъ себя обѣтомъ безмолвія (св. Іоаннъ молчальникъ, св. Соломанъ молчальникъ). Но самый выдающійся—такъ сказать новоизобрѣтенный—подвигъ нашего періода былъ подвигъ *юродства*. Основателемъ или по крайней мѣрѣ наиболее виднымъ представителемъ этого подвига былъ св. Симеонъ юродивый († ок. 590 г.) Будучи 30 лѣтъ св. Симеонъ сдѣлался инокомъ, около 30 лѣтъ подвизался въ пустынѣ близъ Мертваго моря и уже въ 60-лѣтнемъ возрастѣ пошелъ изъ пустыни *ругаться міру*. Подвигъ юродства Симеонова былъ непродолжителенъ (около 5 лѣтъ), но произвелъ на современниковъ глубокое впечатлѣніе, какъ можемъ видѣть изъ слѣдующаго повѣствованія церк. историка Евагрія (IV, 34). „Жилъ въ городѣ Эмесѣ Симеонъ. Этотъ мужъ до того отвергся тщеславія, что людямъ, не знавшимъ его, казался помѣшаннымъ, хотя былъ исполненъ всею мудрости и Божіей благодати. Онъ жилъ большею частію особнякомъ, вовсе никому не представляя случаевъ узнать, когда или какъ онъ молился Богу, когда вкушалъ у себя пищу и когда не прикасался къ ней. Иногда являлся онъ на большихъ дорогахъ и площадяхъ и казался изступленнымъ, вовсе лишеннымъ смысла и разсудка. Случалось и то, что, вошедши украдкой въ какую нибудь гостинницу, онъ, томимый голодомъ, принимался за первую, попадавшуюся на глаза пищу. Когда кто выражалъ ему свое уваженіе поклономъ, онъ съ досадою и поспѣшно

уходилъ, боясь, чтобъ его добродѣтель не открылась. Такъ велъ себя Симеонъ на площади. Но было у него нѣсколько человѣкъ близкихъ, съ которыми онъ обращался безъ всякаго притворства. У одного изъ этихъ знакомыхъ ему лицъ была служанка, которая съ кѣмъ-то имѣла постыдную связь и сдѣлалась беременною. Когда господа принуждали ее назвать виновника преступленія, она сказала, что была въ тайной связи съ Симеономъ, отъ него повесла, и справедливость этого подтверждала клятвою, изъявляя готовность, если нужно, изобличить (виновнаго). Услышавъ объ этомъ, Симеонъ, не сталъ противорѣчить и сказалъ, что онъ носить тѣло—сосудъ скудельный. Когда повсюду разнеслась объ этомъ молва и Симеона повидимому покрыла безчестіемъ,—онъ, будто бы отъ стыда, не сталъ показываться. Но вотъ женщинѣ пришло время родить и она, по обычаю рождающихъ, оставалась на своемъ ложѣ; муки рожденія стали дѣйствовать съ чрезвычайною и невыносимою силою и довели до крайней опасности жизнь ея, а дитя не подвигалось. Тогда нарочно пришелъ туда Симеонъ и, когда стали упрашивать его помолиться,—онъ въ слухъ всѣхъ сказалъ, что эта женщина не прежде разрѣшится отъ бремени, какъ—назвавъ человѣка, отъ котораго оказалась беременною. Какъ скоро она сдѣлала это и назвала дѣйствительна отца, младенецъ немедленно явился на свѣтъ, какъ будто сама правда помогла родамъ.—Однажды замѣтили, что Симеонъ вошелъ въ домъ распутной женщины и, заперевъ за собою дверь, остался съ нею наединѣ. Потомъ онъ отворилъ дверь и поспѣшно вышелъ, озираясь по всѣмъ сторонамъ, не смотритъ ли кто на него. Послѣ того подозрѣніе еще болѣе усилилось, такъ что видѣвшіе это позвали къ себѣ женщину и спросили ее, за чѣмъ у ней былъ Симеонъ и—такъ долго. Но женщина клятвенно увѣряла, что уже третій день по бѣдности не было у ней ничего во рту кромѣ воды; а Симеонъ принесъ ей мяса, хлѣба и вина и, заперевъ дверь, предложилъ трапезу съ приказаніемъ, чтобы она ѣла до-сыта, потому что довольно терпѣла отъ недостатка въ пищѣ, остатки же всего принесеннаго взялъ съ собой.—Онъ же предъ самымъ землетрясеніемъ, которое сильно поколебало приморскую Финикію и отъ котораго особенно потерпѣли города Беритъ, Библь и Триполисъ, махая бичемъ, сталъ бить имъ по многимъ на площади колоннамъ и приговаривалъ: „стойте, вамъ придется плясать“. Такъ какъ этотъ человѣкъ ничего не дѣлалъ понапрасну, то присутствовавшіе при томъ замѣтили, которыхъ колоннъ

онъ не трогалъ. Эти-то колонны, спустя немного, подверглись землетрясенію и упали. Много и другихъ его дѣлъ, но описаніе ихъ требуетъ особаго сочиненія“.

Само въ себѣ юродство служить отрицаніемъ монашества. Монашество требуетъ удаленія отъ міра и его соблазновъ, а юродство ведетъ человѣка въ міръ и заставляетъ творить соблазны. Но при расположеніи къ извѣстному роду жизни достаточно одного легкаго намека въ библіи, чтобы изъ него развить цѣлую систему жизни и дѣятельности. Въ настоящемъ случаѣ выраженіе апостола: *мы юроди Христа ради* (*ἡμεῖς μωροὶ διὰ Χριστοῦ* I Кор. 4, 10) послужило основою и оправданіемъ подвига юродства. Служа повидимому отрицаніемъ монашества, какъ наглядное доказательство возможности спастись среди мірской суеты, подвигъ юродства тѣмъ не менѣе прикрѣпляется къ монашеству такую аргументацію. Прежде всего юродство представлялось какъ бы нѣкою воинскою хитростію противъ демоновъ. „Постараемся,“ говоритъ св. Іоаннъ въ *Лѣтисѣи* (XXVI; 139—140) „не только бороться съ демонами, но и нападать на нихъ... Кто побѣдилъ страсти, тотъ поражаетъ демоновъ, притворно показывая, что имѣетъ страсти и тѣмъ обманывая своихъ враговъ и оставаясь неуязвимымъ для нихъ. Нѣкто изъ братій потерпѣлъ однажды безчестіе, и ни мало не тронувшись этимъ, помолился умою, потомъ началъ роптать по поводу нанесеннаго ему безчестія. Другой изъ братій, вовсе не желавшій первенства, притворялся, что домогается этого. Какъ же изображу тебѣ непорочность того, кто вошелъ въ блудный домъ, повидимому ради грѣха, но блудницу привлечь къ подвижнической жизни? Еще: одному изъ безмолвниковъ очень рано утромъ принесъ нѣкто виноградную кисть, а онъ, по выходѣ принесшаго, съ какою-то торопливостію, впрочемъ безъ всякаго вожденія, съѣмъ ягоды, показывая демонамъ въ себѣ чревоугодника. Другой еще, потерявъ нѣсколько прутьевъ, цѣлый день представлялся скорбящимъ о томъ. Но таковымъ много нужно трезвенности, чтобы, вознамѣрившись насмѣяться надъ демонами, самими не сдѣлаться ихъ игралищемъ. О сихъ-то, безъ сомнѣнія, сказалъ нѣкто: *яко лестцы и истинни*.“—Само собою разумѣется, что юродствовать такимъ образомъ, для обмана демоновъ, можно было, и не выходя изъ кельи. Поэтому аргументація, связывающая юродство съ монашествомъ должна идти далѣе. Монаху всего нужнѣе смиреніе. Смиреніе всего удобнѣе достигается и сохраняется вслѣдствіе людскаго безчестія.

Для того, чтобы получить от людей безчестіе, нѣтъ болѣе вѣрнаго способа, какъ путь юродства. Слѣдовательно, отчего же не идти этимъ путемъ, который для инока, утомленнаго пустыннымъ безмолвіемъ, представлялъ въ себѣ заманчивое совмѣщеніе разнообразія мірскихъ впечатлѣній съ идеальными требованіями духовнаго самоусовершенствованія? При своей заманчивости путь юродства былъ путемъ весьма скользкимъ и опаснымъ; св. Симеонъ, позволяя себѣ вольное обращеніе съ женщинами, могъ конечно сказать о себѣ, что онъ чувствуетъ себя, какъ дерево среди деревьевъ; но не всякій юродивый могъ сказать о себѣ тоже. Поэтому-то благоразумные старцы руководители удерживали иноковъ, стремившихся юродствовать. Св. Исаакъ Сиринъ сообщаетъ о себѣ слѣдующую автобіографическую замѣтку: *„нѣкогда сказалъ я старцу: пришелъ мнѣ, отче, помыслъ пойти въ воскресный день на церковную паперть, съѣсть тамъ и рано утромъ постъ, чтобы всякій входящій и выходящій, увидѣвъ меня, уничтожилъ. На сіе старецъ отвѣчалъ мнѣ такъ: „писано, что всякій, кто дѣлаетъ соблазнъ мірянамъ, не узритъ свѣта. А ты никому неизвѣстенъ въ этой сторонѣ, житія твоего не знаютъ, будутъ же говорить, что монахи съ утра ѣдятъ и т. д. Древніе отцы дѣлали такъ по причинѣ многихъ совершенныхъ ими чудотвореній и по причинѣ оказываемой имъ чести и дѣлали это, чтобы подвергнуть себя безчестію, скрыть славу житія своего и удалить отъ себя поводъ къ гордынѣ. А тебя что заставляетъ поступать подобнымъ сему образомъ? Не знаешь развѣ, что всякому житію свой чинъ и свое время? Ты не имѣешь такого отличнаго житія, и такого имени, а живешь какъ и прочіе братія. Ты себѣ не принесешь пользы, а другому повредишь.“* (сл. 11.) На своемъ скользкомъ и опасномъ пути, подвижники юродства рѣдко достигали обѣихъ предположенныхъ цѣлей. Достигавшіе людскаго безчестія болѣею частію и заслуживали его по своимъ умственнымъ и нравственнымъ качествамъ, ибо, прикидываясь юродивыми, разыгрывали—такъ сказать—свою собственную роль; истинные же подвижники, подъ личиною юродства стремившіеся къ осуществленію христіанскихъ идеаловъ, не укрывались отъ людскаго вниманія и благоговѣнія: ихъ страннымъ рѣчамъ и поступкамъ люди охотно придавали таинственный и пророческій смыслъ. Общественное мнѣніе того вѣка было скорѣе въ пользу, чѣмъ противъ юродства. Подвигъ юродства скоро пріобрѣлъ право гражданства въ христіанскомъ мірѣ, сдѣлался впослѣдствіи особенно любимъ славянами и удержался даже до настоящаго времени.

До настоящаго времени удержался и другой типъ, созданный монашествомъ нашего періода. Изъ канонизованныхъ иноковъ этого времени большая часть были начальники и устроители монастырей. Въ этомъ также можно видѣть одно изъ знаменій времени. Монашество, взятое въ цѣломъ, уже пережило свой—такъ сказать—героическій періодъ личнаго почина и самоопредѣленія въ духовной жизни и превратилось въ многочисленное словесное стадо, требующее искусныхъ вождей, которые могли бы думать и заботиться за всѣхъ. Таковы и были: Евфимій великій, (+ 20 дек. 472), Маркеллъ, игумень обители акимитовъ въ Константинополѣ (+ около того же времени), Θεодосій, общихъ житій начальникъ (+ 529), Савва освященный (+ 533), Іоаннъ игумень синайскій, писатель *мтстоицы* (563 г.); на западѣ—Венедиктъ нурсійскій (+ 543 г.) Обязанности, налагаемыя положеніемъ строителя обители и начальника монашескую братію, были очень обширны и разносторонни. Онъ долженъ былъ обуздывать своевольныхъ иноковъ и быть духовнымъ руководителемъ братіи; онъ долженъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ заботиться и о матеріальныхъ нуждахъ обители, объ ея управленіи и расширеніи, о содержаніи братіи, объ угощеніи странниковъ и богомольцевъ: наконецъ онъ же долженъ былъ отъ лица монашескую братію выступать съ ходатайствами, а иногда и съ протестами предъ сильными міра сего и властію предержавшею. При исполненіи этихъ обязанностей часто встрѣчались значительныя затрудненія, или—выражаясь по монашески—*искушенія*. То своевольная братія волновалась до такой степени, что изгоняла самаго авву изъ обители; то хлѣбныя запасы въ обители оскудѣвали до такой степени, что нужно было ожидать чуда для ихъ восполненія; то сильные міра сего относились къ заявленіямъ аввы съ суровостію, быть можетъ весьма объяснимою, но въ то же время непріятною. Всѣ эти случаи встрѣчаются напр. въ *житіяхъ* Саввы освященнаго и Θεодосія, общихъ житій начальника. Объ огорченіяхъ, которые терпѣлъ св. Савва отъ своевольныхъ монаховъ въ *житіи* его повѣствуется слѣдующее: „На 48 году жизни преп. Саввы возмутились въ его лаврѣ нѣкоторые иноки, развращенные нравомъ и плотскіе смысломъ, духа не имѣющіе, которые давно уже всячески огорчали святаго. Ибо часто среди пшеницы появляются плевелы и терніе растетъ въ вертоградѣ,—и между апостолами нашлся одинъ предатель. Итакъ эти развращенные братія или—лучше сказать—лжебратія отправилась въ Іерусалимъ къ патриарху и про-

ени у него игумена. *Гдѣ вы живете?* спросилъ патриархъ. Они отвѣчали, что живутъ въ пустынѣ и наконецъ послѣ долгихъ распросовъ вынуждены были сознаться, что живутъ въ обители, называемой именемъ нѣкоего черноризца Саввы. *А гдѣ же Савва?* спросилъ патриархъ. Инокѣ вмѣсто отвѣта стали клеветать на святаго, говоря, что онъ человекъ простой и неискusstный и не можетъ управлять многими братьями, да ктому же и самъ не желаетъ принимать хиротонію. Тогда бывшій при патриархѣ пресвитеръ Кирикъ, хранитель честнаго древа крестнаго, спросилъ монаховъ: „вы ли приняли Савву къ себѣ или Савва принялъ васъ?“ Они отвѣчали: Савва принялъ васъ. „Если такъ“, — возразилъ патриархій пресвитеръ, — „если Савва могъ собрать васъ въ пустынномъ мѣстѣ, онъ же, при помощи Божіей, можетъ и управлять вами.“ Послѣ того патриархъ призвалъ къ себѣ св. Савву, рукоположилъ его во пресвитеры, и сказалъ непокорнымъ братьямъ: *вотъ вамъ отецъ и игуменъ вашей лавры, поставленный Богомъ, а не людьми.* — Прошло нѣсколько лѣтъ. Савва настоятельствовалъ въ своей лаврѣ и добрѣ все устроилъ, но ненавистники его не успокоились. Ихъ набралось уже до сорока человекъ. Неискусные умомъ и развращенные нравомъ, они дѣлали столько пакостей игумену, что онъ, уступая несправедному ихъ гнѣву, оставилъ свою лавру и удалился въ другое мѣсто, гдѣ также устроилъ монастырь. Спустя не мало времени Савва опять возвратился въ свою лавру, полагая, что враждебные ему иноки уже успокоились, но оказалось, что они пребываютъ въ прежней злобѣ и число ихъ возрасло до 60, и сколько ни старался Савва убѣдить эпитимію, но не могъ, ибо отъ его кроткихъ увѣщаній они еще болѣе раздражались. Савва опять удалился изъ своей лавры и на новомъ мѣстѣ основалъ новый монастырь. Между тѣмъ враждебные лавріоты распустили молву, будто Савва съѣденъ львами близъ Мертваго моря. и просили себѣ у патриарха новаго игумена. Вопреки ихъ желанію патриархъ возвратилъ въ лавру св. Савву съ слѣдующею грамотою къ лавріотамъ: „даю знать вамъ, о Христѣ братьямъ, что отецъ вашъ Савва живъ, а не съѣденъ звѣрями, какъ вы увѣдомляли. Онъ пришелъ ко мнѣ на праздникъ и я удержалъ его, считая несправедливымъ, чтобы онъ оставлялъ свою лавру, которую съ Божіею помощію, создалъ своими трудами. Примите своего отца усердно со всякою честью, ибо не вы его выбрали, а онъ васъ собралъ. Если же среди васъ найдутся монахи гордые и непокорные, которые не захотятъ поворотиться

Саввѣ, то повелѣваемъ имъ немедленно выдти изъ лавры, ибо нелѣпо отцу быть отчуждену отъ своей обители“. Посланіе патріарха имѣло слѣдствіемъ то, что враждебные Саввѣ иноки, разрушивъ игуменскую келлію, съ озлобленіемъ и ругательствами удалились вонъ изъ лавры и стали жить гдѣ-то въ еевутской долині въ большомъ оскуденіи. Ихъ оскудѣніе и нестроеніе растрогали св. Савву, который не переставалъ и послѣ того заботиться объ ихъ матеріальномъ и духовномъ устроеніи, хотя они на первое время отвергали эти заботы, говоря съ досадою: *и сюда пришелъ этотъ косоокій!*—Непослушаніе и своеволие братіи зависѣло впрочемъ иногда и отъ суровости настоятелей, возведенной въ то время въ принципъ. Св. Іоаннъ въ *Лѣтисловіи* (III) передаетъ не мало примѣровъ жестокихъ искушеній, какимъ подвергали аввы своихъ послушниковъ, чтобы научить ихъ смиренію. „Нѣкогда“, пишетъ онъ, „сидѣлъ я за трапезою съ игуменомъ, и онъ, святые уста свои приклонивъ къ уху моему, говоритъ: „хочешь ли покажу тебѣ при самой глубокой сѣдинѣ божественный образъ мыслей?“ Когда же я сталъ о томъ просить, игумень позвалъ со второй трапезы именуемаго Лаврентіемъ, около 48 лѣтъ пребывающаго въ обители и втораго въ монастырѣ пресвитера. Онъ пришелъ, преклонилъ колѣна предъ игуменомъ и принялъ отъ него благословеніе. Но когда всталъ,—игумень вовсе ничего не сказалъ ему и оставилъ его стоять предъ трапезою и не вкушать пищи; обѣдъ же только начинался, почему онъ стоялъ долгія часть или часа два. Мнѣ было уже стыдно взглянуть въ лице сему труженику, потому что былъ онъ весь сѣдъ и жилъ уже 80-й годъ. Такъ до окончанія обѣда простоялъ онъ безъ отвѣта. Когда же встали, игумень посылаетъ его сказать другому иноку Исидору начало 39 псалма.—Въ другой разъ игумень къ назиданію прочихъ напрасно напалъ въ церкви на эконома, велѣвъ безвременно выслать его. Я зная, что эконома не виновать, наединѣ сталъ оправдывать его предъ великимъ старцемъ. Мудрый отвѣчалъ мнѣ: „и самъ я зналъ это, отецъ; но какъ несправедливо и жалко вырывать хлѣбъ изъ устъ у голоднаго младенца; такъ и пекущійся о другихъ дѣлаетъ вредъ и себѣ и труженику, если не доставляетъ ему ежечасныхъ случаевъ приобрѣтать вѣнцы, какіе можетъ получить труженикъ, терпя или оскорбленіе, или безчестіе, или униженіе, или осмѣяніе.“ Вышеупомянутый игумень у Іоанна лѣствичника представляется идеальнымъ настоятелемъ.—Изъ житія св. Саввы видимъ, что и онъ подвергалъ своихъ

иноковъ искушеніямъ. Такъ нѣкогда св. Савва и его ученикъ на пути встрѣтили много мірянъ, и въ томъ числѣ красивую женщину. *Кажется двѣца на одно око слѣпа?* сказалъ Савва спустя немного времени. „Нѣтъ, отче,“ отвѣчалъ ученикъ, „она очень свѣтло смотритъ и глаза у нея отличные.“ *Почему ты въ этомъ такъ упренъ?* спросилъ св. Савва. „Я, отче,“ отвѣчалъ простодушный ученикъ, „прилежно смотрѣлъ на ея лице.“ Послѣдствіемъ этой бесѣды было то, что ученикъ былъ отправленъ въ Кастеллію на наказаніе.—Понятно, что подобнаго рода душеполезная строгость игуменовъ возбуждала въ нихъ монахахъ ропоть и неповорство. Но и съ послушною братією для настоятеля было много заботъ объ ихъ духовномъ благоустроеніи сообразно личнымъ особенностямъ каждаго.

Заботы о матеріальномъ благостояніи обители доставляли строителю также не мало искушеній. Самое коренное искушеніе состояло въ несовѣстности большихъ затратъ, требуемыхъ на содержаніе и украшеніе обители, съ обѣтомъ монашескаго нестяжанія. Иные строители какъ напр. преи. Савва жертвовали на свою обитель свое наслѣдственное, иногда очень большое, имущество; много помогали христіанскіе датели изъ мірянъ; но иногда, по свидѣтельству *житій*, ощущалось непосредственное участіе божественнаго промысла. Такъ въ *житіи* св. Саввы повѣствуется, что святой желалъ привкупить землю сосѣднюю съ обителью и въ надеждѣ на милость Божію отдалъ продавцу въ качествѣ задатка послѣднія полчервонца, обѣщаясь на утро доплатить остальное или потерять задатокъ. Ночью св. Савва стоялъ на молитвѣ и вотъ внезапно явился какой-то незнакомецъ, подаль св. Саввѣ 170 золотыхъ монетъ и безъ всякихъ объясненій удалился. Уплата за купленную землю была произведена и задатокъ не былъ потерянъ. Въ *житіи* св. Феодосія читаемъ, что нѣкогда въ недѣлю ваій множество нищихъ пришли въ монастырь за обычною милостынею; монахи говорили игумену, что нечѣмъ накормить такую толпу, но, по его приказанію, пошли въ хлѣбню и сверхъ ожиданія нашли тамъ множество хлѣбовъ. Такое же умноженіе хлѣбовъ совершилась и на праздникъ Успенія Богоматери.—Наконецъ заявленія настоятелей отъ лица монашескаго сословія по общимъ церковнымъ дѣламъ не чужды были нѣкоторыхъ опасностей. Мы не будемъ повторять разсказа о протестѣ св. Саввы и Феодосія противъ монофизитскихъ симпатій царя Анастасія (стр. 255—257), но

припомнимъ только, что, по словамъ *житій* царь грозилъ Саввъ и Θεодосію изгнаніемъ изъ палестинскихъ монастырей.

Завѣщанный монашествомъ VI вѣка, образъ святаго настоятеля и строителя обители близокъ русскому сознанию; знаменитѣйшіе русскіе святыя иноки (Θеодосій печерскій, Сергій радонежскій, Кирилль бѣлоезерскій, Зосима соловецкій, Пафнутій боровскій и Іосифъ володвій)—представляютъ въ себѣ воплощеніе этого типа, такъ что въ ихъ житіяхъ легко можемъ найти повтореніе житій аввъ V и VI вѣка. Тоже стремленіе къ устроенію главной обители и новыхъ монастырей, относящихся къ ней, какъ колоніи въ метрополіи, тоже разумное монастырское хозяйство, тѣже заботы о непослушной братіи, тѣже хлопоты о приѣмѣ богомольцевъ, богатыхъ и убогихъ,—характеризуютъ одинаково и древнихъ палестинскихъ и нашихъ русскихъ (а равно и современныхъ аеонскихъ) монастырскихъ строителей.

Упадокъ церковной литературы. Осужденіе умершихъ писателей. Преобладаніе легендарно-апокрифическихъ сказаній. Иноческая литература.

Уже въ минувшемъ *золотомъ* вѣкѣ церковной литературы обозначились нѣкоторыя примѣты ея будущаго безплодія, состоявшія въ пренебреженіи къ умственному наслѣдію классической древности, въ подавленіи духа любознательности и свободнаго изслѣдованія, въ поставленіи вравоученія на первомъ планѣ, въ стремленіи разъ навсегда опредѣлить, формулировать и возвести въ догматъ все содержаніе христіанскаго вѣдѣнія. Правда въ прошломъ періодѣ у церковныхъ писателей возможны были еще два направленія—*супранатуралистическое* и *умѣренно-раціоналистическое* (стр. 206) и халкидонскій соборъ, бывшій въ концѣ прошлаго періода, принадлежалъ ко второму направленію, и—по выраженію А. П. Лебедева (стр. 273)—*шесть сотъ отцевъ собора халкидонскаго на вѣки благословили богословскую науку и ея дѣло*,—но, какъ видно, благословеніе это относилось не къ ближашей эпохѣ, а къ болѣе или менѣе отдаленнымъ временамъ лучшаго будущаго. Громкій и блестящій вѣкъ Юстиніана, богатый искусными юристами, полководцами и архитекторами, и вообще образованными и талантливыми людьми, не представляетъ намъ ни одного знаменитаго церковнаго писателя. Едва ли это случайность. Скорѣе должно думать, что уму и таланту тяжело было въ области церковной литера-

туры, затѣсенной всевозможными авторитетами, начиная съ авторитета отцевъ и учителей церкви предыдущаго періода и кончая авторитетомъ догматическихъ указовъ и заявленій императора. Очень можетъ быть, что способные люди чуждались богословской литературы, какъ области, неблагоприятной для таланта, и относились къ ней съ тѣмъ холоднымъ индифферентизмомъ, который такъ высказывается у Прокочія. „Христіане,—говоритъ онъ,—разноглася между собою относительно вѣроисповѣданія, раздѣляются на партіи. Я хорошо знаю предметъ разногласія, но не буду о немъ распространяться. Ибо я считаю какимъ-то сумасброднымъ недоразумѣніемъ спорить о свойствахъ божественнаго существа, когда мы, думается мнѣ, не можемъ знать въ точности сокровенныхъ свойствъ человѣческихъ, а тѣмъ паче того, что относится къ существу Божію. По моему всего удобнѣе молчать объ этомъ, ограничиваясь тѣмъ, чтобы не отвергать господствующихъ вѣрованій. Я съ своей стороны ничего не скажу о Богѣ, кромѣ того, что Онъ благъ во всему существующему, и что все содержится въ Его власти. И пусть разсуждаетъ объ этомъ по своему усмотрѣнію каждый, іерей ли то, или мірянинъ.“ (Gotth. I, 3.) Припомнимъ, что и другіе талантливые дѣятели VI вѣка въ религіозныхъ вопросахъ держались такого же образа мыслей, какъ и Прокочій; Требоніанъ напр. слылъ даже аеенстомъ. Большаго повидимому процвѣтанія богословской литературы можно было бы ожидать тамъ, куда не проникало вліяніе византійскаго императора: напр. у монофизитовъ, несторіанъ и западныхъ христіанъ. Но еретическая литература, хотя и существовала, почти не дошла до насъ. ¹⁾ Литература запада представляетъ

¹⁾ На основаніи отрывочныхъ извѣстій, но въ логической послѣдовательности, излагаются разныя направленія монофизитской догматики въ сочиненіи г. Троицкаго: *изложеніе вѣры церкви армянской*. Спб. 1875. (стр. 136—164). Чтобы устранить двойство природъ во Христѣ, монофизиты могли идти двумя путями: α) или признать человѣческую природу *однородною* съ божественною, β) или признать человѣческую природу во Христѣ *фигитивною* и случайною *акциденціею*. По первому пути монофизиты прошли четыре стадіи, отмѣченныя въ сочиненіяхъ Діоскора, Тимофея Элура, Юліана Галикарнасскаго и Стефана Варсудаили. Монофизиты, стоявшіе на первыхъ трехъ стадіяхъ, обозначены у современниковъ характерными прозвищами *геопасхитовъ*, *афтартодокетовъ* и *актиститовъ*, а Стефанъ Варсудаили

нѣсколько смѣлыхъ и умныхъ сочиненій, (напр. Фаунда и Ферранда), но они не имѣютъ общаго значенія и составлены исключительно въ видахъ борьбы съ притязаніями императора анаеematствовать умершихъ писателей.

Анаеematствованіе умершихъ писателей и строгая цензура и критика ихъ произведеній представляетъ собою также характернѣйшую черту VI вѣка въ литературномъ отношеніи. Изсушивъ свободу и производительность религіозной мысли у современниковъ, цензурно-догматическій духъ вѣка не оставилъ въ покоѣ и предковъ, но положилъ и ихъ на Прокрустово ложе своей догмы. Особенно замѣчательно осужденіе Оригена. Этотъ благороднѣйшій и талантливый богословъ III вѣка еще при жизни былъ обвиняемъ въ свободомысліи, и чѣмъ далѣе шло время, тѣмъ болѣе и болѣе—такъ сказать—опережалъ своихъ потомковъ и представлялся вольнодумнымъ и неблагонадежнымъ. Поэтому рядомъ съ горячими почитателями Оригена всегда находились и строгіе хулители его. Наиболѣе животрепещущій интересъ представляло ученіе Оригена о загробной жизни. Любящая душа Оригена не могла примириться съ мыслию о вѣчности мученій, поэтому въ его сочиненіяхъ между строкъ высказывается убѣжденіе, что будетъ конецъ мученіямъ не только для грѣшнаго человѣка, но и для діавола. Это ученіе Оригена разумѣется было предметомъ наибольшихъ споровъ между монахами, мнившими оставить все въ сей жизни для того, чтобы възыскать жизни будущей. *Длгатели страха и — мѣды* были убѣждены, что съ отъятіемъ догмата о вѣчныхъ мученіяхъ послѣдуетъ

дошелъ даже до пантеизма. „Люди, достойные вѣроятія, (говоритъ современникъ), увѣрили, что видѣли на его кельѣ слѣдующую надпись: *вся природа единосушна съ Богомъ*,—и что надпись эту потомъ онъ снялъ изъ страха, какъ бы изъ-за нея не нажить себѣ бѣды.“ Далѣе пантеизма въ этомъ направленіи идти было уже некуда.—По второму пути шли Филоксенъ и Северъ, изъ которыхъ второй выработалъ относительно соединенія двухъ природъ во Христѣ формулу: *μία φύσις θεανδρική καί μία θεανδρική ενέργεια* — *единое божественное естество и единое божественное дѣйствіе*. Смыслъ этой формулы таковъ, что Иисусъ Христосъ всегда былъ *только Богомъ*, но въ совершеніи дѣла искупленія дѣйствовалъ иногда *по божески*, иногда *по человечески*; человѣкомъ же въ истинномъ смыслѣ этого слова онъ не былъ.

полюблѣнная нравственная распушенность; *дѣлатели же любви*¹⁾ полагали, что можно быть добродѣтельнымъ и безъ страха вѣчныхъ мукъ. Последняя мысль повидимому выражается въ слѣдующихъ словахъ св. Исаака Сирина. „Милосердіе противоположно правосудію. Правосудіе есть уравниваніе точной мѣры; потому что каждому даетъ, чего онъ достоинъ. А милосердіе ко всѣмъ сострадательно преклоняется; кто достоинъ худаго, тому не воздастъ зломъ, и кто достоинъ добраго воздаянія, того преисполняетъ съ избыткомъ... Какъ песчинка не выдерживаетъ равновѣсія съ большимъ кускомъ золота; такъ требованіе правосудія Божія не выдерживаетъ равновѣсія въ сравненіи съ милосердіемъ Божиимъ. Что горсть песку, брошенная въ великое море, то же грѣхопаденіе всякой плоти въ сравненіи съ Божиимъ промысломъ и Божіею милостію. И какъ обильный водою источникъ не заграждается горстью пыли; такъ милосердіе Создателя не препобѣждается пороками тварей.“ (Слово 89; въ русск. перев. стр. 508—509). „Будь проповѣдникомъ Божіей благодати; потому что Богъ правитъ тобою недостойнымъ; потому что много долженъ ты Ему, а взысканія Его не видно на тебѣ, и за малыя дѣла, тобою сдѣланныя, воздастъ Онъ тебѣ великамъ. Не называй Бога только правдивымъ къ тебѣ, потому что въ томъ, что дѣлается съ тобою, не даетъ себя знать правосудіе Его. Хотя Давидъ именуешь его правдивымъ и правымъ; но Сынъ Его открылъ намъ, что паче Онъ благъ и исполненъ благодати. Ибо говоритъ: *блазъ есть къ лукавымъ и нечестивымъ* (Лук. 6, 35)... Да не помыслимъ никогда сего беззаконія, чтобы Бога наименовать немилосерднымъ. Возлюби Его, какъ обязанъ ты любить Его, и не за то, что дастъ тебѣ въ будущемъ, но за то, что получили мы въ настоящемъ, и за этотъ одинъ міръ, который сотворилъ Онъ для насъ. Ибо кто въ состояніи воздать Ему? Гдѣ воздаяніе Ему въ дѣлахъ нашихъ? Кто убѣдилъ Его въ началѣ привести насъ въ бытіе? кто умоляетъ Его о

¹⁾ Заимствуемъ эти характерныя выраженія изъ св. Іоанна Лѣствника, который въ *Лѣствицѣ* (VIII, 27) говоритъ: „видѣлъ я трехъ виѣствъ потерпѣвшихъ безчестіе монаховъ. Одинъ почувствовалъ оскорбленіе, но смолчалъ; другой радовался о себѣ, но печалился о злословившемъ; третій же, вообразивъ, какой вредъ потерпѣлъ ближній, проливалъ горячія слезы. Такъ можно было видѣть здѣсь *дѣлателей страха, мзды и любви.*“

насъ, когда мы не вспоминаемъ о Немъ? Когда насъ еще не было, кто возбудилъ въ жизни это тѣло наше? И еще,—откуда мысль вѣденія западаетъ въ персть? О какъ дивно милосердіе Божіе!... Грѣшникъ не въ состояніи и представить себѣ благодать воскресенія Его. Гдѣ геенна, которая могла бы опечалить насъ? Гдѣ мученіе, многообразно насъ устрашающее и препобѣждающее радость любви Его? И что такое геенна въ сравненіи съ благодатію воскресенія Его, когда возставитъ насъ изъ ада, содѣлаетъ, что тлѣнное сіе облечется въ нетлѣніе, и падшаго во адъ возставитъ въ славѣ?.. Эта милость—воскреситъ насъ послѣ того, какъ мы согрѣшили, выше милости—привести насъ въ бытіе, когда мы не существовали. Слава, Господи, безмѣрной благодати Твоей!.. Слава Тебѣ за сіи два міра, который Ты создалъ въ нашему возрастанію и наслажденію всѣмъ, Тобою созданнымъ, возводя насъ къ вѣдѣнію славы Твоей,—слава Тебѣ отнынѣ и до вѣка!“ (Слово 90-е). Какое же мѣсто остается для геенны при такомъ преобладающемъ представленіи о милосердіи Божіемъ? „Говорю,“—отвѣчаетъ св. Исаакъ Сиріянинъ,—„что мучимые въ гееннѣ поражаются бичемъ любви. И какъ горько и жестоко это мученіе любви! Ибо ощутившіе, что погрѣшили они противъ любви, терпятъ мученіе, болѣе всякаго приводящаго въ страхъ мученія; печаль, поражающая сердце за грѣхъ противъ любви, страшнѣе всякаго возможнаго наказанія. Неумѣстна чловѣку такая мысль, что грѣшники въ гееннѣ лишаются любви Божіей. Любовь есть порожденіе вѣденія истины, которое (въ чемъ всякій согласенъ) дается всѣмъ вообще. Но любовь силою своею дѣйствуетъ двояко: она мучитъ грѣшниковъ... и веселитъ собою соблювшихъ долгъ свой. И вотъ, по моему разсужденію, таково геенское мученіе,—оно есть раскаяніе.“ (Слово 18). Если такъ,—то при идеѣ о безпредѣльномъ милосердіи Божіемъ, понятно, что это раскаяніе не можетъ быть ни безплодно, ни безконечно. И такимъ образомъ св. Исаакъ Сиріянинъ, хотя ни разу въ своихъ твореніяхъ не упоминаетъ имени Оригена, но по своимъ представленіямъ о загробной жизни приближается къ оригеновскому ученію о всеобщемъ возстановленіи. Подобнымъ же образомъ думали и другіе иноки—*дѣлатели любви*. Но такъ какъ *дѣлатели любви* составляли незначительное меньшинство, *дѣлателей же страха и мзды* было громадное множество, то власти духовныя и свѣтскія сочли необходимымъ принять въ расчетъ нравственное состояніе сихъ послѣднихъ, для которыхъ

оригеновское предположеніе о концѣ загробныхъ мученій могло послужить поводомъ къ нравственной распущенности. Это понятно: человекъ, въ пылу страсти, одоlvаемый искушеніями, можетъ еще до нѣкоторой степени сознательно рѣшиться перетерпѣть въ будущемъ большія мученія, но никто, не потерявъ разсудка, не согласится за какое бы то ни было удовольствіе подвергнуться мученіямъ безконечнымъ, разумѣется, если только увѣруетъ въ ихъ безконечность. Посему-то игумены палестинскихъ монастырей—въ томъ числѣ и препод. Савва,—быть можетъ отчасти въ дисциплинарныхъ видахъ, горячо ратовали противъ иноковъ оригенистовъ, разсуждая, что весьма испорченъ родъ сей и исполненъ всякаго лицемерія и неправды и только суровыми прещеніями можетъ быть сколько-нибудь удержанъ на пути добра. Вѣроятно также разсуждалъ и имп. Юстиніанъ, по предложенію котораго состоялось между прочимъ слѣдующее опредѣленіе противъ Оригена и его ученія: „кто говоритъ или думаетъ, что наказаніе демоновъ и нечестивыхъ людей временно, и что послѣ нѣкотораго времени оно будетъ имѣть конецъ, или что будетъ послѣ восстановленія демоновъ и нечестивыхъ людей, да будетъ анаѣема. Анаѣема и Оригену, прозванному адамантовымъ, изложившему это, вмѣстѣ съ его нечестивымъ и преступнымъ ученіемъ, и всякому, кто держится этихъ мыслей, или защищаетъ ихъ или какимъ-нибудь образомъ когда-либо осмѣлится повторять ихъ.“ (Дѣянія всел. соборовъ въ русск. переводѣ. V, 505). Въ настоящее время трудно конечно выяснить, какое вліяніе на нравственную и общественную жизнь произвело осужденіе Оригеновыхъ мнѣній, и въ частности мнѣнія о концѣ загробныхъ мученій, но несомнѣнно, что вліяніе это было велико. Мы знаемъ изъ исторіи, что нравственнаго подъема въ обществѣ не послѣдовало. Можемъ припомнить также слова св. Писанія: *страха нѣтъ въ любви, но совершенна любви вонъ изгоняетъ страхъ, яко страхъ муку имать, бояйся же не совершися въ любви.* (I Иоан. 4, 18). Можемъ также признать психологически вѣроятнымъ, что запуганные перспективою вѣчныхъ мученій, и въ тоже время не чувствуя въ себѣ силы подняться до высоты евангельскихъ идеаловъ, люди VI и послѣдующихъ вѣковъ, для своего спасенія прибѣгали къ средствамъ бесполезнымъ и даже положительно вреднымъ. Здѣсь, можетъ быть, имѣетъ свое начало обычай щедрыхъ вкладовъ на поминъ души, обычай предсмертнаго постриженія и разныя су-

евѣрія, стоящія въ связи ¹⁾ съ надеждою какъ-нибудь легкимъ способомъ избавиться страшной и безконечной муки.

Безсиліе литературы нашего періода и вмѣстѣ съ тѣмъ характерная ея черта высказались въ томъ, что даже по догматическимъ вопросамъ полемика велась не столько при помощи доказательствъ отъ разума и свящ. писанія, сколько при помощи разныхъ фантастическихъ разсказовъ, которые не имѣли въ себѣ никакихъ ручательствъ своей достовѣрности. Вотъ одинъ изъ подобныхъ разсказовъ, направленный сразу противъ всѣхъ еретиковъ и помѣщенный въ *Думъ дугосомомъ* (гл. 25). „Быль нѣкоторый старецъ въ лаврѣ каламонской, что около св. Иордана, именемъ Кириакъ, старецъ великій предъ Богомъ. Къ сему старцу пришелъ въ одно время братъ чужестранный, именемъ Теофилъ, изъ страны дарійской, спросить его о блудныхъ помыслахъ. Старецъ началъ говорить ему о цѣломудріи и чистотѣ. Братъ, получивъ великую пользу, говорить старцу: „господинъ авва! я въ моей странѣ нахожусь въ связи съ несторіанами, и по этой причинѣ не могу, а желалъ бы остаться съ тобою.“ —Старецъ, услышавъ имя Несторія и тронувшись погибелію брата, убѣждалъ и молилъ его оставить пагубную сію ересь и обратиться къ святой, соборной и апостольской церкви. Старецъ сказалъ ему, что нельзя спастись, если не будетъ право вѣровать и исповѣдывать, что св. Дѣва Марія есть истинная Богородица. Братъ отвѣчалъ старцу: „св. авва! всѣ ереси тоже говорить, что ежели съ нами не будешь имѣть общенія, не спасешься. Что же мнѣ дѣлать, не знаю я бѣдный. Помолись Господу, чтобы мнѣ познать истинную вѣру.“ Старецъ съ радостію принялъ предложеніе брата и сказалъ ему: останься въ моей кельѣ, и я надѣюсь на Бога, что его благость откроетъ тебѣ истину.—Оставивъ брата въ своей пещерѣ, вышелъ къ мертвому морю и сталъ молиться за него. И точно

¹⁾ На ряду съ осужденіемъ свободомыслящихъ и не подходящихъ къ духу вѣка древнихъ писателей, обнаружилась фальсификація древнихъ писателей,—появленіе подъ ихъ именами новоизготовленныхъ произведеній. Таковы напр., такъ называемыя *творенія Діонисія Ареопагита*, цитуемыя въ 1-й разъ монофизитами на соборѣ 534 г. (см. стр. 294), и подробно разсуждающія о небесной іерархіи, о девяти чинахъ ангельскихъ, т. е. о чемъ едва ли бы могъ разсуждать писатель I вѣка изъ аѳинскихъ грековъ. О твореніяхъ Діонисія Ареопагита есть въ русской литературѣ сочиненіе К. И. Скворцова (Кіевъ. 1871); егоже въ *трусахъ кievск. д. ак.* 1863 г. и св. Смирнова въ *Пр. об.* 1872. № 6.

около 9-го часа слѣдующаго дня братъ видитъ, что кто-то стоитъ предъ нимъ по виду страшный и говорить ему: поиди и познай истину. Взявъ его, приводитъ въ темное и смрадное, но жаркое мѣсто и показываетъ ему въ огнѣ Несторія, Евтихія и Аполлинарія, Евагрія и Диодима, Діоскора и Севера, Арія и Оригена и другихъ. Тотъ, который показалъ это мѣсто, сказалъ иноку: оно уготовано и для тѣхъ еретиковъ, которые учатъ нечестиво о пресвятой Богородицѣ, и для тѣхъ, кои послѣдуютъ ихъ ученію. Итакъ, если тебѣ нравится это мѣсто, оставайся при ученіи своемъ. Если же не хочешь подвергнуться подобному наказанію, обратись ко святой, соборной и апостольской церкви, въ которой принадлежитъ наставлявшій тебя старецъ. Я говорю тебѣ: если человѣкъ всѣ добродѣтели сотворить, но не будетъ право вѣровать, придетъ въ это мѣсто.“ Подобнаго рода легендарными разсказами переполнена вся литература нашего періода, о которой можно сказать, что изъ вѣка *золотаго* она перешла прямо въ вѣкъ *железно-скудельный*. Въ этихъ разсказахъ можемъ различить три группы: разсказы а) полемико-апологетическіе б) эсхатологическіе и в) демонологическіе.

Полемико-апологетическіе разсказы имѣютъ цѣлю доказать истину и божественное происхожденіе всѣхъ догматовъ, таинствъ, обрядовъ и установленій православной церкви. Въ дополненіе къ приведенному выше разсказу, представимъ еще нѣсколько подобныхъ. О Ефремѣ, патріархѣ антиохійскомъ (527—545 г.), разсказывается (ibid. 35) слѣдующее: „Услышавъ объ одномъ столпникѣ, что онъ принадлежитъ къ числу послѣдователей Севера и акефаловъ, Ефремъ пошелъ къ нему съ намѣреніемъ убѣдить его. Когда св. Ефремъ предсталъ предъ столпника и началъ убѣждать и умолять его, чтобы тотъ принялъ апостольское ученіе и приобщился ко святой соборной и апостольской церкви; то столпникъ отвѣчалъ: „я не приобщусь къ собору безъ (т. е. IV-му) размышленія“. Св. Ефремъ спрашиваетъ его: какъ ты хочешь, чтобы я показалъ тебѣ, что благодатію Господа нашего Иисуса Христа св. церковь свободна отъ всякой нечистоты еретическаго ученія? Столпникъ отвѣчалъ ему: „патріархъ! разведемъ огонь! я и ты войдемъ въ него, и кто выйдетъ невредимъ, тотъ православный, тому должны послѣдовать“.—Симъ думалъ онъ устрашить патріарха. Св. Ефремъ говоритъ столпнику: ты долженъ былъ послушаться меня, какъ сынъ отца, и ничего отъ меня не требовать: теперь ты требуешь отъ меня даже того, что выше силъ

моихъ; однако я надѣюсь на милосердіе живаго Бога, что для спасенія души твоей и это сдѣлаю. Послѣ сего говоритъ св. Ефремъ къ предстоявшимъ: Благословенъ Господь! принесите сюда дрова. Когда дрова были принесены, патриархъ, зажегши оныя предъ столпомъ, сказалъ столпнику: сойди, и по твоему требованію войдемъ въ огонь оба. Столпникъ, удивленный упованіемъ патриарха на Бога, не хотѣлъ сойти. Патриархъ говоритъ ему: не ты ли сего требовалъ? и неужели не хочешь исполнить своего обѣщанія? Тогда архіепископъ, снявъ свой омофоръ и подошедъ къ огню, началъ молиться: Господи, Иисусе Христе, Боже нашъ, благоволившій ради насъ поистинѣ воплотиться отъ Владычицы нашей пресвятой Богородицы и приснодѣвы Маріи, покажи намъ истину!—и повергъ омофоръ свой въ огонь. Огонь горѣлъ около трехъ часовъ; дрова сгорѣли, но омофоръ остался цѣль и невредимъ, совершенно ничего не потерпѣвъ отъ огня. Тогда столпникъ, увидѣвъ случившееся, совершенно убѣдился въ истинѣ, и, проклявъ Севера и ересь его, приложился ко св. церкви.* Въ другой легендѣ—также посредствомъ испытанія огнемъ—доказывается божественность христіанской вѣры и превосходство ея предъ іудейскою. Именно—во временахъ патр. Мины (536—55 г.) приурочивается такой рассказъ. „Жилъ въ Константинополѣ одинъ іудей, занимавшійся стекольнымъ дѣломъ и имѣвшій единственнаго сына, котораго и отдалъ учиться грамотѣ въбливи великой церкви (т. е. Софіи). Сосудохранитель великой церкви, имѣя остатки св. трапезы отъ немалаго времени, пригласилъ дѣтей, чтобы потребить оныя. Пришелъ и іудейчикъ и принялъ св. дары вмѣстѣ съ прочими христіанскими дѣтьми. Когда онъ возвратился къ родителямъ, отецъ спрашивалъ его: отчего ты, сынъ мой, такъ просвѣтлѣлъ? Мальчикъ отвѣчалъ: „вмѣстѣ съ христіанскими дѣтьми я вошелъ въ великую церковь и вкушалъ тамъ.“ А злохитрый оный—лучше сказать—звѣрь нежели отецъ (*μᾶλλον ἄνθρωπος ἢ κατήρ*) послѣ обѣда, взявъ съ собою сына, пошелъ въ мастерскую, бросилъ сына въ каминъ и, затворивъ дверцы его, ушелъ. Жена іудея, увидѣвъ ярость отца противъ сына, со тцаніемъ прибѣжала въ мастерскую, услышала голосъ мальчика въ каминѣ и за тѣмъ вытащила сына изъ камина невредимымъ. „Кто тебя, дитя мое, бросилъ въ каминъ?“ спрашивала мать, „и какъ ты не сгорѣлъ?“ Мой отецъ,—отвѣчалъ мальчикъ,—бросилъ меня въ каминъ, а норфиросная жена пришла и погасила пламень, говоря: *не бойся, дитя!* Услыхавъ это, мать была поражена и взявъ сына, поспѣшила къ па-

триарху Минѣ, рассказала ему все и просила принять ее вмѣстѣ съ сыномъ въ христ. вѣру. Патріархъ съ обоими отправился къ царю, который приказалъ позвать іудея—отца, разузнавъ дѣло, много увѣщевалъ его принять христіанство, но безуспѣшно,—почему и приказалъ его казнить, какъ убійцу собственнаго сына,—а іудейку по крещеніи сдѣлалъ монахиней или діакониссою (*ἀσκήτρια*), а мальчика чтецомъ.“

Приведемъ въ заключеніе еще одинъ чудесный рассказъ полемико-апологетическаго характера. „Одинъ палестинскій военачальникъ Гивимеръ едва опредѣлился къ сей должности, какъ захотѣлъ прежде всего поклониться св. Воскресенію Христа Бога, и когда уже готовъ былъ войти въ церковь, увидѣлъ барана, который шелъ на него и хотѣлъ поразить его рогами. Военачальникъ испугался и пошелъ было назадъ, но стоявшій здѣсь хранитель св. креста Азарій и привратники спросили его: что съ тобою сдѣлалось, господинъ? для чего не идешь? Онъ отвѣчалъ имъ: для чего вы пустили сюда этого барана? Они шумелись, начали осматривать св. гробъ, и, ничего не найдя, сказали ему: иди; тутъ ничего нѣтъ. Онъ еще попытался войти и снова встрѣтилъ того же барана, который шелъ на него и не позволялъ войти. Когда такое видѣніе начальнику повторилось нѣсколько разъ,—между тѣмъ какъ другіе ничего такого не видали,—тогда хранитель св. креста сказалъ ему: „повѣрь мнѣ, господинъ, у тебя что нибудь есть въ душѣ, за что тебѣ не дозволяется поклониться св. гробу Спасителя нашего. Посему прошу тебя принести покаяніе Богу. Онъ человеколюбивъ и милосердъ и по сему-то милосердію показалъ тебѣ это чудо.“—Начальникъ со слезами отвѣчалъ хранителю креста: „точно я виновенъ предъ Богомъ во многихъ и важныхъ грѣхахъ.“ И съ этими словами упалъ на землю, долгое время плавалъ и исповѣдывалъ грѣхи свои Богу; потомъ всталъ, опять хотѣлъ войти и опять не допущенъ былъ явившимся бараномъ. Тогда хранитель св. креста сказалъ ему: видно есть какое нибудь другое препятствіе. Начальникъ отвѣчалъ: „развѣ то мнѣ препятствуетъ, что я не православный, а послѣдователь Севера?“ И просилъ хранителя креста приобщить его святыхъ животворящихъ таинъ Христа Бога нашего. По принесеніи св. чаши онъ приобщился, и послѣ сего вошелъ въ пещеру гроба и поклонился; никакого видѣнія болѣе ему не было. (Дугъ духовный гл. 48).

Само собою разумѣется, что еретики могли составлять и вѣроятно составляли подобные же чудесные рассказы въ подтвержденіе своей догмы и—противъ православія.

Эсхатологическія сказанія нашего періода отражаютъ въ себѣ пригнетенное и запуганное міросозерцаніе эпохи, изображая яркими красками картины адскихъ мученій. Приведемъ для примѣра сказаніе о воинѣ таксіотѣ, ¹⁾ судя по внутреннимъ признакамъ относящееся къ времени имп. Юстиніана. Въ Кареагенѣ,—вѣроятно вскорѣ по завоеваніи этого города Юстиніаномъ въ 334 г.,—жилъ воинъ *таксіотъ*, большой грѣшникъ. Когда и въ Кареагенѣ проникла моровая язва, опустошавшая имперію при Юстиніанѣ, *таксіотъ* испугался, раскаялся во грѣхахъ и удалился изъ города на село, быть можетъ надѣясь на селѣ удобнѣе избѣгнуть заразы. Но старыя привычки брали верхъ: будучи на селѣ, *таксіотъ* впалъ въ прелюбодѣяніе съ женою земледѣльца. Вскорѣ послѣ этого *таксіотъ*, будучи ужаленъ змѣею, умеръ, но умеръ не совсѣмъ. Черезъ нѣсколько часовъ онъ ожилъ и рассказалъ мѣстному епископу и монахамъ слѣдующее: „Когда я умиралъ, видѣлъ я страшныхъ муриновъ, смутившихъ душу мою, видѣлъ также и двухъ прекрасныхъ юношей, взявшихъ душу мою и повесившихъ на высоту. Мы проходили черезъ различныя мытарства и дошли до мытарства блудныхъ дѣлъ. Тамъ остановили меня стражи и предъявили мнѣ мои блудныя дѣла, совершенныя отъ юности моей. „Эти грѣхи,“ — сказали ангелы, — „уже изглажены покаяніемъ“. — Но—возразили бѣсы,—онъ уже и послѣ покаянія прелюбодѣйствовалъ съ женою земледѣльца.“ И ангелы не нашли во мнѣ добраго дѣла, которое могли бы противопоставить этому грѣху и оставили меня въ рукахъ бѣсовъ, которые и низвергли меня въ преисподнія темницы адскія. Тамъ вѣчная тьма объемлетъ души грѣшниковъ, тамъ вѣчная мука, неутѣшный плачь и скрежетъ зубовъ. И нельзя изобразить словами тѣхъ бѣдствій; грѣшники плачутъ—и нѣтъ утѣшающаго, умоляютъ—и нѣтъ избавляющаго. Тамъ затворенъ былъ и я, и горестно рыдалъ отъ 3-го часу до 9-го. Потомъ я увидалъ малое сіяніе и двухъ ангеловъ, и сталъ умолять ихъ вывести душу мою на покаяніе. „Поздно уже молить,“ отвѣчали они, „никто отсюда не выходитъ до всеобщаго воскресенія.“

¹⁾ Ταξιότης, это не имя, а служебное положеніе воина, весьма не высокое,=рядовой солдатъ.

Я все-таки продолжалъ умолять. Тогда одинъ ангелъ спросилъ другаго: ручаешься ли за его покаяніе? *Ручаюсь*, отвѣчалъ тотъ и подаль руку. Тогда ангелы взяли душу мою и снова принесли въ тѣлу. И видѣлъ я что душа блеститъ, какъ дорогой камень, а мертвое тѣло черно и зловонно, какъ тина. И гнушался я войти въ него. Но ангелы связали мнѣ: „нельзя тебѣ покаяться иначе, какъ въ тѣлѣ, съ которыми ты согрѣшилъ. Иначе, отведемъ тебя обратно. „И тогда душа моя вошла въ тѣло, и я ожилъ. (Чегин-мин. подъ 28 марта.)

Демонологическіе рассказы также весьма распространены въ литературѣ нашего періода. Правда не свободна отъ нихъ и литература предшествующаго періода, въ частности иноческая литература; но въ первый разъ въ нашемъ періодѣ бѣсы являются полуматериальными существами и ведутъ дѣла съ людьми нотаріальнымъ порядкомъ, съ записью и неустойкою. Чтобы подтвердить это, приведемъ вкратцѣ *повѣсть о покаяніи эконома Теофила, писанную очевиднымъ свѣтлымъ Евтихіаномъ клирикомъ* (которая по содержанию нѣсколько похожа на известную русскую повѣсть XVII в. о Савѣ Грудницѣ.) Незадолго до нашествія персовъ (540 и слѣд. гл.), въ Аданѣ, городѣ второй Киликіи, жилъ экономъ при кафедральной церкви Теофиль. За свои добродѣтели онъ пользовался такимъ общимъ уваженіемъ, что граждане усиленно хотѣли возвести его въ мѣстные епископы, но онъ отказался по причинѣ крайняго смиренія, — и епископство досталось другому. Новый епископъ сначала обращался съ Теофиломъ внимательно, но потомъ уволилъ его отъ всѣхъ дѣлъ на покой. Огорченный Теофиль пришелъ въ крайнее малодушіе и уныніе; онъ воображалъ, что всѣ горожане смѣются надъ нимъ, не хотѣлъ выходить изъ дому и готовъ былъ пожертвовать чѣмъ угодно, лишь бы получить свою прежнюю должность, — готовъ былъ даже для этого продать свою душу бѣсу. Бѣсъ не заставилъ себя долго ждать, и тотчасъ же вступилъ въ сношенія съ унылымъ ех-экономомъ чрезъ посредство своего слуги волхва — жидовина, къ которому Теофиль обратился съ просьбою помочь горю. Еврей-повель Теофила въ полночь на городской ипподромъ, гдѣ производилось въ то время бѣсовское ристаніе, представилъ его предсѣдательствующему бѣсу, который, укоривъ Теофила за его прежнюю христіанскую жизнь, вмѣстѣ съ тѣмъ выразилъ свое желаніе помогать ему, но съ условіемъ, чтобы Теофиль отрекся отъ Маріи и ея сына и представилъ письменное отреченіе за собственно-

ручнымъ подписомъ. Теофилъ согласился. Обрадованный сатана простеръ бѣсовскія свои руки, обнялъ Теофила, началъ гладить его бороду и цѣловать его. Еврей подложилъ между тѣмъ приготовленную хартію и Теофилъ написалъ и закрѣпилъ печатью отреченіе отъ Христа и Богоматери. Послѣ дружескаго прощанія сатана и Теофилъ разстались. На другой день, *Божіимъ, думается, смотреніемъ, а не дьявольскимъ строеніемъ* (говоритъ составитель сей повѣсти), епископъ призвалъ Теофила, публично просилъ у него прощенія, возвратилъ ему экономскую должность и почтилъ сугубою честію. Теофила всѣ стали уважать болѣе прежняго. Но душа его была непокойна. Грѣхъ богоотступничества лежавъ на ней, какъ камень, и Теофилъ началъ сокрушаться и раскаяваться. Ктому же около этого времени еврей, бывший посредникомъ между сатаною и Теофиломъ, за премногія свои чарованія былъ подвергнутъ суду и сожженъ живой. Теофилъ еще болѣе сталъ тужить и унывать, наконецъ сложивъ съ себя экономскую должность, Теофилъ затворился въ одномъ пустомъ храмѣ и 40 дней и ночей калялся и плакалъ предъ иконою Богоматери. И былъ ему гласъ отъ иконы Богоматери—и не малая бесѣда. Сначала Богоматерь представляла Теофилу безмѣрную тягость его отступничества, а Теофилъ указывалъ на силу покаянія и примѣры прощенныхъ грѣшниковъ; потомъ Теофилъ выражалъ уныніе, а Богоматерь утѣшала его надеждою на милость Божію и свое ходатайство. Видѣніе Богоматери повторялось еще два раза. Въ послѣдній разъ Теофилъ видѣлъ въ снѣ Богоматерь, возвращающую ему его отступническое рукописаніе, и проснувшись дѣйствительно нашель у себя у груди свое рукописаніе съ ненетрунутою печатью. Наутріе въ день воскресный Теофилъ пришелъ въ соборную церковь, послѣ чтенія евангелія палъ къ ногамъ епископа и съ его разрѣшенія всенародно разсказалъ о своемъ грѣхопадѣніи и покаяніи. Въ заключеніе Теофилъ подалъ епископу свою запечатанную, выданную сатанѣ, богоотступническую хартію, которая и была прочтена діакономъ съ амвона, и всѣ дивились такой ужасной вещи. Затѣмъ Теофилъ, по приказанію епископа, публично сжегъ свою нечестивую хартію, и послѣ литургіи былъ приобщенъ св. таинъ; и просвѣтилось лице его какъ солнце. Спустя три дня Теофилъ умеръ и былъ погребенъ предъ иконою Богоматери, бывшей свидѣтельницею его покаянія. „А я Евтихіанъ, смиренный и грѣшный“ —(заключаетъ составитель повѣсти), „воспитанный въ дому блаженнаго Теофила и по ходатайству

его сподобившійся клиричества во св. каеодической церкви, служилъ господину моему во время печали и скорби его, и былъ очевидцемъ его покаянія и слышалъ ушами моими тб, что и написалъ истинно и справедливо на пользу благочестивымъ и во славу Христа Бога нашего, славимаго во вѣки. Аминь.“

Подобнаго рода фантастическіе рассказы были очень распространены въ византійской литературѣ и принимались съ полною вѣрою, такъ что въ большинствѣ не допускалось даже и предположенія о томъ, чтобы они могли быть плодомъ самообольщенія или сознательнаго обмана. Духъ времени дѣйствовалъ въ этомъ отношеніи одинаково какъ на востокѣ, такъ и на западѣ. Латинская литература также не бѣдна подобными сказаніями, которыя собраны между прочимъ въ *діалогахъ* св. папы Григорія. Приведемъ одно изъ римскихъ сказаній, имѣющее очевидною цѣлію доказать духовную связь апостола Петра съ римскими папами. „Есть въ Римѣ письменное преданіе, что когда папа Левъ писалъ посланіе ко св. Флавіану, патр. константинопольскому, противъ злочестивыхъ Евтихія и Несторія, то, написавъ, положилъ его на гробъ св. апостола Петра и молитвою, постомъ, коленнопреклоненіями просилъ верховнаго апостола: *отъ чемъ я какъ человекъ согрѣшилъ, ты, какъ пріѣхшій церковь отъ Господа и Бога нашего Иисуса Христа, исправь*. Спустя 40 дней апостоль явился молившемуся папѣ и сказалъ: *читалъ и исправилъ*. Папа взялъ посланіе съ гроба св. Петра, открылъ и нашелъ его исправленнымъ рукою апостола“. (Лугъ духовн. 175). Какъ ни тенденціозно это сказаніе, то оно нашло себѣ полную вѣру и на востокѣ.—Каково было вліяніе подобной литературы на народную мысль и жизнь? Кажется не ошибемся, если скажемъ, что тогдашней литературѣ недоставало двухъ важныхъ условий для благотворнаго вліянія, именно: свободы и правды.

Болѣе здоровою и сильною частію духовной литературы была литература спеціально-иноческая. Мы разумѣемъ главнымъ образомъ подвижническія слова св. Исаака Сиріянина (+ въ концѣ VII в.) и *мѣстичу* пр. Іоанна игумена синайскаго (+ 563 г.) Исаакъ Сиринъ былъ отшельникъ въ полномъ смыслѣ этого слова, находившій свое призваніе въ томъ, чтобы въ уединеніи заниматься богомысліемъ. Оставивъ для пустыннаго безмолвія епископскую кафедру, Исаакъ Сиринъ и въ сочиненіяхъ своихъ высказываетъ полную отрѣшенность отъ житейскихъ благъ и отъ практической дѣятельности.“ Если ты міря-

нинъ“, — читаемъ въ 14 словѣ — „то проводи время въ наслажденіи мірскими благами. А если ты инокъ, то украшайся дѣлами, какими отличаются иноки. Если же намѣренъ ты заниматься тѣмъ и другимъ, то утратишь то и другое. Дѣла инока слѣдующія: свобода отъ тѣлеснаго, въ молитвахъ тѣлесный трудъ и непрестанное сердечное памятованіе о Богѣ.“ „Тѣмъ, которые живутъ въ ангельскомъ чинѣ, не заповѣдано благоугождать Богу чѣмъ либо житейскимъ, т. е. заботиться о руководѣніи или брать у одного и подавать другому... Если же кто, противорѣча сему, упомянетъ о божественномъ Павлѣ апостолѣ, что онъ работалъ собственными руками и подавалъ милостыню; то мы скажемъ ему, что Павелъ одинъ и могъ сдѣлать все; мы же не знаемъ, чтобы другой былъ Павелъ, подобно ему, способный на все.“ Равнодушіе Исаака Сирина къ земнымъ благамъ такъ велико, что, по его мнѣнію, молиться Богу о дарованіи земныхъ благъ также несообразно, какъ обращаться къ царю съ просьбою о выдачѣ малаго количества навоза. — Творенія Исаака Сирина имѣютъ своимъ предметомъ общіе вопросы о судьбахъ міра и души человѣческой и носятъ на себѣ характеръ созерцательный, — о чемъ могутъ дать понятія приведенныя выше (стр. 326—7) выдержки о будущей жизни и геенскихъ мученіяхъ. Извѣстный славянофилъ И. В. Кирѣевскій (соч. I, 199) считаетъ творенія Исаака Сирина глубокомысленнѣйшимъ изъ всѣхъ философскихъ писаній. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о высокихъ достоинствахъ твореній св. Исаака, мы должны только сказать, что онъ почти не принадлежитъ къ современной византійской литературѣ; ибо онъ былъ сиріянинею, писалъ по сирски, жилъ вѣдѣ предѣловъ византійской имперіи и въ его міросозерцаніи мало общаго съ міросозерцаніемъ современныхъ ему византійцевъ. Болѣе характеренъ въ этомъ отношеніи св. Іоаннъ, игуменъ сипайскій, прозванный *лъствичникомъ*, отъ своего сочиненія озаглавленнаго, Κλίμαξ = *лѣстваца*. *Лѣстваца* представляетъ въ себѣ сборникъ афоризмовъ, относящихся до подвижнической жизни и по содержанію заимствована изъ многолѣтняго монашескаго опыта многихъ иноковъ. Но составъ и изложеніе книги принадлежитъ самому Іоанну лѣствичнику и въ этомъ отношеніи онъ можетъ считаться характернымъ представителемъ византійской литературы съ ея искусственностію и привязанностію къ аллегоріи и словеснымъ украшениямъ. Начнемъ съ самаго заглавія *Лѣстваца*. Заглавіе это въ предисловіи, принадлежащемъ одному изъ по-

читателей св. Іоанна, объясняется такъ: „книга сія непогрѣшительно, какъ бы за руку, ведетъ слѣдующихъ ей и несомнѣнно представляетъ утвержденную лѣствицу отъ земнаго во святая и показываетъ на вершинѣ оной утверждающагося Бога. Сію-то, думаю, лѣствицу видѣлъ и зачинатель страстей Іаковъ, повоясь на подвижническомъ ложѣ. Но съ усердіемъ и вѣрою, умоляю, будемъ восходить и мы симъ умнымъ и небожественнымъ восхожденіемъ“. И еще: „во образъ 30 лѣтъ Господня совершеннolѣтія, писатель книги знаменательно соорудилъ лѣстницу изъ 30 степеней, по которой, достигнувъ Господня возраста, окажемся праведными и безопасными отъ паденія.“ И самъ авторъ *лѣстницы* говоритъ: „по мѣрѣ скуднаго вѣденія, какое дано мнѣ, какъ немудрый архитекторъ, соорудилъ я лѣствицу восхожденія: послѣ этого пусть смотритъ каждый, на какой онъ стоитъ ступени.“ (XVII, 30).—Судя по этому, можно было-бы ожидать, что *лѣстница* изображаетъ 30 фазисовъ духовной жизни, обозначающихъ собою въ послѣдовательномъ порядкѣ восхожденіе человѣка къ совершенству. Но достаточно бѣлаго взгляда на оглавленіе книги для того, чтобы видѣть, что заглавіе *лѣстница* поставлено только для краснорѣчія, что по ступенькамъ этой *лѣстницы* нельзя восходить, потому что въ ней добродѣтели перемѣшаны съ пороками и вообще нѣтъ никакой постепенности. Приведемъ заглавія этихъ степеней: 1) объ отреченія отъ суетной жизни, 2) о безпристрастіи и безпечальной жизни, 3) о страннической жизни, 4) о мученичествѣ мужественнаго послушанія, 5) о покаяніи, 6) о памятованіи смерти, 7) объ очистительномъ плачѣ, 8) о тихой негнѣвливости, 9) о памятозлобіи, 10) о злорѣчіи, 11) о молчаніи, 12) о лжи, 13) объ уныніи, 14) о чревоугодіи, 15) о блудѣ и непорочности, 16) о сребролюбіи, 17) о нестяжательности, 18) о безчувствіи, 19) о самопопѣніи въ общемъ собраніи, 20) о различныхъ видахъ бдѣнія, 21) о боязни, 22) о тщеславіи, 23) о гордости, 24) о простотѣ, 25) о смиренномудріи, 26) о разсудительности, 27) о безмолвіи, 28) о невещественной молитвѣ и о терпѣніи, 29) о безстрастіи, 30) о любви.—Очевидно, что въ порядкѣ исчисленныхъ главъ нѣтъ никакого лѣстничнаго восхожденія. Одинъ изъ русскихъ духовныхъ писателей („Записки синайскаго богомольца“ въ *трудахъ кiev. д. ак.* 1873 г. № 3, стр. 379) даетъ такой отзывъ о твореніи св. Іоанна лѣстничника.“ Что выходитъ изъ разбора „лѣстницы“? Самое имя ея показываетъ, что въ ней должно идти дѣло о постепенномъ восхожденіи. И дѣйствительно, въ ней обовначены 30

ступеней подвижническаго возвышенія чловѣка къ образцу всякаго совершенства—Богу. Въ высшей степени желательно было бы, поучительно, и даже просто любопытно, имѣть подобное неоцѣненное руководство. Но есть ли оно? Дѣйствительно ли тутъ лѣствица? Точно ли это ступени, изъ коихъ съ одной надобно ступать на другую, и ни одной нельзя миновать? Думаю, что далеко нѣтъ. Скорѣе это 30 словъ или разсужденій подвижническихъ о разныхъ добродѣтеляхъ и добродѣтельныхъ состояніяхъ, условіяхъ ихъ, пособіяхъ и препятствіяхъ имъ, искушеніяхъ, паденіяхъ и пр., чѣмъ систематическое изложеніе духовнаго преуспѣянія чловѣка отъ начала до конца. Для примѣра остановимся на самой первой ступени „лѣствицы“. Она названа „отреченіемъ отъ міра“. Предполагается такимъ образомъ, что это есть дѣйствительное начало всего прочаго, подготовка ко всѣму дальнѣйшему, и потому самому есть легчайшая и простѣйшая изъ добродѣтелей иноческихъ. Между тѣмъ отреченіе отъ міра надобно считать послѣдствіемъ множества предшествовавшихъ духовныхъ состояній, плодомъ долговременной и усиленной работы надъ собою. Чтобы отречься отъ міра, кажется, необходимо прежде всего сознать себя грѣшникомъ и раскаяться (степень 5), возлюбить нестяжательность (ст. 17) и безмолвіе (ст. 11), приобрести мужество (21) и терпѣніе (28) и значительную долю безстрастія (29), прежде же всего этого—усвоить себѣ живую вѣру, полную надежду и горячую любовь къ Богу, что указывается на самой послѣдней ступени. Такъ что не ошибся бы кто нибудь, думаю, если бы „лѣствицу“ ту поставилъ низомъ вверхъ, и пошелъ по ней, запасаясь прежде всего вѣрою, безъ которой немислимъ никакой подвижъ, на второй ступени сталъ бы умѣрять свои страсти, на третьей—учился умной молитвѣ, на четвертой дѣлалъ—попытки безмолвія и отшельничества, и т. д. до самой послѣдней, т. е. первой, на которой отрекся бы совсѣмъ міра, и сталъ равноангельнымъ. Да проститъ мнѣ „богослественный“ Синай мое слово о его небошественной лѣствицѣ.“—Если св. Іоанну не удалось построить цѣлую книгу на основаніи аллегорическаго заглавія, то въ отдѣльныхъ мѣстахъ книги онъ успѣвалъ выдерживать довольно сложныя аллегоріи. Вотъ напр. аллегорическое изображеніе монашеской жизни подъ образомъ плаванія по морю. „Опасное, подлинно опасное море, переплываемъ мы, смиренныя монахи,—море, на которомъ много вѣтровъ, скалъ, водоворотовъ, разбойниковъ, урагановъ, мелей, звѣрей и волнъ. Подъ *скалою* для

души разумѣемъ свирѣпую и внезапную раздражительность. Подъ *овдворотомъ*—безнадежность, которая объемяетъ собою умъ и стремится увлечь его во глубину отчаянія. Подъ *мелю*—невѣжество, которымъ худое приемяется, какъ доброе. Подъ *звѣрями*—это тяжелое и свирѣпое тѣло. Подъ *рибойниками*—опасныхъ служителей тщеславія, которые расхищаютъ нашъ грузъ и трудъ добродѣтелей. Подъ *волною*—пресыщенное и обремененное чрево, которое своимъ стремленіемъ предаетъ насъ во власть звѣрю. Подъ *ураганомъ*—низверженную съ неба гордыню, которая насъ возноситъ и потомъ низводитъ до бездны.“ (XXVI, 15). Или вотъ аллегорическое изображеніе игумена подъ видомъ врача. „Запасись ты, досточудный, пластырями, порошками, глазами примочками, микстурами, губками, небрезгливостію, орудіями для сѣченія жилъ и для прижиганій, мазями, снотворными составами, ножомъ, перевязками. *Пластырь*—это врачество отъ страстей видимыхъ, то есть тѣлесныхъ: а *пріемъ* лекарства *онутри*, это—уврачеваніе страстей внутреннихъ, очищеніе невидимой северны. *Порошокъ*, это—безчестіе, ѣдкое и врачующее насъ отъ язвы самомиѣнія; *глазная же примочка*, это—очищеніе душевнаго ова ума, возмущеннаго омраченіемъ раздражительности. *Микстура* это—выговоръ, огорчающій и скоро врачующій. *Сѣченіе кровеносной жилы*, это—сѣченіе въ собственномъ смыслѣ, это—сильная и жестокая мѣра ко спасенію недужныхъ. *Губка*, это—послѣ сѣченія жилъ или другой операціи, попеченіе врача о больномъ въ снисходительныхъ и кроткихъ словахъ и подаваемая ему отрада. *Прижиганіе*—это правило и эпитимія, челоуѣколюбиво на время налагаемая для покаянія. А *мазь*, это—успокоеніе по прижиганіи, предлагаемое больному или въ словѣ, или въ маломъ утѣшеніи. Дать *снотворный составъ* значить—припять на себя бремя послушника, и подчиненіемъ даровать ему покой, недремленный сонъ и святую слѣпоту, чтобы не видѣлъ онъ своихъ совершенствъ. Употреблять *перевязки* значить—терпѣніемъ до самой смерти поддерживать и сдерживать разслабленныхъ и приведенныхъ въ изнможеніе тщеславіемъ. Конецъ же всего есть *ножь*; это—приговоръ объ отсѣченіи душевно-омертвѣвшаго и согнившаго члена, чтобы проказы своей не сообщалъ онъ прочимъ членамъ.—Счастливое свойство въ врачахъ—*небрезгливость*; а въ настоятеляхъ—безстрастіе.“ (Слово въ пастырю гл. 2). Разсуждая о той или другой добродѣтели или худой страсти, св. Іоаннъ олицетворяетъ ее и вступасть съ нею въ словопреніе, допрашивая,

кто ея родители, дѣти, враги и т. д. Вотъ напр. бесѣда лѣствичника съ чревоугодіемъ. „Скажи намъ, мучитель всѣхъ смертныхъ, купившій всѣхъ за златникъ ненасытности: „какъ нашель ты доступъ къ намъ? и что обыкновенно рождаешь по вшестви твоемъ? и каково изшествіе твое отъ насъ“? И чревоугодіе, раздраженное сими оскорбленіями, съ яростію устремляясь на насъ и свирѣпѣя, отвѣтствуетъ: „за что осыпаега меня укоризнами вы, ставшіе моими подвластными? какъ усиливаетесь разлучиться со мной? Я связана съ вами природой. Мнѣ дверь—свойство снѣдей; причина моей ненасытмости—привычка; основаніе моей страсти—навыкъ, безчувствіе души и непамятованіе смерти. Домогаются узнать, какъ имена моимъ исчадіямъ? Перечтемъ ихъ и превзойдутъ числомъ песокъ. Выслушайте по крайней мѣрѣ, какъ именуются мои первенцы и любимыя чада. Первородный сынъ мой—приспѣшникъ блуда; второй по немъ—жестокосердіе, а третій—сонливость; отъ меня происходитъ море помысловъ, волны сквернъ, бездны несказанныхъ нечистотъ. Дочери мои—лѣдность, многословіе и проч.; отчаяніе же—самая злая изъ всѣхъ моихъ дочерей. Возстаега на меня, но не побѣждаетъ,—памятованіе грѣхопаденій. Всегда враждебна мнѣ мысль о смерти; но ничто не истребляетъ меня совершенно въ людяхъ. Кто пріялъ Утѣшителя, тотъ побораетъ меня, и умоленный имъ Утѣшитель не попускаетъ мнѣ дѣйствовать страстно. А не вкусившіе его дара непременно ищутъ услажденія моего сладостію.“ (Лѣств., XIV, 357). Вообще по искусственности, любви къ аллегоріямъ и олицетвореніямъ книга св. Іоанна лѣствичника напоминаетъ литературную манеру латинскихъ и южно-русскихъ проповѣдниковъ XVII вѣка. Встрѣчаются также и произвольныя примѣненія св. писанія. Напр. „намѣреваясь съ усердіемъ и горячностію проходить монашеское поприще, разумно внимаемъ, какъ Господь о всѣхъ пребывающихъ въ мірѣ, даже и о живыхъ, далъ приговоръ, что они мертвы, сказавъ кому-то: *остави мертвыхъ* т. е. мірянъ *погребать* мертвыхъ тѣломъ.“ (Лѣств. II, 5.) Или еще: „будь, какъ царь въ сердцѣ своемъ, превознесенный въ смиреніи, и повелѣвай смѣху: *иди и идетъ*; и сладостному плачу: *прииди и приидетъ*; и рабу и мучителю нашему—тѣлу: *созори сіе—и сотворишь*.“ (ibid. VII. 39). Но нельзя отрицать и того, что несмотря на нѣкоторыя литературныя несовершенства *Лѣствичны*, въ которыхъ выражается общій литературный упадокъ вѣка,—большая часть афоризмовъ *Лѣствичны* заключаютъ въ себѣ богатство духовной опытности и про-

изводятъ въ душѣ читателя доброе нравственное настроеніе. Столѣтіемъ ранѣе Іоаннъ лѣствичникъ былъ бы не очень замѣтенъ въ ряду другихъ знаменитыхъ церковныхъ писателей, но въ VI вѣкѣ онъ явился — такъ сказать — литературнымъ гигантомъ. Кромѣ празднованія памяти его 30 марта, церковь установила особое празднованіе ему, какъ писателю *лѣствницы*, въ 4-е воскресенье великаго поста, воспѣвая такъ: *κάρπους ἀειθάλεις ἐκ τῆς βίβλου προσφέρων διδάγματα σοφείας, καθήθους καρδίας τῶν τούτοις μετὰ νηψείως προσευχόντων μακάριε. Κλίμαξ γάρ ἐστι ψυχᾶς ἀναγούσα γῆθεν πρὸς οὐράνιον καὶ διαμένουσαν δόξαν, τῶν πίστει τιμῶντων σε. Лѣствница* обязательно читалась въ монастыряхъ во св. сорокатысячницу.

ЦЕРКОВНЫЯ УЗАКОНЕНІЯ ВЪ ВѢКЪ ЮСТИНИАНА. ВОСТОЧНЫЕ ХРИСТІАНЕ ВНѢ ПРЕДѢЛОВЪ ИМПЕРІИ.

Въ нашемъ періодѣ мы видимъ сравнительно мало знаменитыхъ церковныхъ писателей и подвижниковъ христіанской добродѣтели. Канонизованныхъ святыхъ все еще очень довольно, но замѣтно вмѣстѣ съ тѣмъ, что канонизованіе нѣкоторыхъ высокопоставленныхъ архіереевъ — напр. константинопольскихъ патріарховъ — входитъ уже въ обычай, какъ бы въ силу ихъ первенствующаго іерархическаго положенія. Такъ изъ 15 столичныхъ патріарховъ нашего періода 10 (Анатолій, Геннадій, Евфимій, Македоній, Іоаннъ ваппадокіанинъ, Елифаній, Мина, Евтихій, Іоаннъ схоластикъ, Іоаннъ постникъ) канонизованы, такъ что для тогдашняго византійскаго патріарха представлялось столько же вѣроятности сподобиться включенія въ календарь, сколько напри- мѣръ для современнаго русскаго митрополита — получить орденъ св. Андрея первозваннаго. Само собою разумѣется, что эта канонизація имѣла силу только въ средѣ господствующей православной церкви, — у египетскихъ же монофизитовъ и другихъ отдѣлившихся христіанъ были свои святые, противопоставляемые православнымъ святителямъ. Такъ напр. въ коптскомъ календарѣ подъ 7 сентября находимъ *память Діоскора патріарха александрійскаго*, — подъ 2 октября *присестіе Севера патріарха антїохійскаго*. (См. въ книгѣ пр. Порфирія Успенскаго *о коптахъ* Спб. 1856 ст. 95 и 97). Но если въ нашемъ періодѣ упало инокство и оскудѣла духовная литература, за то развилось церковное право. Вмѣсто живыхъ носителей христіанскаго идеала, выступили впередъ блѣдныя и безкровныя юридическія нормы. Нормы эти по самому существу своему не могутъ соотвѣтствовать высотѣ хри-

стіанскаго идеала, ибо *quod non vetat lex, vetat pudor*; онъ не ручаются даже за извѣстную степень приближенія къ христіанскому идеалу, ибо, опредѣляя внѣшнюю форму благоустроеннаго быта, не могутъ вѣсть духа жизни, безъ котораго узаконеніе—или остается только на хартіи или, переходя въ жизнь, даетъ результаты, противоположныя ожиданіямъ.—

Въ вѣкъ Юстиніана, давшаго систематическій видъ гражданскому праву, много сдѣлано и для церковнаго права, какъ относительно содержанія его, такъ и относительно формы. Будучи представителемъ идеи цезарео-папства (см. стр. 282—284), Юстиніанъ исходнымъ пунктомъ и вмѣстѣ конечною цѣлюю для своей законодательной дѣятельности поставилъ союзъ между церковію и государствомъ. „Всевышняя благость“, разсуждаетъ императоръ (нов. 9, praefat.), „сообщила человечеству два великіе дара: священство (*sacerdotium*) и царскую власть (*imperium*). Исходя отъ одного начала (Бога), они совокупно украшаютъ жизнь человѣческую. Посему нѣтъ важнѣйшей заботы для государей, какъ благоустроеніе священства, которое съ своей стороны служить имъ молитвами къ Богу. Когда и церковь во всѣхъ частяхъ своихъ благоустроена и государственное управленіе держится твердо и путемъ законовъ направляетъ жизнь народовъ къ истинному благу, то возникаетъ добрый и благотворный союзъ церкви и государства, столь благодѣтельный для человечества.“ Послѣдствіемъ этого союза между церковію и государствомъ по отношенію къ церковному праву было то, что царская власть съ одной стороны признавала авторитетъ существовавшихъ уже церковныхъ постановленій (*sacros canones*,—говоритъ Юстиніанъ *cod. lib. b., tit. 3, cap. 45—non minus, quam leges valere etiam nostrae leges volunt: sancimus obtinere, et quae sacris visa sunt canonibus, perinde ac si civilibus inscripta essent legibus. Quod sacri canones prohibent, per nostras etiam abolemus leges*); съ другой стороны царская власть считала себя въ правѣ продолжать дѣло церковнаго законодательства, сообразуясь съ существующими канонами и принимая во вниманіе голосъ іерарховъ. Въ исторіи царствованія Юстиніанова мы изложили уже его законы относительно еретиковъ, иновѣрцевъ, относительно нравственныхъ аномалій византійскаго общества, и другія законодательныя мѣры, тѣсно связанныя съ ближайшею современностію. (См. стр. 285—286; 290—292). Намъ остается изложить законы Юстиніана относительно духов-

наго сословія, которые на много лѣтъ пережили Юстиніана и уцѣлѣли отчасти до настоящаго времени.

Относительно епископовъ Юстиніанъ законополагалъ слѣдующее: кандидатъ во епископы долженъ имѣть болѣе 30 лѣтъ отъ роду (novell. 137 cap. 2—по другой новеллѣ не менѣе 35 лѣтъ nov. 123, cap. 1). Онъ долженъ быть безбраченъ или по крайней мѣрѣ бездѣтенъ. „Едва ли возможно“, разсуждаетъ императоръ (codex, lib. I, tit. 3, cap. 42), „чтобы семейный челоѣкъ, при ежедневныхъ попеченіяхъ о дѣтяхъ своихъ, обращалъ всѣ свои труды и мысли на служеніе Богу и церкви. Нѣкоторые, движимые духомъ христіанскаго благочестія, дарятъ все свое имущество церквамъ съ тою цѣлю, чтобы оно было употреблено на бѣдныхъ и на другія благочестивыя потребности. Но было бы неприлично, если бы епископъ воспользовался этимъ для своихъ дѣтей и родственниковъ. Въмѣсто этой плотской склонности, онъ долженъ быть отцемъ всѣхъ вѣрующихъ.“ Кромѣ того кандидатъ во епископы долженъ быть безуворизненъ по жизни, православенъ, образованъ и свободенъ отъ занятій по общественной или военной службѣ. Мірянинъ, избираемый во епископы, долженъ предварительно пребыть не менѣе трехъ мѣсяцовъ въ составѣ клира (novell. 123). Не видно, чтобы къ избранію епископовъ былъ допущенъ въ то время народъ, составлявшій паству, какъ бывало въ болѣе раннія времена. Это не согласовалось бы съ упадкомъ политической свободы при Юстиніанѣ. „Когда нужно будетъ избрать епископа,“ законополагалъ Юстиніанъ (nov. 123 и 127), „то клиръ и вельможи (optimates) того города, для котораго необходимъ епископъ, принявъ во вниманіе всѣ правила о избраніи епископа, должны назначить по общему согласію трехъ кандидатовъ (или по крайней мѣрѣ двухъ, а въ случаѣ крайности и одного), и потомъ приговоръ объ избраніи утвердить собственноручною подписью и клятвою предъ св. евангелиемъ, что они избираютъ извѣстныя имъ лица, не за подарки, не за какое-либо обѣщаніе, ни по дружбѣ, но по несомнѣнной увѣренности, что избираемые ими лица просвѣщенны по вѣрѣ, честны по жизни“ и т. д.

Право окончательнаго выбора и посвященія принадлежало патріарху или митрополиту. Митрополитъ имѣлъ право утверждать и рукополагать епископа въ предѣлахъ своей области (novell. 137). Патріархъ имѣлъ право утверждать и рукополагать митрополитовъ своего патріархата—кромѣ митр. ефесскаго и вesarійскаго.—(novell. 7, cap. 1).

Самъ патріархъ утверждался императоромъ, а рукополагался всѣми епископами своего патріархата. (нов. 131). Принимавшій рукоположеніе давалъ увѣреніе въ неподкупности своего избранія и произносилъ торжественно исповѣданіе вѣры и клятву въ соблюденіи церковныхъ правилъ (нов. 6. сар. 1., нов. 137. сар. 2).—Послѣдующая жизнь епископа была обставлена слѣдующими правилами. Епископъ долженъ былъ жить безотлучно въ предѣлахъ своей епархіи, и могъ выѣзжать въ столицу только по крайней надобности или по вызову императора, —и во всякомъ случаѣ не болѣе, какъ на одинъ годъ. (Cod. I, tit. 3, сар. 43). Впрочемъ епископъ не только могъ, но даже долженъ былъ являться на ежегодные помѣстные соборы къ митрополиту или патріарху, при чемъ на соборѣ епископы занимали мѣста по старшинству лѣтъ и такимъ образомъ засѣдали и подавали голоса и подписывали свои имена. (Nov. 123, сар. 10 и нов. 137, сар. 4). Юстиніаномъ была опредѣлена и другая градація епископовъ соотвѣтственно важности занимаемыхъ ими каедръ. (нов. 131, сар. 2). Епископъ въ своей епархіи долженъ жить свято и поучать свою паству словомъ и примѣрамъ. „Епископамъ,“ разсуждалъ Юстиніанъ, „единственно приличны посты, ночныя бдѣнія, размышленія о Христѣ и молитвы.“ (Cod. I, tit. 3. сар. 34). Посему епископамъ воспрещено было—подъ угрозою 3-лѣтней ссылки въ монастырь на покаяніе—играть въ кости и присутствовать на зрѣлищахъ, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ они необходимо были бы свидѣтелями непристойныхъ дѣлъ и богомерзкихъ словъ (нов. 123, сар. 10). Что касается до обширныхъ предѣловъ власти епископской, то объ этомъ отчасти мы говорили уже выше (стр. 285—286); вообще же она по своему пространству соотвѣтствовала—съ нѣкоторымъ избыткомъ—древнерусской епископской власти, какъ эта послѣдняя опредѣляется въ такъ называемыхъ *уставахъ Владимира и Ярослава*.

Причисляемый къ клиру, — по законамъ Юстиніана — долженъ имѣть опредѣленный возрастъ, для священства—не менѣе какъ 35-лѣтній, для діаконства и уподіаконства 25-лѣтній, для причетничества 18-лѣтній. Всякій клирикъ долженъ быть грамотенъ, благочестивъ и благоустроенъ въ своихъ семейныхъ отношеніяхъ. Принимающій священство или діаконство долженъ былъ или давать обѣтъ безбрачія или быть женатъ, но не на вдовѣ или разведенной съ мужемъ; причетникъ же могъ жениться и послѣ посвященія. Въ предотвращеніе сн-

моніи какъ рукополагаемый такъ и рукополагающій должны были вѣтвенно—подъ страхомъ лишенія сана—засвидѣтельствовать, что за рукоположеніе не было ничего не дано, ни взято, ни даже обѣщано. Всякій клирикъ находился въ полномъ подчиненіи мѣстному епископу и долженъ былъ—подъ угрозою 3-лѣтней эпитиміи въ монастырѣ—удаляться отъ мірскихъ игръ и зрѣлищъ, не ходить на ипподромъ, не играть въ кости, и даже не сидѣть между играющими. „Священнослужители должны помнить—разсуждалъ императоръ (cod. I, tit. II, cap. 34 и пов. 123),—что сами же они требуютъ отъ принимающихъ св. крещеніе отрицаться сатаны и всей гордыни его; значительную же часть гордыни діавола составляютъ позорныя зрѣлища.“—Клирикамъ воспрещено было принимать на себя мірскія общественныя должности, напр. быть сборщиками податей, управителями помѣстій и т. д.,—но за то они освобождены были отъ податей и повинностей и имѣли право пользоваться какъ доходами съ имуществъ, завѣщанныхъ иму благодѣтелями, (пов. 57, с. 2, пов. 123, cap. 18, пов. 16, пов. 6, cap. 8),—такъ и добровольными приношеніями отъ прихожанъ (Cod. I, tit. 3. cap. 1 и 50).

Иноки при Юстиніанѣ окончательно вошли въ составъ духовнаго сословія и получили закономъ опредѣленное положеніе. Доступъ въ монашество былъ широко открытъ. Родители не имѣли права удерживать дѣтей своихъ отъ поступленія въ монашество или лишать ихъ за это наслѣдія. Равнымъ образомъ и супруги могли по взаимному согласію или оба поступить въ монашество или одно лице изъ нихъ, при чемъ закономъ охранялись имущественныя права лица, принимавшаго монашество (пов. 123. с. 39—41). Также и рабы съ согласія господъ могли принимать монашество (пов. 5. с. 2). Ни грамотности, ни предварительной безпорочной жизни отъ принимающихъ монашество не требовалось; напротивъ какъ баня, омывающая совѣсть, монашество и считалось особенно пригоднымъ для большихъ грѣшниковъ. Постриженію долженъ былъ предшествовать 3-лѣтній искусь, который впрочемъ для лицъ благонадежныхъ могъ быть и сокращаемъ (пов. 123, cap. 15). Поведеніе иноковъ было опредѣлено строгими правилами. Монахи должны были подчиняться мѣстному епископу, постоянно пребывать въ своемъ монастырѣ, не вмѣшиваться ни въ церковныя, ни въ гражданскія дѣла, между собою сохранять тишину, упражняться только въ постѣ и молитвѣ (пов. 5, cap. 1. пов. 131, cap. 7). Мона-

стыри должны быть ограждаемы стѣнами: мірянамъ внутрь стѣнъ позволялось входить только въ случаѣ особой надобности, и притомъ мужчинамъ только въ мужскіе, а женщинамъ только въ женскіе монастыри. (пов. 123. сар. 35—36). На практикѣ постриженіе въ монахи и въ клирики—со временъ Юстиніана и даже ранѣе—стало употребляться какъ видъ политической смерти для лицъ попавшихъ въ опалу у правительства. Такъ былъ постриженъ въ клирики Іоаннъ каппадокіянинъ, первый министр Юстиніана.

Законодательная дѣятельность временъ Юстиніана отразилась и въ наукѣ церковнаго права. Почувствовалась потребность въ систематическомъ собраніи церковныхъ законовъ. Трудно было довольствоваться хронологическимъ изложеніемъ канонныхъ, слѣдуя порядку соборовъ и отцевъ, составившихъ правила. Въ виду быстрого накопленія государственныхъ законовъ, относящихся къ предметамъ церковнаго управленія, необходимо было извлечь на нихъ и собрать особо все, касавшееся церкви. Необходимо было наконецъ для удобства въ употребленіи расположить и каноны, и царскіе законы относительно церкви—по предметамъ содержанія. Этой потребности удовлетворилъ *Іоаннъ схоластикъ*, (ex ordine scholasticorum), сначала адвокатъ, потомъ пресвитеръ антиохійскій, наконецъ патріархъ константинопольскій. (565—578 г.) Еще будучи пресвитеромъ, онъ составилъ сборникъ церковныхъ канонныхъ, раздѣленный на 50 главъ или титуловъ. Сдѣлавшись патріархомъ, онъ извлекъ изъ Юстиніановыхъ новеллъ постановленія, относящіяся къ церкви, и расположилъ въ 87 главахъ. Этотъ сборникъ помѣщенъ въ Кормчей книгѣ (гл. 42) подъ заглавіемъ: *отъ свитки божественныхъ новыхъ заповѣдей... царя Юстиніана*. Въ ряду константинопольскихъ патріарховъ VI вѣка былъ и другой церковный юристъ—*Іоаннъ постникъ* (582—595), составившій покаянный или эпитимійный номоканонъ, т. е. руководство для духовниковъ съ назначеніемъ эпитимій, болѣе снисходительныхъ, чѣмъ какія значатся въ правилахъ св. Василія великаго, но сравнительно съ практикою настоящаго времени все еще очень строгихъ.

Само собою разумѣется; что кругъ дѣйствія византійскаго церковнаго права ограничивался предѣлами господствующей православной церкви въ византійской имперіи. А предѣлы эти все болѣе и болѣе сужались. Стремленіе къ національной обособленности коптовъ, армянъ, сирійцевъ и ихъ недовольство византійскою центральною администраціею давно уже побуждало этихъ окраинныхъ провинціаловъ къ сепаратизму, выражавшемуся въ томъ, что они держались особаго мнѣнія по хринологическимъ вопросамъ и отвергали рѣшенія—иные—III, а большинство—IV халкидонскаго собора. (См. стр. 180). Нивакіе компромиссы, предлагаемыя центральнымъ правительствомъ, не удовлетворяли упрямыхъ провинціаловъ. (Стр. 246—249). Но еще болѣе долженъ былъ раздражать ихъ духъ нетерпимости, проникающій законодательство Юстиніана относительно еретиковъ и противниковъ церкви. (стр. 292). Чтобы провѣрить это, мы можемъ обратить вниманіе на отзывы армянскаго историка объ императорахъ нашего времени. Вотъ отзывъ армянскаго историка католикоса Іоанна VI о Зенонѣ и Анастасіѣ. „Въ то время умеръ, пребывая на своемъ тронѣ, благочестивый, религіозный и славный царь римскій Зенонъ. До его воцаренія все было покрыто густымъ и мрачнымъ облакомъ ненавистной ереси. Но Зенонъ отвергъ соборъ халкидонскій, разсѣялъ мракъ и процвѣло въ церкви Божіей дивное, пресвѣтлое и истинное ученіе апостольское. Послѣ Зенона возшелъ на тронъ бодрый Анастасій. Онъ также былъ горячій другъ истины, какъ и Зенонъ,—и даже болѣе; всѣ его дѣйствія были пріятны Богу, и онъ крѣпко былъ привязанъ къ святому ученію св. отецъ. По его приказанію были писаны окружныя посланія, анаеѣматствовавшія всѣ ереси и соборъ халкидонскій“. Но совершенно другой отзывъ даетъ армянскій историкъ объ имп. Юстиніанѣ. „Послѣ Анастасія царствовалъ нечестивый Юстиніанъ: это былъ человѣкъ злой, который хотѣлъ все разрушить, все перемѣнить и возобновить ересь собора халкидонскаго; онъ удручалъ оскорбленіями, притѣсненіями и жестокими муками всѣхъ святыхъ людей и всѣхъ, которые держались св. ученія, и погружалъ св. церковь въ безднѣ крови.“ (Hist. d'Armenie par le patriarche Jean).

Враждебное отношеніе провинцій къ византійской центральной власти предвѣщало въ ближайшемъ будущемъ ничто иное, какъ совершенное отпаденіе Арменіи, Египта и Сиріи отъ церковнаго и политическаго союза съ имперіею. Такъ дѣйствительно и случилось. Ар-

мянскій патріархъ Бабкенъ на помѣстномъ соборѣ изъ епископовъ своего народа въ 491 г., произнесши анаѳему на несторіанъ и послѣдователей Евтихія, вмѣстѣ съ тѣмъ объявилъ себя противъ халкидонскаго собора. Египетскіе туземцы, извѣстные подъ именемъ *кoptовъ*, въ 536 г. избрали себѣ особаго патріарха и составили національную церковь съ употребленіемъ мѣстнаго языка при богослуженіи; небольшое число—большую частію пришлыхъ—приверженцевъ центральной власти и халкидонскаго собора уцѣлѣло только въ городахъ и называлось *мелхитами* (отъ слова *мелехъ* царь). Сирскіе монофизиты или яковиты въ 541 г. также завели себѣ туземную іерархію, первымъ представителемъ которой былъ Іаковъ Барадей. Несторіане, преслѣдуемые въ предѣлахъ имперіи, удалились въ Персію, и впоследствии во время персидскихъ войнъ храбро сражались противъ своихъ прежнихъ единомыслителей. Движимые духомъ миссіонерства, несторіане пронесли проповѣдь христіанства на востокъ до Китая и до Индіи, гдѣ и доселѣ напоминаетъ о несторіанскомъ миссіонерствѣ маленькая колонія такъ называемыхъ *христіанъ св. Фомы*. (Труды в. д. ак. 1861. № 12).

Вообще къ концу нашего періода византійская имперія и церковь была подобна дереву съ несоразмѣрно длинными и тяжелыми вѣтвями, которыя готовы были обломиться отъ собственной тяжести. Нуженъ былъ только сильный порывъ бури, чтобы онѣ совсѣмъ отпали, и эта буря разразилась въ началѣ слѣдующаго періода съ возникновеніемъ магометанства.

ЧТЕНИЕ ДЕСЯТОЕ.

Императоры Фока и Ираклий. (602—641).

Фока и его гивель. (610) Ираклий и его попытка покинуть столицу (618).

Новый императоръ Фока, (съ 23 ноябр. 602 г. по 3 окт. 610) невергшій и убившій Маврикія и истребившій всю семью своего прешественника, далеко не всею признанъ былъ имперіею. Египетъ и Африка (т. е. Карфагенъ съ областію) не признали Фоку. Не хотѣли признавать его и въ Антиохіи, гдѣ по этому поводу былъ мятежъ, въ которомъ принимали живое участіе евреи и умерщвленъ антиохійскій патріархъ Анастасій. Мятежъ впрочемъ былъ усмиренъ. Напротивъ того въ Римѣ признали Фоку съ большимъ удовольствіемъ. По тогдашнему обычаю изображеніе новаго императора и его супруги было разносимо по всѣмъ городамъ имперіи, при чемъ горожане выходили на встрѣчу со свѣтильниками и вадильницами и воздавали изображенію императора такую честь, какъ бы самому императору. Изображенія Фоки и его супруги Леонтіи были принесены въ Римъ 25 апрѣля 603 года: сенатъ и народъ привѣтствовали ихъ обычными вливами: *Христе, услыши насъ! Да живетъ императоръ Фока и императрица Леонтія!* и св. папа Григорій поставилъ царскія изображенія въ церкви св. Кесарія въ латеранскомъ дворцѣ. Сохранилось два письма папы Григорія I (+22 февр. 605 г.) къ имп. Фокѣ и одно къ имп. Леонтіи. Жалуюсь на *грубое обращеніе* имп. Маврикія и осыпая Фоку льстивыми и незаслуженными похвалами, папа вмѣстѣ сътѣмъ даетъ ему и доброе наставленіе. *Если что отличаетъ нашихъ императоровъ отъ варварскихъ царей, пишетъ папа,—такъ это то, что варварскіе властители*

лями считаютъ своихъ подданныхъ рабами, тогда какъ наши императоры предоставляютъ своимъ народамъ свободу, нисколько не теряя чрезъ это своего могущества. Добрыя отношенія между имп. Фокою и римскою каедрю высказались въ томъ, что въ 606 г. Фока, по ходатайству папы, запретилъ константинопольскому патріарху носить титулъ *вселенскаго* (слич. стр. 305—6),—а въ 607 г. разрѣшилъ папѣ превратить римскій пантеонъ въ храмъ Богоматери и всѣхъ святыхъ. Болѣе близкаго участія въ судьбахъ Италіи Фока принять не могъ, — и въ этомъ заключается разгадка добрыхъ отношеній его къ Риму, которыя разными историками объяснялись различно, то въ похвалу Фоки, то въ осужденіе папѣ Григорію и его преемникамъ.

Въ Константинополѣ же, гдѣ Фока имѣлъ болѣе возможности показать себя, чѣмъ въ Римѣ, онъ показалъ себя съ очень худой стороны. Грубый и необразованный солдатъ, случайно, дерзостію и мятежемъ поднятый на высоту императорской власти, Фока не могъ и не желалъ стать въ уровень съ своимъ новымъ положеніемъ. Онъ и на престолѣ сохранилъ грубыя солдатскія привычки въ пьянству, жестокости и разврату. Преданность царя пьянству была до такой степени общезвѣстна, что однажды (609 г.) народъ на ипподромѣ обратился къ нему съ восклицаніями: *опять ты пилъ, свой умъ сублилъ!* (πάλιν εἰς τὸν χαῖνον ἔπιες. πάλιν τοῦ νοῦ ἀπέλεξες. Theoph. chron.) „Тогда —разсказываетъ хронографъ,—по приказанію Фоки городской префектъ многимъ отрубилъ крайніе члены и повѣсилъ ихъ въ циркѣ на цѣли, другихъ обезглавилъ, а нѣкоторыхъ, завязавъ въ мѣшки, приказалъ бросить въ море.“ Самая наружность Фоки была непривлекательна: рыжіе волосы, сросшіяся брови, суровый взглядъ и шрамъ на лицѣ, который имѣлъ свойство темнѣть во время царскаго гнѣва,—таковы были примѣты Фоки. По поводу недоброкачества Фоки, у позднѣйшаго хроникера (Дородея монемвасійскаго), сообщается слѣдующая легенда. „Нѣкій богоносный мужъ, имѣющій дерзновеніе къ Богу, услышавъ о царскихъ злыхъ дѣлахъ, возопилъ ко Господу такъ: „Господи Боже! чего ради Ты прогнѣвался на народъ свой и послалъ такого царя—тирана? за что такое наказаніе? чѣмъ провинился народъ Твой, что Ты предалъ его во власть такого кровожаднаго волка?“ И было сему богоносному мужу отъ Бога откровеніе въ такомъ родѣ: „много-де Я старался найти царя похуже, чтобы наказать народъ за

его своеволия, но не могъ обрѣсти хуже Фоки. Ты же впрямь не испусти судьбу Божиюхъ.”

Царюхи Фоки не испустились доблестями и талантами даже на томъ поприщѣ, на которомъ онъ провелъ всю жизнь свою, т. е. на воинскомъ. Авары успокоились; но персы снова стали сильно тѣснить имперію. Персидскій царь Хозрой объявилъ Фокѣ войну подъ предлогомъ отмщенія за смерть своего благодѣтеля и друга Маврикія, и вторгся въ предѣлы имперіи. Что же Фока? онъ не обнаружилъ никакой храбрости и распорядительности, сидѣлъ въ столицѣ и пытался только поднять духъ войска тою религіозностію, которой самъ не имѣлъ. Фока предложилъ собору іерарховъ канонизовать и заблаговременно причислить къ мученикамъ тѣхъ воиновъ, которые падутъ на полѣ сраженія. Западные историки безусловно осуждаютъ предположеніе Фоки. Но греческій историкъ Папарригопуло находитъ въ немъ нѣкоторый смыслъ. „Народы, также, какъ и отдѣльные люди“, — разсуждаетъ Папарригопуло, (II, 258—9) — „нуждаются въ извѣстныхъ нравственныхъ мотивахъ, для того чтобы благоуспѣвать въ семь міръ. Одна матеріальная сила недостаточна. Конечно и безъ нея обойтись нельзя, но оно возрастаетъ во много разъ, если находить опору въ духѣ человѣка, — въ его чувствахъ и соображеніяхъ. Эти нравственные мотивы различны, и не всѣ равносильны. Самыми сильными считаются патриотизмъ, чувство національнаго достоинства и преданность вѣрѣ отцовъ. Въ VII вѣкѣ религіозное чувство было главнымъ и почти единственнымъ источникомъ, изъ котораго греческій народъ черпалъ свою моральную силу. Въ виду этого царская власть не разъ пыталась воспользоваться религіознымъ чувствомъ подданныхъ, чтобы хотя сколько-нибудь восполнить въ народѣ оскудѣніе патриотизма и гражданскихъ доблестей. Такъ Фока пытался возбудить изъ летаргіи усниленную души византійцевъ, предполагая приравнять воинскія доблести къ подвигамъ мучениковъ.“ Какъ бы то ни было, но предположеніе Фоки не осуществилось. Позднѣйшій византійскій канонистъ Вальсамонъ сообщаетъ, что когда имп. Фока хотѣлъ причислить къ мученикамъ воиновъ, павшихъ на войнѣ, то бывшіе тогда представителями церкви, ссылаясь на 13-й канонъ Василія в., не соглашались съ императорскимъ требованіемъ, говоря: „какимъ образомъ мы причтемъ къ мученикамъ тѣхъ, кои убивали на войнѣ, когда Василій великій не допускалъ ихъ, какъ имѣющихъ нечистыя руки, къ причащенію въ

теченіе трехъ лѣтъ?“ Но когда многіе священники и одинъ епископъ отстаивали мысль императора и признались, что сами они участвовали въ сраженіяхъ съ врагами отечества и многихъ убили, — тогда соборъ, согласно съ симъ канономъ и 43-мъ тогоже отца, хотѣлъ воспретить имъ священнодѣйствіе. Впрочемъ многіе, — въ особенности тѣ, которые сами были воинами, — возражали противъ этого мнѣнія, доказывая, что такіе достойны даже награды.“ (См. Migne, tom. 138, p. 635—8). Чѣмъ окончилось это разногласіе на соборѣ, Вальсамонъ не рассказываетъ, но несомнѣнно, что предложеніе Фоки было отклонено.

Пороки и неспособность Фоки возбудили въ византійцахъ сильнѣйшее желаніе избавиться отъ него. Послѣ двухъ неудачныхъ заговоровъ, сообщники которыхъ погибли въ тяжелыхъ мукахъ, византійскіе вельможи обратились къ автономному тогда правителю Африки Ираклію съ просьбою придти самому или прислать сына для занятія престола. Вслѣдствіе этого приглашенія прибылъ съ флотомъ изъ Карфагена Ираклій сынъ, безъ труда низвергъ Фоку (5 окт. 610 г.) и занялъ его мѣсто. Ужасныя подробности убіенія Фоки такъ передаются у хроникера. „Послѣ того какъ Фока былъ разбитъ, нѣкій вельможа Фотинъ, оскорбленный Фокою въ лицѣ своей супруги, съ толпою воиновъ вошелъ во дворецъ и безчестно стащивъ съ трона окаяннаго Фоку, сорвалъ съ него царскую одежду, и надѣвъ на него черное рубище, а на шею ему цѣпь, въ такомъ безчестномъ и жалкомъ видѣ представилъ Ираклію. Ираклій, посмотрѣвъ на Фоку, сказалъ: „такъ-то, окаянный, ты управлялъ государствомъ!“ А тотъ, какъ человекъ отчаянный, возразилъ: „ты будешь управлять лучше!“ Тогда Ираклій приказалъ сначала отсѣчь Фокѣ руки и ноги, а потомъ живьемъ рѣзать на куски, а тайные члены отсѣчь и привязать къ копьямъ за безмѣрные оскверненія, какія совершалъ Фока, — въ заключеніе отсѣчь голову, и обезображенный трупъ мрачной памяти Фоки предать огню на такъ называемомъ бычачьемъ рынкѣ.“

Фока, какъ бы въ отмыченіе, оставилъ Ираклію очень тяжелое наследство — пустое казначейство, разстроенную и почти несуществующую армію, недовольный и деморализованный народъ, и — что всего хуже — двухъ сильныхъ враговъ — аваровъ съ сѣвера и персовъ съ юга, — которые готовы были сжать, какъ въ тискахъ, столицу имперіи. Было отчего придти въ отчаяніе! Въ первое время Ираклій не смотря на свою молодость и талантливость, дѣйствительно казалось былъ подав-

ляемъ трудностями своего положенія. Особенно грозно было нашествіе персовъ. Въ 611 г. они захватили Кесарію—каппадокійскую, въ 613 г. опустошили Сирію, въ 614 г. взяли Іерусалимъ, разрушили храмы и забрали въ плѣнъ патріарха Захарію и древо креста Господня, въ 615 г. завладѣли всѣмъ Египтомъ, въ 616 г.—Ливією и Киринеею, въ 617 г. добрались до Халкидона и стали на азіатскомъ берегу Босфора въ виду столицы. Къ непріятельскому нашествію присоединились голодъ и большая смертность въ столицѣ. Послѣднее обстоятельство особенно огорчило Ираклія, потому что онъ чувствовалъ себя виноватымъ предъ гражданами, какъ неоплатный должникъ. Дѣло было вотъ въ чемъ. Мы знаемъ уже (стр. 28), что Константинъ В., желая привлечь обитателей въ новую столицу, узаконилъ даровую раздачу хлѣба гражданамъ Константинополя. Послѣдующіе императоры продолжали эту милость, при чемъ житницею для столицы служилъ плодородный Египетъ. Когда персы (съ 615 г.) завладѣли Египтомъ, подвозъ египетскаго хлѣба въ столицу разумѣется прекратился. Но Ираклій тѣмъ не менѣе обязался продолжать обычную раздачу хлѣба отъ казны для тѣхъ, кто пожелаетъ внести въ казну одновременно три номизмы (около 13½ руб. с.). Скоро однако у царя не стало ни хлѣба, ни денегъ, и онъ принужденъ былъ прекратить обѣщанную раздачу хлѣба и такимъ образомъ оказался полнымъ банкротомъ. Весьма вѣроятно, что усилившаяся смертность стояла въ связи съ недостаткомъ хлѣба. Быть можетъ основательный ропотъ голодающихъ гражданъ, а еще болѣе стыдъ оставаться среди обманутаго народа, привелъ Ираклія къ рѣшимости оставить Константинополь и переселиться въ родной Кароагенъ. Уже корабли, нагруженные царскими сокровищами, отплыли изъ столицы, когда граждане, узнавъ о намѣреніи императора, митейно собрались (авг. 618 г.) и, имѣя во главѣ патріарха Сергія, принудили императора дать въ Софійскомъ соборѣ клятву, что онъ будетъ до конца жизни защищать имперію, и что преимущественно на константинопольскихъ гражданъ будетъ смотрѣть, какъ на дѣтей своего престола. Обнаруженный при этомъ случаѣ народомъ энтузіазмъ съ одной стороны снялъ съ императора стыдъ невольнаго банкротства, съ другой стороны подаль ему добрую надежду на возможность поправить дѣла въ будущемъ.

Походы Ираклія на персовъ. Осада Константинополя аварами и персами и аваѣистъ Богоматери (624). Возвращеніе Ираклія изъ походовъ и воздвиженіе вѣста Господня (629).

Изъ двухъ враговъ, нагнетавшихъ имперію, Ираклій долженъ былъ обезпечить себя со стороны одного,—для того, чтобы успѣшнѣе дѣйствовать противъ другаго. Онъ предпочелъ умириться съ сѣвернымъ врагомъ—славянами и аварами—и направить всѣ силы противъ южнаго—персовъ. Важныя причины побуждали Ираклія къ такому рѣшенію^а. Византійская имперія,—разсуждаетъ Папарригопуло, (Ш, 254—5) „всегда отчаянно боролась противъ царей персидскихъ и калифовъ магометанскихъ, потому что эти враги, управляя многолюдными и сильными государствами, угрожали конечно гибелью эллинизму. Но Византія легче мирилась съ сѣверными варварами, потому что эти мало развитые въ политическомъ отношеніи народы не искали ничего, кромѣ грабежа или захвата земель, которыми Византія, какъ государство приморское, торговое и городское, не особенно дорожила. Была притомъ надежда, что сѣверные варвары, благодаря вліянію христіанства, византійскаго просвѣщенія и законодательства, могутъ со временемъ болѣе или менѣе ассимилироваться съ остальными подданными имперіи.“ — Въ этихъ конечно видахъ Ираклій предоставилъ славянскимъ племенамъ, носившимъ имя хорватовъ и сербовъ, передвинуться къ югу и занять принадлежавшія имперіи земли, извѣстныя нынѣ подъ именемъ Сербіи, Босніи, Герцеговины, Далмаціи и Черногоріи. Славянскіе переселенцы приняли христіанство изъ Рима, признали номинальную зависимость отъ имперіи и—по мысли Ираклія,—конечно должны были помогать имперіи отбиваться отъ аваровъ. Не такъ легко было Ираклію уладиться съ аварами,—*тѣломъ великими и умомъ юрдыми.*—*Въ си же времена*—говоритъ русскій начальный лѣтописецъ—*быша и обры, ходиша на Ираклія царя и мало его не яша.* (Замѣтимъ въ скобкахъ, что это первое по времени извѣстіе изъ византійской исторіи, отмѣченное нашимъ лѣтописцемъ, какъ имѣвшее связь съ преданіями родной старины. Лѣтописцу знакомы были по народной памяти эти гордые авары, которые примучивали славянъ и насиліе творили женамъ дугѣбскимъ и о которыхъ ходила еще на Руси пословица—*пошибоша аки обръ*,—и вотъ, встрѣтивъ на страницахъ византійскаго хроникера

интересное извѣстіе о старыхъ знакомцахъ, нашъ лѣтописецъ съ удовольствіемъ отмѣчаетъ тотъ далекій пунктъ, гдѣ начатки русской исторіи соприкасаются съ греческою). Событіе, о которомъ упоминаетъ русскій лѣтописецъ, было слѣдующее: въ 619 г. для утвержденія мирнаго договора между аvaraми и греками было назначено личное свиданіе между обоими монархами—Иракліемъ и ханомъ аварскимъ—на берегу Мраморнаго моря вблизи Константинополя. Императоръ прибылъ съ блестящею свитою, съ фокусниками и комедіантами для увеселенія аваровъ и съ толпами любопытныхъ жителей столицы: аварскій ханъ явился съ своими полчищами, которыя умножались все болѣе и болѣе, пробираясь по частямъ, внутрь *длинныхъ стѣнъ*, (см. стр. 251) ограждавшихъ предмѣстія столицы. Внезапно ли проснулась въ аvaraхъ жажда къ грабежу при видѣ богатой добычи, или преднамѣренно коварный ханъ велъ дѣло къ тому, чтобы захватить въ плѣнъ императора со свитою,—какъ бы то ни было, но авари нечаянно бросились на безпечныхъ византійцевъ, захватили 70000 (по другому извѣстію 270000) плѣнныхъ, и самъ императоръ едва спасся послѣднимъ бѣгствомъ въ столицу. Впослѣдствіи (620 г.) аварскій ханъ извинялся въ своеволіи своихъ подданныхъ, и необходимость въ мирѣ съ аvaraми была такъ велика, что Ираклій удовлетворился извиненіемъ.

Кромѣ указанной выше, была еще важная причина, склонявшая Ираклія, примирившись съ аvaraми, обратить всѣ усилія противъ персовъ. При упадкѣ политической свободы и гражданскихъ доблестей, — только религіозный энтузіазмъ могъ въ то время воодушевить грековъ и служить залогомъ военныхъ успѣховъ. Но сѣверные варвары, хотя и разоряли византійцевъ своими набѣгами, но не оскорбляли ихъ вѣры. Совсѣмъ иное дѣло были персы. У хроникера записано слѣдующее извѣстіе. „Нечестивый Хозрой, царь персидскій, захватилъ Каппадокію, Дамаскъ, Палестину со св. городомъ и многія тысячи христіанъ умертвилъ рукою евреевъ. Взялъ въ плѣнъ и Захарію, патріарха іерусалимскаго, и честное древо креста Господня отправилъ въ Персію... Персидскія полчища взяли Халкидонъ и немалое время стояли тамъ въ виду Константинополя. Царь Ираклій отправилъ пословъ къ Хозрою, прося мира, но Хозрой отвѣчалъ такъ: *если царь вашъ отрѣчется отъ распятаго и поклонится солнцу, дамъ миръ.*“ Дѣло очевидно шло не объ имуществѣ, даже не о жизни только, а о святой вѣрѣ. Отвѣтъ

Хозроя сослужилъ добрую службу Ираклію. Царь могъ теперь рѣшиться на то, на что никогда не рѣшился бы при другихъ обстоятельствахъ, —именно—для пополненія казны отобралъ и перечекалилъ въ монету церковныя сосуды. Конечно многіе благочестивые византійцы, въ обыкновенное время искавшіе спасенія души въ монастырѣ, могли теперь искать душевнаго спасенія въ священной войнѣ съ персами. И самъ царь проникся религіознымъ одушевленіемъ и сталъ во главѣ священнаго похода противъ персовъ. Хроникеръ такъ описываетъ отправленіе царя въ походъ. „Совершивъ праздникъ пасхи, (который въ 622 г. приходился 4 апрѣля), царь, собираясь въ походъ, сказалъ патриарху: *на руки Богоматери оставляю сей городъ и своего сына*. Затѣмъ царь молится, вошедши въ великую церковь въ черныхъ сандаляхъ (вмѣсто красныхъ, составлявшихъ оффиціальныя атрибуты царскаго достоинства), и Георгій Писидъ, (сосудохраниль великой церкви и поэтъ того времени), видя такое смиреніе Ираклія, сказалъ:

„О царь, ты надѣлъ черную обувь,
Но ты окрасишь ее въ крови персовъ.“

Взявъ на руки нерукотворенный образъ Богочеловѣка, царь отправился въ походъ противъ персовъ.

Персовъ недалеко было искать. Они стояли на противоположномъ берегу Босфора близъ Халвидона, и всякій обыкновенный полководецъ на мѣстѣ Ираклія послѣшилъ бы сразиться съ ними. Ираклій поступилъ иначе. Пользуясь свободною морскою дорогою, Ираклій съ войскомъ выплылъ въ Архипелагъ и Средиземное море, высадился въ Киликіи въ тылу персидскаго войска, и затѣмъ удачною битвою съ персами очистилъ отъ нихъ Малую Азію. Но Ираклій не удовлетворился этимъ первымъ успѣхомъ. Пробывъ малое время въ Константинополѣ, царь послѣ пасхи (27 марта) 623 г. снова отправился въ походъ, чтобы искать Хозроя въ его собственныхъ владѣніяхъ. Направившись чрезъ Черное море сначала въ Арменію и Закавказье, Ираклій затѣмъ проникъ въ самую Персію и, по словамъ хроникера, *нещадно жегъ и опустошалъ Персиду* въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Пособниками Ираклію въ его борьбѣ съ персами были тюркскія племена, жившія въ сѣверу отъ кавказскихъ горъ, которыхъ греческій хроникеръ называетъ *хазарами*, а начальный русскій лѣтописецъ *блными уграми*.¹⁾ Но въ

¹⁾ „Си бо угри почана быти при Иракліи цари, иже находиша ю Хоздроя, царя перскаго.“

то время, когда Ираклій громилъ Персію, его собственной столицѣ угрожала страшная опасность. Хозрой, царь персидскій, заключилъ союзъ съ ханомъ аварскимъ съ тѣмъ, чтобы одновременно напасть на Константинополь. Лѣтомъ 624 года, когда Ираклій находился во глубинѣ Персіи, его столицу окружили сильные враги. Съ европейской стороны обложилъ Византію аварскій ханъ слишкомъ со 100000-нымъ войскомъ, въ составѣ котораго, кромѣ аваръ, находились гепиды, русскіе,¹⁾ славяне и болгары, а съ азіатской стороны Босфора стало близъ Халкидона персидское войско, составлявшее $\frac{1}{3}$ хозроевой арміи ($\frac{2}{3}$ были заняты борьбою съ Иракліемъ). Союзники пришли съ большими надеждами и съ большою гордостью; они рассчитывали захватить столицу, *какъ съ стѣны*, взять ее, *какъ птичье гнѣздо*. Аварскій ханъ говорилъ византіяцамъ, что имъ остается только превратиться въ птицъ и улѣтѣть по воздуху, или сдѣлаться рыбами и уплыть по водѣ, и великодушно предлагалъ жителямъ столицы взять по верхней и исподней одеждѣ на человѣка и уходить въ Азію, оставивъ городъ со всѣмъ имуществомъ во власть побѣдителя. Но византіяцы не унывали. Войска въ городѣ было мало (Ираклій впрочемъ успѣлъ доставить въ столицу 12000 кольчужниковъ), но во главѣ столичнаго управленія стояли два очень способные человѣка—патрицій Бонъ и патриархъ Сергій. Первый парализовалъ всѣ усилія осаждающихъ искусными стратегическими распоряженіями; второй—подкрѣплялъ мужество гражданъ церковными процессіями и надеждою на заступленіе покровительницы города—Богоматери. Упованіе не посрамило. Послѣ 9-суточныхъ безуспѣшныхъ приступовъ (отъ 31 іюля—по 8 августа), ханъ аварскій сжегъ осадныя машины и удалился ни съ чѣмъ. Приписавъ спасеніе города заступленію Богоматери, патриархъ Сергій и имп. Ираклій установили на вѣчныя времена совершать послѣдованіе *несыдамаго пѣнія* (*ἀκαθίστου ὕμνου*) въ честь Богоматери, которое и понынѣ совершается въ пятницу на 5-й недѣлѣ великаго поста, и къ которому вскорѣ присоединилось воспоминаніе о двухъ счастливо отбитыхъ осадахъ Константинополя отъ арабовъ (673—8 и 717—8).

¹⁾ Папарригоуло III, 271. Мы не знаемъ, откуда взялъ Папарригоуло извѣстіе, что въ станѣ аваровъ въ 624 г. были и русскіе. Но во всякомъ случаѣ оно стоитъ того, чтобы обратить на него вниманіе.

„Кто изъ грековъ—говорить греч. историкъ Папарригопуло (Ш, 274—7),—не знаетъ гимна, воспѣваемаго на этомъ *послѣдованіи* въ честь заступницы христоименитаго народа?

Τῆ ὑπερμάχῳ στρατηγῶ τὰ νικητήρια!
ὡς λυτρωθεῖσα τῶν δεινῶν, εὐχαριστήρια
Ἀναγράφω σοι, ἦ πόλις σου, θεοτόμει.
Ἄλλ' ὡς ἔχουσα τό κράτος ἀπροσμάχητον,
Ἐ'κ παντόιων με κινδύνων, ἐλευθέρωσον,
Ἵνα κράζω σοι χαῖρε νύμφη ἀνύμφευτε.

Кто изъ грековъ не слушаетъ ежегодно съ глубокимъ умилениемъ тѣхъ привѣтствій, въ которыхъ живая фантазія и благочестивая любовь прилагаютъ всевозможныя уподобленія къ предстательницѣ нашей народности, державы и церкви?

Χαῖρε τῆς ἐκκλησίας ὁ ἀσάλευτος κύργος·
Χαῖρε τῆς βασιλείας τὸ ἀπόρητον τεῖχος·
Χαῖρε, δι ἧς ἐγείρονται τρόκαια.
Χαῖρε, δι ἧς ἐχθροὶ κατακίπτουσιν.

„Прошло слишкомъ 1200 лѣтъ послѣ установленія при Иракліѣ *послѣдованія несчастливаго гимна!* Византійская держава была урѣзана, пала, восстановлена, опять пала, и въ нашемъ вѣкѣ нѣкоторая часть ея опять получила политическую независимость, но, несмотря на такія перемѣны, послѣ длиннаго ряда вѣковъ, во всякой греческой странѣ, въ Аѳинахъ и въ Константинополѣ, въ Солунѣ и въ Смирнѣ, въ Критѣ и на Хіосѣ, вечеромъ въ пятницу 5-й недѣли великаго поста аваионсть Богоматери не перестаетъ возбуждать насъ въ благодарности Всевышнему за спасеніе еллинизма, соединять тѣхъ, которые раздѣлены насиліемъ, и наполнять сердца наши надеждами на лучшее будущее!“—Можемъ прибавить, что и у насъ русскихъ, по примѣру грековъ, лучшія патріотическія воспоминанія—объ избавленіи отъ Тамерлана, Ахмата, Мехметъ-Гирея, поляковъ—соединены съ празднествами въ честь Богоматери (26 авг., 23 іюня, 21 мая, 22 окт.)

Послѣ освобожденія Константинополя отъ опасности, избавившись отъ тяжелой заботы, Иракліѣ продолжалъ воевать въ Персіи. 12 декабря 627 года онъ имѣлъ битву съ Хозроемъ на развалинахъ древней Ниневіи и одержалъ рѣшительную побѣду. Но гораздо важнѣе побѣды была гибель Хозроя, который былъ свергнутъ съ престола своимъ сыномъ Сироємъ, принимавшимъ участіе въ заговорѣ противъ

отца. Сирой немедленно заключилъ миръ съ Иракліемъ, при чемъ Ираклій обнаружилъ значительную умѣренность и не повторилъ ошибки Юстиніана, старавшагося какъ можно болѣе расширять территорию имперіи. Рѣки Араксъ и Евфратъ были поставлены пограничною чертою между греческою и персидскою монархіею. Объ этомъ счастливомъ поворотѣ въ своихъ дѣлахъ императоръ извѣстилъ жителей столицы письмомъ, которое было прочитано съ амвона св. Софіи въ праздникъ пятидесятницы 15 мая 628 года. Приведемъ изъ этого большого письма небольшія выдержки, свидѣтельствующія о томъ религіозномъ характерѣ, какой императоръ постоянно придавалъ своей войнѣ съ персами. „.... Да возвеселятся небеса и да возрадуется земля, море и все, что въ немъ! И мы всѣ хрістіане съ хвалою и славословіемъ возблагодаримъ единого Бога, радуясь радостію великою о имени святомъ Его! Ибо палъ гордый богоборецъ Хозрой. Палъ и провалился въ преисподнюю, и потребилась отъ земли память его. Погибъ съ шумомъ нечестивецъ, превозносившійся и глаголавшій неправду съ гордичію и уничиженіемъ противъ Господа нашего Иисуса Христа истиннаго Бога и пречистой Его матери благословенной Госпожи нашей Богородицы и приснодѣвы Маріи... Пошелъ Хозрой въ путь Іуды искаріотскаго, который услышалъ отъ всемогущаго Бога нашего, что хорошо было бы не родиться челоуѣку сему,— пошелъ въ огонь неугасаемый, уготованный сатанѣ и достойнымъ онаго.“ Изложивъ затѣмъ ходъ своихъ персидскихъ дѣлъ и отношеній, императоръ заключалъ письмо такъ: „такимъ образомъ мы уповаемъ на Господа нашего Иисуса Христа, благаго и всесильнаго Бога, и на Госпожу нашу Богородицу, что всѣ наши дѣла, по ихъ благодсти, устроятся. Мы, при помощи Божіей, уже двинулись изъ своего лагеря, имѣя держать путь въ Арменію. Но вы хорошо сдѣлаете, если будете постоянно и прилѣжно молиться, чтобы Богъ сподобилъ насъ видѣть васъ, какъ мы того желаемъ.“

Въ сентябрѣ того же года жители столицы уже встрѣчали съ восторгомъ своего побѣдоноснаго монарха, возвращавшагося изъ дальнихъ походовъ. „Византійцы, узнавъ о прибытіи царя,“—говоритъ хроникеръ— „всѣ съ неудержимымъ усердіемъ выпли къ нему на встрѣчу, вмѣстѣ съ патріархомъ и Константиномъ, сыномъ Ираклія,—неся въ рукахъ свѣтильники и масличныя вѣтви, и восхваляя царя съ великимъ благоуміемъ. Сынъ Ираклія выступилъ впередъ, упалъ къ ногамъ отца: отецъ обнялъ сына и оба орошали землю слезами. Народъ,

видя это, также плакалъ и возсылалъ Богу благодарственные гимны. И такимъ образомъ, принявъ царя съ радостію, восторгомъ и похвалами, византійцы ввели его во дворець.“ Для дополненія картины триумфа можемъ прибавить, что Ираклій ѣхалъ по улицамъ столицы въ колесницѣ, везомой четырьмя слонами, а предъ нимъ несли честный и животворящій крестъ Христовъ, вырученный изъ персидскаго плѣненія и считавшійся самымъ славнымъ и желаннымъ трофеемъ. Восторженные византійцы угодобляли царя Богу. „Какъ Богъ“,—говорили они,—„въ шесть дней совершилъ все твореніе, а 7-й назвалъ днемъ покоя, такъ и царь Ираклій въ шесть лѣтъ совершилъ много трудовъ и подвиговъ, а въ 7-й годъ въ мирѣ успокоился.“

Въ слѣдующемъ 629 г. царь отплылъ моремъ въ Сирію, чтобы возвратитъ въ Іерусалимъ честное древо крестное. Въ Іерусалимѣ ожидали уже Ираклія возвращенный изъ персидскаго плѣна патріархъ Захарія и тысячи освобожденныхъ христіанъ. Царь передалъ патріарху древо креста, цѣлое и неповрежденное персами, и затѣмъ 14 сентября самъ торжественно принесъ и поставилъ это знаменіе вѣры и побѣды на томъ же мѣстѣ, гдѣ оно было водружено Константиномъ великимъ 14 сентября 335 года. Клиръ воспѣвалъ: *Σῶσον, Κύριε, τὸν λαόν σου καὶ εὐλόγησον τὴν κληρονομίαν σου, νικᾶς τοῖς βασιλεῦσι κατὰ βαρβάρων δουρομένοσ καὶ τὸ σὸν φυλάττων διὰ τοῦ σταυροῦ σου πολετήμα,*—а народъ славословилъ благочестиваго и счастливаго царя. И доселѣ въ православной церкви 14 сентября совершается праздникъ *всемирнаго воздвиженія честнаго креста*; это, какъ мы видимъ, уже другой церковный и вмѣстѣ національный праздникъ, установленный Иракліемъ. ¹⁾

¹⁾ Пробываніе Ираклія въ Іерусалимѣ ознаменовалось нѣкоторымъ гоненіемъ на евреевъ. Въ хроникѣ Теофана кратко говорится, что императоръ велѣлъ евреямъ выдти изъ святаго города и не подходить къ нему ближе, чѣмъ на три мили. Въ хроникѣ Амартала читаемъ болѣе обширный рассказъ. „Когда Іерусалимъ былъ захваченъ персами, и честное древо вмѣстѣ съ патріархомъ было отправлено въ Персиду, то іерусалимскіе евреи, движимые фанатизмомъ, перебили въ Іерусалимѣ христіанъ. Когда же Ираклій съ помощію Божіею одержалъ великую и досточудную побѣду и возвратилъ честное древо во Іерусалимъ, то вышеупомянутые безбожные іудеи, избившіе христіанъ, со страхомъ и дарами вышли на встрѣчу царю и лукаво выманили у него клятву пощадить ихъ. Царь спросилъ ихъ, что

МАГОМЕТЪ И ЕГО УЧЕНІЕ. ЗАВОЕВАНІЕ СИРИИ И ЕГИПТА МАГОМЕТАНАМИ. РЕЛИГИОЗНАЯ ПОЛИТИКА И СМЕРТЬ ИРАКЛІЯ.
(641, март. 11).

„Слава Ираклія,“ говоритъ Финлей, „была бы на ряду со славой Александра, Аннибала или Цезаря, умри онъ въ Иерусалимѣ послѣ удачнаго окончанія персидской войны. Онъ утвердилъ миръ въ имперіи, возстановилъ силу римскаго управленія, воскресилъ могущество христіанства на востоѣ и вновь водрузилъ святой крестъ на Голгоѣ. Его слава не могла болѣе возрасти.“ Къ несчастію для себя, Ираклій прожилъ еще болѣе 10 лѣтъ и видѣлъ рядъ гибельныхъ для Византіи событій, предъусмотрѣть которыя не могла никакая человѣческая мудрость,—предъотвратить которыя не могла никакая человѣческая энергія. Мы разумѣемъ завоевательную пропаганду Ислама.

Ходъ исторіи приводитъ насъ въ рѣчи объ арабійскомъ пророкѣ Магометѣ, основанная которымъ религія имѣла столь роковое и тяжелое вліяніе на всю послѣдующую судьбу восточнаго христіанства. Мы конечно не будемъ вдаваться въ подробности о Магометѣ и магометанствѣ, (относительно чего существуетъ цѣлая громадная литература;) ограничимся только нѣкоторыми общими замѣчаніями.

Магометъ родился въ Меккѣ около 570 г. нашей эры, началъ свою проповѣдь 40 лѣтъ отъ роду, т. е. въ 610 г., принужденъ былъ бѣжать изъ Мекки въ Медину въ 622 г., и отъ этого года *исждры* или

они и откуда? Они отвѣчали: „рабы твоей державы, бѣдные евреи, обитающіе въ Иерусалимѣ“. Царь далъ клятву не обижать ихъ, не зная того, что случилось. Пришедши же въ Иерусалимъ, едва нашелъ нѣсколькихъ христіанъ, скрывающихся въ горахъ и пещерахъ. Царь спросилъ,—неужели нѣтъ болѣе христіанъ, и въ отвѣтъ услышалъ о томъ, что евреи сдѣлали съ христіанами. Узнавъ коварство евреевъ, царь спросилъ христіанъ: какъ, по вашему мнѣнію, я долженъ поступить съ евреями? Христіане стали просить, чтобы евреи получили возмездіе. Но царь, боясь клятвы, не соглашался на то. Тогда христіане, желая достигнуть своей цѣли, установили поститься недѣлю ради нарушенія царской клятвы“. Въ книгѣ Никона черноторца, (извѣстной въ старинной русской литературѣ,)—повторяется вышеприведенный разсказъ и упоминается, что эта недѣля поста христіанъ была именно *сырная*. Если такъ, то Ираклію принадлежитъ и 3-е церковное установленіе.

бѣгства начинается магометанское лѣтосчисленіе. Изъ Медины Магометъ распространилъ свое ученіе, по всей Аравіи, овладѣлъ въ 630 г. самую Меккою, въ слѣдующіе два года произвелъ нѣсколько незначительныхъ нападеній на Сирію и умеръ въ 632 г.

Есть три точки зрѣнія для сужденія о личности Магомета. Первая дается Кораномъ;—вторая—византійскими писателями; третья—ближайшими къ нашему времени западно-европейскими историками.

Коранъ представляетъ Магомета боговдохновеннымъ пророкомъ, Божіимъ посланникомъ міру. Чтобы познакомить читателей съ этимъ воззрѣніемъ въ наиболѣе доступной и изящной формѣ, мы приведемъ два стихотворенія русскихъ поэтовъ—Пушкина и Лермонтова,—составляющія переложеніе изъ Корана. Первое стихотвореніе изображаетъ ту знаменитую ночь, называемую у арабовъ *алъ кадеръ*, т. е. „божественное опредѣленіе,“ когда ангелъ Гавріилъ явился Магомету въ пустынѣ, далъ ему прочесть свитокъ повелѣній Божіихъ и поздравилъ его пророкомъ.

Духовной жаждою томимъ
 Въ пустынѣ мрачной я влачился,
 И шестикрылый серафимъ
 На перепутьи мнѣ явился:
 Перстами легкими, какъ сонъ,
 Мои хъ зѣницъ коснулся онъ—
 Открылись вѣщія зѣницы,
 Какъ у испуганной орлицы.
 Мои хъ ушей коснулся онъ—
 И ихъ наполнилъ шумъ и звонъ:
 И внялъ я неба содроганье,
 И горній ангеловъ полеть,
 И гадъ морскихъ подводный ходъ,
 И дольной лозы прозябанье.
 И онъ къ устамъ моимъ приникъ,
 И вырвалъ грѣшный мой языкъ,
 И правдословный и лукавый,
 И жало мудрыя змѣи
 Въ уста замершія мои
 Вложилъ десницею кровавой.
 И онъ мнѣ грудь разсѣкъ мечемъ,

И сердце трепетное вынулъ,
 И уголь, пылающій огнемъ,
 Во грудь отверстую водвинулъ.
 Какъ трупъ въ пустынѣ я лежалъ,—
 И Бога гласъ ко мнѣ воззвалъ:
 „Возстань, пророкъ, и виждь, и внемли,
 Исполни волею моею,
 И, обходя моря и земли,
 Глаголомъ жги сердца людей!“

Другимъ стихотвореніемъ характеризуется то печальное 12-тилѣтне Магометовой жизни (610—622), когда мекканцы не признавали его пророкомъ и преслѣдовали его насмѣшками и поруганіями.

Съ тѣхъ поръ, какъ Вѣчный Судія
 Мнѣ далъ всевѣдѣнье пророка,
 Въ очахъ людей читаю я
 Страницы злобы и порока.
 Провозглашать я сталъ любви
 И правды чистыя ученья;
 Въ меня всѣ ближніе мои
 Бросали бѣшено каменья.
 Посыпалъ пепломъ я главу,
 Изъ городовъ бѣжалъ я нищій,
 И вотъ, въ пустынѣ я живу,
 Какъ птицы—даромъ Божьей пищи.
 Завѣтъ Предвѣчнаго храня,
 Мнѣ тварь покорна тамъ земная,
 И звѣзды слушаютъ меня,
 Лучами радостно играя.
 Когда-же черезъ шумный градъ
 Я пробираюсь торопливо,
 То старцы дѣтямъ говорятъ
 Съ улыбкою самолюбивой:
 „Смотрите: вотъ примѣръ для васъ!
 Онъ гордъ былъ, не ужился съ нами;
 Глупецъ—хотѣлъ увѣрить насъ,
 Что Богъ гласитъ его устами!
 Смотрите жъ, дѣти, на него,

Какъ онъ угрюмъ, и худъ, и блѣденъ,
Смотрите, какъ онъ нагъ и бѣденъ,
Какъ презирають всѣ его!“

Само собою разумѣется, что взглядъ на Магомета, какъ на пророка Божія, возможенъ только для вѣрующаго мусульманина.

Совершенно иначе смотрять на Магомета греческіе хроникеры и полемисты. Они считаютъ его обманщикомъ и слугою діавола.

Такъ—греческій хроникеръ Теофанъ сообщаетъ слѣдующее: „На 31 году царствованія Иракліева умеръ Магометъ, вождь сарациновъ жепророкъ.... Рассказывается о немъ вотъ что: бѣдному сиротѣ Магомету удалось наняться въ услуженіе у одной богатой женщины, своей родственницы, по имени Хадичи, чтобы ходить съ верблюдами и вести торгъ съ иноплемениками въ Египтѣ и Палестинѣ. Потомъ спустя немного, напустивъ на себя смѣлость и подладившись къ своей хозяйкѣ вдовѣ, Магометъ беретъ ее себѣ въ замужество. Странствуя по Палестинѣ и знакомясь съ іудеями и христіанами, Магометъ понабрался нѣкоторыхъ изреченій писанія. Магометъ страдалъ припадками. И жена его очень сокрушалась, что, будучи богата и знаменита, вышла за такого мужа, который не только бѣденъ, но и подверженъ припадкамъ. Утѣшая жену, Магометъ говорилъ, что-я-де вижу странный образъ ангела именемъ Гавріила, и будучи пораженъ видѣніемъ, изнемогаю и падаю. Жена повѣрила Магомету тѣмъ болѣе, что его поддерживалъ съвернаго ради прибытка лжеименный нѣкій монахъ, который жилъ тамъ, будучи изгнанъ (т. е. изъ византійской имперіи) за свое зловѣріе. Монахъ говорилъ, что дѣйствительно ангелъ Гавріилъ посылается ко всѣмъ пророкамъ. Повѣривъ лживому авѣ, обманутая женщина рассказала о пророческомъ достоинствѣ своего мужа и другимъ своимъ соплеменникамъ, и донеслась эта лживая вѣсть и до вождя племени по имени Абу-вахара, который и былъ преемникомъ Магомета. И лживое заблужденіе и ересь его захватила предѣлы Егритвскіе“. Извѣстіе Теофана переписывалось съ разными дополненіями и измѣненіями и послѣдующими византійскими писателями. Такъ Константинъ, порфирородный (de administr. imper. 14) переписавъ извѣстія Теофана частью сокращаетъ, частью дополняетъ дальнѣйшія слова его такимъ образомъ: „И оскверненный сумазбродъ училъ своихъ послѣдователей, что убивающій врага или убиваемый врагомъ входитъ въ рай и тому

подобному вздору. Они кланяются также звѣздѣ Афродиты, которую называютъ *Куваръ* и взываютъ въ молитвѣ своей такъ: ἀλλὰ δὸς κούβαρ τ. е. богъ и Афродита.“

Скудныя и повидимому невѣрныя извѣстія византійцевъ о Магометѣ и магометанствѣ вызвали суровое осужденіе со стороны западныхъ ученыхъ. „Ничтожные греки (graeculi)“ говоритъ одинъ изъ нихъ (А. Реландъ), „живя между магометанами, вмѣсто того, чтобы хорошо узнать, изучить ихъ самихъ, а также ихъ священный языкъ, потѣшаются тѣмъ, что представляютъ намъ ихъ со всею недобросовѣстностію, какую можетъ внушить ненависть къ побѣдоноснымъ врагамъ, особенно когда соединяется съ нею ревность по вѣрѣ. Но во 1-хъ по справкѣ оказывается, что всѣ свѣдѣнія, сообщаемыя греками о магометанствѣ, даже по видимому несообразныя, имѣютъ историческую основу; (см. объ этомъ *Замѣтки къ вопросу о визант. противомусульманской литературы* О. Бурганова и Г. Саблукова. Казань 1878); а во 2-хъ странно было бы и ожидать отъ грековъ сочувственнаго отношенія къ безпощаднымъ врагамъ ихъ вѣры и народности.

Западно-европейскіе ученые стоятъ опять на иной точкѣ зрѣнія по отношенію къ Магомету. Они разумѣется не признаютъ его пророкомъ, но не признаютъ также и сыномъ діавола. Они просто видятъ въ немъ крупнаго историческаго дѣятеля, и такъ какъ для великихъ послѣдствій естественно предполагать великую причину, то западные историки въ большинствѣ склонны давать высокую оцѣнку дарованіямъ Магомета и даже его нравственнымъ качествамъ. Капитальные для новыхъ историковъ вопросы суть слѣдующіе: а) относительно личности Магомета: вѣрилъ ли самъ Магометъ въ свое божественное посланничество или былъ сознательнымъ обманщикомъ? и б) относительно религіи Магомета: на какой степени сравнительнаго достоинства стоитъ религія Магомета по отношенію къ тѣмъ религіямъ, которыя она вытѣсняла и замѣняла собою? Въ обширной литературѣ относительно исламизма ¹⁾ имѣются отвѣты на эти вопросы не только различные, но

¹⁾ Произведенія этой литературы: *Weil. Mohammed d. Prophet, s. Leben u. s. Lehre, Sprenger Das Leben u. Lehre d. Proph. Mahommed, Herbelot, orientalische Bibliothek, E. Renan Etudes de l'histoire religions, Barthelemy Saint Hilaire Mahomet et le Coran. William Muir... Humphrey Prideaux...* На рус-

даже прямо противоположные. Уклоняясь отъ крайности, чтобы тѣмъ вѣрнѣе попасть на среднюю линію истины, кажется можемъ согласиться съ тѣми писателями, которые думаютъ, что Магометъ вѣриль въ свое пророческое призваніе, пока его проповѣдь была отвергаема и презираема, и сдѣлался сознательнымъ обманщикомъ подъ обаяніемъ чрезвычайнаго успѣха,—что религія Магомета была благомъ для чело-вѣчества, на сколько вытѣсняла собою старыя вѣрованія арабовъ-идоло-поклонниковъ,—и сдѣлалась величайшимъ зломъ въ своемъ стремленіи оторвать и втянуть въ себя значительную часть христіанскаго міра.

Переходимъ къ очерку отношеній магометанства къ христіанству, какъ онѣ опредѣлялись догматически и слагались исторически.

Догматическая часть проповѣди Магометовой очень проста и ограничивается двумя ученіями: о единствѣ Божіемъ и о будущей жизни. Догматъ о единствѣ Божіемъ выражается въ одномъ изреченіи, которое служитъ символомъ исламизма: *нѣтъ Бога кромѣ Бога, Магометъ пророкъ его*. Магометъ отвергъ таинство св. Троицы, потому что оно будто бы противорѣчитъ единству Божію, а въ самомъ дѣлѣ потому что оно не согласовалось съ тѣмъ значеніемъ пророка и посланника Божія, какое Магометъ хотѣлъ усвоить себѣ. Въ догматѣ св. Троицы мы признаемъ, что Сынъ Божій снишелъ на землю и вочеловѣчился ради спасенія чело-вѣчества. Но очевидно, что съ этимъ догматомъ не мирится мысль о новомъ пророкѣ; ибо какимъ образомъ простой чело-вѣкъ будетъ перемѣнять тѣ, что установилъ Богъ? Въ интересахъ Магомета было оставить Бога уединеннымъ на небѣ и никогда не вступающимъ въ непосредственное общеніе съ людьми, чтобы самому выступить въ качествѣ новаго апостола и новаго пророка, имѣющаго до-вершить дѣло своихъ предшественниковъ. Посему Магометъ старался поставить свою религію въ связь съ двумя прежними монотеистиче-скими религіями, іудейскою и христіанскою, высказывалъ уваженіе къ св. писанію и къ пророкамъ, какъ къ своимъ предшественникамъ. Какъ

скомъ: *Кантемира* состояніе мухамеданской религіи 1722. Коранъ въ трехъ переводахъ (прошлаго столѣтія, Николаева и Саблукова), *Вашингтона—Ирвина* Жизнь Магомета въ русскомъ переводѣ 1875. *Петрова харьк.* проф. статья о Магометѣ, — Миссіонерскій противумусульманскій сборникъ, періодич. изданіе при казан. д. академіи.

новый посланникъ Божій, благоговѣнно бесѣдуя объ Адамѣ, Ноѣ, Авраамѣ, Моисеѣ, Давидѣ, Магометѣ въ особенности объ Иисусѣ Христѣ говорить съ такими похвалами, въ которыхъ не видно ни малѣйшаго предчувствія той вражды, которая вскорѣ возгорѣлась между послѣдователями христіанства и исламизма. Св. Дѣву Марію Магометѣ конечно не признавалъ Богородицею, но поставлялъ ее въ ряду совершеннѣйшихъ женщинъ міра, на ряду съ Маріамъ, сестрою Моисеевою, съ своею женою Айше и дочерью Фатимою. Онъ признавалъ, что Иисусъ Христосъ есть истинно посланникъ Божій, достойный всякой чести въ семь вѣкѣ и въ будущемъ,—одинъ изъ тѣхъ, которые всего ближе предстоять лицу Божію. А онъ, Магометъ, посланъ для того, чтобы возвратить іудеевъ и христіанъ на правый путь, съ котораго они уклонились. Моисей и Иисусъ,—прибавлялъ онъ,—радовались, ожидая пророка, который будетъ славить ихъ, т. е. его, Магомета, который есть евангельскій Утѣшитель, величайшій и послѣдній изъ посланниковъ Божіихъ.—Этотъ новый апостолъ изображалъ будущую жизнь въ образахъ и обѣтованіяхъ, наиболѣе способныхъ увлечь толпу.—Нравственныя и обрядовыя предписанія Магомета состояли въ обрѣзаніи, очищеніи, постѣ, путешествіи въ Мекку, молитвѣ и милостынѣ.—Вяжкое иконное изображеніе отвергалось Магометомъ, какъ идолопоклонство. Таковы были главныя черты новой религіи и понятно, что если бы Магометъ ограничился ими, то его религія никогда не достигла бы своего послѣдующаго распространенія и господства. Но властолюбивый пророкъ далъ мѣсто еще нѣсколькимъ вѣрованіямъ, которыя одни только объясняютъ великое торжество магометанства.

Коранъ,—эта священная книга исламизма,—содержитъ повидному много предрасполагающаго къ вѣротерпимости. Говорится напримѣръ, что вѣрныя и послѣдователи іудейской и христіанской религіи, однимъ словомъ всѣ вѣрующіе въ Бога и въ день судный и творящіе добро получаютъ воздаяніе отъ Господа. И еще: „не дѣлайте никому принужденія въ вѣрѣ. Истинный путь достаточно отличается отъ ложнаго. Не вѣрующій въ идоловъ и вѣрующій въ Бога утверждается на неподвижномъ основаніи.“ И еще: разсуждая о христіанахъ и іудеяхъ, которыхъ называетъ также *людьми писанія*, коранъ говоритъ: „Богъ вашъ и нашъ одинъ и тотъ же.“ Но къ несчастью сходныя религіи могутъ быть и самыми враждебными между собою, подобно тому какъ бываетъ непримиримая вражда между близкими родственниками. Въ ко-

ранѣ находятся также положенія, которыя неизбѣжно должны были вызвать борьбу между исламомъ и христіанствомъ. „Отрезающійся увѣровать въ исламъ,“—говорится тамъ,—„хуже скота передъ Богомъ: пусть приметъ наказаніе за нечестіе, пусть будетъ наказанъ огнемъ вѣчнымъ. Призывайте іудеевъ и христіанъ къ принятію ислама. Воййте съ врагами своими въ брани за вѣру. Когда Богъ пошлетъ помощь свою и побѣду, тогда увидите, что люди съ готовностію обратятся къ исламу.“ Такимъ образомъ коранъ сначала привѣтствуетъ христіанъ и іудеевъ, какъ братьевъ, потомъ презираетъ ихъ наравнѣ съ идолослужителями, далѣе угрожаетъ и наконецъ призываетъ мусульманъ къ войнѣ съ христіанами. Но этого мало. „Пророкъ“,—говорится въ коранѣ,—„и вѣрующіе, которые пожертвовали имуществомъ и пролили кровь свою за исламъ, удостоятся благословеній небесныхъ и вселятся на вѣки вѣковъ въ обиталищѣ, уготованномъ для нихъ отъ Бога, въ садахъ, орошаемыхъ рѣками, въ царствѣ наивысшаго блаженства“. Мечъ—говоритъ Магометъ—„это ключъ неба; одна капля крови, пролитая ради Бога, одна ночь воинскаго бдѣнія ради Бога зачтутся вѣрнымъ дороже, чѣмъ два мѣсяца поста и молитвы. Падшій въ битвѣ получить прощеніе грѣховъ своихъ. Въ послѣдній день раны его будутъ блистать и благоухать; ангельскія крылья вырастутъ у него вмѣсто отрубленныхъ членовъ; райскія красавицы гуріи будутъ наградою его доблести и вѣры.“ Такимъ образомъ коранъ не только призывалъ вѣрныхъ воевать противъ христіанъ и іудеевъ, также, какъ противъ идолопоклонниковъ, но и обѣщалъ заманчивыя награды въ будущей жизни падшимъ на этой священной войнѣ.—Но исламъ еще и другими способами поддерживалъ воинственный духъ въ своихъ приверженцахъ и побуждалъ ихъ смѣло идти на встрѣчу всякой опасности. Обѣщавъ вѣрнымъ, особенно падшимъ на полѣ битвы награды въ будущей жизни, исламъ не лишалъ ихъ и вещественныхъ наградъ въ жизни настоящей. Жизнь и имущество побѣжденных отдавались на волю побѣдителей. Красивѣйшія плѣнницы становились наложницами борцовъ за новую религію, разрѣшавшую многоженство. Для умноженія числа вѣрующіихъ было принято за правило, что новые приверженцы ислама становятся непосредственно участниками всѣхъ благъ, обѣщаемыхъ кораномъ въ сей жизни и будущей. А для того, чтобы мусульмане, удѣломъ которыхъ была война и господство, имѣли подъ руками служебную рабочую силу, было при-

нято другое правило—терпѣть въ магометанской державѣ иновѣрцевъ, которые должны были платить подати и нести повинности.

Возбуждая въ своихъ послѣдователяхъ фанатизмъ и своекорыстіе для священной войны, исламъ вмѣстѣ съ тѣмъ отнималъ у нихъ и естественную боязнь смерти догматомъ о предопредѣленіи. Очень можетъ быть, что самъ Магометъ и не проповѣдывалъ догмата о предопредѣленіи. Но въ коранѣ есть мѣста, близко къ нему приводящія. Напр. „Богу вы обязаны сномъ ночнымъ и пробужденіемъ утреннимъ. Богъ знаетъ, что вы дѣлаете цѣлый день. Богъ властвуетъ надъ своими рабами и посылаетъ вамъ стражами ангеловъ, которымъ поручено пресѣчь дни ваши въ опредѣленный срокъ и которые вѣрно соблюдаютъ повелѣнія небесныя.“ Преемники Магомета развили вполнѣ ученіе о предопредѣленіи, внушая мусульманамъ, что если кому умереть, тотъ умретъ въ опредѣленный срокъ и на своей постелѣ, а кому суждено еще жить, тотъ останется живъ и среди величайшихъ опасностей, во что конечно смерть въ священномъ бою предпочтительнѣе, чѣмъ смерть постели.

Таковы были новые враги, явившіеся на южныхъ окраинахъ и-зантійской имперіи. Имперія давно манила воображеніе арабовъ. Самъ Магометъ бывалъ въ предѣлахъ имперіи, еще когда не былъ пророкомъ. Онъ съ любопытствомъ слѣдилъ за войною грековъ съ персами и 30-я глава корана начинается словами: „греки были побѣждены персами, но чрезъ нѣсколько лѣтъ греки снова побѣдятъ персовъ.“ Очевидно, что Магометъ больше сочувствовалъ грекамъ, какъ людямъ и-сламія, чѣмъ огнепоклонникамъ персамъ. Въ ночь своего фантастическаго путешествія на седьмое небо Магометъ предварительно побывалъ въ Іерусалимѣ, который для него былъ также священнымъ городомъ, какъ и Мекка. ¹⁾

¹⁾ Дѣйствительность этого посѣщенія, по словамъ арабскихъ писателей, засвидѣтельствована имп. Ираклію іерусалимскимъ патріархомъ. „Магометъ, — говоритъ Ахметъ бенъ Іосифъ — отправилъ въ Константинополь посла къ имп. Ираклію, желая склонить его къ принятію ислама—и случилось такъ, что при императорѣ находился тогда и патріархъ. Когда посланный разсказалъ о ночномъ путешествіи пророка, патріархъ пораженъ былъ удивленіемъ и сообщилъ императору случай, согласующійся съ разсказомъ посла “ Мой обычай, — сказалъ патріархъ, — не отходить ко сну, пока

При жизни Магомета сношенія арабовъ съ Византією были почти только дипломатическія. Въ 629 г. Магометъ отправилъ посольство въ Іраклію съ предложеніемъ принять исламъ, на что получилъ отрицательный, но уклончиво-сдержанный отвѣтъ. При преемникѣ Магомета Абу-бекрѣ (632—634) усилились враждебныя дѣйствія магометанъ противъ Сиріи, а при второмъ калифѣ Омарѣ (634—644) арабы одержали надъ греками рядъ блестящихъ успѣховъ и завоевали южную половину имперіи. Есть извѣстіе, что имп. Іраклій, пораженный столь быстрыми и неожиданными успѣхами арабовъ, собралъ совѣтъ для обсужденія вопроса, почему арабы, которые далеко уступаютъ грекамъ числомъ, образованіемъ и военнымъ искусствомъ, оказываются столь сильными и непобѣдимыми врагами. Вопросъ дѣйствительно былъ не легкій и загадочный. Покорить народъ, дорожащій своею независимостію, также трудно, какъ трудно собагѣ схватить ежа, свернувшася въ клубокъ и защищающася со всѣхъ сторонъ своими иглами. Наполеонъ I не могъ покорить ни Россіи, ни Испаніи. Только чрезвычайное превосходство въ силахъ или въ искусствѣ можетъ обезпечить успѣхъ непріятелю. Такъ татары раздавили Россію въ XIII вѣкѣ; такъ европейцы примучивали дикарей новаго свѣта. Но у арабовъ не было превосходства предъ греками ни въ числѣ, ни въ военномъ искусствѣ, какъ можемъ между прочимъ видѣть изъ словъ имп. Іраклія. Въ чемъ же тайна арабскихъ успѣховъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ былъ данъ Іраклію не глубокомысленный, но характерный для того времени. Одинъ старый вельможа объяснилъ Іраклію, что *успѣхи сарацинъ можно приписать ничему иному, какъ иному Божію за грѣхи грековъ,*—

не замкну каждой двери во храмѣ. Въ упомянутую ночь я заперъ ихъ по своему обыкновенію, но была одна, которой я никакъ не могъ подвинуть. Поэтому я послалъ за плотниками, которые, осмотрѣвъ дверь, объявили, что притолки надъ нею и все зданіе до такой степени осѣли, что нельзя запереть дверь. Такъ я и оставилъ ее незапертою. На разсвѣтѣ я отправился туда и увидѣлъ, что камень, находящійся въ углу храма, просверленъ, и были еще слѣды на томъ мѣстѣ, гдѣ была привязана лошадь. Итакъ,—сказалъ я присутствовавшимъ,—*ворота не остались бы неподвижными, если бы здѣсь не молился къ кой-нибудь пророкъ.*“ Само собою разумѣется, что извѣстіе Ахмета на столько же заслуживаетъ довѣрія, на сколько и самое путешествіе Магомета на седьмое небо.

и это объясненіе было признано окончательнымъ. Оно пожалуй и окончательное въ томъ смыслѣ, что выводить вопросъ изъ области человеческого обсужденія. Но для исторіи ясны и другія причины успѣха арабовъ. Дѣло въ томъ, что южная половина византійской имперіи, состоявшая изъ Египта и Сиріи и попавшая подъ первые удары арабовъ, — давно уже была привязана къ византійской державѣ насильственной и непрочною связью. Сирійцы и копты говорили своимъ языкомъ, сознавали свою національность и неохотно подчинялись господству национальности греческой, которая брала перевѣсъ не столько силою, сколько хитростію. Въ своей антипатіи къ грекамъ сирійцы и копты упорно держались за свою монофизитскую догматику, которая различно понималась самими монофизитскими богословами, но была дорога для народнаго большинства, какъ выраженіе отдѣльности отъ грековъ. Понятно, что при паденіи всякаго внѣшняго врага для сирійцевъ и коптовъ шелъ вопросъ не о политической самобытности, но о замѣнѣ одного господства другимъ. Господство грековъ уже было извѣдано и было антипатично; не лучше ли будетъ господство другаго народа? Поэтому-то сирійцы и копты легко подчинились господству персовъ въ началѣ царствованія Ираклія, и потомъ, когда могущество персовъ было сокрушено Иракліемъ, послѣ краткаго воссоединенія съ Византією, опять еще болѣе легко подчинились господству арабовъ въ концѣ царствованія тогоже Ираклія. „Въ Сирію арабамъ легко было проникнуть“ — разсуждаетъ Шлоссеръ — „такъ какъ тамошніе христіане, обезсиленные лѣнливою и чувственною жизнію, раздѣленные на секты и не знавшіе ни патріотизма, ни чувства чести, охотно соглашались платить невѣрнымъ поголовную подать, лишь бы только въ замѣнъ того ихъ оставили въ покоѣ.; къ деспотизму же они и безъ того давно привыкли.“ — „Сирійскіе города“, говорятъ Финлей, „дрожа за свое богатство и относясь вполнѣ равнодушно въ интересамъ своихъ правителей, начали заключать отдѣльные мирные договоры съ арабами. Вездѣ, гдѣ императорскій гарнизонъ не имѣлъ довольно силы, чтобы держать жителей въ покорности, туземные сирійцы старались войти въ какую-нибудь сдѣлку съ арабами для предохраненія своихъ городовъ отъ грабежа, въ полной увѣренности, что арабскія власти не могутъ оказаться болѣе жадными и жестокими, чѣмъ императорскіе правители.“ Такое же добровольное подчиненіе мусульманамъ имѣло мѣсто и въ Египтѣ. И нужно сказать, что на первый разъ сирійцы и копты не ошиблись,

мѣняя одно владычество на другое. Арабы обнаруживали кротость, великодушіе и честность въ исполненіи обѣщаній. Ихъ поведеніе опредѣлялось слѣдующими наставленіями калифа Абу-бекра: „будьте справедливы, несправедливые никогда не процвѣтаютъ; будьте храбры, умрите скорѣе, чѣмъ уступать; будьте милостивы, не убивайте ни стариковъ, ни женщинъ, ни дѣтей; не губите ни плодовыхъ деревьевъ, ни засѣянныхъ полей, ни скота; исполняйте данное слово даже по отношенію къ вашимъ врагамъ; не трогайте людей удалившихся отъ міра (т. е. клириковъ и монаховъ), но заставляйте прочихъ переходить въ мусульманство или платить намъ дань, а если они откажутся отъ этихъ условій, убивайте ихъ“. Въ этихъ правилахъ—по мнѣнію историка Финлея—высказывались начала справедливости и гуманности, которыя рѣдко были примѣняемы византійскими властями по отношенію къ инославнымъ подданнымъ. Но,—какъ показала исторія,—путь справедливости и гуманности только на малое время озарилъ отношенія арабовъ къ побѣжденнымъ народамъ.

Императоръ Ираклій зналъ органической недугъ своей имперіи, состоявшей во взаимной антипатіи сѣверной и южной половины имперіи, и за долго до появленія арабовъ принималъ мѣры къ его уврачеванію. Государь нашего времени постарался бы сплатить своихъ разновѣрныхъ и разноплеменныхъ подданныхъ общностию интересовъ политическихъ и экономическихъ, оставляя неприкосновенною свободу мысли и совѣсти. При такой постановкѣ дѣла держатся теперь въ единствѣ такія напр. сложныя государства, какъ Австрія и соединенные Штаты; но до этой мудрости не могло додуматься польское правительство въ XVII в., тѣмъ болѣе нельзя было ожидать ея отъ Ираклія въ VII в. Господствовавшій въ то время строй понятій склонялъ напротивъ того императора идти путемъ совершенно противоположнымъ т. е. хлопотать прежде всего объ установленіи религіознаго единства между подданными, и отсель ожидать упроченія единства политическаго. Такова была политика и всѣхъ почти предшественниковъ Ираклія начиная съ имп. Маркіана, т. е. со времени халкидонскаго собора. Разница только въ томъ, что одни императоры какъ напр. Зенонъ и Анастасій пытались достигнуть религіознаго объединенія подданныхъ путемъ взаимныхъ уступокъ и соглашеній между разномыслящими; другіе же, какъ напр. имп. Юстиніанъ, надѣялись на всемогущество императорскаго указа. Ираклій предпочелъ идти первымъ путемъ, какъ болѣе благонадежнымъ, хотя непри-

годность его была испытана. Еще во время персидских походов находясь въ Закавказьи, императоръ сблизился съ митрополитомъ колхидскимъ Киромъ и совмѣстно съ нимъ выработалъ проектъ объединенія монофизитовъ съ православными посредствомъ провозглашенія догмата о *моновелитствѣ*, т. е. о единствѣ божественной воли во Христѣ при двухъ естествахъ божескомъ и человѣческомъ. Этимъ ученіемъ, по предположенію императора, могли удовлетвориться и монофизиты и православные: монофизиты,—потому что признавалась одна божественная воля во Христѣ; православные,—потому что допускались во Христѣ два естества. Императоръ поспѣшилъ ввести въ свои вѣдѣнія столичнаго патріарха Сергія, и Сергій, (610—638) человѣкъ весьма умный и замѣчательный въ качествѣ политическаго дѣятеля, незамедлительно усвоить себѣ религіозную политику императора, точно также какъ сдѣлалъ нѣчто подобное патріархъ Акакій при Зенонѣ (см. стр. 246). Все это совершалось приблизительно около 622 г., когда непріязненный пророкъ Магометъ бѣжалъ изъ Мекки въ Медину, а Ираклій былъ еще занятъ войною съ персами. Хлопоты объ устройствѣ уни нужно было отложить до окончанія тяжелой войны. Черезъ годъ послѣ конца персидской войны (630 г.) Ираклій назначилъ на патріаршью александрійскую кафедру—митрополита колхидскаго Кира, который, какъ главный виновникъ ученія о моновелитствѣ,—предполагалось,—лучше всякаго другаго могъ провести въ жизнь придуманную имъ унию. Затѣмъ прошло еще два года. Положеніе православнаго александрійскаго патріарха, не признаваемаго ¹⁹/₂₀ своей паствы, было тогда очень неудобно. Занимающій эту кафедру долженъ былъ быть регента грата и искупать своими личными достоинствами—привѣтливостію, ласковостію, общительностію,—непопулярность своего положенія. Таковъ былъ Тимофей Салофакіоль (460—482), которому сами монофизиты говорили: „мы любимъ тебя, хотя и не въ общеніи съ тобою“. Таковъ былъ св. Іоаннъ милостивый (609—620), житіе котораго (ноябр. 12) наполнено разсказами о его кротости и благотворительности. Понятно, что и Киру (630—640) нужно было время и усиліе, чтобы пустить корни въ неблагодарной почвѣ. Наконецъ въ 633 г. патр. Киру удалось достигнуть нѣкотораго успѣха. Египетскіе монофизиты, извѣстные подъ именемъ *Теодосіанъ* (отъ монофизитскаго патріарха Теодосія 531—8), приняли актъ соединенія съ правосл. церковію на началахъ монофизитства, пріобщились въ правосл. храмахъ, и были очень до-

вольны такимъ соединеніемъ, говоря, что не они пришли къ халкидонскому собору, а халкидонскій соборъ пришелъ къ нимъ. Нужно и то сказать, что Θεодосіане были самые слабые и непослѣдовательные изъ монофизитовъ; они даже не приписывали Христу всебѣденія, почему и назывались *апоетами*... Это было начало уніи; чего можно было ожидать далѣе? Повидимому унія при Иракліѣ имѣла противъ себя меньше противодѣйствующихъ силъ, чѣмъ унія при Зенонѣ. Тогда противъ уніи были римскій папа и византійскіе акимиты (см. стр. 247—250). Теперь римскій папа Онорій (625—638) по уступчивости или по недоразумѣнію сталъ на сторонѣ моноелитства. Объ *акимитахъ* тоже ничего не было слышно, и только Софроній, сначала монахъ, потомъ патріархъ іерусалимскій (634—641), горячо боролся противъ моноелитства въ его объединительными попытками. Но моноелитская унія была слаба своею внутреннею несостоятельностью и не напрасно остро-слывы того времени называли ее *единеніемъ водянымъ*, т. е. писаннымъ или построеннымъ на водѣ.

Нашествіе арабовъ отняло всякій политическій смыслъ у моноелитскаго объединенія и пресѣло всякую возможность дальнѣйшаго развитія уніи. Во время этого нашествія Иракліѣ могъ опытомъ убѣдиться въ бесполезности и тщетѣ своей религіозной политики. Арабы оторвали отъ имперіи три патріархата: антиохійскій, іерусалимскій и александрійскій, — и не только міряне, но даже и представители этихъ патріархатовъ не выразили императорскому правительству ни преданности, ни сочувствія. Антиохія была взята арабами въ 637 году; патріарха въ Антиохіи тогда не было, поэтому о немъ не можетъ быть и рѣчи. — Іерусалимъ сдался арабамъ послѣ долгой осады въ 638 г. Патріархомъ тогда былъ св. Софроній, явѣстный своею ревностію противъ моноелитства. Ревностное православіе св. Софронія не помѣшало впрочемъ ему войти въ переговоры съ арабами относительно капитуляціи Іерусалима. Желая заключить болѣе выгодныя и прочныя условія, Софроній объявилъ, что отдастъ священный городъ только самому калифу Омару, который парочито и прибылъ въ Іерусалимъ изъ Медины для заключенія мирнаго договора. Такъ какъ этотъ договоръ послужилъ образцемъ для послѣдующихъ договорныхъ отношеній христіанъ съ мусульманами, то мы и приводимъ его въ полномъ видѣ.

„Во имя Бога премилосердаго. Омаръ—обитателемъ Эліи (т. е. Іерусалима). Они будутъ находиться подъ охраною; они сохранять

свою жизнь и имѣніе. Ихъ храмы не будутъ разрушены и будутъ предоставлены имъ въ пользованіе: но входъ въ храмы для мусульманъ невозбраненъ и днемъ и ночью, и двери его открыты для мимоходящихъ. Воздвигать крестъ надъ храмомъ не позволено, равно и звонить въ колокола; пусть довольствуется биломъ. Пусть не строятъ новыхъ храмовъ ни въ городѣ, ни въ окрестностяхъ. Мусульманскому страннику пусть даютъ въ своемъ городѣ даромъ ночлегъ и прокормленіе въ теченіе трехъ сутокъ. Дѣти ихъ не обязаны изучать коравъ: но пусть не проповѣдуютъ открыто своей вѣры мусульманамъ, пусть никого не привлекаютъ къ ней, пусть не мѣшаютъ своимъ родственникамъ принимать мусульманство. Пусть не выносятъ на улицу ни своихъ крестовъ, ни своихъ священныхъ книгъ пусть уважаютъ мусульманъ и уступаютъ имъ мѣсто, когда тѣ пожелають сѣсть. Пусть не одѣваются, какъ мусульмане;... пусть не причесываются, какъ православныя;“ пусть не говорятъ тѣмъ же языкомъ, не называются тѣми же именами, не имѣютъ на своихъ печатяхъ арабскихъ надписей. Пусть не ѣздятъ верхомъ на сѣдлахъ,—не носятъ никакого оружія не берутъ мусульманина въ услуженіе. Пусть платятъ исправно подать, признають калифа своимъ самодержцемъ и не прямо ни косвенно не вредятъ его службѣ.“ — На этихъ условіяхъ обѣщалась свобода вѣроисповѣданія и допущеніе въ Іерусалимъ христіанскихъ поклонниковъ, со всѣхъ концовъ міра.—При вѣздѣ въ Іерусалимъ калифъ Омаръ, поразивъ зрителей, привывшихъ къ пышности византійскаго монарха, своею суровою простотою. Въ плохой одеждѣ изъ верблюжьей шерсти онъ ѣхалъ на верблюдѣ, имѣя при себѣ мѣхъ съ водою и мѣшки съ хлѣбомъ и финиками для своего пропитанія. На мѣстѣ храма Соломонова Омаръ устроилъ мечеть, существующую и по нынѣ.

Нѣкоторые историки напр. Финлей удивляются, почему православнѣйшій патріархъ Софроній обнаружилъ столь вѣрности и преданности къ византійской державѣ и къ особѣ императора Ираклія, что обязался за себя и за свою паству признать калифа своимъ самодержцемъ. Въ объясненіе этого можно указать двѣ причины: одну—личную (патр. Софронія); другую—общую (всѣхъ іерарховъ). 1) Какъ ревностный противникъ моноелитства, св. Софроній могъ предпочесть державу мусульманскаго калифа, который не вмѣшивался въ вѣрованія своихъ христіанскихъ подданныхъ, державѣ христіанскаго императора, религіозная политика котораго была несогласна съ чистымъ право-

славіемъ. 2) св. Софроній,—равно какъ и всякій другой іерархъ въ его положеніи—не могъ не чувствовать, что съ переходомъ подъ мусульманское подданство авторитетъ его власти между пасомыми не ослаблялся, а усиливался. Если мусульманскіе калифы допускали между своими подданными общество христіанъ, обязательно выдѣлявшееся своею религіею, языкомъ, бытомъ и даже одеждою, то естественно, что у этого общества должно было быть свое начальство или—по крайней мѣрѣ—представительство. Такое представительство никакъ не могло пасть на долю чиновниковъ византійскаго императора, которые или удалялись въ имперію или принимали исламъ. Естественнымъ представителемъ христіанскаго общества былъ духовный глава его—патріархъ, одинаково признаваемый и своею паствою и мусульманскимъ правительствомъ. Онъ былъ первый человекъ своей христіанской общины, тогда какъ въ византійской имперіи терялся въ ряду многочисленныхъ духовныхъ и свѣтскихъ сановниковъ, стоявшихъ ближе къ императору.

Александрійскій патріархатъ былъ завоеванъ арабами въ теченіе двухъ лѣтъ (639—641). Здѣсь было даже два патріарха: одинъ монофизитскій патріархъ Веніаминъ, въ паствѣ котораго были туземные копты, составлявшіе классъ земледѣльцевъ, ремесленниковъ, купцовъ и высшихъ чиновниковъ, числомъ до 6 милліоновъ душъ; другой патріархъ, назначенный императоромъ, извѣстный Киръ, хлопотавшій объ уніи монофизитовъ съ православными на основаніи моноелитета. Паству Кира составляли такъ называемые *мелхиты* (роялисты),—большею частію пришлые римляне и греки, поселившіеся въ городахъ Египта, также солдаты и высшіе чиновники; число мелхитовъ простиралось до 300000 душъ. Монофизитскій патріархъ, который до нашествія арабовъ былъ въ такомъ же положеніи, въ какомъ нынѣ находятся у насъ раскольничьи архіереи, разумѣется принялъ арабовъ, какъ желанныхъ избавителей, и заключилъ формальный договоръ о подчиненіи всей страны мусульманамъ. Копты согласились платить подушную и поземельную подать, но за то арабы предоставили имъ полную независимость въ дѣлахъ вѣры и церкви, обезпечили ихъ личность и собственность отъ насилій и даже позволили оставить на храмахъ кресты. Арабскій полководецъ обращался съ коптскимъ патріархомъ весьма почтительно и даже льстилъ ему. Отношенія коптскаго патріарха къ арабамъ совершенно естественны: но странно то, что и мелхитскій патріархъ Киръ вступилъ въ переговоры съ арабами, предлагая калифу

200,000 червонцевъ ежегодной дани, съ условіемъ, чтобы онъ не завосывалъ Египта, и кромѣ того, какъ любитель уній, проектировалъ унію совершенно невозможную, предполагая устроить брачный союзъ калифа съ дочерью императора и выражая надежду, что сія послѣдняя обратитъ калифа въ христіанство. Но Ираклій не одобрилъ предложеній Кира и запретилъ ему продолжать эту дипломатію. Александрія послѣ 14-мѣсячной осады была взята арабами 22 дек. 641 года уже послѣ смерти Ираклія.

Печальны были послѣдніе годы Ираклія. Послѣ безпримѣрной славы онъ испытывалъ безпримѣрныя неудачи. Онъ сознавалъ невозможность бороться съ арабами, когда въ 635 г. увозилъ древо крестное изъ Иерусалима въ Константинополь и говорилъ съ горемъ: *прощай Сирія!* Только силою исторической инерціи, заставляющей людей прибѣгать къ запоздалымъ и ненужнымъ мѣрамъ, можемъ объяснить изданіе Иракліемъ въ 638 г. (а по другимъ извѣстіямъ — ранѣе) глѣ называемаго *Ἐκθέσις* а т. е. изложенія вѣры въ моноелитскомъ духѣ. Запоздалость и бесполезность *ектезиса* призналъ и самъ Ираклій, когда въ 639 г. писалъ папѣ Іоанну: „*ектезисъ* — не мой: я ни диктовалъ его, ни приказывалъ составлять; но патриархъ Сергій составилъ еще за 5 лѣтъ до моего возвращенія съ востока, и въ Константинополѣ уже просилъ обнародовать его отъ моего имени и съ моею подписью: я уступилъ его просьбамъ. Но видя, что отъ сего возникли споры, объявляю всему міру, что я не авторъ *ектезиса*“.

Ираклій умеръ 2 февраля 641 года отъ водяной, 66 лѣтъ отъ роду; царствовалъ 30 лѣтъ, 10 мѣсяцевъ, и 5 дней. На предсмертныя бѣдствія и болѣзни Ираклія византійцы смотрѣли, какъ на Божіе наказаніе за моноелитство и за бракъ съ племянницею Мартиною, который былъ впрочемъ заключенъ около 28 лѣтъ тому назадъ. Приведемъ въ подлинникѣ извѣстіе хроникера о болѣзни Ираклія, какъ образчикъ диффамациі въ византійскомъ вкусѣ. *Ἰρακλειὸς νόσῳ περιπεσὼν ὑδερικῆ, δι' ἧς καὶ τέθνηκε, δεινὸς ἐτιμωρεῖτο ἐπὶ τοσοῦτον γὰρ τὸ πάθος ἐπεκτάθη ὡς ἦν ἡκα οὐρεῖν ἔμελλε, σάνδα κὰτὰ τοῦ ἴτρου ἐτίθει διὰ τὸ στρέφεσθαι τὸ ἀἰδοῖον αὐτοῦ καὶ κατὰ τοῦ προσώπου τὰ οὖρα ἐπέπευ. Ἐγγυχοῦ δὲ ἦν τοῦτο τῆς αὐτοῦ παρανομίας ἔνεκεν τοῦ εἰς τὴν ἰδίαν ἀνεψίαν παρανομιάτου γάμου.*

Гиббонъ, характеризуя Ираклія, представляетъ его любопытнѣйшимъ феноменомъ государя, который первое и послѣднее десятилѣтіе своего царствованія провелъ въ какой то летаргіи, а въ среднее десяти-

лѣтіе развилъ блистательныя дарованія и совершилъ великіе подвиги. Но кажется вѣрнѣе будетъ думать, что Ираклій всегда былъ энергиченъ и талантливъ, и только обстоятельства, которыя сильнѣе челоуѣка, были рѣшительно противъ него въ началѣ и концѣ его царствованія.

ЧТЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Преемники Иракліа до преевченія его династіи (641—711).

СМУТНОЕ ПОЛУГОДИЕ ПО СМЕРТИ ИРАКЛІА. Имп. Константъ, внукъ Иракліа, и послѣдняя монофелитская война.
СМЕРТЬ КОНСТАНТА (+668).

Послѣ смерти Иракліа на византійскомъ царскомъ престолѣ въ теченіе полугодія продолжались смуты. Чтобы понять, въ чемъ онѣ состояли, нужно припомнить составъ семейства Иракліева. Ираклій былъ женатъ два раза; въ первый разъ на Фабіи—Евдокіи, которая умерла въ ранней молодости (13 авг. 612 г.), оставивъ сына Константина;— другой разъ—на родной племянницѣ своей (отъ сестры Маріи) Мартинѣ, въ супружествѣ съ которой прожилъ 28 лѣтъ до самой своей смерти и отъ которой имѣлъ между прочимъ сына Ираклеона (род. въ мартѣ 624 г.) Бракъ Иракліа съ Мартиною былъ незаконенъ по причинѣ близкаго родства, и патриархъ Сергій настойчиво умолялъ царя отказаться отъ этого брака, наконецъ, видя непреклонность Иракліа, самъ перевѣнчалъ его съ Мартиною. *Ты исполнилъ свой долгъ, какъ архіерей и другъ мой, — сказалъ при этомъ случаѣ Ираклій Сергію, — теперь исполни волю мою, какъ юсударя.* Мартина была неотлучною спутницею Иракліа; онъ бралъ ее въ персидскіе походы, тогда какъ сынъ Константинъ оставался въ столицѣ. Вообще отношенія Иракліа къ Мартинѣ и къ сыну отъ перваго брака Константину напоминаютъ собою нѣсколько отношенія Петра великаго къ Екатеринѣ I и царевичу Алексею. Предъ смертію Ираклій хотѣлъ совмѣстить несомвѣстимое: онъ завѣщалъ имперію обоимъ сыновьямъ своимъ Константину и Ирак-

леону съ обязательствомъ оказывать Мартинѣ почтеніе и повиновеніе, какъ императрицѣ и матери. Константину было тогда 27 лѣтъ, Ираклеону 18,—а Мартинѣ около 45 лѣтъ.

Властолюбивая Мартина, привыкшая считать себя первою особою при жизни мужа, по смерти его одна представилась народу на ипподромѣ въ качествѣ императрицы и самодержицы. Но византійцы были предубѣждены противъ Мартины. Мы видѣли уже, что болѣзни и бѣдствія послѣднихъ лѣтъ Ираклія они считали наказаніемъ Божиимъ за его беззаконный бракъ съ Мартиною. Присматриваясь къ религіознымъ партіямъ того времени, можемъ думать, что противъ Мартины, сторонницы моноелитства, были приверженцы строгаго православія, называвшіеся прежде *акимитами*. Какъ бы то ни было, но при появленіи Мартины на площади раздались крики: *а гдѣ наши цари Константинъ и Ираклеонъ? ... Развѣ женщина будетъ принимать посланниковъ? развѣ женщина пойдетъ на войну? не дай Богъ намъ имѣть правительство, надъ какимъ смѣются персы!...* Въ виду такихъ заявленій общественнаго мнѣнія Мартина должна была отступить на задній планъ и фактически императоромъ сдѣлался старшій сынъ Ираклія Константинъ. Но онъ властвовалъ только 103 дня и умеръ 25 мая 641 г. Мартина съ своимъ сыномъ Ираклеономъ опять очутилась на вершинѣ правительственной власти. Но положеніе ея было очень непрочное. Хотя больной Константинъ могъ умереть и естественною болѣзнію, но смерть его случилась такъ кстати для Мартины, что византійцы заподозрили ее въ отравленіи Константина. Мало того—считая Мартину готовою на всѣ преступленія, византійцы опасались, что она погубитъ и двухъ малолѣтнихъ дѣтей Константина. Тщетно Мартина торжественно влялась, положивъ руку на честной крестъ въ Софійскомъ храмѣ, что она не будетъ вредить дѣтямъ своего умершаго пасынка, ни лично, ни чрезъ чье-либо посредство, тщетно поспѣшила короновать старшаго изъ сыновей Константиновыхъ 11-лѣтняго Константа. Народъ, подстрекаемый нѣкоторыми честолюбцами, не вѣрилъ и волновался. Столичный патріархъ Пирръ, усердный сторонникъ Мартины, предчувствуя печальный конецъ ея судьбы, бѣжалъ изъ Константинополя въ Кароагенъ, а вслѣдъ за тѣмъ и Мартина, оставшаяся беззащитною среди своихъ враговъ, была, по опредѣленію синклита, лишена власти и послана въ ссылку вмѣстѣ съ своимъ сыномъ Ираклеономъ, при чемъ Мартинѣ отрѣзанъ языкъ, а Ираклеону

ность. Изуродованные вдова и сынъ великаго Ираклія послѣ этого совершенно исчезаютъ изъ исторіи. Они безвѣстно дожили свою печальную жизнь гдѣ-нибудь въ монастырскомъ или тюремномъ заточеніи, а императоромъ провозглашенъ внукъ Ираклія Константинъ, которому вѣроятно, по причинѣ его малолѣтства, усвоено имя *Конста*, оставшееся за нимъ и въ исторіи.

Когда Конста подростъ и взялъ въ свои руки бразды правленія, то оказался человѣкомъ очень способнымъ и энергичнымъ, но жестокимъ, своенравнымъ и деспотичнымъ. Главнымъ доказательствомъ дарованій и энергіи Консты служитъ впрочемъ только то обстоятельство, что мусульмане, оторвавшіе при Иракліѣ чуть не половину имперіи, при Констѣ немного подвинулись впередъ въ расширеніи своей территоріи. Мало того: вождь арабовъ Моавія заключилъ въ 659 году съ Констою перемиріе, условія котораго кажутся странными и унижительными для арабовъ. Именно: если вѣрить византійскимъ хроникерамъ, Моавія обязался платить Констѣ во все время пріостановки военныхъ дѣйствій по 1000 серебрянныхъ монетъ, по лошади и по невольнику ежедневно.—Но это видимое ограниченіе мусульманской силы можетъ объясняться и помимо дарованій и заслугъ Консты. Во 1-хъ,—мусульманамъ легко было овладѣть Египтомъ и Сирією, гдѣ жители охотно готовы были промѣнять византійское господство на какое-угодно другое, но иное дѣло—когда мусульмане достигли до областей съ сплошнымъ греческимъ или эллинизованнымъ населеніемъ; тогда всякій шагъ впередъ обходился имъ гораздо дороже. Во 2-хъ,—мусульманское владѣтельство, на первыхъ порахъ легкое и гуманное, съ теченіемъ времени становилось тяжеле и тяжеле, а это конечно не располагало обитателей пограничныхъ византійскихъ областей мѣнять одно худое управленіе на другое, еще худшее. Наконецъ въ 3-хъ,—междоусобія и раздоры въ калифатѣ отвлекали вниманіе арабовъ отъ вѣшнихъ завоеваній ко внутреннимъ смутамъ. „Чтобы дѣйствовать свободнѣе противъ Али“, говоритъ Шлоссеръ, „Муавія заключилъ поворный договоръ съ византійскимъ императоромъ, но сдѣлавшись калифомъ, нарушилъ миръ съ греками.“ Моавія, какъ видно, былъ не слѣсивъ, и для сосредоточенія въ нужное время своихъ силъ, готовъ былъ дать пищу тщеславію грековъ. Какъ бы то ни было, но, послѣ страшныхъ успѣховъ арабовъ при Иракліѣ, и то много значило, что въ 28-лѣтнее царствованіе Консты, они не далеко подвинулись впередъ.

Обращаемся къ религіозной политикѣ Консты. Быть можетъ нѣкоторые успѣхи въ войнѣ съ арабами возбудили въ Констѣ надежду снова возвратить имперіи отторгнутыя области, — (какъ и дѣйствительно была возвращена Александрія на малое время въ 646 г.); быть можетъ, увлекаясь этою надеждою, Конста хотѣлъ склонить къ себѣ коптовъ и другихъ монофизитовъ, находившихся подъ мусульманскою властію, — какъ бы то ни было Конста, подобно дѣду Ираклію, держался унионныхъ стремленій, и въ 648 г. будучи 18 лѣтъ отъ роду издалъ, по совѣту к—скаго патріарха Павла, такъ называемый *типъ*, которымъ думалъ положить на спорные христологическіе вопросы печать молчанія. Отмѣняя *ектесизъ* Ираклія и не поставляя новыхъ догматическихъ опредѣленій, *типъ* Консты заключался такимъ образомъ: „воспрещаемъ всѣмъ нашимъ подданнымъ каѳоликамъ спорить впредь какимъ бы то ни было образомъ объ одной волѣ или одномъ дѣйствіи, двухъ дѣйствіяхъ или двухъ хотѣніяхъ и, чтобы содѣйствовать единству церкви и отнять всякій предлогъ у желающихъ спорить безъ конца, мы велѣли снять прибитые въ преддверіи великой церкви этого царствующаго града папирусы, касающіеся того вопроса. Кто осмѣлится противорѣчить сему распоряженію, будетъ подвергнутъ страшнымъ наказаніямъ.“ Быть можетъ, по существу дѣла, рѣшеніе *типа* было благоразумно и согласно съ наставленіями св. отецъ (напр. Василя великаго и Григорія Богослова) воспрещающихъ бесплодныя изысканія и словопренія относительно тачнѣ божественнаго существа, — но по свойству человѣческой природы, склонной къ противорѣчіямъ, опредѣленіе *типа*, — какъ это и часто бываетъ съ запретительными мѣрами, — привело къ результату, противоположному ожиданіямъ, т. е. возбудило новыя смуты вмѣсто того, чтобы покончить старыя. Въ особенности горячо возсталъ противъ *типа* римскій папа Θεодоръ. (642—649). Онъ созвалъ соборъ въ Римѣ, отлучилъ отъ церкви своего собрата к—скаго патріарха Павла, и, совершивъ таинство евхаристіи, собственноручно подписалъ актъ отлученія кровію Христовою. Печальный примѣръ того, до какой степени ослѣпленный іерархъ можетъ злоупотреблять религіею для служенія своимъ страстямъ! За дерзость Θεодора пришлось заплатить его преемнику папѣ Мартину. Какъ ни далеко былъ Римъ отъ Византіи, какъ ни безопасенъ казался римскій епископъ отъ греческаго императора, раздраженный Конста нашелъ возможнымъ чрезъ своего намѣстника, равеннскаго экзарха Калліопу въ 653 г. захватить

папу Мартина и привлечь его для суда въ Константинополь. Житіе св. Мартина наполнено разказами о тѣхъ притѣсненіяхъ и жестоко-стяхъ, какія терпѣлъ папа отъ чиновниковъ императора. Папу обвиняли между прочимъ во вредныхъ для имперіи сношеніяхъ съ мусульманами,—обвиненіе вѣроятно неосновательное, но въ связи съ примѣрами сношеній другихъ іерарховъ съ арабами (стр. 376—378), оно имѣло видъ правдоподобія. Въ концѣ концовъ папа весною 655 г. былъ отправленъ въ ссылку въ Херсонесъ (въ Крыму близъ нынѣшняго Севастополя). Нашъ прекрасный южный берегъ Крыма не понравился римскому изгнаннику. Люди казались ему варварскими и онъ не находилъ здѣсь предметовъ привычнаго житейскаго удобства. „Хлѣбъ“, жаловался папа, „извѣстенъ здѣсь больше только по имени.“ „Я удивлялся и удивляюсь,“ писалъ также папа „безучастію моихъ друзей и родственниковъ; они совершенно забыли о моемъ несчастіи; кажется не хотятъ даже знать, существую я еще на свѣтѣ или нѣтъ... На людей напалъ страхъ такъ, что они чуждаются даже исполненія заповѣдей Божіихъ,—страхъ, гдѣ не должно быть никакого страха.“ Въ ссылкѣ папа Мартинъ прожилъ только четыре мѣсяца (+ 16 сент. 655 г.) Церковь причислила его къ лику святыхъ съ проименованіемъ *исповѣдника*. Въ инкерманской киновіи существуетъ нынѣ пещерная церковь на предполагаемомъ мѣстѣ заточенія св. Мартина.

Уніоннымъ стремленіямъ византійскихъ императоровъ совместно съ папами римскими всегда противодѣйствовали и греческіе ревнители православія. Такъ было и въ настоящемъ случаѣ. Горячимъ противникомъ *типа* явился инокъ Максимъ, человекъ престарѣлый, ученый и въ мірской жизни знатный (бывшій нѣкогда секретаремъ императора Ираклія). Эти достоинства Максима придавали особенную цѣну его голосу и дѣлали его руководителемъ византійскаго общественнаго мнѣнія. Поэтому для императора Копсты весьма важно было, чтобы такой авторитетный и вліятельный старецъ, какъ Максимъ, по крайней мѣрѣ не высказывался рѣшительно противъ *типа*. По свидѣтельству житія преи. Максима царскіе посланники говорили ему такъ: „прими то, что мы предложимъ тебѣ, и доставь радость всей вселенной.“ И въ другой разъ: „вотъ что приказалъ сказать тебѣ императоръ: такъ какъ весь западъ и на востокѣ тѣ, которые увлечены въ соблазнъ, взирая на тебя, производятъ смуты и волненія и не хотятъ въ дѣлѣ вѣры имѣть съ нами общенія, то да вразумитъ тебя Господь принять

изданный нами *тинъ* и вступить съ нами въ общеніе. Тогда мы лично пойдёмъ къ тебѣ на встрѣчу, публично будемъ привѣтствовать тебя, подадимъ тебѣ нашу руку, съ честію и славою введемъ тебя въ реликую церковь, поставимъ на нашемъ императорскомъ мѣстѣ, вмѣстѣ выслушаемъ литургію и приобщимся животворящихъ таинъ тѣла и крови Христовой, потомъ провозгласимъ тебя нашимъ. отцемъ и будетъ радость не только въ христіанскомъ градѣ нашемъ, но и во всемъ христіанскомъ мірѣ. Ибо мы твердо увѣрены, что когда ты вступишь въ общеніе съ нами, то присоединятся къ намъ всѣ, которые ради тебя отпали отъ общенія съ нами.“ Но преп. Максимъ былъ человѣкъ духа твердаго и непреклоннаго. На всѣ увѣщанія онъ отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ. „По истинѣ,“—говорилъ онъ,—„всѣ силы небесныя не убѣдятъ меня сдѣлать то, что вы предлагаете.“ Причину же своего отказа призналъ *тинъ* преп. Максима выяснялъ такимъ образомъ.—„Кто изъ вѣрныхъ можетъ принять этотъ указъ, запрещающій говорить о томъ, о чемъ самъ Господь говорить повелѣлъ чрезъ своихъ апостоловъ и учителей?.. Кто вмѣстѣ съ нечестивыми еретиками отвергаетъ святыхъ,—а таковы люди, не желающіе говорить ни объ одной, но о двухъ воляхъ во Христѣ, какъ предписываетъ *тинъ*,—тотъ (простите мнѣ за правдивое слово!) вмѣстѣ съ дьяволомъ отвергается Бога. Посему смотрите, чтобы намъ подъ предлогомъ мира не впасть въ совершенное отступленіе отъ Бога, которое—по апостолу—должно предшествовать антихристу.... Дѣлайте со мною, что хотите, но я никогда не буду вмѣстѣ общенія съ людьми принимающими *тинъ*.“ Влachimый въ теченіе 5 лѣтъ по разнымъ тюрьмамъ и мѣстамъ заточенія, то убѣждаемый и ласкаемый, то угрожаемый и притѣсняемый, преп. Максимъ съ своими двумя учениками, (по имени Анастасіями)—въ концѣ концовъ былъ подвергнутъ бичеванію воловьими жилами и усѣченію правой руки и языка и сосланъ въ страну лазовъ (Абхазію), гдѣ вскорѣ и скончался (13 авг. 662 г.) Церковь причла преп. Максима къ лику святыхъ съ проименованіемъ *исповѣдника*.¹⁾

¹⁾ Достойно замѣчаніе, что житіе преп. Максима исповѣдника служить предметомъ особеннаго вниманія у русскихъ раскольниковъ—старобрядцевъ. Они указываютъ первообразъ собственнаго противленія іерархіи въ словахъ преп. Максима: *еще и вся вселенная начнетъ причащаться съ патриархомъ, азъ не имамъ причащаться съ нимъ*. Замѣчательно также,

Конста не до конца своей жизни имѣлъ резиденцію въ Константинополѣ. Въ 662 году онъ, подобно дѣду своему Ираклію (см. стр. 354), вознамѣрился оставить столицу восточной имперіи и переселиться на западъ. Тщетно византіицы протѣствовали противъ царскаго намѣренія и даже успѣли удержать въ Константинополѣ жену и дѣтей Консты; самъ царь все-таки уѣхалъ на западъ. Зимой 662 г. онъ провелъ въ Афинахъ, дней десять (663 г. іюл. 5—16) гостилъ въ Римѣ и наконецъ водворился окончательно въ Сиракузахъ, гдѣ и прожилъ около пяти лѣтъ до самой своей смерти. Трудно угадать причину переселенія Консты. Быть можетъ это было наслѣдственное у ираклидовъ тяготѣніе къ родному западу: быть можетъ попытка образовать новый центръ государственной жизни подальше отъ опасныхъ сосѣдей арабовъ; быть можетъ—слѣдствіе какихъ-нибудь личныхъ душевныхъ обстоятельствъ. Греческіе писатели, нерасположенные къ Констѣ за его *типъ*, указываютъ причину послѣдняго свойства. Императоръ имѣлъ брата Θεодосіа, котораго велѣлъ патр. Павлу постричь и посвятить во діаконы и не разъ постѣ того самъ пріобщался св. таинъ изъ рукъ брата. Въ 659 г. Конста приказалъ умертвить брата, но постоянно сталъ видѣть его во снѣ, съ чашею въ рукахъ, говорящаго: *пей брата!* Мученія совѣсти, не дававшія покоя императору, заставили его навсегда покинуть Константинополь, какъ мѣсто неприятныхъ воспоминаній.

Смерть Консты была насильственная. 15 іюля 668 г. онъ былъ убитъ въ банѣ прислужникомъ Андреемъ, опустившимъ кадку съ водою на царскую голову. Убійца въ этомъ случаѣ былъ выразителемъ общаго раздраженія придворныхъ противъ императора за его тяжелый и неприятный характеръ. Конста погибъ 38 лѣтъ отъ роду, послѣ 27-лѣтняго царствованія. Царедворцы, участвовавшіе въ заговорѣ, провозгласили императоромъ нѣкоего красиваго юношу, по имени Мизиза, родомъ армянина,—чѣмъ приготовили только, какъ увидимъ, скорую гибель своему избраннику.

что житіе протопопа Аввакума составлено какъ бы по образцу житія преп. Максима, представляя въ себѣ повтореніе однородныхъ фактовъ съ одинаковымъ историческимъ освѣщеніемъ.

И. Константинъ Погонать. (668—685). Неудачная осада столицы арабами. (669—676). VI вселенскій соборъ. (680).

Убийцы Консты не долго торжествовали. Семья покойнаго императора—какъ мы знаемъ—оставалась въ столицѣ и старшій, но еще очень молодой, сынъ Консты, Константинъ сдѣлался преемникомъ своего отца и мстителемъ за смерть его. Собралъ большой флотъ, Константинъ поплылъ въ Сицилію, разбилъ бунтовщиковъ, обезглавилъ претендента на корону Мизиза и поваралъ другихъ участниковъ бунта. Невинною жертвою этой расправы былъ оскопленный мальчикъ, сынъ вельможи Юстиніана, —впослѣдствіи Германъ, патр. константинопольскій. (715—730). Когда Константинъ послѣ сицилійской экспедиціи возвратился въ столицу, то граждане замѣтили перемѣну въ его наружности,—онъ отправился безбородымъ, а возвратился бородатымъ,—по сему и прозвали его *Погонатомъ* т. е. бородатымъ, каковое имя осталось за нимъ и въ исторіи.

Константинъ Погонать имѣлъ общія свойства династіи ираклидовъ; онъ былъ бодръ и дѣятеленъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ суровъ и жестокъ. Жестокость его обнаружилась даже по отношенію къ роднымъ братьямъ. У императора было два брата Тиверій и Ираклій, которые, хотя носили титулъ *августовъ*, но не принимали, да по малолѣтству и не могли принимать, участія въ правленіи. И вотъ въ то время, когда императоръ находился въ Сициліи, въ малоазійскихъ войскахъ вспыхнуло возстаніе, имѣвшее цѣлю доставить равноправность всѣмъ тремъ братьямъ. Матеежные воины, собравшись въ Хрисополѣ (нынѣшнемъ Скутари) въ виду столицы, требовали во имя догматическихъ основаній коронованія всѣхъ трехъ братьевъ. *Εἰς Τριάδα πιστεύομεν, τοὺς τρεῖς στεφόμεν*, (*св. Троицу вѣруемъ, трехъ угощаемъ*), кричали солдаты. Императоръ, хотя и самъ конечно вѣровалъ во св. Троицу, но не уважалъ догматическихъ резоновъ своего войска. По возвращеніи изъ Сициліи онъ немедленно усмирилъ возстаніе, казнилъ виновниковъ бунта, а братьямъ урѣзалъ носы; впрочемъ и въ такомъ видѣ они продолжали еще около 12 лѣтъ титуловаться *августами* и упоминаются во всѣхъ государственныхъ актахъ, доколѣ наконецъ въ 681 г. императоръ окончательно опалился на нихъ и низвелъ ихъ въ положеніе частныхъ людей.

Не смотря на свой крутой нравъ, К. Погонать пользуется и въ

гражданской и въ церковной исторіи доброю памятью, и во всякомъ случаѣ лучшею, чѣмъ его отецъ; въ гражданской—за отраженіе арабовъ отъ Константинополя, въ церковной—за созваніе VI вселенскаго собора.

Греческій историкъ Папарригопуло даетъ очень высокое, преувеличенное и—можно сказать—надутое сужденіе относительно многозначительности перваго событія. „Первая осада Константинополя,“ говоритъ онъ,—„есть событіе, во многихъ отношеніяхъ достопамятное, и по своей подготовкѣ, и по неудачѣ, и по тѣмъ страшнымъ послѣдствіямъ, какія имѣла бы удача для греческаго народа и для всего европейскаго міра. Если бы магометане завладѣли тогда Константинополемъ, то греческій народъ подвергался бы опасности быть стертымъ съ лица земли, да и для исторіи всего человѣчества это было бы роковымъ событіемъ. Если бы магометане захватили тогда этотъ оплотъ христіанства на востокѣ, то ничто болѣе не помѣшало бы дальнѣйшему распространенію магометанскаго владычества въ Европѣ, ни слабые славяне, ни раздѣленные и враждебные между собою германцы и франки. Западные историки приписываютъ обыкновенно спасеніе Европы отъ магометанства побѣдѣ Карла Мартелла въ 732 г., но они забываютъ, что за 60 лѣтъ предъ симъ опасность грозила Европѣ съ другой стороны, и опасность эта отвращена ничѣмъ инымъ, какъ мужественною, терпѣливою и искусною обороною, каковую противопоставили византійскіе христіане полчищамъ и кораблямъ арабскимъ“. Но превознесши такимъ образомъ значеніе событія, Папарригопуло не находитъ возможнымъ начертать сколько-нибудь обстоятельную картину онаго. „Къ сожалѣнію,—говоритъ онъ,—сколь ни важна осада Константинополя, но свѣдѣнія наши о ней очень неполны и неясны. Мы можемъ только съ достовѣрностію утверждать, что осада продолжалась 7 лѣтъ, но не постоянно. Начиналась она ежегодно въ апрѣлѣ и продолжалась до сентября. Тогда осаждающіе отплывали въ Кизикъ, гдѣ и зимовали. Въ слѣдующемъ апрѣлѣ они снова являлись предъ Константинополемъ и приступали къ осадѣ до тѣхъ поръ, пока, послѣ седмивратной неудачи, окончательно удалились во свояси. Но мы не знаемъ, производилась ли осада одновременно съ моря и суши, не знаемъ, какія были битвы между византійскимъ и арабскимъ флотомъ, тѣмъ болѣе не имѣемъ никакихъ свѣдѣній относительно подробностей осады и обороны.“ (Ш. 357—8). Но такъ какъ событіе совершалось

не въ какомъ-нибудь каменномъ вѣкѣ, а при полномъ свѣтѣ исторіи, то оно, кажется намъ, не могло бы быть такъ малоизвѣстно, если бы было столь многозначительно, какъ хочетъ представить его Папарригопуло. Поэтому мы болѣе склоняемся къ мнѣнію Шлоссера, который изображаетъ дѣло такимъ образомъ. „Магометане въ теченіе 7 лѣтъ дѣлали высадки въ окрестностяхъ Константинополя для нападеній на самую столицу. (669—576). Нападенія эти, *несправедливо называемыя семилѣтней осадой Константинополя*, были безуспѣшны, потому что бури и недостатокъ средствъ очень много вредили аравитянамъ, а греки получили неожиданное средство спасенія въ незадолго предъ тѣмъ изобрѣтенномъ *греческомъ огнѣ*.“¹⁾

Въ церковно-историческомъ отношеніи царствованіе Константина Погоната замѣчательно тѣмъ, что при немъ положенъ конецъ многолѣтнимъ и разнообразнымъ опытамъ уступокъ въ пользу монофизитовъ, съ цѣлію воссоединенія ихъ съ православными. Уступки эти (*τὸ ἐνωτικόν, ἡ καταβίχη τῶν τριῶν κεφαλῶν, ἡ ἔκθεσις, ὁ τύπος*) были теперь анахронизмомъ. Монофизиты, населявшіе южную половину имперіи, — о воссоединеніи которыхъ такъ хлопотали почти всѣ императоры отъ Анастасія до Консты, — монофизиты эти разъ навсегда были потеряны для имперіи. Въ урѣзанныхъ предѣлахъ византійской имперіи оставалось почти сплошное греческое и православное населеніе. Догматическихъ уступокъ дѣлать было некому и не для чего. Ясно было, что слѣдовало теперь дѣлать. Нужно было положить конецъ всякимъ компромиссамъ съ ересью, осудить одинаково и монофизитство, и моноелитство, и всякое другое инославіе, утвердить догматы православія и такимъ образомъ скрѣпить религіозную связь между тѣми областями, которыя оставались еще въ предѣлахъ византійской имперіи. Въ этихъ видахъ Константинъ Погоната вошелъ въ соглашеніе съ римскимъ папою и въ 680 году созвалъ въ Константинополь VI вселенскій соборъ. Соборъ этотъ, имѣвшій 18 засѣданій и продолжавшійся почти цѣлый годъ (съ 7 ноября 680 г. по 10 сентября 681 г.), засѣдалъ въ царскомъ дворцѣ въ залѣ, которая отъ сводчатой формы потолка на-

¹⁾ Одинъ сирійскій грекъ Каллиникъ изобрѣлъ составъ, который, будучи брошенъ на непріятельскіе корабли зажигалъ ихъ и дѣйствовалъ тѣмъ разрушительнѣе, что могъ горѣть подъ водою.

звало́сь *труллою*. На большей части засѣданій присутствовалъ самъ императоръ. Пренія тѣмъ не менѣ совершались съ достаточною свободою. Соборъ выслушивалъ заявленія и Макарія антиохійскаго патріарха, упорнаго моноелита, и даже сумасброднаго монаха Полихронія, который брался доказать истину моноелитства чудомъ воскрешенія мертваго. Соборъ даже оказалъ такую снисходительность, что позволилъ Полихронію публично совершить свой странный экспериментъ въ пользу моноелитства, т. е. опытъ воскрешенія мертвеца, разумѣется не увѣнчавшійся успѣхомъ. Въ заключеніе соборъ, состоявшій изъ 289 отцовъ и имѣвшій во главѣ патріарха константинопольскаго Георгія и антиохійскаго Теофана ¹⁾ и представителей папы римскаго (Агафона) и патріарха іерусалимскаго торжественно заявилъ, что церковь признаетъ во Христѣ Иисусѣ два естества соединенныя, но не слитыя, и двѣ воли, различныя, но не противоположныя. Императоръ утвердилъ соборное опредѣленіе своимъ повелѣніемъ, которымъ воспрещалось на будущее время всякое дальнѣйшее состязаніе о догматахъ подъ угрозою изверженія изъ клира для духовныхъ, — лишенія имущества и ссылки для мірянъ.“ Съ того времени, — говоритъ Папарригопуло (Ш, 357) — „эллинизмъ окончательно отождествилъ свою судьбу съ судьбою православія и рѣшительно отсѣкъ отъ себя разныхъ еретиковъ, которые продолжали существовать въ Сиріи, Египтѣ, Месопотаміи, Арменіи, Персіи и даже Индіи... Нужно было отсѣчь крайніе члены, чтобы спасти туловище.“ Прибавимъ отъ себя, что эту операцію можно было произвести даже безъ большой боли, потому что еретики помянутыхъ странъ, если не сами для себя, то по крайней мѣрѣ для Византіи, были члены атрофированныя, т. е. не связанныя съ Византіею ни политически, ни нравственно.

Константинъ Погонать умеръ чрезъ четыре года послѣ собора, въ сентябрѣ 685 г., оставивъ престолъ сыну своему 16-лѣтнему Юстиніану.

ЮСТИНИАНЪ РИНОТМЕТЪ. (685—695 и 705—711) Его характеръ Соборъ въ Труллѣ. (692) Низверженіе Юстиніана. (694) Императоры Леонтій (694—697) и Тиверій. (697—705) Вторичное царствованіе Юстиніана (705—711) и его гибель.

Юстиніанъ, въ 697 г. лишенный носа и съ тѣхъ поръ прозванъ

¹⁾ Патр. антиохійскій Макарій лично присутствовавшій на соборѣ, былъ низложенъ за свое упорное моноелитство и замѣненъ Теофаномъ.

ный ринотметомъ, былъ послѣднимъ представителемъ династіи иравлидовъ и совмѣщаль въ себѣ всѣ родовыя свойства этой династіи въ ихъ худшемъ видѣ. Онъ былъ дѣятеленъ до безтолковости, смѣль до безразсудства и жестокъ до бѣшенства. Царствованіе Юстиніана распадается на двѣ половины, между которыми протекло 10 лѣтъ его изгнанія въ Херсонесъ и вообще на сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря. Въ первую половину своего царствованія Юстиніанъ подготовилъ свое низверженіе цѣлымъ рядомъ сумасбродныхъ мѣропріятій; во вторую половину своего царствованія, по возвращеніи изъ ссылки, Юстиніанъ доказалъ, что онъ ничему не научился и ничего не забылъ, и подготовилъ окончательную гибель свою и своей династіи.

Выселеніе мардаитовъ изъ горъ Ливанскихъ, переселеніе кипріотовъ внутрь имперіи, безразсудный починъ войны съ арабами, и безразсудная страсть къ постройкамъ, — вотъ тѣ мѣропріятія Юстиніана, которыя вооружили противъ него подданныхъ и за которыя не хвалить его исторія. Такъ какъ всѣ эти мѣропріятія имѣютъ очень мало отношенія къ церковной исторіи, то мы должны вести рѣчь о нихъ съ возможною краткостію.

Въ горахъ ливанскихъ обитала община *мардаитовъ* или *маронитовъ*. Она составила изъ сирскихъ и египетскихъ монофелитовъ, которые не подчинялись опредѣленіямъ VI вселенскаго собора, но тѣмъ не менѣе готовы были сражаться за христіанство противъ мусульманства и, пользуясь своею неприступною мѣстностію, дѣлали арабамъ много затрудненій. Польза, приносимая мардаитами, была такъ очевидна, что византійское правительство снисходило къ нимъ, не смотря на ихъ еретическія заблужденія. Но Юстиніанъ, согласно договору съ калифомъ 686 г., выселилъ мардаитовъ изъ Ливана и тѣмъ сломилъ крѣпкій оплотъ своей имперіи.

Страсть къ переселеніямъ людей было впрочемъ въ духѣ Юстиніана. Сдѣлавъ удачный походъ противъ македонскихъ славянъ и набравъ много плѣнниковъ, Юстиніанъ поселилъ ихъ въ сѣверо-западномъ углу Малой Азіи близъ Геллеспонта, въ провинціи, въ которой обыкновенно квартировала императорская гвардія и которая потому называлась *obsequium* (*ὄψικιον*). Этого переселенія еще нельзя назвать безразсуднымъ, хотя оно впослѣдствіи и оказалось неудачнымъ.¹⁾ Но

¹⁾ Въ войнѣ противъ калифа въ 691 г. славяне въ числѣ 30000 из-

ничѣмъ нельзя оправдать выселенія кипрiотовъ. По мирному договору 686 г. островъ Кипръ былъ раздѣленъ пополамъ между калифомъ и императоромъ. А въ 690 г. Юстинiанъ переселилъ всѣхъ христіанъ изъ Кипра на материкъ, въ городъ, основанный близъ Кизика и наименованный въ честь царя Юстинiанополемъ. Для чего онъ это сдѣлалъ? неизвѣстно. Но переселеніе было гибельно для кипрiотовъ. Иные изъ нихъ потонули на пути; другіе умерли въ своемъ новомъ отечествѣ; остальные, потерпѣвъ раззореніе отъ потери своихъ кипрскихъ недвижимостей, при первой возможности успѣли вернуться въ Кипръ, уже окончательно подпавшій мусульманскому владычеству, но никогда не могли достигнуть своего прежняго благоденствія.

Довольно также страненъ и безразсуденъ предлогъ, употребленный Юстинiаномъ для починки второй войны съ арабами. По мирному договору 686 г. калифъ обязывался уплачивать ежегодно византійскому императору довольно значительную сумму денегъ, которую и ввѣсть въ 690 г. арабскими монетами съ надписью *Богъ Господь*, (тогда какъ прежде эта сумма уплачивалась монетами чеканки христіанскихъ сирскихъ городовъ.) Юстинiанъ отказался принять деньги, заявляя, что надпись на монетахъ (*Богъ Господь*) противорѣчитъ христіанскому догмату пресвятыя Троицы. Тщетно калифъ возражалъ, что всякое самостоятельное государство имѣетъ право чеканить свою монету съ какою угодно надписью, что вѣсь посылаемой суммы соотвѣтствуетъ договорному условію и т. д. Юстинiанъ не хотѣлъ ничего слушать и, собравъ войско, двинулся въ 691 г. противъ арабовъ. Исходъ войны былъ таковъ, что Юстинiану не пришлось уже впоследствии получать отъ калифа никакихъ денегъ, ни арабской, ни сирской чеканки.

Не на радость подданнымъ страсть къ постройкамъ овладѣла душою Юстинiана. Какъ онъ не стѣснялся ради своего каприза переселять подданныхъ изъ одной области въ другую, такъ для него ничего не стоило разрушить одно сооруженіе, чтобы поставить на его мѣстѣ другое. Набожные византійцы были сильно возмущены тѣмъ обстоятельствомъ, что царь приказалъ разрушить предъ своимъ дворцомъ церковь Богоматери, чтобы на ея мѣстѣ устроить фонтанъ. Царь просилъ

мѣнили Юстинiану и разъяренный Юстинiанъ истребилъ всю славянскую колонію съ женами и дѣтьми.

патріарха совершить молитвословіе на разрушеніе храма, но патріархъ Каллиникъ отвѣчалъ, что существуетъ молитва на построеніе храма, но нѣтъ молитвы на разрушеніе храма. Впрочемъ по настоянію царскому патріархъ прочелъ молитву, которую закончилъ словами: *Слава Богу терпящему всегда, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ аминь*, — послѣ чего церковь была сломана въ великому соблазну народа.

Къ первой половинѣ царствованія Юстиніанова относится созваніе такъ называемаго *трулльскаго* или *пятдшестаго собора* (692 г.), который долженъ былъ восполнить догматическія опредѣленія V и VI всел. соборовъ каноническими правилами относительно церковнаго благочинія и потому примыкаеть къ помянутымъ вселенскимъ соборамъ и считается какъ бы ихъ продолженіемъ. Соборъ состоялъ изъ 227 отцевъ и составилъ 102 правила, изъ которыхъ шесть (5, 13, 55, 67, 82 и 86) не приняты римскою церковію. Отлагая до слѣдующаго чтенія болѣе подробное ознакомленіе съ правилами трулльскаго собора, мы здѣсь замѣтимъ только, что соборъ этотъ, по содержанію обсуждаемыхъ на немъ предметовъ, весьма сходенъ съ московскимъ стоглавнымъ соборомъ 1551 г., что конечно дастъ намъ право находить нѣкоторую аналогію между состояніемъ византійскаго общества въ VII, — и московскаго въ XVI вѣкѣ.

Суетливая и большею частію безтолковая дѣятельность Юстиніана, его крутой желчный нравъ, его неудачи въ войнѣ съ арабами, на которую онъ самъ напросился, а также самовластіе и грабительство двухъ его временщиковъ—великаго логовета Θεодосія, (изъ монаховъ), и казначея Стефана (изъ персовъ), возбудили въ народѣ общее противъ царя неудовольствіе. Нуженъ былъ только способный предводитель, чтобы стать во главѣ возстанія. Такой вождь явился въ лицѣ полководца Леонтія, обиженнаго царемъ и долго сидѣвшаго въ тюрьмѣ. Переворотъ 695 г., (точная дата котораго неизвѣстна), совершился ночью и притомъ очень быстро. Заговорщики, состоявшіе главнымъ образомъ изъ выпущенныхъ и вооруженныхъ Леонтиемъ тюремныхъ заточниковъ, бѣгали по улицамъ и кричали: *христиане! собирайтесь въ св. Софію!* (ἄσσοι χριστιανοὶ εἰς τὴν ἁγίαν Σοφίαν) Въ собравшейся толпѣ ходила молва, что царь намѣренъ въ эту же ночь истре

бить всѣхъ византійцевъ, начиная съ патріарха. Явился во св. Софію и патріархъ Каллиникъ и обратился къ народу съ словами: *сей день, еюже сотвори Господь!* чѣмъ довольно ясно выразилъ свое одобреніе революціи. На слова патріарха народъ отвѣчалъ воплемъ: *да разсыплются кости Юстиніановы!* Что дѣлалъ въ это время Юстиніанъ, неизвѣстно. Вѣроятно онъ былъ застигнутъ въ расплохъ. Съ наступленіемъ дня онъ приведенъ былъ на ипподромъ, подвергнутъ урѣзанію носа и затѣмъ сосланъ въ ссылку въ Херсонесъ таврической, а Леонтій провозглашенъ императоромъ. Леонтій на свою бѣду сохранилъ жизнь своему предшественнику въ память благодарностей, полученныхъ отъ его отца Константина Погоната. Временники же Юстиніанова царствованія (Феодосій и Стефанъ) были казнены смертію.

Царствованіе Леонтія продолжалось около трехъ лѣтъ (695—698). Онъ палъ также жертвою возстанія. Арабы завладѣли Каррагеномъ (698) и разрушили его. Греческое войско, посланное Леонтиемъ для защиты Каррагена, не исполнило своего назначенія и возвращаясь послѣ неудачи во свояси. Быть можетъ войны боялись царскаго гнѣва и наказанія;—какъ бы то ни было, но когда они достигли Кипра, въ войскѣ вспыхнулъ мятежъ, войны убили главнаго военачальника Іоанна и провозгласили императоромъ начальника отдѣльнаго корпуса кибиріотовъ, ¹⁾ Апсимара, переименовавъ его Тиверіемъ. Новый императоръ поплылъ съ войскомъ къ столицѣ, овладѣлъ ею, отрѣзалъ носъ своему предшественнику Леонтию и заключилъ его въ монастырь. Царствованіе Тиверія—Апсимара продолжалось около 7 лѣтъ (698—705) и благодаря военнымъ подвигамъ брата Апсимарова Ираклія было не безславно для имперіи, но въ церковно-историческомъ отношеніи ничѣмъ не замѣчательно. Оно окончилось оно также насильственнымъ образомъ, и на этотъ разъ виновникомъ переворота былъ экс-императоръ Юстиніанъ Ривотметъ.

Приключенія этого изгнанника для насъ вдвойнѣ любопытны, потому что они совершались въ мѣстностяхъ входящихъ нынѣ въ со-

¹⁾ Тема или военный округъ кибиріотовъ (отъ города Кибиріи) обнималъ собою Карію, Ликію, Памфілію и часть Фригіи. Кибиріоты составляли отборную часть византійскаго войска, но отличались дерзостію и часто бунтовали.

ставъ русской имперіи. Херсонесъ, куда былъ сосланъ царственный изгнанникъ, находился на таврическомъ полуостровѣ, въ 3-хъ верстахъ отъ нынѣшняго Севастополя. Основанный греческими колонистами въ-ковъ за пять до Р. Х., съ трехъ сторонъ омываемый моремъ, а со стороны материка огражденный стѣною отъ набѣговъ варварскихъ, Херсонесъ былъ городъ обширный, богатый и торговый. Обитатели Херсонеса, быть можетъ, вслѣдствіе брачныхъ связей съ туземцами утратили нѣсколько чистоту греческой крови, но за то сохранили сполна духъ древней еллинской свободы. Какъ городъ, стоящій на краю имперіи вдали отъ столицъ, Херсонесъ всегда пользовался автономіею и управлялся совѣтомъ гражданъ на подобіе древнихъ греческихъ республикъ. Центральное правительство, какъ римское, такъ и византійское, какъ будто считало себя не въ правѣ отнимать самоуправленіе у города, который своими средствами долженъ былъ отбиваться отъ непріятелей. Херсониты дѣйствительно хорошо умѣли ладить съ сѣверными варварами; извѣстными подъ общимъ именемъ *скивоовъ*, и не только охраняли отъ нихъ свою независимость, но даже, выражаясь современнымъ языкомъ, эксплуатировали ихъ для своихъ торговыхъ интересовъ. Херсониты служили посредниками при сбытѣ въ Византію сырыхъ продуктовъ сѣвера и бойко торговали хлѣбомъ, шкурами, саломъ, медомъ, соленою рыбою и другими скинскими товарами, обмѣнивая ихъ на золото, ткани, металлическіе сосуды и другія произведенія византійской промышленности. ¹⁾ Намъ думается даже, что въ VII вѣкѣ торговая дѣятельность херсонитовъ должна была подняться болѣе прежняго, потому что Египетъ, прежде снабжавшій Византію хлѣбомъ, былъ завоеванъ арабами и $\frac{1}{2}$ милліонное населеніе столицы должно было ожидать себѣ пропитанія не отъ инуды, какъ только съ сѣвера. Какъ бы то ни было, но Херсонесъ въ рассматриваемую эпоху былъ очень богатъ и многолюденъ, и вмѣщалъ въ себѣ по крайней

¹⁾ Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Херсонеса была гавань *символовъ* т. е. торговыхъ договоровъ, контрактовъ и сдѣлокъ, которая самымъ названіемъ своимъ указываетъ на большое торговое мѣсто. Вѣроятно осторожные херсониты, опасаясь пускать туземцевъ внутрь своего города, вели съ ними торгъ въ этой сосѣдней пристани. Нынѣ это—Балаклава, небольшая, но очень глубокая и удобная бухта, гдѣ во время войны 1853—55 г. стоялъ весь англійскій флотъ.

мѣръ 200,000 душъ. (Такъ заключаемъ потому, что число только потонувшихъ жертвъ гнѣва Юстиніана въ 710 г. простиралось до 73,000 душъ.) Не смотря на свое богатство и многолюдство Херсонесъ — вслѣдствіе своего положенія на краю имперіи, близости каменноломень, а также быть можетъ вслѣдствіе преувеличеннаго представленія о скиѣскихъ морозахъ, — былъ городомъ ссыльныхъ. Намъ уже извѣстны слѣдующіе знаменитые херсонесскіе изгнанники: Климентъ, папа римскій, Тимофеей Элуръ, патриархъ александрійскій, (стр. 242) Мартинъ, папа римскій (стр. 384). Теперь къ этимъ громкимъ именамъ присоединилось еще болѣе громкое имя экс-императора Юстиніана. Не нужно большаго усилія воображенія, чтобы представить себѣ взаимныя отношенія крайняго деспота, притомъ обезсиленнаго и изуродованнаго, и гражданъ, воспитанныхъ въ тысячелѣтнихъ преданіяхъ народоправства. Херсониты не возлюбили Юстиніана, а онъ ихъ возненавидѣлъ. Херсониты вѣроятно дразнили изуродованнаго Юстиніана: онъ конечно сулилъ имъ всевозможныя бѣдствія въ случаѣ, если онъ сдѣлается царемъ. Съ теченіемъ времени раздраженіе херсонитовъ противъ Ринотмета дошло до того, что они рѣшились или просить императора Тиверія—Апсимара взять отъ нихъ куда-нибудь безповойнаго гостя или вообще какимъ бы то ни было способомъ избавиться отъ него. Уздавъ о замыслахъ херсонитовъ, Юстиніанъ бѣжалъ къ кагану хазарскому. Каганъ принялъ любезно изуродованнаго экс-императора и выдалъ за него свою сестру, которая приняла христіанство и во св. крещеніи получила имя Θεодоры. Но несчастный характеръ Юстиніана вездѣ создавалъ ему враговъ. Скоро каганъ, какъ видно, разочаровавшись въ своемъ зятѣ, вступилъ въ переговоры съ византійскимъ императоромъ Тиверіемъ—Апсимаромъ, который обѣщалъ ему большіе дары за выдачу Юстиніана, живаго или мертваго. Юстиніанъ провѣдалъ коварство кагана, собственноручно задушилъ подосланныхъ къ нему тайныхъ убійцъ, отослалъ Θεодору къ ея брату, и изъ Фангоріи, гдѣ жилъ, осенью 704 г. бѣжалъ на рыбацкѣй лодкѣ въ гавань Символовъ (нынѣшнюю Балаклаву), забралъ тамъ своихъ приверженцевъ, и, держась береговъ, поплылъ къ устью Дуная. Путниковъ застигла страшная буря. Тогда одинъ изъ приверженцевъ Юстиніана сказалъ ему: „государь, мы гибнемъ. Дай обѣтъ Богу о спасеніи своемъ. Поклянись, что, если Господь возвратитъ тебѣ царство, ты не будешь мстить врагамъ своимъ.“ Но въ груди Юстиніана бушевала буря силь-

нѣе морской. „Пусть Богъ потопитъ меня на семъ же мѣстѣ, если я пощажу хотя одного изъ нихъ!“ отвѣчалъ жаждущій мщенія Ринотметъ. Буря миновала и путники благополучно добрались до дунайскаго устья и достигли страны болгарской. Юстиніанъ немедленно вступилъ въ переговоры съ вождемъ болгарскимъ Тербелемъ, просилъ помочь себѣ въ достиженіи престола и обѣщалъ Тербелю многіе дары и дочь свою отъ перваго брака въ замужство. Въ мартѣ 705 г. болгарскія и славянскія полчища, имѣя во главѣ Тербеля и Юстиніана, уже стояли предъ Константинополемъ. Византія встрѣтила Ринотмета насмѣшками, но онъ не унывалъ. „Ринотметъ, — говоритъ одинъ историкъ, — обладалъ смѣлою предприимчивостію и свирѣпостію, необходимыми для предводителя шайки разбойниковъ, и соединенными у него съ фанатическою вѣрою въ его наследственное право на престолъ, такъ что никакое предпріятіе въ этомъ смыслѣ не казалось ему безнадежнымъ.“ Ночью съ немногими воинами Юстиніанъ самолично пробрался въ Константинополь чрезъ водопроводную трубу, отворилъ извнутри однѣ изъ городскихъ воротъ, впустилъ полчища союзныхъ славянъ и болгаръ и въ утру былъ уже обладателемъ столицы.

Юстиніанъ по натурѣ принадлежалъ къ числу людей, для которыхъ опытъ безполезенъ. Десятилѣтнее изгнаніе нисколько не смягчило его; напротивъ цѣль, ради которой онъ добивался престола, была исключительно жажда личнаго мщенія. Первыми жертвами Юстиніана были разумѣется два императора, занимавшіе престолъ въ его отсутствіе: Леонтій, уже лишенный носа и заключенный въ монастырь, и Тиверій—Апсимаръ. Оба они были приведены на ипподромъ и повергнуты предъ Юстиніаномъ, который попиралъ ихъ ногами, тогда какъ народная толпа, всегда раболѣбствующая предъ силою и успѣхомъ, какъ бы одобряла поведеніе Ринотмета, восклицая словами псалма: *ἐπὶ ἀσπίδα καὶ βασίλισκον ἐπέβης καὶ ἐπάτησας λέοντα καὶ δράκοντα* (на аспиде и василиска наступилъ ты и попралъ льва и змія. Пс. 60, 13). Вслѣдъ за тѣмъ бывшіе цари были отведены на такъ называемую собачью площадку (*πλατεῖαν τοῦ Κυνήσιου*) и обезглавлены. Патріархъ Каллиникъ, вѣнчавшій ихъ обоихъ на царство, былъ ослѣпленъ и сосланъ въ Римъ. Герой Ираклій, братъ царя Тиверія, равно какъ и многіе его сподвижники въ битвахъ, были повѣшены на стѣнѣ константинопольской. Своимъ тиранствомъ Ринотметъ удивилъ даже болгарскаго вождя Тербеля, который, видя такіа лютыя казни, говорилъ, что напрасно

греки называютъ болгаръ варварами. Лично Тербель впрочемъ не имѣлъ причины быть недоволенъ царемъ, ибо получилъ отъ него много золота и дорогихъ тканей и цѣлую область *Загорье* (т. е. южный склонъ Балканскихъ горъ отъ нынѣшняго Сливна до Бургаса съ важными приморскими городами Анхіаломъ и Месемвріей).¹⁾

Напрасно было бы предполагать, что Юстиніанъ, совершивъ отщепеніе надъ своими главными врагами, умирится и успокоится. Напротивъ того—жажда мщениія сдѣлалась хроническою болѣзнію его души, доводившею его почти до сумасшествія. Каждый разъ, когда Ринотметъ снималъ золотой покровъ съ своего изувѣченнаго носа для того, чтобы омыть и провѣтрить его,—это было предвѣстіемъ казни кого-либо изъ дѣйствительныхъ или мнимыхъ царскихъ лиходей. Иногда съ свойственною тираннамъ утонченностію въ жестокостяхъ Ринотметъ утромъ ласкалъ и осыпалъ почестями того вельможу, котораго вечеромъ приказывалъ отвести на казнь. Но эта же страсть къ мщению и погубила Ринотмета, ибо въ концѣ концовъ должна была найти и нашла себѣ отпоръ въ свойственной людямъ любви къ само-сохраненію.

Вмѣсто того, чтобы вести борьбу съ внѣшними врагами, Юстиніанъ рѣшился направить всѣ военныя силы на то, чтобы отомстить самымъ страшнымъ образомъ своимъ старымъ врагамъ херсонитамъ. Собралъ громадный флотъ и посадивъ на него стотысячное войско подъ начальствомъ Стефана Асмикта, царь приказалъ Стефану истребить всѣхъ жителей не только въ Херсонесѣ, но и въ другихъ греческихъ колоніяхъ Тавриды, потому что, какъ видно, ни одна изъ нихъ не оказало радушія Юстиніану во время его изгнанія. Варварское приказаніе было выполнено съ достаточною жестокостію, но все-таки не совсѣмъ буквально. Знатнѣйшіе херсониты погибли въ тяжкихъ мучкахъ; но большая часть гражданъ имѣла время спастись бѣгствомъ; кромѣ того пощажены были дѣти. Юстиніанъ, узнавъ о неточномъ исполненіи своего приказанія, вышелъ изъ себя и потребовалъ немедленно къ себѣ въ столицу Стефана съ молодыми херсонитами. Стефанъ повинувался и, оставивъ въ Херсонесѣ вмѣсто себя спаарія Ілію, въ ок-

¹⁾ Однако чрезъ два года (707) Юстиніанъ уже велъ неудачную для себя войну съ болгарами.

тябрь 710 г. поднялъ въ столицу, — но страшная буря истребила весь флотъ безъ остатка, при чемъ погибло, — какъ говорятъ, — до 73,000 душъ. Юстиніанъ выразилъ удовольствіе, узналъ о гибели флота, и, если о чемъ пожалѣлъ, такъ развѣ о томъ, что погибшіе въ волнахъ морскихъ спаслись отъ болѣе лютой смерти, какую онъ имъ готовилъ.

Весною слѣдующаго 711 г. Юстиніанъ отправляетъ новый флотъ въ Херсовесъ, съ приказаніемъ не оставить въ городѣ ни живой души, ни камня на камнѣ. Херсониты, — которымъ сочувствовалъ спаарій Илья, видѣвшій безуміе Юстиніаново, — укрѣпивъ свой городъ и получивъ нѣкоторое подкрѣпленіе отъ кагана хазарскаго, — обратили въ бѣгство царскій флотъ и вслѣдъ за тѣмъ предложили корону Ильѣ, а когда тотъ отказался, — провозгласили императоромъ ссыльнаго вельможу Вардана подъ именемъ Филиппика. Новый флотъ, высланный Юстиніаномъ, присоединился къ херсонитамъ, и Филиппикъ двинулся прямо на столицу и безпрепятственно завладѣлъ ею. Всѣ покинули Юстиніана, но обычныя свирѣпость и мужество не оставили его, и онъ пришелъ въ неописанное бѣшенство, увидѣвъ себя не имѣющимъ возможности сопротивляться. Царь, выданный воинами, былъ убитъ спааріемъ Ильею, и тогда же умерщвленъ былъ 6-лѣтній сынъ Рипотмета Тиверій, вытасценный изъ храма, куда его укрыли.

Такъ кончилась династія ираклидовъ, царствовавшая въ Константинополѣ ровно сто лѣтъ. (611—711). „Династія эта“ — говоритъ Папарригопуло, „начавшаяся героемъ и продолжавшаяся людьми средняго достоинства, закончилась сумасшедшимъ извергомъ.“ Но намъ кажется, что основныя типическія черты — жестокость и энергія — были присущи всѣмъ членамъ династіи Ираклія отъ родоначальника династіи до его праправнука, и въ этомъ отношеніи династія ираклидовъ представляетъ намъ любопытнѣйшій образчикъ наслѣдственности родовыхъ свойствъ. Жестокія казни — отсѣченіе носа, языка, рукъ, ногъ, осклопеніе — никогда не употреблялись такъ часто въ приложеніи даже къ лицамъ царствующаго дома, какъ въ вѣкъ ираклидовъ. Обсѣченіе конечностей было тогда модною казнью, какъ бы въ соотвѣтствіе тому, что и вся имперія подверглась тойже операціи, потерявъ свои крайнія области. Предлагаемая ниже таблица династіи ираклидовъ можетъ отчасти служить доказательствомъ той безпощадной жестокости, съ какою относились даже другъ къ другу члены этой даровитой и энергичной фамиліи.

Ираклий отецъ, правитель Африки. Его дѣти:

Ираклий императоръ съ 6 окт. 610 + 641 г.

1-я жена Иракліева Фабія —
Евдокія + 13 авг. 612 г.2-я жена его племянни-
ца Мартина.Марія (въ замужествѣ
за Евтропіемъ).

Геодоръ.

Отъ Фабіи Константинъ (род.
3 мая 612 + 28 июня 641,
букто-бы отравленный).Отъ Мартины Ираклеонъ
(род. 623 г.) лишень
носа и сосланъ въ 641.Дочь Марія Марина въ
замужествѣ за дядею
имп. Иракліемъ. Лише-
на зыма и сослана
въ 641 г.Сынъ Геодоръ лишень
носа, руки и ноги да-
же импер. Иракліемъ
+ 635 г.

Сыновья Константина:

1) Констанъ (род. 630) императоръ убитъ 668 г.

2) Геодосій постриженъ и потомъ въ 659 г. умерщвленъ.

Сыновья Констанъ:

Константинъ Погонатъ императоръ въ 668 г. + 14 сент. 685 г.

Тверій и Ираклий август. Лишени
носовъ въ 669 и тѣмъ же августовъ 681 г.

Сынъ Погонатъ Юстиніанъ Ринотметъ род. 669 г. уб. 711 г.

1-я жена Юстиніанова
незвѣстная поимени
2-я жена Геодора, сестра катяна хазарскаго (съ 703 г.).

Отъ 1-й жены дочь (?)

Отъ Геодора Тверій

обшанная въ замуже-
ство Терредю, воедую
убитъ (711 г.).

болгарскому.

НВ. Тавитъ обр. въ 18 лицъ, поименованныхъ въ семь родословіи, 6 погибли насильственной смертію и 5 подверглись увѣченію конечностей; да. изъ шести лицъ, погибшихъ насильственной смертію, одинъ предва-
тельно былъ постриженъ, а другою лишень носа.

ЧТЕНИЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

Внутренняя исторія церкви въ вѣкъ ираклидовъ.

Вліяніе успѣховъ магометанства на положеніе восточной церкви. Православіе на востокъ становится почти исключительно греческимъ исповѣданіемъ. Развитие у грековъ обрядовой набожности въ связи съ умственнымъ и нравственнымъ упадкомъ.

Самое многозначительное событіе въ вѣкъ ираклидовъ было явленіе и распространеніе магометанства. Оно,—хотя и механически, подобно бурѣ, землетрясенію или какому-нибудь другому физическому бѣдствію,—но тѣмъ не менѣе существенно повліяло на жизнь византійской имперіи вообще и въ частности на внутреннюю жизнь церкви, измѣнило много существующихъ отношеній, создало много новыхъ и неожиданныхъ. Иноплеменные и инославные христіане—копты и сирійцы—исповѣдники монофизитской или несторіанской догматики—отпали отъ византійской имперіи и поддѣлывались подъ магометанскую державу. Къ чести ихъ нужно сказать, что, перемѣнивъ подданство, они не измѣнили христіанской вѣры. Не заботясь о политической свободѣ, они горячо заботились о сохраненіи вѣры и остались христіанами, хотя бѣдными, угнетенными, презираемыми и невѣжественными, но все таки христіанами. „Успѣхъ мусульманской вѣры,“—говоритъ англійскій историкъ Финлей,—„не подвигался одинаковымъ шагомъ съ успѣхами арабскаго оружія. Изъ всѣхъ туземныхъ жителей покоренныхъ странъ одни сирійскіе арабы немедленно перешли въ новую вѣру своихъ соплеменниковъ; но огромное большинство христіанъ въ Сиріи, Месопотаміи, Египтѣ, Кириносѣ и Африкѣ твердо держалось своей вѣры и упадокъ христіанства въ этихъ странахъ долженъ быть приписанъ скорѣе гибели, чѣмъ вѣроотступничеству христіанскихъ тузем-

цевъ... Особыя причины, по которымъ христіане VII и VIII вѣка могли твердо сопротивляться натиску магометанства, предпочитая истребленіе вѣроотступничеству,—при всемъ своемъ невѣжествѣ и умственномъ упадкѣ,—причины эти заслуживаютъ болѣе точнаго изслѣдованія.“

Поставивъ главнымъ предметомъ изученія исторію византійской церкви, мы не будемъ слѣдить за печальною судьбою инославныхъ христіанъ подъ мусульманскимъ владычествомъ и изслѣдывать причины твердости ихъ въ христіанствѣ, какою, конечно, искупались ихъ еретическія заблужденія. Впрочемъ, если вѣрить ихъ заявленіямъ, вся ересь ихъ условливалась ихъ антипатіею къ грекамъ, а не догматическимъ разномысліемъ. Преосв. Порфирій Успенскій въ своей книгѣ: *отроученіе, богослуженіе* и проч. *коптовъ* (Спб. 1859) говоритъ: „Спросите коптскихъ епископовъ или монаховъ, въ которыхъ вѣра уяснена:... Христорость постился, алкалъ, жаждалъ, скорбѣлъ, молился, плавалъ какъ человекъ или какъ Богъ?... Кто добровольно умеръ на крестѣ? человекъ—или Богъ?...—Вамъ отвѣтятъ въ Каирѣ, Сіутѣ, Фаюмѣ, Манфалутѣ, Ахминѣ и близъ пороговъ Нила, какъ отвѣчали мнѣ: „позабудьте, вникните въ наши вѣроисповѣданія и богослужебныя книги безъ предубѣжденія, и вы узнаете, мы не монофизиты и не еоопаситы въ вашемъ смыслѣ. Мы анаематствуемъ ереси Несторія и Евтихія; мы исповѣдуемъ Христа какъ Бога совершеннаго и какъ человека совершеннаго, кромѣ грѣха; мы исповѣдуемъ неизрѣченное соединеніе двухъ естествъ, божескаго и человѣческаго, безъ сліянія, измѣненія, предложенія и раздѣленія ихъ... Мы исповѣдуемъ, что Богъ, какъ Богъ, не страдалъ и не умеръ на крестѣ, ибо Онъ всегда блаженъ и безсмертенъ, но не разлучался съ страждущимъ и умершимъ Іисусомъ и т. д.—Такъ сердцемъ вѣруютъ и устами исповѣдуютъ вѣру свою копты. Они, какъ и армяне,—не еретики.“

Отдѣленіе отъ византійской имперіи всей южной половины ея со множествомъ иноплеменныхъ и инославныхъ христіанъ сразу же отозвалось для церковной жизни весьма ощутительными послѣдствіями.

1) Въ *догматической литературѣ* скоро пресѣклись всѣ христологическіе споры, волновавшіе христіанскій міръ въ теченіе слишкомъ двухъ столѣтій. Оказались праздными и бесполезными всѣ многолѣтнія попытки императоровъ согласить всѣхъ подданныхъ къ принятію одной общей догматики; оказались ненужными болѣе всякіе компромиссы и соглашенія между монофизитами и православными,—и VI

вселенскій соборъ въ своемъ догматическомъ опредѣленіи изрекъ послѣднее слово по хринологическому вопросу.

2) Въ церковной іерархіи выдвинулось впередъ положеніе патріарха константинопольскаго до такой степени, что онъ сталъ единственнымъ первенствующимъ іерархомъ востока. Константинопольскій патріархатъ и прежде своимъ объемомъ равнялся тремъ остальнымъ восточнымъ патріархатамъ взятымъ вмѣстѣ; теперь—послѣ мусульманскаго разгрома—онъ одинъ занималъ все пространство урѣзанной византійской имперіи, ибо остальные три патріархата остались за рубежомъ. Мало того: изъ трехъ зарубежныхъ патріархатовъ два—антіохійскій и александрійскій—до послѣдней степени сократились въ численности паствы, ибо православіе въ нихъ и прежде было слабо и поддерживалось главнымъ образомъ усилями центрального правительства, а теперь безъ этой поддержки совсѣмъ почти пало. Можемъ думать, что число православныхъ христіанъ въ антіохійскомъ и александрійскомъ патріархатахъ сократилось приблизительно до тѣхъ размѣровъ, въ какихъ существуетъ нынѣ ¹⁾.—Припомнимъ также, что Антіохія и Александрія были разрушены, такъ что патріархамъ приходилось жить въ другихъ городахъ. ²⁾ Нѣсколько болѣе сохранилось православіе въ іерусалимскомъ патріархатѣ, но этотъ патріархатъ съ самаго начала своего существованія былъ меньше всѣхъ

¹⁾ Въ антіохійскомъ патріархатѣ числилось въ 1848 г. до 70000 душъ при одномъ патріархѣ, 3 митрополитахъ и 9 архіепископахъ; въ александрійскомъ патріархатѣ въ 1855 г. числилось до 14000 душъ при одномъ патріархѣ, двухъ титулярныхъ митрополитахъ и 8 храмахъ. (См. *Арсенія лѣтопись церк. событій*). На оскудѣніе восточныхъ патріархатовъ съ предосужденіемъ указывали москвичи XVII в. *Что то за патріархъ и надъ кѣмъ онъ патріархъ, что одна церковь во всей его патріаршійи? патріархъ зовется отцемъ начальникъ, сиречь имѣть подъ собою митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ, ино онъ кому начальникъ: а у него другой церкви нѣту и никакихъ отцевъ подъ началомъ у него нѣту*. Пр. об. 1861. III, 329.

²⁾ На это обстоятельство указывалъ патр. Никонъ, когда, доказывая некомпетентность своихъ судей, патріарховъ александрійскаго и антіохійскаго, говорилъ: *Въ Александріи и Антіохіи нынѣ патріарховъ нѣтъ: александрійскій живетъ въ Египтѣ, антіохійскій—въ Дамаскѣ*. Соловьева XI, 370.

остальныхъ. ¹⁾ При такомъ положеніи дѣль константинопольскій патриархъ фактически становился іерархическимъ главою востока, точно также какъ римскій папа былъ іерархическимъ главою запада, — и можно было уже предвидѣть близость іерархической борьбы между Римомъ и Византією.

3) Въ положеніи *монашества* также произошли значительныя перемѣны. Первая отчизна монашества Египетъ оказался уже неудобенъ для тихаго и безмятежнаго житія; вторая отчизна Палестина — также. Инокіи продолжали еще существовать и въ Египтѣ и въ Палестинѣ, но въ меньшемъ противу прежняго количествѣ. Большинство восточныхъ иноковъ жило въ предѣлахъ византійской имперіи, и въ частности въ настоящему періоду относится установленіе новой отчизны, новаго центра для монашества на Аѳонѣ, который — по мнѣнію пр. Порфирія (исторія Аѳона. Кіевъ 1876. III, 1—7) въ первый разъ сдѣлался изъ мірскаго монашескимъ при имп. Константинѣ Погонатѣ. Впрочемъ Аѳонъ въ то время не былъ еще славенъ и не имѣлъ тѣхъ подобныхъ крѣпостямъ монастырей и великолѣпныхъ храмовъ, какими украшается нынѣ. „Первоначальные монастыри на Аѳонѣ“ — говоритъ историкъ Аѳона (III, 13) „были очень малы, какъ это доказываютъ ихъ развалины. Вообразите себѣ одноэтажный домъ съ тремя—четырьмя комнатами, съ велейною церковицею челобѣкъ на шесть и съ кладовою въ башенкѣ: вотъ такой домъ и есть первобытный монастырь аѳонскій — безъ ограды, безъ двора, безъ колокольни. По какому уставу монахи жили въ сихъ монастырькахъ — это неизвѣстно. Ни одинъ изъ нихъ ничѣмъ не прославился; посему и четь-миней молчатъ о первоначальномъ *монастырскомъ* иночествѣ на Аѳонѣ.“

¹⁾ Изъ исторіи церковныхъ дѣль при имп. Анастасіѣ мы видѣли (стр. 255—257), что православіе процвѣтало въ іерусалимскомъ патриархатѣ и тамъ находились такіе горячіе борцы за православіе, какъ преп. Савва и преп. Θεодосій. Подобные же ревнители православія были въ іерусалимскомъ патриархатѣ и послѣ покоренія его арабами. Таковы Іоаннъ Дамаскинъ, Θεодоръ и Θεофанъ начертаннне. Православіе въ іерусалимскомъ патриархатѣ было затѣснено другими христ. вѣроисповѣданіями со времени крестовыхъ походовъ. Въ настоящее время православныхъ въ іерусалимскомъ патриархатѣ по свѣдѣніямъ отъ 1838 г. числится до 22000, при одномъ патриархѣ, 6 митрополитахъ, 4 архіепископахъ и 1 епископѣ.

Впрочемъ вѣкъ иравлидовъ вообще не богатъ канонизованными иноками, хотя число инововъ въ византійской имперіи, — преимущественно въ столицѣ и окрестностяхъ ея, — было весьма значительно, и, по мнѣнію греческаго историка Папарригопуло (Ш, 409), было даже болѣе надлежащаго. „Монастыри, обители, скиты, лавры, келліи — говорить греческій историкъ — умножились до чрезвычайности: ежегодно тысячи новоначальныхъ стекались въ эти убѣжища праздности, а иногда и безпутства, — и болшею частію не вслѣдствіе горячаго религіознаго усердія или какаго-либо честнаго стремленія, а по любви къ праздности и покою. Такимъ образомъ военная служба, земледѣліе, ремесла лишались полезныхъ и крѣпкихъ силъ, и это въ ту эпоху, когда государство должно было напрягать всѣ свои силы, чтобы отбиться отъ налегающихъ отовсюду враговъ вѣры и народа. Прибавимъ къ тому, что монастырскія имѣнія болшею частію были свободны отъ общеобязательныхъ податей, а имѣнія эти были велики и обширны, и такимъ образомъ государство лишалось значительной части принадлежащихъ ему денежныхъ средствъ.“

Оставляемъ это сужденіе о тогданнемъ греческомъ монашествѣ на отвѣтственности греческаго историка; но замѣтимъ, что этимъ сужденіемъ многое объясняется какъ въ постановленіяхъ трульскаго собора, такъ и по вопросу о причинахъ, вызвавшихъ послѣдующій періодъ иконоборства.

Сводя къ общимъ итогам значеніе магометанскаго погрома въ восточной римской имперіи, мы должны сказать, что для государства это событіе было печально, а для церкви — быть можетъ — еще печальнѣе. Государство правда потеряло много провинцій, но не погибло и даже не очень ослабѣло, какъ не ослабѣла Англія послѣ потери сѣверо-американскихъ штатовъ. Государство стало меньше, но за то плотнѣе и компактнѣе, ибо заключало въ своихъ предѣлахъ однородную греческую національность. Правительство уже не принуждено было двоиться между противуположными, но равно законными требованіями разныхъ провинцій, задачи его стали проще и опредѣленнѣе. Въ частности Константинополь много выигралъ отъ того, что закрылись такіе важные торговые центры, какъ Антиохія, Александрія, Карѳагенъ. Константинополь сталъ теперь всесвѣтнымъ рынкомъ, на ко-

торомъ мѣнялись своими произведеніями обитатели всѣхъ странъ, прилегавшихъ къ бассейну Средиземнаго моря. Одни таможенные и рыночные доходы въ столицѣ, простиравшіеся (по счету еврея Веніаміна Туделы XII в.) до 7,300,000 червонцевъ (124 милл. драхмъ или болѣе 30 милл. рублей) могли обогатить византійскаго монарха, а богатство привлекало къ нему много служилыхъ людей не только изъ своихъ подданныхъ, но еще болѣе изъ иноземцевъ.

Совсѣмъ въ иномъ положеніи оказалась церковь. Духъ узкой исключительности, которымъ и прежде были проникнуты такъ называемые *акимиты*, теперь возобладалъ безгранично. Если мы припомнимъ изъ какихъ сложныхъ элементовъ слагалась іерархія и церковная литература въ своемъ *золотомъ вѣкѣ*, если мы припомнимъ, что Оригенъ, Аѳанасій, Кириллъ, Антоній, Пахомій и др. были египтяне, Синезій, уроженецъ Кириеня, Ефремъ, Θεодоръ, Іоаннъ златоустъ, Θεодоритъ сирійцы, Василій великій, Григорій нисскій армяне, Григорій богословъ армяно-каппадокіецъ, — ¹⁾ то мы поймемъ, какимъ оскуденіемъ въ церковной литературѣ и жизни должна была отозваться монополія іерархическаго и богословскаго авторитета, усвоенная себѣ греками съ VII столѣтія. Благодаря этой узкой національной исключительности (такъ знакомой намъ изъ исторіи *бомарскаго вопроса* и такъ несообразной съ универсальнымъ характеромъ христіанства) церковная жизнь византійской имперіи стояла ниже гражданской, которая постоянно освѣжалась отъ притока другихъ національностей, болѣе грубыхъ, но менѣе изжившихся.

Папарригопуло рисуетъ намъ такую картину суевѣрной набожности и духовнаго упадка Византіи въ вѣкъ ираклидовъ. „Праздники умножились до того, что на каждый день приходилась память одного или многихъ преподобныхъ или мучениковъ; богослужебныя чиновослѣдованія сдѣлались такъ длинны, что усердные богомольцы на много часовъ отвлекались отъ своихъ житейскихъ занятій. Благоговѣнное почтеніе къ иконамъ, и мощамъ и приписываніе имъ чудодѣйственной силы не разбирало того, что подлинность нѣкоторыхъ священныхъ реликвій была сомнительна, а иногда даже бывалъ несомнѣненъ подлогъ. Многіе уходили въ монастырь отъ тру-

¹⁾ М. Е. Ковальницкаго. Рѣчь о значеніи національнаго элемента въ исторіи развитія христіанства. Кіевъ 1880 стр. 38—39.

дящагося общества; остававшіеся въ мірѣ посвящали много времени на исполненіе весьма усложнившихся богослужебныхъ обязанностей. Нельзя сказать, чтобы эти люди ничего не дѣлали; они занимались и мореплаваніемъ, и торговлею, и художествами, и воинскимъ дѣломъ; но навѣрное они проводили въ праздности отъ житейскихъ занятій цѣлую половину года. Нужно только бросить взглядъ на *изложениіе царскаго чина* у Константина Порфирогенита или на сочиненіе Куропалата о *должностныхъ лицахъ*,¹⁾ чтобы придти въ изумленіе отъ множества господскихъ и богородичныхъ праздниковъ, праздниковъ въ честь великихъ святыхъ, — и царскихъ дней (*πολιτικῶν πανηγυρίων*), когда общественныя учрежденія отъ высшаго до низшаго прекращали свои служебныя занятія. И это были только великіе, нарочитые, всенародные праздники; а кромѣ того было много мѣстныхъ праздниковъ во имя мѣстно чтимыхъ святыхъ, которые по своей многочисленности также содѣйствовали умноженію народной праздности. Вѣру смѣнило суевѣріе, а отъ сліянія суевѣрія съ праздностію ослабѣли всѣ силы народной энергіи, тѣмъ болѣе что воспитаніе было въ рукахъ монаховъ, которые, за немногими исключеніями, воспитывали молодежь сообразно своимъ неправильнымъ понятіямъ. Къ довершенію бѣды присоединились нѣкоторыя вредныя узаконенія. Къ уцѣлевшему отъ древности рабству присоединилось закрѣпощеніе (*δουλοκρασία*), которое обрело сотни тысячъ людей, если не на лишеніе свободы, то на имущественную зависимость, разнообразно стѣснявшую ихъ дѣйствія. Далѣе — церковь отлучила еретиковъ отъ общенія съ православными, а гражданскіе законы поставили еретиковъ въ положеніе, пониженное сравнительно съ господствующею церковію, — тѣмъ въ свою очередь было положено основаніе дальнѣйшему моральному разъединенію и враждебности. Въ дополненіе ко многимъ грубымъ обычаямъ, которые мы переняли у сѣверныхъ варваровъ (усѣченіе языка, носа, ослѣпленіе)²⁾, — мы заимствовали и съ востока нѣкоторые обычаи унизи-

¹⁾ Константинъ Порфирогенитъ писалъ въ X в., а Г. Кординъ Куропалатъ въ XIV в. но конечно Папарригопуло имѣетъ основаніе утверждать, что бытовой порядокъ, записанный этими авторами, имѣлъ мѣсто и въ VII в.

²⁾ Въ этомъ случаѣ Папарригопуло взводитъ напраслину на сѣверныхъ варваровъ. Напротивъ мы, сѣверные варвары, учились у грековъ жестокой казни ослѣпленія, — и притомъ, если въ русской исторіи и были отдѣльные случаи ослѣпленія (напр. Васильки Ростиславича или Василя Темнаго), то они ничтожны сравнительно съ тѣми ослѣпленіями въ гро-

тельные и чуждые духа древней эллинской жизни, напр. обычай падать ницъ предъ царемъ и цѣловать его колѣни. Что удивительнаго послѣ того, если души оподлѣли, если возвышенныя стремленія вясли, если нравы огрубѣли? Что удивительнаго, если въ области церковной литературы не явилось ничего выдающагося, послѣ великихъ твореній Василиевъ, Григоріевъ, Златоустыхъ и Синезіевъ?*

Историка Папарригонуло нивакъ нельзя упрекнуть въ недостатокѣ патриотизма и еллинофильства; поэтому если нарисованная имъ картина религіозно-нравственнаго состоянія Византіи въ VII вѣкѣ поражаетъ насъ своею мрачностію, то должно думать, что вина этого лежитъ не въ историкѣ, а въ описываемой эпохѣ: значить историческая дѣйствительность была такова, что историкъ долженъ былъ говорить такъ, а не иначе. Присматриваясь ближе къ этой картинѣ, мы не можемъ не замѣтить разительнаго сходства между нравственно-религіознымъ состояніемъ Византіи въ VII вѣкѣ и—московскаго государства въ XVI и XVII вв. Тотъ же умственный застой, тоже обрядовая набожность, тоже обиліе праздниковъ, тоже усердное посѣщеніе храмовъ, и доходящее до суевѣрія почитаніе священныхъ реликвій, и тѣже недуги общественной жизни, состоявшіе въ низости и жестокости. Разница только въ томъ, что Византія имѣла свое лучшее время позади, въ прошедшемъ, а Россія—впереди, въ будущемъ.

Богослужевная литература въ VII вѣкѣ. Почитаніе священныхъ реликвій.

Такъ какъ развитіе обрядовой набожности составляетъ собою отличительную черту вѣка ираклидовъ, то намъ слѣдуетъ обратить вниманіе на тѣ стороны церковной жизни, которые преимущественно давали пищу такой набожности. Мы разумѣемъ 1) богослужевную литературу VII вѣка, представляющую въ себѣ образецъ византійскаго религіознаго лиризма; и 2) чествованіе св. реликвій, перенесеніемъ которыхъ въ столицу византійцы утѣшали себя въ потерѣ южныхъ областей имперіи.

мадномъ размѣрѣ, какія были совершаемы греческими императорами. Припомнимъ хоть Василія болгароктона, ослѣпившаго въ 1014 г. 20000 болгаръ, или Константина Мономаха, ослѣпившаго въ 1043 г. 800 нашихъ соотчичей съ полководцемъ Выпатою.

Литература всегда болѣе или менѣе отвѣчаетъ потребностямъ времени. Поэтому въ вѣкъ обрядовой набожности естественно ожидать развитія богослужебной литературы. И дѣйствительно въ VII вѣкѣ къ прежде существовавшимъ простымъ и возвышеннымъ ритуаламъ христіанской церкви, составленнымъ болѣею частью изъ псалмовъ или по образцу псалмовъ Давидовыхъ,—присоединилось нѣсколько гимновъ и каноновъ, носившихъ на себѣ печать византійской искусственности. Такъ патр. Сергій ввелъ въ употребленіе при литургіи нѣкоторыя новыя гѣснопѣнія, составленныя, должно полагать, сосудохранителемъ великой церкви, Георгіемъ Писидомъ. Въ 616 г. введено было гѣніе при преждеосвященной литургіи гимна: *нынѣ силы небесныя съ нами невидимо служатъ...* Въ 624 г. патр. Сергій ввелъ при поставленіи на св. престолъ свящ. сосудовъ гѣніе тропаря: *да истомятся уста наша хваленія Твоего, Господи.* Но вѣнецъ византійской богослужебной поэзіи составляетъ *акаѳистъ Богоматери*, введенный въ церковное употребленіе въ 625 г. по случаю отраженія отъ столицы аваровъ и персовъ (см. стр. 358—359). Въ самомъ *акаѳистѣ* есть указаніе на то, что онъ составленъ по случаю побѣды надъ огнепоклонниками и звѣздопоклонниками персами. Такъ—къ Богоматери обращены между прочимъ слѣдующія привѣтствія: *радуйся, зѣпада, являющая солнце! радуйся сѣтѣ незаходимаго мати! радуйся огню поклоненіе—гласишшая!*—Въ славянскомъ переводѣ *акаѳистъ* поражаетъ насъ обиліемъ обращенныхъ къ Богоматери синонимовъ и эпитетовъ, не всегда удобопонятныхъ. Но нужно читать его въ греческомъ подлинникѣ, чтобы оцѣнить все богатство словесныхъ украшеній, какимъ онъ изобилуетъ, чтобы понять ту тонкую и сложную словесно- мозаическую работу, которая имѣла мѣсто при его составленіи.

Приведемъ нѣкоторые образцы этой весьма художественной словесной мозаики, о которой не даетъ и не можетъ дать понятія славянской переводъ.

Χαῖρε δι' ἧς ἡ χάρις ἐκλάμψει.

Χαῖρε δι' ἧς ἡ ἀγάπη ἐκλείψει.

Χαῖρε, ἀσπὴρ ἐμφανίων τὸν Ἥλιον.

Χαῖρε, γαστήρ ἐνθεοῦ σαρκώσεως.

Χαῖρε, τὸ τῶν ἀγγέλων πολυθρόνητον θαῦμα.

Χαῖρο, τὸ τῶν δαιμόνων πολυθρήνητον τραῦμα.

Χαῖρε τὸ φῶς ἀβρόχως γεννήσασα.

Χαῖρε τὸ πῶς μηδένα διδάξασα.
 Χαῖρε βλαστοῦ ἀμαράντου κλῆμα.
 Χαῖρε καρποῦ ἀκηράτου κτήμα.
 Χαῖρε, ὅτι λιμῶνα τῆς τρυφῆς ἀναθάλλεις.
 Χαῖρε ὅτι λιμένα τῶν ψυχῶν ἐτοιμάζεις.
 Χαῖρε, ἡ τῆς βαρβαροῦ λυτρουμένη θρησκείας.
 Χαῖρε, ἡ τοῦ βορβόρου ρυομένη τῶν ἔργων.
 Χαῖρε, τῆς ἀπάτης τὴν πλάνην πατήσασα.
 Χαῖρε, τῶν εἰδώλων τὸν δόλον ἐλέγξασα.
 Χαῖρε, θάλασσα ποτίσασα Φαραῖν τὸν νοητόν.
 Χαῖρε, πέτρα ἡ ποτίσασα τοὺς διψῶντας τὴν ζωὴν.
 Χαῖρε, τροφή τοῦ Μάννα διάδοχε.
 Χαῖρε, τρυφῆς ἀγίας διάκονε.
 Χαῖρε, στολή τῶν γυμνῶν παρρησίας.
 Χαῖρε, στοργὴ πάντα κόπον νυκίωσα.
 Χαῖρε, φιλοσόφους ἀσφόδους δεικνύουσα.
 Χαῖρε, τεχνολόγους ἀλόγους ἐλέγχουσα.
 Χαῖρε, ὅτι ἐμαράνθησαν οἱ δεινοὶ συζητηταί.
 Χαῖρε, ὅτι ἐμαράνθησαν οἱ τῶν μύθων κοιτηταί.
 Χαῖρε, σὺ γὰρ ἀνεγέννησας τοὺς συλληθέντας ἀισχυρῶς.
 Χαῖρε, σὺ γὰρ ἐνουθέτησας τοὺς συληθέντας τὸν νοῦν.
 Χαῖρε παστὰς ἀσπόρου νυμφευσεως.
 Χαῖρε πιστοὺς Κυρίῳ ἀρμύζουσα.
 Χαῖρε, ὁσμὴ τῆς Χριστοῦ εὐωδίας.
 Χαῖρε, ζωὴ μυστικῆς εὐωχίας.

Мы привели только тѣ мѣста изъ *акаѳиста*, въ которыхъ своеобразное сопоставленіе греческихъ словъ и созвучій совершенно непереводимо по-славянски. Но и весь *акаѳистъ*, взятый сполна, представляетъ собою любопытнѣйшій памятникъ византийскаго словеснаго художества. Авторомъ *акаѳиста* признають Георгія Писиды.

По образцу акаѳиста Богоматери составлено вѣроятно въ первой же трети VII вѣка 24 икоса честному кресту (εἰς τὴν νοητὴν κλίμακα τὸν τιμίον σταυρὸν). Икосы въ перемежку заканчиваются словами: Χαῖρε ξύλον μακάριον! и Ἀλληλούϊα. Точное подражаніе акаѳисту Богоматери не совсѣмъ выгодно отразилось на этомъ произведеніи; тѣмъ не менѣе и въ немъ есть мѣста, конечно сильно говорившія релігіозно-патріотическому чувству грековъ, которые сражались и страдали подъ знаменемъ креста, — затѣсняемые варварами и мусульманами.

Χαῖρε, βουλῆς τῆς ἀφῆτου πέρας.
 Χαῖρε, λαοῦ εὐσεβοῦντος κέρας.
 Χαῖρε, πολεμίων ὁ τρεπῶν τὰς φάλαγγας.
 Χαῖρε, φλοῆ καθάπερ ὁ φλέγων τοὺς δαίμονας.
 Χαῖρε, σκῆπτρον πέουράνιον τοῦ βασιλέως τοῦ πίστου.
 Χαῖρε, τροπαῖον ἀήττητον τοῦ φιλοκρίστου στρατοῦ.
 Χαῖρε, ὁ τῶν βαρβάρων τὴν ὄφρυν καταβάλλων.
 Χαῖρε, ὁ τῶν ἀνθρώπων τὰς ψυχὰς περιεπῶν.
 Χαῖρε, κακῶν πολλῶν ἀμυντήριον.
 Χαῖρε, καλῶν πολλῶν βραβευτήριον.
 Χαῖρε, δι' οὗ χριστοφόροι σκιρτῶσι.
 Χαῖρε, δι' οὗ Ἰουδαῖοι θρηνοῦσιν.
 Χαῖρε, ξύλον μακάριον.

Акаонисты пользовались большою распространенностию въ православномъ мірѣ. По образцу акаониста Богоматери составлены впоследствии акаонисты Спасителю, Николаю чудотворцу и другимъ святымъ, —представлявшие въ себѣ точное воспроизведеніе первоначальной литературной формы. ¹⁾

Къ концу періода ираклидовъ относится составленіе Андрея архіепископомъ критскимъ *великаго покаяннаго канона*, который хорошо извѣстенъ всему православному міру, ибо читается ежегодно на 1-й седмицѣ великаго поста. 250 тропарей этого канона наполнены самоукореніями многогрѣшной, окаянной и пребеззаконной души. „Откуда начну оплакивать злосчастной моей жизни постыдныя дѣянія? Какое начало положу, Христе, моему сѣтованію? Но Ты, милосердый, даждь мнѣ прегрѣшеній оставленіе.“ —Такъ начинается св. Андрей свой великій плачъ. „Грѣхъ лишилъ меня боготванныя одежды и, какъ листьями, облекъ меня одѣяніемъ стыда въ обличеніе страстныхъ стремленій моихъ.“ Пересматривая далѣе всю библейскую исторію отъ Адама до благоразумнаго разбойника, св. Андрей отвсюду съ усиленнымъ напряженіемъ извлекаетъ для многогрѣшной души укору, осужденія и побужденія къ сокрушенію. Обиліе самоукореній въ *великомъ канонѣ* подало впоследствии поводъ къ народному

¹⁾ На ряду съ благоговѣйными читателями и почитателями акаонистовъ, являлись впоследствии люди, критически и отрицательно относившіяся къ литературной формѣ акаониста. Таковъ былъ напр. Артемій, игуменъ троицкій въ XVI вѣкѣ.

представленію, будто лично св. Андрей былъ чрезвычайный грѣшникъ.¹⁾ Но житіе св. Андрея (4 іюля) не даетъ никакихъ основаній въ такому предположенію. Поэтому должно думать, что обиліе самоукореній въ *покаянномъ канонѣ* св. Андрея нужно объяснять не какими-нибудь исключительными психическими обстоятельствами автора, а болѣе всего литературнымъ вкусомъ и настроеніемъ времени. Къ такому же заключенію приходимъ, если сравнимъ канонъ св. Андрея съ великимъ образцемъ покаянной поэзіи, 50-мъ псалмомъ Давида. Истинное чувство всегда ясно и немногословно, и вошь матери, погребавшей сына, ясно различается отъ причитаній. Сравненіе покаяннаго канона св. Андрея съ однородными по содержанію стихотвореніями св. Григорія Богослова также будетъ не въ пользу перваго и даетъ намъ свидѣтельство о литературномъ регрессѣ VII вѣка сравнительно съ IV-мъ. Мы не можемъ здѣсь удержаться отъ того, чтобы не привести слѣдующее глубоко-меланхолическое стихотвореніе Григорія Богослова (въ русскомъ переводѣ моек. митр. Филарета):

Близокъ послѣдній трудъ жизни: плаванье злое кончаю.

Я уже вижу вдали казни горькаго зла:

Тартаръ яраційся пламень огня, глубину вѣчной ночи,

Скрытое нынѣ во тьмѣ явное тамъ въ срамотѣ.

Но, Блаженне, помилуй и, хотя поздно, мнѣ даруй

Жизни останокъ моей добрый по волѣ Твоей.

Много страдалъ я, о Боже Царю, и духъ мой страшится

Тяжкихъ, судныхъ вѣсовъ, не низвели бы меня...

Жребій мой понесу на себѣ, преселяясь отсюда,

Жертвой себя предаю скорбямъ, снѣдающимъ духъ.

Вамъ же, грядущіе, вотъ завѣтное слово: нѣтъ пользы

Жизнь земную любить. Жизнь разрѣшается въ прахъ.

Отзвуки автентичной поэзіи ясно слышатся въ формѣ этого стихотворенія, пропикнутаго глубокою, но сдержанною грустью и тѣмъ мрачно-торжественнымъ настроеніемъ, какое охватило душу великаго старца на порогѣ вѣчности. Какое различіе сравнительно съ монотонными по-

¹⁾ Такъ Андрей критскій является дѣйствующимъ лицомъ въ легендѣ о воровсѣсителѣ. *Костомарова Монографіи* I, 312.

важными плеоназмами св. Андрея критскаго, которыми авторъ видимо хотѣлъ не столько выразить, сколько возбудить чувство сокрушенія въ себѣ и своихъ слушателяхъ!

Въ богослужбной литературѣ періода ираклидовъ относятся также тріодные гимны или *триплетны* св. Софронія іерусалимскаго отъ дней великаго поста до вознесенія Господня, давно уже вышедшіе изъ церковнаго употребленія. (Изданы Майомъ *specileg.* гом. IV, 125—225). Кромѣ того въ этотъ періодъ появилось нѣсколько литургическихъ толкованій. Таковы напр. св. Софронія *объясненіе на литургію* (у Мая *Specil.* гом. IV, 31—48), Максима исповѣдника *изъясненіе на литургію или тайноводство* (*μυσταγωγία*),—и лаввы Дороея наставленія о значеніи иноческой одежды—схимы, кожанаго пояса, аналава и куколя. (См. *Христ. чт.* 1826).

Остальная часть церковной литературы (кромѣ литургической) находилась въ застоѣ. Догматическіе споры стали утихать; историческая литература — также, какъ и въ предыдущемъ періодѣ (см. стр. 329—336),—наполнялась сказаніями, большею частью фантастическими и легендарными.—Въ особенную связь съ богослужбными стремленіями вѣка должны быть поставлены тѣ сказанія, въ которыхъ раскрывается мысль о святости церковныхъ таинствъ и обрядовъ. Таковъ напр. слѣдующій *разсказъ плачущаго монаха*. „Я, когда былъ въ мірѣ, имѣлъ жену. Мы оба держались ученія Севера. Пришедши однажды домой, я не нашелъ жены своей; но слышу, что она отошла къ сосѣдкѣ, чтобы приобщиться. Сосѣдка принадлежала къ святой соборной церкви. Я тотчасъ побѣжалъ остановить жену. Пришедъ въ сосѣдній домъ, я нашелъ, что жена моя приняла уже св. часть и приобщилась. Схвативъ ее за горло, я принудилъ ее извергнуть св. часть, и взявъ сію послѣднюю, бросалъ туда и сюда, и наконецъ она упала въ грязь. Но тотчасъ молнія восхитила св. причастіе. Спустя два дня является ко мнѣ эѳіоплянинъ, одѣтый въ рубище и говоритъ: *я и ты осуждены на одинаковое наказаніе*. А кто ты таковъ? спросилъ я его. Эѳіоплянинъ отвѣчалъ: *я тотъ, который страдавшію за оспѣ Господа Иисуса Христа ударилъ по ланитѣ* (Лугъ духовный, 29).—Упадокъ проповѣдничества въ VII в. обозначается 19 правиломъ трульскаго собора, которое внушаетъ предстоятелямъ церковнымъ проповѣдывать, *не преступая положенныхъ уже предѣловъ или преданія богоносныхъ отецъ*. И если предложено слово писанія,

пусть (проповѣдники) изясняютъ его не иначе, какъ согласно съ тѣмъ, какъ изложили свѣтила и учителя церкви въ своихъ писаніяхъ, — и пусть лучше въ этомъ ищутъ добраго имени, чѣмъ въ составленіи собственннхъ словъ, дабы, въ случаѣ несостоятельности въ этомъ, имъ не отпасть отъ надлежащаго. Соборное правило конечно вызвано сознаніемъ несостоятельности современныхъ проповѣдниковъ, но понятно, что, если бы древнія свѣтила и учителя церкви руководились этимъ правиломъ, то они не оставили бы своихъ писаній.

Переходимъ къ сказанію о почитаніи мощей, св. реликвій и св. иконъ, — которымъ наиболѣе характеризуется умоначертаніе византійскаго общества, преимущественно въ вѣкъ ираклидовъ.

Почитаніе св. мощей ведетъ свое начало съ очень давнихъ временъ. Христіане первыхъ вѣковъ тщательно собирали и хранили кости мученическія, тогда какъ фанатики язычества старались сожигать и истреблять ихъ, думая дать тѣмъ наглядное опроверженіе догмату о воскресеніи. Во кратъ катакомбъ римскіе христіане собирались совершать богослуженіе надъ гробами и останками мучениковъ. Когда христіанство сдѣлалось господствующею религіею, то останки мучениковъ можно было чтить безъ страха, открыто и торжественно. Появилось много храмовъ въ честь мучениковъ. Въ дополненіе къ уцѣлѣвшимъ отъ первыхъ вѣковъ останкамъ мучениковъ, отыскивались новыя, дотолѣ сокрытыя. Таково напр. бывшее при имп. Феодосіѣ младшемъ, обрѣтеніе мощей 40 мучениковъ, о коемъ повѣствуетъ Созоменъ (IX, 2). Мощи эти были погребены въ Константинополѣ вмѣстѣ съ тѣлами консула Кесарія, его жены и нѣкой діакониссы Евсевіи, а на верху воздвигнуть храмъ во имя мученика Фирса. „Обрѣла же мощи“ — продолжаетъ историкъ, — „сестра державнаго, царица Пулхерія. Дивный Фирсъ, явившись ей уже въ третій разъ, сказалъ о скрытыхъ подъ землею мученикахъ и повелѣлъ переложить ихъ къ нему, чтобы и они лежали въ одномъ съ нимъ мѣстѣ и пользовались одинаковыми почестями. Являлись ей и сами 40 мучениковъ, облеченные въ свѣтлыя ризы.“... На основаніи этихъ видѣній произведена была раскопка подъ храмомъ мученика Фирса. Доводились до гроба. „Крышка надъ гробомъ, — продолжаетъ историкъ, — устроена была на подобіе священной трапезы, а вверху, гдѣ лежали мученики, замѣчено небольшое отверстіе. Нѣкто изъ царедворцевъ, бывший при этомъ, случайно имѣлъ въ рукахъ тонкую палочку. Вложивъ ее

въ отверстіе, потомъ вынуть назадъ, онъ поднесъ ее къ носу и ощутилъ благовоіе мвра. Это обстоятельство подало добрую надежду какъ работавшимъ, такъ и присутствовавшимъ. Отерывъ со тщаніемъ гробъ, работники нашли въ немъ тѣло Евсевіи. Въ головахъ ея находился ящикъ, обтесанный на подобіе кивота и закрывавшійся извнутри особливо крышкою, которая по краямъ прикрѣплена была желѣзомъ, а желѣзо запаяно было свинцомъ. Посреди крышки видно было также отверстіе и служило яснѣйшимъ знакомъ, что внутри находятся мощи. Какъ скоро это сдѣлалось извѣстно, тотчасъ явились во храмѣ мученица царица и епископъ. Свѣдущіе люди немедленно сняли желѣзные обручи и крышка безъ труда была поднята. Подъ нею найдено много мвра, а въ ящикѣ два серебряные ковчега, въ которыхъ лежали св. мощи. При этомъ царица воздала благодареніе Богу, что удостоилась такого откровенія и присутствовала при открытіи св. мощей.“

Мощи мучениковъ представляли собою большею частію отдѣльными кости, иногда разсѣченныя и обугленныя. Но обрѣтались, — большею частію въ дальнихъ пустынныхъ окраинахъ византійской имперіи, — и *цѣлокупные мощи*, принадлежавшія подвижникамъ, часто невзвѣстнымъ. Объ обрѣтеніи такихъ мощей разсказывается и въ житіи преп. Онуфрія (юн. 12) и въ *Думъ духовномъ*. Вотъ разсказы изъ *Думъ духовныхъ*. „Нѣкогда пришли мы въ деревню за 6 миль отъ Росса, и тамъ два старца мірянина приняли насъ въ своей церкви. Деревня ихъ лежала при подошвѣ горы. Показавъ намъ въ церкви мраморную доску, они сказали намъ: „христіане, подъ сѣмъ памятникомъ лежитъ великій отшельникъ.“ — Почему же вы знаете? спросили мы ихъ. — „За 7 лѣтъ мы, живущіе на семъ мѣстѣ, видали во время ночи на вершинѣ горы свѣтъ, какъ бы огонь... И такъ три мѣсяца видѣли огонь. Въ одну ночь... всходимъ на гору къ свѣту и, гдѣ былъ свѣтъ, остаемся до слѣдующаго дня. Поутру видимъ пещеру въ томъ мѣстѣ, гдѣ являлся свѣтъ, и, войдя въ нее, находимъ мертваго отшельника. Онъ былъ одѣтъ въ шерстяную исподницу и плащъ, сшитенный изъ пальмовыхъ листьевъ, держалъ въ рукахъ св. библію съ серебрянымъ крестомъ. Сверхъ того нашли харгію съ такою записью: *я, смиренный Іоаннъ, скончался 15 индикта*. По соображеніи времени открылось, что онъ умеръ за 7 лѣтъ. Онъ же былъ таковъ, какъ бы сегодня скончался. Перенесши его, мы похоронили въ церкви.“ (гл. 86). „Одинъ изъ отцовъ есопольскихъ говорилъ о себѣ, что однажды пошелъ онъ на гору

Аманонъ и нашелъ тамъ пещеру. Вошедъ въ нее, онъ нашелъ отшельника, стоящаго на колѣняхъ, имѣющаго руки простертыя къ небу, а волосы повисшими до земли. Я — говорилъ разскащикъ, — думалъ, что онъ живой, повергся предъ нимъ съ словами: отче! помолись и обо мнѣ! Но такъ какъ онъ ничего мнѣ не сказалъ, то я всталъ и подошелъ ближе, чтобы привѣтствовать его. Взявъ его за руку, я увидѣлъ, что онъ мертвъ. Я оставилъ его и ушелъ. Отшедъ немного, видѣвъ другую пещеру, вошелъ въ нее и нашелъ старца, который спросилъ меня: благополучно ли дошелъ братъ? заходилъ ли въ другую пещеру? — Какже заходилъ, — отвѣчалъ я. Онъ продолжалъ: что тамъ получалъ? Ничего, сказалъ я. Да, сказалъ старецъ, — вотъ уже 15 лѣтъ, какъ скончался тамошній старецъ, а представляется что не больше часа, какъ заснулъ.“ (гл. 88).¹⁾ Существованіе анонимныхъ цѣлокупныхъ мощей естественно давало поводъ къ вопросу, кому онѣ принадлежать. Вопросъ этотъ рѣшался большею частію на основаніи видѣній и откровеній, коими утверждалась принадлежность мощей тому или другому святому, иногда даже пророку или апостолу. Созоменъ (IX. 17) разсказываетъ слѣдующее объ открытіи мощей пророка Захаріи. „Въ окрестностяхъ палестинскаго города Елевферополя есть селеніе Хафаръ-Захарія. Управлялъ имъ нѣкто Калимеръ, староста, человекъ преданный владѣльцу, но суровый, упрямый и неправдивый въ отношеніи къ сосѣднимъ земледѣльцамъ. Такому-то человеку предсталъ пророкъ на-яву и открылъ себя. Указавъ на одинъ садъ, онъ сказалъ: „копай здѣсь, отиравши два локтя отъ садоваго забора, по направленію дороги, ведущей въ городъ Биттереманъ. Найдешь двойной гробъ, внутри деревянный, снаружи обитый свинцомъ, а около гроба стеклянный сосудъ съ водою и двухъ змѣевъ посредственной величины, кроткихъ и безвредныхъ до того, что они кажутся ручными.“ Пришедши, по повелѣнію пророка, къ указанному мѣсту, Калимеръ усердно приваялся

¹⁾ Особенно много цѣлокупныхъ мощей находилось въ Египтѣ. Ша молва, что ежегодно при берегахъ Нила, вблизи пирамидъ, въ праздникъ пасхи выступаютъ изъ земли тѣла мертвецовъ, и лежатъ наружи до нешткостіи, а потомъ опять покрываются землею. Извѣстіе объ этомъ записано въ *мллинодіи Захарія Копыстем:каго* (ч. 2, разд. 10, арт. 6), у русскаго паломника Гагары и у преосв. Порфирія Успенскаго.

за дѣло. Когда по вышесказаннымъ признакамъ былъ открытъ священный гробъ, явился божественный пророкъ, облеченный въ бѣлую ризу, думаю потому, что былъ священникъ... Сколь ни много вѣковъ лежалъ подъ землею, найденъ былъ неповрежденнымъ; волоса у него были обриты, носъ прямой, борода не длинная, голова небольшая, глаза немного впалые и закрытые рѣсницами.“ — Еще болѣе замѣчательно открытіе мощей апостола Варнавы, благовременно случившееся для доказательства автокефальности кипрской архіепископіи. „Въ царствованіе Зенона,“ — говорится въ византійской хроникѣ, (485 г.) — „найлены были по откровенію въ Кипрѣ подъ розжовымъ деревомъ мощи апостола Варнавы и при нихъ на груди евангеліе отъ Маттея, собственноручно писанное Варнавою. Это евангеліе Зенонъ положилъ въ придворномъ храмѣ св. Стефана и ежегодно оно читается во св. и великій праздникъ.“ Открытіе мощей ап. Варнавы должно было защитить автокефальность кипрской архіепископіи отъ притязаній антиохійскаго патріарха, какъ это заявилъ самъ апостольскій епископъ въ своемъ вѣдѣніи предъ открытіемъ мощей. „Я Варнава, ученикъ Господа нашего Иисуса Христа,“ — говорилъ апостольскій епископъ... „Выдь изъ города на западъ за пять стадій, къ мѣсту, которое называется *мѣсто здравія*; копай землю подъ розжовымъ деревомъ и найдешь склепъ и гробъ, гдѣ положены мои мощи и евангеліе, мною собственноручно написанное, которое я переписалъ у св. апостола и евангелиста Маттея. И когда супостаты твои, желая подчинить себѣ сію церковь, стануть говорить, что Антиохія есть престольскій градъ; ты отвѣчай: *и мой градъ есть апостольская каведра, и здѣсь почиваютъ мощи апостольскія.*“ (Четинъ миней подѣ 11 іюня.)

Мощи приобрѣтались съ усердіемъ, чествовались съ благоговѣніемъ. Вопросъ о мощахъ соединялся неизбѣжно у византійцевъ съ представленіемъ о томъ или другомъ святомъ, о днѣ его памяти и мѣстѣ торжественнаго собранія въ честь его. „А гдѣ же мощи святаго? — спрашивалъ всякій византійецъ, начиная съ императора. „Если ихъ нѣтъ, то они должны быть отысканы: если есть, но далеко, то должны быть перенесены въ столицу, или по крайней мѣрѣ приобрѣтены хоть частію.“ Такое стремленіе къ собиранію мощей повело къ тому, что были обрѣтаемы мощи весьма древнихъ святыхъ напр. пророка Самуила, Исаи, Іереміи, Даніила, предтечи Іоанна, перво-

мученика Стефана, Маріи Магдалины, Лазаря четверодневнога и многихъ апостоловъ,—и не только въ столицѣ имперіи находились мощи почти всѣхъ святыхъ, празднуемыхъ церковію, но и всѣ монастыри, и многія даже частныя лица имѣли у себя значительныя собранія мощей. Одно изъ самыхъ характерныхъ собраній—это уцѣлѣвшій доселѣ въ аеонской лаврѣ св. Аѳанасія календарь изъ мощей, состоящій изъ 11 ящичковъ по числу 11 мѣсяцовъ. (12-й ящикъ почему-то отсутствуетъ; быть можетъ утраченъ). Каждый ящикъ раздѣленъ на малыя отдѣленія по числу дней мѣсяца, и въ каждомъ отдѣленіи хранится часть мощей дневнаго святаго.

Нельзя не чувствовать сердечнаго умиленія предъ останками людей, на землѣ жившихъ для неба, предъ костями мучениковъ, страдавшихъ за Христа, или отшельниковъ, изнурившихъ тѣло свое самоотверженными подвигами. Но доброе и справедливое чувство почтенія къ мощамъ часто соединялось у византійцевъ съ примѣсью суевѣрія. Не говоримъ уже о томъ, что при отсутствіи всякой провѣрки относительно подлинности мощей возможны бывали ошибки и подлоги. Главная бѣда была въ томъ, что мощи почитались не столько ради памяти о добрыхъ подвижникахъ Христовыхъ, сколько какъ нѣкій чудотворный талисманъ, спасающій отъ бѣдъ какъ отдѣльныя лица, такъ и цѣлыя селенія. Жители Низибіи приписывали захватъ города персами тому обстоятельству, что въ немъ уже не было мощей св. Іакова низибійскаго. (См. стр. 108). Жители Антиохіи не хотѣли уступить императору мощей Симеона столпника, полагая, что мощи хранятъ ихъ городъ отъ землетрясенія. Отъ мощей св. Евфиміи и апостола Петра ожидалось вразумленіе въ эпоху монофизитскихъ споровъ. (См. стр. 336). Чудо ожидалось отъ мощей; чудо приписывалось мощамъ; и то и другое часто бывало суевѣрнымъ заблужденіемъ, удалявшимъ живыхъ людей отъ живаго Бога.

Если мощи служили предметомъ почитанія, прежде всего какъ земной поминокъ по отшедшихъ на небо святыхъ, то такое же значеніе могли имѣть и тѣ предметы, какими пользовались святые при жизни. Разумѣется эти—въ тѣсномъ смыслѣ слова—*свящ. реликви*и наиболѣе потребны были въ тѣхъ случаяхъ, когда о мощахъ не могло быть и рѣчи, именно для благоговѣйнаго воспоминанія о Спасителѣ, Богоматери и Иліи пророкѣ. Спаситель вознесся на небо, но для благоговѣйнаго воспоминанія о Немъ въ Византіи было много священ-

ныхъ реликвій, разновременно собранныхъ: крестъ Христовъ и орудія страданій Христовыхъ, пелены Христовы, срачица Господня, платъ шейный, лентіонъ и калиги Господни, мраморная лохань, изъ которой Христосъ умылъ ноги ученикамъ; трапеза, за которой совершалась тайная вечера, мраморный столпъ, къ которому былъ привязанъ Христосъ, двѣ доски гроба Господня и печати гробныя и т. д. Точно также, не имѣя мощей Богоматери, византіяцы хранили во Влахернскомъ храмѣ ризу Богоматери, поясъ ея, посохъ и омофоръ или *мафорій ея*; за неимѣніемъ мощей пр. Или, чтили часть его милоти и пояса. Кромѣ того священныя реликвіи выступали въ тѣхъ случаяхъ, когда отдаленность времени давала мало надежды на открытіе мощей. Къ этому роду реликвій принадлежатъ: сѣкира, которою Ной ковчегъ дѣлалъ, вѣтвь масличная, принесенная въ ковчегъ Ноевъ голубицею, трапеза, за которою Авраамъ угощалъ св. Троицу, рога жертвеннаго овна Авраамова, жезлъ, которымъ Моисей раздѣлилъ море, рогъ, изъ котораго Самуиль излилъ елей на Давида, и т. д. Наконецъ были и такого рода священныя реликвіи, которыя не замѣняли собою мощей, но служили къ нимъ дополненіемъ. Напримѣръ: существовали мощи ап. Петра, по чтимы были кромѣ того и желѣзныя вериги, въ которыхъ былъ закованъ сей апостоль и т. д.

Относительно всѣхъ помянутыхъ реликвій нужно сказать тоже самое, что уже сказано относительно мощей. Почтеніе къ св. реликвіямъ само въ себѣ чувство прекрасное и законное, — но у византіяцевъ часто переходило въ суевѣріе. Многія реликвіи не могли дать никакихъ доказательствъ въ пользу своей подлинности. Чѣмъ напримѣръ можно было доказать подлинность сѣкиры, которою Ной ковчегъ дѣлалъ, или подлинность роговъ жертвеннаго овна Авраамова? какъ не удивляться, встрѣчая въ Константинополѣ колодезь, у котораго бесѣдовалъ Христосъ съ Самарянокою? Но это еще не такъ важно. Болѣе важно то, что въ внутреннемъ отношеніи византіяцевъ къ реликвіямъ проглядывало нѣчто, похожее на фетишизмъ. Отъ реликвій ожидали чуда; добыть ихъ старались всякими хотя бы незаконными способами; имѣя ихъ, надѣялись избавиться не только отъ внѣшнихъ сѣдъ, но даже и отъ нравственной отвѣтственности.

На ряду съ мощами и свяц. реликвіями предметомъ благоговѣнаго почтенія для византіяцевъ были св. иконы. Первоначальное значеніе иконъ было совершенно правильное. Онѣ служили для негра-

мотныхъ раскрытою книгою священныхъ событій; и даже для грамотныхъ ярымъ напоминаніемъ того, что нужно имѣть въ умѣ во время молитвословія. Для христіанскихъ же художниковъ иконописаніе служило школою искуства, потребность въ которомъ никогда не умираетъ въ душѣ человѣческой. Иконами украшались не только стѣны храмовъ, но также и дворцы, дома частныхъ людей, даже одежды и въ особенности священныя книги. Миниатюрное иконописаніе на свящ. книгахъ было любимымъ занятіемъ благочестивыхъ и досужихъ людей, въ томъ числѣ и императора Феодосія младшаго. Но византійцы не удовольствовались просто напоминательнымъ значеніемъ иконъ, — какъ не удовольствовались имъ по отношенію къ мощамъ и свящ. реликвіямъ, но въ самой иконѣ, — конечно не всякой, — стали видѣть непосредственный источникъ особой благодати Божіей. Предметомъ особаго чествованія стали иконы самописанныя, нерукотворенныя, явленныя, чудотворныя, мвроточивыя, гласящія, плачущія, кровь изливающія. Сказанія о чудотворныхъ иконахъ были въ Византіи весьма многочисленны и разнообразны. Если вѣрить позднѣйшему хроникеру (Дороею монемвасійскому), патр. Германъ, желая отвратить перваго иконоборнаго императора Льва отъ гоненія на св. иконы, сообщалъ ему между прочимъ слѣдующія чудеса отъ св. иконъ, совершившіяся въ вѣвѣ ираклидовъ. 1) Во дни царя Ираклія, персидскій царь Хозрой осадилъ городъ Едессу. Жители пришли въ страхъ и молили Бога о спасеніи. И вотъ мѣстному епископу Евлалію является ночью свѣтозарная жена и говоритъ: *иди къ городскимъ воротамъ, найдешь икону Христа; возьми ее и узришь силу Христову*. Архіерей дѣйствительно, разобравъ стѣну надъ городскими воротами, нашелъ нерукотворенный образъ Христовъ, сокрытый много вѣковъ тому назадъ (при внуѣ Авгара), и о чудо! предъ образомъ горѣла лампада, — мало того: на противоположной черепицѣ отпечатлѣлся образъ Христовъ такой же, какъ и на убрूसѣ. Епископъ, взявъ образъ, прошелъ съ нимъ по городу съ литією и молебствіемъ. Спустя нѣсколько дней персы разложили большой востеръ, чтобы поджечь стѣны города. Тогда епископъ опять вынесъ святой убрूसъ, и Богъ сотворилъ великое чудо: пламень обратился на лагерь непріятельскій и пожегъ множество персовъ, а остальные, видя чудо, побѣжали назадъ и не осмѣливались болѣе нападать на городъ. 2) Въ сѣверной части острова Кипра былъ храмъ пресвятыя Богородицы, а снаружи надъ дверью храма находился жи-

вописный образъ Всесвятой, нарисованный такъ, что Всесвятая сидѣла на тронѣ и держала Христа—младенца на колѣнахъ, а съ правой и лѣвой стороны предстояли два ангела съ великимъ страхомъ. И вотъ однажды одинъ изъ тамошнихъ арабовъ, по наущенію дѣвольскому, устрѣлилъ Всесвятую въ правое колѣно, и внезапно,—о чудо, которымъ Богоматерь явила силу иконы своей!—полилась кровь изъ раны и покапала на землю. Арабъ же, видя чудо, обратился въ бѣгство, но извергъ тутъ же душу свою.

Въ вѣкъ ираклидовъ число мощей, свящ. реликвій и чудотворныхъ иконъ въ византійской имперіи весьма умножилось. Всѣ эти священные предметы тщательно были уносимы греками изъ южныхъ областей имперіи, захваченныхъ мусульманами. Такъ самъ Ираклій, отчаявшись удержать Сирію, въ 635 г. перевезъ крестъ Господень изъ Іерусалима въ Константинополь. Около тогоже времени перенесены мощи св. Антонія изъ Александріи, глава Іоанна предтечи изъ Емесы и т. д. Перенесеніемъ святыхъ внутрь имперіи византійцы утѣшали себя въ потерѣ святаго города и южныхъ областей имперіи. Впослѣдствіи, когда крестоносцы шли освобождать святую землю отъ владычества мусульманскаго, они съ удивленіемъ замѣтили, что греки совершенно равнодушно относятся къ ихъ предпріятію. „Къ чему,“ говорили греки, „воевать за святую землю, когда оттуда всѣ святые вынесены?“

Какое моральное вліяніе оказывала на византійцевъ обрядовая набожность, которой они такъ усердно предавались подъ гнетомъ тяжелыхъ бѣдствій современности и при представленіи о нескончаемыхъ геенскихъ мученіяхъ? Вопросъ этотъ существенно важенъ, ибо достоинство религіозности опредѣляется главнымъ образомъ чрезъ нравственные дѣйствія, вызываемыя ею, чрезъ нравственную силу и энергію; возбуждаемыя ею. Безспорно, много сокрушенныхъ чувствъ, много теплыхъ слезъ было у византійцевъ VII вѣка. Но за всѣмъ тѣмъ вѣкъ этотъ былъ вѣкомъ запуганности и приниженности, варварства и жестокихъ казней,—и того суевѣрія, которое заставляетъ искать надежду спасенія не во внутреннемъ подъемѣ духа, а во внѣшнихъ пособіяхъ, ни мало спасти не могущихъ.

Постановленія трульскаго собора противъ двоевѣрія
и суевѣрія.

Широко развившееся въ Византіи суевѣріе самыми крайностями

своими должно было возбудить противъ себя реакцію. Первый довольно слабый опытъ такой реакціи представляютъ собою постановленія трульскаго собора 680 года. Рисуя собою черты современной византійской жизни, постановленія этого собора представляютъ для бытовой исторіи Византіи въ VII в. такой же драгоценный матеріалъ, какъ напр. постановленія русскаго *стоглаваго* собора—для характеристики московской жизни въ XVI в. Само собою разумѣется, что постановленія того и другаго собора, между которыми есть замѣчательное сходство, изображаютъ собою тѣневую, отрицательную сторону церковной жизни, ибо и цѣль сихъ соборовъ состояла въ томъ, чтобы указать недостатки, требующіе исправленія. Правила трульскаго собора расположены безъ систематическаго порядка. Систематизируя содержаніе ихъ по своему, мы можемъ на основаніи ихъ представить довольно полную картину византійскаго двоевѣрія и суевѣрія.

Византійское простонародье—преимущественно въ селахъ—еще держалось старыхъ языческихъ преданій и обычаевъ. Годовые праздники располагались по языческому календарю. Простолюдинами праздновались *календы, воты, врумалии и народный праздникъ 1 марта*. На этихъ праздникахъ *женщины всенародно плясали*; кромѣ того совершалось переряживаніе, *мущины одѣвались въ женское платье, а женщины въ мужское*;—празднующіе надѣвали на себя *маски, комическія, сатирическія или трагическія* (правило 62-е). *Въ новомѣсячія раскладывали предъ домами и лавками костры, зажигали ихъ и перепрыгивали чрезъ нихъ по какому-то древнему обычаю* (прав. 65). *Осенью выжимая виноградъ въ точилахъ, призывали гнусаго Діониса, а сливая вино въ бочки, творили нѣчто безумное* (вѣроятно что-нибудь въ родѣ славянскихъ похоронъ Ярилы).¹⁾ Желая знать тайное и будущее, простые — а быть можетъ и не простые только — люди обращались къ гадателямъ, которые *прорисали по бреднямъ за*

1) Замѣчательно это сходство славянскаго язычества съ простонароднымъ греческимъ. Славянская коляда съ переряживаньемъ, Купало съ прыганьемъ чрезъ костры и Ярило, по поводу коего творилось нѣчто *безумное*, невольно припоминаются намъ при чтеніи 62 и 65 правилъ трульскаго собора, съ которыми по содержанію весьма сходны 23—27 правила *стоглаваго* собора.

блужденія о счастіи, о судьбѣ, о генеалогіи и о множествѣ дру-
гихъ подобныхъ темныхъ вещей. Не мало было въ Византіи та-
кихъ такъ называемыхъ стоначалниковъ, поставщиковъ там-
смановъ и вообще разныхъ гадателей. Соборное правило (61) прирав-
ниваетъ къ гадалеямъ и подвергаетъ одинакой эпитиміи и тѣхъ, ко-
торые водятъ медвѣдицъ и тому подобныхъ животныхъ на потѣху и
соблазнъ людей простыхъ. Быть можетъ и въ Византіи, также какъ и
на Руси, медвѣдь служилъ для прорицанія.¹⁾

Были въ византійскомъ простонародѣ и другіе неодобрительные обы-
чай, болѣе близкіе къ христіанству и носившіе на себѣ печать двоевѣрія.
Такъ нѣкоторые послѣ дня рождества Христова варили пшеничную муку
и дѣлили ею другъ съ другомъ подъ предлогомъ будто бы чествованія родо-
вѣ Непорочной Дѣвы (прав. 79). Это, какъ видно, было нѣчто въ родѣ русской
рожаничной трапезы въ ея позднѣйшемъ нѣсколько христіанизирован-
номъ видѣ. За тѣмъ съ различныхъ церквахъ міряне приносили на жер-
твенникъ виноградъ по какому-то укоренившемуся обычаю, — а священ-
нослужители, соединяя виноградъ съ безкровною жертвою приношенія,
раздѣляли народу тотъ и другую емсть (прав. 28). Кромѣ того
усердствующіе міряне приносили на жертвенники медъ и молоко (прав.
57), а въ Арменіи даже варенныя части мяса въ пользу священни-
ковъ (прав. 99). Наконецъ внутри самыхъ храмовъ постигались воз-
лежанія и устроились трапезы. (прав. 74) Это было повтореніе древ-
нихъ аганъ, и нѣчто подобное позднѣйшимъ русскимъ братчинамъ.

Въ болѣе образованномъ городскомъ населеніи византійцевъ уцѣ-
лѣли другія, такъ наследованныя отъ язычества, привычки и сим-
патіи. Горожане любили играть въ азартныя игры (прав. 50), присут-
ствовать при мимическихъ представленіяхъ, при зрѣлищахъ звѣриной
травли и пляски на сценѣ (прав. 51), при вонскихъ ристаніяхъ (прав.
66); клялись языческими клятвами (прав. 94); любили смотрѣть и даже
изображать скандалезныя картины, чарующія зрѣніе, растлѣвающія
умъ и приводящія въ взрыву нечистыхъ удовольствій (прав. 100);

¹⁾ По старинному русскому повѣрью беременная женщина обраща-
лась къ медвѣдю съ вопросомъ о полѣ будущаго дитяти, — да еще рыкнетъ,
мальчикъ будетъ. Въ стоглавѣ 61-му правилу трульскаго собора соотвѣт-
ствуетъ 22-е и отчасти 19-е.

украшали волосы на головѣ искусственными уборами (прав. 96); обучающіеся гражданскимъ законамъ т. е. готовящіеся къ адвокатурѣ, совершали такъ называемыя *пилстры* и одѣвались въ одежды, не находящіяся въ общемъ употребленіи (прав. 71).

Всѣ эти уцѣлѣвшіе отъ временъ язычества обычаи были конечно непохвальны, но они принадлежали уже къ прожитому періоду и съ теченіемъ времени могли сами собою вымирать или изглаждаться. Хуже было то, что на новомъ основаніи христіанской вѣры стали возникать понятія странныя и обычаи суевѣрные. Укажемъ тѣ недостатки христіанскаго общества, на которые обратилъ вниманіе трульскій соборъ.

По городамъ ходили такъ называемыя пустынники, въ черныхъ одеждахъ и съ отропченными волосами, обращааясь между мірскихъ мужчинъ и женщинъ и безчестя свой обѣтъ (правило 42). ¹⁾ Священныя лица, клирики, или аскеты мылись въ баняхъ вмѣстѣ съ женщинами (правило 77). ²⁾ Находились люди, которые для какихъ-либо личныя цѣлей пользовались общею демономаніею и притворялись бѣснущимися (правило 60); были люди, которые, быть можетъ желая представить себя находящимися въ благочестивомъ экстазѣ, „въ церквахъ при пѣніи употребляли безчинныя вопли и насиловали естество къ крику.“ (правило 75). Наконецъ вѣра въ спасительную силу таинствъ и обрядовъ церковныхъ, помимо личнаго нравственнаго усовершенствованія челоѣка, (по позднѣйшему римскому термину *ex opere operato*), дошла до того, что нѣкоторые преподавали евхаристію тѣламъ умершихъ (правило 83). ³⁾ Такое суевѣріе, имѣвшее мѣсто между людьми, повидимому наиболѣе заботившимися о христіанскомъ житіи, разумѣется было вреднѣе и опаснѣе, чѣмъ остатки суевѣрія и двоевѣрія въ народной массѣ.

¹⁾ Правилу 42-му трульскаго собора соотвѣтствуетъ въ стоглавѣ вопросъ 9 и 17. *Черница и черница по миру волочатся и живутъ въ миру и не знаютъ, что словеть монастырь* и проч.

²⁾ Правилу 77 трульскаго собора соотвѣтствуетъ 18 вопросъ стоглава. *Да во Псковѣ градѣ моются въ баняхъ мужи и жены и черница и черница во единомъ мѣстѣ безъ зазору* и проч.

³⁾ Въ русской исторіи мы можемъ указать примѣръ подобнаго суевѣрія только въ крещеніи Ярославомъ 1-мъ костей его дядей Ярополка и Олега.

Правила трулскаго собора (точно также, какъ и правила нашего стоглаваго) драгоценны для исторiи, ибо констатируютъ весьма характерныя данныя изъ внутренней жизни православныхъ христiанъ того времени. Такъ какъ сознание зла служить началомъ къ его исправленiю, то можно видѣть въ правилахъ трулскаго собора спасительную въ нѣкоторой мѣрѣ реакцію противъ господствовавшаго въ Византiи суевѣрiя и двоевѣрiя. Но достаточна ли была эта реакція? сильны ли были правила трулскаго собора уврачевать недугъ византiйской жизни? На этотъ вопросъ, кажется, приходится отвѣчать отрицательно. Во 1-хъ соборъ не указываетъ для борьбы со зломъ никакихъ другихъ мѣръ, кромѣ отлученiя отъ церкви и изверженiя изъ кляира. Мѣры конечно сильныя, но при распространенности въ византiйской имперiи суевѣрiя и двоевѣрiя онѣ не могли быть строго прилагаемы, ибо въ противномъ случаѣ привели бы чуть не къ поголовному отлученiю отъ церкви всѣхъ обитателей имперiи. Во 2-хъ отцы трулскаго собора, въ качествѣ представителей духовенства, должны были крайне осторожно относиться къ христiанскимъ вѣровавiямъ народа, чтобы, по слову писанiя, *не угаситъ и льна курящагося*; посему и правила собора противъ суевѣрiй отличаются нѣкоторою недоговоренностию и—такъ сказать—бьютъ зло не столько въ корень, сколько по вѣтвямъ. Сильно поражая остатки язычества, соборъ какъ бы покрывалъ сплехожденiемъ аномалiи христiанской жизни, отмѣчая только тѣ изъ нихъ, которыя уже слишкомъ бросались въ глаза (напр. бродяжничество пустынниковъ или преподаванiе евхаристiи тѣламъ умершихъ). Противъ массы апокрифическихъ сказанiй, наполнившихъ собою литературу, соборъ высказался слегка, повелѣвая въ 63 правилѣ „не обнародывать въ церквахъ, а предавать огню мученическiя сказанiя, ложно составленныя врагами истины.“¹⁾ Противъ обилiя предметовъ поклоненiя соборъ высказывается еще болѣе слегка, воспрещая въ 82 правилѣ изображать Спасителя въ видѣ агнца. Мало того: нѣкоторыя

¹⁾ Какiя здѣсь разумѣются мученическiя сказанiя, неизвѣстно. Можетъ быть мученiя *Никиты, Георгiя, Евпатiя, Климента анкирскiю*, упоминаемыя въ перечнѣ русскихъ отреченныхъ книгъ.—63-му правилу трулскаго собора соотвѣтствуетъ нѣсколько 22 вопросъ стоглава, направленный противъ еретическихъ и отреченныхъ книгъ.

правила собора показывают, что отцы собора были и сами дѣти своего вѣка. Таково напр. 40-е правило о возможности принятія монашества съ 10-лѣтняго возраста, или 72-е правило противъ брака между православными и еретиками.

Естественно было ожидать, что реакція противъ византійскаго суевѣрія и двоевѣрія, противъ чрезмѣрнои и невѣрно направленной набожности, осторожно поднятая духовными властями, разовьется сильнѣе и радикальнѣе, если попадетъ въ смѣлыя и энергическія руки свѣтскаго правительства. Набожность, хотя бы и не вѣрно направленная, была не безвыгодна—и во всякомъ случаѣ не антипатична—для духовенства, но для государей, оцѣнивавшихъ вещи съ политической точки зрѣнія, она могла представляться не болѣе, какъ безплодною тратой времени, людей и денегъ. А между тѣмъ люди и деньги были очень дороги для византійской имперіи, особенно послѣ мусульманскаго разгрома. Несчастливая война всегда имѣетъ своимъ послѣдствіемъ то, что разбитое государство пускается въ самообличенія, ищетъ причинъ своего бѣдствія, становится на дорогу реформъ, изъявляетъ охоту поучиться лучшимъ условіямъ жизни, хотя бы даже у своихъ враговъ. Тоже самое имѣло мѣсто и въ Византіи. Въ то время какъ болѣе набожные византійцы заботились только о томъ, чтобы уносить изъ завоеванныхъ арабами областей священныя реликвіи, другіе, болѣе—такъ сказать—либеральные византійцы усомнились въ силѣ и дѣйственности этихъ священныхъ предметовъ почитанія. Вліянія арабовъ въ этомъ случаѣ—хотя ненамѣреннаго и безсознательнаго¹⁾—никакъ нельзя считать ничтожнымъ. Мусульмане были чистые деисты; они отвергали всякое иконное изображеніе, а равно не помышляли и о почитаніи мощей. „Не эта ли сторона ихъ вѣроученія, которою они

¹⁾ Что касается до прямаго и положительнаго вліянія арабовъ на грековъ, то слѣдовъ такого вліянія почти незамѣтно. Греки слишкомъ не любили мусульманъ, для того, чтобы заимствоваться у нихъ чѣмъ-либо, особливо относящимся до вѣры. Развѣ—быть можетъ—вліянію мусульманства можно приписать появленіе въ половинѣ VII вѣка лжеучителей, которые утверждали, что жизнь тѣлъ по воскресеніи будетъ поддерживаться тѣмиже условіями, какъ нынѣ, и тоюже чувственною пищею, и что вообще по воскресеніи въ нихъ не послѣдуетъ ничего особеннаго кромѣ того, что они лишатся возможности умереть. *Максима исповѣдника творенія II, 245.*

такъ рѣзко отличались отъ грековъ, была причиною ихъ военныхъ успѣховъ? Положимъ, что ихъ религія лжебая, но вѣдь за что же нибудь Богъ имъ попускаетъ, а насъ наказываетъ.“ Эта мысль легко могла придти на умъ греку—мірянину, размышлявшему о печальныхъ судьбахъ своего отечества. Такова была духовная атмосфера, въ средѣ которой возникло явленіе, извѣстное въ церковной исторіи подъ именемъ *иконоборства*, а въ гражданской исторіи—подъ именемъ всесторонней, но неудавшейся *реформы*.

ЧТЕНІЕ ТРИНАДЦАТОЕ.

Первая половина иконоборнаго періода при такъ называемой исаврійской династіи (711—802).

ГРЕЧЕСКАЯ ИСТОРИОГРАФІЯ ОТНОСИТЕЛЬНО ПЕРІОДА ИКОНОБОРСТВА.

Приступая къ изложенію такъ называемаго иконоборнаго періода, мы считаемъ необходимымъ выяснитъ то отношеніе къ этому періоду, какое существуетъ въ греческой исторіографіи. До насъ не дошло историческихъ произведеній, писанныхъ друзьями и поборниками иконоборства. Такія произведенія несомнѣнно существовали, но они вмѣстѣ со всею почти иконоборческою литературою уничтожены во время торжества православія при императрицахъ Иринѣ и Теодорѣ. Уцѣлѣвшія же до нашего времени историческія произведенія относительно времени иконоборства писаны почти исключительно монахами, и во всякомъ случаѣ крайними противниками иконоборства, и далеко не отличаются историческимъ безпристрастіемъ. Напротивъ того каждая строка этихъ произведеній проникнута чувствомъ безпокойства, огорченія и раздраженія. Голословная большею частію брань противъ императоровъ иконоборцевъ перемеживается у византійскихъ хроникеровъ съ разными легендарными разказами, направленными къ поддержанію старинной византійской набожности. Во главѣ византійскихъ историковъ иконоборства стоятъ Теофанъ, игумень вѣннпской обители *великаго села*—*Μεγάλου Ἀγρού*—(род. около 757 г. + 718 г.), патриархъ Никифоръ, доведшій свою лѣтонисъ до 769 г. (+ въ изгнаніи въ 829 г.) и неизвѣстный монахъ Георгій Амартолъ, доведшій свое лѣтописаніе до торжества православія въ 842 г. Сюда же относятся многіе такъ называемые *синаксаристы*, т. е. авторы, описывавшіе жи-

тія и страданія защитниковъ иконопочитанія. Всѣ эти исторіи пишутъ въ одномъ духѣ и направленіи и относятся къ иконоборцамъ съ одинакимъ раздраженіемъ. Чтобы дать понятіе о тонѣ и направленіи этихъ исторіковъ, приведемъ отзывы Амартола объ иконоборныхъ императорахъ. Перваго иконоборнаго императора Льва Исавра Амартоль называетъ „богоборцемъ, взбѣсившимся противъ правой и древней вѣры, лютейшимъ звѣремъ и худороднымъ мѣдникомъ, немилосерднымъ львомъ или дракономъ, всесквернымъ“ и т. д. О второмъ иконоборномъ императорѣ Константинѣ Копронимѣ Амартоль выражается такъ: „послѣ Льва Исавра царствовалъ сынъ его Константинъ Ковалинъ 34 года, отъ страшнаго льва происшедшій пестрообразный леопардъ и сущій отъ Дана антихристъ.“ Льва армянина Амартоль называетъ „отступникомъ, Сауломъ, обнаженнымъ отъ божественной благодати и преданнымъ злему духу, тиранномъ, звѣронравнымъ паче, нежели звѣроименнымъ“ и т. д. Теофила, послѣдняго иконоборнаго императора, Амартоль называетъ „новымъ Валтасаромъ и отступникомъ, богоненавистникомъ и святыхъ иконъ обругателемъ и оскверненнымъ,“ и, обращая вниманіе на значеніе его имени, говоритъ, что его приличнѣе было бы назвать *богоненавистникомъ*, чѣмъ *боголюбцемъ* (μισοθεος μᾶλλον εἰπεῖν, ἢ Θεοφιλος). — Чтобы дать понятіе о легендарныхъ разсказахъ, направленныхъ къ поддержанію древняго благочестія, припомнимъ сказаніе Амартола о чудесномъ приплывіи иконы Спасителя въ Римъ. „Звѣрь (т. е. императоръ Левъ Исавръ) своевольно и нечестиво начинаетъ ересь, снимаетъ икону Господа нашего Иисуса Христа съ мѣдной двери палаты, собираетъ нечестивый совѣтъ противъ св. иконъ и опять приглашаетъ патріарха Германа, надѣясь убѣдить подписаться противъ св. иконъ. Но патріархъ, нисколько не уступивъ хитрости и лести нечестивца, положилъ свой омофоръ на святой трапезѣ въ великой церкви, сложилъ съ себя свящ. санъ и удалился. вмѣстѣ съ тѣмъ патріархъ опустилъ въ море и бывшую у него св. икону Спасителя, написавъ притомъ на хартіи слѣдующее: *о Спаситель, спаси себя и насъ!* (Ὁ Σωτὴρ, σώσον σε καὶ ἡμᾶς!) Направляемая божественною силою, икона совершенно сухою прямо приплыла въ Римъ. Римскій патріархъ, получивъ откровеніе объ этомъ, вышелъ со всѣмъ клиромъ, со свѣчами и епимамами, и увидалъ икону, приближающуюся по водамъ, которая, мнимовавъ всѣ другіе корабли, сама собою пристала въ руки патріарха, стоявшаго на кораблѣ. Архіерей облобызалъ и со

псалмами и гимнами поставилъ въ великой церкви икону, которая осталась совершенно неповреждена водою, за исключеніемъ только трехъ пальцевъ. И сіе для большей славы Божіей.“ Можно замѣтить при этомъ, что патріарху Герману не было надобности препровождать икону Спасителя въ Римъ такимъ необычнымъ способомъ, ибо сношенія византійскихъ ревнителей иконопочитанія съ Римомъ были тогда весьма часты и усилены.

Приведенныхъ выдержекъ достаточно, чтобы видѣть, что въ сочиненіяхъ хроникеровъ и синаксаристовъ иконоборнаго періода заключается историческій матеріалъ весьма сомнительнаго достоинства. Раздраженный тонъ православныхъ писателей, современныхъ иконоборству, легко объясняется ихъ полемическимъ увлеченіемъ, а равно и желаніемъ во чтобы то ни стало обезпечить и оправдать торжество иконопочитанія и монашества. Но замѣчательно, что и послѣ окончательнаго торжества православія, по мѣрѣ того какъ Византія погружалась во мракъ среднихъ вѣковъ, литературное ожесточеніе противъ императоровъ—иконоборцевъ все болѣе и болѣе усиливалось. Кедринъ, Зонара, Глика и позднѣйшіе хроникеры относятся къ иконоборцамъ гораздо фанатичнѣе, чѣмъ Теофанъ и Никифоръ. Что можетъ быть напр. фанатичнѣе и легендарнѣе, чѣмъ слѣдующее извѣстіе о смерти имп. Льва армянина, записанное у Дорофея монемвасійскаго, хроникера XVI вѣка? „Въ царствованіе онаго худо погибшаго Льва армянина видѣла мать его сонъ, будто-бы она стояла среди храма пресвятой Богоматери Влахернской, и узрѣла тамъ царицу, окруженную многими служителями, а церковь вся—полна крови. И говоритъ царица одному изъ служителей: *возьми лохань и наполни кровью и дай пить матери Льва.* А та отвѣчала: „давно уже я вдова и мяса не ѣмъ.“ И сказала съ великимъ гнѣвомъ царица матери Льва (а то была святая Богородица): *непрестанно проливаетъ сынъ твой кровь христіанъ поклоняющихся иконѣ моеи и Сына моего едиnorodнаго. И получитъ онъ заслуженное отмщеніе.* Проснувшись, мать Льва въ великомъ страхѣ побѣжала къ сыну и рассказала ему видѣніе и умоляла его прекратить гоненіе на иконы и иконопочитателей. Но Левъ не внималъ. И получилъ свое воздаяніе. И пораженъ былъ зло и безчестно. И потерялъ и здѣшнюю жизнь и грядущую, и вверженъ былъ въ огнь вѣрмѣнный.“

По видимому память иконоборныхъ императоровъ навсегда по-

шла съ шумомъ. Но время шло и приносило историческія явленія, аналогичныя съ иконоборствомъ, но увѣнчавшіяся успѣхомъ и поставленныя исторіею въ число событій, обозначившихъ собою прогрессъ человѣчества.—Такова была реформація XVI вѣка, освободившая сѣверную Европу отъ гнѣта папскаго авторитета и содѣйствовавшая умственному и нравственному подъему странъ, принявшихъ протестантизмъ. До настоящаго вѣка реформація съ ея послѣдствіями не оказывала вліянія на историческія воззрѣнія грековъ. Но въ настоящемъ вѣкѣ совершилось освобожденіе Еллады отъ ига турецкаго, сопровождавшагося государственнымъ устройствомъ, обеспечившимъ политическую и религіозную свободу обитателей греческаго королевства. Освобожденные греки XIX вѣка стали пересматривать прошедшую жизнь греческой націи съ иныхъ точекъ зрѣнія, чѣмъ средне-вѣковые византійцы, и результатомъ этого пересмотра было если не полное оправданіе императоровъ иконоборцевъ, то по крайней мѣрѣ значительное смягченіе историческаго суда надъ ними. Современные эллинофилы, стоящіе по своему міросозерцанію ближе къ протестантской Европѣ, чѣмъ къ средне-вѣковой Византіи, дѣлаютъ такую экскурсію въ область всеобщей исторіи: „страны, принявшія реформацію, какъ то сѣверная Германія, Англія и сѣверная Америка стали впереди на поприщѣ цивилизаціи и доселѣ идутъ все впередъ и впередъ,—а страны, оставшіяся подъ владычествомъ папы, какъ то Италія, Испанія, южная Германія и южная Америка стали мало по малу терять прежнее благосостояніе, а нѣкоторыя и совсѣмъ пришли въ упадокъ напр. Испанія. Только французы, оставаясь католиками, благодаря своей даровитости и энергіи, сохранили достоинство великаго народа; но, по замѣчанію Маколея, этимъ кажущимся исключеніемъ только подтверждается общее правило, ибо ни въ одной католической странѣ церковь такъ не безсильна, какъ во Франціи.“¹⁾ Исходя изъ этого историческаго наблюденія, современные эллинофилы естественно задаютъ себѣ вопросъ: не лучше ли было бы для блага греческой націи, если бы дѣятельность императоровъ иконоборцевъ увѣнчалась успѣхомъ и не слѣдуетъ ли даже считать этихъ императоровъ непризнанными благодѣтелями эллинской націи, тѣмъ болѣе заслуживающими сочувствія,

¹⁾ Παπαρρηγόπουλο. Ιστορία του ἑλληνικοῦ ἔθνους. III, 416.

что они не имѣли утѣшенія видѣть осуществленіе своихъ завѣтныхъ мечтаній? Склоняясь къ положительному отвѣту на этотъ вопросъ, современные эллинофилы во 1-хъ совершенно заподозрили византійскихъ хроникеровъ и синаксаристовъ, сообщавшихъ крайне враждебные отзывы объ императорахъ—иконоборцахъ, объясняя эти отзывы фанатизмомъ и духомъ партіи; во 2-хъ старались выдвинуть на первый планъ случайныя и мимоходныя извѣстія въ пользу императоровъ—иконоборцевъ, встрѣчающіися у церковныхъ писателей, придавая этимъ извѣстіямъ особую цѣну, какъ свидѣтельству изъ враждебныхъ утѣ; обращали также вниманіе на законодательную дѣятельность императоровъ—иконоборцевъ, свидѣтельствующую объ ихъ здравомысліи и заботахъ объ общественномъ благѣ; наконецъ въ 3-хъ обращали вниманіе на логику событій, которая послѣ неудачи иконоборческой реформы повела Византію все ниже и ниже до совершеннаго паденія.

Самымъ сильнымъ выразителемъ возрѣній новыхъ эллиновъ на иконоборческій періодъ служатъ греческій историкъ и профессоръ аѳинскаго университета Паларригопуло, отношеніе котораго къ иконоборному періоду мы можемъ для ясности обозначить въ слѣдующихъ тезисахъ.

1) *Названіе иконоборнаго, прилагаемое къ разсматриваемому періоду, не точно; то было время многосторонней реформы, и притомъ болѣе гражданской, чѣмъ церковной.* „Обыкновенно“, говоритъ Паларригопуло (III, 418), „періодъ этотъ называется *иконоборнымъ*, конечно потому, что устраненіе иконъ живѣе поразило фантазію людей и заставило забыть обо всемъ остальномъ. Между тѣмъ, насколько можемъ судить по дошедшимъ до насъ отрывочнымъ свѣденіямъ, дѣлошло не объ однихъ иконахъ, а о цѣломъ рядѣ переменъ, церковныхъ, а еще болѣе гражданскихъ. Реформа, налагавшая смѣлую руку на все, что подрывало матеріальную, умственную и нравственную жизнь общества, кажется—кромѣ устраненія иконъ и моцей—имѣла еще въ виду ограниченіе числа монастырей, наложеніе общихъ податей на церковныя и монастырскія имущества, изъятіе народнаго обученія изъ рукъ клира, уничтоженіе крѣпостнаго права, ограниченіе рабства, введеніе нѣкоторой вѣротерпимости и вообще переустройство общества въ болѣе либеральномъ и свѣтскомъ духѣ.“

2) *Императоры реформы дѣйствовали не по личному и даже не по династическому капризу; они ясно понимали задачу времени и*

недуги своего государства и брали цѣльсообразныя мѣры къ ихъ устраниванію. „Конечно,“ говоритъ Папарригопуло (III, 419), „вожди реформы не были выше всѣхъ заблужденій своего вѣка и часто позволяли себѣ дѣйствія, неодобрительныя по суду нашего времени. Но вообще они были прозорливѣе своихъ противниковъ и выдвинули впередъ такіе принципы и мнѣнія, какія мы съ удивленіемъ видимъ въ VIII вѣкѣ, и проводили свою реформу съ такою цѣльностью и систематичностью, какія рѣдко встрѣчаются въ исторіи. Реформа, продолжавшаяся почти 1½ столѣтія, не можетъ считаться произвольнымъ дѣйствіемъ одного царя или даже нѣсколькихъ царей, принадлежавшихъ притомъ къ разнымъ династіямъ.“

3) Въ своихъ патріотическихъ стремленіяхъ императоры реформы были не одиноки: ихъ поддерживала лучшая и наиболее разумная часть духовенства и войско, которое, постоянно пополняясь энергическими людьми, было болѣе доступно новымъ огнямъ. „Войско“,—говоритъ Папарригопуло (III, 420) „съ самаго начала и во все продолженіе періода горячо стояло на сторонѣ реформы, и не только въ царствованія благопріятныя, но и въ царствованія, враждебныя реформѣ. Соборъ 754 г., опредѣлившій устраненіе иконъ, состоялъ изъ 348 епископовъ; ревнители иконопочитанія не говорятъ намъ, чтобы противъ этихъ іерарховъ употреблено было насиліе, и самымъ молчаніемъ свидѣтельствуютъ, что многочисленный сонмъ іерарховъ составлялъ соборныя правила свободно. Отсюда ясно, что сторону реформы поддерживали прозорливѣйшіе и практичнѣйшіе члены общества и между прочимъ весьма многіе высшіе іерархи.“

4) Неудача реформы зависѣла съ одной стороны отъ того, что въ Византіи было много ревнителей крайней набожности, (множество иноковъ, всѣ жєницины и все престопаодѣе),—съ другой стороны отъ того, что императоры реформы недостаточно озаботились о воспитаніи въ своемъ дугѣ молодого поколѣнія. „Классы общества, низшіе по образованію и развитію; но болѣе многочисленные, были рѣшительно противъ всякой реформы. Таковъ былъ простой народъ, вѣра котораго часто отождествляется съ обрядностью. Таковы были всѣ женщины не только нисшихъ, но и высшихъ классовъ, даже супруги, дочери и сестры императоровъ реформы, которыя не только не сочувствовали нововведеніямъ, но даже часто скрытно имъ противодействовали. Наконецъ многочисленные монахи, противъ которыхъ была на-

правлена реформа, по существу дѣла не могли ей сочувствовать и, благодаря громадному вліянію, какое имѣли на женщинъ и простонародье, были главною причиною неудачи всего предпріятія (III, 421—423). Но отчасти виноваты въ этомъ и императоры реформы, которые, изъязвъ образованіе изъ рукъ монаховъ, не позаботились о просвѣщеніи простаго народа, отъ чего существенно зависѣла судьба реформы.* (III, 438).

Таковъ взглядъ Папарригопуло и другихъ новыхъ грековъ на періодъ иконоборчества, — взглядъ, совершенно противоположный сложившимся традиціямъ относительно сего періода, но на столько рѣшительный и обоснованный, что игнорировать его нельзя. Въ русской литературѣ этотъ взглядъ извѣстенъ благодаря статьямъ г. Васильевскаго: *законодательство иконоборцевъ* (Журн. Мин. Нар. Просв. 1878 №№ 9, 10 и отчасти статьямъ о Герасима Яреда: *отзывы о св. Фотіи* (Христ. Чт. 1872).

Въ какое отношеніе должна стать русская церковно-историческая наука въ періоду иконоборства, который въ древней и новой греческой литературѣ освѣщается совершенно различнымъ свѣтомъ? Вопросъ усложняется еще болѣе, если обратимъ вниманіе на аналогическіе факты русской жизни. У насъ былъ свой періодъ мрачнаго севѣрія — XVI и XVII вѣка въ московской Руси, — и свой періодъ реформы, созданный Петромъ великимъ, въ которомъ Стефанъ Яворскій усматривалъ прямое сходство съ иконоборцами. *Онъ не антихристъ, а иконоборецъ*, сказалъ м. Стефанъ о царѣ. Сдѣлаемъ небольшое усиліе воображенія. Представимъ, что реформа Петра великаго не удалась, что казенные противники реформы (е. Досиосей, Довукинъ, Левинъ) ублажаются, какъ мученики, — что изъ всей литературы о Петрѣ уцѣлѣла только обличительная проповѣдь Стефана Яворскаго, да нѣсколько подметныхъ писемъ и раскольническое сказаніе о Петрѣ, какъ антихристѣ. И въ такомъ случаѣ Петръ великій явился бы предъ судомъ исторіи въ томъ же видѣ, въ какомъ стоятъ императоры иконоборцы. Этотъ ходъ мыслей приводитъ насъ къ рѣшимости изложить исторію иконоборческаго періода, по возможности кратко и сдержанно, предоставивъ говорить только несомнѣннымъ и безспорнымъ фактамъ, и остерегаясь вносить въ исторію рассказы, достовѣрность которыхъ можетъ подлежать сомнѣнію. Что же касается до общаго сужденія о дѣятеляхъ иконоборнаго періода, то, — если первые источники не да-

ють намъ возможности выполнить правило историческаго безпристрастія: *audiat et altera pars*,—мы тѣмъ не менѣе не должны забывать, что эта *altera pars* могла же что-нибудь сказать въ свою пользу, и по этому должны взять во вниманіе отзывы позднѣйшихъ историковъ, стоявшихъ на болѣе объективной точкѣ зрѣнія и пытавшихся сказать свое сужденіе, руководясь логикою исторіи.

Три краткосрочные императора послѣ ираклидовъ (711—717). Левъ III (716—741) какъ воинъ и правитель. Попытки церковной реформы. Ея сторонники и противники. Общее сужденіе историковъ о Левѣ.

Послѣ паденія династіи ираклидовъ не вдругъ установилась на византійскомъ престолѣ новая династія. Въ теченіе шести лѣтъ смѣнялось три императора: Филиппикъ (съ конца 711 г. по 3 іюня 713 г.), Анастасій II (713—716) и Θεодосій III (716). Филиппикъ (онъ же и Варданъ) былъ армянинъ, и поэтому сторонникъ моноелитства. Сдѣлавшись императоромъ, онъ не замедлилъ созвать соборъ для отмѣны догматическихъ опредѣленій VI вселенскаго собора. Іерархи послушно исполнили волю царя,¹⁾ а царь приказалъ изгладить въ столицѣ стѣнную живопись, изображавшую засѣданія VI вселенскаго собора. Есть извѣстіе, что царь вообще высказался противъ иконъ. Но такое посягательство противъ православія въ самой столицѣ православія не прошло даромъ Филиппику. Конечно общественное мнѣніе византійцевъ было противъ него сильно вооружено. Иначе мы не можемъ объяснить, почему онъ былъ низверженъ съ престола съ такою, доходящею до смѣшнаго, легкостію. 3 іюня 713 г. въ день пятнадцатидесятилетия два заговорщика изъ патриціевъ схватили Филиппика, по-

¹⁾ Въ числѣ послушныхъ членовъ собора, созваннаго Филиппикомъ въ 712 г., были между прочимъ св. Андрей, архіепископъ критскій, и св. Германъ, митрополитъ визическій,—вскорѣ потомъ (съ 715 г.) патриархъ константинопольскій. (Theoph. chronogr.) Авторъ *историч. ученія объ отцахъ церкви* (III, 240, 244), рассуждаетъ, что св. отцы поступили такимъ образомъ, чтобы не возстановить противъ себя и церкви неистовство изувѣрнаго Филиппика. Св. Германъ въ послѣдствіи по отношенію къ Леву III высказалъ больше твердости.

воиновагося послѣобѣденнымъ сномъ, привезли на ипподромъ и тамъ ослѣпили. Никто, какъ видно, не принялъ участія въ несчастномъ царѣ, имя котораго послѣ этого совершенно исчезаетъ изъ исторіи. На другой день (4 іюня 713 г.) императоромъ провозглашенъ былъ государственный секретарь Артемій, — какъ видно, непричастный въ заговору, ибо немедленно по воцареніи велѣлъ ослѣпить ослѣпителей Филиппика. Новый императоръ пользовался репутаціею чловѣка разумнаго и опытнаго въ дѣлахъ; и своею предшествующею должностію и своими правами онъ, кажется, походилъ на императора Анастасія Диррахита; (см. стр. 220—259) вѣроятно и самъ сознавалъ это сходство, почему и принялъ при воцареніи имя Анастасія. Но царствованіе Анастасія II было далеко не такъ продолжительно и благополучно, какъ царствованіе Анастасія Диррахита. Наученный горькимъ опытомъ своего ближайшаго предшественника Филиппика, Анастасій II былъ строго православенъ и почитателенъ къ духовному чину, но эта почитательность, доведенная до крайности, оказалась пагубною. Имя надобность воевать съ арабами, готовившимися къ осадѣ Константинополя, Анастасій II, сосредоточилъ противъ нихъ у острова Родоса флотъ и армію и главнокомандующимъ надъ арміею и флотомъ назначилъ софійскаго діакона Іоанна, который былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и главнымъ казначеемъ имперіи. Но войско недовольно было такимъ главнокомандующимъ и, убивъ его, возмущилось и противъ самаго императора. Мятежники дѣйствовали наудачу и безъ опредѣленнаго плана. Двинувшись къ столицѣ, чтобы низвергнуть Анастасія II, они не знали еще, кѣмъ замѣнить его. Высадившись на берегъ въ Адрамиттіи мисійской, они нашли тамъ пользовавшагося популяритностію сборщика податей, по имени Θεодосія, и насильно провозгласили его царемъ. Послѣ полугодовой междоусобной войны Анастасій II счелъ себя вынужденнымъ оставить престолъ и принять монашество; еще черезъ полгода и Θεодосій III, этотъ царь по неволѣ, оказавшійся на престолѣ совершеннѣйшимъ нулемъ, безъ сопротивленія уступилъ корону энергическому полководцу Льву Исавру и также удалился въ монастырь. ¹⁾ Короткое царствованіе Θεодосія III для насъ, славянъ, за-

¹⁾ Доскажемъ въ подстрочномъ примѣчаніи судьбу обоихъ императоровъ. Θεодосій III нашелъ для себя желанный покой въ жизни частнаго

мѣчательно тѣмъ, что къ его времени относится первый — вѣроятно письменный—договоръ грековъ съ болгарами, на который сіи послѣдніе ссылались спустя почти сто лѣтъ (813 г.)

Левъ Исавръ былъ человѣкъ мужественный и энергическій. Отпавъ корону у своего слабаго предшественника Θεодосіа III, Левъ скоро доказалъ, что былъ достоинъ носить ее. Арабы, не прекращавшіе почти враждебныхъ дѣйствій противъ грековъ съ 692 г.—во все время византійскихъ неустройствъ и частой смѣны императоровъ,—рѣшились наконецъ покончить съ Византією. Со всѣми силами двинулись они къ Константинополю и, не ограничиваясь—какъ прежде—прерывистыми нападеніями на городъ (см. стр. 389), окружили его съ моря и съ суши и начали правильную осаду. Но всѣ усилія ихъ были безуспѣшны. Во главѣ осажденныхъ стоялъ императоръ, человѣкъ храбрый и опытный въ военномъ дѣлѣ, а голодъ, моровая язва, греческій огонь и необыкновенно суровая зима дѣйствовали на арабовъ весьма губительно. Есть извѣстіе, что во время этой осады, продолжав-

человѣка. Причислившись вмѣстѣ съ сыномъ своимъ къ клиру, Θεодосій мирно прожилъ до конца дней своихъ въ Ефесѣ и погребенъ во храмѣ св. Филиппа. На гробницѣ Θεодосіа, по его завѣщанію, начертано одно слово *ἐλευθερία*, какъ выраженіе его убѣжденія въ томъ, что смерть есть полное освобожденіе отъ бѣдъ и болѣзней. Эпитафія, приличная такому квіетисту, какимъ былъ покойный царь!—Судьба другаго экс-императора Анастасія II, была гораздо печальнѣе. Анастасій, сосланный въ Солунь и причисленный къ клиру, не могъ примириться съ своимъ положеніемъ и забыть того, что онъ былъ императоромъ. Спустя года три (721 г.) онъ рѣшился снова искать престола при помощи тогоже болгарскаго князя Тербеля, который въ 705 г. помогъ вторично воцариться Юстиніану Ринотмету (см. стр. 397). По видимому для Анастасія были всѣ вѣроятности на успѣхъ, ибо у него было много сторонниковъ между византійскими вельможами. Но предпріятіе окончилось несчастно. Болгаре, подъ вліяніемъ угрозъ или подарковъ и. Льва Исавра, выдали ему Анастасія и его друга, солунскаго архіепископа, и имп. Левъ казнилъ обоихъ отсѣченіемъ головы на столичномъ ипподромѣ.—Въ то время былъ еще одинъ царственный изгой, искавшій себѣ безопасности въ средѣ клира; это былъ сынъ императора Тиверія—Апсимара, Θεодосій, впоследствии, въ санѣ архіепископа ефесскаго, предсѣдательствовавшій на иконоборческомъ соборѣ 754 г.

шейся цѣлѣй (717-й) годъ, погибло до ста тысячъ мусульманъ, и осада Константинополя окончилась почти совершеннымъ истребленіемъ арабскаго войска.—Позднѣйшіе хроникеры приписывали такой счастливый оборотъ дѣла молитвамъ осажденныхъ, но конечно нельзя отрицать и распорядительности императора, которому даже нерасположенный къ нему папа Григорій II далъ такую аттестацію: *воинственнымъ, грубымъ и жестокимъ умъ, какимъ ты обладаешь, приложимъ къ дѣламъ управления мірскаго, но неприложимъ къ дѣламъ управления церковнаго.*

И. Левъ прилѣжно занимался дѣлами управления мірскаго. Онъ возстановилъ въ войскѣ порядокъ и дисциплину и сохранилъ по себѣ память и въ законодательствѣ, изданіемъ двухъ кодексовъ: *Εκλόγη* и *υπόμνημα τῶν νόμων*. Отмѣтимъ нѣкоторыя черты законовъ Льва III, которыя имѣютъ связь съ общимъ духомъ реформы. Вопреки 78 правилу трулскаго собора, воспрещавшему бракъ православныхъ съ еретиками, Левъ законополагалъ, что для брачнаго союза достаточно только того, чтобы брачующіеся были христіане. Вопреки господствовавшему обычаю личнаго закрѣпощенія или кабалы (*δουλοπαρομίαις*), Левъ законополагалъ, что земледѣльцы неотчуждаемы отъ своей усадьбы, на которой они живутъ отъ рожденія или вообще долгое время.—Но занимаясь дѣлами гражданскими, Левъ III не остался въ сторонѣ и отъ дѣлъ церковныхъ. Обвинять ли его за это? конечно въ той же мѣрѣ и на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и другихъ византійскихъ императоровъ. Церковная жизнь въ Византіи до такой степени многообразно переплелась съ гражданскою, церковь—не говоря уже о духовномъ авторитетѣ—взяла на свою долю такъ много матеріальныхъ средствъ имперіи, что ни одинъ императоръ, имѣвшій опредѣленные политическія задачи, не могъ при проведеніи ихъ не столкнуться съ церковными интересами. Царю прежде всего нужны люди и деньги. Но что же дѣлать царю, если люди шли въ монастыри, а монастыри и церкви владѣли громадными и свободными отъ всякихъ податей имуществами? Волею-неволею всякій даже самый благочестивый императоръ, преслѣдуя интересы политическіе, долженъ былъ идти въ разрѣзъ съ интересами церковными, по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, какъ они понимались тогдашнимъ духовенствомъ. Мы видѣли, что и благочестивый Маврикій пытался ограничить доступъ въ монастыри воинамъ и гражданскимъ чиновникамъ (см. стр. 305), и набожный Ираклій перечеканивалъ въ монету дорогія церковныя утвари (см. стр. 357.) Конечно ни одинъ изъ ви-

зантийскихъ монарховъ не приносили церковныхъ интересовъ въ жертву государственнымъ съ такою послѣдовательностію и безпощадностію, какъ нашъ Петръ великій. Но при византийской набожности, (которую мы старались охарактеризовать въ предыдущемъ 12 чтеніи), и малое посягательство на церковные интересы казалось несноснымъ для большинства клириковъ и монаховъ, хотя бы и вызывалось государственною необходимостію. Византийскіе клирики и монахи всегда охотно готовы были общать правительству свои молитвы и чудесную помощь свыше, но далѣе этого патриотизмъ ихъ не шель. Левъ III, — который былъ прежде всего воинъ — стоялъ на иной точкѣ зрѣнія. Уступая духу времени и общественному мнѣнію, онъ дѣйствовалъ медленно и осторожно и не вывиль — быть можетъ — и десятой доли своихъ предначертаній. Но по всему замѣтно, что его церковная политика имѣла сходство съ церковною политикою нашего Петра великаго. Подобно другимъ византийскимъ императорамъ, Левъ III причислялъ себя къ клиру и именовалъ себя *царемъ и священникомъ*, но не для того, чтобы *приносить нѣкій даръ ко олтарю*, а для того, чтобы удобнѣе колебать тѣ устои, на которыхъ покоилась старинная византийская, въ значительной мѣрѣ суевѣрная, набожность. Какъ нашъ Петръ 1-й имѣлъ своими сподвижниками по церковнымъ дѣламъ архіереевъ Θεодосія Лвовскаго и Θεοφана Провоповича, которые, *разумея увившись*, смѣлою рукою устраняли преданія и порядки древней Руси и вводили новый церковный строй по мысли преобразователя, — такъ у Льва III-го были подобныя же споспѣшники изъ высшей іерархіи: Константинъ, епископъ наволоискій, Θομα, епископъ клавдіопольскій, Θεодосій, архіепископъ никейскій (*нечестивый сынъ Ансимара*, какъ называлъ его папа Григорій II) и патриаршіи синкеллъ Анастасій.

Первые шаги Льва III въ церковной политикѣ были повидимому направлены въ сторону отъ цѣли. Онъ началъ съ того, что сталъ (722 г.) принуждать ко крещенію евреевъ и монтанистовъ; первые крестились лицемѣрно, вторые спасались отъ принужденія самоубиеніемъ. Быть можетъ этими дѣйствіями Левъ III хотѣлъ упрочить за собою репутацію государя православнѣйшаго и благочестивѣйшаго, которая нужна была ему для проведенія церковной реформы.

Прошло около 10 лѣтъ по воцареніи Льва, прежде чѣмъ онъ рѣшился высказаться противъ иконопочитанія. Высказался онъ на пер-

вый разъ очень осторожно. Въ 726 г. Левъ созвалъ совѣтъ изъ высшихъ свѣтскихъ, и отчасти духовныхъ сановниковъ, (такъ называемое *silentium*), и предложилъ на обсужденіе свое мнѣніе о томъ, что почитаніе иконъ подобно идолослуженію и отвлекаетъ людей отъ почитанія истиннаго Бога. Вмѣстѣ съ тѣмъ царь заявилъ, что онъ не требуетъ немедленно того, чтобы иконы были выносимы изъ храмовъ и уничтожаемы, а желаетъ на первый разъ только того, чтобы иконы были подняты выше такъ, чтобы къ нимъ нельзя было прикладываться. Царское предложеніе было принято совѣтомъ. Не совсѣмъ ясно, какое положеніе занималъ при этомъ престарѣлый патріархъ Германъ. Уступчивость, какую онъ обнаружилъ въ 712 г. по отношенію къ имп. Филиппику (см. стр. 435) даетъ основаніе историку Папарригопулу утверждать, что и на сей разъ Германъ не сталъ бы противиться волѣ царя, если бы позади его не стояло многочисленное и фанатически настроенное сословіе иконовъ, которые оказывали на старца болѣе сильное нравственное давленіе, чѣмъ императоръ. Какъ бы то ни было, но патр. Германъ протестовалъ—должно полагать—довольно слабо и нерѣшительно, потому что еще около 4 лѣтъ занималъ патріаршую кафедру, не смотря на свою крайнюю престарѣлость.¹⁾—Царскій указъ противъ иконъ (не дошедшій до насъ) былъ тѣмъ не менѣе обнародованъ и самъ царь первый приступилъ къ его выполненію. Надъ воротами дворца, которые назывались *мѣдными*, стояло изображеніе Спасителя. (У папы Григорія II оно называется *статуя*, у Зонары *ἐκτόκωμ*. у Кодина *στήλη χαλκῆ*; можетъ быть это было просто литое и вырешенное распятіе). Изображеніе считалось чудотворнымъ (см. выше стр. 308). Но это не остановило Льва. Желая показать примѣръ подданнымъ и быть можетъ имѣя въ виду, что на востокѣ изваянія пользовались меньшимъ почетомъ, чѣмъ живописныя изображенія, царь послалъ знатнаго сановника (спаарокандидата Іувина) снять изваяніе

¹⁾ Сволько было лѣтъ патр. Герману,—объ этомъ существуютъ разнорѣчивыя извѣстія. Папа Григорій II въ письмѣ къ царю отъ 727 г. заявляетъ, что Германъ, *совершаетъ нынѣ 95-й годъ*. Но это едва ли вѣрно. Мы знаемъ, что Германъ, будучи мальчикомъ, былъ оскотенъ въ 668 году. (См. выше стр. 387.) Положимъ ему было тогда 15 или болѣе 18 лѣтъ. Слѣд. при началѣ иконоборства ему было не болѣе 76 лѣтъ.

или —если это было распятіе—отдѣлить его отъ креста. Когда сановникъ приступилъ къ исполненію царскаго приказанія, собралась толпа народа. „Тамъ находились (читаемъ въ письмѣ папы Григорія II) ревностныя женщины, которыя умоляли спаарокаandidates, говоря: *нѣтъ! нѣтъ! не дѣлай этого!* Но онъ не внялъ ихъ просьбамъ, поставилъ лѣстницу, и, поднявшись по ней, трижды ударилъ топоромъ въ лице Спасителя. Видя это и не имѣя силъ перенести такое нечестіе, женщины отодвинули лѣстницу и бичами засѣкли его до смерти.“ Умерщвлено было при этомъ и нѣсколько вонновъ, сопровождавшихъ царскаго сановника. Императоръ съ своей стороны спѣшилъ подавить уличный безпорядокъ. Царская гвардія разсѣяла многочисленную толпу, состоявшую бѣльшею частію изъ простонародья, монаховъ и женщинъ: не мало людей при этомъ было и перебито, — а нѣкоторые и казнены; въ томъ числѣ десять мужей (память которыхъ совершается 9 августа) и инокія Теодосія, также причтенная впоследствии церковію къ лику святыхъ съ именемъ *преподобномученицы* (память ея — 29 мая). Надъ мѣдными вратами дворца тамъ, гдѣ стояло изваяніе Спасителя, былъ водруженъ императоромъ крестъ (который, какъ побѣдное знамя христіанскаго воинства, не переставалъ быть предметомъ благоговѣйнаго почтенія во всю эпоху иконоборства). Подъ крестомъ была слѣдующая надпись:

Ἄφρων εἶδες καὶ πνεῦς ἐξηρμένον
 Χριστὸν γράφεσθαι μὴ φέρων ὁ δεσπότης
 Ὑλῆ γρηρᾶ ταῖς γραφαῖς πατουμένη,
 Λέων σὺν υἱῷ τῷ νέῳ Κωνσταντίνῳ,
 Σταυροῦ χάριττι τὸν τρισόλιον τύπον
 Καύχημα πιστῶν, ἐν πόλει ἀνακτόρων.

(Не терпя, чтобы Христосъ былъ изображаемъ въ безгласномъ и бездыханномъ образѣ, посредствомъ землевиднаго матеріала, воспрещаемого въ писаніи, — государь Левъ съ сыномъ юнымъ Константиномъ начертываетъ на дверяхъ трисолнечный образъ креста, похвалу вѣрующихъ).

Волненіе въ Константинополѣ по поводу снятія съ мѣдныхъ вратъ изваянія Спасителя происходило въ 726 году. ¹⁾ Громкимъ эхомъ

¹⁾ Такъ опредѣляетъ Муральтъ. Да и папа Григорій II въ своемъ обличительномъ письмѣ имп. Льву по поводу сего событія говорить: *десять лѣтъ ты, по милости Божіей, добръ совершалъ путь свой;... а нынѣ ты*

отозвалось оно во всей византийской империи и даже за ее пределами. „Тутъ находились“ — писалъ папа Григорій императору, — „коммерческіе люди изъ Рима, Франціи, изъ вандаловъ, изъ Мавританіи, изъ готевъ: словомъ со всѣхъ внутреннихъ странъ запада. Прибывъ на родину, они рассказали, каждый въ своей странѣ, о твоихъ ребяческихъ поступкахъ. Тогда всюду стали бросать твои портреты на землю, попирать ихъ ногами и уродовать твое лице.“ Всего скорѣе столичное волненіе отдалось въ Елладѣ и на цикладскихъ островахъ. Прослышавъ о намѣреніи Льва *удалить иконы съ глазъ человеческихъ*, военачальники Агаліанъ и Стефанъ провозгласили императоромъ нѣкоего Косму и поплыли къ столицѣ, но флотъ ихъ 18 апрѣля 727 г. былъ сожженъ, Агаліанъ бросился въ море, а Косма и Стефанъ, попавшись въ плѣнъ были казнены. Гораздо труднѣе и безуспѣшнѣе была борьба имп. Льва съ римскимъ папою и съ Италіею. Папа Григорій II воспользовался случаемъ, чтобы объявить себя и Римъ вѣдъ зависимости отъ императора — нечестивца и посылалъ къ Льву Шукризенныя посланія, явно рассчитывая на безнаказанность. „Ты страшашь насъ,“ писалъ папа къ императору, „и говоришь: *пойду въ Римъ войско и истреблю икону св. Петра, а тамошняго архіерея Григорія постараюсь привести связаннымъ, какъ это сдѣлалъ Конста съ Мартиномъ*. Но... если ты станешь нагло нападать на насъ и грозить намъ; то вѣдъ намъ нѣтъ надобности вступать съ тобою въ сраженіе. Римскій архіерей удалится за 24 стадіи въ страну Кампанійскую; и поди, гонись за вѣтрами... Взоры всего запада обращены на наше смиреніе. Можетъ быть мы и не стоимъ этого, но народы запада большую надежду возлагаютъ на насъ и на того, чье изображеніе грозить ты уничтожить т. е. на св. Петра, котораго всѣ западныя царства почитаютъ какъ бы земнымъ богомъ. Если ты дерзнешь

говоришь, что иконы занимаютъ мѣсто идоловъ и проч., и тѣмъ самымъ выясняетъ, что событіе, за которое онъ порицаетъ Льва, совершилось на 11 году его царствованія, т. е. въ 726 г. Папарригопуло помѣщаетъ это событіе значительно позже, но онъ введенъ въ заблужденіе невѣрными показаніями хрооникеровъ, яко бы разъяренная толпа хотѣла убить патріарха Анастасія, (который патріаршилъ съ 730 г.) Документальное свидѣтельство папы Григорія II не позволяетъ намъ раздѣлять хронологической ошибки Папарригопуло.

сдѣлать такую попытку, то западь вполне готовъ отмстить тебѣ и за тѣхъ воссочныхъ людей, которымъ напесъ ты оскорбленія.“ А преемникъ Григорія II (+ 11 февр. 731 г.) папа Григорій III созвалъ въ Римѣ соборъ, на которомъ отлучилъ всѣхъ иконоборцевъ отъ церкви. Вся средняя (латинская) Италія, дотолѣ подвластная греческому императору, отложила отъ него. Раздраженный Левъ, чтобы принудить папу и итальянцевъ къ покорности, послалъ въ Италію морскимъ путемъ сильное войско, но флотъ императора бѣльшею частію погибъ отъ бури на Адриатическомъ морѣ. Императоръ могъ наказать папу только тѣмъ, что отнялъ изъ подъ его юрисдикціи западную половину балканскаго полуострова съ Солунемъ и Иллирією, и отобралъ въ пользу своей казны папскія владѣнія (patrimonia) въ южной Италіи.

На востокѣ въ зарубежныхъ патріархатахъ иконоборныя намѣренія императора также не встрѣчали сочувствія. Сильнымъ литературнымъ противникомъ иконоборства былъ палестинскій инокъ Іоаннъ Дамаскинъ, писавшій апологетическія слова въ защиту иконопочитанія. ¹⁾

Что происходило между тѣмъ внутри имперіи и въ самой столицѣ? Послѣ вышеупомянутаго столичнаго волненія (726 г.), императоръ года трѣхъ, кажется, не предпринималъ противъ иконъ ничего рѣшительнаго. Онъ выражалъ даже желаніе созвать вселенскій соборъ и подвергнуть дѣло о иконопочитаніи соборному обсужденію. Извѣстіе объ этомъ предположеніи императора мы находимъ въ письмѣ къ нему папы Григорія II. „Ты писалъ,“ — говоритъ папа, — „что слѣдуетъ со-

¹⁾ Въ житіи св. Іоанна Дамаскина (4 декабря) содержится извѣстіе, что имп. Левъ, желая отмстить Іоанну Дамаскину за его полемику противъ иконоборства, написалъ къ себѣ отъ имени Іоанна подложное письмо съ предложеніемъ сдать Дамаскъ императору, и переслалъ это письмо калифу, — что калифъ приказалъ отрубить руку мнимому измѣннику, и что эта рука опять чудесно срослась съ тѣломъ, когда Іоаннъ молился предъ иконою Богоматери. Папарригопуло, который сомнѣвается, былъ ли когда либо Іоаннъ на службѣ калифа, считаетъ весь этотъ рассказъ позднѣйшею легендою, не имѣющею никакого основанія въ дѣйствительности, „ибо и самъ Дамаскинъ въ своихъ сочиненіяхъ ни слова не говоритъ объ этомъ событіи и о чудѣ, тогда какъ оно служило бы сильнѣйшимъ доказательствомъ къ подтвержденію его темы“ (III, 449).

звать вселенскій соборъ; намъ это показалось бесполезнымъ. Ты преслѣдуешь иконы, ругаешься надъ ними и истребляешь ихъ. Сдѣлай намъ милость, — оставь это дѣло и замолчи; тогда мѣръ успокоится и соблазны прекратятся. Представь, что мы послушались тебя, что архіереи собрались со всей вселенной, что возсѣдаетъ уже синклитъ и совѣтъ; но гдѣже христіолюбивый и благочестивый императоръ, который долженъ по обыкновенію засѣдать въ свѣтѣ и чествовать тѣхъ, которые говорятъ хорошо, а тѣхъ, которые уклоняются отъ истины, преслѣдовать, — когда ты самъ, императоръ, являешься человѣкомъ непостояннымъ и варваромъ?“. Должно думать, что, получивъ такой отвѣтъ, Левъ III и самъ оставилъ мысль о вселенскомъ соборѣ. Но иконоборныхъ намѣреній царь не оставилъ и въ 730 году 16 января (а по исторіи Папарригопуло въ 728 г.) обнародовалъ новый указъ противъ иконъ, который былъ строже предъидущаго, но также не дошелъ до нашего времени, да и въ свое время остался безъ исполненія. „Царь хотѣлъ“ — разсуждаетъ Папарригопуло, — только обозначить принципы реформы, а не настаивалъ на немедленномъ ихъ выполненіи.“ Вѣрнѣе думать, что практическій тактъ подсказалъ Льву, что нельзя перемѣнять законами того, что утверждено обычаями. Обнародовавъ указъ противъ иконъ, царь осуществленіе его кажется хотѣлъ предоставить личной инициативѣ друзей реформы. Престарѣлый патріархъ Германъ, для котораго тяжело было стоять во главѣ церковнаго управленія въ такое смутное время, добровольно оставилъ кафедру,¹⁾ и его преемникомъ былъ патріаршій синкеллъ Анастасій, если не по убѣжденію, то по расчету объявившій себя противъ иконъ. Анастасій ис-

¹⁾ Православные хроникеры и синаксаристы любятъ изображать Германа героемъ и борцомъ за вѣру, но при этомъ приписываютъ Герману то, что хотѣли въ немъ видѣть. Въ дѣйствительности Германъ, кажется, былъ просто добрый и слабый человѣкъ, чувствовавшій себя очень дурно подъ давленіемъ двухъ противоположныхъ требованій царя и иноковъ, и наконецъ оставившій кафедру, когда его положеніе стало казаться ему невыносимымъ. Впослѣдствіи самое оставленіе кафедры было вмѣнено ему въ подвигъ исповѣдничества и стали находить пророческій смыслъ въ простыхъ словахъ его, обращенныхъ къ синкеллу Анастасію: *не торонись, сине помидешь на штидромъ.*

треблялъ иконы на своемъ патриаршемъ подворьѣ; истребляли кое-гдѣ иконы и другіе вольнодумные епископы, но въ большинствѣ храмовъ, и даже въ первенствующей столичной соборной Софійской церкви, иконы сохранились не только при Левѣ III, но даже и при сынѣ его Константинѣ. Преслѣдованіе иконопочитателей въ томъ родѣ, въ какомъ было на примѣръ гоненіе на христіанъ въ III вѣкѣ, не производилось и не могло производиться уже потому самому, что иконопочитатели составляли въ имперіи громадное большинство. Если я были отдѣльные случаи преслѣдованія иконопочитателей, усердно подмѣчаемые и обобщаемые тогдашнимъ общественнымъ мнѣніемъ и доставившіе гонимымъ славу *исповѣдниковъ*,¹⁾ то поводомъ къ преслѣдованію со стороны гражданской власти было не почитаніе иконъ само въ себѣ, а такъ называемое *оскорбленіе величества*, приглашеніе къ возстанію противъ существующихъ властей или что-нибудь въ этомъ родѣ. Если на западѣ,—какъ сообщалъ папа Григорій II,—находились люди, которые рвали и бросали на землю портреты императора, то подобные ревнители могли быть и на востокѣ, особенно между иноками. Папаригопуло даже и этого не думаетъ. Онъ считаетъ нравственный уровень тогдашняго монашества не на столько высокимъ, чтобы оно могло выдѣлять изъ себя добровольныхъ мучениковъ. Утверждая это, Папаригопуло конечно вдвойнѣ ошибается.

Сознавая безсиліе прямыхъ и крутыхъ мѣръ, Левъ III хотѣлъ дѣйствовать въ видахъ реформы мѣрами косвенными, дѣйствіе которыхъ могло быть болѣе медленно, но зато болѣе прочно. Мы упоминали уже о его законодательной дѣятельности (см. выше стр. 439). Кромѣ того онъ хотѣлъ измѣнить направленіе въ воспитаніи юношества. Папа Григорій писалъ къ императору: „Заверни въ элементарныя училища и скажи: *я истребитель и преслѣдователь иконъ*, и тотчасъ ученики

¹⁾ Въ четіяхъ-минелахъ кромѣ патр. Германа (мая 12), Іоанна Дамаскина, (дек. 4) инокіи Осодосіи (мая 28) и десяти мужей, (авг. 9) пострадавшихъ во время столичнаго волненія 726 г., упоминается еще, какъ исповѣдникъ иконопочитанія Василій е. парійскій (апр. 12), скончавшійся въ 728 г. Можетъ быть и нѣкоторые другіе канонизованные исповѣдники иконопочитанія, точная дата жизни которыхъ неизвѣстна, относятся къ царствованію Льва III.

забрасаютъ твою голову своими дощечками.“ Левъ III и безъ паны отлично зналъ, что воспитаніе въ Византіи находится въ рукахъ кляра и монаховъ и неблагопріятно для его реформъ. Поэтому онъ, не долго думая, закрылъ всѣ училища, кромѣ юридическихъ.¹⁾ „Ошибка Льва.“ разсуждаетъ Папарригоцуло (III, 438—9) „состояла въ томъ, что онъ недостаточно позаботился о поднятій въ тоже время свѣтскаго образованія. Конечно царь не пренебрегалъ имъ, а преемники его еще болѣе были любителями просвѣщенія, какъ это доказывается появленіемъ съ конца 8 вѣка многихъ отлично образованныхъ людей, каковы были Іоаннъ грамматикъ, философъ Левъ, Михаилъ Пселлъ, геометръ Теодоръ, астрономъ Θεодигій, филологъ Комита и самъ Фотій, родившійся и получившій образованіе еще въ вѣкъ реформы... Но, какъ видно, свѣтское образованіе привилось не сразу, да и въ послѣдствіи было достояніемъ только высшихъ сословій и—къ сожалѣнію—не дошло почти до простаго народа, отъ просвѣщенія котораго зависѣла судьба всей реформы.“—Должно думать, что Левъ III употреблялъ въ некоторые мѣры, чтобы измѣнить міросозерцаніе и взрослыхъ византійцевъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ папа Григорій II, но его свидѣтельство для насъ неясно. „Ты,—писалъ папа—„приказавъ покорному народу оставить иконы, сталъ занимать его пустяками, вздоромъ, свирѣлями, погремущками, гитарами и лирами, а вмѣсто благословеній и словословій сталъ занимать его баснями.“ Можетъ быть императоръ устроилъ что-нибудь въ родѣ концертовъ и публичныхъ чтеній для просвѣщенія и развлеченія византійцевъ.

Въ вѣкъ Льва III были два грозныя и замѣчательныя физическія явленія, которыя иконопочитателями и иконоборцами изъяснялись различно и примѣнительно къ образу мыслей тѣхъ и другихъ. Эти явленія—образованіе въ архипелагѣ новыхъ острововъ вулканическаго происхожденія въ 726 г. и сильное землетрясеніе, разрушившее стѣны столицы 26 октября 740 г. На другой годъ послѣ землетрясенія имп. Левъ умеръ (18 іюня 741.), процарствовавъ 24 года, 2 мѣсяца и 25 дней. Прибавимъ ли вмѣстѣ съ старыми византійскими хроникерами:

¹⁾ Это распоряженіе Льва III подало поводъ къ позднѣйшей легендѣ, якобы царь сжегъ въ столицѣ публичную бібліотеку и вмѣстѣ съ нею такъ называемаго *вселенскаго учителя* съ его 12 сотрудниками.

и отправился въ слонъ въчный? Нѣтъ, мы этого не скажемъ, ибо иной судъ Божій и иные суды человѣческіе. Прислушаемся лучше къ различнымъ отзывамъ о Львѣ III людей, изучавшихъ и оцѣнивавшихъ его дѣянія.

Отзывы объ имп. Львѣ III самымъ разнорѣчіемъ своимъ показываютъ, что еще далеко не сказано послѣднее слово исторіи объ этомъ императорѣ, равно какъ и о подобныхъ ему его преемникахъ. Самый строгій судъ надъ Львомъ III выраженъ въ слѣдующемъ анонимномъ анаематизмѣ. *Первому змѣйшему иконоборцу, паче же христорбцу, зѣрю зловѣрному, прельщенному отъ двухъ псовъ евреевъ, демонскому слугу, богопротивному ратнику Божія церкви, мучителю—млаголю, а не царю, Льву исавярнину и его псевдо-патріарху Анастасію, юнителю Христова стада, а не пастырю, и с таинники ихъ, анаема.* ¹⁾ Въ томъ же духѣ, хотя гораздо сдержаннѣе, отзывается о Львѣ III-мъ хроникеръ Теофанъ, называя царя сарацинумудрствующимъ, нечестивымъ и злочестивымъ, и умершимъ тѣлесною и душевною смертію. Отзывъ Амартола мы уже видѣли выше (стр. 429).—Много снисходительнѣе относятся къ Льву III-му ближайшіе къ нашему времени историки. Le Beau, французъ и католикъ, порицая Льва за иконоборство, тѣмъ не менѣе отдаетъ ему честь въ другихъ отношеніяхъ. Вотъ отзывъ Лебо (VI, 352.) „Левъ царствовалъ со славою. Подданные его любили, сарацены боялись; казалось, само провидѣніе поставило его на тронѣ, чтобы возвратить имперіи ся прежній блескъ. Выросши въ несчастіи, которое даетъ твердую выдержку душамъ и воспитываетъ доблести, Левъ достигъ престола и держался на немъ силою своего генія. Онъ былъ бы великій государь, если бы не захотѣлъ быть реформаторомъ;—предпріятіе рискованное и опасное, когда дѣло идетъ о религіи. Религія боится царскихъ рукъ; она требуетъ у царя покровительства, а не реформы; сей послѣдней она ожидаетъ отъ своихъ служителей, законныхъ стражей вѣры и церковной дисциплины. Этотъ капризъ помрачилъ всѣ дарованія Льва, погасилъ всѣ его добродѣтели и сдѣлалъ суровымъ преслѣдователемъ человѣка, созданнаго для благодѣяній и добрыхъ чувствъ. Левъ былъ отцомъ своихъ под-

¹⁾ К. Никольскаго. Анаематствованіе, совершаемое въ 1-ю недѣлю в. поста. Спб. 1879. Стр. 123.

данныхъ, пока не захотѣлъ быть богословомъ; съ тѣхъ поръ онъ превратился въ тирана. Если бы даже государь и имѣлъ право дѣлать нововведенія въ области религіи, то никогда ни одинъ царь не былъ къ тому менѣе способенъ. Питомецъ военнаго ремесла Левъ былъ глубокой невѣжда. Но какъ будто воображая, что предѣлы его знаній также обширны, какъ предѣлы его власти, Левъ брался рѣшать богословскіе вопросы и хотѣлъ законодательствовать въ области самой религіи. Филиппикъ хотѣлъ воспретить иконопочитаніе: Левъ рѣшился довести дѣло до конца. Онъ былъ убѣжденъ, что почитаніе иконъ есть идолопоклонство, несогласное съ чистымъ христіанствомъ, и ожидалъ самыхъ блестящихъ успѣховъ для имперіи, если его святое предпріятіе будетъ исполнено.“

Шлоссеръ, нѣмецъ и протестантъ, идетъ еще далѣе въ сочувствіи Льву III-му. Онъ одобряетъ и самую идею церковной реформы Льва, но порицаетъ царя только за его самовластіе и неумѣлость въ проведеніи реформы, не отрицая впрочемъ и въ этомъ случаѣ отвѣтственной умѣренности царя. „Когда могущественный государь, окруженный льстецами, заберетъ что-нибудь себѣ въ голову и свое личное мнѣніе считаетъ чистою истиною, а все съ нимъ несогласное вздоромъ и глупостью,—то рѣдко онъ можетъ устоять противъ искушенія насильно навязать поданнымъ свою истину и всегда найдутся подлыя души, которыя ради пріобрѣтенія царской милости будутъ поддерживать его словомъ и дѣломъ. Левъ и единомысленный съ нимъ патріархъ могли думать объ иконахъ, что угодно, могли считать ихъ идолами, могли брать строга мѣры противъ суевѣрныхъ нововведеній, могли побуждать духовенство читать библію и возвышаться къ болѣе чистымъ религіознымъ понятіямъ,—но кто далъ царю право быть судьей совѣсти своихъ поданныхъ и дерзкою рукою ломать дерево и камень, предъ которымъ съ сердечною вѣрою преклонялись подданные, отрѣшаясь отъ земныхъ отношеній? Обманываясь относительно предѣловъ своего могущества, думая, что у всѣхъ людей такія же продажныя души какъ у придворныхъ, мечтая, якобы царскія приказанія, угрозы и наказанія могутъ создавать духъ времени, Левъ осмѣлился предписывать поданнымъ, какъ они должны вѣровать. Если исавріецъ, грубый солдатъ, раздражаемый противорѣчіемъ, еще не зашелъ слишкомъ далеко по этому пути, то это мы должны приписать или умѣренности Льва, или благоразумію его совѣтниковъ... (Bildersturmende

Kaizer 165—6). Заканчивая исторію Льва III-го, Шлоссеръ говоритъ: „хроникеры обременяютъ Льва порицаніями, хотя для всякаго безпристрастнаго челоѣка 25-лѣтнее царствованіе, — послѣ котораго остались сыну и послѣднику дисциплинированное войско, полное казначейство и послушный народъ, — вовсе не служитъ доказательствомъ порока и Божьяго наказанія. Богъ судитъ иначе, чѣмъ мы смертные... И наказаніе и награда сокрыты Имъ во мракѣ вѣчности. Наше дѣло — оцѣнивать не добродѣтели или пороки людей, а только факты виѣшней ихъ дѣятельности: здѣсь мы можемъ судить, что сдѣлано согласно или несогласно съ вѣчнымъ, всѣми признаваемымъ, закономъ. Левъ насильно хотѣлъ возвести людей къ болѣе чистымъ понятіямъ. Онъ не былъ благородный мыслитель, знающій, что мудрость нельзя вселить принужденіемъ, что толпа часто изъ одной крайности переходитъ въ другую, нисколько не лучшую. Что же касается до приписываемой Льву свирѣпости, то объ этомъ нельзя сказать ничего рѣшительнаго, ибо и самыя ожесточенныя враги Льва не сообщаютъ никакихъ фактовъ, отмѣченныхъ особою жестокостію или несправедливостію.“ (ibid. 190).

Но наиболѣе благопріятное сужденіе о Левѣ III-мъ даетъ новый греческій историкъ Папарригопуло (III, 464—467). Онъ сочувствуетъ и идеѣ реформы Льва III, и самому ея выполненію, и, если о чемъ жалѣетъ, такъ только о томъ, что память великаго государя обезображена враждебными ему писателями. „Какое было образованіе Льва, — говоритъ Папарригопуло — неизвѣстно. Но во время военной службы, среди трудныхъ стратегическихъ предпріятій, онъ выработалъ тотъ практической тактъ, который, хотя не всегда восполняетъ теорію, но бываетъ часто полезнѣе ея, особенно для челоѣка, призваннаго управлять государственнымъ дѣлами. Должно полагать, что Левъ былъ хорошій супругъ, хорошій отецъ, и вообще хорошій челоѣкъ. Хроникеры не говорятъ ничего худаго объ его частной жизни, хотя безъ сомнѣнія они весьма охотно протрубили бы о всякомъ пятнѣ, какое только могли бы найти въ характерѣ царя. Мы узнаемъ даже, что Левъ былъ *красивою видомъ и высокою ростомъ*, ибо Кедринъ — паче чаянія — откровенно сообщилъ намъ объ этомъ. Производя раскопки въ Елладѣ для открытія памятниковъ древняго искусства, мы находимъ иногда разбитую статую и стараемся по возможности собрать уцѣлѣвшія части; мы не успѣваемъ возсоздать древнее произведеніе искусства въ первоначальной красотѣ, но все таки можемъ составить себѣ

нѣкоторую идею о прежнему извѣстѣ. Такой же, хотя слабый, но не лишенный сходства съ дѣйствительностію, образъ имп. Льва, усматриваемый нами по частямъ и между строкъ у враждебныхъ ему лѣтописцевъ!—Враги Льва не могли отрицать воинскихъ доблестей государя, но все, что онъ дѣлалъ въ интересахъ реформы, частію перетолковано, частію сокрыто. Къ счастью самыя тяжкія клеветы измышлены позднѣйшими хроникерами; древнѣйшіе же, и особенно Никифоръ, были болѣе умѣренны и даютъ намъ основаніе смѣло утверждать, что Левъ III не сожигалъ высшаго церковнаго училища въ Константинополѣ вмѣстѣ съ учителями и книгами, не билъ по щекамъ и не изгонялъ патр. Германа, не предавался страшному тиранству, но, разъ рѣшившись совершить реформу, шелъ къ своей цѣли умѣренно и осторожно чрезъ многочисленныя затрудненія. Если же, вопреки нашему предположенію, и случалось, что раздраженный противодѣйствіемъ Левъ позволялъ себѣ оказывать давленіе на чужую совѣсть, то вѣрно признать, что противники его тысячекратно отместили ему за эту неправду, исказивъ исторію его царствованія. Наиболѣе знаменитыя его дѣла, именно законы въ пользу семейнаго благоустройства, противъ крѣпостнаго права, въ пользу болѣе широкаго и изыятаго изъ рукъ клириковъ образованія—или сокрыты, или обруганы и обезображены. Благороднѣйшій законодатель являлся предъ взорами потомства, какъ самый низкій злодѣй. Даже люди, сочувствовавшіе церковной реформѣ Льва III, до послѣдняго времени не знали, что, помимо вопроса объ иконахъ, онъ предпринималъ нѣчто болѣе важное и существенное, чтобы вдохнуть жизнь и свободу въ общество, не имѣвшее другихъ положительныхъ идеаловъ кромѣ иконопочитанія и монашества... Но настала наконецъ пора отдать справедливость одному изъ величайшихъ государей восточной имперіи, одному изъ благодѣтелей человѣчества. Левъ принялъ державу, когда столица была осаждена арабами, войско было парализовано, казначейство пусто, народъ упалъ духомъ и все государство стояло на краю анархіи. Чрезъ 25 лѣтъ, когда Левъ оставилъ престолъ своему сыну Константину, арабы были усмирены, войско отлично устроено и послушно, казначейство наполнено, общественная безопасность обезпечена; и кромѣ того въ законахъ церковныхъ, гражданскихъ, земледѣльческихъ, экономическихъ, были положены сѣмена возрожденія, развитіе которыхъ снова могло бы дать эллинизму

первое мѣсто въ мірѣ въ социальномъ, умственномъ и политическомъ отношеніи.“

Константи́нъ V, (741—775) въ его отношеніяхъ къ государству и церкви. Иконоборческій соборъ. (754 г.) Антимонашеская борьба. Общее сужденіе историковъ о Константи́нѣ V.

Сынъ и преемникъ Льва III, Константи́нъ V продолжалъ дѣло своего отца съ большою энергіею и настойчивостію. Какъ государь, Константи́нъ V прославился удачными войнами противъ арабовъ и болгарь, возобновленіемъ столичнаго водопровода и приведеніемъ имперіи въ цвѣтущее экономическое положеніе, но по отношенію къ церкви онъ былъ лютой иконоборецъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и врагъ иночества. Впрочемъ первые 10 лѣтъ царствованія Константинова прошли для православной церкви сравнительно спокойно. Константи́ну явился сильный соперникъ въ лицѣ зятя его Артабазда, армянина, жемчуга на дочери Льва III. Артабаздъ рѣшился воспользоваться разномысліемъ подданныхъ имперіи для того, чтобы захватить въ свои руки царскую власть, и дѣйствительно при сильной поддержкѣ иконопочитателей успѣлъ воцариться и въ теченіе года (742—3) царствовать въ Константинополѣ. О Константи́нѣ же V, который находился съ войсками на дальнемъ востокѣ, былъ распущенъ слухъ, якобы онъ умеръ. Но Константи́нъ не умеръ. Осенью 743 г., онъ явился съ войскомъ предъ столицею, низвергъ и казнилъ Артабазда, и конечно не могъ возчувствовать признательности и къ сторонѣмъ православныхъ, поддержавшихъ Артабазда. ¹⁾

¹⁾ Хронікеры сообщаютъ, что самъ патріархъ Анастасій, иконоборецъ; но признавшій Артабазда, былъ подверженъ бичеванію и посрамленію на ипподромѣ. (по нѣкоторымъ вариантамъ даже ослѣвленъ), но все-таки оставленъ на патріаршей кафедрѣ, потому что царь не могъ найти между архіереями ему преемника, склоннаго къ иконоборству. Папарригопуло (III, 474—6) не вѣритъ этому разсказу. Во 1-хъ историкъ обращаетъ вниманіе на то, что Константи́нъ V скоро (на соборѣ 754 г.) нашелъ не одного, а 338 архіереевъ, склонныхъ къ иконоборству,—слѣд. легко могъ замѣнить Анастасіа: во 2-хъ замѣчаетъ, что публичному посрамленію на ипподромѣ дѣйствительно подвергся одинъ патріархъ въ тоже царствованіе (747 г.).

Сознавая, что великую церковно-общественную реформу нельзя осуществить без содѣйствія духовенства, Константинъ V озаботился заручиться сочувствіемъ іерарховъ. Царь достигъ этой цѣли; — какими способами? объ этомъ мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній. Вѣроятно при замѣщеніи праздныхъ архіерейскихъ каедръ, царь старался, чтобы онѣ доставались друзьямъ реформы. Въ провинціяхъ собирались предварительные соборы, высказывавшіеся противъ иконопочитанія. Какъ бы то ни было, но въ 754 году царь имѣлъ возможность созвать такъ называемый имъ VII вселенскій соборъ противъ иконопочитанія. Соборъ открылся 10 февраля и закончился 8 августа. Первые засѣданія собора происходили на азіатскомъ берегу Босфора, во дворцѣ, называемомъ Іеріею, — послѣднее — во Влахернскомъ храмѣ Богоматери въ самомъ Константинополѣ. Число членовъ собора было весьма значительно; именно ихъ было 338. Нѣтъ извѣстій, чтобы отцы дѣйствовали по принужденію (см. выше стр. 433). Конечно, какъ и во всякомъ многолюдномъ собраніи, главныхъ дѣятелей было немного: остальные ограничивались молчаливымъ согласіемъ и рукоприкладствомъ. Такими главными дѣятелями иконоборческаго собора, могутъ быть признаны: Θεодосій, архіепископъ ефесскій (сынъ бывшаго царя Тиверія—Апсимара), предсѣдательствовавшій на соборѣ за смертью патріарха Анастасія (+ 753 г.), — Константинъ, епископъ силейскій, котораго царь въ соборномъ засѣданіи 8 августа провозгласилъ столичнымъ патріархомъ, — и Палладій, епископъ пергійскій. Сюдаже могутъ быть причислены, съ нарочитымъ порицаемъ упоминаемые въ актахъ VII в. собора: Сисинній пергійскій, прозванный Пастиллою, Василій писидійскій, носящій гнусное прозвище *τριχάκος* и Θεодоръ сиракузскій по прозванію *Κριωνίης*.¹⁾ Внѣшняя сторона дѣятельности иконоборческаго собора не отличалась отъ обычныхъ формъ и пріемовъ соборованія. Также какъ и на всѣхъ соборахъ вообще, — составлено вѣроопредѣленіе, касающееся предмета соборныхъ сужденій и опирающееся на основанія въ

но не Анастасій, а Константинъ. „Нельзя же допустить, что при Константинѣ V всѣ патріархи подвергались поруганію на ипподромѣ, сидя на ослѣ лицомъ къ хвосту.“

¹⁾ Дѣянія VII в. собора въ русскомъ переводѣ. Казань 1873. стр. 15, 81 и 611.

свѣдѣніи, преданія и разума, также провозглашена анаеема иномыслящимъ и также отцы подтверждали результатъ собора и привѣтствовали императора шумными восклицаніями. Формы были обычныя, но содержаніе влагалось въ нихъ неправославное. Отлагая до 15 чтенія взложеніе догматствованія иконоборческаго собора, мы замѣтимъ здѣсь, что анаеемѣ подвергнуты были: двоодушный Германъ, патр. константинопольскій, единомышленникъ его Георгій кипрскій, и—четырекратно—Мансуръ т. е. св. Іоаннъ Дамаскинъ. Анаеемѣ подвергались также и всѣ иконопочитатели на будущее время. „Единогласно опредѣляемъ,—читалось въ соборномъ опредѣленіи,—что всякая икона, сдѣланная изъ какого бы то ни было вещества, а равно и писанная красками при помощи нечестиваго искусства живописцевъ, должна быть извергасма изъ христіанскихъ церквей; она чужда имъ и заслуживаетъ презрѣнія. Никакой человекъ да не дерзаетъ заниматься такимъ нечестивымъ и неблагоприличнымъ дѣломъ. Если же кто-либо съ этого времени дерзнетъ устроить икону, или поклоняться ей, или поставить ее въ церкви, или въ собственномъ домѣ, или же скрывать ее, такой,—если это будетъ епископъ, или пресвитеръ, или діаконъ, то да будетъ низложенъ, а если монахъ или мірянинъ, то да будетъ преданъ анаеемѣ, и да будетъ онъ виновенъ и предъ царскими законами; такъ какъ онъ противникъ Божіихъ распоряженій и врагъ отеческихъ догматовъ.“—Восклицаніе же, которымъ отцы иконоборческаго собора привѣтствовали императора въ засѣданіи 8 августа, было слѣдующее: *ἡμερον σωτηρία τῷ κόσμῳ, ἐτι σὺ, βασιλεῦ, εὐτράπεσο ἡμᾶς ἐκ τῶν εἰδώλων.* („Нынѣ спасеніе міру, ибо ты, царь, избавилъ насъ отъ идоловъ“). Это засѣданіе собора имѣло мѣсто во влахернскомъ храмѣ Богоматери, изъ котораго предварительно вынесены были всѣ иконы. Папарригопуло не безъ основанія видитъ въ этомъ обстоятельствѣ доказательство того, какъ медленно и туго прививалось въ Византіи иконоборчество.“ Достойно замѣчанія,—говоритъ историкъ,—„что торжественное провозглашеніе отміны иконъ совершилось не въ великомъ храмѣ Софіи, что было всего естественнѣе, но во влахернскомъ храмѣ Богоматери,—и это потому, что св. Софія сохранила свои иконы, хотя прошло уже около 30 лѣтъ отъ перваго указа Льва III противъ иконъ. Можемъ ли мы предположить, что иконы были истребляемы вездѣ за исключеніемъ главнаго столичнаго храма?“ Какъ ни радикальны были постановленія иконоборческаго собора, но,—если въ-

рить хроникерамъ—вольнодумство императора шло еще дальше. Соборъ настойчиво защищаетъ почитаніе Богоматери и угодниковъ Божіихъ, а императоръ—будто-бы—рѣзко высказывался противъ почитанія Богоматери. Само собою разумѣется, что принявъ на себя приведеніе въ исполненіе соборныхъ опредѣленій, которыя казались ему слабыми и недостаточными, Константинъ V рѣшился по крайней мѣрѣ ихъ осуществить въ полномъ размѣрѣ безъ снисхожденія и послабленія. И вотъ послѣ собора 754 г. Константинъ V является суровымъ иконоборцемъ, а еще болѣе монахоборцемъ. Преслѣдованіе монаховъ обусловливалось какъ тѣмъ, что они были горячими защитниками иконъ и обрядовой набожности, такъ, и тѣмъ, что они, съ утилитарной точки императора, представлялись людьми лишними и бесполезными какъ въ военномъ, такъ и въ гражданскомъ быту. Императоръ считалъ и называлъ монаховъ распространителями идолопоклонства, чадами тьмы. Онъ рѣшился уничтожить монашеское сословіе. Превращая монастыри въ казармы, царь требовалъ отъ монаховъ, чтобы они носили мірское платье и вступали въ бракъ, общая послушнымъ милости, деньги и должности въ войскѣ и администраціи. Въ 766 г. (ноября 20) императоръ взялъ съ столичныхъ жителей торжественную клятву, что каждую икону они считаютъ за идольскій образъ, и что не будутъ имѣть общенія съ монахами, но каждую недостойную червую монашескую фигуру будутъ преслѣдовать насмѣшками и камнями. Въ слѣдующемъ 766 году (авг. 24) монахи связанные попарно съ монахинями по приказанію царя были водимы по ипподрому—на потѣху столичному населенію. Царь преслѣдовалъ монаховъ въ столицѣ; тоже дѣлали въ провинціяхъ правители, особенно Михаилъ Мелисенъ въ темѣ аналійской, Михаилъ Лахондраконъ въ темѣ ерависійской и Манесъ въ темѣ вукелларійской.

Если отношенія Константина V къ инокамъ носятъ характеръ личнаго раздраженія, то естественно ожидать, что и монахи не оставались совсѣмъ въ долгу у императора. Такъ дѣйствительно и было. Не говоря уже о томъ, что иноки противопоставляли иконоборному собору 754 г. авторитетъ заграничнаго іерусалимскаго собора въ пользу иконъ,—находились въ монашескомъ сословіи смѣлые обличители царя за то и пострадавшіе. Таковы были Андрей каливитъ (+17 окт. 761), Стефанъ, воній (120 ноября 765), Петръ столичный (765 г.). Смѣлѣе другихъ обличителей выразился въ томъ, что св. Андрей публично

называлъ царя Юліаномъ и Валентомъ, а св. Стефанъ попяралъ ногами монету съ царскимъ изображеніемъ.— Былъ и заговоръ противъ царя, открытый въ 766 г., послѣ чего гнѣвъ царя обрушился на вельможъ (логоѳета Конст. Попадогура и др.), на многихъ иноковъ и даже на иконоборнаго патріарха Константина, который былъ смѣщенъ и чрезъ два года (15 авг. 768 г.) казненъ. Патріаршую кафедру занялъ Никита евнухъ, родомъ славянинъ. „Сей варваръ нашъ (говоритъ пр. Порфирій въ *ист. Аѳона*) выколупалъ всѣ мозаическія иконы въ своей патріархін и въ другихъ мѣстахъ истреблялъ св. образа. Скончался же онъ въ 780 году“ т. е. уже послѣ смерти Константина, который кончилъ жизнь 14 сентября 775 г., возвращаясь съ похода на Болгарію, послѣ 35-лѣтняго царствованія.

Представимъ рядъ отзывовъ и объ имп. Константиѣ. Самый суровый судъ объ этомъ государѣ содержится въ анонимномъ анаѳематизмѣ. „*Сего двоименнаго злаго зѣря* (т. е. Льва III сыну) *второму иконоборцу, скверному отъ рода его тирану, а не царю, хульнику на Вышняю, ругателю церковному, окаянному челоѣку злагому Константину Гномотыльному и с таинники его всѣми анаѳема.*“) Въ томъ же духѣ отзывы и древнихъ хроникеровъ. Теофанъ говоритъ слѣдующее: „царь кончилъ жизнь, запятнавъ себя кровью многихъ христіанъ, и призваніемъ демоновъ и жертвами имъ, и преслѣдованіемъ святыхъ церквей, и правой и непорочной вѣры, а также истребленіемъ монаховъ и опустошеніемъ монастырей. Всякою злобою преспѣвалъ онъ не хуже Діоклетіана и древнихъ тирановъ.“ У Амартола читаемъ такіа извѣстія о началѣ и концѣ жизни Константиновой. *О началѣ* „Говорятъ, что онъ при крещеніи во св. купели совершилъ испражненіе, знаменующа этимъ нѣчто странное и неблагопріятное.“ *О концѣ*. „Царь ополчился на болгаръ, но дошедши до Аркадіополя, былъ пораженъ чрезмѣрною сильною и жгучею огневицею, такъ что и голени его странно обуглились и онъ слегъ въ постель. Будучи доведенъ до Силимвріи и потомъ водою до крѣпости Стронгилла, царь умираетъ душею и тѣломъ съ такими воплями: *еще живой я преданъ неугасаемому огню изъ-за Богородицы Маріи; но отнынѣ да будетъ она почитася и вос-*

1) К. Никольскаго. Анаѳематствованіе... Спб. 1879. стр. 123.

пьяема, какъ истинная Богоматерь. И когда онъ такимъ образомъ вопіялъ и призывалъ Богородицу Марію и догматизируя заповѣдывалъ, что ее нужно почитать какъ истинную Богородицу Приснодѣву и поклоняться ей, — то среди такихъ воплей съ страстными и тяжкими усиліями извергъ онъ свою океанную душу“. Этиже темы варьируются и у другихъ хроникеровъ. У новѣйшихъ историковъ мрачный образъ Константина все болѣе и болѣе проясняется, пока не становится почти совершенно свѣтлымъ. Уже у Лебо есть желаніе стать на болѣе объективную точку зрѣнія, ибо онъ напоминаетъ, что не всѣ современники одинаково дурно думали о Константиѣ. „Еретики послѣднихъ вѣковъ,“ говоритъ Лебо (VII, 47—1), „не первые стали истощаться въ тщетныхъ усиліяхъ возстановить репутацію этого несчастнаго государя. Никифоръ, патріархъ константинопольскій, родившійся въ его царствованіе, говоритъ, что иконоборцы воздаютъ ему великія почести и, смѣло противорѣча недавнимъ фактамъ, представляютъ его государемъ счастливымъ, непобѣдимымъ, доблестнымъ. Георгій Амартолъ, жившій въ 9 вѣкѣ, замѣчаетъ, что Константинъ Копропимъ есть герой враговъ вѣры. „Всѣ согласно хвалятъ его,“ говоритъ Амартолъ: „всѣ выдаютъ его за государя побѣдоноснаго и мудраго, который былъ бичемъ варваровъ и суевѣрія.“ Но, по увѣренію обоихъ помянутыхъ хроникеровъ, такіа похвалы Константину несогласны съ истинною. Впрочемъ можетъ быть и то, что ненависть византійцевъ исказила образъ этого государя и что гонимые православные, по весьма понятному предубѣжденію, легко вѣрили всякой народной молвѣ и приписывали царю то, въ чемъ онъ былъ вовсе не виноватъ. Таковы напр., по моему мнѣнію, сообщенія Свида, что царь былъ сарацинъ душою, что онъ обожалъ Венеру, приносилъ ей человѣческія жертвы и загадалъ мальчиковъ среди ночи. — Но съ другой стороны, на чемъ мы можемъ опереться, чтобы противорѣчить современнымъ писателямъ, которые изображаютъ намъ Константина, какъ человѣка, преданнаго самымъ грязнымъ удовольствіямъ, еще при жизни наказаннаго за свой развратъ позорною болѣзнію, постоянно тревожимаго ужасами, отнимавшими у него спокойный сонъ, — звѣрски жестокаго къ своимъ слугамъ, которыхъ онъ приказывалъ бичевать, и даже билъ самъ, унижая царское достоинство, — какъ жестокаго гонителя, врага Бога и человѣковъ, котораго могутъ хвалить только люди ему подобныя?“ Болѣе снисходительно судить о Константиѣ Шлоссеръ. „О нравственномъ

характеръ Константина—говорить Шлоссеръ—трудно составить себѣ истинное и вѣрное понятіе. Всѣ его поступки носили на себѣ характеръ насилія, и потому намѣренія его не были поняты современниками, съ предубѣжденіемъ смотрѣвшими на всѣ его дѣйствія. Его обвиняютъ въ жадности и скупости; но онъ не жалѣлъ издержекъ для возобновленія водопровода, построеннаго нѣкогда имп. Валентомъ и разрушеннаго во время осады столицы при Иракліѣ. Ни одинъ изъ преемниковъ Ираклія не имѣлъ достаточно средствъ для возобновленія водопровода, тогда какъ Константинъ исправилъ его въ одно лѣто, употребивъ на это до 7000 инженеровъ и рабочихъ, издержки на содержаніе которыхъ были уплачены изъ собственной казны императора.“¹⁾ Но самымъ горячимъ апологетомъ Константина является Папарригопуло, который защищаетъ царя между прочимъ добродѣтелями его дочери. „О настроеніи, которое господствовало тогда при дворѣ,“—говоритъ Папарригопуло (III, 530)—„свидѣтельствуютъ честные нравы всѣхъ дѣтей и супругъ Константина и въ особенности добродѣтели его дочери Анеусы.“ — Добродѣтели дочери Константина святой Анеусы дѣйствительно весьма замѣчательны, ибо представляютъ рѣдкое въ Византіи соединеніе самаго глубокаго благочестія и аскетизма съ подвигами благотворительности и любви къ человѣчеству. Царевна Анеуса, всю жизнь проведенная въ дѣвствѣ, кончила жизнь въ монастырѣ. Она любила украшать храмы и воздвигать монастыри, но она любила также помогать бѣднымъ, выкупать плѣнныхъ и построила сиропитательный домъ для дѣтей, не имѣющихъ родителей или брошенныхъ ими. Добродѣтели св. Анеусы, которая канонизована церковію и достойна похвалы съ какой угодно точки зрѣнія, могли бы нѣсколько примирить съ памятью ея отца тѣхъ, кто признаетъ общность и наследственность фамиліальныхъ свойствъ, если бы даже злокачественность царя стояла внѣ всякаго сомнѣнія. Но и этого послѣдняго утвержденія, по мнѣнію Папарригопуло, никакъ допустить нельзя. „Константинъ V,“—говоритъ Папарригопуло,—„оказался го-

¹⁾ Шлоссеръ замѣчаетъ также, что враждебные Константину хроникеры ухитрились объяснить противъ него даже такое повидимому для всѣхъ полезное и пріятное явленіе, какъ дешевизна съѣстныхъ припасовъ, полагая причиною этой дешевизны уменьшеніе жителей въ столицѣ.

раздо строже и настойчивѣе своего отца въ проведеніи церковной реформы. Левъ III—можно сказать—только начерталъ планъ церковной реформы, а не приступилъ еще къ ея выполнению. Константинъ же и приступилъ къ выполнению и отчасти осуществилъ реформу. Поэтому онъ сдѣлался предметомъ бѣльшаго озлобленія, чѣмъ его отецъ, и многія насилія приписываются ему съ большимъ основаніемъ, чѣмъ Льву III-му. Но враги Константина V неправы въ томъ отношеніи, что преувеличили тѣ насилія, которые царь совершилъ, и выдумали еще больше такихъ, какихъ онъ вовсе не дѣлалъ.... Если вѣрить Теофану и синаксаристамъ, Константинъ V былъ безчеловѣчный извергъ. Мало того: они утверждаютъ даже, что царь поклонялся Афродитѣ и приносилъ ей ночью человѣческія жертвы,—что онъ звѣрски обращался съ своими царедворцами, которыхъ часто приказывалъ бичевать, а иногда и самъ билъ кулаками и пинками,—наконецъ, что онъ былъ преданъ крайнему распутству. Но Никифоръ въ своей исторіи ничего не говоритъ объ этомъ, напротивъ упоминаетъ о фактахъ, свидѣтельствующихъ о человѣколюбіи и благородствѣ царя... Бросая послѣдній взглядъ на весь историческій образъ Константина V,^а заключаетъ греческій историкъ, „мы должны признать прежде всего, что воинскія доблести царя непререкаемы. Византійское войско было при немъ хорошо дисциплинировано и часто одерживало блестящія побѣды. Но Константинъ не имѣлъ творческаго духа своего отца. Левъ III организовалъ реформу и далъ относящіяся къ ней религіозныя, гражданскія, экономическія, социальныя законы: Константинъ не издавалъ такихъ законовъ. Въ предѣлахъ же исполнительной дѣятельности Константинъ оказался безспорно практичѣе своего отца. Константинъ, подобно отцу, былъ убѣжденъ, что общество болѣе всего суевѣриемо: подобно отцу, былъ чуждъ представленія о томъ, что главное лекарство противъ этой болѣзни есть распространеніе въ народѣ просвѣщенія: подобно отцу, былъ убѣжденъ, что церковная реформа достаточна къ тому, чтобы вывести народъ изъ летаргіи, и наконецъ, подобно отцу, видѣлъ, что народное большинство отвергаетъ предлагаемое ему леченіе. Послѣ всего этого, Константинъ рѣшился на то, на что никакъ не могъ рѣшиться его отецъ: именно рѣшился насильно лечить общество болное и отвращающееся отъ лекарства. Положимъ, что вслѣдствіе всего этого образъ Константина, взятый въ цѣломъ, лишень той свѣтлости и благородства, какія отличали Льва

III, и напротивъ того выдается какою-то дикою энергіею. Но необходимо вмѣстѣ съ тѣмъ признать, что при мягкомъ образѣ дѣйствій Льва церковная реформа оставалась только на хартии, а Константинъ своею упорною энергіею двинулъ дѣло на столько, что—будь преемникъ его похожъ на него—оно было бы доведено до конца“.

Левъ IV Хазаръ (775—780). Имп. Ирина вмѣстѣ съ сыномъ Константиномъ (780—760). VII вселенскій соборъ (787). Константинъ VI (790—797). Борьба матери съ сыномъ. Единодержавіе Ирины (797—802). Отзывы историковъ о ней.

Прежде чѣмъ мы пойдемъ далѣе въ изложеніи исторіи, мы должны бросить взглядъ на составъ царскаго семейства. Константинъ V былъ женатъ три раза. Первою женою его была дочь хазарскаго багана, во св. крещеніи Ирина, крещенная и бракосочетавшаяся въ 732 г. Отъ этого брака Константинъ имѣлъ дочь св. Анеусу и сына Льва, родившагося 25 генв. 750 г., прозваннаго по матери хазаромъ, и вступившаго въ бракъ съ аеинянкою Ириною въ концѣ 769 г. Вторая жена Константина V неизвѣстна по имени, и, какъ кажется, была очень недолговѣчна. Третьею женою царя была Евдокія изъ знатной фамиліи Мелиссиновъ, родившая царю пять сыновей Никифора, Христофора, Никиту (род. въ половинѣ 763 г.), Анеима и Евдокима, которые впослѣдствіи всѣ сдѣлались жертвою политики аеинянки Ирины.

Сложное въ такой степени царское семейство, потерявъ своего главу, естественно должно было представить изъ себя позорище борьбы за престоль и борьбы за существованіе. Естественно было ожидать также, что при господствовавшемъ въ Византіи раздѣленіи иконопочитателей и иконоборцевъ (или—говоря по нынѣшнему—консерваторовъ и либераловъ), одна часть царскаго семейства обопрется на одну,—а другая—на другую сторону. Такъ дѣйствительно и случилось. Императрица Ирина постоянно держалась иконопочитателей и монаховъ. Сыновья Константина V отъ 3-го брака постоянно пользовались сочувствіемъ иконоборцевъ и войска. А Левъ Хазаръ и сынъ его Константинъ VI по своему малодушію и слабохарактерности нигдѣ не успѣли пріобрѣсти для себя прочныхъ симпатій.

Непосредственно по воцареніи Левъ Хазаръ, находившійся подъ

вліянієм своєю женою Іриною, висказався благодушно по отношенію къ иконопочитателямъ и монахамъ. Праздныя архіерейскія кафедры стали замѣщаться иноками. Вліяніе Ірины висказалось и въ томъ, что царь поспѣшилъ провозгласить императоромъ своего 5-лѣтняго сына Константина. Обстоятельства, при которыхъ совершалось это провозглашеніе, показываютъ, что оно было дѣломъ консерваторовъ, желающихъ обезпечить престолъ за сыномъ Ірины и сохранить на долго желанный для нихъ порядокъ государственнаго управленія. Народъ—по словамъ хроникера—тронутый тѣмъ, что царь оказалъ щедрость, благочестіе и сочувствіе къ инокамъ, шумно толпился на ипподромѣ съ недѣли вай до великой пятницы (апр. 8—12) требуя, чтобы Левъ объявилъ царемъ и своего сына. Левъ по видимому не довѣрялъ прочности и силѣ сочувствія набожныхъ византіяцевъ, и не соглашался. *Сынъ у меня одинъ*, говорилъ Левъ IV; *если меня не будетъ, вы убьете его и возьмете себя другаго правителя*. Но народъ клялся, что не хочетъ иного царя кромѣ Льва и его прямого потомства. Взявъ съ народа торжественную клятву предъ крестнымъ древомъ, Левъ короновалъ своего сына въ день пасхи (14 апр.) 776 г. Торжество сына Ірины было пораженіемъ для другой половины царскаго семейства, для сыновей Константина V отъ 3-го брата. Тщетно Левъ IV хотѣлъ удовлетворить своихъ братьевъ громкими, но пустыми титулами цезарей и побиллссимовъ. Одинъ изъ нихъ цезарь Никифоръ, конечно надѣясь на поддержку иконоборнаго войска, скоро составилъ заговоръ, но былъ уличенъ и сосланъ въ Херсонесъ.

Левъ IV и Ирина были согласны и единодушны между собою только въ самомъ началѣ своего царствованія. Съ теченіемъ времени они стали морально все болѣе и болѣе расходиться. Левъ IV,—быть можетъ въ силу наслѣдственныхъ свойствъ исаврійской династіи,—началъ склоняться на сторону реформы. Ирина же все болѣе и болѣе упрочивала свой авторитетъ между иноками и набожными византіяцами. Послѣднимъ общимъ дѣломъ царственныхъ супруговъ можетъ быть признано избраніе новаго столичнаго патріарха на мѣсто умершаго (6 февр. 780 г.) иконоборца Никиты. Избранъ былъ Павелъ кипрѣянинъ,—человѣкъ, по отзыву историка Палларригопуло,—желавшій угодить всему міру. Какъ давній и искренній иконопочитатель, Павелъ былъ угоденъ императрицѣ, тѣмъ не менѣе,—по требованію императора,—далъ цисьменное клятвенное обѣщаніе, что не будетъ почитать

иконъ. Вскорѣ послѣ избранія новаго патріарха, произошло откры-
тый разрывъ между Львомъ IV и Ириной. Царь казнилъ 6 сановни-
ковъ, обвиненныхъ въ томъ, что они привлекли царицу къ иконопо-
читанію, а саму Ирину удалилъ изъ дворца. Спустя полгода Левъ IV
умеръ отъ какой-то внезапной и странной болѣзни. 30 лѣтъ отъ роду,
послѣ 5½-лѣтняго царствованія ¹⁾).

По смерти Льва Хазара на византійскомъ престолѣ является вдова
его императрица Ирина вѣстѣ съ 14-лѣтнимъ сыномъ Константиномъ
VI. Хотя въ государственныхъ актахъ имя сына стояло прежде имени
матери, но понятно, что при его малолѣтствѣ и при энергичномъ ха-
рактерѣ Ирины истинною самодержицею была она. Взгляды и сим-
патіи Ирины были для всѣхъ ясны и разъ навсегда твердо опредѣлены.
Она была усердною любительницею вноческаго явна и горячею рев-
нительницею византійской обрядовой набожности, соединенной съ по-
читаніемъ иконъ, мощей и свящ. реліквій. Можно сказать, что между
императрицею съ одной стороны, и монахами и другими набожными
византійцами съ другой стороны существовалъ постоянный, — не гла-
сный, не писанный, но тѣмъ не менѣе дѣйствительный, — оборонитель-
ный и наступательный союзъ для взаимной поддержки, такъ что тор-

¹⁾ Предсмертная болѣзнь Льва IV такъ изображается у хроникеровъ.
„Будучи большой любитель дорогихъ камней, Левъ возгорѣлся желаніемъ
имѣть корону Маврикія, взявъ ее (изъ Софійскаго храма) и надѣвъ на
себя при царскомъ выходѣ. Но на возвратномъ пути страшно потерѣла у
него голова и будучи объятъ и пораженъ сильнѣйшею горячкою, онъ не-
вергъ душу свою, поплатившись за святотатство.“ Были люди, которые об-
виняли Ирину въ кончинѣ Льва IV, главнымъ образомъ потому что смерть
мужа была для нея выгодна. Папарригопуло бумаетъ, что слабый здоровь-
емъ Левъ IV могъ умереть и естественною смертію въ 30-лѣтнемъ возрастѣ.
Наконецъ нельзя ли поискать еще средняго объясненія между чудомъ и
злодѣйствомъ? Корона, взятая Львомъ IV изъ софійскаго храма, называется
у хроникера Дороея монемвасійскаго короною *Ираклія* (+640). О сей
последней коронѣ мы знаемъ, что она была вынута изъ саркофага Ирак-
лія чрезъ нѣсколько недѣль послѣ его смерти, когда тѣло царя уже раз-
ложилось, — такъ что корона была снята вмѣстѣ съ черепомъ. Не могъ ли
трупный ядъ сохраниться въ металлѣ въ теченіе 140 лѣтъ и воздѣйстви-
вать при соприкосновеніи съ живымъ организмомъ?

жество и пораженіе Ирины было вмѣстѣ съ тѣмъ торжествомъ и пораженіемъ для инопческаго чина.—Византійскіе иконоборцы и либералы ясно понимали, чего имъ можно ожидать отъ царствованія Ирины, и поспѣшили сдѣлать заговоръ, чтобы исторгнуть власть изъ ея рукъ и провозгласить императоромъ ея деверя кесаря Никифора (сына Константина V отъ 3 брака). Но Ирина предупредила своихъ враговъ. Разославъ въ ссылку главнѣйшихъ заговорщиковъ, она насильно сдѣлала монахами и клириками кесаря Никифора и его братьевъ и заставила ихъ публично участвовать въ торжественномъ богослуженіи въ Софійскомъ храмѣ въ день, рождества Христова тогоже 780 года.

Утвердившись на престолѣ, имп. Ирина высказала свое личное усердіе и расположеніе къ восстановленію древняго благочестія. Она торжественно перенесла съ острова Лимноса въ Константинополь мощи великомуч. Евфимія, которыя—какъ гласитъ сказаніе о нихъ—были выброшены въ море при Константинѣ V и чудесно обрѣтены на островѣ Лимносѣ. Къ первому же времени царствованія Ирины относится странное археологическое открытіе нѣкихъ чудныхъ мощей какого-то чуть ли не допотопнаго святаго. „Нѣкто“,—читаемъ въ хроникѣ Амартола—„дѣлая раскопку у долгой стѣны, нашелъ ларець, и, вскрывъ его, увидѣлъ трупъ великорослаго человѣка, а на ларцѣ были выбиты слѣдующія письмена: *Христосъ имѣетъ родиться отъ Дѣвы Маріи, и вѣрную въ Него. А при Константинѣ и Иринѣ царствующицѣхъ, опять, о солнце, ты увидиши меня!*“ Какъ бы мы ни объясняли это открытіе, во всякомъ случаѣ оно соответствовало настроенію византійцевъ, желавшихъ процвѣтанія старой обрядовой набожности.—Само собою разумѣется, что желающіе чтить св. иконы невообразяно поставляли ихъ въ домахъ и храмахъ.

Но этого было недостаточно. Опредѣленія иконоборческаго собора 754 г. все-таки оставались въ силѣ, и почитаніе иконъ было еще дѣломъ не-легальнымъ. Необходимо было созвать новый соборъ съ авторитетомъ *вселенскаго* и отмѣнить на немъ рѣшенія собора 754 года. Къ этой цѣли и пошла имп. Ирина послѣдовательно и систематично. Хотя хроникеры и стараются увѣрить насъ, что событія складывались сами собою помимо усилій императрицы, но по всему видно, что составленіе новаго собора устраивалось согласно выработанному плану. Отъ исторіи сокрыты навсегда частныя и велейныя переговоры царицы съ духовными и свѣтскими сановниками по дѣлу о восстановленіи

иконъ; но во внѣшней исторіи этого дѣла мы можемъ различать три послѣдовательныхъ фазиса: а) отреченіе патр. Павла (784 г. авг. 31 б) избраніе въ патріархи Тарасія (784 г. дек. 35) и в) наконецъ созваніе самаго собора сначала въ Константинополѣ, (786 г. авг. 17) потомъ въ Никейѣ (787 г., сент. 24 — 13 октября).

Бывшій тогда въ столицѣ патріархъ Павелъ, хотя и сочувствовалъ дѣлу возстановленія иконопочитанія, но не могъ взять на себя осуществленія этого дѣла, — во первыхъ по своей крайней болѣзненности, а главнымъ образомъ потому что въ его прошломъ было нѣчто, не позволявшее ему заявить себя ревностнымъ иконопочитателемъ, — именно клятвенное обѣщаніе не почитать иконъ, данное имъ царю Льву IV при вступленіи на патріаршую кафедру. Все, что могъ сдѣлать патріархъ ради возстановленія стараго порядка церковныхъ дѣлъ состояло въ томъ, чтобы сойти съ кафедры, завѣщавъ созваніе новаго собора для пересмотра дѣла объ иконопочитаніи. Такъ патр. Павелъ и сдѣлалъ, и его завѣщаніе могло казаться тѣмъ болѣе обязательнымъ, что онъ скончался вскорѣ послѣ своего отреченія отъ кафедры. Вопросъ о возстановленіи св. иконъ былъ такимъ образомъ официально и гласно поставленъ на очередь.

Далѣе нужно было возвести на патріаршую кафедру человѣка, который могъ бы канонизовать возвратъ къ отринутой религіозной обрядности, не вдаваясь въ крайности, не раздражая по возможности многочисленныхъ противниковъ иконопочитанія. Это необходимо было для успѣха самаго дѣла. Достойно замѣчанія. — по мнѣнію Папарригопуло (III, 546), что Ирина между многими сотнями архіереевъ, игуменовъ и монаховъ не нашла ни одного избранника на патріаршую кафедру съ требуемыми качествами. Конечно не было недостатка въ желающихъ; но одного желанія было недостаточно; нужны были еще и умъ, и образованіе, и искусство въ дѣлахъ, и личный авторитетъ. Должно полагать, что изъ византійскихъ архіереевъ болѣе образованные уже связали свое имя съ постановленіями иконоборческаго собора; — а игумены и монахи, пребывшіе вѣрными иконопочитанію, были мало образованы и фанатичны. — Какъ бы то ни было, но императрица, не смотря на свою любовь къ иноческому чину, нашла необходимымъ выбрать патріарха изъ мірянъ, и остановилась мыслию на государственномъ секретарѣ Тарасіѣ, который отличался своею образованностію и благороднымъ примирительнымъ настроеніемъ. Выборъ былъ удаченъ.

Тарасій былъ въ полномъ смыслѣ слова человекъ *μετροπαλις*, кроткій, разсудительный и безпристрастный. Просвѣщеннымъ умомъ онъ ясно видѣлъ и обличивалъ по достоинству народныя суевѣрія и монашескія неурядица, вызвавшія иконоборческую реформу,—но съ другой стороны также ясно видѣлъ, что иконоборчество не имѣетъ почвы въ общенародномъ сознаніи и вызываетъ въ большинствѣ только озлобленіе,—и патриотически надѣялся, что возрожденіе греческой націи пойдетъ успѣшнѣе, если реформы, направляясь на другія стороны византійской жизни, не будутъ касаться быта церковнаго. При своемъ избраніи на патриаршество Тарасій,—конечно вслѣдствіе предварительнаго уговора съ царицею,—торжественно объявилъ въ собраніи духовныхъ и свѣтскихъ сановниковъ, что онъ согласенъ принять патриаршество не иначе, какъ подъ условіемъ созванія вселенскаго собора для пересмотра вопроса объ иконахъ, изъ-за котораго греческая церковь анаематствуется римскою и другими церквами. Собраніе въ большинствѣ соглашается на это условіе, и Тарасій провозглашается патриархомъ.—Такимъ образомъ сдѣланъ былъ второй шагъ для возстановленія отринутой церковной обрядности: не только была заявлена необходимость новаго собора, но и поставленъ былъ способный человекъ, который долженъ былъ руководить всѣмъ предпріятіемъ.

Предпріятіе было трудное и требовавшее большой подготовки. Патр. Тарасій прежде всего всузилъ въ сношенія съ римскимъ папою и съ восточными патриархами по вопросу о созваніи новаго собора;—съ этой стороны препятствій не предвидѣлось, и не встрѣтилось. Препятствія были внутреннія, домашнія. Цѣлое поколѣніе въ Византіи смѣнилось, и новое успѣло уже вырости и состарѣться при иконоборныхъ императорахъ, и хотя громадное большинство византійцевъ было привержено къ обрядовой набожности, но болыше:ство это состояло изъ престопаго, монаховъ и женщинъ, т. е. изъ членовъ общества пассивныхъ. Активные же члены общества,—далеко меньшіе числомъ, но превосходящіе энергіею,—именно воины, чиновники и весьма многіе епископы рѣшительно стояли на сторонѣ иконоборческихъ порядковъ. Два міросозерцанія враждебно столкнулись другъ съ другомъ,—солдатское и монашеское,—и каждое изъ нихъ, по мнѣнію Папарригопуло (III, 556) условливалось различіемъ ихъ профессіи: солдатъ вѣрилъ въ силу личной самостоятельности и самодѣятельности человека и смѣло готовъ былъ идти на бой съ препятствіями, монахъ призна-

вадь всегдашнюю зависимость человѣка отъ высшихъ духовныхъ силъ и постоянно ожидалъ чудесъ и знаменій. Само собою разумѣется, что сильная и привыкшая ко власти иконоборческая партія не могла оставаться бездѣйственною при восстановленіи иконопочитанія; солдаты не могли равнодушно видѣть торжества инокѡвъ. Еще при избраніи Тарасія (784 г. дек. 25,—) слышны были голоса, что не нужно новаго вселенскаго собора,—но когда усиліями Тарасія былъ дѣйствительно составленъ и открытъ въ Константинопольскомъ храмѣ св. апостоловъ соборъ для восстановленія иконъ, (786 г. авг. 17), то противодѣйствіе иконоборцевъ достигло высшей степени. Иконоборствующіе епископы составляли предварительныя совѣщанія, чтобы организовать обдуманную оппозицію Тарасію; въ день открытія собора во множествѣ окружили храмъ св. апостоловъ и настойчиво истребовали доступъ внутрь храма, чтобы охранять свободу и безопасность иконоборствующихъ епископовъ. Соборное засѣданіе началось, но имп. Ирина, присутствовавшая тутъ же на хорахъ храма, скоро увидала, что при такой обстановкѣ соборъ не приведетъ къ желанной цѣли и предложила патр. Тарасію удалиться.—Ясно было, что нужно еще позаботиться о болѣе удовлетворительной подготовкѣ къ открытію собора, имѣющаго провозгласить торжество иконопочитанія. Императрица сочла необходимымъ прежде всего ослабить войско. Подъ предлогомъ похода противъ арабовъ, ветераны были отправлены въ Азію, и тамъ по частямъ расформированы и выпущены въ отставку. Замѣнившіе ихъ новобранцы не имѣли уже стараго духа и старыхъ преданій. Затѣмъ, чтобы будущій соборъ имѣлъ не менѣе членовъ, чѣмъ иконоборный соборъ 754 г., (т. е. не менѣе 338),—приглашены были въ составъ собора игумены и иноки въ числѣ 132. Были вѣроятно переговоры съ иконоборствующими епископами, изъ коихъ оказались склонными къ покаянію 9 человѣкъ. Наконецъ послѣ годичной подготовки VII вселенскій соборъ былъ открытъ 24 сент. 787 г., но не въ столицѣ, а въ Никеѣ, какъ городъ, болѣе безопасномъ отъ иконоборческихъ смуть и славномъ памятью I вселенскаго собора. На 1 засѣданіи были приняты въ церковное общеніе и получили полную амнистію покаившіеся иконоборные епископы. На слѣдующихъ двухъ засѣданіяхъ были читаны посланіе папы Адріана и посланіе съ востока. Наконецъ съ 4-го засѣданія соборъ приступилъ къ обсужденію главнаго вопроса. Были прочитаны выдержки изъ св. Писанія и твореній

отеческихъ, говорящія въ пользу иконопочитанія, опровергнуты положенія иконоборнаго собора 754 г.,—анааематствованы иконоборные патріархи, Анастасій, Константинъ и Никита, и восстановлена честь памяти защитниковъ православія, патр. Германа, Георгія кипріота и Иоанна Дамаскина. Окончательное опредѣленіе относительно иконъ изложено въ такихъ выраженіяхъ. „Со всякимъ тщаніемъ и осмотрительностію опредѣляемъ, чтобы святыя и честныя иконы предлагались для поклоненія, точно также какъ изображеніе честнаго и животворящаго креста,—будутъ ли онѣ сдѣланы изъ красокъ или мозаики или другаго какого-либо вещества, только бы сдѣланы были приличнымъ образомъ, и будутъ ли находиться въ святыхъ церквахъ Божіихъ на священныхъ сосудахъ и одеждахъ, на стѣнахъ и на доскахъ, или въ домахъ и при дорогахъ, а равно будутъ ли это иконы Господа Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа или непорочной Владычицы нашей св. Богородицы, или честныхъ ангеловъ и всѣхъ святыхъ и праведныхъ мужей. Чѣмъ чаще они (т. е. первообразы) при помощи иконъ дѣлаются предметомъ нашего созерцанія, тѣмъ болѣе взирающіе на эти иконы возбуждаются къ воспоминанію о самыхъ первообразахъ, приобрѣтаютъ болѣе любви къ иконамъ и получаютъ болѣе побужденій воздавать имъ лобызаніе и почтительное поклоненіе, (*ἀπολασμένον καὶ τιμητικὴν προσκύνησιν*), но никакъ не то истинное служеніе (*λατρείαν*), которое по вѣрѣ нашей приличествуетъ одному только божественному естеству.“ Это опредѣленіе VII в. собора, вопреки иконоборцамъ восстанавливая почитаніе иконъ,—съ другой стороны служило твердымъ оплотгомъ противъ суетвѣрія, настойчиво заявляя, что иконы не могутъ быть предметомъ того служенія, какое приличествуетъ одному Божеству.—Различіе терминовъ *προσκύνησις* и *λατρεία* и соединенныхъ съ ними понятій было теперь достаточно выяснено для всякаго православнаго христіанина.—Перечитывая *дѣянія* VII в. собора, мы вообще замѣчаемъ, что рѣшающій голосъ на немъ имѣли патр. Тарасій и единомышленныя съ нимъ люди средняго, примирительнаго направленія, далекіе отъ крайностей иконоборства, но въ то же время совершенно нерасположенные покровительствовать народному суетвѣрію или покрывать недостатки монашества. Достойно замѣчанія, что на VII в. соборѣ составлено было нѣсколько правилъ противъ аномалій монашеской жизни.—Послѣднее (8-е) засѣданіе VII в. собора имѣло мѣсто въ Константинополѣ въ дворцѣ Магнавра, въ присутствіи импе-

патрицы матери и ея сына, и было посвящено исключительно провозглашенію торжества иконопочитанія и скрѣпленію царскими подписями соборнаго акта. Торжествующая императрица немедленно поставила надъ мѣдными вратами дворца икону Спасителя съ подписью: *ἦν καθέστε πάλαι Λέων ὁ δεσπότης, ἐνταῦθα ἀνεστήλωσεν Εὐφροσύνη.*

Примирительное направленіе церковной политики, восторжествовавшее на VII в. соборѣ, къ сожалѣнію не продолжилось. Въ своихъ усиліяхъ удержать за собою царскую власть отъ притязаній деверьевъ и подростоющаго сына, честолюбивая Ирина оперлась на крайнюю партію, состоявшую изъ внуховъ и монаховъ, — которыхъ, по нынѣшней терминологіи, можно бы назвать отчаянными реакціонерами. Эти реакціонеры, во главѣ которыхъ стоялъ внухъ Ставракій, недовольны были снисходительностію патр. Тарасія къ покающимся иконоборнымъ епископамъ, не переставали высказывать сомнѣнія относительно законности поставленія самаго Тарасія въ патриархи изъ мірянъ, и не признавали авторитета VII в. собора, такъ какъ онъ долго не былъ утверждаемъ папою. Мало того: не удовлетворяясь постановленіями VII всел. собора, реакціонеры пытались кромѣ того уничтожить всѣ реформы Льва III и Константина V въ быту военномъ и гражданскомъ. Пользуясь честолюбіемъ Ирины для того, чтобы властвовать подъ ея именемъ, реакціонеры увѣряли царицу, что *Богу не угодно*, чтобы она передавала царскую власть въ руки сына. Это не угодно было и самой Иринѣ, и послѣдствіемъ такихъ впушеній была семилѣтняя (790—797) борьба матери съ сыномъ за скипетръ и корону. Во время этой борьбы приверженцы Ирины пользовались неустройствами семейной жизни Константина VI, чтобы представить ихъ въ качествѣ ужасныхъ, вопіющихъ на небо преступленій, и вооружить противъ царя общественное мнѣніе. Въ дѣйствительности если Константинъ VI и былъ виноватъ, то не безвинна въ неустройствахъ его семейной жизни была и Ирина.

Первоначально (въ 781 г.) Ирина хотѣла обручить своего 11-лѣтняго сына съ 8-лѣтнею дочерью Карла великаго Ротрудю. Сватовство состоялось, и ученый грекъ Елисей поселился при дворѣ Карла великаго для обученія Ротруды греческому языку и обычаямъ. Но впоследствии Ирина передумала и сама разрушила затѣянное ею сватовство, вѣроятно сообразивъ, что такой могучій и энергическій государь, какъ Карлъ великій, не попуститъ, чтобы его зять оставался

титлярнымъ императоромъ. Въ концѣ 788 г. Ирина женила своего сына на пафлагонянкѣ или армянкѣ Маріи, внучкѣ св. Филарета милостиваго. Въ житіи св. Филарета (1 дек.) этотъ неожиданный бракъ представляется какъ очевидное свидѣтельство милости Божіей ко св. Филарету за его нищелюбіе. Но для самой Маріи бракъ вовсе не принесъ счастья, ибо царь, по словамъ хроникера, „не хотѣлъ этого брака и противился по причинѣ склонности, какую чувствовалъ къ дочери Карла.“ Въ 790 г. Константинъ VI сдѣлалъ покушеніе отнять у матери царскую власть, и это покушеніе, сначала неудачное, скоро увѣнчалось успѣхомъ. Но Константинъ, какъ человекъ слабохарактерный, не сумѣлъ удержать расположенія воиновъ, которымъ былъ обязанъ своею властію и снова подчинился вліянію своей матери, которая опять оказала гибельное вліяніе на его семейную жизнь. „Царь,—по словамъ хроникера,—возненавидѣлъ жену свою Марію по навѣту матери, желавшей привести его во всеобщую ненависть,—и принудилъ ее постричься. А самъ незаконно женился на Θεодотѣ кубикulario (фрейлинѣ Ирины) и вѣнчалъ ее на царство.“ Придворный іерей экономя Іосифъ совершилъ царское браковѣнчаніе и патр. Тарасій заблагоразсудилъ покрыть снисхожденіемъ и молчаніемъ совершившійся фактъ. Но иноки приверженные къ Иринѣ употребили всѣ усилія, чтобы представить царя величайшимъ незаконникомъ и вооружить противъ него общественное мнѣніе, и никогда, кажется, частная жизнь ни одного государя не подвергалась столь жестокимъ порицаніемъ, какъ это было въ настоящемъ случаѣ. Какъ будто вся вселенная готова была разрушиться отъ того, что Константинъ VI развелся съ Маріею и женился на Θεодотѣ. Въ концѣ концовъ приверженцы Ирины достигли своего желанія: царь потерялъ власть и зрѣніе (15 іюля, 797 г.) и Ирина осталась единодержавною царицею.

Единодержавіе Ирины, продолжавшееся около 5 лѣтъ (797—802), было золотымъ вѣкомъ для иноковъ, число коихъ въ одномъ студійскомъ монастырѣ увеличилось отъ 12 человекъ до 1000. Но общее направленіе внутренней и вѣншней политики страдало тѣми недостатками, которые обыкновенно свойственны господству реакціонеровъ. 31 октября 802 года Ирина была низвергнута. Логоветъ Никифоръ, вѣнчанный патр. Тарасіемъ на царство, сослалъ бывшую царицу на островъ Лесбось, гдѣ она скоро и умерла. Паденіе Ирины совершилось легко и быстро, но, какъ видно, сильно опечалило иноковъ, которые

впрочемъ предполагали, что ихъ чувства раздѣляются всѣмъ народомъ. „Одни“, говоритъ хроникеръ Теофанъ, „удивлялись, какъ Богъ допустилъ чтобы исповѣдница вѣры подпала такому горю; другіе какъ будто не вѣрили своимъ глазамъ, и думали, что они видятъ это во снѣ; третьи наконецъ плакали, вспоминая ея благодѣянія къ нимъ, и всѣ вмѣстѣ проклинали какъ новаго императора, такъ и коронованшаго его“ т. е. патр. Тарасія.

Приведемъ въ заключеніе рядъ отзывовъ объ имп. Иринѣ.

Мужъ и сынъ имп. Ирины были люди довольно безцвѣтные, заурядные и пассивные, не возбуждавшіе ни сильныхъ симпатій, ни очень сильныхъ антипатій,—посему исторія ими довольно мало занимается. Совсѣмъ иное дѣло—императрица Ирина. Отзывы о ней также многочисленны и разнообразны, какъ и отзывы объ императорахъ Львѣ III и Константинѣ V,—но замѣчательно, что отзывы эти хронологически идутъ совершенно въ обратномъ порядкѣ, т. е. начинаются похвалою и кончаются порицаніемъ. Еще при жизни имп. Ирина была почти канонизована. VII вселенскій соборъ увѣнчалъ ее похвалами, именуя новою Еленою. Современникъ Ирины св. Теодоръ Студитъ въ своемъ письмѣ къ ней отъ 801 г. по поводу облегченія народныхъ податей привѣтствуетъ императрицу такимъ панегирикомъ. „Скажи намъ, государыня, откуда вселилась въ тебя такая любовь къ благочестію, что ты ненасытимо возжелала благоугождать Богу и до чрезвычайности простерла попеченіе о душевной и тѣлесной пользѣ христіанъ?... Все царство твое наполнилось радости и веселія. Кто слыхалъ о такихъ дѣлахъ? скажите мужи. Кто видалъ при другомъ царствованіи столь великое и столь важное благодѣяніе?... Хвалите ее всѣ народы; величайте ее съ нами начальники и подчиненные, священники и монахи, и весь христіанскій родъ. Ты угождаешь Богу;... ты радуешь избранныхъ ангеловъ Божіихъ и людей, живущихъ предподобно и праведно, богоименитая Ирина! Въ этомъ сіяетъ твое благочестіе, за это всѣ уста и всякій языкъ прославляетъ тебя; это, по истинѣ, слава церкви, это печать содержимаго тобою отеческаго и богодухновеннаго православія христіанъ, ревнительница по Богѣ и поборница истины!“ Вѣроятно вскорѣ по смерти св. Ирина была канонизована и включена въ календарь. У послѣдующихъ византійскихъ хроникеровъ Ирина также прославляется, какъ христіанлюбивая, благочестивая, благодѣтельная царица. „Ирина“, говорятъ

Амартоль, „была весьма благочестива и любила добродѣтель и устроива многія страннопріимницы и сиропитательницы и монастыри, сдѣлала облегченія податей и множество другихъ исправленій.“ Но въ исторіи Ирины было событіе, съ которымъ не могло примириться народное чувство византійцевъ, хотя они и раздѣляли вполне православнѣйшія убѣжденія царицы, именно—ослѣпленіе и низверженіе съ престола собственнаго сына. Хроника Амартола передаетъ только народную молву по поводу этого событія, при чемъ хроникеръ ни подтверждаетъ, ни опровергаетъ ее. „Мать царя, приласкавъ всѣхъ и дарами склонивъ на свою сторону, выжидала удобнаго случая, чтобы воцариться самой. И вотъ (15 іюля 797 г.)... когда царь прибылъ во дворець, то вельможи, сторонники его матери, въ ея отсутствіи, въ той комнатѣ, гдѣ онъ родился, ослѣпляютъ его страшно и немилостиво... Тогда помрачилось солнце на 17 дней, такъ что корабли блуждали по морю и *всѣ говоримъ*, что ради ослѣпленія царя затмилось солнце.“ Послѣдующіе хроникеры смѣлѣе и рѣшительнѣе очерчивали темную и свѣтлую сторону въ жизни Ирины, такъ что Ирина у нихъ представлялась существомъ двойственнымъ... Такъ Дорошей монемвасійскій то удивляется благочестію Ирины, говоря такъ: „О чудо! одна женщина съ ребенкомъ возстановила благочестіе и попрадала нечестіе!“ то называетъ Ирину дѣтоубійцею. Ближайшіе къ нашему времени историки старались разъяснить себѣ загадочный вслѣдствіе этой двойственности характеръ Ирины. Лебо, вполне одобряя религіозную политику Ирины, пытается представить жестокую борьбу ея съ сыномъ за корону, какъ слѣдствіе грѣховнаго, но временнаго увлеченія, которое Ирина впоследствии искупила раскаяніемъ. „Честолюбивая царица,“—говоритъ онъ—„достигла всего, чего желала, кромѣ душевнаго спокойствія и любви подданныхъ. Она рѣшилась утишить угрызенія совѣсти и смягчить народное къ себѣ нерасположеніе силою своихъ благодѣяній. Подобно всѣмъ самодержцамъ, Ирина льстила себя надеждою, что она изгладитъ память о своихъ преступленіяхъ, дѣлая добро народу, судьѣ строгому, но позволяющему подкупать себя благодѣяніями. Она отворила свое казначейство и щедрою рукою подавала бѣднымъ.“ Заванчивая исторію Ирины и упоминая о послѣднихъ печальныхъ дняхъ ея въ ссылкѣ на островѣ Лесбосѣ, Лебо говоритъ: „должно быть греки сильно вѣрили въ покаяніе Ирины, если причислили ее къ лику святыхъ.“

Шлоссеръ нѣсколько иначе опредѣляетъ характеръ Ирины. Не

смѣною грѣшнаго увлеченія и раскаянія объясняетъ онъ противорѣчія въ ея жизни, а тѣмъ, что самая набожность царицы не исключала проступковъ и даже преступленій. „Характеръ Ирины“ — говоритъ историкъ — „представлялъ самое счастливое соединеніе властолюбія съ тогдашними понятіями о религіи.“ И еще: „Ирина была религіозна, но у ней, какъ и у всѣхъ женскихъ и избалованныхъ блестящею обстановкою натуръ, религія была болѣе средствомъ, нежели цѣлью.“ Характеризуя Ирину, Шлоссеръ находитъ умѣстнымъ припомнить слова Вольтера: *набожность у женщинъ соединяется съ любовью, съ политикою, даже съ жестокостію.*

Наиболѣе суровую оцѣнку личности и дѣятельности Ирины даетъ Папарригопуло (Ш, 597 — 9.) признающій всю политическую дѣятельность царицы не только неодобрительною въ нравственномъ отношеніи, но и весьма вредною для Византіи. „Ирина, рожденная и воспитанная въ Аѳинахъ, куда не проникалъ духъ церковныхъ новшествъ, принесла съ собою въ столицу убѣжденія, опредѣлившія всю ея жизнь. Константинъ V жестоко ошибся, когда избралъ Ирину въ невѣсты своему сыну и наслѣднику. Ирина не только не возмѣла никакого сочувствія къ началамъ реформы, но всегда стремилась къ восстановленію старыхъ церковныхъ порядковъ и считала ихъ настолько необходимыми для спасенія отдѣльной личности и всего міра, что всѣ средства, добрыя и худыя, ведущія къ цѣли, казались ей дозволенными. Поэтому, прибывъ въ Константинополь, въ качествѣ невѣсты царскаго наслѣдника, Ирина не колебалась дать свекру (т. е. Константину V) притворную клятву въ нерушимомъ соблюденіи его церковныхъ нововведеній. Но по смерти Константина V, Ирина, пользуясь слабымъ характеромъ своего мужа Льва IV, стала потихоньку подкапывать новое зданіе, а по смерти мужа и совсѣмъ испровергла оное. А когда Ирина замѣтила, что ея деверья, а потомъ и сынъ, желая достигнуть власти, опираются на друзей реформы, то безпощадно покарала всѣхъ своихъ родственныхъ соперниковъ, не пожалѣла и родного сына. И такъ превратны были ея религіозныя понятія, что она, если вѣрить М. Глибѣ, думала искупить свой грѣхъ освобожденіемъ жителей столицы отъ различныхъ податей. Безчеловѣчный поступокъ Ирины съ сыномъ строго осудили даже расположенные къ ней хроникеры. Но и вся политика Ирины заслуживаетъ строгаго осужденія. Мы ничего не говоримъ

противъ возстановленія иконопочитанія. Возстановленіе иконопочитанія въ томъ видѣ, какъ оно состоялось на VII всел. соборѣ, не затрогивало основныхъ началъ реформы, по крайней мѣрѣ въ сознаниіи умѣренныхъ ея приверженцевъ. Но Левъ III и Константинъ V, кромѣ устраненія иконъ, предпринимали и еще много нововведеній, чтобы поднять народныя силы и вывести ихъ изъ летаргіи... Къ несчастію Ирина не ограничилась только вопросомъ объ иконахъ. Она распустила войско, пожертвовала многими весьма важными внѣшними интересами имперіи, безразсудно сложила многіе необходимые налоги, умножила монастыри, подчинила правительству видамъ монаховъ, поручила государственныя дѣла негоднымъ людямъ и особенно евнухамъ, про которыхъ не даромъ ходила древняя пословица: *если имѣешь снуха, убей его, если не имѣешь, купи и убей...* Малая Азія досталась арабамъ, Фракія болгарамъ, папа владычествовалъ надъ среднею Италіею, казначейство было пусто и вся имперія припла въ такое нестроеніе и оскуденіе, что даже самъ патріархъ Тарасій согласился на испроверженіе неспособнаго и ханжествующаго правительства.⁶

Испроверженіемъ Ирины закончилась исаврійская династія, генеалогическую таблицу коей и прилагаемъ.

Имп. Левъ III, Исавръ † 741, іюн. 18.
Жена его Марія † 750.

Дѣти ихъ: 1) Дочь въ замужествѣ за Артабаздомъ, претендентомъ на корону, убитымъ 743 г.
2) Сынъ ихъ имп. Константинъ V род. 718 г. † 775 г. сент. 14.

1-я жена его Ирина, дочь
кагана хазарскаго, въ бракѣ
съ 732.

2-я жена неизвестна по
имени.

3-я жена Евдокія изъ фа-
мили Мелиссиновъ.

Дѣти отъ 1-го брака.

Сынъ имп. Левъ IV
Хазаръ род. 750 янв.
25 † 780 сент. 8. | Дочь св. Анауса.

Жена Льва IV афинянка св. Ирина (въ бракѣ
съ 769 г.) † 803 г. авг. 9.

Сынъ Льва VI имп. Константинъ VI (род. 771,
янв. 14) ослѣдленъ въ 797 г. іюля 15.

Первая жена Константина VI пафлагонянка
Марія съ 788 г. пострижена въ 795 г.

Вторая жена Θεодота кубикларія въ бракѣ
съ 795 г.

Дочь отъ 2-го брака Евфросинія въ заму-
жествѣ за имп. Михаиломъ Травломъ съ
828 г.

Дѣти Константина V отъ 3-го брака:

Никифоръ, Христофоръ, Никита, Анфимъ,
Евдокимъ пострижены насильно въ монахи,
780 г., изувѣчены Константиномъ VI въ 792 г.
вторично изувѣчены Ириною въ 797 г., изувѣ-
чены еще разъ при Михаилѣ I въ 812 г.

ЧТЕНІЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ.

Вторая половина иконоборнаго періода (802—843 г.).

Аналогія между обѣими половинами иконоборцаго періода. И. Никифоръ Геніиъ (802—811) Его борьба съ внутренними и внѣшними противниками. Отъѣзды о немъ. Паденіе династіи Геніеа (811—813).

Вторая половина иконоборнаго періода, въ разсмотрѣнію которой мы теперь переходимъ, представляетъ собою довольно рѣдкій въ исторіи примѣръ повторенія однородныхъ явленій съ тѣмъ же характеромъ и въ той же постепенности. Это какъ бы второе изданіе первой половины иконоборнаго періода, нѣсколько сокращенное и измѣненное, но въ главныхъ чертахъ тождественное. Конечно совершеннаго сходства нѣтъ, ибо въ мірѣ ничто не повторяется, но есть черты сходства поразительныя.

Сначала идетъ рядъ энергичныхъ и способныхъ государей, которые берутъ въ свои руки дѣло реформы. Льву III и Константину V соотвѣтствуютъ Никифоръ Геніиъ, Левъ Армянинъ, Михаилъ Травль и Теофилъ,—и притомъ такъ, что осторожнаго и сдержаннаго Льва III болѣе напоминаютъ Никифоръ Геніиъ и Михаилъ Травль, а на суроваго и запальчиваго Константина V болѣе похожи Левъ Армянинъ и особенно Теофилъ. Императоры реформаціоннаго направленія горячо поддерживаются войскомъ, а также нѣкоторыми новаторами изъ высшаго духовенства, похожими на русскаго Теофана Прокоповича. Патріарху Анастасію, Θεодосію арх. ефесскому, Константину наколійскому и дру-

гимъ дѣятелямъ первой половины иконоборнаго періода соотвѣтствуютъ во второй половинѣ Антоній е. силейскій, впоследствии патріархъ, и особенно патріархъ Іоаннъ грамматинъ.

Но, вслѣдъ за вольнодумными и энергическими императорами на престолѣ является женщина съ малолѣтнимъ сыномъ: въ первой половинѣ періода Ирина съ Константиномъ VI, во второй половинѣ періода—Теодора съ Михаиломъ III. Приверженная къ монахамъ и къ клиру, и та и другая императрица, пользуясь правами единодержавной государыни, передѣлываетъ то, что было сдѣлано ея предшественниками, возстановляетъ отвергнутую церковную обрядность и торжественно утверждаетъ это возстановленіе. (Никейскій соборъ 787 г. и *торжество православія* 842 г.).

Такое повтореніе однородныхъ явленій невольно наводитъ на мысль, что весь иконоборческій періодъ не есть беспорядочная груда событій, произведенныхъ произволомъ отдѣльныхъ личностей, но законосообразное взаимодействіе подспудныхъ силъ, чередовавшихся въ своемъ развитіи съ такою-же правильностію, какъ морской приливъ и отливъ. Эти подспудныя силы не всякій — даже греческій—историкъ назоветъ одинаково. Средневѣковый хроникеръ — монахъ усмотритъ здѣсь борьбу *благочестія* и *нечестія*; а современный грекъ, въ родѣ напр. Папарригопуло, охарактеризуетъ ихъ какъ *прогрессивный патриотизмъ* съ одной стороны и *набожную апатію* съ другой стороны.

Новый императоръ, логоуетъ Никифоръ, низвергшій покровительницу иночества Ирину, естественно уже вслѣдствіе этого не могъ быть пріятель монашескому сословію. Самое воцареніе Никифора представляется у хроникеровъ какою-то безсмысленною и нелѣпою случайностію, которою изумлены и озадачены были всѣ византійцы безъ исключенія. Даже мелкія приключенія въ началѣ царствованію Никифора холодная погода въ день его воцаренія, (1 ноябр. 802 г.) ушибъ ноги царемъ, когда онъ садился на лошадь (4 мая, 803 г.), истолковываются хроникеромъ въ самомъ неблагоприятномъ для царя смыслѣ, какъ дурная примѣта и знаменіе гнѣва Божія. Но Никифоръ—и помимо того, что былъ антагонистомъ Ирины,—въ самой личности своей заключалъ нѣкоторыя свойства,—нельзя сказать дурныя, но—непріятныя для массы народа вообще и для монаховъ въ особенности. До своего вступленія на престолъ, онъ былъ государственнымъ казна-

чеемъ (ἀπὸ τοῦ ὑετικῆς ταραχῆς, — почему и получилъ прозваніе *Геника*). Эта должность естественно располагала Никифора къ расчетливости, бережливости и пожалуй скупости, тѣмъ болѣе что расточительное и безрасчетное хозяйство имп. Ирины естественно должно было постоянно раздражать государственнаго казначея и направлять его къ противоположной крайности. И дѣйствительно по воцареніи Никифоръ радикально измѣнилъ финансовую политику, забравъ личную сокровищницу имп. Ирины и обнаружилъ сильное стремленіе къ приумноженію государственной казны. Разумѣется эта перемѣна была невыгодна для иноковъ, которые при имп. Иринѣ пользовались отъ нея всевозможными льготами и щедротами,—и кромѣ того привыкли уже оказывать рѣшающее вліяніе на дѣла государственнаго управленія. Какъ бы то ни было, но все 8-лѣтнее царствованіе Никифора Геника прошло въ борьбѣ съ приверженцами прежняго режима, которая для царя была не легче, чѣмъ борьба съ внѣшними врагами. Прежде всего византійскіе реакціонеры, отчаявшись въ восстановленіи имп. Ирины, думали противопоставить царю Никифору другаго претендента на престолъ въ лицѣ благочестиваго полководца Вардана турка. Варданъ развернулъ знамя возстанія и уже приблизился къ столицѣ (авг. 803 г.). Къ счастью для Никифора и къ несчастію для византійскихъ реакціонеровъ, Варданъ былъ человѣкъ искренно благочестивый и не очень честолюбивый. Склонившись на увѣщанія царя Никифора и получивъ отъ него амнистію (за подписью самаго царя и патріарха), Варданъ отказался отъ своего предпріятія и принялъ монашество съ именемъ Саввы. ¹⁾ Такъ рушилось первое покушеніе реакціонеровъ отнять престолъ Никифора.

Но борьба этимъ не окончилась. Иноки, во главѣ которыхъ стояли Платонъ и св. Теодоръ Студитъ, продолжали упорно держать

¹⁾ Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ постриженія Варданъ—во инокахъ Савва—былъ ослѣпленъ какими-то воинами. Зачѣмъ? по чьему приказу? по какому побужденію? это остается дѣломъ темнымъ. Враги царя Никифора обвиняли его въ этомъ преступленіи. Царь клялся въ своей невинности.—Могло случиться, что воины, по самостоятельному почину, мстили Вардану за то, что онъ, начавъ и покинувъ дѣло возстанія, оставилъ ихъ на жертву Никифору.

опозицію противъ царя по разнымъ вопросамъ: то по вопросу о введении въ патриархи — прямо изъ мірянъ — государственнаго секретаря Никифора (12 апр. 806 г.) то по вопросу о снятіи отлученія съ эконома Іосифа. Дѣло въ томъ, что экономъ Іосифъ, незаконно совершившій бракосочетаніе Константина VI съ Θεодорою (795 г.) и подвергнутый за то церковному отлученію, оказалъ важныя услуги царю Никифору, склонивъ Вардана отказаться отъ своего покушенія на корону. Въ знакъ признательности царь упросилъ патриарха Никифора снять съ Іосифа (806 г.) церковное отлученіе. Но само собою разумѣется, что реакціонеры вовсе не имѣли причины раздѣлять царскую признательность къ Іосифу: напротивъ того; Іосифъ болѣе, чѣмъ когда-либо, казался для нихъ, — по выраженію св. Θεодора Студита — *паршивою овцою*. И вотъ съ протестомъ противъ допущенія этой *паршивой овцы* въ церковь Христову поднялись иноки, имѣя во главѣ старика Платона, св. Θεодора и его брата Іосифа, архіепископа солунскаго. Борьба инокъ съ царемъ и патриархомъ по дѣлу объ экономѣ Іосифѣ тянулось около трехъ лѣтъ, пока наконецъ царь, въ 809 г. созвавъ съборъ іерарховъ, окончательно рѣшилъ дѣло объ экономѣ Іосифѣ по своему желанію, а вышеупомянутыхъ трехъ представителей монастыря отправилъ въ ссылку.

Этимъ не ограничивалась внутренняя борьба реакціонеровъ съ царемъ Никифоромъ. Въ 808 г. они противопоставили ему новаго претендента на корону въ лицѣ патриція Арсавира. Но предпріятіе не удалось. Арсавиръ сосланъ въ монастырь; въ Виоинію; его сообщники, — въ числѣ которыхъ было нѣсколько епископовъ и инокъ — были подвергнуты разнымъ наказаніямъ.

Въ 811 г. 1 октября какой-то монахъ бросился съ ножомъ на императора, намѣреваясь убить его, *какъ друга еретиковъ*, но былъ схваченъ и заключенъ въ домъ умалишенныхъ.

„Мы не отрицаемъ,“ говоритъ Паларригопуло (III, 636—7), „что въ постоянныхъ злоумышленіяхъ противъ Никифора принимали участіе и нѣкоторые изъ гражданъ и воиновъ; строгія экономическія мѣропріятія царя естественно задѣвали различныя частныя интересы. Но главными противниками царя были монахи, страстному озлобленію которыхъ обязаны своимъ происхожденіемъ тяжкія клеветы на Никифора, сохранившіяся для насъ въ лѣтописяхъ Θεофана и Кедрина. Впрочемъ оба хроникера не могли исказить существенныхъ распоря-

женій Никифора на столько, чтобы современная безпристрастная исторія не могла различить въ нихъ величественный образъ свободномыслящаго государя; хроникеры не могли скрыть, что противники царя покушались умертвить его рукою злодѣя, носившаго монашескую рясу; хроникеры не могли переименовать событій на столько, чтобы для насъ не видно было великодушіе и человеколюбіе царя. Въ самомъ дѣлѣ злодѣй-монахъ былъ признанъ помѣшаннымъ и отправленъ въ лечебницу; а изъ заговорщиковъ, открытыхъ въ 808 г., ни одинъ не подвергся смертной казни, а всѣ потерпѣли сравнительно легкія наказанія.“

Главною чертою внутренней политики царя Никифора была строгая экономія, имѣвшая цѣлю прежде всего поднять средства государственной казны. Эта политика не могла быть пріятна реакціонерамъ и инокамъ, тѣмъ болѣе что нѣкоторыя мѣропріятія царя были именно противъ нихъ направлены. Такъ царь старался отобрать въ казну—хотя отчасти—имущества лицъ, обогатившихся въ предшествовавшее царствованіе. Далѣе—царь отнялъ всѣ льготы, какими пользовались монастыри и обложилъ ихъ тѣми-же налогами, какіе должны были платить и частныя лица. Достоинно замѣчанія, что царь и самъ принималъ участіе въ коммерческихъ предпріятіяхъ. Онъ выдавалъ купцамъ, производившимъ морскую торговлю, ссуду изъ казны со взиманіемъ 17% годовыхъ, и такимъ образомъ обогащалъ казну безъ отягощенія народа. Вообще по своимъ политико-экономическимъ воззрѣніямъ царь Никифоръ—по мнѣнію Папаригопуло (III, 628)—стоялъ выше своего вѣка и приближался къ воззрѣніямъ нашего времени.

Кончина царя Никифора была печальная. „Царь ополчился на болгаръ,—говоритъ хроникеръ Амартоль,—жестоко разбилъ ихъ и сжегъ такъ называемый *аулъ* вождя ихъ Крума и когда Крумъ подалъ слово на миръ, говоря: *довольно тебѣ, царь!* то Никифоръ, по причинѣ крайней ненасытности, отвергъ мирныя предложенія. Огорчившись на это, варваръ оградилъ входы и исходы страны деревянными оградами. И спустя два дня, собравъ народъ и выступивъ противъ царскаго лагеря, взялъ въ плѣнъ царя и всѣхъ, бывшихъ съ нимъ, отрубилъ голову Никифора и вонзилъ на древо, а затѣмъ обнажилъ черепъ, обложилъ серебромъ и приказалъ нить изъ него болгарскимъ начальникамъ, похваляясь надъ царемъ вивантійскимъ, ваять надъ ненасытнымъ и не захотѣвшимъ мира“ (25 іюля, 811).

Хроникеры не скрывают своей радости, говоря о смерти Никифора. Но иначе судить современный греческий историк Папарригопуло, резюмируя суждения своих предшественников. „Таковъ былъ конецъ мужа,“ (говоритъ историкъ, заключая повѣствованіе о Никифорѣ—III, 644—7), „который, проведши большую часть жизни на гражданской службѣ, не усомнился, сдѣлавшись царемъ, пойти на встрѣчу самымъ крайнимъ опасностямъ и умереть славною смертію воина. Много разъ мы замѣчали крайнюю враждебность къ царю хроникеровъ; прежде всего они нападали на Никифора за его якобы жадность, называя его новымъ Ахаавомъ, болѣе ненасытнымъ, чѣмъ Мидасъ и Фаларидъ; обвиняли его также и въ нечестіи и въ крайней злобѣ и безпутствѣ. Но удивительнѣе всего то, что и новые историки изображали Никифора какимъ-то извергомъ, и не одни только католики, но и самъ пресловутый Гиббонъ, который принимая безъ критики пристрастную болтовню хроникеровъ, утверждаетъ, что были въ мірѣ тиранны свирѣпѣе Никифора, но не было тиранна болѣе цезрѣннаго, что три порока омрачали его характеръ, лицемѣріе, невѣжество и жадность,—что онъ не имѣлъ никакого таланта, чтобы восполнить недостатокъ добродѣтели, и никакого такта, чтобы восполнить недостатокъ таланта,— что онъ былъ неискусенъ и неудачливъ въ войнахъ, и что смерть его настолько была всѣмъ пріятна, что утѣшила общественное мнѣніе въ потерѣ цѣлаго войска. Мы не имѣемъ подъ руками какихъ-либо новыхъ источниковъ о царѣ Никифорѣ, тѣмъ не менѣе даемъ о немъ совершенно иное сужденіе. Можно-ли приписать жадности извѣстныя правительственныя дѣянія Никифора? Ограниченіе податю торговли рабами, учрежденіе компаніи мореходныхъ купцовъ (со ссудою отъ правительства), обложеніе податю церковныхъ имуществъ, ограниченіе пожертвованій въ пользу монастырей, церквей и епископій, строгая экономія въ расходахъ,—все это дѣянія, которыя сдѣлали бы честь лучшему изъ царей. Хроникеры имѣютъ неразумительность изображать эти мѣропріятія, какъ какія-то казни фараоновы, а на насъ лежитъ обязанность разсудить дѣло по правдѣ и воздать должную справедливость добрымъ намѣреніямъ Никифора. Шлоссеръ, который тщательно изслѣдовалъ царствованіе Никифора, судитъ иначе, чѣмъ Гиббонъ, и конечно справедливѣе. Но замѣчательно, что и изъ древнихъ лѣтописцевъ Θεοφιλιкутъ, жившій нѣсколько лѣтъ спустя (при Львѣ V), говоритъ о Ни-

Никифоръ, что онъ былъ православенъ, весьма благочестивъ, и въ особености любитель нищихъ и иноковъ (*φιλόπτωχος, καὶ φιλομοναχός μαλιστα*): отсюда видно, что строгое отношеніе царя къ церковнымъ и монастырскимъ имуществамъ оцѣнивалось безпристрастно и нѣкоторыми изъ современниковъ и не считалось доказательствомъ жадности и злоправія царя.—Въ военныхъ дѣлахъ Никифоръ часто оказывался несчастливымъ, а иногда быть можетъ и неискуснымъ, но не забудемъ, что онъ не былъ воинъ по призванію, что онъ нашелъ войско въ крайней распушенности и не имѣлъ времени преобразовать его, что онъ постоянно былъ утѣсняемъ внѣшними врагами; внутренніе же враги реформы также постоянно злоумышляли противъ него. Въ такихъ обстоятельствахъ Никифоръ дѣлалъ то, что долженъ былъ дѣлать; онъ непрестанно сражался какъ простой воинъ, и наконецъ самъ палъ на подѣ битвы. Все это конечно не служитъ доказательствомъ неблагородной души. Во внутреннихъ же дѣлахъ,—уважая постановленія VII в. собора и вмѣстѣ съ тѣмъ управляя по духу здравья началъ реформы,—Никифоръ наравнѣ съ Львомъ III, былъ разумнѣйшимъ и вмѣстѣ практичнѣйшимъ изъ государей, стремившихся къ моральному и матеріальному оживленію имперіи.“

По смерти царя Никифора снова наступилъ періодъ реакціи и золотой вѣкъ для монаховъ, впрочемъ непродолжительный. Сынъ Никифора, Ставракій, тяжело раненный въ битвѣ съ болгарами, царствовалъ только 68 дней (съ 26 юля по 2 окт. 811 г.), а затѣмъ удалился въ монастырь, гдѣ скоро и умеръ. На престолѣ является зять Никифора, мужъ дочери его Прокопія, Михаилъ Рангаве, по прежнему званію *куропатъ* (т. е. министръ двора). Мелѣе, чѣмъ 2-лѣтнее царствованіе Михаила I (со 2 окт. 811 г. по 10 юля. 813 г.) было повтореніемъ царствованія имп. Ирины. Иноки возобладали при царскомъ дворѣ; казна, скопленная трудами царя Никифора, была щедрою рукою имъ раздаваема; св. Феодоръ студитъ, возвращенный изъ ссылки, получилъ руководящее вліяніе на дѣла царства; еретикамъ павликіанамъ законоположена смертная казнь; какому-то Николаю Евсоціониту за хуленіе противъ св. иконъ отрѣзанъ языкъ.—Но болгары утѣсняли имперію и угрожали самой столицѣ, а набожный императоръ не умѣлъ справиться съ ними. Въ такихъ обстоятельствахъ въ народѣ вспомнили о воинственныхъ императорахъ иконоборцахъ,

и однажды, во храмѣ св. апостоловъ, народъ столпился у гробницы Константина V, съ криками: *встань и помоги побишающему государю!* Константинъ V конечно не всталъ, но войны провозгласилъ императоромъ способнаго полководца Льва армянина, ¹⁾ которому Михаилъ I и уступилъ корону и порфиру, замѣнивъ ихъ одеждою инова. (10 июля 813).

Левъ V армянинъ (813—820). Его борьба съ иноками и иконоборческій соборъ (815). Смерть Льва V (25 дек. 820).

— Отзвѣвы о немъ.

Дѣла грековъ сразу же поправились, какъ скоро царская власть перешла въ руки энергическаго полководца Льва армянина. Болгарскій вождь Крумъ, желавшій обложить грековъ данью и вонзить свое копьё во врата Цареграда долженъ былъ удалиться ни съ чѣмъ и скоро умеръ (13 апр. 818). Послѣ его смерти Левъ V нанесъ болгарамъ жестокое, на много лѣтъ обезсилившее ихъ, поражение при какомъ-то холмѣ, который долго слылъ подъ именемъ Βουνος Λέοντος. Но счастливый и любимый воинами императоръ естественно и самъ долженъ былъ подчиниться влiянiю войска. А войско, возмущенное господствомъ инокъ въ царствованiе Ирины и Михаила I, громко высказывалось противъ монаховъ и обрядовой набожности и настойчиво требовало возвращенiя къ тому порядку дѣлъ, который господствовалъ при императорахъ Левѣ III и Константинѣ V.—Левъ V былъ, какъ кажется, человекъ набожный и миролюбивый; онъ самъ былъ довольно богомоленъ и любилъ принимать участiе въ богослужебномъ цѣннiи, отличаясь своимъ громкимъ голосомъ,—и повидимому не желалъ ссориться ни съ кѣмъ, и съ духовенствомъ въ особенности. Но все таки онъ былъ прежде всего солдатъ и не могъ оставить безъ вниманiя требованiй

¹⁾ Левъ армянинъ былъ зять Арсавира, неудачнаго претендента на корону въ 808 г. (см. выше стр. 476). Вообще въ Византiи въ то время было много—такъ сказать *отставныхъ* экс-императоровъ и претендентовъ на корону. Живъ былъ еще ослѣпленный Константинъ VI; живъ былъ Варданъ, во инокахъ Савва; доживали свой страдальческiй вѣкъ изуродованные сыновья Константина V; здравствовалъ Арсавиръ; и наконецъ къ числу этихъ *отставныхъ* государей присоединился Михаилъ I Рангаве.

своихъ товарищей по оружію. Въ такихъ обстоятельствахъ царь искалъ какого-нибудь компромисса и обратился къ патриарху Никифору съ такими рѣчами: „люди (λαός въ смыслѣ войска) возмущаются противъ иконъ, говоря, что мы неправильно почитаемъ ихъ и за это враги одолѣваютъ насъ: сдѣлай милость, уступи сколько-нибудь; уберемъ что пониже.“ Такимъ образомъ Левъ V повторялъ тоже предложеніе, какое 90 лѣтъ тому назадъ высказалъ Левъ III, въ первый разъ обнаруживъ свои замыслы противъ иконъ. (см. стр. 440). Разница только въ томъ, что Левъ III дѣйствовалъ по собственной инициативѣ, надѣясь, что за первымъ шагомъ послѣдуютъ и дальнѣйшіе; а Левъ V дѣйствовалъ подъ давленіемъ войска и—быть можетъ—искренно хотѣлъ остановиться на какой-нибудь полумѣрѣ. Патриархъ Никифоръ, какъ старый царедворецъ, вѣчно понималъ положеніе царя, но въ свою очередь и самъ находился въ подобномъ же положеніи. Какъ за царемъ стояло войско, требовавшее возвращенія къ политикѣ первыхъ иконоборцевъ, такъ за патриархомъ стояло многочисленное и привыкшее ко власти сословіе инокъ, обязывавшее патриарха, какъ своего представителя, не склоняться ни на какія уступки. Объясненіе царя съ патриархомъ не привело ни къ какому послѣдствію. Импровизированный во дворцѣ (въ декабрѣ 814 г.) диспутъ, въ которомъ принимали участіе съ одной стороны императоръ съ иконоборными влиятельными, съ другой стороны патриархъ Никифоръ съ Θεодоромъ Студитомъ и другими ревнителями церковности также не имѣлъ другихъ послѣдствій, кромѣ усиленія взаимнаго раздраженія. Изъ высшихъ общественныхъ сферъ вопросъ о почитаніи иконъ перешелъ въ нисшія и сдѣлался предметомъ уличныхъ демонстрацій. Икона Спасителя, стоявшая на мѣдныхъ вратахъ дворца, въ періодъ иконоборства всегда служила символомъ возвышенія или упадка иконопочитанія. Она была снята Львомъ III (см. стр. 440—441) и восстановлена имп. Ириною (см. стр. 468). Теперь солдаты забросали икону камнями и Левъ V снова приказалъ снять ее (въ декабрѣ 814 г.) подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы спасти ее отъ поруганія. „О страшно слышать!“—воскликаетъ св. Θεодоръ Студитъ въ письмѣ къ папѣ римскому. — „Достоцитая икона Спасителя, которой и бѣсы страшатся, подверглась поношенію и униженію... въ царствующемъ городѣ.“ Съ своей стороны св. Θεодоръ Студитъ устроилъ—такъ сказать—контръ-демонстрацію въ честь и славу св. иконъ. „Въ недѣлю ваій (25 март. 815 г.)—читаемъ въ житіи св.

Теодора—отецъ нашъ Теодоръ, совершая обычное стрѣтеніе Христа, съ собравшимся къ нему народомъ, приказалъ братіямъ, несшимъ честныя иконы, высоко поднять эти изображенія и такимъ образомъ обойти прилежащій къ обители виноградникъ. Такое дѣйствіе, происходившее предъ глазами нечестивыхъ сосѣдей и торжественно совершавшееся среди города, дошло и до слуха жестокаго властителя. Таково было положеніе дѣлъ, когда имп. Левъ V, смѣстивъ патриарха Никифора (13 марта 815 г.) и, назначивъ на его мѣсто Теодота, (1 апр. 815 г.), поручилъ новому патриарху составить соборъ по вопросу объ иконахъ.

Новый патриархъ, происходившій изъ знатной фамиліи Мелиссоновъ, приходившійся роднымъ племянникомъ 3-й жены Константина V,—и всю жизнь проведенной на военной службѣ былъ—по отзыву клерикальныхъ лѣтописцевъ—человѣкъ *безсловесный и скотоподобный, болте беззасный, члмъ рыба, и кромъ нечестія ничего не вѣдущій*. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что Теодотъ не былъ почитателемъ иконъ и другомъ инокства. Вскорѣ послѣ своего вступленія на патриаршество Теодотъ созвалъ соборъ, который безъ долгихъ разсужденій отмѣнилъ постановленія VII вселенскаго собора и призналъ въ силѣ рѣшенія иконоборческаго собора 754 года. Св. Теодоръ Студитъ и другіе представители иконопочитанія и монашества, хотя и были приглашаемы на соборъ, но не пошли на него, протестовали противъ его рѣшеній и были отправлены въ ссылку,—откуда впрочемъ св. Теодоръ не переставалъ вести обширную переписку, увѣщевая къ постоянству своихъ приверженцевъ и взывая о сочувствіи и помощи къ папѣ и восточнымъ патриархамъ.

Послѣ иконоборческаго собора 815 г., Левъ V царствовалъ еще слишкомъ 5 лѣтъ, вѣрно держась началъ иконоборства. Военныя удачи и внутреннее благоденствіе царства убѣждали Льва, что онъ стоитъ на правомъ пути. Царь устранялъ иконы, исключалъ изъ церковнаго богослуженія пѣснопѣнія и тропари, составленныя въ духѣ иконопочитанія, и замѣнялъ ихъ другими, сложенными на основаніи новаго догмата, и—что всего важнѣе—старался преобразовать воспитаніе юношества посредствомъ новой системы и новыхъ учебниковъ. „Запрещаются,“ писалъ въ негодованіи Теодоръ Студитъ, „древлепреданныя пѣснопѣнія, въ которыхъ содержится что-либо объ иконахъ; и вмѣсто того поются новыя, съ ясно выраженнымъ нечестивымъ ученіемъ....“

Младенцы воспитываются въ догматахъ нечестія по учебнику, обязательному для учителей. Самое безбожное низращеніе всего!“ Ни пѣснопѣнія, ни учебники времени Льва V не дошли до насъ, да и въ свое время едва ли успѣли оказать существенное вліяніе на переиѣну народнаго міросозерцанія, ибо Левъ V царствовалъ недолго.

Кончина Льва V была насильственная. Онъ былъ убитъ въ дворцовомъ храмѣ во время утренняго богослуженія въ день Рождества Христова 25 декабря 820 года. Въ хроникѣ Амартола мы читаемъ таковой разсказъ о смерти Льва V. „Подозрѣвая въ злоумышленіи противъ себя вельможу Михаила Травла, царь хотѣлъ казнить его въ навечеріе Рождества Христова. Но по просьбѣ царицы, ради праздника, оставилъ его до времени въ живыхъ. А Михаилъ, сидя въ тюрьмѣ и узнавъ объ этомъ, пригрозилъ всѣмъ своимъ сообщникамъ, что если де не постараются высвободить меня изъ тюрьмы, всѣхъ васъ выдамъ царю. Въ числѣ заговорщиковъ былъ и дворцовый комендантъ, родственникъ Михаила. Заговорщики, вооружившись и имѣя при себѣ скрытые мечи, подъ видомъ священниковъ съ фелонами, вошли во дворецъ, отпертый для нихъ комендантомъ; когда же царь взошелъ въ церковь, то заговорщики, схвативъ его, разсѣкли по частямъ и извергъ онъ свою нечестивую душу въ той части дворца, гдѣ не погибалъ ни одинъ изъ прежнихъ царей.“ При помощи другихъ источниковъ мы можемъ представить исторію убіенія Льва V нѣсколько яснѣе и подробнѣе. Левъ V, хотя и считался нечестивымъ, но былъ усерденъ къ богослуженію, не пропускалъ утрени и любилъ, стоя подлѣ клироса, предначинать пѣснопѣнія своимъ громкимъ голосомъ. Придворные клирики въ то время еще не жили во дворцѣ, а въ городѣ, и обыкновенно въ 4 часу утра собираясь вмѣстѣ, входили внутрь дворца чрезъ такъ называемую *слоновую дверь*, для совершенія утренняго богослуженія. На этотъ разъ (25 дек. 820 г.) подъ покровомъ ночи вмѣстѣ съ клириками вошли въ придворную церковь вооруженные и переодѣтые въ клириковъ заговорщики. Они условились, что самъ царь подастъ имъ сигналъ къ своему убіенію, когда предначнетъ свой любимый тропарь: *Τῷ Παύτανακτος ἐξεφαίλισαν* подф. И вотъ въ условленное время, когда храмъ огласился царскимъ пѣніемъ, злодѣи бросились на клиросъ и въ торопяхъ напали на регента. Тотъ, вѣроятно посвященный въ тайну заговора, успѣшилъ обнажить свою лысую голову. Тогда злодѣи устремились на царя, который, укrywшись

въ алтарь, отмахивался отъ нихъ большимъ крестомъ и молилъ о нещадѣ. *Теперь не время пощады, а время убійства!* сказалъ одинъ изъ отчаянныхъ злодѣевъ и отсѣкъ ему руку съ крестомъ; другой отсѣкъ ему голову. Изуродованное тѣло царя злодѣи повлекли на ипподромъ, а потомъ бросили въ море.—Какая партія руводила убійствомъ Льва V? Папарригопуло думаетъ, что ни воины, ни чиновники, вообще уважавшіе Льва какъ отличнаго полководца и администратора, не могли выразить къ нему того озлобленія, которое обнаружилось въ звѣрскомъ убіеніи царя и въ ругательствѣ надъ его трупомъ. Такое озлобленіе къ царю могли питать только клерикалы. Обстоятельства убіенія царя во храмѣ, — во время богослуженія, — заговорщиками, замѣшавшимися въ толпу клириковъ, — какъ будто оправдываютъ это предположеніе.

Убіеніе царя было привѣтствовано иноками и иконопочтателями, какъ счастливѣйшее событіе. „Слѣдуетъ восхищаться“, писалъ Феодоръ Студитъ, „не городу такому-то или такому-то, но почти, можно сказать, всей подсолнечной; ибо истребилъ Господь не Сіона царя амморейскаго, и не Ога, царя васанскаго, царей малыхъ и угнетавшихъ малую часть вселенной, а новоявленнаго и великаго дракона, опустошавшаго великую часть вселенной, змія коварнаго и шипѣвшаго богохульствомъ, мерзость заустѣнія, сосудъ гнѣва, сына Тавенилова (Ис. 7, 6)—чтобы не сказать — *каваллинова*, — порожденіе Ахаава, полноту нечестія, гонителя Христова, врага Богородицы, противника всѣхъ святыхъ. Да возвеселятся небеса и радуется земля; да искаплютъ горы сладость и ходмы правду! Паль врагъ, сокрушенъ мучитель нашъ; заградилася уста, глаголющая неправедная; обуздана рука Авессалома, погибъ жестокосердый Фараонъ. Отступнику надлежало именно такимъ образомъ лишиться жизни; сыну тьмы надлежало ночью встрѣтить смерть; обнажавшему божественные храмы надлежало въ храмѣ Господнемъ увидѣть обнаженные противъ него мечи; разрушившему божественный жертвенникъ слѣдовало не получить пощады у жертвенника; надлежало подвергнуться отсѣченію рукъ, посягавшей на святыню; — пролиться нечестивой крови за пролитіе крови праведныхъ“ и т. д. Съ большимъ безпристрастіемъ и достоинствомъ отнесся къ памяти Льва V также опальный и сосланный патриархъ Нивифоръ. *Ἡ πολιτεία Ῥωμαίων κἄν δυσσεβῆ, ἀλλ' οὐν γε μέγαν προμηθευτήν ἀπωλόλεκεν.*

(римская держава потеряла, хотя нечестиваго, но великаго правителя), сказалъ Никифоръ. Отзывы св. Θεодора и св. Никифора легли въ основу послѣдующихъ сужденій грековъ о Львѣ V. Голосъ Θεодора Студита слышится въ слѣдующемъ анаеэмазмѣ: *но паки тезоименному злому первому зѣрю, злоковарному второму адову псу, ратнику Божія церкви, мучителю рабовъ христовыхъ, а не царю Льву армянину, и его ставнику второму Арію псевдопатріарху Адонію (?), злѣйшимъ иконоборцевъ, паче же христорыцзмъ и со единомудренники ихъ анаеэма.* Напротивъ того въ духѣ патр. Никифора, и еще съ большимъ сочувствіемъ во Льву V, излагаетъ его исторію Папарригопуло, выставляя на видъ административныя и воинскія таланты царя, его своеобразное благочестіе и относительную кротость, и объясняя его иконоборческія тенденціи давленіемъ со стороны войска и вызывающимъ противодѣйствіемъ со стороны клерикаловъ.

Амморейская династія. Михаилъ II Травль (820—829) и его религіозный характеръ. Θεοφιλης—послѣдній иконоборецъ (829—842). Императрица Θεοδώρα и торжество православія. (19 февр. 842). Конецъ амморейской династіи.

Михаилъ Травль прямо изъ темницы и въ цѣпяхъ взошелъ на царскій престолъ. „Убійцы имп. Льва армянина“, говоритъ хроникеръ, „тотчасъ же отправившись въ тюрьму, выводятъ оттуда Михаила въ качествѣ не узника, а вѣнценосца, такъ что исполнилось на немъ слово псалма: *вечеръ водворится плачь, а завтра радость.*“ Прошло нѣсколько времени, пока успѣли снять цѣпи съ новаго императора, сидѣвшаго на престолѣ и принимавшаго привѣтствія отъ подданныхъ.

Такъ какъ Михаилъ Травль взошелъ на престолъ вслѣдствіе убіенія иконоборца Льва армянина и вѣроятно при усердномъ содѣйствіи иконопочитателей, то естественно, что православные ожидали отъ новаго императора торжественнаго возстановленія иконопочитанія и монашества. Дѣйствительно Михаилъ II тотчасъ по воцареніи возвратилъ всѣхъ сосланныхъ при Львѣ V иконопочитателей, не исключая патріарха Никифора и Θεодора Студита. Послѣ этого надежды православныхъ еще болѣе усилились. Θεοδωρὸς Студитъ писалъ императору: „христолюбивѣйшій владыка! время примириться намъ съ Христомъ“

при посредствѣ и по благоволенію твоей мирной державы, соединиться намъ съ верховною изъ церквей Божіихъ римскою, и чрезъ нее съ прочими тремя патріархами, чтобы единодушно одними устами прославлять Бога, .. величая и ваше благочестивѣйшее и превозделѣнное царствованіе.“ — „Впередъ, впередъ, братъ,“ писалъ Θεодоръ Студитъ вельможѣ Стефану—вѣроятно вскорѣ по смерти иконоборнаго патріарха Θεодота (+821)— „выступай еще на подвигъ. Говори благое досточтимому слуху благочестиваго императора нашего. Да подражаетъ онъ приснопамятному Іосіи; да будетъ онъ новымъ Давидомъ, истребляя дѣла злѣйшаго Льва и такимъ образомъ умиловляя Бога и вѣнцемъ мирнаго правленія содѣлывая непобѣдимую державу своего царства.“ Но надежды и ожиданія ревнителей православія были тщетны. *Досточтимый слухъ* императора остался закрытъ для ихъ внушеній.

Имп. Михайлъ Травль представляетъ собою новый, дотогѣ еще небывалый на византійскомъ престолѣ, типъ самодержца въ его отношеніяхъ къ религіи и церкви. Михайлъ по происхожденію былъ фригійскій простолудинъ ¹⁾ и принадлежалъ къ числу анти-церковныхъ сектантовъ, которые извѣстны подъ именемъ *навликіанъ*, — и о которыхъ у насъ рѣчь впереди (въ 15 чтеніи)—и по всей вѣроятности къ тому отдѣлу секты, который отличался нравственною распущенностію и имѣлъ своимъ представителемъ Ваанеса *грязнаго* (φιλαρδὸν). Анти-церковныя убѣжденія, впитанныя Михайломъ въ раннемъ дѣтствѣ, сохранились у него въ теченіе всей жизни, проведенной въ военной службѣ, на которой Михайлъ, не смотря на свою необразованность и косноязычіе, составилъ себѣ блестящую карьеру. Съ этими убѣжденіями Михайлъ взошелъ на престолъ. Впослѣдствіи разочаровавшіеся въ императорѣ ревнители церковности утверждали, будто онъ былъ отчаяннымъ вольнодумцемъ, позволялъ себѣ ѣдкія насмѣшки и остроты надъ пророками, не вѣрилъ въ воскресеніе мертвыхъ, признавалъ Іуду спасеннымъ человѣкомъ, считалъ позволительнымъ любодѣяніе, утверждалъ, что нужно клясться именемъ единаго Бога (иначе—отвергалъ св. Троицу), не вѣрилъ въ бытіе діавола, еллинскую—т. е. свѣтскую

¹⁾ Быть можетъ даже *цыганъ*. Его родичи были во Фригіи люди пришлые, назывались *ἄβουγγοι*, и занимались торговлею лошадьми, въ коихъ и самъ Михайлъ считалъ себя специалистомъ. См. Lebeau, VII, 30.

образованность ставилъ выше церковной, которую презиралъ и т. д. Трудно рѣшить, на сколько справедливы всѣ эти нареканія, хотя изъ совокупности ихъ какъ будто складывается одно цѣльное міросозерцаніе. Но несомнѣнно то, что Михаилъ былъ человѣкъ анти-церковнаго духа и раздѣлялъ съ павликіанами ихъ отрицательное отношеніе къ іерархіи. Этимъ онъ рѣзко отличался и отъ иконопочитателей и отъ иконоборцевъ. И тѣ и другіе въ сущности стояли на одномъ общемъ базисѣ церковности, съ тѣмъ различіемъ, что первые предпочитали обрядовое благочестіе, а вторые—духовное просвѣщеніе,—первые стремились къ господству церкви надъ государствомъ, а вторые наоборотъ. Михаилъ Травль стоялъ совершенно въ иномъ кругѣ понятій. Съ его точки зрѣнія и иконоборцы и иконопочитатели представлялись чуждыми и несимпатичными. Онъ былъ много радикальнѣе тѣхъ и другихъ. Поэтому онъ и представилъ собою первый на византійскомъ престолѣ образчикъ императора—индифферентиста. Не разъ и не два при разныхъ случаяхъ императоръ высказывался такимъ образомъ: „я вступилъ на престолъ не для того, чтобы вводить новые догматы вѣры, но и не для того также, чтобы дѣлать измѣненіе уже въ преданныхъ и исповѣдуемыхъ догматахъ. Итакъ, пусть каждый поступаетъ въ этомъ отношеніи, какъ ему угодно, безъ опасенія какихъ-бы то ни было непріятностей или лишеній.“ И еще: „совершенно безразлично почитать или не почитать иконы.“ И еще: „Кто прежде насъ изслѣдовалъ церковныя догматы, тотъ пусть и отвѣчаетъ за то, хорошо ли онъ тогда сдѣлалъ что или нѣтъ. Мы же, въ какомъ положеніи нашли церковь, въ такомъ рѣшаемся и оставить ее. Принимая это въ соображеніе, мы настаиваемъ, чтобы никто официально не осмѣливался говорить ни за,—ни противъ иконъ. Прочъ соборъ, бывшій подъ предсѣдательствомъ Тарасія! (787 г.)—прочъ и прежній соборъ, бывшій при Константинѣ (754 г.) и теперешній при Львѣ (814 г.)! Да царствуетъ глубокое молчаніе въ обществѣ относительно иконъ!“

Какъ ни непригляденъ духовный образъ Михаила II, отмѣченный религіознымъ и нравственнымъ индифферентизмомъ, но самыя недостатки царя помогли ему стать на дорогу вѣротерпимости и провозгласить великій принципъ свободы совѣсти, до котораго человѣчество едва доработалось чрезъ тысячу лѣтъ, прошедши предварительно чрезъ всѣ ужасы инквизиціи. И такъ какъ это принципъ здравый и спасительный, то даже въ неразвитомъ и зачаточномъ видѣ онъ не замед-

лить оказывать свое доброе влияние. Во 1-хъ религиозный фанатизмъ и взаимное раздраженіе иконопочитателей и иконоборцевъ значительно ослабѣли въ виду терпимости царя, который не стѣснялъ ни одного изъ своихъ подданныхъ ни въ его убѣжденіяхъ, ни въ частномъ поведеніи. Самъ Θεодоръ Студитъ, хотя и потерялъ надежду на возстановленіе клерикальной политики имп. Ирины, хотя и жаловался, что *огонь погасъ, но остался дымъ*, тѣмъ не менѣе чувствовалъ себя сравнительно спокойнѣе. (Онъ впрочемъ не пережилъ всего царствованія Михайлова—11 ноября 826 г.) Во 2-хъ терпимость Михайла II была причиною того, что онъ усидѣлъ на престолѣ, съ котораго палъ его болѣе даровитый и знаменитый предшественникъ. И нельзя сказать, чтобы Михайлу II не угрожали никакія опасности: напротивъ въ началѣ царствованія (822—3 г.) положеніе Михайла было даже критическое, ибо ему явился сильный соперникъ въ лицѣ хромаго славянина, стараго полководца, Θомы. Θома, поддерживаемый калифомъ Гарун-ал-Рашидомъ, принялъ царское вѣнчаніе въ Антиохіи отъ тамошняго патріарха, и шель къ столицѣ, окруженный толпою развоплеменнаго войска и называя себя *сыномъ императрицы Ирины*. Никакъ нельзя думать, чтобы Θома могъ выдавать себя за имп. Константина VI, ослѣпленнаго 25 лѣтъ тому назадъ, который былъ хорошо извѣстенъ всей имперіи, равно какъ и самъ Θома, старый полководецъ, болѣе 20 лѣтъ занимавшій одно изъ первыхъ мѣстъ въ военномъ сословіи. Смѣшеніе двухъ столь общезвѣстныхъ личностей было невозможно. Скорѣе должно полагать, что Θома, называя себя *сыномъ императрицы Ирины*, хотѣлъ только выразить этимъ, что онъ будетъ царствовать по *мыслямъ и сердцу* имп. Ирины, т. е. въ клерикальномъ духѣ, и этимъ надѣялся склонить на свою сторону многочисленныхъ иконопочитателей. Тотъ же смыслъ могло имѣть усновленіе Θомою—въ качествѣ будущаго наслѣдника престола—нѣкоего монаха Анастасія. Предпріятіе Θомы, по видимому, готово было увѣнчаться успѣхомъ. Θома уже осаждалъ столицу и зимовалъ во Θракіи. Но Михайлъ II уцѣлѣлъ и одолѣлъ Θому главнымъ образомъ благодаря своей терпимости. Иконоборцы не имѣли причинъ мѣнять Михайла II на псевдонимнаго сына имп. Ирины съ его преемникомъ монахомъ, а иконопочитатели, не угнетаемые Михайломъ II, также не имѣли никакихъ поводовъ слишкомъ усердствовать Θомѣ, особенно послѣ того какъ царь объявилъ всеобщую амнистію. Θома и его на-

званный сынъ Анастасій не воспользовались амнистією и взятые въ плѣнъ, были казнены самымъ варварскимъ образомъ: (15 окт. 822 г.) по отсѣченіи рукъ и ногъ они были посажены на колъ (по другому извѣстію: сожжены).¹⁾

Послѣ пораженія Θомы (824 г.), Михаилъ II, будучи вдовъ, внялъ совѣту вельможъ, которые отъ имени своихъ женъ заявили претензію, что у нихъ нѣтъ императрицы, и вступилъ въ новый бракъ. Женою царя сдѣлалась послѣдняя отрасль исаврійскаго царственнаго дома, дочь ослѣпленнаго имп. Константина VI, 30-лѣтняя Евфросинія, до того времени жившая въ монастырѣ. Θεодоръ Студитъ, хотя и недобрительно смотрѣлъ на этотъ бракъ, но не протестовалъ противъ него, какъ протестовалъ противъ 2-го брака Константина VI. Къ императрицѣ-матери (Маріи пафлагонянкѣ) Θεодоръ писалъ: „Слѣдуетъ, чтобы твое благочестіе оставалось дома (т. е. въ монастырѣ), когда августа занимаетъ дворецъ, въ которомъ евангельскій мечъ ясно производитъ разсѣченіе. Это, прости господа, съ великимъ раздумьемъ и тревогою сердечною осмѣлились мы, какъ бы бесѣдуя на ухо, изложить на письмѣ, моля Бога о дарованіи обѣимъ вамъ лучшаго и спасительнаго и нынѣ и въ будущемъ.“ — По смерти Михаила II и послѣ выбора невѣсты пасынку имп. Θεофилу, императрица Евфросинія снова возвратилась въ свой монастырь Гастрію, проживъ во дворцѣ около 6 лѣтъ (824—830).

Хотя Михаилъ II старался держать себя одинаково индифферентно по отношенію къ иконопочитателямъ и иконоборцамъ, но, *какъ солдатъ*, по собственному признанію, *всю жизнь не поклонявшійся ни одной иконѣ*, естественно болѣе тяготѣлъ къ иконоборцамъ, — какъ это выразилось между прочимъ, въ назначеніи патріархомъ иконоборца Антонія е. силейскаго и въ письмѣ царя къ императору Людовику благочестивому. Но такъ какъ по своему вольнодумству

¹⁾ Вѣроятно уже послѣ гибели Θомы сложилась легенда, будто бы Варданъ, замышляя въ 803 г. возстаніе противъ имп. Никифора Геника, (см. стр. 474) пошелъ спросить о будущемъ нѣкоего кашпадокійскаго отшельника. Отшельникъ предсказалъ Вардану неудачу, и предрекъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что изъ трехъ старшихъ его офицеровъ, Левъ и Михаилъ будутъ впоследствии царями, а третій Θома погибнетъ въ неудачномъ стремленіи къ коронѣ.

Михаилъ былъ гораздо радикальнѣе иконоборцевъ, то его и нельзя причислять къ ихъ партіи. До конца жизни Михаилъ оставался тѣмъ же грубымъ чудакомъ, какимъ вступилъ на престолъ. Индифферентизмъ его, повидимому, простирался на дѣла не только религіозныя, но и политическія. *Поздравьте меня; у меня съ плечъ долой обуза!* сказалъ онъ, получивъ извѣстіе объ отпаденіи Сициліи. Умеръ Михаилъ II 1 окт. 820 г. послѣ 9-лѣтняго почти царствованія, и—какъ кажется—уже очень не въ молодыхъ лѣтахъ.

На почвѣ религіозной терпимости, доходящей до индифферентизма, въ IX вѣкѣ могъ держаться только такой грубый и пришлый со стороны чудакъ, какъ Михаилъ Травль. Анти-церковныя внушенія павликіанъ, воспринятія въ раннемъ дѣтствѣ, глубоко залегли въ душу Михаила, а на престолъ вступилъ онъ въ такомъ преклонномъ возрастѣ, когда человѣку уже поздно мѣняться. Всякій другой византійскій государь того времени не могъ не принять участія въ религіозныхъ спорахъ вѣка; а это участіе въ концѣ концовъ сводилось къ тому что царь или стремился подчинять церковь государственнымъ интересамъ (какъ Левъ III, Константинъ V, Никифоръ Генійъ и Левъ V) или—жертвовать интересами государства въ угоду клерикаловъ (какъ Ирина и Михаилъ I). Сынъ и преемникъ Михаила Травля Теофилъ не составлялъ въ этомъ случаѣ исключенія. Онъ не могъ держаться индифферентной политики своего отца. Получивъ образованіе подъ руководствомъ либеральнаго и весьма ученаго монаха *Іоанна*, прозваннаго *грамматикомъ* (833—842), Теофилъ повторилъ въ теченіе своего царствованія политику своихъ иконоборныхъ предшественниковъ.

Лично Теофилъ былъ человѣкъ благочестивый и правдолюбивый: онъ составлялъ церковныя гимны (напр. *благословите отроцы*—4 гласа, *Слыши дщи Сиона* 8 гласа и стихиру въ недѣлю ваій *приидите языци*) и любилъ присутствовать при богослуженіи. Хроники наполнены разсказами о его правосудіи, напоминающими нѣсколько правосудіе азіатскихъ деспотовъ. Теофилъ извѣстенъ также, какъ горячій любитель наукъ и особенно изящныхъ искусствъ. Это не помѣшало ему преслѣдовать иконопочитателей со всею суровостію его крутаго и запальчиваго нрава. Тотчасъ по воцареніи Теофилъ казнилъ убійцъ Льва V, не смотря на то, что они своимъ злодѣяніемъ проложили путь къ престолу отцу Теофила и самому Теофилу. Этимъ суровымъ дѣломъ запоздалаго правосудія Теофилъ выразилъ свое уваженіе и сочувствіе

къ памяти своего иконоборнаго предшественника, а вмѣстѣ съ тѣмъ покаралъ и нѣсколькихъ ненавистныхъ ему клерикаловъ. Потомъ Теофиль предпринялъ составить—такъ сказать—статистику иконоборцевъ, поручивъ сборщикамъ податей доставлять матеріалы для такой статистики. Далѣе слѣдовало циркулярное предложеніе начальствующимъ лицамъ оказывать иконоборцамъ снисхожденіе и вниманіе. Затѣмъ въ 832 г. царь запретилъ указомъ прилагать къ иконамъ эпитетъ *святыхъ*, и оказывать къ нимъ почтеніе лобызаніемъ, поклонами и возжиганіемъ свѣчей. Наконецъ въ 833 г. вслѣдъ за поставленіемъ въ патриарха Іоанна Грамматика на мѣсто умершаго Антонія, созванъ былъ соборъ во влахернской церкви, произнесшій анаѹему на иконопочитателей. Вмѣстѣ съ тѣмъ царь повелѣлъ выносить иконы изъ всѣхъ храмовъ и замѣнять ихъ другими украшеніями, лѣпными или живописными. Истребляя иконы, императоръ естественно не могъ оставить въ покоѣ и монаховъ, которые служили главными представителями преслѣдуемаго имъ міросозерцанія. Подобно Константину V, царь вознамѣрился истребить или по крайней мѣрѣ до послѣдней степени ограничить сословіе инокъ. Царь издалъ указъ, чтобы монахи, жившіе среди городовъ и населенныхъ мѣстностей, немедленно удалились изъ своихъ монастырей, предоставивъ монастырскія зданія для государственныхъ и общественныхъ надобностей; монахамъ предоставлено было жить только въ пустынныхъ монастыряхъ и запрещено показываться въ мірѣ, подъ угрозой тяжкихъ наказаній.—Гоненіе царя противъ монаховъ создало новыхъ исповѣдниковъ и мучениковъ, между которыми извѣстны сициліянинъ Меѹдій, впоследствии патриархъ, и два брата сиріянина Теодоръ и Теофанъ, прозванные *начертанными* (γραπτοί). Послѣдніе нарочито пришли изъ Палестины въ Константинополь, чтобы обличать нечестиваго царя, и были отправлены имъ въ ссылку, предварительно заклеянные слѣдующими ямбами, начертанными на ихъ лицахъ.

Πάντων ποθοῦντων προστρέχειν ἐν τῇ πόλει,

Ἔστησαν εἰς συστῆμα τῆς οἰκουμένης

Ἄπου πάναγγοι τοῦ Θεοῦ λόγου πόδες,

Ἐφθησαν οὗτοι τῷ σεβασμίῳ τόπῳ

Σκευή πονηρὰ δεισιδαίμονος πλάνης.

Ἐκείσε λοιπὸν πολλὰ ἐξ ἀπιστίας

Πράξαντες αἰσχρὰ δεινὰ δυσσεβοφρόνως

Ἐμεῖθεν ἤλαθσαν ὡς ἀποστάται.
 Πρὸς τὴν πόλιν δὲ τοῦ κράτους ἰπερευγότες,
 Οὐκ ἐξαρῆκαν τὰς ἀθέσιμους μωρίας.
 Ὅθεν γροθίντες ὡς κακοῦργοι τὰς ὕψεις
 Κατακρίνονται καὶ διώκονται πάλιν.

(Тогда какъ всѣ любятъ посѣщать градъ, гдѣ пречистыя ноги Бога Слова стояли для возстановленія вселенной,—явились во всечестномъ мѣстѣ и сіи лугавыя сосуды суевѣрнаго заблужденія. Совершивъ тамъ много постыднаго по невѣрію и злостію, они прогнаны оттуда, какъ отступники. Но и прибѣжавъ въ царствующій градъ, не оставили своего неистоваго буйства. Посему заклеянные, какъ злодѣи, на лицахъ и осуждаются, и снова изгоняются.)

Въ числѣ пострадавшихъ отъ Теофила былъ также монахъ и иконописецъ Лазарь. Вообще по суровому преслѣдованію неонъ и монаховъ Теофилъ превосходилъ всѣхъ бывшихъ до него иконоборныхъ императоровъ. Но къ удивленію мы находимъ, что византійскіе хроникеры отзываются о Теофилѣ нѣсколько мягче и сдержаннѣе, чѣмъ о другихъ иконоборныхъ царяхъ. Причину этого кажется можно видѣть въ распространенномъ въ Византіи убѣжденіи, что супруга царя благочестивая Теодора исходатайствовала загробное прощеніе Теофилу, (почему Теофилъ и не анаематствуется на ряду съ другими иконоборцами.) Но за то тѣмъ съ большимъ раздраженіемъ обрушиваются хроникеры на учителя Теофилова, патріарха Іоанна грамматика, такъ что, читая ихъ отзывы, отказываешься понять, какъ такое адское изчадіе могло сидѣть на патріаршемъ престолѣ. „По смерти патріарха Антонія“ читаемъ у Амартола,—„вмѣсто него рукополагается синкелль Іоаннъ—лучше сказать новый Іанній и Іамврій,—знаменитый магією и лека-номантією (λεκανομαντεία—гаданіе по водѣ, налитой въ тазъ), и всякимъ нечестіемъ; этотъ патріархъ, оказавшись пригоднымъ орудіемъ царскаго нечестія и паденія, дѣлалъ для царя все, что служило на пагубу... Этотъ Іанній построилъ себѣ за городомъ домъ, донинѣ называемый *труломъ*, посредствомъ какихъ-то жертвенныхъ заклоній бесѣдовалъ съ демонами и объяснялъ царю будущее: этотъ домъ и доселѣ стоитъ необитаемый, такъ какъ его стали посѣщать демоны.“ Позднѣйшіе историки отнеслись благосклоннѣе къ патр. Іоанну грамматіку. Шлоссеръ считаетъ его ученѣйшимъ человѣкомъ своего вѣка, получившимъ широкое образованіе не только въ духовныхъ, но и въ

свѣтскихъ наукахъ. Папарригопуло весьма одобряетъ не только ученость Іоанна грамматика, но и его праводушіе (δεδύσθητα), честность и стойкость въ убѣжденіяхъ.

Деспотическія усилія Теофила, направленныя къ истребленію иконъ и монашества, не увѣнчались успѣхомъ и даже, какъ это не рѣдко бываетъ, повели къ противоположнымъ послѣдствіямъ. Даже въ собственномъ семействѣ Теофилъ не нашелъ себѣ сочувствія, а напротивъ того встрѣтилъ скрытое противодѣйствіе. Здѣсь умѣстно сказать нѣсколько словъ о составѣ семейства Теофила. Первая жена Теофила неизвѣстна, но извѣстны дочери отъ 1-го брака Оекла и Марія, бывшая въ замужествѣ за армяниномъ Алксѣемъ Мосиле, намѣстникомъ Сициліи, и умершая въ 840 г. Должно полагать, что Теофилъ овдовѣлъ еще до воцаренія. Воцарившись, онъ пожелалъ вступить во 2-й бракъ. Лѣтопись сообщаетъ объ этомъ слѣдующія, какъ будто не совсѣмъ достовѣрныя, подробности. "Мать (т. е. мачиха) царя Евфросинія, пославъ по всѣмъ областямъ, собрала красивыхъ дѣвицъ для брачнаго выбора сыну своему Теофилу. Поставивъ ихъ всѣхъ въ палатѣ, называемой *жемчужный триклиній*, мать дала Теофилу золотой перстень съ словами: *отдай той, которая понравится*. Была въ числѣ невѣстъ одна благородная дѣвица, по имени Икасія, чрезвычайно красивая. Теофилъ, увидавъ ее и восхитившись ея красотою, сказалъ: *не черезъ жену ли простекло злое?* Икасія со скрѣпностію возразила: *но черезъ жену же беретъ начало и лучшее*. Оскорбленный возраженіемъ, царь отвергъ Икасію и отдалъ перстень Теодорѣ, родомъ пафлагонянкѣ." Объ Икасіѣ повѣствуется далѣе, что, потерявъ надежду сдѣлаться царицею, она удалилась въ монастырь, гдѣ и провела жизнь, занимаясь составленіемъ благочестивыхъ сочиненій въ стихахъ и прозѣ. Икасіи приписывается извѣстный тропарь: *Κύριε, ἡ ἐν πολλαῖς ἀμαρτίαις περιπεσοῦσα γυνή*, воспѣваемый въ страстную среду,—составленный будто бы по поводу отвергнутаго желанія Теофила снова видѣться съ нею.

Такъ или иначе было дѣло, но во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что въ 831 году состоялся бракъ царя съ Теодорою, два брата которой Варда и Петрона играли въ послѣдствіи столь замѣтную роль въ византійской исторіи. Какъ сама Теодора, такъ и мать ея Теокиста были ревностныя иконопочитательницы,—хотя царица и должна была,

опасаясь мужа, скрывать до времени свои религиозныя убѣжденія. ¹⁾ Долго отъ этого брака рождались только дочери, которыхъ мать и бабушка воспитывали въ духѣ православія. Наконецъ въ 839 г. родился у царицы сынъ и наслѣдникъ Михаилъ. А чрезъ два года послѣ того самъ царь заболѣлъ предсмертною болѣзнію и до послѣднихъ минутъ не переставалъ заботиться о судьбѣ своего семейства, — а также о судьбѣ своихъ мѣропріятій, завѣщавъ логофету Теокисту не соглашаться на низверженіе патріарха Іоанна грамматика и на возстановленіе иконопочитанія. Умеръ Теофилъ 20 янв. 842 г.

Не прошло и мѣсяца по смерти Теофила, какъ церковная политика въ его царствѣ совершенно и окончательно перемѣнилась. На престолѣ является имп. Θεодора съ малолѣтнимъ сыномъ Михаиломъ, и почитаніе иконъ возстанавливается еще легче и быстрѣе, чѣмъ за 50 слишкомъ лѣтъ при имп. Иринѣ; — доказательство того, что реформаціонныя стремленія не только не прививались къ народной массѣ, но съ теченіемъ времени теряли все болѣе и болѣе общее сочувствіе. Папарригопуло видитъ въ этомъ обстоятельствѣ печальный симптомъ упадка греческой національности. “ Ни выдержанность Льва III, ни строгость Константина V, ни снисходительность Льва IV, ни государственная опытность Никифора, ни разумъ Льва V, ни желчный характеръ Теофила, ни духовная мудрость, съ какою VII всел. соборъ разъяснилъ вопросъ объ иконахъ, — ничто ни могло измѣнить народныхъ суевѣрныхъ понятій. Единственный способъ для очищенія, оздоровленія и освященія религиозныхъ понятій народа могъ быть данъ только въ общераспространенномъ правильномъ образованіи. Но объ этомъ тогда мало заботились. ” Такъ разсуждаетъ современный греческій историкъ (III, 773), — тогда какъ старинные византійскіе хроникеры призываютъ небо и землю веселиться по поводу *торжества православія*. Обратимся однако къ разсказу объ этомъ событіи.

Императрица Θεодора, еще при жизни Теофила тайно почитав-

¹⁾ И донинѣ въ ватопедскомъ аѳонскомъ монастырѣ хранятся малыя иконы, такъ называемыя *ирушки царицы Θεодоры*, которымъ она поклонялась втайнѣ отъ своего иконоборнаго супруга. *Путеводитель по св. горѣ аѳонской*. Сп. 1867. стр. 46. Объ этихъ иконахъ см. у Зонары (*Parisii* 1687. III, 144).

пая св. иконы, и подвергавшаяся постоянной опасности подпасть под тяжкій гнѣвъ своего раздражительнаго супруга, разумѣется послѣ его смерти могла свободно обнаружить свои набожныя наклонности. Высшіе сановники имперіи логоуеть Θεоктистъ, магистръ Мануиль и братъ царицы Варда, — вѣроятно убѣдившись въ безнадежности иконоборныхъ стремлений, — также высказались въ пользу возстановленія иконопочитанія. Главный представитель иконоборства патріархъ Іоаннъ грамматикъ былъ отставленъ и посланъ въ заточеніе. Патріаршую кафедру занялъ св. Меодій, ученый монахъ, родомъ сицилиецъ, страдавшій при Θεофилѣ за иконопочитаніе. Монахи, загнанные при Θεофилѣ въ пустыни, снова во множествѣ явились въ столицу. Повидѣмому все готово было для торжественнаго провозглашенія возстановленія иконопочитанія. Но нѣкоторая задержка встрѣтилась со стороны самой царицы. Имп. Θεодора была нѣсколько въ иномъ положеніи, чѣмъ имп. Ирина. Ирина ничего не имѣла противъ анаѳематствованія своего свекра Константина V, да не могла горячо вступаться и за своего мужа Льва IV, съ которымъ была въ открытомъ разрывѣ. По политическимъ соображеніямъ анаѳематствованіе представителей исаврійской династіи могло быть только выгодно для имп. Ирины. Напротивъ того, имп. Θεодора вовсе не имѣла никакихъ побужденій допускать, чтобы ея мужъ подвергся церковной анаѳемѣ. Какъ женщина набожная и вмѣстѣ съ тѣмъ преданная покойному мужу, Θεодора искренно заботилась о его заgrabной участи. Практическій тактъ, который обыкновенно обнаруживала имп. Θεодора при устройствѣ своихъ экономическихъ дѣлъ, подсказалъ ей, что теперь самое удобное время исходатайствовать у іерарховъ прощеніе и разрѣшеніе Θεофилу, тѣмъ болѣе что не прошло еще 40 дней послѣ его смерти. Посему императрица обратилась къ патріарху Меодію и окружавшему его собору духовныхъ лицъ, какъ къ имѣющимъ власть вязать и рѣшить, съ просьбою открыть покойному царю доступъ въ царство небесное. — Царица просила этого, какъ личнаго для нея одолженія за все, что она сдѣлала и хотѣла еще сдѣлать для церкви. — „Если же,“ — пригрозила Θεодора, „моя просьба не будетъ исполнена, то и вы не дождетесь ни моей поддержки, ни торжества иконопочитанія, ни возстановленія правъ церкви.“ Предложеніе императрицы неблагопріятно принято было духовнымъ соборомъ. Нѣкоторые отцы питали личное раздраженіе противъ покойнаго Θεофила; другіе — быть можетъ — полагали, что торже-

ство православія будетъ неполно безъ анаематствованія иконоборнаго царя; наконецъ всѣ опасались допустить превышеніе власти. Отцы собора объяснили, что они имѣютъ право разрѣшать живыхъ, а умершихъ только въ томъ случаѣ, если они умерли въ покаяніи и добромъ исповѣданіи; на великихъ же и нераскаянныхъ грѣшниковъ послѣ ихъ смерти разрѣшеніе простирается. Императрица, желая придти къ соглашенію съ духовенствомъ, объяснила, что покойный государь предъ смертію обнаружилъ признаки раскаянія и прикладывался къ св. иконамъ. Хотя заявленіе имп. Θεодоры не соответствовало всему характеру и поведенію Θεофила, тѣмъ не менѣе отцы собора, не входя въ дальнѣйшее разбирательство дѣла, порѣшили дать разрѣшеніе покойному царю, и по просьбѣ императрицы выдали ей письменное о семъ удостовѣреніе. ¹⁾

Въ первое воскресеніе великаго поста, которое въ 842 году приходилось 19 февраля, состоялось *торжество православія*, которое въ современной анонимной хроникѣ описывается такъ: „Предложила царица святѣйшему патриарху Меодію оповѣстить и собрать всѣхъ православныхъ митрополитовъ, архіепископовъ, игуменовъ, клириковъ и мірянъ, дабы пришли въ великую церковь Божию съ честными крестами и св. иконами въ первое воскресеніе св. поста. И когда воспослѣдовало такъ, и безчисленное множество народа собралось въ великой Божіей церкви,—приходить и самъ царь Михаилъ со святою и православною матерію своею и со всѣмъ синклитомъ,—и каждый неся по царской свѣчѣ. И соединившись со святѣйшимъ патриархомъ и совмѣстно молебнo воздвигшись отъ олтаря со св. иконами и честнымъ крестомъ и св. евангеліемъ пошли съ литією до вратъ дворца, такъ называемыхъ *ктенаріевыхъ*. И послѣ протяженной молитвы и сокрушеннаго, многоплачевнаго и умилепнаго взыванія *Κύριε ἐλέησον*,—возвратились во св. храмъ для совершенія божественной таинственной литургіи съ великою ра-

¹⁾ Впослѣдствіи (и быть можетъ очень скоро) сложилась легендарная повѣсть о *запробномъ прощеніи Θεофила*. Въ этой повѣсти излагаются слѣдующія знаменія прощенія Θεофила: а) сонъ царицы Θεодоры, сначала страшный, потомъ успокоительный, б) явленіе ангела патриарху в) чудесное изглаженіе имени Θεофила изъ патриаршаго списка еретиковъ г) гласъ свыше во время литургіи: *молитвъ ради святитель моихъ прощеніе Θεофилу даю*.

достію и торжествомъ. И такимъ образомъ возстановлены святыя и честныя иконы для почитанія и поклоненія во храмъ Божіемъ. Благочестивые же самодержцы со всечестнымъ и святѣйшимъ патриархомъ Меѳодіемъ и сущими при немъ тогда митрополитами и преподобными подвижниками постановили: ежегодно въ первое воскресеніе св. поста праздновать торжественно въ великой Божіей церкви сей святой и честной праздникъ,—который празднуется и доннѣ.¹⁾

Радовалась благочестивая царица; радовались православные клирики и монахи; радовались набожные міряне. Но никакая радость челоуѣческая не бываетъ продолжительна и печали непричастна. Такъ было и въ настоящемъ случаѣ. Уже въ самый день 19 февраля 842 г. случилось одно происшествіе, смутившее радость царицы. Послѣ церковнаго торжества высшее духовенство приглашено было въ царскія палаты на роскошный обѣдъ, устроенный императрицею. Въ числѣ трапезующихъ былъ и Теофанъ *начертанный* (см. стр. 494), уже возведенный въ санъ митрополита никейскаго. Императрица, относясь къ нему съ особенною любезностію, выразила сожалѣніе о тѣхъ страданіяхъ, какимъ онъ подвергся за иконопочитаніе. Отвѣтъ Теофана звучалъ не въ тонъ съ общимъ свѣтлымъ настроеніемъ дня. *За эти письма буду я судиться съ твоимъ мужемъ и царемъ предъ нелицеприятнымъ судилищемъ Божіимъ*, сказалъ Теофанъ. Императрица, которая сдѣлала все, что могла, для того, чтобы ублаготворить духовенство, была поражена этимъ отвѣтомъ. Она смутилась, заплакала, и, вставъ изъ-за стола сказала: *что же значитъ данное вамъ разрѣшеніе, если царь не только не считается прощеннымъ, но и позывается и привлекается къ истязанію на судъ Божіемъ?..* Патр. Меѳодій, сознавая неумѣстность и вредъ отвѣта Теофанова, спѣшилъ успокоить императрицу, — и дальнѣйшихъ послѣдствій это недоразумѣніе не имѣло.

¹⁾ Впослѣдствіи — и кажется довольно скоро — (вѣроятно въ царствованіе Михаила III) праздникъ этотъ принялъ болѣе общій характеръ *торжества православія* надъ всѣми ересями, — и въ такомъ видѣ совершается ежегодно и въ русской церкви при архіерейскомъ служеніи въ каедральныхъ храмахъ съ возглашеніемъ многократной *анаемы* всѣмъ, такъ или иначе уклоняющимся отъ догматовъ и законоположеній православной церкви.

Но вообще нельзя сказать, чтобы православные умѣренно воспользовались своимъ торжествомъ. Совершенно естественно, что иконоборные епископы были отставлены и кафедры ихъ отданы ревнителямъ православія, и наиболѣе монахамъ; понятно вмѣстѣ съ тѣмъ, что при большомъ количествѣ новыхъ архіереевъ, не всѣ они могли отличаться умственною и нравственною высотою. Менѣе умѣстно и одобрительно стремленіе оказать возмездіе низверженнымъ противникамъ. Жертвою этого стремленія былъ отставленный патріархъ Іоаннъ Грамматикъ. Монахи обвиняли бывшаго патріарха въ томъ, якобы онъ выкололъ глаза у нѣкоего иконнаго изображенія, и требовали, чтобы онъ самъ былъ ослѣпленъ. Императрица смягчила казнь и Іоаннъ Грамматикъ былъ наказанъ 200 ударовъ бича. „Двѣсти ударовъ умнѣйшему и честнѣйшему человѣку того вѣка!“ восклицаетъ историкъ Папарригопуло (III, 785) „таковъ былъ первый плодъ вмѣшательства монашескаго сословія въ дѣла правленія!“ Еще болѣе достойно сожалѣнія кровавое гоненіе, воздвигнутое на павликіанъ, во время котораго истреблено было разными родами смерти до 100,000 сихъ еретиковъ.

Правленіе Θεодоры, напоминавшее своимъ клерикальнымъ характеромъ правленіе имп. Ирины, продолжалось 14 лѣтъ. Въ мартѣ 856 г. сынъ Θεодоры 16-лѣтній Михаилъ началъ властвовать единодержавно, а мать съ сестрами заключилъ въ монастырь. Михаилъ III былъ государь легкомысленный, пьянствующій и кощунствующій, любившій съ своимъ шутовскимъ патріархомъ и шутовскимъ духовнымъ соборомъ пародировать церковные обряды,—но онъ не былъ иконоборецъ. Могучая волна времени приносила новыя крупныя событія первостепенной важности: совершилось церковное отпаденіе Рима отъ Византіи; въ составъ христіанскаго міра вошли новыя славянскія народности;—а иконоборство отошло уже въ область исторіи. Михаилъ III былъ послѣднимъ и притомъ недолговѣчнымъ представителемъ амморейской династіи. Въ 867 г. 23 сент. онъ былъ убитъ по приязнанію своего соправителя Василя македонянина, основателя такъ называемой македонской династіи.

Представляемъ въ заключеніе генеалогію трехъ короткихъ династій, царствовавшихъ во 2-ю половину иконоборнаго періода.

Династія Никифора Геника.

Никифоръ Геникъ императоръ съ 1 ноябр. 802, убитъ болгарами 25 іюля 811 г.

Дѣти Никифора:

Сынъ *Ставракій*, женатъ на Теофаніи, императоръ съ 26 іюня 811 г., умеръ въ монастырѣ 2 октября того же года.

Дочь Прокопія, въ замужествѣ за *Михиломъ I* Рангаве, который былъ императоромъ со 2 окт. 811 по 24 іюля 813 г., потомъ монахомъ съ именемъ Аванасія, ум. 845 г.

Дѣти Михаила I и Прокопія:

Θеофилакть и Никита, въ монашествѣ Игнатій, патриархъ съ мая 846 г. + 878 г.

Династія Льва V армянина.

Левъ V имп. съ 10 іюля 813 + 25 дек. 820, женатъ на Маріи, дочери патриція Арсавира.

Сыновья Льва V и Маріи:

Савватій, Василій, Григорій, и Θεодосій. (Два изъ нихъ были кандидатами на патриаршество въ 846 г.)

Амморейская династія.

Михаилъ II Травль императоръ съ 25 дек. 820 г. + 1 окт. 829.

Женатъ вторымъ бракомъ на Ефросиніи, дочери Константина VI.

Сынъ Михаила II отъ 1-го брака *Θеофилъ* императоръ съ 1 окт. 829 + 20 янв. 842.

Жена Θεофила имп. Осодора, самодержица съ 21 янв. 842 г. по мартъ 856 г.

Дочери Θεофила: Θескла, Анна, Анастасія, Марія и Пулхерія.

Сынъ Θεофила и Θεодоры *Михаилъ III*, императоръ съ 21 янв. 842 г., самодержецъ съ марта 856 г., женатъ на Евдокии Ингеринѣ, убитъ 23 сент. 867 г.

ЧТЕНИЕ ПЯТНАДЦАТОЕ.

Внутренняя история церкви въ периодъ иконоборства.

Время иконоборства принадлежит къ числу замѣчательнѣйшихъ, такъ называемыхъ *переходныхъ* эпохъ въ исторіи человѣчества, когда старое міросозерцаніе расшатывается и закладываются основанія для новаго. Не часто бывають такія эпохи и не дешево обходятся они современникамъ. Такова была эпоха возникновенія христіанства; такова была эпоха реформаціи XVI в. Въ нашей русской исторіи такова была эпоха петровской реформы, и такова—быть можетъ—та эпоха, которую мы переживаемъ въ настоящее время. Уже одно сопоставленіе времени иконоборства съ величайшими критическими моментами въ исторіи заставляетъ насъ обратить на эту эпоху особенное вниманіе и вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ намъ ключъ къ уразумѣнію ея. Въ такія переходныя эпохи общество не живетъ цѣльною и однородною жизнію; являются обыкновенно три фракціи, которыя въ наше время именуются *либералами*, *консерваторами* и *радикалами*; а въ другія эпохи назывались иначе: при Спасителѣ—*саддукеями*, *фарисеями* и *ессеями*; въ эпоху реформаціи *протестантами*, *ультра-папистами* и *піэтистами*. Вообще люди свободы и разсудка, люди авторитета и преданія, и наконецъ люди свободы и сердца выдѣлялись въ такія эпохи въ три различныя и даже враждебныя между собою лагеря. Сообразно такому дѣленію мы и въ періодъ иконоборства различаемъ и будемъ разсматривать три фракціи: 1) новаторовъ—иконоборцевъ, 2) консерваторовъ—ортодоксовъ и 3) антицерковныхъ піэтистовъ—павликіанъ. Анализъ этихъ трехъ фракцій, думается намъ, введетъ насъ во внутреннюю исторію временъ иконоборства.

Г) Новаторы—иконоворцы. Уцѣлѣвшіе остатки иконоворческой литературы. Догматика и церковная политика иконоворцевъ. Отношеніе иконоворцевъ къ наукѣ и къ искусству.

Выше (въ 12 чтеніи) мы охарактеризовали то печальное, проницанное суевѣріемъ и ханжествомъ, состояніе византійской церковной жизни, которое обусловливало собою появленіе иконоворцевъ. Такъ какъ иконоворцы были новаторами, давшими свое имя и характеристику настоящему періоду, то объ нихъ и будетъ наше первое слово. Къ сожалѣнію мы почти лишены возможности судить иконоворцевъ *отъ* ихъ собственныхъ *словесъ*, на основаніи ихъ собственныхъ литературныхъ произведеній. Дѣло въ томъ, что эти произведенія,—какъ сказано выше (стр. 428)—почти цѣликомъ были истреблены торжествующими иконопочтателями. Уцѣлѣли только скудные отрывки, и въ интересахъ науки мы должны предъявить по крайней мѣрѣ эти отрывки.

Такъ какъ иконоворцы исходнымъ пунктомъ для своей реформы полагали суевѣріе и ханжество православныхъ, то на первомъ мѣстѣ мы должны поставить приводимую въ исторіи Папарригопуло (III, 702—706), весьма ѣдкую и злую сатиру, изложенную въ формѣ стихотворнаго письма нѣкоего царскаго чиновника Христофора къ монаху Андрею и направленную противъ почитателей и собирателей мощей. Такъ какъ эта сатира вовсе не представляетъ собою материала для назидательнаго чтенія, то мы оставляемъ ее безъ перевода.

Πολλοὶ λέγουσιν, (εἰ δ' ἀληθεῖς οἱ λόγοι,
 Οὐκ εἶδα) πλὴν λέγουσι καὶ πείθουσί με,
 Ὡς σφόδρα χαίρετε, ὦ μοναστὰ καὶ πάτερ,
 Εἴ τις σε σεπτοῖς δεξιούται λειψάνοις
 Ἀνδρῶν μαρτύρων ἢ σεβαστῶν μαρτύρων,
 Θήκας δὲ πολλὰς λειψάνων θεῶν ἔχεις,
 Ἄς ἐξαιούγων τοῖς φίλοις σου δεικνύεις
 Τοῦ Προκοπίου μάρτυρος χεῖρας δέκα,
 Θεοδώρου δὲ πέντε καὶ δέκα γνάθους,
 Καὶ Νέστορος μὲν ἄχρι τῶν ὀκτῶ πόδας,
 Γεωργίου δὲ τέσσαρας κάρας ἅμα,
 Καὶ πέντε μαστούς Βαρβάρας ἀθληφόρου
 Καὶ νῦν μὲν ἕστα δώδεκα βραχιόνων

Τοῦ καλλινίκου μάρτυρος Δημητρίου,
 Νῦν δ' αὖ καλάμους εἴκοσι σκελῶν ἔλων
 Τοῦ Παντελεήμονος (ὡ τῆς πληθύος!).
 Λέγεις δὲ πίστει ταῦτα πάντα λαμβάνειν,
 Οὐκ ἀμφιδάλλων, οὐκ ἀπιστῶν οὐδ' ἔλωες,
 Αἰῶ τε πολλὴν τοῖς κιβωτοῖς νέμεις,
 Καὶ προσκυνεῖς ὡς ὄντα Χριστοῦ μαρτύρων.
 Βαβαὶ ζεούσης πίστεως σῆς Ἀνδρέα,
 Ἦτις σέ πείθει τοὺς μὲν ἀθλητάς, Ἰδώρας,
 Τὰς μάρτυράς δε, θήρας οἴεσθαι κύνας,
 Τοὺς μὲν κεφαλὰς μυρίας κεκτημένους
 Τὰς δ' αὖ γε μαστῶν πληθός, ὥσπερ οἱ κύνας!
 Ἐκ πίστεως σῆς καὶ πρὸς ἰχθύν ἐτρέπη
 Νέστωρ ὁ μάρτυς, ἐκτάπους δεδειγμένος.
 Καὶ Προκόπιον πίστις ἡ σὴ δεικνύει
 Βριάρεων κομῶντα χειρῶν πληθύϊ!
 Λέγεις ὁ σεμνὸς καὶ Θεόκλας τῆς πρωτάθλου
 Ὀδόνας ἐξήκοντα (φεῦ πλάνης!) ἔχειν,
 Καὶ τοῦ μεγίστου Προδρόμου λευκὰς τρίγας.
 Αὐχεῖς δὲ καὶ σὺ πάσας ὡς νῦν ἐπρίω
 Ἐκ τῶν γενεῶν τῶν σφαγέντων νηπίων
 Ἐν Βηθλεὲμ, πρὶν τῆς Ἰουδαίας πόλει.
 Φάσκεῖς δὲ τιμᾶν ταῦτα, πιστοῖς, ὡς νόμος.
 Ὡ πίστις ἔρθῃ, πίστις ἠνθρακωμένη,
 Ἦ τοὺς πατέρους οὐκ ἀπαρνείται νόμους,
 Τῶν Μακκαδαίων τὸ ζέον μιμουμένη!
 Ὡ πίστις μῶμον οὐκ ἔχουσα οὐδένα,
 Τάξεις ἀνατρέπουσα καὶ φύσεις μόνον,
 Νῦν μὲν γυναῖκα δεικνύουσα πρεσβύτιν,
 Ἰλὴν ὀδόντων σχοῦσαν ἐξήκοντάδα,
 Νῦν δ' αὖγε λευκαίνουσα τὴν κόμην νέω,
 Καὶ νηπίοις διδοῦσα πωγίωνων πλάτη!
 Καὶ ταῦτα πιστῶς ὡς ἀληθῆ προσδέχῃ,
 Καὶ χρημάτων νέμεσιν ἡδέως ἔχη.
 Οὐκ ἂν γέ τοι λείψῃ σε πληθὸς λειψάνων
 Ἔσται γὰρ ἔσται λειψάνων ἔτι πρᾶσις,
 Ἔως ἂν ἠχῆσειε σάλπιγξ ἐσχάτη
 Ἐνοῦσα ταῦτα καὶ συναθροίζουσα πῶς,
 Ἀφθαρτον εἰς σύμπηξιν ἄλλης οὐσίας.
 Σφίγγουσα τὰ πρὶν ἐσκορπισμένα,

Πνοήν διδοῦσα πᾶσιν ἐκπεπνευκόσιν,
 Καὶ πάντας εἰς τὸ βῆμα συγκαλουμένη,
 Τὸ φοβικτὸν ἔντως βῆμα καὶ φοβούμενον,
 Ἐν ᾧπερ αὐτὸς πράξεως οὐκ ἐνθέου
 Ὅρθως ὑπόσχη ἀξίαν τιμωρίαν,
 Ἄνθ' ὧν παρηνέμησας οὕτως ἀφρόνως,
 Ὅστα βεβήλων ὅα σεπτῶν μαρτύρων
 ὀνούμενός τε καὶ κατακλείων πίθῳ.
 Τί καὶ τοσοῦτον ἐκκενοῖς οὖν χρυσίον;
 Ἐξεσσι καὶ γὰρ δωρεὰν σὲ λαμβάνειν,
 Πρὸς τοὺς τάφους τρέχοντα τοὺς ἐν τῇ πόλει·
 Εἶ περ σὺ μισθὸν οὐ κομιζέσθαι λέγεις
 Ὃν ὅστα προῖκα λαμβάνεις ἐκ μνημάτων,
 Ἴθι πρὸς ἐξώνησιν, ἡδέως ἴθι·
 Ἐῶν κενώσεις ἅπαν τὸ σὸν χρυσίον,
 Ἦ τούτους τάφους ἅπαντας οἱ νεκροπράται.
 Ἐγώ γε τοίνυν ταῦτα θαυμάζω ἐγνων
 Πῶς οὐκ ἀπιστεῖς τοῖς πράταις τῶν ἐστέων,
 Τούναντίον δὲ καὶ προσηνώς προσδέχη
 Ἄπαντας αὐτοὺς καὶ μεθ' ἡδονῆς ἔσης!
 Ἦκουσα δ' αὐτὸς πρὸς τίνος τῶν σῶν φίλων
 Ὡς γνοὺς πλάνος τις πίστεως σῆς τὸ ζέον,
 Ὅστοῦν προβάτου μηριαῖον λαμβάνει,
 Ἄπαν δὲ κύκλῳ βάματι χρίσας κρόκου
 Καὶ θυμιάσας καὶ περιστείλας ἄμα,
 Πρόσεισιν εὐθύς καὶ δίδωσι σοι λέγων·
 «Ὅστοῦν ὑπάρχει τοῦτο μάρτυρος Προβού,
 (Τὸ δ' ἦν προβάτου μάλλον, ἀλλ' οὐχὶ Προβού)
 Δεῖ τοιγαροῦν σοι χρυσίνων δέκα.»
 Λαβεῖν τι χρῆμα θεῖον ᾧ ἠθης, πάτερ,
 Ἐκ πίστεως καὶ τοῦτο ποιήσας τάχα.
 Πολλὴ γὰρ ἐστὶ πίστις ἡ σὴ καὶ λίαν,
 Καὶ μὴν δυνηθῆ καὶ μεθιστᾶν τὴν κρίσιν·
 Ὅπου γὰρ μικρὰ πίστις ἀκραιφνεστάτη,
 Ὡς κόκκος εἰς νάπυος, ὁ Χριστὸς λέγει,
 Ὅρη μεθιστᾶν εὐκολώτερον σθένει.
 Πλὴν ἀλλ' ἐπεὶ σε πιστὸν ἔγνων εἰς ἄκρον
 Οὐκ ἀμφιβᾶλλειν, οὐδὲ διστάζειν ἔλωσ
 Πρὸς τὰς δόσεις θέλοντα τὰς τῶν λειψάνων,
 Παρέξομαί σοι προῖκα χρῆμά τι ξένον,

Ἐνόχ τὸν ἀντίχειρα τοῦ τριζολλίου,
 Καὶ γλουτὸν αὐτὸν Ἥλιου τοῦ Θεοβίτου.
 Βούλει, παράσχω λειψάνοις τούτοις ἅμα
 Καὶ δάκτυλόν σοι Μιχαὴλ ἀρχαγγέλου;
 Ἔσται· παράσχω τοῦτον ἐκ Χώων ἔχων.
 Μόνον σὺ μοι πίστευε ταῦτα λαμβάνων,
 Ὡς εἰσὶ τούτων ὧν ἐγὼ, διδούς, λέγω.
 Δώσω σὺν αὐτοῖς καὶ βραχὺ, πάτερ, μέρος
 Τοῦ Γαβριὴλ σοι τοῦ μεγίστου τῶν νῶν·
 Ἐν Ναζαρέτ γὰρ κατελθὼν πρὶν τῆ πόλει.
 Πτεροῦρῆσας ἐξανέπτυ, πρὸς πόλον·
 ἤχθησαν οὖν ἐκείθεν ὧδε τὰ πτίλα·
 Ἐγὼ δὲ ταῦτα πάντα ἔχων ἐσχάτως
 Καὶ σοι παράσχω, πιστὲ λειψάνων φίλε!
 Ἄλλ' οὐκ ἐκείνων φείσομαι τῶν κρείττωνων,
 Οὕτω σὲ πιστεύοντα πρὸς ταῦτα βλέπων,
 Τὸν ἡδὺν ἔντως ἐν μοναστοῖς Ἀνδρέαν,
 Δώσω δέ σοι κάκεινα σὺν προθυμίᾳ.
 Ἐνὸς χερουβὶμ τριῶν διμιάτων κόρας,
 Καὶ τῆς φλογίνης χεῖρα ῥομφαίαν μίαν,
 Ἦν ἐξανάψας ἐν μέσῳ τῶν λειψάνων
 Ἄλλου παρ' αὐτὴν οὐ δεηθήσῃ λύχνου·
 Φλόξ οὕσα, καὶ γὰρ οἶδε καὶ φῶς ἐκφέρειν,
 Καὶ πάντα νικᾷ φῶτα λαμπρῶν ἀστέρων·
 Ἐξείς ἐκείνην τοιγαροῦν σὺ καὶ λύχνον
 Καὶ λείψανον ἀλλιστον ὑπὲρ ἄλλοτι.
 Καὶ πάντα ταῦτα προῖκα καὶ χωρὶς πόνου
 Λοιπαῖς συνάξας σὺν ἀπίροις λειψάνοις,
 Θήσεις με πρῶτον τοῦ χοροῦ τῶν σῶν φίλων,
 Εὐεργέτην καλῶν πάντα τὸν χρόνον.
 Οὕτω γὰρ ἔστιν, ὥσπερ οἶμαι, καὶ πρέπον.
 Ἀπογραφεὺς σοι ταῦτα τῶν βασιλέων,
 Ὁ Χριστοφόρος, ὃν καὶ γινώσκεις ἔχεις,
 Ἀγχοῦ μὲν οἰκῶν τοῦ νεῶ Προτασίου,
 Ἄμφ' αὐτὸ φημὶ τὸ στρατήγιον, πάτερ,
 Ποθῶν δὲ καὶ γινώριμον σχεῖν καὶ φίλον,
 Ὡς ἂν γελῶν ἡδέως καθ' ἡμέραν,
 Τῶν θλίψεων εὐρών σε φάρμακον μέγα.

На ряду съ этою сатирою мы можемъ поставить выдержки изъ
 письма имп. Михаила II Травла къ западному императору Людовику

Благочестивому отъ 10 апр. 824 г., гдѣ между прочимъ разсказывается слѣдующее о суетвѣрныхъ обычаяхъ иконопочитателей. „Прежде всего они изгнали изъ храмовъ святой крестъ и вмѣсто него повѣсили иконы съ лампадами; предъ иконами они воскуряютъ ѳиміамъ и оказываютъ имъ такую же честь, какъ и священному знаменію, на которомъ пострадалъ Христосъ. Они поютъ предъ ними псалмы, покланяются имъ и отъ самыхъ иконъ ожидаютъ себѣ помощи. Многіе обвѣшиваютъ ихъ льняными пеленами и выбираютъ ихъ въ воспріемники при крещеніи дѣтей. Постригающіеся въ монахи отложили прежній обычай вручать свои волосы присутствующимъ при постриженіи почтеннымъ лицамъ, а кладутъ волосы къ образамъ. Нѣкоторые пресвитеры и клирики, соскабливая краску съ образовъ, смѣшивали ее съ профорами и виномъ и раздавали послѣ причастія. Иные предлагали евхаристію иконописнымъ святымъ, воображая ихъ причастниками. Иные совершали богослуженіе не въ храмахъ, а въ частныхъ домахъ, пользуясь иконами, какъ алтарною трапезою. Это и многое подобное совершается, что ученые и мудрые мужи признали недозволеннымъ и неумѣстнымъ.“¹⁾

По всей вѣроятности въ иконоборческой литературѣ существовали памфлеты противъ монашества, обличавшіе праздную и бесполезную для государства жизнь иноковъ, но такіе памфлеты не дошли до нашего времени.

Сходные между собою въ признаніи недостатковъ существующаго общественнаго строя, и въ борьбѣ противъ господствующей суетвѣрной набожности, византійскіе либералы расходились между собою въ размѣрахъ своего отрицанія. Крайніе либералы высказывались даже противъ всякаго почитанія Богоматери и св. угодниковъ Божіихъ. Такъ объ имп. Константинѣ V хроникеръ повѣствуетъ слѣдующее. „Царь дошелъ до такого безумія и бѣшенства, что всенародно предписалъ не называть святымъ никого изъ угодниковъ Божіихъ, мощи ихъ обрѣтаемыя оплевать, предстательства ихъ не требовать, ибо-де они ничего не могутъ. Въ добавокъ къ этому всескверный нечестивецъ заповѣдалъ,—да не призываетъ никто предстательства Маріи, ибо-де она ничего не можетъ,—и запрещалъ именовать ее Богородицею. Держа въ рукѣ кошелекъ, полный золота, и показывая всѣмъ, царь спрашивалъ: *чего стоитъ кошелекъ?* Отвѣчали: „дорого

¹⁾ Hefele Conciliengeschichte V, 37—38.

стоять.“ Вытряхнувъ золото, спрашивалъ опять: *чего стоитъ кошелекъ?* Отвѣчали: „ничего не стоитъ.“ *Такъ и Марія*,—сказалъ царь (обязанный даже не удостоивалъ ее имени Богоматери),—*пока имѣла Христа въ себѣ, была многочестна; а коль скоро родила Христа, ничѣмъ не отличается отъ прочихъ женъ.* Отъ такого хуленія пощади насъ, Господи!“ Другіе изъ византійскихъ либераловъ ограничивались отрицаніемъ иконопочитанія. Таковы были отцы иконоборнаго собора, бывшаго при Константинѣ V въ 754 г., рѣшительно высказавшіеся противъ иконъ, но настаивавшіе на почитаніи Богоматери и угодниковъ Божіихъ. Въ числѣ аргументовъ, высказанныхъ отцами иконоборнаго собора противъ иконъ, есть одинъ, довольно замѣчательный и въ свое время недостаточно оцѣненный. „Готовясь предать себя приснопамятной и животворящей смерти,“—говорится въ соборныхъ актахъ,—„Христосъ взялъ хлѣбъ, благословилъ, произнесъ благодареніе, преломилъ и отдавая его сказалъ: *примите, ядите, сіе есть тѣло Моє.* Такимъ же образомъ отдавая чашу Онъ сказалъ: *сіа есть кровь Моя. Сіе творите въ Моє воспоминаніе.* Изъ всего находящагося подъ небомъ не упомянуто другаго вида или образа, который могъ бы изображать воплощеніе Его. Итакъ вотъ что служитъ иконою животворящей плоти Его!“ Отцы иконоборнаго собора какъ бы говорили такимъ образомъ: „если мы вѣруемъ, что имѣемъ въ таинствѣ евхаристіи Самаго Христа и приобщаемся истинно Его животворящей плоти и крови,—то какая же намъ надобность въ столь блѣдномъ образѣ Его, каковой дается живописью на иконѣ? Никто, имѣя въ рукахъ неизмѣримо лучшее, не нуждается въ худшемъ.“—Тотъ же аргументъ, и еще съ болѣею силою, могъ бы быть направленъ и противъ мощей и другихъ священныхъ реликвій. „Если мы,“—могли бы сказать отцы иконоборнаго собора,—„имѣемъ въ евхаристіи самаго Спасителя, то къ чему же намъ искать и собирать сомнительныя реликвіи сомнительной святости? Никто, обладая безцѣннымъ и нестоющимъ сокровищемъ, не протянетъ руки за копѣйкою.“ Впрочемъ отцы иконоборнаго собора не развили этого аргумента во всей силѣ, а отцы VII всел. собора естественно не имѣли надобности дѣлать этого.

Были наконецъ между византійскими либералами и настолько умѣренныя люди, что соглашались оставить неприкосновенными иконы, но придавали имъ значеніе исключительно для простаго неграмотнаго народа. Св. Феодоръ Студитъ въ одномъ изъ своихъ писемъ (II, 171)

приводить слѣдующую выдержку изъ сочиненій одного подобнаго либерала: „неизреченное и непостижимое челоѣколюбіе Божіе къ намъ и священные подвиги святыхъ мы представляемъ прославленными въ свящ. письменахъ, не услаждаясь съ своей стороны никакимъ изображеніемъ или живописью; но позволяемъ простѣйшимъ, какъ несовершеннѣйшимъ, поучаться тому посредствомъ естественнаго ихъ руководства и свойственнаго имъ созерцанія.“ Хотя св. Феодоръ Студитъ и опровергаетъ такое размышленіе, но очевидно оно не особенно далеко отъ ученія православной церкви.

Только въ одномъ пунктѣ церковно-дисциплинарнаго характера сошлись между собою всѣ либералы и иконоборцы всѣхъ степеней и оттѣнковъ, именно: въ признаніи необходимости подчинить клириковъ и особенно монаховъ—правительству, сдѣлать церковь служебною силою въ государствѣ. Смѣлое, вызывающее поведеніе иноковъ—особенно Феодора Студита—ставило такъ сказать ребромъ вопросъ объ отношеніяхъ духовенства къ правительству,—такъ что во вторую половину иконоборнаго періода объ иконахъ спорили болѣе по старой памяти; существенный же интересъ вращался около вопроса: монахамъ или воинамъ стоять у кормила правленія, превратится ли церковь въ казенное оффиціальное учрежденіе или государству быть управляему въ клерикальномъ духѣ? Либералы, какъ духовные, такъ и свѣтскіе рѣшительно стояли на сторонѣ государства, и даже успѣли канонизовать свое мнѣніе на соборѣ 809 г., на коемъ постановлено будто бы, что *царь стоитъ выше церковныхъ опредѣленій*. Впрочемъ акты этого собора не дошли до насъ.—Можно сказать вообще, что вопросъ о взаимномъ отношеніи двухъ властей—духовной и свѣтской—и составлялъ собою движущій нервъ византійской исторіи въ теченіе всего иконоборнаго періода. Вопросъ такъ и остался такъ открытымъ на будущее время, хотя благочестивая Феодора значительно склонила его рѣшеніе въ пользу духовенства.—Современный греческій историкъ Папарригопуло весьма огорчается неудачею византійскихъ либераловъ VIII и IX в. По мнѣнію историка побѣда государственной власти надъ церковною—обеспечила бы Византіи долгое и счастливое будущее, и сдѣлала бы ее неприступною для вѣшнихъ враговъ, латинянъ, турокъ и т. д. Можетъ быть и такъ. Но мы, русскіе, пережившіе реформу Петра великаго съ ея послѣдствіями, знаемъ, что и превращеніе церкви въ *вѣдомство православнаго исповѣданія* имѣетъ тоже нѣкоторыя неудобства.

Догматическія заблужденія иконоборцевъ осуждены на VII вселенскомъ соборѣ. Но кромѣ того надъ ними тяготѣютъ еще нѣкоторыя обвиненія, подлежащія разсмотрѣнію исторіи. Иконоборцевъ обвиняли въ невѣжествѣ и даже во враждѣ къ наукѣ. Рассказывалось о необразованности и почти безграмотности нѣкоторыхъ иконоборныхъ императоровъ (Льва III, Михаила II) и патріарховъ (Нивиты, Θεодота); сообщались легенды о томъ, якобы Левъ III сжегъ публичную бібліотеку и вселенскаго учителя съ его сотрудниками и т. д. *Нптѣ у нечестивыхъ силы слова*, говоритъ св. Θεодоръ Студитъ съ сознаниемъ собственнаго превосходства. Всѣ эти заявленія идутъ изъ того лагеря, который не отличался особенною любовью къ наукѣ, и напротивъ того готовъ былъ видѣть въ любви къ научнымъ занятіямъ гордость разума. Но согласимся, что не все, говоренное о невѣжествѣ иконоборцевъ, было несправедливо. Согласимся, что бывали между иконоборцами люди необразованные, особенно изъ тѣхъ, которые всю жизнь провели на военной службѣ. Согласимся, что въ то время, когда Левъ III закрылъ духовныя школы и не открылъ свѣтскихъ, наступилъ въ исторіи византійскаго образованія печальный пробѣлъ. Но образованіе не исчерпывается школьною эрудиціею. Духъ изслѣдованія, любовь къ знанію и методъ болѣе значатъ въ наукѣ, чѣмъ сумма наличныхъ знаній. И въ этомъ отношеніи нельзя не отдать преимущества иконоборцамъ предъ ихъ противниками. Благодаря относительно болѣе свободѣ и широтѣ изслѣдованія, во второй половинѣ иконоборнаго періода процвѣли науки (см. выше стр. 446), и научное движеніе было настолько сильно, что пережило иконоборный періодъ, продолжалось во все время македонской династіи, и не осталось безъ вліянія на умственную жизнь нашего отечества.

Обвиняли также иконоборцевъ въ гибельномъ вліяніи на искусство,—въ томъ, что они, запрещая иконописаніе, отнимали тѣмъ полѣдѣтельности у христіанскихъ художниковъ. Это обвиненіе слышится отъ ближайшихъ къ нашему времени изслѣдователей и повидимому имѣетъ въ себѣ болѣе основательности. Но только повидимому. Иконоборцы вовсе не были врагами искусства. ¹⁾ Обнажая храмы отъ икон-

¹⁾ Въ частности послѣдній иконоборный императоръ Θεофилъ былъ великій любитель художествъ.

ной живописи, они тѣмъ не менѣе приказывали расписывать ихъ ландшафтами и мірскими сценами въ родѣ тѣхъ, какія мы видимъ, поднимаясь на хоры кіево-софійскаго собора. Конечно и религиозные сюжеты не исключались изъ предметовъ иконоборческой живописи, но только съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы они трактовались не какъ иконы, а какъ картины. Это условіе разумѣется болѣе давало свободы художнику, чѣмъ иконопочитаніе, которое строго должно было держаться старыхъ подлинниковъ, какъ священныхъ и непрекаемыхъ образцевъ.

II) ПРАВОСЛАВНЫЕ ЗАЩИТНИКИ ИКОНОПОЧИТАНІЯ И МОНАШЕСТВА. ИХЪ ЦЕРКОВНЫЙ АВТОРИТЕТЪ. КРАЙНЕЕ НАПРАВЛЕНІЕ ИХЪ ЦЕРКОВНО-ПОЛИТИЧЕСКИХЪ УВѢЖДЕНІЙ. ОБЩЕЕ СУЖДЕНІЕ О НИХЪ.

О византійскихъ либералахъ—иконоборцахъ мы могли говорить съ полною свободою, по крайней мѣрѣ съ свободою порицанія. Въ свое время они были опозорены и анафематствованы и судъ потомства для нихъ не можетъ быть тяжелѣе, чѣмъ судъ современниковъ. Совсѣмъ иное отношеніе историка къ исповѣдникамъ иконопочитанія. Торжество православія было вмѣстѣ и ихъ торжествомъ. Наиболѣе знаменитые представители и исповѣдники иконопочитанія канонизованы и причислены къ лику святыхъ. Таковы: Германъ патр. цареградскій (память 12 мая), Тарасій патр. цареградскій (память 24 февр.), Никифоръ патр. цареградскій (іюня 2), Меѳодій патр. цареградскій (іюн. 14), преп. Іоаннъ дамаскинъ (—дек. 4) преп. Θεодоръ студитъ (ноябр. 11) и братъ его Іосифъ арх. солунскій (генв. 26), преподобная мученица Θεодосія (—мая 28), преподобномученикъ Андрей Каливитъ (окт. 17), Стефанъ савваитъ (окт. 28), Θεодоръ (дек. 28) и Θεοφάνъ (—март. 19), начертанные, —Лазарь иконописецъ (ноябр. 14), святая царица Ирина, (авг. 9), св. царица Θεодора (февр. 11).¹⁾ Дерз-

¹⁾ Вообще изъ канонизованныхъ святыхъ разсматриваемаго періода только Анфиса, дочь Константина V, (память апр. 12) Филаретъ милостивый (дек. 1), праведный Евдокимъ (іюл. 31) да еще 42 мученика, пострадавшіе въ Аммоіи отъ магометанъ, —(6 марта) не заявили себя нарочитою борьбою противъ иконоборства.

немъ ли мы развѣнчивать тѣхъ, кого увѣнчала православная церковь? Правда Папарригопуло допустилъ это по отношенію къ Θεодору Студиту и Θεофану начертанному, но чтó возможно для православнаго грека, не терпимо со стороны православнаго русскаго. Мы этого и не сдѣлаемъ. Преклоняемся предъ здравостію и убѣдительною сужденіемъ св. Іоанна Дамаскина, предъ пастырскою мудростію и снисходительностію отцевъ VII вселенскаго собора, предъ вротостію и сдержанностію патріарховъ Тарасія и Никифора, предъ мужествомъ защитниковъ иконопочитанія, потерпѣвшихъ ссылки, мученія и даже смерть. Но при всѣмъ благоговѣніи нашемъ къ защитникамъ православія осмѣливаемся утверждать, что была черта, переходъ за которую приводилъ нѣкоторыхъ защитниковъ православія къ крайностямъ и погрѣшностямъ въ церковно-политическихъ возрѣніяхъ. На этой чертѣ остановились св. Іоаннъ Дамаскинъ, патр. Тарасій и отцы VII всел. собора и св. патр. Никифоръ. Далѣе этой черты пошелъ Θεодоръ Студитъ и многіе другіе. Чтобы это утвержденіе не было голословнымъ, раскроемъ сочиненія св. Θεодора Студита, самаго способнаго и авторитетнаго изъ крайнихъ приверженцевъ православія, и приведемъ нѣсколько выдержекъ по вопросу объ иконопочитаніи, о монашествѣ и объ отношеніи гражданскаго правительства къ церкви.

Вопросъ о почитаніи иконъ очень ясно и обстоятельно разобранъ въ сочиненіяхъ св. Іоанна Дамаскина и въ опредѣленіяхъ VII всел. собора. Выяснено, что предметомъ иконописанія должны быть дѣйствительныя библейскія богоявленія и свящ. событія, а не фантастическіе образы; выяснено далѣе, что икона не можетъ быть отождествляема съ первообразомъ, и что то отношеніе, которое умѣстно и законно въ приложеніи къ первообразу, неумѣстно въ приложеніи къ иконѣ. ¹⁾ Но крайніе ревнители православія не удержались на этой

¹⁾ Для отцевъ VII собора имѣли руководительное вліяніе между прочимъ слѣдующія выдержки: а) изъ толкованія на 2-ю заповѣдь Анастасія, епископа еонопольскаго. „Господу Богу Твоему поклонишися и Тому единому послужиши. Смотри: при словѣ: *послужиши*, прибавлено: *единому*, а къ слову *поклонишися* не прибавлено. Значить поклоняться можно и не Богу: ибо поклоненіе есть обнаруженіе почтенія: служить же нельзя никому кромѣ Бога.“ б) изъ письма къ собору папы Адріана I: „сохраняя чистоту вѣры, мы иконы, подобно какъ книги божественнаго писанія, употребляемъ для

чертъ. Такъ св. Ѳеодоръ Студитъ (I, II, 15) находитъ себя вынужденнымъ крѣпко обличать столпника Ѳеодула за то, что онъ выставилъ на окнахъ ангеловъ, и притомъ распятыхъ, подобно Христу, и самаго Христа и ангеловъ изобразилъ престарѣлыми. Но въ другомъ случаѣ св. Ѳеодоръ не только не осуждаетъ, но и весьма восхваляетъ уклоненіе отъ правильнаго образа иконопочитанія. „Услышавъ, что твоя именитость совершила нѣкоторое божественное дѣло,“ пишетъ Ѳеодоръ Студитъ спсаварію Іоанну (I, II, 17) „мы удивились твоей поистинѣ великой вѣрѣ, человекъ Божій! Ибо извѣстившій объ этомъ говорилъ, что ты употребилъ святую икону великомученика Димитрія вмѣсто воспріемника и такимъ образомъ совершилъ крещеніе богохранимаго сына твоего... *Чествованіе образа*—говоритъ Василій великій—*относится къ первообразу*. Итакъ ясно, что мученикъ чрезъ свой образъ воспринялъ младенца, поколику ты такъ вѣровалъ. Какое же счастье твоей именитости, что ты приобрѣлъ такого, какъ говорятъ, кума, не какого-нибудь начальника, или, можно сказать, самого облеченнаго въ діадиму, ибо приобрѣтенный тобою выше и превосходнѣе,“ и т. д.

Точно также превышали мѣру крайніе ревнители православія въ своихъ сужденіяхъ о высокоомъ достоинствѣ монашества. Конечно монашество имѣло свои историческія заслуги, внушавшія къ нему уваженіе; конечно гоненіе, воздвигнутое иконоборцами на монаховъ, могло возбуждать къ нимъ симпатію; но и уваженію, и симпатіи должна же быть справедливая мѣра. Между тѣмъ такой мѣры не было. Существовало мнѣніе, будто бы одинъ монахъ можетъ избавить отъ наказания 150 осужденныхъ (на загробныя мученія). Св. Ѳеодоръ Студитъ опровергаетъ это мнѣніе на томъ основаніи, что послѣ смерти нѣтъ покаянія. (Письма II 66). Но и онъ въ другихъ случаяхъ высказывалъ о монашествѣ преувеличенное понятіе. „Слагать монашество“ говоритъ онъ (Письма II, 164) „тоже, что слагать крещеніе.“ И въ другомъ мѣстѣ: „Спрашивать: откуда предано отрѣкаться отъ міра и дѣлаться монахомъ? есть ничто иное какъ спрашивать: откуда предано дѣлаться христіаниномъ? Кто установилъ первое по апостольскому преданію, тотъ установилъ и второе, изложивъ шесть таинствъ: пер-

напоминанія о томъ, кого мы почитаемъ.“ Окончательное опредѣленіе собора приведено выше (стр. 406).

вое—о просвѣщеніи, второе—о собраніи или приобщеніи, третье—об освященіи мѣра, четвертое—о священническихъ посвященіяхъ, пятое—о монашескомъ совершенствѣ, шестое—о свято скончавшихся.“ Эта выдержка о шести тайнодѣйствіяхъ—въ томъ числѣ и монашество—взята св. Θεодоромъ изъ псевдо-Діонисія ареопагита.—Уваженіе къ монашеству простиралось въ Византіи до того, что сложился обычай, по которому набожные родители обрекали на монашество своихъ малолѣтнихъ, иногда еще нерожденныхъ дѣтей, быть можетъ въ надеждѣ получить душѣ своей нѣкую пользу дѣтскими молитвами. Въ письмахъ Θεодора Студита противъ воли автора, высказывается, къ какимъ печальнымъ затрудненіямъ приводилъ иногда этотъ неправильный обычай. Нѣкій пресвитеръ Илія спрашивалъ наставленія на случай насильственнаго постриженія дѣтей родителями. „Вопросъ,“ отвѣчалъ св. Θεодоръ (II, 183)—„не знаю, какъ сказать,—страненъ и неизвѣстенъ нашему смиренію. Ибо доселѣ мы не слыхали, чтобы дѣти были постригаемы отцомъ насильно, а не добровольно. Если они слишкомъ молоды или невозрастны, то у нихъ нѣтъ добровольной рѣшимости, ибо они не могутъ различать доброе отъ худаго; посему волю возрастныхъ нужно предоставить это дѣло.“ Другая коллизія представляется еще болѣе сложною. „Доброта твоя извѣстила насъ,“ пишетъ св. Θεодоръ протонотарію Исихію, (II, 172), „что ты имѣешь двухъ—скажу кратко—богодарованныхъ дочерей, и первую изъ нихъ еще прежде рожденія обѣщала Богу на посвященіе монашеской жизни, а вторую оставилъ въ неопредѣленномъ состояніи; теперь же, перемѣнивъ намѣреніе, думаешь сдѣлать наоборотъ по нѣкоторому необходимому обстоятельству, именно обѣщанную Богу отдать міру т. е. выдать за мужа за человѣка добраго во всѣхъ отношеніяхъ и одинаковаго возраста съ отроковицею, а оставшуюся въ неопредѣленномъ состояніи весьма юную и неравную по возрасту, принести въ жертву Богу, но при этомъ колеблешься и сомнѣваешься, не будетъ ли это противно волѣ Божіей... Мы полагаемъ, что это дѣло несправедливо, противно правой вѣрѣ и примѣрамъ, бывшимъ отъ вѣка... Подлинно, что посвящено Богу блаженнымъ обѣтомъ, то обращать на обыкновенное употребленіе не безопасно. Обыкновенное же употребленіе есть брачное сожительство... Какъ обѣщавшійся быть монахомъ, и не сдѣлавшійся имъ, возвратившись назадъ и женившись, осуждается; такъ и рѣшившійся принести сына или дочь въ жертву Богу, и потомъ из-

мѣнлившій намѣреніе, подлежить такому же осужденію.“ Изъ отвѣтовъ св. Феодора видно, что во имя принципіальнаго уваженія къ монашеству онъ ни во что ставитъ требованія жизни.

Если крайніе ревнители православія считали справедливымъ приносить въ жертву идеѣ монашества личную свободу и семейное счастье людей, — то тѣмъ менѣе они могли остановиться предъ интересами государства и отечества. Ихъ политическій идеаль—государство, стоявшее въ служебномъ отношеніи къ церкви или—точнѣе сказать—къ инокамъ и клирикамъ. Св. Феодоръ Студитъ правда проповѣдуетъ систему невмѣшательства. „Слушай, царь, (говоритъ онъ имп. Льву армянину), что сказалъ божественный апостолъ: *положи Богъ въ церкви персть апостоловъ, второе пророковъ, третіе пастырей и учителей*, а не сказалъ: *царей*. Тебѣ ввѣрено гражданство и войско; объ этомъ заботься, а церковь оставь.“ Но эта система невмѣшательства односторонняя. Связывая руки царю, Феодоръ Студитъ оставляетъ ихъ вполне развязанными для иноковъ. „Дѣло монаха“ говоритъ онъ (Письма I, 39) „не допускать ни малѣйшаго нововведенія въ евангеліи, чтобы, подавъ мірянамъ примѣръ ереси и сообщенія съ еретиками, не отдать отчета за ихъ гибель.“ И еще: „будемъ взирать на свѣтъ истины и священныхъ правилъ, твердо соблюдая и догматы, особенно мы, монахи, особенно мы, считающіеся значущими что-нибудь. *Аще убо свѣтъ, иже въ насъ, тма есть, то тма колми! и аще соль обуяетъ, чимъ осолятся міряне?*“ — Въ своей личной жизни Феодоръ Студитъ показалъ примѣръ самаго широкаго вмѣшательства въ дѣла общественныя и политическія. При имп. Иринѣ и Михаилѣ I онъ оказывалъ руководящее вліяніе на дѣла правленія. При другихъ государяхъ—Константинѣ VI, Никифорѣ Геникѣ, Львѣ V, Михаилѣ II—онъ выступалъ большею частью съ протестами, иногда по дѣламъ, не имѣющимъ прямого отношенія къ монастырю и иночеству. Побуждалъ къ протестамъ противъ гражданской власти и другихъ иноковъ. „Гдѣ,“ говоритъ онъ, „слова: *млаголахъ предъ цари и не стыдяхся?* гдѣ слава и честь нашего словія?“ „Ты говоришь,“ писалъ Феодоръ игумену Василию (II, 28) увѣщевая его противустать царю Льву V,—„что никогда не видѣлъ императора и не представлялся начальникамъ и оттого чувствуешь страхъ. Нѣтъ, отецъ!.. пусть онъ боится тебя, равно какъ и бѣсы... Обличай его, если онъ пустословитъ. Ахаава не обличалъ ли Илія, Ирода—Іоаннъ, другихъ—другіе?“ Оружію, какимъ пользовалась граж-

данская власть, — административнымъ ссылкамъ, заточеніямъ, казнямъ, — строгіе ревнители православія противопоставили духовное оружіе, — церковное анаеѣматствованіе, отлученіе отъ общенія въ евхаристіи, молитвѣ, пищѣ, бесѣдѣ и т. д. Весьма строгія и подробныя правила по этому предмету излагаются въ письмахъ Θεодора Студита. „*Кто имѣетъ общеніе съ еретиками и въ пищу, и въ питіи, и въ дружбѣ, тотъ виновенъ*“, — таково общее правило св. Θεодора (Письма II, 32). Люди, хотя и называющіе себя православными, но не прекращающіе общенія съ еретиками, также исключаются изъ церковнаго общенія. „Можно ли здороваться съ такими людьми, говорить и привѣтствовать? Нѣтъ, какъ говорить великій Василиій. Господь запретилъ дѣлать имъ общее привѣтствіе; случайно можетъ быть, но съ любовью и дружбою этого надобно избѣгать, дабы и здѣсь исполнялось: *радоватися нечестивымъ не глаголите*“ (Письма II, 49). Намъ уже извѣстны радостныя возгласы Θεодора Студита по полученіи увѣдомленія о насильственной смерти Льва армянина (стр. 484); намъ извѣстны жестокіе и суровые отзывы хроникеровъ объ иконоборныхъ императорахъ (стр. 429—436 и т. д.) Послѣ этого мы легко можемъ понять, почему иконоборные цари считали ревнителей православія представителями противогосударственнаго элемента, и можемъ думать, что едва ли бы европейское правительство XIX вѣка отнеслось къ нимъ съ меньшею суровостію, чѣмъ византійское правительство IX вѣка.¹⁾ Еще послѣднее слово о византійскихъ ревнителяхъ православія. Ихъ ревность по вѣрѣ велика; сила ихъ убѣжденій — почтенна; ихъ твердость и настойчивость удивительна. Но ихъ церковно-политическіе иде-

¹⁾ Старинные русскіе государи Панапригопуло не читали и со взглядами новыхъ грековъ на иконоборный періодъ знакомы не были, тѣмъ не менѣе и они, по условіямъ своего положенія, становились иногда на точку зрѣнія иконоборныхъ императоровъ. „Нигдѣ же обрящени, еже не раззорится царству отъ поповъ владому,“ разсуждаетъ Иванъ Грозный. — „Когда вѣческіе императоры“ — говорилъ первый русскій императоръ, „остави свое званіе, ханжить начали, а наипаче ихъ жены, тогда нѣкоторые плути къ нимъ подошли и въ городахъ монастыри строить испросили, — такъ на одномъ каналѣ отъ Чернаго моря до Цареграда не меньше 300 монастырей было, — а отсего, когда турки подошли къ Цареграду ниже 6000 воиновъ выскать могли!“

алы, если бы осуществились вполнѣ, не повели бы ко благу для христіанства; и здѣсь мы видимъ повтореніе обычной исторіи, что люди стремятся къ предположенной цѣли, вовсе не ожидая, что ихъ дѣятельность приведетъ къ совершенно неожиданнымъ и нежелательнымъ результатамъ. Ревнителі православія стремились къ господству церкви надъ всѣми житейскими отношеніями—семейными, общественными, государственнымъ; никакая жертва со стороны семьи, общества и государства не казалась значительною, если она вела къ цѣли. *Regat mundus, fiat ecclesia!* какъ бы такъ готовы были сказать ревнителі православія. Бывали періоды, когда они повидимому приближались къ своей цѣли (царствованіе Ирины, Θεодоры). Но при этомъ замѣчалось странное явленіе. Моральный уровень православныхъ, взятыхъ въ большинствѣ, понижался по мѣрѣ ихъ торжества, точно также какъ повышался по мѣрѣ ихъ страданія и униженія. Притѣсненія со стороны иконоборныхъ царей болѣе приближали церковь къ ея идеалу, чѣмъ льготы царицъ Ирины и Θεодоры. Это признали и сами ревнителі православія, канонизовавъ цѣлый сонмъ *исповѣдниковъ* иконопочитанія. Это явленіе стоило бы того, чтобы о немъ подумать. Къ сожалѣнію ревнителі православія не дали этому явленію должной оцѣнки. Они желали церкви *торжествующей*, забывая, что Христосъ и апостолы учреждали на землѣ церковь только *воинствующую*. Въ церковномъ устройствѣ православнаго типа ревнителі православія видѣли конечную цѣль человѣческихъ обществъ, забывая, что церковь сама въ себѣ есть не цѣль, а средство—вспомогательное и воспитательное учрежденіе для нравственно-религіознаго усовершенствованія людей, для приготовленія ихъ къ царству Божию, къ царству небесному. 1) Но хотя ревнителі православія и забывали объ этомъ, но забвеніе не измѣняло сущности дѣла. Какъ скоро предполагалось, что земная церковь сама въ себѣ есть цѣль, а не средство къ цѣли (къ царству небесному),—то подрывалась этимъ прямая миссія церкви. Чѣмъ болѣе церковь становилась *торжествующею*, тѣмъ менѣе она оказывалась *воинствующею*. Вотъ почему *торжество православія*, не принесло

1) Уже замѣчено выше, (вып. I стр. 35—36), что самое слово *церковь* только два раза упоминается въ евангеліи, (Мѡ. 16, 18; 18, 15—17) тогда какъ постояннымъ предметомъ проповѣди Спасителя было *царство небесное*.

тѣхъ плодовъ, накихъ—быть можетъ—ожидали ревнители православія, и не сопровождалось подъемомъ духовной жизни народа.

Ш) ДУХОВНЫЕ ХРИСТІАНЕ ИЛИ ПАВЛИКІАНЕ. АНАЛОГІЯ ПАВЛИКІАНЪ СЪ РУССКИМИ АНТИЦЕРКОВНЫМИ СЕКТАМИ. ИХЪ УЧЕНІЕ. ИХЪ ВНѢШНЯЯ ИСТОРИЯ. ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Въ то время, когда въ высшихъ сферахъ византійской имперіи шла упорная борьба цезаристовъ съ клерикалами,—борьба по вопросу о томъ, государство ли должно поработить себѣ церковь или церковь должна владычествовать надъ государствомъ,—въ то время въ низшихъ слояхъ народа, въ дальнихъ захолустьяхъ имперіи, поднималось религиозное движеніе совершенно другаго рода. Въ средѣ народа явились религиозные *само-мыслители*, которые не сочувствовали ни той ни другой изъ борющихся сторонъ, которые не желали ни казенной церкви, ни клерикальнаго государства, но, прилежно читая священное писаніе, въ особенности посланія апостола Павла, прониклись смѣлою мечтою очистить христіанство отъ тѣхъ наслоеній, которыми оно обросло въ теченіе 8 вѣковъ, и,—оставивъ въ сторонѣ господствующую церковь, по ихъ мнѣнію безнадежно испорченную,—пытались строить свои новыя религиозныя общины прямо *на апостольскомъ основаніи*, какъ будто бы семи или осьми промежуточныхъ вѣковъ вовсе не существовало. Такіе люди назывались *павликіанами*, потому что посланія Павла служили для нихъ главнымъ руководствомъ въ ихъ дѣятельности. Они любили называть своихъ учителей именами ближайшихъ сотрудниковъ Павла. Такъ Константинъ (+684 г.) именовался *Силуаномъ*, Симеонъ (+690 г.) *Титомъ*, Гегнезій (+окт. 740 г.) *Тимоеемъ*, Іосифъ, преемонецъ и преемникъ Гегнезія,—*Епафродитомъ*, Сергій (+835 г.) *Тимохимомъ*, и т. д. Равно и павликіанскія общины именовались иная *Азіаіей*, иная *Македоніей*, иная *Коринѳомъ*, *Ефесомъ* и т. д. однимъ словомъ носили наименованія тѣхъ церквей, какія основалъ ап. Павелъ. Но это не такъ важно. Болѣе важно то, что павликіане любили переноситься мыслию и воображеніемъ въ ту давнюю эпоху возникающаго христіанства, когда жилъ и училъ ап. Павелъ, и апостольскую простоту жизни ставили идеаломъ, къ которому старались приблизиться ихъ наставники и руководители. Такъ—главный представитель павликіанства Сергій, уроженецъ Галатіи, въ своей жизни хотѣлъ пред-

ставить копию жизни ап. Павла. Рѣшившись всецѣло посвятить себя возстановленію—какъ онъ думалъ—истинной Христовой вѣры, Сергій выступилъ на это дѣло съ неудержимою ревностію. Добывая себѣ пропитаніе плотничнымъ мастерствомъ, чтобы и въ отношеніи содержанія себя и своихъ сподвижниковъ по возможности вполнѣ подражать примѣру своего излюбленнаго апостола, Сергій пѣшкомъ обошелъ съ своею проповѣдью тѣ страны и города, въ которыхъ 800 лѣтъ ранѣе его проповѣдывалъ ап. Павелъ, какъ самъ говорить объ этомъ въ одномъ изъ посланій къ своимъ ученикамъ: „отъ востока, до запада, и отъ сѣвера до юга обошелъ я всѣ страны съ проповѣдью евангелія Христова, и все пѣшкомъ на своихъ ногахъ.“ Дѣятельность его продолжалась 34 года отъ царствованія Ирины до царствованія имп. Теофила и сопровождалась необычайнымъ успѣхомъ. Послѣдователей его подобно было считать не сотнями, а сотнями тысячъ. Копируя вѣщность миссіонерской организаціи апостола Павла, Сергій=*Тихицъ* создалъ для своихъ общинъ постоянное учрежденіе *синекдимовъ* (*συνέκδημοι*), т. е. апостольскихъ сопутниковъ или сподвижниковъ, которые въ павликіанскихъ общинахъ пользовались значеніемъ постоянныхъ мѣстныхъ надзирателей или своего рода пастырей извѣстной общины; кромѣ того установилъ классъ *астатовъ* (*ἄστατοι*), то есть странствующихъ миссіонеровъ, долженствовавшихъ представлять собою вѣроятно тѣхъ лицъ, которые у апостола Павла называются *посланниками церквей*. Кромѣ того Сергіемъ учреждены были *нотаріи* т. е. лица, обязанные изготовлять въ возможно-большемъ количествѣ списки новозавѣтныхъ книгъ для распространенія въ народѣ.—Всю жизнь свою стараясь по апостолски *трудиться, дѣлая своими руками*, Сергій и убитъ былъ однимъ грекомъ въ то время, когда занимался срубкою дерева для выдѣлки изъ него досокъ.—

Мы совершенно лишены были бы возможности составить сколько нибудь опредѣленное представленіе о павликіанахъ, если бы принуждены были слѣпо и исключительно держаться современныхъ письменныхъ извѣстій объ этой сектѣ. Собственная литература павликіанъ не дошла до насъ; а произведенія греческихъ церковныхъ писателей—между которыми первое мѣсто занимаетъ *Петра сицилійскаго исторія манихеевъ или такъ называемыхъ павликіанъ*, (*Patrologiae cursus compl. t. CIV*)—и немногочисленны и проникнуты духомъ раздраженія и ожесточенія. Вотъ какъ напр. отзывается Петръ сицилійскій о важ-

нѣйшемъ изъ представителей павликіанства Сергіѣ. „Сергіи дьяволовъ поборникъ, пастырь христовыхъ распудитель, волкъ кровожадный, мичину кроткой овцы носившій, и коварно прикрашивавшій себя покровомъ добродѣтелей, чѣмъ многихъ и прельстилъ, — Сергіи, врагъ креста Христова, безбожія проповѣдникъ, Богоматери и вѣсть святыхъ ругатель, апостоловъ супостатъ, пророковъ ненавистникъ, божественнаго писанія извратитель, въ басни и сказки его превратившій, — и такъ далѣе, и такъ далѣе. Трудно уловить историческую истину въ этомъ потокѣ брани, — и стиль автора не внушаетъ къ нему довѣрія. „Приступая къ разсказу о Сергіѣ,“ — говоритъ проф. Чельцовъ ¹⁾ — „нашъ почтенный авторъ мечетъ грома и молвіи, истощаетъ цѣлый лексиконъ наивно-набожныхъ ругательствъ и становится даже красно-рѣчивъ въ своемъ одушевленіи; при всемъ томъ невольно рисуетъ образъ, возбуждающій удивленіе и даже нѣкотораго рода исполненную сожалѣнія симпатію.“

Но если при разборѣ внѣшней исторіи можно еще, отлагая въ сторону полемическія красоты, извлекать только фактическія данныя, — то внутренней стороны павликіанства, — ученія этой секты, — нельзя постигнуть, руководясь только сочиненіями, написанными въ полемическомъ духѣ, — особенно при дурномъ тонѣ византийской полемики. „Судить объ ученіи еретиковъ,“ говоритъ проф. Чельцовъ, ²⁾ „единственно по увѣреніямъ тѣхъ лицъ, которые считали ихъ повинными смерти, и только по свѣдѣніямъ пропущеннымъ правительственною цензурою, очевидно можно, не иначе, какъ съ крайнею осторожностію. Петръ сициліецъ настойчиво старается увѣрить своихъ читателей, будто бы ученіе павликіанъ было не инымъ чѣмъ-либо, какъ именно манихействомъ въ собственномъ смыслѣ слова, т. е. такою противуобщественною ересью, приверженцевъ которой еще имп. Діоклетіанъ, а за нимъ и первые христіанскіе государи указали казнить смертію. Съ этою цѣлію, прежде изложенія лично добытыхъ имъ свѣдѣній о павликіанахъ, Петръ сициліецъ говоритъ въ своей исторіи о Манесѣ и манихействѣ, на основаніи крайне сбивчивыхъ преданій

¹⁾ Рѣчь о павликіанахъ на актѣ Спб. дух. академіи 1877 г. *Христ. чт.* № 3—4.

²⁾ *Ibid.* стр. 512 и слѣд.

объ этомъ предметѣ, сохранившихся у греческихъ писателей IV и V вѣка, — передаетъ вѣроятно по молвѣ, ходившей между православными его современниками, что будтобы нѣсколько лѣтъ спустя по смерти Манеса въ самосатскомъ округѣ славились между манихеями родные братья, Павелъ и Иоаннъ, дѣти какой-то Каллинии, по имени которыхъ манихеи стали будто-бы называться павликіанами, (хотя самъ говоритъ въ другихъ мѣстахъ своей *исторіи*, что павликіане называли сами себя не иначе, какъ только христіанами, и хотя вообще извѣстно, что они охотно предавали анаѣмѣ вмѣстѣ съ Манесомъ и Павла и Иоанна, равно какъ и всѣхъ другихъ манихеевъ); — затѣмъ быстро шагаетъ чрезъ 350 лѣтъ, замѣтивъ только, что во всю эту эпоху христіанскіе государи казнили манихеевъ смертію, слѣдуя словамъ Господа: *враговъ же моихъ, тѣхъ, которые не хотѣли, чтобы я царствовалъ на ѣхъ ими, приведите и избеите предо мною* (Лук. 19, 27) и уже только послѣ всего этого приступаетъ къ изложенію тѣхъ точныхъ свѣдѣній, которые самъ собралъ о первоучителяхъ павликіанскихъ, замѣчая при каждомъ удобномъ случаѣ, что лжеученіе ихъ конечно было тождественно съ манихейскимъ. Поэтому въ старыхъ церковно-историческихъ учебникахъ такъ и преподавалось съ его словъ, что павликіанство было отраслью древней манихейской секты. — При болѣе тщательномъ разсмотрѣніи *исторіи* Петра сицилійца оказывается однако, что между манихействомъ и павликіанствомъ не было, собственно говоря, ничего общаго. Вотъ пункты, въ которыхъ Петръ сициліецъ въ своей исторіи резюмируетъ ученіе павликіанъ: 1) павликіане будтобы держались дуалистическихъ понятій о Божествѣ, различая Бога добраго, Отца будущаго вѣка, и бога злаго, міродержителя вѣка настоящаго. „Это у нихъ“, говоритъ Петръ сициліецъ, — „первая аксіома: взрослый павликіанинъ обыкновенно спрашиваетъ своего ребенка: скажи мнѣ, чѣмъ мы, христіане, отличаемся отъ грековъ (ἐκ τῶν ῥωμαίων)? — какъ они всегда называютъ насъ, отказывая намъ въ имени христіанъ, и оставляя за нами только наше народное (ἔθνηκον), имя, — и тотъ долженъ отвѣтить: мы, христіане, служимъ Богу небесному, о которомъ Господь сказалъ, что *ни гласа Его никогда не слышали, ни лица Его не видали* (Іоан. 5, 37) а греки служатъ Творцу міра сего. 2) Павликіане будто бы отвергали всѣ книги ветхаго завета, относя къ пророкамъ слова Христовы: *вотъ, сколько ихъ не приходило предо Мною, суть воры и разбойники; но овцы не послушати ихъ*

(Иоан. 10, 8),—и принимая книги новозавѣтныя, не оказывали уваженія къ соборнымъ посланіямъ ап. Петра, порицая его за отреченіе отъ Господа, за сопротивленіе ап. Павлу и за отзывъ о Павловыхъ посланіяхъ. 3) Они совершенно отвергали церковную іерархію, говоря, что *старцы мудстїи собираются вкупѣ на Господа*, такъ что одно простое упоминаніе имени пресвитеровъ или архіереевъ уже возбуждало въ нихъ негодованіе. 4) Они не только сами не причащались тѣла и крови Господней, но и другимъ не совѣтывали, утверждая, что Господь на тайной вечери только въ символическомъ смыслѣ заповѣдалъ причащаться своего тѣла и своей крови, то есть собственно заповѣдалъ только всегда держаться своего божественнаго ученія. 5) Они будто бы не почитали святою Божіей Матери, утверждая, что она имѣла другихъ дѣтей отъ Іосифа, и что Господь не отъ нея воспринялъ плоть свою, а воплотился въ плоть небесную. Наконецъ 6) они отвергали поклоненіе кресту Христову, умствуя, что вѣра въ крестныя страданія Христовы, а не самое древо креста имѣетъ силу излагать демоновъ. Во всемъ этомъ нѣтъ ничего манихейскаго.—

„По моему мнѣнію (разсуждаетъ проф. Чельцовъ) павликіанство было просто первою въ исторіи противоиерархическою или, какъ на нашемъ языкѣ принято выражаться, безпоповщинскою сектою. Несомнѣнно, что павликіане отвергали всѣ степени священства, то есть не только первосвященниковъ и священниковъ, но и левитовъ, какъ называются у нашего автора діаконы. *Старцы мудстїи*, по ихъ словамъ, *собираются вкупѣ на Господа*. Это было ихъ дѣйствительною ересью и, по воззрѣнію тогдашнихъ церковнолюбцевъ, конечно ересью самую нетерпимою и страшною. Въ христіанской исторіи это было безпримѣрнымъ до той поры явленіемъ, и Петръ сициліецъ имѣлъ по этому нѣкоторое право сказать, что *армянская ересь*, т. е. выродившаяся въ армянской области византійской имперіи, павликіанская ересь, *лютойшая есть паче всѣхъ ересей*. Несомнѣнно также, что, отвергнувъ іерархію, они отвергали и всѣ священнодѣйствія и требосправленія, совершаемыя ею. Весьма вѣроятно, что павликіане нашли невозможнымъ предоставить совершеніе ихъ своимъ синекдимамаъ, какъ мірянамъ, по преданію не имѣвшимъ на то права, и вслѣдствіе того пришли къ радикальному выводу, что богоустановленныя таинства не необходимы для спасенія, такъ какъ будто бы подъ духовнымъ рожденіемъ водою и духомъ можно разумѣть только принятіе вѣры во Христа, подъ при-

чащеніемъ Его тѣла и крови—постоянное пребываніе въ Его ученіи и т. д. Само собою разумѣется, что, разъ устранивъ себя отъ законнаго церковнаго учительства и вступивъ на путь произвольнаго истолкованія слова Божія, они необходимо должны были съ теченіемъ времени сдѣлаться жертвою разнаго рода заблужденій.“

Вполнѣ раздѣляя взглядъ проф. Чельцова на павликіанство, какъ на первую анти-церковную безпоповщинскую секту, мы считаемъ возможнымъ—для уясненія древняго явленія современнымъ—сопоставить византійскихъ павликіанъ съ нашими русскими духовными христіанами (иначе духоборцами или молоканами.) Мы не имѣемъ историческихъ данныхъ для того, чтобы установить генетическую связь между павликіанами и молоканами, но сходство ихъ ученія изумительно, и это сходство естественно объясняется тѣмъ, что догматика тѣхъ и другихъ логически развивалась изъ одного общаго начала. Это общее начало есть *отрицаніе іерархіи*.¹⁾ Наши молокане въ основу этого отрицанія полагаютъ извѣстное изреченіе Спасителя въ бесѣдѣ съ женою Самарянкою, что придетъ время, когда истинные поклонники будутъ на всякомъ мѣстѣ поклоняться Богу духомъ и истиною. Изъ этого, по мнѣнію молоканъ, выходитъ, что храмовъ въ новой церкви не должно быть. Ап. Павелъ всѣхъ называетъ священниками, слѣд. особыхъ священниковъ не нужно. Христосъ избралъ апостоловъ не изъ левитовъ, и не изъ священниковъ, слѣд. священникъ ничуть не ближе къ Богу, чѣмъ не принявшій посвященія въ духовный санъ. У Христа всѣ его послѣдователи равны и Онъ самъ сказалъ, что „всѣ братья и кто хочетъ быть первымъ, пусть всѣмъ будетъ слуга.“ Этимъ уничтожается различіе степеней въ церкви Христовой и не слѣдуетъ однимъ оказывать чести болѣе другихъ: всѣ мы священники.—Очень вѣроятно, что если бы до насъ дошли произведенія павликіанской литературы, то мы нашли бы въ нихъ ту же аргументацію противъ священства, только—быть можетъ—приправленную болѣею горечью противъ византійской іерархіи.

¹⁾ Воззрѣнія русскихъ анти-церковныхъ сектантовъ излагаются нами по *востоминаніямъ о молоканахъ* Костомарова, который имѣлъ съ ними личныя бесѣды во время житія своего въ саратовской губерніи. *Историч. монографіи* XII, 433—462.

За отрицаніемъ священства логически слѣдовало отрицаніе таинствъ. И молване дѣйствительно отрицаютъ таинства. Противъ крещенія они говорятъ такъ: крещеніе водное есть только обрядовое представленіе мысли объ обновленіи и очищеніи человѣка посредствомъ христіанскаго ученія. Само по себѣ крещеніе водою не можетъ быть дѣйствительно; оно не можетъ спасать, не можетъ предохранить отъ злыхъ дѣлъ, ни отвратить отъ крестившагося кары Божіей за его худыя поступки. Иначе—между крещенными не было бы нарушителей Божіихъ заповѣдей. Притомъ же гдѣ дары св. Духа, получаемые, какъ говорятъ, при крещеніи? Человѣкъ, крестившись во младенчествѣ, остается совершеннымъ невѣждою въ дѣлѣ познанія заповѣдей Божіихъ, можетъ жить по язычески и слѣд. не имѣетъ права считаться христіаниномъ. Напротивъ, если кто и не былъ крещенъ водою, но позналъ Христа и исполнялъ Христовы заповѣди, неужели онъ былъ бы осужденъ на вѣчное мученіе за то единственно, что не совершилъ обрядъ омовенія, который самъ собою не могъ его ни научить истинѣ, ни спасти отъ грѣха?.. Подобнымъ образомъ молване разсуждаютъ и о таинствѣ причащенія. Подобно обряду крещенія,—говорятъ они—и обрядъ причащенія не дѣйствителенъ: многіе хотя и причащаются, а отъ этого не становятся лучше и не перестаютъ грѣшить; напротивъ, надобно причаститься тѣла и крови Христовой духовно, т. е. мыслить, чувствовать и поступать, какъ Христосъ повелѣваетъ, и какимъ Онъ явилъ себя въ жизни; тогда-то человѣкъ дѣйствительно составляетъ со Христомъ единую плоть, тогда онъ не можетъ и желать грѣха.

Противъ таинства покаянія русскіе анти-церковные сектанты говорятъ такъ: если кто не покается священнику, а грѣшитъ перестанетъ, развѣ тотъ не будетъ угоднѣ Богу, чѣмъ тотъ, кто десять разъ кается и каждый разъ возвращается къ прежнимъ грѣхамъ? Кто грѣшилъ да пересталъ грѣшить—тотъ уже тѣмъ самымъ покался; когда пересталъ—значитъ созналъ, что грѣхъ дурень; и за это сознание и исправленіе Богъ прощаетъ его, хотя бы онъ не повѣрялъ своей тайны священнику. Напротивъ многіе, воображая, что сообщеніе священнику грѣховъ можетъ достаточно очистить и спасти человѣка, успокоиваются совѣстію, не думаютъ искоренять въ себѣ дурныхъ наклонностей, и предаваясь имъ льстятъ себя надеждою, что загладить ихъ предъ Богомъ легко: стоитъ только по установленному образу покаяться священнику. Съ другой стороны, какъ можетъ прощать и разрѣшать свя-

щенникъ, когда онъ самъ, какъ часто мы видимъ, предается еще худшимъ порокамъ?—О таинствѣ брака они говорятъ: развѣ худое житье мужа съ женою освящается тѣмъ, что они обвѣнчаны? Если мужчина и женщина скажутъ:—будемъ вмѣстѣ жить, — и станутъ жить согласно, честно,—развѣ такое житье не богоугодное, чѣмъ житье тѣхъ, которые обвѣнчаны въ церкви и потомъ ссорятся, не довѣряютъ другъ другу и обманываютъ другъ друга? Любовь и согласіе—вотъ въ чемъ бракъ, а не въ обрядѣ. Богъ сотворилъ человѣка,—сотворилъ его во образѣ мужчины и женщины, и установилъ имъ законъ, чтобы мужчина искалъ соединенія съ женщиною и женщина съ мужчиною: какъ скоро мужчина съ женщиною сошлись по взаимной склонности—это значить, что Богъ ихъ благославляетъ, и они должны любить другъ друга, жить вмѣстѣ дружно, согласно и не расходиться; а если между ними не станетъ любви и согласія, то лучше имъ разойтись; это, однако, не хорошо; но не то нехорошо, что они расходятся, а то, что между ними любви не стало.—На ряду съ таинствами анти-церковные русскіе сектанты еще съ большею рѣшительностію возстаютъ противъ другихъ церковныхъ установленій, напр. противъ постовъ. Молокане не противъ поста самого въ себѣ; напротивъ воздержаніе отъ пищи и питья считается у нихъ дѣломъ очень полезнымъ для воздержанія страстей. Но они не хотятъ признавать для поста опредѣленныхъ временъ года, ни перебора такой или иной пищи. Каждому необходимо поститься, но когда къ этому есть побужденіе и нужда, и постъ долженъ состоять въ совершенномъ яденіи по нѣсколькѣ дней или въ такомъ маломъ яденіи, чтобы человѣкъ не умеръ съ голоду. Такъ полезно проводить нѣсколькѣ дней, но отнюдь не слѣдуетъ хвастать этимъ;—сообразно евангельской заповѣди нужно поститься втайнѣ, умывъ лице и помазавъ главу предъ людьми. Богу пріятенъ только такой постъ.

Наряду съ обрядовымъ элементомъ въ религіи для анти-церковныхъ русскихъ сектантовъ отступаетъ на задній планъ и элементъ догматическій; выдвигается впередъ только нравственный. Для молокана все равно: дѣйствительно ли Христосъ родился отъ Дѣвы, творилъ чудеса, страдалъ и воскресъ изъ мертвыхъ—или все это назидательный вымыселъ; слѣдствіе для нашего нравственнаго преуспѣянія, по ихъ толкованіямъ, одно и то же; ибо цѣль христіанскаго ученія есть человѣческое совершенство, достигаемое въ любви къ Богу и ближ-

нему. Христіанство во всякомъ случаѣ есть высшее божественное откровеніе, но какимъ бы путемъ оно ни явилось человѣку, все едино; былъ ли Христосъ на землѣ на самомъ дѣлѣ или по Божію промыслу книга евангелія была написана для назиданія; и въ томъ и въ другомъ случаѣ человѣкъ равнымъ образомъ можетъ пользоваться ею для своего спасенія. Собственно моловане не отвергаютъ исторической части священнаго писанія; они только хотятъ показать, что поставляютъ сущность не въ буквѣ, а въ смыслѣ. Они допускаютъ, что все написанное въ евангеліи дѣйствительно случилось, но это, по ихъ понятію, вопросъ историческій, а не религіозный. Все равно, научается ли человѣкъ изъ разказа историческаго, или изъ вымышленной повѣсти. Въдѣ въ самомъ евангеліи есть притчи и они выдаются за притчи или вымыселъ, а не за дѣйствительно происходившія событія. Слѣ воля Божія можетъ и въ формѣ притчи или вымысла учить насъ пуа во спасенію, а поэтому нѣтъ необходимости, чтобы рассказываемое въ евангеліи точно такъ происходило, какъ рассказывается; довольно если въ немъ сохранена будетъ внутренняя правда, а затѣмъ, если бы оно все было притчею, то ничего оттого не теряетъ. Точно также, если бы событія, описываемыя въ евангеліи, хотя и происходили на самомъ дѣлѣ, но не совсѣмъ такъ, какъ мы читаемъ, и по давности времени дошли до насъ въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, то евангеліе отъ этого не теряетъ своего духовнаго смысла.

Отодвинувъ на задній планъ обрядовую и историко-догматическую сторону христіанства, наши анти-церковные сектанты полагаютъ сущность религіозности въ доброй нравственности. Трудъ, по понятіямъ молованъ, нуженъ человѣку, какъ хлѣбъ и воздухъ; онъ не только даетъ средства въ жизни, но и предохраняетъ отъ развращенія и пороковъ, посему и долженъ быть признаваемъ религіозною обязанностію. Моловане отвергаютъ всякое различіе сословій; по ихъ ученію, всѣ люди равны между собою, всѣ братья, не должно быть ни благородныхъ, ни неблагородныхъ; равнымъ образомъ всякіе внѣшніе знаки отличій, титулы, чины, по ихъ мнѣнію, суета и противны евангеліскому ученію. Война же есть дѣло самое богопротивное... Моловане не одобряютъ всякой роскоши и изысканности въ пицѣ, одеждѣ и вообще въ образѣ жизни. Они на счетъ этого составили себѣ такое понятіе: если мы будемъ жить очень роскошно и употреблять на себя большія богатства, то тѣмъ самымъ будемъ способствовать рас-

пространенію нищеты между своими ближними. Все лишнее, что мы позволяем себѣ, отнимаетъ у другихъ нашихъ братій необходимое. Страсть къ роскоши дѣлаетъ насъ нечувствительными къ нуждамъ другихъ.—Молокане также рѣшительно высказываются противъ винопитія и всякихъ азартныхъ игръ.

Таковы принципиальныя осново-положенія нашихъ русскихъ современныхъ анти-церковныхъ сектантовъ... Такъ, а не иначе мы должны разумѣть и древнихъ византійскихъ павликіанъ. Совершенно логически вьжуются между собою отрицаніе іерархіи, отстраненіе на задній планъ обрядовой и историко-догматической стороны христіанства и поставленіе на первомъ планѣ нравочученія.

Скажемъ въ заключеніе нѣсколько словъ о внѣшней судьбѣ павликіанства. Она была печальна. Такъ какъ павликіане не желали ни оффиціальной церкви, ни клерикальнаго государства, то и цезаристы и клерикалы преслѣдовали ихъ съ равною нетерпимостію. Все существованіе павликіанъ представляло почти непрерывную цѣпь преслѣдованій. Только при императорѣ Михаилѣ II, который по нашему мнѣнію самъ принадлежалъ къ павликіанамъ—хотя и къ худшей въ моральномъ отношеніи отрасли секты,—(см. выше стр. 486) они имѣли нѣкоторую ослабу.—Въ 684 году первоучитель павликіанъ Константинъ—Силуанъ былъ побитъ камнями. Въ 690 году второй учитель павликіанъ прозелитъ изъ византійскихъ чиновниковъ Симеонъ—Титъ былъ сожженъ вмѣстѣ со всѣми своими учениками. Затѣмъ при имп. Львѣ Исаврѣ одинъ изъ павликіанскихъ учителей Гегнезій—Тимоеей, послѣ притворнаго отреченія отъ своихъ заблужденій, спасся бѣгствомъ за границу. Сергій—Тихикъ съ своими послѣдователями также принужденъ былъ спастись бѣгствомъ за границу, по и тамъ былъ убитъ однимъ грекомъ въ 835 году. Впрочемъ вѣкъ иконоборцевъ сравнительно былъ легче для павликіанъ. Иконоборцы, занятые борьбою съ православными, мало обращали вниманія на павликіанъ, а ревнители православія, извѣдавъ собственнымъ опытомъ, что они сами могутъ попасть въ число преслѣдуемыхъ, припоминали евангельское изреченіе о томъ, что не должно восторгать плевель, чтобы вмѣстѣ съ ними не восторгнуть и пшеницы. Такъ рассуждали по крайней мѣрѣ разумнѣйшіе изъ ревнителей православія, напр. Феодоръ Студитъ, говорившій, что не должно убивать еретиковъ.

Болѣе темные дни наступили для павликіанъ съ торжествомъ

православія при имп. Теодорѣ. Вотъ что говоритъ объ этомъ лѣтописецъ (продолжатель Теофана): „желая обратить восточныхъ павликианъ къ православію или въ противномъ случаѣ истребить ихъ, Теодора отправила къ нимъ чиновниковъ, которые однихъ вѣшали, другихъ убивали мечемъ, иныхъ топили въ морѣ. Число погибшихъ такимъ образомъ простиралось до ста тысячъ, а имущество ихъ поступило въ казну.“ Но павликиане не погибли. Удалившись изъ своей суровой отчизны и, основавъ въ предѣлахъ арменскихъ городъ Тефрику, они долго были опасными врагами византійской имперіи. За тѣмъ, сдѣлавшись родоначальниками анти-церковныхъ сектантовъ, они пережили чрезъ рядъ вѣковъ и народовъ, подъ именами богомиловъ, албигойцевъ, валденсовъ, анабаптистовъ, гернгутеровъ, квакеровъ, живутъ и понынѣ подъ именемъ пуританъ, ирвингянъ, а у насъ въ Россіи—подъ именемъ молованъ, духоборцевъ, шундистовъ. Дальнѣйшая исторія анти-церковныхъ сектантовъ выходитъ за предѣлы нашего періода.

Въ иконоборный періодъ обозначились такимъ образомъ три типа устройства христіанскаго общества: оффиціальная церковь, клерикальное государство и анти-церковное сектанство. *Торжество православія* не было послѣднимъ словомъ церковнаго развитія, какъ этого надѣялись ревнители православія. Исторія не остановилась, не закоснѣла на этомъ событіи,—и въ прошедшемъ лежали сѣмена для будущаго.

ДОПОЛНЕНИЕ

въ первому выпуску *Опыта руководства по церковной исторіи*,
вышедшему въ свѣтъ подъ заглавіемъ: *Первые три вѣка христіанства*.
(Кіевъ. 1878).

Переводъ приведенныхъ въ подлинникѣ латинскихъ и греческихъ выдержекъ
изъ первоисточниковъ. ¹⁾

Ч Т Е Н І Е П Е Р В О Е

Цицеронъ—о государственномъ значеніи религіи.
(Стр. 4—5.) Кто будетъ отрицать пользу религіозныхъ вѣрованій, если сообразить, какъ многое утверждается клятвою, на сколько договоры обезпечиваются религіею, сколь многихъ отвращалъ отъ преступленія страхъ божьяго наказанія, какъ освящается взаимный союзъ гражданъ,—если безсмертные боги предполагаются при этомъ, какъ свидѣтели и судьи.

Сенека—о богахъ. (Стр. 7). Не значить ли это разжигать наши пороки, если изображать боговъ виновниками пороковъ и давать злу разнузданность и оправданіе примѣромъ божества?

(Стр. 7—8). Юпитеръ чѣмъ превосходить добраго мужа? тѣмъ, что долѣе добръ. Но пусть мудрецъ не считаетъ себя дешевле отъ того, что его доблести заключены въ болѣе тѣсныя предѣлы... Мудрецъ также равнодушно и беззавистно смотритъ на все у другихъ, какъ и Юпитеръ,—но разница въ пользу мудреца въ томъ, что Юпитеръ не можетъ пользоваться человѣческими благами, а мудрецъ не хочетъ.

Цицеронъ о скептицизмѣ образованныхъ римлянъ
(стр. 8). Нашъ Енній прежде другихъ излагалъ Евгемера и слѣдовалъ

¹⁾ Мы оставляемъ безъ перевода тексты св. Писанія, которые легко по цитатамъ приискать въ русской или славянской библіи, а также очень короткія (однострочныя или двухстрочныя) выдержки, смыслъ которыхъ ясенъ изъ контекста.

ему. А Евгемеръ приписываетъ богамъ смерть и погребеніе. (Онъ же высказывается такъ:) „я всегда говорилъ и буду говорить, что существуютъ боги небожители, но думаю, что они не заботятся о томъ, что дѣлаетъ родъ человѣчскій.“

Кто занимается философіею, тотъ не признаетъ бытія боговъ.— Мы далеки уже отъ тѣхъ авгуровъ, которые предсказывали будущее, наблюдая за птицами и по другимъ знаменіямъ. Древность погрѣшала во многомъ, что впрочемъ удерживается и донинѣ или по обычаю, или по доктринѣ или ради старины. И для простонародья и для великихъ интересовъ республики соблюдается нравственность, религія, дисциплина, право авгуровъ, авторитетъ жреческаго сословія.

СТРАВОНЪ — о необходимости религіи для народа (стр. 9.) Толпу женщинъ и всякаго простонароднаго сброда нельзя руководить и привлекать къ благочестію, святости и вѣрѣ—посредствомъ философіи;—нужно дѣйствовать и религіознымъ страхомъ, а при этомъ нельзя обойтись безъ сочиненія мифовъ и чудесъ.

Совѣтъ Мецената Августу таковоже содержанія (стр. 9): божество всячески и самъ почитай и другихъ почитать заставляй согласно отеческимъ преданіямъ. Религіозныхъ же нововводителей и отвращайся и наказывай, и не только ради боговъ, не боящихся которыхъ не подорожить ничѣмъ другимъ, но и потому, что эти вводители иныхъ божествъ многихъ соблазняютъ къ новшествамъ, а отъ этого возникаютъ сходки, скопы и сборища; что бесполезно для монархіи. Итакъ не допускай существованія ни атеистовъ, ни вѣхвовъ..

Ювеналъ—о современномъ невѣрїи (Стр. 10). И мальчики не вѣрятъ, якобы существуютъ какія-то тѣни умершихъ, подземные царства и т. д.—Есть люди, которые полагаютъ все въ зависимости отъ фортуны и думаютъ, что нѣтъ никакого міроуправителя, а только круговращеніемъ природы приносятся суточные и годовыя перемѣны. Посему такіе люди безтрепетно касаются олтарей боговъ.

Плинія старшаго отзывъ таковоже содержанія (стр. 10). Смѣшно думать, будто верховное существо прилагаетъ заботу къ дѣламъ человѣческимъ. Развѣ не унижительно приписывать ему такое печальное и мелочное служеніе? — Для всѣхъ послѣ послѣдняго дня жизни будетъ то же, что было до перваго дня: послѣ смерти также нѣтъ мѣста для тѣлеснаго или душевнаго ощущенія, какъ и до рожденія.

Отзывъ Сенеки подобнагоже характера (стр. 10). Всей этой громадной толпѣ боговъ, которую нагромоздило многовѣковое суевѣріе, будемъ поклоняться, придавая этому поклоненію болѣе обрядовое, чѣмъ существенное значеніе.

Сенека—о современномъ нравственномъ упадкѣ (стр. 11). Все наполнено злодѣянїями и пороками; никакія мѣры не могутъ стать въ уровень съ разлитіемъ зла. Какъ будто всѣ бѣгутъ на перебѣжку на какомъ-то громадномъ ристалищѣ порочности. Съ каждымъ днемъ все больше и больше склонность ко грѣху; все меньше и меньше —застѣнчивость. Послѣ того какъ брошено уваженіе къ доброму и

честному, пожеланіе направляется на все, что взглянется. Преступленія уже не скрываются; они всё на виду; и настолько распространилась въ обществѣ порочность и овладѣла все́ми сердца́ми; что невинность не только стала рѣдкостью, но и совсѣмъ нигдѣ не встрѣчается.

Плиній—о современномъ суевѣрїи (стр. 11). Трудно рѣшить, что предпочтительнѣе для рода человѣческаго: полное ли отсутствіе почтенія къ богамъ или постыдный имъ культъ. Служать чужимъ святынямъ и носить боговъ на пальцахъ; налагають на себя тяжелые и велѣпые, но обязательные обѣты, лишая себя спокойнаго сна, воздерживаясь отъ той или другой пищи. Ни брака, ни родинъ, ни чего-либо инаго не обходится безъ святынь.

Изъ Тацита (стр. 14). Многие были убѣждены, якобы въ старинныхъ священны́хъ книгахъ содержится предсказаніе, что въ современную намъ эпоху возобладаетъ востокъ и пришельцы изъ Іудеи заберутъ власть въ свои руки.

Ч Т Е Н І Е В Т О Р О Е.

Отзывы язычниковъ объ іудеяхъ (стр. 22). Только одна жалкая народность іудеевъ почитаетъ единаго Бога, и насколько сей Богъ слабъ и безсиленъ, видно изъ того, что онъ вмѣстѣ съ своею націею взятъ въ плѣнъ римскими божествами.

Изъ Тацита отзывъ объ іудеяхъ (стр. 22). Презрѣннѣйшій родъ рабовъ, отвратительнѣйшее племя... во взаимныхъ отношеніяхъ у нихъ неподкупная честность, сочувствіе и помощь всегда наготовѣ;—по отношенію же ко все́мъ чужимъ—враждебная ненависть.

Іосифъ Флавій о самарянахъ (стр. 23). Самаряне—люди такого нрава: когда іудеевъ постигаютъ несчастныя обстоятельства, то самаряне отрекаются отъ единоплеменности съ ними и говорятъ тогда правду. Когда же замѣтятъ, что дѣла іудеевъ принимаютъ благоприятный оборотъ, тотчасъ прилаживаются къ нимъ въ дружбу, говоря о своемъ родствѣ и производя себя отъ дѣтей Іосифовыхъ Ефрема и Манассіи.

Указъ имп. Клавдія объ іудеяхъ (стр. 26). Іудеямъ, живущимъ во всемъ обладаемомъ нами мірѣ, подобаетъ хранить ненарушимо отеческіе обычаи и не унижать върваній другихъ народовъ.

Ювенальъ объ іудеяхъ въ Римѣ (стр. 27). Потихоньбу хнычетъ надъ ухомъ дрожащая жидовка, толковательница законовъ Солимскихъ, великая жрица дерева, вѣрная посланница неба; перепадаетъ и ей въ руку, но не слишкомъ много. По дешевой цѣнѣ іудеи продають какія угодно бредни.

Тацитъ о прозелитахъ іудейства (стр. 27—28). Іудеи постановили обрѣзывать родотворные члены, чтобы выдѣлиться этою примѣтою изъ другихъ народовъ. Перешедшіе въ іудейство дѣлають тоже самое,—и прежде всего пріучаются презирать боговъ, нерадѣть объ отечествѣ, пренебрегать родителями, дѣтьми, братьями.

ЧТЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Іосифъ Флавій—овъ Іоаннъ Креститель (стр. 32). Иродъ убиваетъ Іоанна, мужа праведнаго, который заповѣдывалъ іудеямъ, чтобы они вели добродѣтельную жизнь и соблюдали благочестіе къ Богу и справедливость во взаимныхъ отношеніяхъ,—и потомъ уже приступали къ крещенію. „Крещеніе“, говорилъ Іоаннъ, — „только тогда будетъ угодно Богу, когда вы будете пользоваться имъ не для очищенія въ некоторыхъ погрѣшностей, но будете приступать къ нему съ непорочнымъ тѣломъ, а еще болѣе съ душою, расположенною къ праведности.“ И такъ какъ іудеи, восхищенные слышаніемъ словъ Іоанна, стекались къ нему во множествѣ, то Иродъ, опасаясь, чтобы такое вліяніе Іоанна не повело въ послѣдствіи къ отпаденію отъ него (Ирода) подданныхъ,—ибо іудеи готовы были все сдѣлать по слову Іоанна,—заблаговременно умертвить Іоанна, чтобы не имѣть надобности расказываться послѣ. И вотъ, по подозрѣнію Ирода, Іоаннъ въ качествѣ узника посланъ въ Махерунтъ и тамъ лишенъ жизни. Между іудеями же шла молва, что погибель войска Иродова была наказаніемъ за убіеніе Іоанна,—такъ какъ Богъ прогнѣвался на Ирода.

ЧТЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тадить—овъ Іисусъ Христъ (стр. 40). Виновникъ этого имени (т. е. христіанъ) Христъ въ царствованіе Тиверія подвергся смертной казни отъ прокуратора Понтія Пилата.

Іосифъ Флавій оъ Іисусъ Христъ (стр. 40—41). Въ это же время былъ и Іисусъ, мужъ мудрый, если не мало назвать его мужемъ. Ибо совершалъ онъ удивительныя дѣла и былъ учителемъ людей, которые со услажденіемъ приѣмлютъ истину, и привлекъ къ себѣ многихъ послѣдователей, какъ изъ іудеевъ, такъ и изъ язычниковъ. Онъ былъ Христъ. И хотя Пилать, по доносу знатнѣйшихъ мужей изъ народа нашего, осудилъ его на крестную смерть,—однако тѣ, которые прежде возлюбили Іисуса, не перестали любить его. Ибо онъ въ третій день по смерти опять явился имъ живой, согласно предсказанію божественныхъ пророковъ, которые предрекли о немъ какъ это, такъ и многое другое, достойное удивленія. И донинѣ существуетъ общество людей, называющихся христіанами, отъ его имени.

Изъ Евсевія. Письмо Авгаря къ Спасителю (стр. 45). Авгарь, властитель Едессы, Іисусу благому Спасителю, явившемуся во Іерусалимѣ,—радоваться. Дошелъ до меня слухъ о тебѣ и о твоихъ исцѣленіяхъ, совершаемыхъ тобою безъ помощи травъ и лекарствъ,—именно, что ты словомъ даешь слѣпымъ зрѣніе, хромымъ ходеніе, очищаешь прокаженныхъ, исцѣляешь многолѣтнихъ больныхъ и воскрешаешь мертвыхъ. Слышавъ это, я разсудилъ, что ты—или Богъ, сошедшій съ неба, или Сынъ Божій,—если совершаешь такія дѣла.

Поэтому письменно нынѣ прошу тебя придти ко мнѣ и исцѣлить случившуюся болѣзнь. Слышалъ я также, что іудеи возстаютъ на тебя и хотятъ тебѣ сдѣлать зло. Городъ же мой, хотя очень малъ, но достаточенъ будетъ для насъ обоихъ.

Отвѣтъ Спасителя Авгарю (стр. 45). Блаженъ ты, увѣровавшій въ меня, не выдавъ меня. Ты письменно приглашалъ меня придти къ тебѣ, но подобаешь мнѣ исполнить все, для чего я посланъ. По вознесеніи же моемъ пошлю къ тебѣ одного изъ учениковъ моихъ, и исцѣлитъ онъ болѣзнь твою и преподаетъ жизнь тебѣ и окружающимъ тебя.

Ч Т Е Н І Е С Е Д Ъ М О Е.

Переписка Плинія съ Траяномъ о христіанахъ (стр. 95—96). *Плینی Траяну*. Обычно мнѣ, государь, обращаться къ тебѣ во всѣхъ сомнительныхъ случаяхъ. Ибо кто лучше тебя можетъ разрѣшить мое недоумѣніе или вразумить мое неразуміе. Я никогда не бывалъ при производствѣ дѣлъ о христіанахъ; поэтому и не знаю, что и въ какой мѣрѣ подлежитъ розыску или наказанію. Я не мало раздумывалъ, нужно ли обращать вниманіе на различіе возраста, или слѣдуетъ одинаково относиться къ юнымъ и къ взрослымъ; слѣдуетъ ли давать снисхожденіе въ случаѣ раскаянія, или того, кто былъ христіаниномъ, не нужно падать, хотя бы онъ и отсталъ отъ христіанства; нужно ли наказывать за одно имя, помимо преступленій, или за преступленія, соединенныя съ именемъ. Между тѣмъ доселѣ относительно обвиняемыхъ въ христіанствѣ я поступалъ такимъ образомъ. Я спрашивалъ ихъ, христіане ли они; признающихся въ христіанствѣ, спрашивалъ въ другой и въ третій разъ, угрожая казнью; упорныхъ приказывалъ вести на казнь. Я не сомнѣвался, что каково бы ни было ихъ исповѣданіе, во всякомъ случаѣ упорная и непреклонная завоснѣлость заслуживаетъ казни. Были иные, въ такой мѣрѣ безумные люди, которыхъ я назначилъ къ отсылкѣ въ столицу, такъ какъ они были римскіе граждане. Съ производствомъ дѣла, какъ часто бываетъ при разслѣдованіи преступленій, тотчасъ же выступили многія усложненія. Представленъ былъ безымянный доносъ, содержащій имена многихъ лицъ, которые заявили, что они не христіане и не были христіанами. Я разсудилъ, что ихъ слѣдуетъ отпустить, послѣ того какъ въ моемъ присутствіи они призывали боговъ, и предъ твоимъ изображеніемъ, которое я на сей случай велѣлъ поставить наряду съ изваяніями боговъ, совершали возліанія и куренія и кромѣ того хулили Христа; (ибо ни къ тому, ни къ другому, ни къ третьему нельзя принудить дѣйствительныхъ христіанъ). Другіе изъ лицъ, названныхъ въ доносѣ, признали себя христіанами, но тотчасъ же отрежись, заявивъ, что они были христіанами, но отстали, иные за три года, иные за большее число лѣтъ, а иные даже лѣтъ за двадцать. Всѣ они почитали твое изображеніе и изваянія боговъ, а равно хулили Христа. Они утверждали, что все ихъ преступленіе или заблужденіе состояло

въ томъ, что въ положенный день они собирались предъ разсвѣтомъ и воспѣвали пѣснь Христу какъ Богу, а равно и обязывались таинствомъ не на какое-нибудь преступленіе, но чтобы не совершать воровства, разбоя, прелюбодѣянія, лжесвидѣтельства, утайки заклада; послѣ сего они обыкновенно расходились и опять собирались для пріятія пищи, впрочемъ простой и безвредной; они прибавляли, что они отстали отъ участія въ христіанскихъ собраніяхъ послѣ моего едикта, которымъ я согласно твоему повелѣнію запрещалъ *heterii*. Тѣмъ болѣе я счелъ необходимымъ пытками вывѣдать правду отъ двухъ служанокъ, которыя назывались діакоиссами. Но я ничего не открылъ кромѣ грубаго и неумѣреннаго суевѣрія, и потому, отложивъ на время разслѣдованіе, рѣшился повергнуть дѣло на твое воззрѣніе. Дѣло показалось мнѣ достойнымъ вниманія особенно по причинѣ количества заблуждающихся. Многіе люди всякаго возраста, всякаго состоянія и обоюго пола заблуждаются и стоятъ на дорогѣ къ заблужденію. Не только въ города, но и въ села и въ деревни проникла зараза этого заблужденія. Но кажется можно задержать и поправить бѣду. По крайней мѣрѣ достовѣрно извѣстно, что почти опустѣвшіе храмы боговъ опять начинаютъ наполняться, священныя церемоніи, давно прекращенныя, опять совершаются, и откармливаются жертвы, для которыхъ доселѣ весьма рѣдко находился покупатель. Отсюда легко заключить, какъ много народу можетъ исправиться, если оказывать снисхожденіе жающимъ въ заблужденіи.

Траянъ Плинію. Ты поступалъ какъ слѣдуетъ, мой любезный, при разбирательствѣ дѣла о тѣхъ, которые были предъявляемы тебѣ въ качествѣ христіанъ. Вообще нельзя сдѣлать постановленія, которое имѣло бы окончательно твердую форму. Разыскивать христіанъ не слѣдуетъ; но если они будутъ предъявлены и изобличены, то ихъ слѣдуетъ наказывать, впрочемъ такъ, что отрешившійся отъ христіанства и подтвердившій это самымъ дѣломъ т. е. преклоненіемъ предъ нашими богами получаетъ прощеніе за раскаяніе, хотя бы прошлое его и было подозрительно. Безыменные же доносы не должны быть принимаемы во вниманіе ни въ какомъ судебномъ дѣлѣ; это—сверные примѣры и не въ духѣ нашего времени.

Отзывъ Тертулліана о письмѣ Траяна (стр. 97). О приговорѣ по необходимости полный противорѣчій! императоръ запряцаетъ разыскивать христіанъ, какъ людей безвредныхъ, и приказываетъ наказывать ихъ, какъ вредныхъ. Онъ падитъ и свирѣпствуетъ, притворяется не замѣчающимъ христіанъ и однако наблюдаетъ за ними. За тѣмъ ты въ своемъ рѣшеніи обманываешь самъ себя? Если не осуждаешь христіанъ, почему не оправдываешь? и т. д.

Изъ актовъ мученическихъ. Разговоръ имп. Траяна со св. муч. Игнатіемъ (стр. 99). Траянъ. Кто ты, злой демонъ, что стараешься нарушать наши законы, да и другихъ убѣждаешь въ тому же, чтобы они погибли несчастно? *Игнатій*. Никто богоносца не называетъ злымъ демономъ: злые духи бѣгутъ отъ рабовъ Божиихъ: если же ты называешь меня злымъ для этихъ демоновъ, потому что я не-

пріятенъ имъ, я согласенъ; ибо имѣя пренебснаго царя Христа, я разрушаю ихъ возни. *Траянъ*. А кто такой богоносецъ? *Игнатій*. Тотъ, кто имѣетъ Христа въ сердцѣ своемъ. *Траянъ*. Развѣ мы, думаешь ты, не имѣемъ въ душѣ боговъ, которые помогаютъ намъ противъ враговъ? *Игнатій*. Ты по заблужденію величаешь языческихъ демоновъ богами: единъ есть Богъ, сотворившій небо и землю и море и все, что въ нихъ, и единъ Христосъ Іисусъ, едиnorodный сынъ Божій, который да будетъ ко мнѣ милостивъ. *Траянъ*. Ты говоришь о томъ, кто распятъ при Понтіѣ Пилатѣ? *Игнатій*. Да, о томъ, который распятъ на крестѣ мой грѣхъ, вмѣстѣ съ виновникомъ его, и всю демонскую лѣсть, всю злобу осудилъ и повергъ къ ногамъ тѣхъ, которые носятъ Его въ своемъ сердцѣ. *Траянъ*. Итакъ ты носишь въ сердцѣ Распятаго? *Игнатій*. Такъ точно, ибо написано: *всемюся въ нихъ и похожду*.—Послѣ этого Траянъ постановилъ приговоръ:— „повелѣваемъ Игнатія, который говоритъ, что онъ носить въ себѣ распятаго, отвести въ оковахъ въ Римъ, подъ воинскою стражею, и тамъ предать на сѣденіе звѣрямъ для забавы народа.“ Игнатій выслушалъ этотъ приговоръ спокойно и воскликнулъ съ радостнымъ воодушевленіемъ. „Благодарю тебя, Господи, что ты удостоилъ меня засвидѣтельствовать совершенную любовь къ тебѣ и благоволилъ связать меня желѣзными узами, подобно какъ апостола твоего Павла.“

Изъ письма св. Игнатія (стр. 100). Я пшеница Божія: пусть измелятъ меня зубы звѣрей, чтобъ я сдѣлался чистымъ хлѣбомъ Христовымъ.

Указъ имп. Адриана малоазійскому проконсулу Минуцію Фундану (стр. 102). Я получилъ докладъ отъ знаменитаго предшественника твоего Серенія Граніана. Я разсудилъ, что этого доношенія нельзя оставить безъ отвѣта, чтобы люди невинные не подвергались напрасной тревогѣ и чтобы не подать повода къ совершенію зла доносчикамъ. Итакъ, если областные жители могутъ открыто доказывать свои доносы на христіанъ, такъ-чтобы отвѣчать за нихъ предъ судомъ, то пусть обращаются только къ суду, а извѣты и вопли оставляютъ. Въ случаѣ обвиненія точное разслѣдованіе дѣла пусть будетъ залогомъ справедливости. Посему, если кто основательно обвиняетъ христіанъ въ противозаконныхъ поступкахъ, то опредѣляй наказаніе по мѣрѣ преступленія. Но если кто вздумаетъ только клеветать на христіанъ, того, ради Бога, постарайся построже наказать, какъ мошенника.

Ч Т Е Н І Е В О С Ъ М О Е .

Ириней объ ученіи гностика Василида (стр. 111—112). Василидъ, давая видъ, будто-бы онъ открылъ нѣчто особенно высокое и достовѣрное, далъ своей системѣ безконечное развитіе. Онъ представлялъ, что прежде всего отъ нерожденнаго Отца родился Умъ, отъ него родилось Слово, потомъ отъ Слова Разумъ, отъ Разума же Пре-

мудрость и Сила, отъ Силы же и Премудрости силы, начальства и ангелы, которыхъ онъ называетъ первыми и говоритъ, что они сотворили первое небо. Потомъ чрезъ истеченіе изъ нихъ появились еще другіе и создали другое небо, подобное первому; и подобнымъ образомъ, когда отъ нихъ произошли другіе, точно соотвѣтствующіе тѣмъ, которые выше ихъ, то образовали третье небо; и отъ третьяго ряда въ нисходящемъ порядкѣ образовался четвертый рядъ ангеловъ, и такимъ же образомъ послѣдовательно произошли все новыя начальства и ангелы, 365 небесъ. Поэтому и годъ по числу небесъ имѣетъ число дней.—Ангелы же, занимающіе самое послѣднее небо, именно видимое нами, устроили все въ мірѣ, и раздѣлили между собою землю и живущіе на ней народы. Ихъ начальникъ есть тотъ, котораго почитаютъ Богомъ іудейскимъ; и такъ какъ онъ хотѣлъ подчинить своимъ людямъ, т. е. іудеямъ всѣ прочіе народы, то ему противостали всѣ прочіе князи. Поэтому стали враждебны его народу всѣ прочіе народы. Но нерожденный неизменяемый Отецъ, видя ихъ погибель, послалъ свой первородный Умъ—онъ то и называется Христомъ,—чтобы освободить вѣрующихъ въ него отъ власти міроздателей. Онъ явился на землѣ ихъ народамъ въ образѣ человѣка и совершалъ силы. Поэтому онъ самъ не страдалъ, но нѣкто Симонъ Киринейскій, который былъ принужденъ нести за Него крестъ; сей былъ преобразенъ, такъ что его считали за Иисуса, и по невѣднію и ошибкѣ былъ распятъ; а самъ Иисусъ принялъ образъ Симона, стоялъ тамъ и смѣялся надъ ними. Такъ какъ онъ былъ безтѣлесная сила и Умъ нерожденного Отца, то онъ измѣнялся по произволу, и такимъ образомъ вознесся въ посланію его, посмѣваясь надъ тѣми, которые не могли его удержать, ибо онъ сталъ для всѣхъ невидимъ. Тѣ же, которые это знаютъ, освобождены отъ начальствъ, создавшихъ міръ, и не должно вѣровать въ распятаго, но въ того, кто пришелъ въ человѣческомъ образѣ, котораго почитали распятымъ, и называли Иисусомъ, и который былъ посланъ Отцемъ, чтобы чрезъ такое домостройство разрушить дѣла міроздателей. Итакъ кто,—говоритъ Василидъ,—вѣруетъ въ распятаго, тотъ еще рабъ и во власти тѣхъ, которые сотворили тѣла; кто же его отрицаетъ, тотъ свободенъ отъ нихъ и знаетъ домостройство нерожденного Отца.—Душа одна получаетъ спасеніе; ибо тѣло по природѣ тлѣнно. Пророчества—говоритъ Василидъ—произошли отъ начальствъ, творцевъ этого міра, собственно же законъ—отъ главы ихъ, который вывелъ свой народъ изъ земли египетской. Василидъ не придаетъ никакого значенія идоложертвеннымъ мясамъ и считая ихъ за ничто, безъ всякаго опасенія употребляетъ ихъ; онъ также считаетъ дѣломъ безразличнымъ пользоваться и другими подобными вещами и всякаго рода удовольствіями. Кромѣ того, эти люди (т. е. гностики) занимаются волхвованіемъ, употребляютъ заклинанія, вызванія и другія продѣлки. Они также вымысливъ нѣкоторыя имена, выдаютъ ихъ за имена ангеловъ, и возвѣщаютъ, что одни изъ нихъ въ первомъ небѣ, другіе во второмъ небѣ; и затѣмъ пытаются для 365 вымышленныхъ небесъ дать имена, указать начала, ангеловъ и силы.

Такимъ образомъ имя міра, откуда низшелъ и куда возшелъ Спаситель, есть *кавлакау*.—Поэтому тотъ, кто это позналъ и узналъ ангеловъ и ихъ причины, дѣлается незримымъ и недоступнымъ для всѣхъ ангеловъ и силъ, также какъ и *кавлакау*. И какъ сынъ былъ для всѣхъ невѣдомъ, такъ и они (т. е. гностики) должны быть никому невѣдомы. Ибо говорятъ они: „ты знай всѣхъ, а тебя пусть никто не знаетъ.“ Потому такіе люди готовы отрекаться, (т. е. отъ Христа) и не могутъ быть мучениками за имя (Христа); ибо ихъ нельзя отличить отъ прочихъ людей. Но немногіе могутъ достигнуть вѣдѣнія, развѣ одинъ изъ тысячи или два изъ десяти тысячъ. Гностики говорятъ, что они не іудеи, но еще и не христіане; и не должны высказывать открыто свои таинства, но молчаніемъ хранить ихъ въ тайнѣ. Разстояніе тѣхъ 365 небесъ они распредѣляютъ, подобно математикамъ. Ибо, принимая математическія теоремы, они (т. е. гностики) передѣляли ихъ сообразно съ характеромъ своего ученія; начальникъ небесъ, говорятъ они, есть $\alpha\beta\rho\alpha\xi\alpha\varsigma$, и потому заключаетъ въ себѣ числа 365. ($\alpha 1 + \beta 2 + \rho 100 + \alpha 1 + \xi 60 + \alpha 1 + \varsigma 200 = 365$).

Ириней о богословіи валентиніанъ (стр. 113—115). Они говорятъ, что въ невидимыхъ и неизреченныхъ высотахъ сперва существовалъ какой то совершенный Эонъ, котораго называютъ Первоначаломъ, Первоотцемъ и Глубиною. Онъ—необъятный и невидимый, вѣчный и безначальный, существовалъ безчисленные вѣка временъ въ величайшей тишинѣ и спокойствіи. Ему соприсуца была Мысль, которую называютъ также Благодатію и молчаніемъ. Эта Глубина нѣкогда вздумала произвести изъ себя начало всѣхъ вещей, и это произведеніе, которое она вздумала породить, какъ сѣмя въ утробу матери, положило въ соприсущномъ ей Молчаніи. Послѣднее, принявъ это сѣмя и зачавъ, родило Умъ, который подобенъ и равенъ своему родителю и одинъ только вмѣщаетъ въ себѣ величіе Отца. Этотъ Умъ называютъ они Единороднымъ, также Отцемъ и Началомъ всего. Вмѣстѣ съ нимъ родилась Истина. Вотъ первая и родоначальная Пифагорейская четверица, которую они называютъ корнемъ всего: именно Глубина и Молчаніе, потомъ Умъ и Истина. Когда же Единородный почувствовалъ, для чего онъ произведенъ, то самъ произвелъ Слово и Жизнь, Отца всѣхъ имѣющихъ произойти послѣ него, начало и образованіе всей Полноты. Изъ Слова и Жизни чрезъ сочетаніе произошли Человѣкъ и Церковь. И это есть родоначальная осмерица, корень и начало всѣхъ вещей, которая названа у нихъ четырьмя именами, именно Глубина, Умъ, Слово и Человѣкъ. Ибо каждое изъ нихъ есть вмѣстѣ мужчина и женщина такимъ образомъ: сперва Первоотецъ совокупился съ своею Мыслію; а Единородный, т. е. Умъ,—съ Истиною, Слово—съ Жизнію и Человѣкъ—съ Церковію.—Эти эоны, произведенные во славу Отца, возжелали и сами отъ себя прославить Отца и произвели своимъ сопряженіемъ новыя произведенія; именно—Слово и Жизнь, по произведеніи Человѣка и Церкви, произвели 10 иныхъ эоновъ, которыхъ называютъ (валентиніане) слѣдующими именами: Глубинный и Смѣшеніе, Нестарѣющійся и Единеніе, Самород-

ный и Удовольствіе, Неподвижный и Сраствореніе, Единородный и Блаженная. Это—десять эоновъ, которые по словамъ валентиніанъ, произошли отъ Слова и Жизни. Далѣе—Человѣкъ и самъ вмѣстѣ съ Церковію произвелъ двѣнадцать эоновъ, которымъ жалуютъ такія имена: Утѣшитель и Вѣра, Отчій и Надежда, Матерній и Любовь, Вѣчный Умъ и Разумѣніе, Церковный и Блаженство, Желанный и Премудрость. Вотъ тридцать эоновъ, придуманныхъ гностическимъ заблужденіемъ,—эоновъ, которые скрываются въ молчаніи и никому невѣдомы. Вотъ невидимая и духовная ихъ Полнота, троечастно раздѣленная: на осмерицу, десятокъ и дюжину. Посему-то, говорятъ, Спаситель (ибо не хотѣлъ именовать Его Господомъ), 30 лѣтъ ничего не дѣлалъ въявь, чтобы тѣмъ указать на таинство сихъ эоновъ. Утверждаютъ также, что и въ притчѣ о работникахъ, посланныхъ въ виноградникъ, весьма явно указано на этихъ 30 эоновъ: ибо одни изъ нихъ посылаются въ первый часъ, другіе—въ третій, иные—въ шестой, другіе—въ девятый, а иные—въ одиннадцатый; въ сложности вышесказанные часы составляютъ собою число тридцать; ибо одинъ, три, шесть, девять и одиннадцать равняются тридцати; часы же, по мнѣнію ихъ, означаютъ эоновъ.

Ч Т Е Н І Е Д Е В Я Т О Е.

Указъ императора Марка Аврелія малоазійскимъ муниципіямъ (стр. 121). Самодержецъ кесарь Маркъ Аврелій Антонинъ августъ, общинѣ азійской—радоваться. Я убѣжденъ, что боги и сами пекутся,—какъ-бы люди враждебные имъ не укрылись; потому что боги гораздо лучше васъ могутъ наказывать тѣхъ, которые не хотѣтъ поклоняться имъ. Вы тревожите (христіанъ) и обвиняете въ безбожии: но этимъ самымъ утверждаете ихъ въ мнѣніи, котораго они держатся. У нихъ, вслѣдствіе обвиненія, является болѣе готовности умереть за своего Бога, нежели жить. Поэтому, полагая души свои, но не соглашаясь дѣлать то, чего вы отъ нихъ требуете, они выходятъ побѣдителями. Что же касается до землетрясеній, бывшихъ и бывающихъ; то вамъ, которые въ подобныхъ случаяхъ унываете и свои нравы сравниваете съ нравами ихъ, я считаю нужнымъ напомнить слѣдующее: во все время такихъ бѣдствій они обнаруживаютъ болѣе дерзновенія предъ Богомъ, а вы, пока бѣдствіе вамъ неизвѣстно, не заботитесь ни о богахъ, ни о чемъ, и не думаете о почитаніи Безсмертнаго, которому служатъ христіане, преслѣдуемые и гонимые вами до смерти. Впрочемъ о нихъ многіе областные правители писали еще прежде къ нашему божественнѣйшему отцу, и онъ отписывалъ имъ, что тревожить этихъ людей не должно, если они не обнаруживаютъ никакихъ враждебныхъ намѣреній противъ римскаго владычества. Писали о нихъ многіе и ко мнѣ, и я отвѣчалъ, согласно съ мнѣніемъ моего отца. Итакъ, если кто станетъ обвинять кого-либо изъ христіанъ въ томъ, что онъ христіанинъ, то обвиняемаго освобождать отъ суда, хотя-бы

онъ оказался дѣйствительно христіаниномъ, а обвинителя подвергать суду. Дано въ Ефесѣ, въ общинѣ азійской.

Посланіе овчины смирской о мученіи св. Поликарпа (стр. 124—128). Чудный Поликарпъ, услышавъ о волненіи противъ него языческой черни, не смутился, а хотѣлъ остаться въ городѣ. Но поелику многіе просили его удалиться, то онъ и удалился въ одну деревеньку, отстоящую не далеко отъ города, и живя тамъ съ немногими, днемъ и ночью ничего болѣе не дѣлалъ, какъ только молился за всѣхъ и за всѣ церкви въ мірѣ; такъ поступалъ онъ и во всякое время. За три дня до того, какъ онъ былъ схваченъ, во время молитвы ему было видѣніе. Видѣлось ему, что возглавіе его горѣло огнемъ. Тогда обратясь къ бывшимъ съ нимъ, онъ сказалъ пророчески: „меня сожгутъ живаго“.—Когда продолжали искать его, онъ перешелъ въ другую деревеньку. Вдругъ явились и тамъ искавшіе его. Онъ могъ удалиться и оттуда въ другое мѣсто, но не захотѣлъ, сказавъ: „да будетъ воля Господня!“ Итакъ услышавъ о пришедшихъ, онъ сошелъ и разговаривалъ съ ними. Пришедшіе дивились его лѣтамъ и твердости духа, и нѣкоторые изъ нихъ сказали: „въ чему было столько заботиться, чтобъ схватить такого старца?“ Немедленно приказалъ онъ предложить имъ пить и ѣсть, сколько имъ хотѣлось, и просилъ ихъ, дать ему нѣсколько времени помолиться безпрепятственно. Когда они согласились, то онъ всталъ и молился, бывъ исполненъ благодатію Божіею, такъ что въ продолженіи двухъ часовъ не могъ умоловать. Слышавшіе дивились, а многіе рассказывались, что пошли противъ такого божественнаго старца. — Когда же онъ окончилъ молитву и наступило время отправиться; тогда посадивъ его на осла, повезли въ городъ; это было въ великую субботу. — Когда, Поликарпъ вступалъ на поприще, былъ съ неба гласъ: „крѣпись и мужайся Поликарпъ!“ Какъ скоро привели его, то проконсулъ спросилъ: „ты ли Поликарпъ?“ и, получивъ утвердительный отвѣтъ, убѣждалъ его къ отрѣченію словами: „побереги свою старость!“ говоря и другое тому подобное по своему обыкновенію: „клянись счастіемъ кесаря, раскайся, скажи: казнь безбожнымъ!“ Но Поликарпъ, съ важнымъ видомъ посмотрѣвъ на толпу находившихся на поприщѣ незаконныхъ язычниковъ, указалъ на нихъ рукою, и, со вздохомъ воззрѣвъ на небо, сказалъ: „казнь безбожнымъ!“ Проконсулъ настойчиво твердилъ: „покланись, и отпущу тебя; худи Христа.“ Но Поликарпъ отвѣтствовалъ: „уже восемьдесятъ шесть лѣтъ служу Ему, и Онъ ничѣмъ не обидѣлъ меня: какъ же могу хулить Царя моего, который спасъ меня?“ Проконсулъ продолжалъ говорить: „покланись счастіемъ кесаревымъ“. Но онъ отвѣчалъ: „ежели ты по тщеславію хочешь, чтобы я покланялся кесаревымъ, какъ говоришь, счастіемъ, и притворяешься незнающимъ, кто я; объявляю открыто: я христіанинъ! Если же хочешь узнать ученіе христіанское, назначь день и послушай“. Проконсулъ сказалъ: „проси у народа!“ Поликарпъ отвѣчалъ: „я тебя только удостоиваю отвѣта. Ибо насъ учили начальникамъ и властямъ, поставленнымъ отъ Бога, воздавать приличную и безвредную для насъ честь; а народъ я считаю недостойнымъ того,

чтобы давать ему отчет." Проконсулъ ему сказалъ: „у меня есть звѣрь, имъ отдашь тебя, если не перемѣнишь мыслей.“ Поликарпъ отвѣчалъ: „требуя звѣрей; ибо у насъ хорошихъ мыслей не перемѣняютъ на худыя. Хорошо обращаться отъ зла къ правдѣ.“ Проконсулъ продолжалъ: „когда не боишься звѣрей, то я велю тебя сжечь огнемъ; ежели не перемѣнишь мыслей“. Поликарпъ отвѣчалъ: „ты грозишь огнемъ, который часъ горитъ, и потомъ угасаетъ; потому что тебѣ неизвѣстенъ огонь будущаго суда и вѣчной казни, который уготованъ нечестивымъ. Но что медлить? Дѣлай, что намъ вѣруетъ.“ Поворя сіе и много подобаго, онъ исполнился смѣлости и радости, такъ что не только не смутился отъ того, что ему говорили, но напротивъ того проконсулъ пришелъ въ изумленіе, и послалъ своего провозвѣстника трижды провозгласить среди поприща: *Поликарпъ объявилъ себя христіаниномъ.* Когда было сказано провозвѣстникомъ, то все множество язычниковъ⁽¹⁾ и иудеевъ, живущихъ въ Смирнѣ, съ неукротимымъ ревнованіемъ громко возопило: „это учитель нечестія; отецъ христіанъ, истребитель нашихъ боговъ, который многихъ учить не приносить жертвъ и не поклоняться богамъ.“ Говоря сіе, они подъяли крикъ, и просили асіарха Филиппа, чтобы выпустилъ льва на Поликарпа. Филиппъ отвѣчалъ, что ему нельзя его сдѣлать; потому что бой со звѣрями уже покончился. Тогда вздумалось имъ закричать въ одинъ голосъ: сжечь Поликарпа! Сіе скоро было исполнено, нежели сказано. Народъ немедленно набралъ дровъ и хворосту съ дворовъ и бань, въ чемъ съ особенною готовностію помогали иудеи, по своему обыкновенію. Когда готовъ былъ костеръ: то Поликарпъ снялъ съ себя всю одежду, и, развязавъ свой поясъ, началъ и разуваться. Когда же хотѣли его и пригвоздить: то онъ сказалъ: „оставьте меня такъ. Тотъ, кто дастъ мнѣ силы терпѣть огонь, дастъ силы, и безъ нашихъ гвоздей, быть на кострѣ неподвижнымъ.“ Посему не пригвоздили его, однако связали. Итакъ онъ, положивъ руки назадъ и бывъ связанъ, воззрѣвъ на небо и сказалъ: „Господи, Боже Вседержитель, благословляю Тебя, что Ты удостоилъ меня въ сей день и часъ, принять участіе въ числѣ мучениковъ Твоихъ и въ чапѣ Христа Твоего, для воскресенія въ жизнь вѣчную душою и тѣломъ въ негнѣнии Святаго Духа. За сіе и за все хвалю Тебя, благословляю Тебя, прославляю Тебя, купно съ вѣчнымъ и пренебеснымъ Иисусомъ Христомъ, возлюбленнымъ Твоимъ Сыномъ, съ которымъ Тебѣ и Святому Духу слава и нынѣ и въ будущемъ вѣкѣ. Аминь.“

Когда онъ произнесъ *аминь*, и окончилъ молитву: тогда служившіе при кострѣ разожгли огонь. Когда же огонь сильно разгорѣлся, то мы увидѣли великое чудо, мы, которымъ дано было видѣть. Огонь, принявъ видъ свода, подобно корабельному парусу, надутому вѣтромъ, стоялъ вокругъ мученикова тѣла, и оно, находясь въ срединѣ, было не какъ тѣло сжигаемое, но какъ пекущійся хлѣбъ или языкъ золото и серебро, разжигаемое въ горнѣ. Мы чувствовали такое благоуханіе, какъ бы пахло ладномъ или другимъ драгоценнымъ ароматомъ.— Беззаконные, видя, что тѣло его не можетъ быть сожжено огнемъ, велѣли подойти исполнителю казни и вонзить въ него кинжалъ. Когда

палачъ это сдѣлалъ, то вылетѣлъ голубь и кровь тѣла въ такомъ обилии, что погасила огонь, и весь народъ съ удивленіемъ видѣлъ, какое различіе между невѣрными и избранными. Послѣ сего мы взяли кости Поликарпа, которыя превосходнѣе дорогихъ камней и лучше золота, и положили, гдѣ слѣдовало.

Тертулліанъ о чудѣ громоноснаго легіона. (стр. 130). Маркъ Аврелій во время германскаго похода молитвами къ Богу христіанскимъ: воинствъ испросилъ дождь жаждущему войску.

Изъ посланія ліонской и вьенской церкви о лѣнонскихъ мученикахъ (стр. 130—132). Веттій Епатагъ, одинъ изъ числа нашихъ собратій, человекъ, проникнутый горячею любовью къ Богу и ближнему, не могъ снести несправедливаго приговора противъ насъ, но движимый негодованіемъ, требовалъ, чтобы ему позволено было говорить въ пользу братій—и ясно доказать, что у насъ не бываетъ ничего нечестиваго или противнаго религіи. Но когда лица, принадлежавшія къ трибуналу, стали громко выказываться противъ него, (ибо сослуживцами извѣстны были его убѣжденія) и самъ председатель суда неблагопріятно отнесся къ его прощенію въ высшей степени справедливому, и только спросилъ, христіанинъ ли онъ?—то Епатагъ громко исповѣдалъ себя христіаниномъ и присоединился къ числу мучениковъ.

Съ этого времени начали дѣлать разборъ и разслѣдованіе и откровенно прочіихъ. И вызвались сами, и оказались первоученики. Такова была служанка Бландина, чрезъ которую показалъ Христосъ, что вахущееся людямъ низкимъ, презрѣннымъ и безчестнымъ удостоивается большей чести отъ Бога, ради преизбыточествующей любви къ Нему. Среди жестокайшихъ мученій Бландина говорила только: *и христианка и ничего худого у насъ не дѣлается.*

Но тогда же ясно обозначились люди не приготовленные и не выдержанные и не имѣвшіе довольно силъ къ подъятію такого подвига. Изъ нихъ около десяти падшихъ принесли намъ много слезъ и горя, и ослабили ревность прочіихъ. Изъ числа отречшихся въры во Христа была нѣкая Бибмада, и когда дѣволъ сяталъ ее своею жертвою, и хотѣлъ не только подвергнуть ее осужденію, но и надругаться надъ нею, то она была ведена на мученія и принуждаема, какъ женщина непостоянная и слабодушная, свидѣтельствовать противъ христіанъ какъ противъ людей нечестивыхъ. Но она образумилась среди мученій и какъ бы пробудилась отъ глубокаго сна, какъ будто тернивая ея казнь наведе ее на мысль о мученіяхъ вѣчной геенны. И вопреки нечестивцамъ она сказала: *возможное ли дѣло, чтобы ты, младенцевъ твоихъ, которые не позволяютъ себѣ питаться кровію животныхъ?* За это она была признана христіанкою и присоединена къ числу мучениковъ.—Блаженнѣйшій же Поэинъ, епископъ церкви ліонской, 90-лѣтній старецъ, на вопросъ председателя, кто Богъ христіанскій, отвѣчалъ: *знаешь, если будешь достоинъ.* Послѣ сего безъ всякаго человеколюбія епископъ былъ схваченъ и подвергнутъ безчисленному множеству ударовъ. Потомъ, еле дышащій былъ ввергнутъ въ темницу, гдѣ чрезъ

два дня и скончался.. Нѣкоторые изъ христіанъ, оказавшіеся римскими гражданами, были обезглавлены, остальные отданы звѣрямъ.. Мы между тѣмъ были подавляемы самою тяжкою скорбію, потому что не позволялось намъ погребать тѣла мучениковъ. Не помогали намъ и ночной мракъ; нельзя было смягчить мучителей ни деньгами, ни просьбами; напротивъ того съ величайшимъ усердіемъ и тщаніемъ они стерегли тѣла мучениковъ, какъ будто находили для себя величайшую выгоду въ томъ, чтобы лишить ихъ погребенія. Итакъ тѣла мучениковъ, подвергнутыя всяческому безчестію и въ теченіе семи сутокъ лежавшія выброшенными на открытомъ воздухѣ, наконецъ были сожжены и превращенныя въ пепель высыпаны нечестивцами въ мимо текущую рѣку, чтобы на землѣ не уцѣлѣло никакого останка тѣлъ мученическихъ. Мучители поступали такъ, какъ будто бы были выше Бога и могли отнять у мучениковъ воскресеніе, чтобы не оставить имъ—говорили нечестивцы—никакой надежды на возстаніе. „Посмотримъ-де, воскреснутъ ли они; будетъ ли съ ними Богъ ихъ и въ силахъ ли Онъ изъять ихъ изъ рукъ нашихъ.“

Ч Т Е Н І Е Д Е С Я Т О Е.

Изъ первой апологіи Іустина мученика (137—141).

Люди истинно благочестивые и истинные философы должны уважать и любить только истину..... Что же это значитъ? мы объявляемъ, что не дѣлаемъ ничего преступнаго и не держимся безбожныхъ ученій, и вы не дѣлаете судебного изслѣдованія, но по влеченію безразсудной страсти и по наущенію злыхъ демоновъ казните насъ—безъ разсужденія и заботы. Но должно сказать истину. Еще въ древности злые демоны, открыто являясь, оскверняли женщинъ и отроковъ и наводили на людей поразительные ужасы, такъ что тѣ, которые не разсуждали разумомъ объ ихъ дѣйствіяхъ, будучи объяти страхомъ, и не зная, что это были злые демоны, называли ихъ богами и давали имъ такое имя, какое кто изъ демоновъ самъ себѣ избралъ. Но когда Сократъ рѣшился обнаружить это, руководствуясь истиннымъ разумомъ и изслѣдованіемъ, и отвести людей отъ демоновъ, тогда сами демоны воспользовались людьми, живущими въ злѣ, и чрезъ нихъ Сократъ былъ осужденъ на смерть, какъ безбожникъ и нечестивецъ, подъ тѣмъ предлогомъ, будто бы онъ вводитъ новыя божества. Подобнымъ образомъ они тоже самое дѣлаютъ и противъ насъ. Ибо не только среди эллиновъ обличено это Словомъ чрезъ Сократа, но и среди варварскихъ народовъ тѣмъ же Словомъ, которое приняло видимый образъ, сдѣлалось человѣкомъ и нареклось Іисусомъ Христомъ. Вѣруя этому Слову, мы говоримъ, что духи, дѣлавшіе такія дѣла, не только не суть добрые, но злые и нечестивые демоны, которые по дѣлающъ своимъ не могутъ сравняться даже съ людьми, любящими добродѣтель. Потому то насъ называютъ безбожниками..... Кто же изъ здравомыслящихъ не сознается, что мы не безбожники, когда почитаемъ Создателя всего міра, и согласно съ тѣмъ, какъ мы научены, говоримъ,

то онъ не требуетъ крови, возліаній и куреній, а славимъ его по мѣрѣ силъ словомъ молитвы и благодареніемъ.... Нашъ учитель въ этомъ есть Іисусъ Христосъ, который для этого родился и былъ распятъ при Понтіѣ Пилатѣ, бывшемъ правителѣ Іудеи, во времена Тиберія кесаря; и мы знаемъ, что онъ Сынъ Самого истиннаго Бога, и и. поставляемъ его на второмъ мѣстѣ, а Духа пророческаго на третьемъ. Что мы справедливо почитаемъ его,—я докажу вамъ. Насъ обвиняютъ въ безуміи за то, что мы послѣ неизмѣннаго и вѣчнаго Бога и Отца всего даемъ второе мѣсто распятому человѣку, а не знаютъ заключающейся въ этомъ тайны.

Мы также отстали отъ нихъ (т. е. демоновъ) какъ скоро увѣровали Слово, и теперь посредствомъ Сына слѣдуемъ единому Богу нерожденному; мы прежде находили удовольствіе въ любодѣянніи, нынѣ любимъ одно цѣломудріе; прежде пользовались хитростями магіи, а нынѣ предали себя благому и нерожденному Богу; прежде мы болѣе всего заботились о снисканіи богатства и имѣнія, нынѣ и то, что и имѣемъ, вносимъ въ общину и дѣлимся со всякимъ нуждающимся; прежде другъ друга ненавидѣли, убивали, и не хотѣли пользоваться однимъ очагомъ съ иноплеменниками, по разности обычаевъ,—нынѣ по явленіи Христовомъ, живемъ вмѣстѣ, и молимся за враговъ нашихъ, и несправедливо ненавидящихъ насъ стараемся убѣждать, чтобы они, живя по добрымъ Христовымъ правиламъ, вѣрно надѣялись получить съ нами и тѣже самыя блага отъ владычествующаго надъ всѣмъ Бога...

(*Символика креста*). Разсмотрите всѣ вещи въ мірѣ, устроены ли что безъ формы (креста) и можетъ ли быть безъ нея взаимная связь? По морю нельзя плавать, если на кораблѣ не цѣль тотъ трофей, который называется парусомъ; земли нельзя орать безъ крестообразнаго плуга; копающіе землю, равно какъ и ремесленники, не иначе производятъ свою работу, какъ посредствомъ орудій, имѣющихъ ту же форму. И наружный видъ человѣка отличается отъ вида неразумныхъ животныхъ только тѣмъ, что человѣкъ прямъ и имѣетъ возможность протягивать свои руки,—и на своемъ лицѣ имѣетъ простирающійся ото лба такъ называемый носъ, посредствомъ котораго совершается у животныхъ дыханіе, и который не что другое представляетъ, какъ фигуру креста...

(*Богослуженіе первоенствующихъ христіанъ*). Кто убѣдится и повѣритъ, что это ученіе и слова наши истинны, и обѣщается жить сообразно съ вѣрою,—тѣхъ учать, чтобы они съ молитвою и постомъ просили у Бога отпущенія прежнихъ грѣховъ, и мы молимся и постимся съ ними. Потому мы приводимъ туда, ихъ гдѣ есть вода, и они возрождаются такимъ же образомъ, какъ сами мы возродились, то есть посредствомъ омовенія водою во имя Бога Отца и владыки всего, и Спасителя нашего Іисуса Христа, и Духа Святаго... А омовеніе это называется просвѣщеніемъ, потому что просвѣщаются умомъ тѣ, которые познаютъ это. Послѣ того, какъ омоется такимъ образомъ увѣровавшій и давшій свое согласіе, мы ведемъ его къ такъ называемымъ братьямъ въ общее собраніе для того, чтобы со всѣмъ усердіемъ совер-

шить общія молитвы, какъ о себѣ, такъ и о просвѣщенномъ и о всѣхъ другихъ повсюду находящихся, дабы удостоиться намъ, познавшимъ истину, явиться и по дѣламъ добрыми гражданами и исполнителями заповѣдей, для получения вѣчнаго спасенія.

По окончаніи молитвъ мы привѣтствуемъ другъ друга лобзаніемъ. Потомъ къ предстоятелю братій привозятся хлѣбъ и чаша воды и вина; онъ, взявъ это, возсылаетъ именемъ Сына и Духа Святаго хвалу и славу Отцу всего и подробно совершаетъ благодареніе за то, что онъ удостоилъ насъ этого. Послѣ того, какъ онъ совершитъ молитвы и благодареніе, весь присутствующій народъ отвѣчаетъ: аминь. Послѣ благодаренія предстоятеля и возглашенія всего народа, такъ называемые у насъ диаконы даютъ каждому изъ присутствующихъ приобщеніе хлѣба, надъ которымъ совершено благодареніе, и вина и воды, и относятъ къ тѣмъ, которые отсутствуютъ. Пища эта у насъ называется евхаристіею, — благодареніемъ, и никому другому не позволяется участвовать въ ней, какъ только тому, кто вѣруетъ въ истину ученія нашего и омылся омовеніемъ во оставленіе грѣховъ и въ возрожденіе, и живетъ такъ, какъ Христосъ. Ибо мы принимаемъ это не такъ какъ обыкновенный хлѣбъ или обыкновенное питье: но какъ Христосъ, Спаситель нашъ, Слово Божіе воплотился и имѣлъ плоть и кровь для спасенія нашего, такимъ же образомъ пища эта, надъ которой совершено благодареніе чрезъ молитву слова Его, и отъ второй чрезъ уподобленіе получаетъ питаніе наша кровь и плоть, есть — какъ мы научены — плоть и кровь того воплотившагося Иисуса.

За всѣ получаемаыя наши благодѣянія мы прославляемъ Создателя всего, чрезъ Сына Его Иисуса Христа и чрезъ Духа Святаго. Въ такъ называемый день солнца бываетъ у насъ собраніе въ одно мѣсто всѣхъ живущихъ по городамъ и селамъ, и читаются, сколько позволяетъ время, сказанія апостоловъ или писанія пророковъ. Потомъ, когда чтеніе перестанетъ, предстоятель посредствомъ слова дѣлаетъ наставленіе и увѣщаніе подражать тѣмъ прекраснымъ образцамъ. Затѣмъ всѣ вообще встаемъ и возсылаемъ молитвы; когда же окончимъ молитву, тогда, какъ я выше сказалъ, приносятся хлѣбъ и вино и вода, и предстоятель также возсылаетъ молитвы и благодаренія, сколько онъ можетъ. Народъ выражаетъ свое согласіе словомъ — аминь, и бываетъ раздаяніе каждому и приобщеніе даровъ, надъ коими совершенно благодареніе, а къ небывшимъ они посылаются чрезъ диаконовъ.

Достаточные же и желающіе, каждый по своему произволенію, даютъ, что хотятъ, и собранное хранится у предстоятеля; а онъ имѣетъ попеченіе о сиротахъ и вдовахъ, о всѣхъ нуждающихся по болѣзни или по другой причинѣ, о находящихся въ узакъ, о странникахъ идалека, вообще печется о всѣхъ находящихся въ нуждѣ. Въ день же солнца мы всѣ вообще дѣлаемъ собраніе потому, что это есть первый день, въ который Богъ, измѣнивъ мракъ и вещество, сотворилъ міръ, а равно Иисусъ Христосъ Спаситель нашъ въ тотъ же день воскресъ изъ мертвыхъ.

ЧТЕНІЕ ОДИНАДЦАТОЕ

Изъ воспоминаній св. Иринея лѳонскаго (стр. 148). Тогдашнее я помню тверже, чѣмъ недавнее. Такъ я могъ бы описать даже мѣсто, гдѣ сидѣлъ и разговаривалъ блаженный Поликарпъ; могу изобразить его походку, образъ его жизни и внѣшній видъ, его бесѣды къ народу, какъ онъ рассказывалъ о своемъ обращеніи съ Іоанномъ и съ прочими самовидцами Господа, какъ онъ припоминалъ слова ихъ и пересказывалъ, что слышалъ отъ нихъ о Господѣ, Его чудесахъ и ученіи. Такъ какъ онъ слышалъ все отъ самовидцевъ жизни Слова, то онъ рассказывалъ согласно съ Писаніемъ. По Божіей милости ко мнѣ, я и тогда еще внимательно слушалъ Поликарпа и записывалъ слова его, не на бумагѣ, но въ моемъ сердцѣ—и по милости Божіей всегда сохраняю ихъ въ свѣжей памяти.

Изъ книги св. Иринея противъ ересей (стр. 140—150). Если кто спроситъ насъ: какъ Сынъ произшелъ отъ Отца? то мы отвѣтимъ ему, что этого происхожденія, или рожденія, или наименованія, или откровенія—или какъ хотите назовите это неизрѣченное рожденіе—никто не знаетъ ни Валентинъ, ни ангелы, только одинъ родившій Отецъ и рожденный Сынъ. И такъ если это рожденіе необъяснимо, то всѣ тѣ, которые усиливается объяснить рожденіе и происхожденіе, сами не знаютъ, что дѣлаютъ, покушаясь изъяснить то, что неизъяснимо.

Церковь, хотя разбѣяна по всей вселенной даже до концевъ земли, приняла отъ апостоловъ и учениковъ ихъ вѣру въ единаго Бога Отца, Вседержителя, сотворившаго небо и землю, и море, и все, что въ нихъ, и во единаго Христа Иисуса, Сына Божія, воплотившагося для нашего спасенія, и въ Духа Святаго, чрезъ пророковъ возвестившаго все домостроительство Божіе и прішествіе и рожденіе отъ Дѣвы, и страданіе и воскресеніе изъ мертвыхъ и вознесеніе во плоти на небо возлюбленнаго Христа Иисуса Господа нашего, а также явленіе Его съ небесъ во славу Отчей, чтобы „воглавить все“ и воскресить всякую плоть всего человѣчества, да предъ Христомъ Иисусомъ, Господомъ нашимъ и Богомъ, Спасомъ и Царемъ, по благоволенію Отца невидимаго, „преклонится всякое колѣно небесныхъ и земныхъ и преисподнихъ, и всякій языкъ исповѣдается Ему“, и да сотворитъ Онъ праведный судъ о всѣхъ: духовъ злобы и ангеловъ согрѣшившихъ и отпадшихъ, а также и нечестивыхъ, неправедныхъ, беззаконныхъ и богохульныхъ людей Онъ пошлетъ въ огонь вѣчный, напротивъ праведныхъ и святыхъ, соблюдавшихъ заповѣди Его и пребывавшихъ въ любви къ нему отъ начала или по раскаяніи, даруетъ жизнь, подастъ вѣдѣніе и сотворитъ вѣчную славу.

Это ученіе и эту вѣру церковь, хотя и разбѣяна по всему міру, — тщательно хранитъ, какъ бы обитая въ одномъ домѣ; одинаково вѣруетъ этому, какъ бы имѣя одну душу и одно сердце; согласно проповѣдуетъ это, учитъ и передаетъ, какъ бы у ней были одни уста. Ибо хотя въ мірѣ языки различны, но сила преданія одна и таже. Не иначе вѣрятъ, и не различное имѣютъ преданіе церкви, основан-

ныя въ Германіи, въ Испаніи, у кельтовъ, на востокъ, въ Египтѣ, въ Ливіи и въ срединѣ міра. Но какъ солнце—это твореніе Божіе—во всемъ мірѣ одно и тоже: такъ и проповѣдь истины вездѣ сіяетъ и проsvѣщаетъ всѣхъ людей желающихъ придти въ познаніе истины.

Еретики, всегда ипущіе и никогда не могущіе найти истину... еретики, приносящіе къ олтарю Божію чуждый огонь, т. е. чуждыя ученія, будутъ сожжены небеснымъ огнемъ, какъ Надавъ и Авіудъ.

Изъ письма Иринея е. ліонскаго къ Виктору е. римскому (стр. 152). Апостолы постановили, что мы не должны никого осуждать за пищу или питіе или празднованіе новомѣсячій и субботъ. Откуда же такіе споры? откуда раздѣленія? Мы празднуемъ, но съ закваскою злобы и лукавства, разрывая церковь Божію; мы соблюдаемъ внѣшнее, и отвергаемъ лучшее—вѣру и любовь. А между тѣмъ мы слышали изъ словъ пророческихъ, что Господу не угодны такіе праздники и посты.

Ч Т Е Н І Е Д В Ъ Н А Д Ц А Т О Е .

Изъ сказанія о мученіи Перпетуи, записаннаго отчасти со словъ ея (стр. 161—162). „Отець, говорю, видишь ли этотъ сосудъ стоящій здѣсь: кружка это или что другое?“—Онъ сказать вижу. И я сказала ему: „неужели можно назвать его иначе, чѣмъ какъ онъ называется?“—и говоритъ: нѣтъ. „Такъ и я не могу назвать себя иначе, какъ только христіанкою.“

Въ продолженіе этихъ немногихъ дней мы были крещены.... Спустя немного насъ заключили въ темницу и я ужаснулась, потому что никогда не испытывала такой темноты. О страшный день! Невиданный мракъ, духота и жаръ отъ множества содержимыхъ, грубое обращеніе солдатъ и ко всему этому мучительное безпокойство о дитяти.

(Послѣ причастія) тотчасъ я почувствовала силу и стала способна къ труду и уходу за ребенкомъ: и темница сдѣлалась для меня какъ бы дворцомъ, такъ что я желала быть лучше тамъ, чѣмъ гдѣ либо....

(Слова отца Перпетуи) „Дочь моя! сжался надъ моими сѣдинами, сжался надъ отцомъ, если только достоинъ я, чтобы ты звала меня отцемъ. На своихъ рукахъ я берегъ тебя до этого цвѣтушаго возраста, я любилъ тебя болѣе всѣхъ твоихъ братьевъ; не отдавай же меня на позоръ людямъ. Вспомни о своихъ братьяхъ, вспомни о матери и тѣстѣ, вспомни о своемъ сынѣ, который безъ тебя не будетъ живъ. Оставь упрямство и не губи насъ всѣхъ. Никому изъ насъ нельзя будетъ головы поднять, если ты подвергнешься чемунибудь!“

(Отвѣтъ Перпетуи). „Пусть будетъ со мною, что Богу угодно на этомъ поприщѣ; знай, что мы не властны въ себѣ, но состоимъ въ волѣ Божіей.“

Гиларіанъ прокураторъ сказалъ: пожалѣй сѣдинъ твоего отца, пожалѣй слабого младенца и принеси жертву за здравіе императора. И я отвѣчала: нѣтъ. Гиларіанъ сказалъ: ты христіанка. И я отвѣ-

чала: я христіанка. И когда отвели меня въ сторону, стоялъ отецъ около меня и Гиларіанъ приказалъ увести его и сѣчь. И горько стало мнѣ за отца моего какъ будто я сама подвергалась наказанію: такъ жаль мнѣ было его бѣдственную старость.

Другая мученица Фелицитата во время тюремнаго заключенія мучилась родами. „Если ты теперь такъ страдаешь“, говорили темничные стражи, — „каково же тебѣ будетъ достаться звѣрямъ, которыхъ ты пренебрегла, когда отказалась принести жертву.“ Мученица отвѣчала: „теперь я терплю то, что терплю; а тогда будетъ другой во мнѣ, который будетъ терпѣть за меня, потому что я рѣшилась страдать за него.“

(*Конецъ мученичества*). Возсіялъ день побѣды ихъ и пошли они изъ тюрьмы на амфитеатръ, какъ бы на небо, съ веселымъ видомъ.... Вошедши въ дверь, они принуждаемы были переимѣнить одежду; мужчинъ заставляли одѣться жрецами Сатурна, а женщинъ — жрицами Цереры. Благородная твердость ихъ воспротивилась до конца. Они говорили: *для этого мы добровольно и пришли на мученія, чтобы не стѣснялась наша свобода. За это мы и душу свою отдаемъ, чтобы не дѣлать чего-либо подобнаго. Таковъ договоръ нашъ съ вами.* Побѣдила неправда правду. Согласился трибунъ, чтобы они были введены просто, какъ были одѣты. Поровнявшись съ прокураторомъ Гиларіаномъ, они жестами и мановеніями высказали ему: *ты судилъ насъ, тебя будетъ судить Богъ....* И Тотъ, Кто сказалъ: *просите и получите*, далъ каждому изъ нихъ такой конецъ, какого кто пожелалъ.

Изъ Элія Лампридія о Геліогабалѣ (стр. 164). Говорилъ кромѣ того Геліогабалъ, что религію іудеевъ и самарянъ и христіанскую набожность нужно перенести сюда, чтобы священство Галіогабалово обладало тайною всѣхъ культовъ.

Изъ Светонія объ Александрѣ Северѣ (стр. 165). Въ утренніе часы А. Северъ совершалъ богослуженіе въ своей молельнѣ, гдѣ помѣстилъ изображенія покойныхъ государей, впрочемъ не всѣхъ, а только лучшихъ и избранныхъ, а также праведныхъ людей, въ числѣ ихъ Аполлонія и—по извѣстію современнаго писателя—Христа, Авраама и Арѣя и подобныхъ боговъ и предковъ.... Северъ хотѣлъ построить Христу храмъ и включить его въ число боговъ, о чемъ, говорятъ, помышлялъ и Адрианъ.

Ч Т Е Н І Е Т Р И Н А Д Ц А Т О Е .

Гимнъ Христу Спасителю св. Климента Алексан-
дрійскаго. (стр. 179—181).

Неукротимыхъ онагровъ сми-
ритель,
Брыло птенцовъ летающихъ
вѣрно,
Непоколебимое кормило юно-
шей,
Пастырь агнцевъ царствен-
ныхъ!

Твоихъ невинныхъ
Дѣтей собери
Свято славить,
Искренно пѣть
Устами чистыми
Тебя Вождь дѣтей—Христа!

Царь святыхъ,
Державный Слове
Отца превышняго,
Податель мудрости,
Крѣпость страждущихъ,
Владыка вѣчности,
Рода смертнаго
Спаситель Исусе!
Пастырь и дѣлатель,
Кормило, узда,
Небесное крыло
Стада святаго!
Ловець человѣковъ
Тобой спасаемыхъ,
Въ волнахъ неприязненныхъ
Моря нечестія,
Рыбъ чистыхъ
Сладкой пищей уловляющій!
Веди насъ пастырь
Разумныхъ овецъ!
Веди насъ святой,

Царь дѣтей непорочныхъ!
Веди по стезѣ Христовой.
Ты путь небесный,
Слово превѣчное,
Вѣкъ безпредѣльный,
Свѣтъ превѣчный,
Источникъ милости,
Правитель добродѣтели,
Жизнь непорочная,
Пѣвецъ Божіихъ—Христе
Исусе!

Небесное млеко,
Изъ сладкихъ сосцевъ
Дѣвы благодатной—
Мудрости Твоей источен-
ное!

Мы твои дѣти,
Нѣжными устами
Воскормленные,
Нѣжнымъ дыханіемъ
Материнской груди
Исполненные!
Пѣсни простыя,
Гимны невинныя
Христу царю
Въ награду святую
За ученіе жизни
Поемъ всѣ купно;
Поемъ просто
Отрока державнаго.

Вы ликъ мира,
Дѣти Христовы,
Люди святые!
Пойте всѣ купно Бога мира!

Ч Т Е Н І Е Ч Е Т Ы Р Н А Д Ц А Т О Е .

Изъ Тертулліана (стр. 192). Что общаго между Аѳинами и
Іерусалимомъ? между академію и церковію? между еретиками и хри-
стіанами?

—(Стр. 193). Стань на средину душа! Не въ такомъ видѣ я при-
зываю тебя, когда ты, образованная въ школахъ, обученная въ биб-

ліотекахъ, академіяхъ и аттическихъ портикахъ, изрыгаешь мудрость. Вызываю я тебя простую, грубую, необразованную, немудрую, какова ты у тѣхъ, которые имѣютъ только одну тебя. Для меня и нужна твоя безыскусственность, потому что какой либо искусственности никто не вѣритъ. Я знаю, что ты не христіанка, ибо ты не рождаешься, а дѣлаешься христіанкою. Однако теперь христіане требуютъ отъ тебя свидѣтельства. (Свидѣтельство души Тертуліанъ находитъ въ общепотребительныхъ присловьяхъ: *что Богъ дастъ, если Богу угодно, Богъ милостивъ, Богъ видитъ все, Богу вручаю, Богъ воздастъ, Богъ между нами разсудитъ*).

—(Стр 196). Неужели присяга людямъ выше обѣта Богу, и мы, обрѣвши Христу, должны присягать еще другому господину?... Можно ли намъ братья за мечъ, когда Господь сказалъ, что *взявшій мечъ мечемъ погибнетъ!* Пойдетъ ли на войну сынъ мира, которому даже и тѣбу вести не прилично? станетъ ли подъ знамя государя тотъ, кто уже знаменованъ Богомъ?

Ч Т Е Н І Е П Я Т Н А Д Ц А Т О Е.

Мученіе св. Кипріана карѳагенскаго. *Судопроизводство 30 августа 257 года (стр. 205—206)*. „При императорѣ Валеріанѣ IV и Галліенѣ III, консулахъ, въ III календы сент. въ Карѳагенѣ въ присутственномъ мѣстѣ проконсулъ *Патернъ* сказалъ епископу Кипріану: „священнѣйшіе императоры Валеріанъ и Галліанъ, удостоили писать ко мнѣ повелѣвая, чтобы не хранящіе римской религіи соблюдали тѣмъ не менѣе римскія церемоніи. Спрашиваю объ имени твоёмъ; что ты мнѣ скажешь?“ *Кипріанъ* епископъ сказалъ: „я христіанинъ и епископъ. Не знаю никакихъ иныхъ боговъ, кромѣ истиннаго Бога, который сотворилъ небо и землю, море и все, что есть въ нихъ. Сему Богу мы христіане служимъ; Его умоляемъ день и ночь за себя и за всѣхъ людей, и за благоденствіе самихъ императоровъ“. *Патернъ* проконсулъ сказалъ: ты твердо стоишь на своей волѣ? *Кипріанъ* епископъ отвѣчалъ: „добрая воля, познавшая Бога, измѣняться не можетъ“. *Патернъ* проконсулъ сказалъ: итакъ можешь согласно предписанію Валеріана и Галліена отправляться въ изгнаніе въ городъ курубитанскій. *Кипріанъ* епископъ сказалъ: „отправляюсь.“ *Патернъ* проконсулъ сказалъ: императоры удостоили писать ко мнѣ не только о епископахъ, но и о пресвитерахъ. Желаю знать отъ тебя, кто пресвитеры, состоящіе въ семь городѣ. *Кипріанъ* епископъ отвѣчалъ: „въ своихъ законахъ вы хороши и полезно постановили, чтобы донощиковъ не было. Итакъ пресвитеры не могутъ быть открыты и выданы мною. Они окажутся на своихъ мѣстахъ“. *Патернъ* проконсулъ сказалъ: я сегодня здѣсь розыщу ихъ. *Кипріанъ* сказалъ: „дисциплина воспрещаетъ имъ заявить о себѣ, да и для твоей цензуры это было бы не благоугодно; посему пресвитеры и не могутъ выдать себя сами, но если ты сдѣлаешь розыскъ, то они будутъ найдены.“ *Патернъ* проконсулъ сказалъ: я ихъ найду,—и прибавилъ:—кромѣ того импе-

раторы предписали, чтобы нигдѣ не было сборищъ, и чтобы не ходили на кладбища. Кто не будетъ соблюдать столь спасительнаго повелѣнія, будетъ казненъ смертію. *Кипріанъ* епископъ отвѣчалъ: „дѣлай, что тебѣ приказано.“—Тогда *Патернъ* проконсулъ приказалъ *Кипріана* епископа отправить въ ссылку.

Судопроизводство 14 сентября 258 года (стр. 207—208). Когда *Кипріанъ* былъ введенъ, то *Галерій Максимъ* проконсулъ сказалъ *Кипріану* епископу: ты *Фасцій Кипріанъ*? *Кипріанъ* епископъ отвѣчалъ: „я“. *Галерій Максимъ* проконсулъ сказалъ: священнѣйшіе императоры приказали тебѣ принять участіе въ церемоніяхъ. *Кипріанъ* епископъ сказалъ: „я не согласенъ.“ *Галерій Максимъ* сказалъ: подумай о себѣ. *Кипріанъ* епископъ отвѣчалъ: дѣлай, „что тебѣ приказано. Въ столь справедливомъ дѣлѣ не нужно размышленіе“. *Галерій Максимъ*, переговоривъ съ судомъ, безъ труда изрекъ приговоръ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: долго ты жилъ съ нечестивымъ образомъ мыслей и множество людей собралъ въ свое незаконное скопище и оказался врагомъ боговъ и священныхъ законовъ и не могъ благочестивые и священнѣйшіе государи *Валеріанъ* и *Галліенъ августы* и *Валеріанъ знаменитѣйшій цезарь* возвратить тебя къ слѣдованію своимъ церемоніямъ. И когда такимъ образомъ ты оказался виновникомъ и предводителемъ гнуснѣйшихъ преступленій; то ты самъ и будешь примѣромъ для тѣхъ, кого собралъ участниками въ своемъ злодѣяніи: кровью твоею утвердится дисциплина. И сказавъ это, прочиталъ опредѣленіе по таблицѣ: *Фасція Кипріана* слѣдуетъ казнить мечемъ. *Кипріанъ* епископъ сказалъ: слава Богу.

Послѣ этого приговора толпа братій сказала: и мы съ нимъ головы сложимъ. Посему произошло смятеніе между братьями и великая толпа послѣдовала за *Кипріаномъ*. И выведенъ былъ *Кипріанъ* на поле *Секста*, и тамъ снявъ верхнюю одежду преклонилъ колѣна и повергся въ молитвѣ ко Господу. За тѣмъ снявъ и отдавъ діаконамъ *далматикъ*, сталъ въ рядъ и началъ ожидать палача. Когда же пришелъ палачъ, приказалъ своимъ, чтобы дали тому же палачу 25 червонцевъ. Братья разостлали предъ нимъ ручки и полотна. Послѣ того блаженный *Кипріанъ* собственноручно закрылъ себѣ глаза, и такъ какъ онъ не могъ самъ завязать платва, то завязали ему *Юліанъ пресвитеръ* и *Юліанъ подьяконъ*. Такъ пострадалъ блаженный *Кипріанъ* и тѣло его положено тутъ же неподалеку въ виду наблюдающихъ язычниковъ. А на другой день со свѣчами, богослуженіемъ и великимъ торжествомъ перенесено учениками на площадь *Макробія Кандидіана* прокуратора, которая находится на маппалійской дорогѣ возлѣ рыбныхъ садковъ.

Св. Кипріана ученіе о церкви (стр. 203). Не можетъ имѣть Бога отцемъ тотъ, кто не имѣетъ церкви матерью. (Стр. 209—210). Святой Духъ отъ лица Божія въ пѣсни пѣсней обозначаетъ, что церковь едина и говоритъ: *едина есть голубица моя...* Нужно радоваться, когда худые члены отдѣляются отъ церкви, чтобы они не заразили голубицъ и овецъ *Христовыхъ* своимъ злокачественнымъ и

ядовитымъ прикосновеніемъ. Не думайте, чтобы добрые люди могли отдѣляться отъ церкви. Вѣтеръ не развѣваетъ зерна; буря не опрокидываетъ крѣпко укоренившагося дерева. Негодная шелуха разносится вѣтромъ; слабыя деревья вывертываются вихремъ.. Не можетъ быть мученикомъ тотъ, кто внѣ церкви.. не можетъ предать себя на мученіе такъ, кто не соблюлъ братской любви.

Міръ колеблется и падаетъ и свое разложеніе свидѣтельствуется не драхлостью, а уже послѣднею агоніею... Мы готовимся встрѣтить день, который водворитъ каждого въ его жилищѣ. Какое блаженство въ небесномъ царствѣ безъ страха смерти, — въ вѣчной жизни! Какое великое и постоянное счастье! Тамъ славный ликъ апостоловъ; тамъ сонмъ торжествующихъ пророковъ; тамъ неисчетное множество мучениковъ, увѣчаныхъ побѣдою послѣ борьбы и страданія.. Къ нимъ, любезнѣйшіе братья, поспѣшимъ съ пламеннымъ стремленіемъ: пожелаемъ какъ можно скорѣе быть съ ними, какъ можно скорѣе придти ко Христу.

Ч Т Е Н І Е С Е М Н А Д Ц А Т О Е.

Изъ Тертулліана (стр. 230). Когда Аррій Антонинъ въ Азіи производилъ настойчивыя розыски, всѣ мѣстные христіане явились предъ его трибуналами; тогда онъ, приказавъ арестовать немногихъ, сказалъ остальнымъ: „безумцы! если вы хотите умереть, то сами можете воспользоваться для этого веревками и висѣлицами“.

Ч Т Е Н І Е О С М Н А Д Ц А Т О Е.

Составъ римскаго клира въ 252 году (стр. 241). Епископъ одинъ, пресвитеровъ 40, дьяконовъ 7, иподьяконовъ 7, аколооовъ 42, заклинателей и чтецовъ вмѣстѣ съ привратниками 52.

Изъ посланія къ Диогнету о нравахъ древнихъ христіанъ (стр. 249—230). Христіане ни мѣстопребываніемъ, ни языкомъ, ни обычаями не отличаются отъ прочихъ людей. Живя въ эллинскимъ и варварскихъ городахъ, какъ кому пришлось, во внѣшнихъ приемахъ, въ одеждѣ, обхожденіи и прочемъ образъ жизни, они ведутъ себя, какъ и всѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживаютъ чудное и поистинѣ удивительное устроеніе своего общества. Они имѣютъ отчизну, но остаются пришельцами; они принимаютъ участіе во всѣхъ дѣлахъ, какъ граждане, но всездѣ пребываютъ, какъ чужіе. Всякая чужая отчизна для нихъ своя, и всякая своя отчизна — чужая. Они женятся, какъ и всѣ; имѣютъ дѣтей, но не бросаютъ своего порожденія; они живутъ въ плоти, но не по плоти: находясь на землѣ, они тѣмъ не менѣе состоятъ гражданами небесными. Они повинуются установленнымъ законамъ и своею жизнію стоятъ выше законовъ. Они любятъ всѣ и отъ всѣхъ терпятъ преслѣдованія. Ихъ не знаютъ, но осуждаютъ; ихъ умерщвляютъ, но они живы. Они бѣдны, но многихъ обогащаютъ... они всего лишаются, и всѣмъ изобилуютъ... ихъ прокли-

нають, и они благословляютъ... Просто сказать, что въ тѣлѣ душа, то въ мірѣ христіане. Душа разлита по всѣмъ членамъ тѣла. равно и христіане живутъ по всѣмъ городамъ міра. Душа обитаетъ въ тѣлѣ, но не тѣлесна; такъ и христіане живутъ въ мірѣ, но не принадлежать къ міру. Невидимая душа пребываетъ въ видимомъ тѣлѣ, такъ и пребываніе христіанъ въ мірѣ явно, но невидима ихъ религія. Плоть ненавидитъ душу безвинно и вокоетъ съ нею за то, что видитъ въ ней препятствіе для пользованія удовольствіями; ненавидитъ и христіанъ мірѣ безвинно за то, что они противятся удовольствіямъ. Душа любитъ враждебную плоть и члены тѣлесныя, такъ и христіане любятъ своихъ враговъ. Душа заключена въ тѣлѣ, но держитъ собою тѣло; такъ и христіане заключены въ мірѣ, какъ въ крѣпости, но держатъ собою мірѣ. Безсмертная душа пребываетъ въ смертномъ одѣянніи; такъ и христіане живутъ въ тлѣнной области, ожидая нетлѣннiа на небесахъ. Таковъ назначенный для нихъ Богомъ предѣлъ, противъ котораго возставать имъ не полагается.

Акты (вѣтъ можетъ апокрифическіе) о мученичествѣ актера Генезія (стр. 252—253). Однажды для потѣхи имп. Диоклетіана, которому какъ свирѣпѣйшему тиранну, христіане были ненавистны, актеръ Генезій хотѣлъ представить на сценѣ въ смѣхотворномъ видѣ таинство христіанскаго благочестія. Посему въ присутствіи императора и всего народа, лежа посреди театра какъ бы больной, Генезій просилъ крещенія въ таинхъ комическихъ выраженіяхъ: *эхъ друи, мнѣ тяжело, хочу облегчиться*. Другіе актеры отвѣчали: „какъ же мы облегчимъ тебя? развѣ мы столяры, чтобы обстрогать тебя?“ Эти слова возбудили въ народѣ смѣхъ. Генезій продолжалъ: *чудаки, хочу умереть христіаниномъ*. „Зачѣмъ?“ Генезій отвѣчалъ: *за тѣмъ, чтобы въ оный день я какъ бгльецъ обрѣтенъ былъ въ Божію*. Явился пресвитеръ и заклінатель, и Генезій внезапно по вдохновенію Божію увѣровалъ. Ибо когда тѣ сѣли около его постели и сказали: „чего ради послалъ ты за нами, чадо?“—Генезій уже не притворно и фальшиво, а отъ чистаго сердца отвѣчалъ: *я желаю принять благодать Христову, чтобы возродившись ею, избавиться отъ беззаконій моихъ*. Таинственные обряды были совершены, и облеченный въ бѣлыя одежды актеръ былъ схваченъ на сценѣ воинами и, подобно мученикамъ, былъ подвергнутъ розыску за Христа. Поставленный предъ императора на возвышенномъ мѣстѣ Генезій держалъ такую рѣчь: „Слушай, императоръ и все войско, мудрецы и народы сего города! всякій разъ, когда я видалъ христіанина или оглашеннаго, я чувствовалъ отвращеніе и издѣвался надъ твердостію исповѣдниковъ вѣры. Я отрекся отъ родителей и сродниковъ изъ-за ихъ христіанства, и осмѣивая христіанъ прилежно изучалъ ихъ таинства, чтобы изъ ихъ священнодѣйствія сдѣлать для васъ потѣху. Но когда вода коснулась моего обнаженнаго тѣла и на вопросъ о вѣрѣ я призналъ себя вѣрующимъ, то я увидалъ руку, сходящую на меня съ неба, и лучезарныхъ ангеловъ около меня, которые прочитали по книгѣ всѣ грѣхи, совершенные мною отъ дѣтства, и омыли ихъ въ той водѣ, въ кото-

рой въ виду вашемъ я былъ погруженъ, и показали затѣмъ мнѣ книгу бѣлѣе свѣга. И такъ императоръ, и вы всѣ народы, посмѣвавшіеся надъ сими таинствами, увѣруйте вмѣстѣ со мною, что Христосъ есть Господь, свѣтъ, истина, благодать и ради Него вы можете получить прощеніе.“

Изъ Тертуліана. ОБРАЩЕНІЕ КЪ ХРИСТ. ЖЕНЩИНАМЪ (стр. 255). Вы не ходите по капищамъ, не требуете зрѣлицъ, не знаете праздниковъ языческихъ боговъ... Всякій вашъ выходъ изъ дому имѣетъ важную причину. Нужно или посѣтить кого-либо изъ больныхъ братій, или огнести пожертваніе, или послужить при проповѣди Божіей.

О заклинателяхъ. Пусть будетъ поставленъ предъ вашими трибуналами, какой-либо человѣкъ, несомнѣнно одержимый демоновъ; и пусть христіанинъ, кто-бы онъ не былъ, заставитъ бѣса говорить: духъ, въ другомъ мѣстѣ ложно выдающій себя за бога, тутъ признаетъ себя демономъ по правдѣ... Если же демоны, которые не смѣютъ лгать христіанину, не признаютъ себя демонами: то на томъ же мѣстѣ пролейте кровь онаго дерзновеннѣйшаго христіанина.

за двѣ ~~десяти~~
Цѣна книги ~~четыре~~ руб. с.

Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ Игнатія Лувьяновича Тузова (С.-Петербургъ Бол. Садовая ул., д. Коровина № 16).

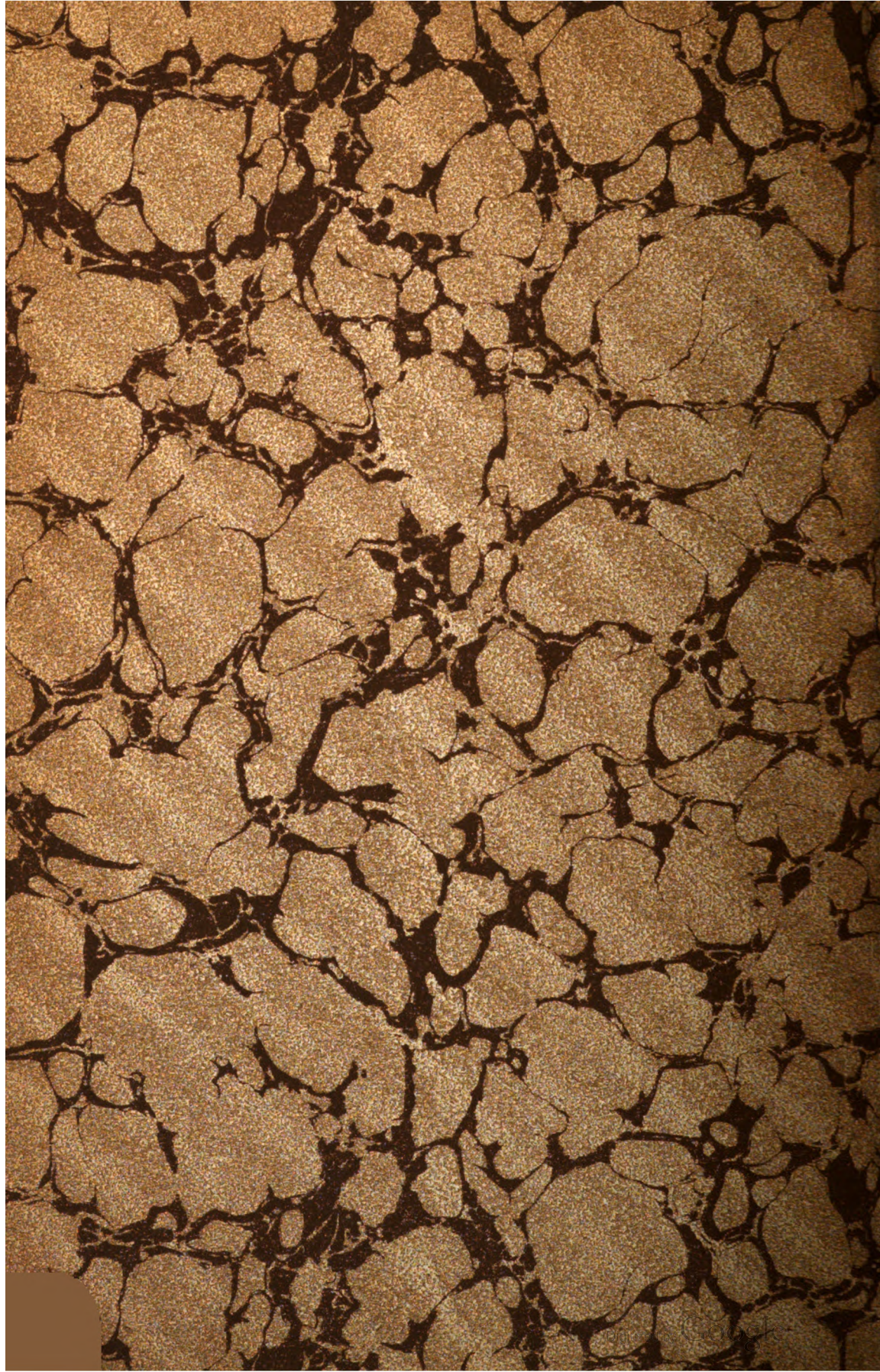
Печатается *Русская и иностранная библіографія къ исторіи восточной церкви въ періодъ всел. соборовъ*, (трудъ доцента казанск. дух. академіи С. А. Терновскаго), составляющая бесплатное приложеніе къ настоящей книгѣ.

На полученіе *Библіографіи* выдается билетъ.

Въ отдѣльную продажу *Библіографія* пущена не будетъ.

Имѣется еще въ продажѣ нѣсколько экземпляровъ *перваго выпуска руководства по церк. исторіи* подъ заглавіемъ: *первые три вѣка христіанства*. (Кіевъ 1878). Складъ 1-го выпуска у книгопродавца Н. Я. Оглобина въ Кіевѣ и Петербургѣ. Цѣна 1-го выпуска 1 р. 50 к. с.

Приготавливается къ печати *третій выпускъ руководства по церк. исторіи*, заключающій въ себѣ синхронистическое изложеніе *византійской и славяно русской церк. исторіи* отъ торжества православія до паденія Константинополя (842—1453 г.)

This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.

A fine is incurred by retaining it
beyond the specified time.

Please return promptly.

Library 003732652
44 081 782 757

